

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ВОСТОКУ.

I.

2000

2000

2000

2000

2000

VII
497

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ДАГЕСТАНУ И ЗАКАВКАЗЬЮ

М. БЕРЕЗИНА,

Профессора Казанскаго Университета, Магистра восточной словесности, Действительнаго Члена Русскаго Географическаго Общества и Общества любителей Отечественной словесности, Члена Азиатских Обществъ въ Парижѣ и въ Лейпцигѣ, Члена-Корреспондента Археологическо-Этнографическаго Общества, и проч.

1849.

КАЗАНЬ, у книгопродавца А. Мясникова.

МОСКВА, при конторѣ Москвитянина.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, у книгопродавца В. Исакова.

№ 41
10 50

107
78A

19

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 17
Іюня 1849.

Ценсоръ Срезневскій.

2004127609

Въ Университетской типографіи.

ДРУГУ МОЕМУ

ГРИГОРЬЮ СЕМЕНОВИЧУ

ХОТЕВУ.

Въ настоящемъ случаѣ было бы неумѣстно писать полную исторію восточнаго факультета при Казанскомъ Университетѣ, но необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ широкомъ и благотворномъ развитіи, которое получила эта отрасль знанія при Казанскомъ Университетѣ во время навсегда памятнаго управленія Казанскимъ учебнымъ округомъ Его Превосходительства М. Н. Мусина-Пушкина.

Поставленная на рубежѣ Европы съ Азіей Казань, по географическому положенію своему, призвана играть замѣтную роль въ промышленномъ и умственномъ развитіи Азіи. Эту важную мысль въполнѣ обнялъ Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ при вступленіи въ управленіе Казанскимъ учебнымъ округомъ въ 1827 году, когда при Казанскомъ Университетѣ существовала лишь одна кафедра арабско-персидская съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣйствія. Немедленно прозорливое и просвѣщенное внима-

ніе новаго Попечителя устремилось на распространеніе оріентальнаго знанія при Казанскомъ Университетѣ и на приготовленіе свѣдущихъ и безкорыстно преданныхъ наукъ преподавателей: благодаря неусыпному и всегда равно благодѣтельному стремленію къ этой прекрасной цѣли Михаила Николаевича, въ короткое время явились при Казанскомъ Университетѣ кафедры Монгольскаго, Турецкаго, Китайскаго Армянскаго и Санскритскаго языковъ. Какое изумительное развитіе, и все это мыслию одною дѣятеля, который имѣлъ счастье встрѣтить неизмѣнное участіе въ нынѣшнемъ Министрѣ народнаго просвѣщенія Графѣ Сергѣѣ Семеновичѣ Уваровѣ!

Но учреждая кафедры восточныхъ языковъ, щедро поощряя труды достойныхъ преподавателей, съ любовію слѣдя за ходомъ преподаванія, Михаилъ Николаевичъ въ то же время заботился и о томъ, чтобъ кафедры эти не были праздны, чтобъ положенное имъ прочное основаніе навсегда осталось непоколебимо и передавало бы изъ рода въ родъ его благотворную мысль: такимъ образомъ, для приготовленія къ преподаванію тибетскаго языка, от-

правленъ въ Пекинъ товарищъ мой по цѣлому университетскому курсу В. П. Васильевъ, Магистръ монгольской словесности, а для образованія преподавателей мусульманскихъ языковъ лестный выборъ Михаила Николаевича палъ на меня и на товарища моего Диттеля. Трое студентовъ одного курса въ одно время предназначались къ совершенію ученаго похода въ Азію !

По выдержаніи экзамена на магистра Восточной Словесности я былъ отправленъ съ В. Ф. Диттелемъ, по ходатайству М. Н. Мусина-Пушкина, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Гр. Министровъ, въ ученое путешествіе на Востокъ. Срокъ этому путешествію былъ назначенъ три года, путь обнималъ Персію, Месопотамію, Малую Азію, Сирію, Палестину, Египетъ и Европейскую Турцію, а предметъ изученія составляли преимущественно мусульманскіе языки: арабскій, персидскій и турецкій, а также древности мусульманскихъ государствъ, исторія и настоящая жизнь мусульманскихъ народовъ и вообще изслѣдованія объ Исламъ и его послѣдователяхъ. Для точнаго исполненія воли попечительнаго

Начальства, врученъ былъ намъ планъ путешествія, въ которомъ подробно излагались обязанности нашихъ занятій, распредѣлены были мѣста пребыванія, указаны самые важные предметы на пути. Этотъ планъ, въ свое время напечатанный подъ заглавіемъ: „Планъ ученаго путешествія по Востоку Магистровъ Казанскаго Университета Диттеля и Березина. Казань, 1841“ представлялъ слѣдующій маршрутъ: изъ Астрахани по Западному берегу Каспійскаго моря въ Тебризь, и далѣе въ Тегеранъ, Испаганъ и Ширазъ до Шапура; отсюда по берегамъ Эвфрата и Тигра въ Багдадъ, Мосуль, Діарбекиръ, и далѣе въ Семисать, Искендерунъ, Алеппо, Пальмиру, Бальбекъ, Дамаскъ, Акру, Яффу, Іерусалимъ и Газу; отсюда въ Александрію и Каиръ, а если можно и южнѣе; изъ Египта въ Смирну, Малую Азію, Константинополь и Европейскую Турцію. Главными мѣстами остановокъ назначены: Тебризь (два мѣсяца), Тегеранъ (два мѣсяца), Испаганъ (полтора мѣсяца), Ширазъ (два мѣсяца), Каиръ (два мѣсяца) и преимущественно Константинополь (десять мѣсяцевъ); остальное время трехлѣтія опредѣлялось на незначительныя остановки и на дорогу.

Сверхъ этого указателя мы снабжены были учеными пособіями, состоявшими въ необходимыхъ сочиненіяхъ и въ нѣкоторыхъ физическихъ инструментахъ, а на обезпеченіе путевыхъ издержекъ назначено было ежегодно каждому по 1350 руб. сер. и на приобрѣтеніе восточныхъ рукописей для Библіотеки Казанскаго Университета по 150 руб. сер. для полезнаго же выбора рукописей мы имѣли печатный каталогъ Г-на Академика Френа (перваго изданія, нарочно для нашего путешествія перепечатаннаго по распоряженію Г-на Попечителя) съ пояснительными указаніями нашихъ наставниковъ-Профессоровъ Эрдмана и Каземъ-Бека. Кромѣ того нѣкоторые ученые вопросы предложены были намъ для разрѣшенія въ путешествіи Гг. Академикомъ Броссе и Профессоромъ Эрдманомъ.

Такимъ образомъ обогащенные всѣмъ нужнымъ для ученаго путешествія по мусульманскому Востоку, въ Іюнь 1842 года оставили мы Казань, напутствуемые драгоцѣнными совѣтами и заботливымъ покровительствомъ Г-на Попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, который во все время тяжкаго и полнаго

разныхъ лишеній странствованія нашего по негостепріимному Востоку не переставалъ ободрять насъ своимъ лестнымъ вниманіемъ и укрѣплялъ цѣлительнымъ участіемъ не разъ ослабѣвавшую дѣятельность нашу и изнемогавшій духъ.

Труды мои и предметы занятій во время пребыванія на Востокъ болѣе или менѣе извѣстны изъ моихъ отчетовъ, печатавшихся въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета и въ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. По возможности я старался выполнить возложенную на меня обязанность — основательнаго какъ теоретическаго, такъ и практическаго изученія мусульманскихъ языковъ, знакомился съ Исторіей и жизнью Востока и на мѣстахъ повѣрялъ свои университетскія лекціи. Современемъ, когда дастъ Богъ окончу полное изданіе путешествія, я постараюсь составить обзоръ всѣхъ сдѣланныхъ мною пріобрѣтеній какъ для науки, такъ и для Университета.

Въ Іюль 1845 года мы возвратились въ Россію, и по представленіи своихъ сочиненій

въ С. Петербургскую Академію наукъ, заняли кафедры турецкаго языка въ С. Петербургѣ и въ Казани.

Неизбѣжныя профессорскія занятія отвлекали меня до прошлаго года отъ одного изъ пріобрѣтеній долгаго пребыванія на Востокъ — отъ моего путевого журнала, вести который во всю дорогу вмѣнили намъ въ твердую обязанность М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Между тѣмъ горестное событіе совершенно неожиданно поразило меня: товарищъ моего странствованія В. Ф. Диттель скончался довременно... Съ смертію его и для меня многое потеряно и обязанность моя стала несравненно труднѣе: я очутился единственнымъ отвѣтчикомъ въ этомъ огромномъ путешествіи, подобнаго которому еще не было предпринято по Азіи ни однимъ русскимъ изслѣдователемъ, да и изъ иностранныхъ такой примѣръ найдется не скоро. Каковы бы ни были ученые плоды этого странствованія, они могутъ сдѣлаться извѣстны не иначе, какъ постепенно и современемъ, но путевой журналъ не могъ и не долженъ былъ храниться долѣе въ моемъ кабинетѣ: оставшись одинокъ, тѣмъ скорѣе я долженъ былъ спѣшить изданіемъ въ свѣтъ дневника.

Многіе строгіе суды найдуть, можетъ быть, мою книгу некстати болтливой, но я печатаю ее для большинства читающей публики, а не для жрецовъ науки, и по-этому убѣгаю сухаго догматическаго изложенія: каждый ясно увидить, что это не болѣе, какъ путевоѣй дневникъ туриста съ извѣстною цѣлю, пополненный историческими и географическими изысканіями. Выше этого я и не желаю ставить свою книгу. — Въ изслѣдованіяхъ историческихъ и географическихъ я всегда старался избѣгать безплодныхъ, но не рѣдко рѣшительныхъ предположеній, не позволялъ себѣ поправлять тексты восточныхъ писателей для того, чтобъ оправдать какую-нибудь произвольную догадку. Къ чему? Область знанія такъ обширна, а Дагестанъ и Закавказье еще такъ мало извѣстны, что для работы описывателя найдется много положительныхъ фактовъ, и любопытныхъ и неподдѣланныхъ насильно. Кроме того я долженъ сказать, что планъ моего изданія первоначально былъ составленъ гораздо обширнѣе настоящаго: книга должна была печататься въ одно время и на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ, и уже дѣло по нѣмецкому изданію было окончено съ лейпцигскимъ

книгопродавцемъ Кирбахомъ , который самъ предложилъ мнѣ нѣмецкое изданіе еще въ 1847 году.

Если мой настоящій трудъ не обогатитъ сокровищницу наукъ ни однимъ полезнымъ прибавленіемъ, но если онъ разрушитъ одно или два заблужденія, — я и тогда буду утѣшенъ отрадною мыслью, что сколько-нибудь оправдалъ лестную довѣренность бывшаго моего начальника Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, которому принадлежитъ прекрасная мысль этого путешествія и который никогда не оставлялъ поощрять меня къ постояннымъ и полезнымъ трудамъ : ему, единственно ему принадлежитъ все, что найдется въ моей книгѣ достойнаго вниманія просвѣщенныхъ читателей!

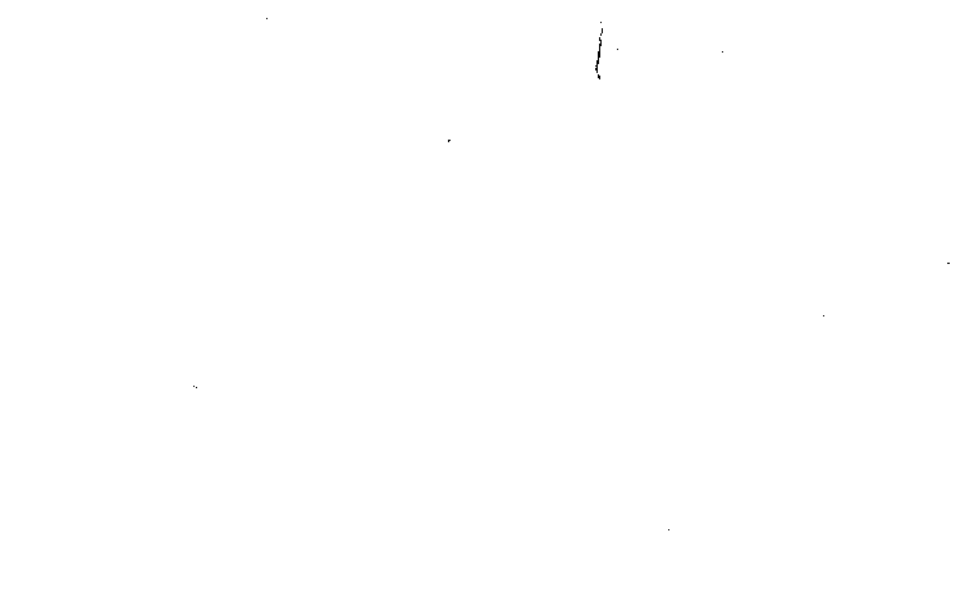
Н. Березинъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ДАГЕСТАНУ И ЗАКАВКАЗЬЮ.

I.

ОТЪ АСТРАХАНИ ДО ТАРХУ.

Das periodische, wenn gleich unregelmässig wechselnde Steigen und Fallen der Wasser des caspischen Meeres, wovon ich selbst in dem nördlichen Theile dieses Beckens deutliche Spuren gesehen, scheint zu beweisen, wie die Beobachtungen von Darwin in den Corallen-Meeren, dass, ohne eigentliches Erdbeben, der Erdhoden noch jetzt derselben sanften und fortschreitenden Oscillationen fähig ist, welche in der Urzeit, als die Dicke der schon erhärteten Erdrinde geringer war, sehr allgemein gewesen sind.

Humboldt, Kosmos, I, 314.

Жребій брошенъ: пароходъ «Астрабадъ» поднимаетъ якорь, и я отправляюсь въ далекій и трудный путь на Востокъ, въ отчизну Единой и Вѣчной истины и нелѣ-

ныхъ религіозныхъ заблужденій, практическихъ правоученій Саади и восторженной мечтательности Хафиза, въ страну усладительнаго шербета и умственнаго усыпленія, вѣчно благоухающихъ розъ и быстро увядающей красоты, самыхъ замысловатыхъ комплиментовъ и самой затѣйливой брани, невѣдомыхъ наслажденій и неожиданныхъ кивжалъныхъ ударовъ, въ страну, гдѣ, можетъ быть, судьба кинетъ мнѣ въ руки всесильную печать Соломона, которой безпрекословно повинуются всѣ духи, и я возвращусь въ родную землю на крыльяхъ баснословнаго Самурга, облеченный таинственною властью надъ невидимыми силами природы!

Однако, не смотря на неутолимую ничѣмъ жажду любви и на великолѣпныя затѣи воображенія, я съ грустью смотрю вдаль: не потому, чтобы меня привязывало къ родному краю что нибудь трудно разрываемое, не потому, чтобы мнѣ было здѣсь хорошо и отрадно, а впереди представлялись труды и лишенія, безъ печали не могу разстаться я съ знакомыми мѣстами; но потому что человѣка томитъ всякая неизвѣстность, что бѣдпакъ задумывается надъ каждымъ переходомъ отъ настоящаго къ будущему. Жалкое существованіе! И между тѣмъ это правда, и не вѣрите никому, кто отправляется въ странствованіе веселый и счастливый: это обманъ чувствъ, насильное раздраженіе нервовъ, а не душевная теплая радость. Самъ великій скиталецъ, нигдѣ не находившій себѣ если не отрады, то покоя, Байронъ, вотъ что поетъ передъ дальнею дорогой:

Fare thee well!—thus disunited
Torn from every nearer tie,
Sear'd in heart, and lone, and blighted,
More than this I scarce can die.

Не знаю, какимъ образомъ очутился я со всѣмъ сво-

имъ багажемъ на пароходѣ «Астрабадъ», и можетъ быть это умственное усиленіе продолжалось бы еще долго, если бы оглушающій шумъ и разнообразныя картины не выгнали изъ головы мрачныхъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было грустить, глядя на живописную панораму Астрахани, небрежно раскинувшейся по лѣвому берегу Волги, на широкую голубую ленту рѣки, сливающуюся съ яснымъ горизонтомъ, на стройный и густой лѣсъ мачтъ и на безоблачное небо съ яркимъ, полнымъ огня и силы солнцемъ! Множество лодокъ, какъ стая ласточекъ, кружились около парохода: кто провожалъ родныхъ, кто знакомыхъ, а иные и никого не провожали, хотя за-урядъ утирали слезы отъ чистаго сердца. «Астрабадъ» буксировалъ два судна съ десантомъ, назначавшимся въ одно изъ вновь устроенныхъ около Тарху укрѣпленій, и вокругъ этихъ судовъ носились многочисленныя лодки, нагруженныя нѣжными родственницами отплывающихъ воиновъ, а можетъ быть и не родственницами, и раздавались жалобныя прощанья на всѣ тоны отъ ut до si включительно. Родственная привязанность иногда доходила до того, что лодки подъѣзжали къ судамъ, и съ большою опасностью прицѣплялись гдѣ нибудь за бокъ, вдали отъ командирскаго глаза: тутъ начиналось новое и послѣднее прощаніе, при которомъ отчаяніе не обращало вниманія на равновѣсіе лодки, и поэтому нерѣдко трагическое разставанье Гектора съ Андромахой заключалось комическою пеною—холоднымъ купаньемъ. Оно и лучше: опасности въ этомъ ни какой не было, а истомленные чувства освѣжались.

Въ мірѣ всему есть конецъ: и прощанья имѣли ту же жалкую участь! «Астрабадъ» выкинулъ огромный столбъ дыма, колеса забороздили по гладкой поверхности Волги, испуганныя лодки безчисленными радіусами кинулись въ разныя стороны, и вотъ около полудня 23 іюля 1842 года я отплылъ въ Тарху.

Это было уже давно, но до сихъ поръ я помню тоскливый взоръ, брошенный мною назадъ: меня никто не провожалъ, обо мнѣ никто не жалѣлъ!... Печалень такой отъѣздъ!

Мнѣ представлялось два способа пробраться изъ Астрахани въ Тарху: или сухопутьемъ черезъ Кизляръ, или водой прямо въ Тарху. Я предпочелъ послѣдній путь по множеству причинъ, а болѣе потому, что до самаго Тарху я могъ плыть на пароходѣ скоро, спокойно, безопасно и безъ расходовъ, благодаря благосклонности астраханскаго начальства, а спокойствіе, безопасность и экономія въ путешествіи чрезвычайно важныя вещи. Притомъ же сухопутная дорога черезъ Кизляръ не представляетъ ничего занимательнаго, кромѣ изслѣдованій о кизлярской водкѣ и объ армянскихъ нравахъ, которые, для блага человѣчества, должны бы оставаться въ глубокой неизвѣстности.

Пароходъ «Астрабадъ», а вмѣстѣ съ нимъ и ваптъ покорный путешественникъ, въ настоящую минуту находится подъ командою Никонова; машина на пароходѣ только въ 40 силъ, и благодаря противному вѣтру и буксируемымъ судамъ, мы подвигаемся впередъ довольно медленно. Впрочемъ ни одинъ пассажиръ не жалуется на эту медленность: на пароходѣ собралось многочисленное общество, и время летитъ пріятно. Буфетъ «Астрабада» снабженъ роскошно, и щедрое гостепріимство офицеровъ парохода, не допускающихъ ни одного пассажира до собственныхъ издержекъ, неусыпно смотритъ за удовлетвореніемъ прихотей всѣхъ и cadaго. Въ каютъ-кампаніи кипятъ живая бесѣда и самоваръ, льется портеръ и каламбуры, возникаютъ споры и хлочають пробки: жизнь моряка представлялась мнѣ на первый разъ свѣтлой стороною своею; послѣ ознакомился я, къ крайнему моему сожалѣнію, и съ оборотною стороною медали. Лучше бы не знать ея, и довольствоваться одной поэзіей мореходства!

Разумѣется, въ качествѣ путешественника, я не упустилъ случая потолковать съ моряками о Волгѣ, внизъ по которой спускался теперь «Астрабадъ» къ Каспію, и всѣ были согласны, что эта славная рѣка, величаемая «матерью русскихъ рѣкъ», въ настоящее время начинаетъ терять свою долготѣнную знаменитость: съ каждымъ годомъ фарватеръ ея мельчаетъ отъ причинъ, доселѣ мало извѣстныхъ, такъ что старожилы, на глазахъ которыхъ совершается превращеніе, предсказываютъ ей печальную будущность. Этотъ непріятный фактъ не подверженъ сомнѣнію, и воды Волги уменьшаются даже въ верхнихъ предѣлахъ ея теченія; изъ наноснаго песку во многихъ мѣстахъ образуются острова. Можетъ быть это измѣненіе подлежитъ какому нибудь закону, и по истеченіи извѣстнаго термина Волга, главная артерія нашей промышленности, опять явится въ быломъ раздольѣ, а можетъ быть этотъ законъ и таковъ, что судоходство въ большихъ размѣрахъ по матушкѣ - Волгѣ прекратится. Какъ бы то ни было, исполненіе зловѣщаго предсказанія подвержено сильному сомнѣнію: довольно вспомнить жалобы Олеарія на мелководье Волги. Знаменитый путешественникъ показываетъ около многихъ острововъ не болѣе 5 футовъ глубины; въ настоящее же время фарватеръ Волги отъ Астрахани до взморья, на разстояніи слишкомъ 80 верстъ, имѣетъ въ пяти мѣстахъ обширныя отмели, изъ которыхъ самая мелкая глубиной до $4\frac{1}{2}$ футовъ. Изъ этого сравненія видно, что фарватеръ Волги современъ Олеарія если не прибавился въ глубину, то по крайней мѣрѣ не уменьшился. Такимъ образомъ дѣло объ оскудѣніи Волги мы сдаемъ въ архивъ сомнѣній.

Древніе народы и ихъ ученые имѣли очень неясныя понятія и самыя узкія свѣдѣнія о Волгѣ, которую они называли Ра (Rha), одинаково съ лекарственнымъ корнемъ, получаемымъ съ ея береговъ, ревешемъ. Птоломей первый изъ древнихъ географовъ сообщаетъ болѣе опредѣленные, хотя и не во всемъ справедливыя, свѣдѣнія о волж-

скомъ бассейнѣ подѣ именемъ Ра : по его описанію Волгу составляютъ двѣ рѣки, вытекающія изъ сѣверныхъ или гиперборейскихъ горъ, т. е. восточная или Кама, и западная или собственно Волга. По другому толкованію Птолемея смѣшиваетъ Волгу съ Дономъ, ошибка, въ которую впалъ, къ удивленію, и арабскій географъ Масуди. Спустя почти сто лѣтъ послѣ Птолемея, Волга является у Агаеме-мера (Agathemerus) подѣ именемъ Роса (Rhos) : на берегахъ ея живетъ народъ Росолане (Rhosolanae).

Такъ кончается древняя исторія Волги присвоеніемъ названія ея народу, обитающему на ея берегахъ.

У мусульманскихъ писателей, передавшихъ намъ много интересныхъ извѣстій, Волга является подѣ именемъ Итель, Атель, Этель, Идель. Арабскіе географы описываютъ Волгу съ большою подробностью и даже вѣрностью. Вотъ какъ напримѣръ рассказываетъ о нашей Волгѣ Заке-рія Казвини : «на сѣверѣ Хазарскаго моря течетъ Атель: это большая рѣка Хазарія, неуступающая величиною Тигру. Истокъ ея находится въ странѣ Руссовъ и Булгаровъ, а впадаетъ она въ море Хазарское (Каспійское). Люди свѣдущіе утверждаютъ, что эта рѣка дѣлится на 75 рукавовъ, изъ которыхъ каждый образуетъ большую рѣку. По причинѣ длиннаго ея теченія и множества впадающихъ въ нее рѣкъ, никогда не замѣтно ни перемѣны, ни уменьшенія ея воды. При впаденіи въ море, воды ея отличаются отъ морскихъ на пространствѣ двухъ дней, послѣ чего онѣ уже смѣшиваются съ морскими. Вода этой рѣки свѣжа и зимой замерзаетъ.» Какъ видите, еще Казвини, назадъ тому шесть вѣковъ, вѣрилъ въ неизсякаемость Волги ; отчего не вѣрить и намъ, для которыхъ полноводье этой рѣки составляетъ важное условіе процвѣтанія торговли и промышленности ? . . .

Названіе Атель не прошло Волгѣ даромъ, какъ и Русь:

по этому имени названа была столица Хазаровъ Атель или Итель, находившаяся около Астрахани, а географъ Казвини имя Атели распространяетъ и на страну, и на народъ. Русское названіе «Волга» принадлежитъ—я это говорю съ большимъ прискорбіемъ—не намъ, а Финнамъ, которые простерли свое уваженіе къ этой рѣкѣ до того, что называли ее «святой» (волга). Татарскіе писатели, безукоризненные мусульмане, слѣдуютъ этому же названію, не зная его значенія, и пишутъ «Волга—Идуль» (святая рѣка), на что, конечно, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы, если бъ проводилъ настоящій смыслъ этихъ словъ. Чтобъ не унижить названія «Волга» передъ двумя прежними Ра и Атель, скажемъ, что и въ его честь названъ городъ и народъ «Булгаръ», когда-то славившійся на волжскихъ берегахъ.

Покончивъ съ этимологическими разысканіями, я снова обращаюсь къ настоящему, и снова первый ворвавшійся въ мои изслѣдованія фактъ говоритъ объ уменьшеніи волжскихъ водъ: въ 1801 г. глубина рѣки около Астрахани была отъ 4 до 9 сажень при 773 сажень ширинѣ; нынѣ же Волга въ этихъ мѣстахъ гораздо мелководнѣе. На самой срединѣ ея подъ Астраханью образовался довольно большой островъ, а лѣвый берегъ, прежде скрывавшійся подъ водою, теперь усѣянъ строеніями. Въ астраханскихъ предѣлахъ Волга покрывается льдомъ въ концѣ Декабря, а очищается въ половинѣ Марта и въ началѣ Апрѣля. Весенняя вода начинаетъ разливаться въ Маѣ мѣсяцѣ, и прибываетъ до половины Іюня, а иногда и долѣе; обыкновенная высота ея доходитъ отъ 6 до 8 футовъ.

Обремененный буксированіемъ двухъ судовъ и стѣсняемый мелкимъ фарватеромъ «Астрабалъ» подвигался впередъ медленно, и только вечеромъ вошелъ въ чрезвычайно узкій протокъ Волги, называемый Маракуша: безъ всякаго преувеличенія два судна расходятся здѣсь не безъ труда. Въ

этомъ я убѣдился собственными глазами: на мое счастье какое-то купеческое судно шло вверхъ по Маракушѣ, и едва нашло себѣ мѣсто, чтобъ дать дорогу гордому пароходу.

Берега Волги ниже Астрахани убійственно скучны: необозримые камыши непрерывною цѣпью тянутся по островамъ, вдоль протоковъ Волги, до самаго моря; даже рыбныя ватаги г-на Сапожникова, встрѣчающіяся очень часто, только увеличиваютъ однообразіе и скуку панорамы. Въ камышахъ водятся во множествѣ комары и кабаны: первые едва ли не страшнѣе послѣднихъ, потому что противъ нихъ нѣтъ оружія, тогда какъ за кабанами охотятся безъ большей опасности обыкновенно зимой.

Впрочемъ мы плывемъ собственно не по Волгѣ, а по одному изъ ея рукавовъ, которыми она очень богата: на пространствѣ 120 верстъ вдоль морскаго берега текутъ въ море 72 рукава Волги, и всѣхъ ихъ Каспій признаетъ законными дѣтьми «матери русскихъ рѣкъ», всѣхъ ихъ равно пріемлетъ въ свои объятія! Старшаго изъ этихъ рукавовъ называютъ Ахтубой; онъ отдѣляется съ лѣвой стороны Волги, течетъ на пространствѣ болѣе 300 верстъ, и вмѣстѣ съ другимъ протокомъ Бузанью вливается въ море. Величественную картину представляетъ весной Ахтуба съ собственной Волгой, когда все пространство между двумя соперницами покрыто водой! Бузань вытекаетъ въ 50 верстахъ надъ Астраханью, и у Краснаго Яра соединяется съ Ахтубой. Болда отдѣляется въ 4 верстахъ выше Астрахани, и надъ Краснымъ Яромъ сливается съ другими протоками. Царева, Башмаковка, Камызякъ, Каныча, Иванчугъ, Новостанная, Кароколь, Бирюль, Чулпанъ, Бахтемиръ и другія мудренныя устья несутъ болѣе или менѣе обильную дань ненасытному Каспію. Число и величина этихъ протоковъ нерѣдко измѣняется, но во всякое время они многочисленны: еще Казвини насчитываетъ у Волги до семидесяти пяти рукавовъ.

Опасаясь посадить на мель буксируемый суда, «Астрабадъ» ночью остановился; къ счастью, благотѣльный вѣтеръ разнесилъ миряды комаровъ, извергаемыхъ прибрежными камышами, и пассажиры могли спать покойно. Не смѣйтесь надъ этимъ, по видимому, ничтожнымъ благополучіемъ: кто хоть разъ испыталъ, что такое волжскіе комары, тотъ никогда не будетъ отзываться о нихъ съ презрѣніемъ.

Утромъ 24 Іюля пароходъ достигъ до центральнаго карантина, и въ виду его сталъ на якорь; я выбѣжалъ на палубу, съ надеждою увидѣть море, но увы! Каспій прятался за Бирючьей косой. Это несносно: я никогда не видалъ моря, и вотъ день за днемъ долженъ откладывать свиданіе съ нимъ! За то передъ глазами моими находилась прославленная отмель Ракуша (С. Ш. $45^{\circ} 9' 30''$, В. Д. отъ Петербурга $18^{\circ} 29' 5''$), такъ названная отъ ракушекъ, составляющихъ здѣсь дно Волги, гроза судовъ, входящихъ изъ моря или выступающихъ въ море. Передъ ней-то остановился съ почтеніемъ нашъ пароходъ: не смотря на то, что «Астрабадъ» сидитъ въ водѣ только 5 футовъ, онъ не отважился идти черезъ ракушинскую мель, гдѣ въ штиль меньше 5 футовъ глубины, но при С. и Ю вѣтрахъ, нагоняющихъ воду сверху и снизу, глубина оказывается удовлетворительная.

Раздался свистокъ—и съ корпуса «Астрабада» отдѣлилась шлюпка, или, по выраженію Персіанъ, «огненное судно родило другое попоуще и поменьше». вмѣстѣ съ гостепріимнымъ хозяиномъ «Астрабада» я отправился на другой пароходъ «Каму», стоявшій за Бирючьей косой. Хотя шлюпка идетъ очень неглубоко въ водѣ, однако мы должны были постоянно находиться въ почтительномъ отдаленіи отъ Бирючьей косы, потому что сажень на 300 отъ берега глубина не болѣе фута. По необходимости надобно

держаться фарватера, имѣющаго отъ 5 до 7½ футовъ глубины, и означеннаго для всеобщаго свѣдѣнія вѣхами.

Прыгая по высокимъ волнамъ, бѣжавшимъ съ моря въ Волгу, шлюпка наша обогнула Бирючью косу, на которой расположенъ центральный астраханскій карантинъ, и вышла въ море. Я жадно озиралъ раскинувшееся передо мной широкое ложе Каспія, но что я думалъ въ это время, какія впечатлѣнія пронеслись по моимъ нервамъ, право не помню. Всего вѣроятнѣе, что мной овладѣло неопредѣленное чувство робости, унынія, пожалуй даже страха, въ виду такой необъятной массы водъ, разбѣгавшейся въ нескончаемыхъ волнахъ. Впрочемъ некогда было восторгаться моремъ: шлюпка пристала къ пароходу «Камѣ», и я очутился опять въ незнакомомъ морскомъ мірѣ, съ которымъ, однако, гораздо легче и скорѣе знакомишься, чѣмъ съ церемоннымъ сухопутьемъ. «Камой» командовалъ капитанъ-лейтенантъ 1-го ранга, нынѣ контръ-адмиралъ, Путятинъ, совершившій съ этимъ судномъ плаваніе почти по всему Каспію.

Съ перваго же шага на «Каму» я почувствовалъ разницу между морскими и рѣчными пароходами: на «Камѣ» все кипѣло дѣятельностію, весь экипажъ непрерывно былъ въ движеніи, хотя пароходъ стоялъ неподвижно, всѣмъ находилась работа. Другая разница извѣстна подробно гострономамъ, имѣвшимъ случай совершать морскіе и рѣчные походы: для меня она осталась незамѣченной. Но самое чувствительное различіе, существующее между моремъ и рѣкой, вскорѣ оказалось на всемъ моемъ брэнномъ естествѣ: голова у меня закружилась, сильный запахъ каменнаго угля непріятно шекоталъ мой носъ, что-то невѣдомое рвалось изъ меня наружу.

Всякій догадается, что это дѣйствовала на меня морская качка. Я возненавидѣлъ море, и бѣжалъ съ палубы

въ каютѣ-компанію!.. Напутствуемый благотѣльными совѣтами опытныхъ моряковъ, я улегся здѣсь на спяиѣ неподвижно, закрылъ глаза, и принялся думать.... о чемъ, это бесполезно вамъ знать, а я лучше расскажу о каспійской торговлѣ.

Прежде эта торговля была очень значительна, но по-немногу спустилась на 3—4 милліона рублей. Этому паденію содѣйствовали многія причины: чтобъ не приписали мнѣ великаго дара отдѣлываться въ важныхъ вопросахъ неопредѣленными выраженіями, я перечислю эти причины въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщаются въ моей головѣ.

Во-первыхъ, на Каспійскомъ морѣ плаваютъ, притомъ въ небольшомъ числѣ, очень плохія суда, подѣ управленіемъ самыхъ невѣжественныхъ шкиперовъ: отъ этаго рейсы бываютъ продолжительны, суда нерѣдко при сильныхъ штормахъ разбиваются, и купцы со страхомъ вручаютъ свои товары неугомонному Каспію. Эта важная причина можетъ быть устранена заведеніемъ на Каспійскомъ морѣ пароходовъ для взаимныхъ сообщеній нашихъ каспійскихъ портовъ и для торговыхъ сношеній съ Персією, что уже и сдѣлано попечительнымъ правительствомъ: остается только пустить въ оборотъ капиталы и русскую сметливость.

Во-вторыхъ, устья Волги не представляютъ удовлетворительной глубины для нагруженныхъ судовъ, которыя по необходимости должны ограничиваться для выхода въ море и входа въ рѣку всепнимъ полноводьемъ; при такомъ важномъ неудобствѣ, суда нагружаются или разгружаются въ открытомъ морѣ съ большими издержками и опасностями. Медленность въ выходѣ и приходѣ товаровъ производить въ торговлѣ застой. Помочь этому горю не такъ-то легко: нужно перевести астраханскую гавань

на взморье, но города переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто безъ труда только въ плохихъ географическихъ учебникахъ. Не смотря на то, что мѣстность Астрахани не имѣетъ, по моему сужденію, ничего привлекательнаго, напротивъ даже представляетъ большую вѣроятность гибельнаго надводненія, какъ и случилось въ Октябрѣ 1790 года, когда Ю. В. вѣтеръ нагналъ воду съ моря, и потопилъ большую часть улицъ и окрестности Астрахани на 120 верстъ, не смотря на это, коренные Астраханцы не соглашались покинуть родное гнѣздо.

Въ-третьихъ, пониженіе торговли зависитъ отъ разстройства персидскаго управленія, отъ упадка кредита въ Персіи, отъ недостатка капиталовъ и труда. Этому бѣдствію можетъ помочь, сколько мнѣ извѣстно, персидское правительство.

Въ-четвертыхъ, недостатокъ русскихъ капиталовъ для персидской торговли отдаетъ ее всю въ руки Персіанъ и Армянъ, думающихъ больше объ огромныхъ и скорыхъ барышахъ, чѣмъ объ утвержденіи солидной торговли. Кто имѣетъ возможность устранить эту причину, да устранитъ!

Въ-пятыхъ, торговлю нашу съ Персіей подрываютъ огромныя массы англійскихъ товаровъ, идущія съ сѣвера черезъ Константинополь и Трапизонтъ въ Тебризъ и всю Персію, а съ юга черезъ Ширазъ въ Тегеранъ и опять всю Персію. Кто можетъ облегчить, если не совсѣмъ уничтожить, такое зло—я имѣю особенныя причины называть это зломъ—мнѣ не извѣстно, однако я достовѣрно знаю, что единственная торговля, существовавшая въ Тебризѣ, шуйскихъ купцовъ Посылинныхъ, давнымъ давно прекратилась.

Въ-шестыхъ но мнѣ не хотѣлось бы высказывать эту причину! Въ-шестыхъ, русскіе купцы и фабри-

канты считаютъ всѣхъ «послѣдователей» (Шинтовъ) простаками, и поэтому посылаютъ имъ всевозможную дрянь, оборъ самыхъ дурныхъ товаровъ, въ предположеніи, что «сойдетъ съ рукъ». На дѣлѣ выходитъ на оборотъ. Не такъ дѣйствуютъ на сѣверѣ Персіи псевдо—Англичане: они заказываютъ персидскимъ мастерамъ рисунки для матерій въ персидскомъ вкусѣ, отсылаютъ эти рисунки въ Англію, и получаютъ оттуда хорошей доброты матеріи съ оригинальнымъ персидскимъ десеномъ, при видѣ котораго «послѣдователи», поглаживая бороду, восклицаютъ въ недоумѣніи: «Вахъ, вахъ! что это такое»?

Кажется довольно набралось причинъ, по которымъ каспійская торговля находится въ жалкомъ положеніи; для полноты трактата можно прибавить еще открытіе порта въ Редутъ-Кале, обратившее всю жизненную силу Кавказа и даже Закавказья въ эту гавань. Впрочемъ такое учрежденіе составляетъ только переводъ, а не ослабленіе торговли.

Однако я ни сколько не раздѣляю искусительной мысли о громадныхъ выгодахъ для Россіи отъ развитія каспійской торговли и о золотоносной будущности, ожидающей насъ у восточныхъ и южныхъ береговъ Каспія. Правда, что къ этому морю прилегаютъ наши богатые закавказскія области, для сообщенія съ которыми Каспій имѣетъ удобную гавань Баку; правда, что на сѣверѣ моря находится Астрахань, сообщающаяся очень свободно и съ Азовскимъ и съ Чернымъ морями; правда, что съ восточнаго берега Каспійскаго моря Россія можетъ протянуть руку и въ Хиву и въ Бухару, а если угодно, и дальше; правда, что южные берега Каспія, обладающіе двумя гаванями Ензели и Астрабадомъ, открываютъ внутренней Россіи сообщеніе съ цѣлой Персіей, а если угодно, и съ цѣлой Азіей; правда, что Каспійское море есть самый прямой, самый натуральный, самый дешевый проводникъ торговли Россіи съ внутренней Азіей; все это правда, тысячу разъ

правда. Но не будемъ пристрастны, не будемъ унижать себя, не будемъ и закрывать глаза на свои недостатки, выскажемъ и другую правду, не столь пріятную, но не менѣе достовѣрную. Для того, чтобъ русская торговля процвѣла въ Азіи, русской промышленности необходимо стать, если не въ-уровень, то близко съ западной европейской: кому не извѣстно, что русскія мануфактурныя издѣлія до нынѣ не могутъ выдержать соперничества съ иностранными, болѣе всего съ англійскими, хотя ослѣпленные патріоты и кричатъ совсѣмъ другое? Одними сырыми нашими произведеніями въ Азіи не много наторгуешь: у Азіятца другія потребности, и нашего хлѣба, сала и пеньки ему не нужно. Но не отъ одного успѣха русскихъ мануфактуръ зависитъ успѣхъ каспійской торговли: положимъ, что наши товары уронили Альбіонъ въ мѣшнѣи Азіятцовъ, вещь почти несбыточная, — все же азіятскіе рынки представляются русской торговлѣ окруженные туманомъ. Всѣ сухопутные торговые пути отъ Каспія въ Азіи подвержены большимъ затрудненіямъ и опасностямъ: только энтузіастамъ Гератъ и Кабулъ кажутся соединенными съ Каспійскимъ моремъ непрерывнымъ шоссе, а по собраніи точныхъ свѣдѣній обнаруживается, что пути сообщенія, кромѣ физическихъ трудностей, вездѣ грозятъ опасностью отъ придорожныхъ промышленниковъ. Если нельзя ручаться за безопасность товаровъ, развозимыхъ въ Персіи по большимъ трактамъ, то какъ же можно отвѣчать за восточные берега Каспія и за внутреннюю Азію?

Но я знаю, что мнѣ укажутъ на древнюю торговлю Каспійскаго моря, когда обильные капиталы переносились по его берегамъ. На это довольно замѣтить, что Тюркистанъ и внутренняя Азія находились тогда въ мощныхъ рукахъ, что тогда процвѣталъ здѣсь трудъ, и одинъ не жилъ на счетъ другаго. Тѣ времена прошли!

Пусть же Шевалье Гамба, заклятый врагъ Англіи,

какъ и слѣдуетъ настоящему Французу, мечтаетъ о соединеніи каспійской торговли съ персидскимъ заливомъ, Индіей и Аравіей: предоставимъ ему сладкое заблужденіе! Я довольно постранствовалъ по Востоку, довольно насмотрѣлся на тамошніе порядки, и знаю то, что знаю! Каспійская торговля для насъ всегда будетъ очень выгодна и очень важна, но и этихъ выгодъ слишкомъ довольно для поощренія капиталовъ и труда, и нѣтъ никакой надобности бросаться въ утопіи.

Изъ Персіи привозится къ намъ шелкъ, хлопчатая бумага, марена, бумажныя, шелковыя и шерстяныя издѣлія, москотильные товары, рисъ, фрукты; вывозятся же изъ Россіи желѣзо, мѣдь, разныя металлическія издѣлія, выдѣланныя кожи, и проч.

Утомленный однообразнымъ качаніемъ парохода, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе мичмана Ж..... ова прогуляться въ небольшой лодкѣ на Бирючью косу. Странная вещь: тѣ же самые валы, отъ которыхъ въ тактъ кадрили раскланивается съ моремъ «Кама», кидаютъ вверхъ и внизъ нашу лодочку, но голова моя уже не кружится, и я чувствую себя отрадно. Изъ этого съ достовѣрностію можно заключить, что плавать по морю пріятно лишь въ маленькой лодкѣ: разумѣется, безопасность въ сторону.

При переѣздѣ съ «Камы» на Бирючью косу я имѣлъ случай лично удостовѣриться въ мелководьи воляжскаго устья: еще за 100 сажень отъ берега веслы начали задѣвать за песчаное дно, а вскорѣ привелось вести лодку за носъ. Тогда только я повялъ, отчего Мичманъ Ж..... овъ выбралъ такую маленькую посуду! Къ сожалѣнію, мы добрались до суши поздно вечеромъ, и я не имѣлъ возможности осмотрѣть здѣшній карантинъ.

Прежде въ Астраханской губерніи было два карантинъ:

1) водный, со стороны Персии, при селеніи Бертулѣ, въ 3 верстахъ отъ Астрахани внизъ по Волгѣ. Къ нему принадлежали заставы: Сѣластовская, въ 70 верстахъ близъ моря, и Башмаковская, въ 12 верстахъ отъ Астрахани. 2) Сухопутный, называвшійся Танакскимъ, со стороны Кавказа, въ 7 верстахъ отъ Астрахани, на горной сторонѣ; при немъ состояла Зинзилинская застава въ 70 верстахъ отъ города. Сверхъ того была еще Царицынская застава и карантинная брандвахта. Потомъ, по неудобству этого устройства, хотѣли перенести карантинъ на Крестовскій бугоръ, во 100 верстахъ отъ Астрахани. Съ 1831 года устроили центральнѣй карантинъ на взморьѣ, на острову Бирючья коса, по правиламъ, Высочайше утвержденнымъ въ 1818, 1831 и 1837 годахъ, со штатомъ изъ 23 чиновниковъ. Недалеко отъ карантина стоитъ брандвахта или наблюдательное судно. Кромѣ того при карантинѣ находится отдѣленіе опеки салыанскихъ рыбныхъ промысловъ, заведывающее продажей присылаемой съ промысловъ рыбы.

Вотъ все, что я могу сказать объ устройствѣ астраханскаго центральнаго карантина: жалѣю, что не могу быть для него ни Уманцемъ, ни Рафаловичемъ, которые такъ обстоятельно описали намъ черноморскіе карантинны.

На слѣдующее утро въ 9-мъ часу пароходъ «Кама» началъ разводить пары, а въ половинѣ одиннадцатаго вышелъ въ море. Берега мало по малу понижались въ нашихъ глазахъ: одинъ Четырехъ-бугорный маякъ (С. III. 45° 21' 24", В. Д. отъ Петербурга 17° 22' 50"; западное уклоненіе компаса 2° 30' 7") долго оставался въ виду. Этотъ маякъ построенъ на острову того же имени, для предостереженія судовъ отъ прибрежныхъ мелей.

Пароходъ «Кама» только что совершилъ, подъ личною командою нынѣшняго контръ-адмирала Путятина, отважную экспедицію къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря;

многіе участники этого достохвальнаго похода не покинули еще «Камы», и каютъ-компанія оживлялась разсказами о недавнемъ подвигѣ.

Такъ какъ эта экспедиція произвела сильное впечатлѣніе на отчаянныхъ корсаровъ Каспійскаго моря—Тюркменовъ, и принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ походовъ русскаго моряка, то я беру на себя смѣлость разсказать о ней то, что мнѣ извѣстно.

Начнемъ съ начала.

Восточные берега Каспійскаго моря, обитанные природою, издавна славились разбоями. Мы не знаемъ о поведеніи Дербиковъ, Песиковъ и другихъ страшныхъ нарсдовъ, помѣщаемыхъ на восточномъ берегу Каспія Помпониемъ Мелюю, Дионисіемъ Перигетомъ, Плиніемъ, Птоломеемъ и прочими знаменитостями древней географіи, но что касается до нынѣшнихъ обитателей этого края Тюркменовъ и Киргизовъ, такъ страсть ихъ къ грабежу и разбоямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. На сѣверѣ Каспійскаго моря безпечность и самоудѣльность русскихъ рыбопромышленниковъ даютъ случай упражняться въ разбояхъ, около бывшихъ устьевъ Эмбы, кочующимъ по близости Киргизамъ и Тюркменамъ, и ежегодно сбывать въ Хиву значительное число жертвъ русскаго «авось»; на югѣ Каспія тюркменскія племена, кочующія по берегамъ Гургана и въ сосѣднихъ мѣстахъ, со славою и съ большою пользою охотятся за Персіянами. Въ послѣднее время хищничество на сѣверѣ Каспія, благодаря бдительности Русскаго Правительства, затихло, но какъ бы взамѣнъ оно развилось на югѣ. Не говоря о частыхъ вторженіяхъ кочевыхъ Тюркменовъ въ Астерабадскую провинцію для ловли людей и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ Хивѣ, прибрежные Тюркмены завели у себя, сколько для торговли, столько же и для корсарства, до 200 лодокъ и киржимовъ или

каботажныхъ судовъ. Притѣсненные Персіане, не имѣющіе военнаго флота на Каспійскомъ морѣ, громко возопіяли; Персидское правительство жаловалось Русскому; къ тому присоединились еще собственные запутанныя дѣла Русскихъ съ Тюркменами этого края—и вотъ капитанъ 1-го ранга Путятинъ отправленъ съ вооруженнымъ пароходомъ «Камой» для разъясненія сношеній Русскихъ и Персіанъ съ Тюркменами и для наказанія виновныхъ.

Юговосточный край Каспійскаго моря заселенъ тремя тюркменскими племенами: Юмудъ, Кукланъ и Тикэ, взаимно враждебными. Эти главныя племена имѣютъ новыя подраздѣленія; каждое общество управляется Ханомъ или Аксакаломъ (старшиною). Такъ какъ окрестная природа бѣдна, то и Тюркмены богаты только стадами, и заботятся только о лошадяхъ и оружіи, какъ вѣрномъ средствѣ разбогатѣть на счетъ Персіанъ. Живущіе на персидской границѣ осѣдлые Тюркмены признаютъ нѣкоторую зависимость отъ Персіи, но кочующіе далѣе въ степи не знаютъ ничьей власти, и свободно занимаются перепродажею персидскихъ плѣнныхъ Хивинцамъ. По словамъ Тюркменовъ отъ моря до Хивы семь дней пути черезъ степи.

Изъ тюркменскихъ племенъ Юмуды, число которыхъ восходитъ, какъ мнѣ говорили, до 14,000 кибитокъ, въ послѣднее время, по измѣнившимся отношеніямъ Каджарской династии, когда-то обязанной Тюркменамъ своимъ спасеніемъ, къ тюркменскимъ племенамъ, явились неумолимыми врагами Персіанъ. Хотя тюркменская храбрость подлежитъ немалому сомнѣнію, но такъ какъ съ другой стороны персидское мужество извѣстно всѣмъ и каждому, то кочевые Юмуды безъ большихъ потерь били Персіанъ въ разсыпную, и захватывали много плѣнныхъ.

Это на сушѣ.

На морѣ подвиги Тюркменовъ были столь же выгодны: киржими тюркменскіе, подѣ видомъ торговли, успѣшно промышляли корсарствомъ.

Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой охотѣ на Персіянъ явился Яхши-Мухаммедъ, глава курскаго онлука въ обществѣ Нуръ-Али рода Джафаръ-Беевъ племени Юмудовъ. Такой длинный титулъ, а главное интересный промыселъ корсара даютъ Яхши-Мухаммеду право на нѣкоторое вниманіе образованнаго міра, и мы займемся имъ съ исторической подробностью.

Отецъ Яхши-Мухаммеда Кіятъ-Ага первоначально владѣлъ у Серебрянаго бугра (Гюмюшт-Тепеси) около персидской границы, но не поладивъ съ Персіянами, онъ бросилъ большую часть своего имуществъ и принадлежавшія ему рыбныя ловли около Астрабада, и ушелъ на островъ Челеганъ (омоченный), а вслѣдъ за нимъ перебрался и онлукъ его. Мало по малу образовалось здѣсь небольшое владѣніе изъ 180 кибитокъ, подчиненное Кіятъ-Агѣ.

Опасаясь мненія Персіянъ, Кіятъ-Ага прибѣгъ подѣ покровительство Россіи, и за разныя услуги получить, по представленію Ермолова, золотую медаль отъ Императора Александра. Старшій сынъ Кіятъ-Аги Яхши-Мухаммедъ, герой нашего разсказа, долгое время находился въ Тифлисѣ, выучился русскою грамотѣ, перенялъ европейское обхожденіе, и возвратясь на Челеганъ, принялъ въ свои руки торговлю острова отъ устарѣвшаго Кіятъ-Аги. Черезъ два года по возвращеніи Яхши-Мухаммеда изъ Тифлиса, посѣтилъ Челеганъ извѣстный нашъ академикъ Эйхвальдъ, отзывающійся въ своемъ сочиненіи съ большими похвалами о вѣжливости, цивилизованности и гостепріимствѣ курскихъ владѣльцовъ. Кромѣ того Кіятъ-Ага оказалъ услуги и другому нашему странствователю Муравьеву.

Много утекло воды съ тѣхъ поръ—это было въ 1825

году—какъ Г-пъ Эйхвальдъ видѣлъ Яхши-Мухаммеда образованнымъ и миролюбивымъ владѣтелемъ Челегана : вѣрно тишина и однообразная жизнь надоели Яхши-Мухаммеду, и предприимчивый Тюркменъ очутился опять на старыхъ кочевьяхъ около залива Хасанъ-Кули. Ператство на морѣ и хищничество на сушѣ вскорѣ доставили ему завидную извѣстность между Тюркменами, и навели страхъ на Персіянъ. Трусливые поборники Али, слѣдуя своей любви къ метафорамъ, въ ужасѣ рассказывали, что у всего семейства Яхши-Мухаммеда постели набиты кудрями убитыхъ Персіянъ, что въ сравненіи съ такимъ Персоѣдомъ самъ Афрасіабъ—овечка !

Упоенный успѣхами въ безпомощной Астерабадской провинціи, Яхши-Мухаммедъ обнаружилъ и въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими чистую тюркменскую жадность: возникло темное дѣло между нимъ и русскимъ торговцемъ Герасимовымъ, которое, по самоуправству Яхши-Мухаммеда, нельзя было кончить иначе, какъ оружіемъ.

Появленіе русскаго военнаго судна въ заливѣ Хасанъ-Кули, гдѣ до тѣхъ поръ еще не видали русскаго флага, навело страхъ на Тюркменовъ : они освободили задержаннаго ими Герасимова, выдали своего главу Яхши-Мухаммеда, а за корсарство и неуваженіе русскаго имени заплатились многими кирпичами съ товаромъ, которые были сожжены. По совершеніи этого подвига Г-нъ Путятинъ отвезъ Яхши-Мухаммеда въ Баку, а самъ возвратился къ устью Волги.

Такъ кончилась экзекунція !

Покаместъ я слушалъ рассказъ о тюркменскомъ походѣ, «Кама», пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняла, для подпора машинѣ, парусъ; буксируемые «Камои» два транспорта съ десантомъ «Кура» и «Кума» также распустили паруса, и мы шли по 5 и по 5½ узловъ въ часъ, что для

небольшаго парохода, при сильномъ волненіи, очень довольно. Въ шестомъ часу пароходъ прошелъ подлѣ Чистой банки, гдѣ тянется отмель въ 7, 9 и 11 футовъ глубины; для безопасности плавательсіи здѣсь постоянно стоитъ военный бригъ, зажигающій ночью вѣстовой огонь. Отмель находится въ 40 миляхъ отъ Барючей косы.

Вечеромъ началась сильная боковая качка: сносите-ли она килевой, я право не могу рѣшить, даже выслушавъ огромный трактатъ объ удобствахъ—я только не выку какихъ—и неудобствахъ той и другой качки, но во всякомъ случаѣ нашъ братъ сухопутный представляетъ въ это время прежалкую фигуру. Говорятъ, что это здорово: Богъ съ нимъ, съ такимъ здоровьемъ. Судно наше было невелико, и волны играли имъ, какъ мячикомъ; большая часть пассажировъ скрылась въ трюмъ, только непреклонные перелѣ всѣми капризами моря Гг. Путятинъ и Нечаевъ спокойно расхаживали по баку. Я находилъ единственное спасеніе въ томъ, что лежалъ на спивѣ, закрывъ глаза. Что жъ дѣлать? Вѣдь я путешествую!

На слѣдующее утро я выбрался кое-какъ на палубу; береговъ не видно, море бушуетъ, крѣпкій попутный вѣтеръ погоняетъ пароходъ, и волны по прежнему перекадываютъ его съ боку на бокъ, но я уже нѣсколько привыкъ къ качкѣ, я переношу ее съ меньшимъ страданіемъ и съ большимъ героизмомъ.

Такъ я въ открытомъ морѣ: кругомъ меня только голубыя волны и голубое небо. Взоръ назадъ пробѣгаетъ огромное пространство, и не различитъ вдали границу воды съ воздухомъ, моря съ небесами; слухъ напрасно ждетъ другихъ звуковъ, кромѣ глухаго шума волнъ и непонятнаго разговора вѣтровъ съ рангоутомъ. Привѣтствую тебя, Касій, въ грозномъ твоёмъ величій! Одинокій, всегда въ безплодномъ волненіи, о чемъ таинственно рассказываешь

ты, когда съдья кудри твои расчесываетъ вихорь, на что ропщешь ты у дикихъ и пустынныхъ береговъ? Никто не понимаетъ твоей угрожающей жалобы!

Отдавши неизбежную дань удивленія Каспію, я нырнулъ въ самую глубь географическихъ извѣстій объ этомъ морѣ, и вотъ что вынесъ съ собой на поверхность:

Каспійское....

Но позвольте: естествоиспытатели совершенно сбили меня съ толку! Я не знаю, я не рѣшаюсь, какъ мнѣ величать Каспій: моремъ или озеромъ? По чувству уваженія къ нему я готовъ называть его моремъ; но по строгому опредѣленію, которое великіе уставщики наукъ даютъ морю, его слѣдуетъ называть озеромъ. Такъ какъ въ настоящую минуту мое существованіе зависитъ отъ прихоти Каспія, то я изъ личныхъ расчетовъ принимаю первое названіе, на зло всѣмъ географамъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Притомъ же общее употребленіе издавна окрестило Каспій названіемъ моря.

Древніе географы называли Каспійское море Гирканскимъ по имени народа, обитавшаго на южномъ берегу его; арабскіе писатели называли его Хазарскимъ по имени Хазаръ, жившихъ на С. В. берегу; въ русскихъ лѣтописяхъ Каспій извѣстенъ подъ именемъ моря Хвалынскаго или Хвалисскаго также по названію народа, жившаго при устьяхъ Волги; Грузины называютъ его Курчинскимъ моремъ, Китайцы Западнымъ, а Персіане иногда Гурги отъ рѣки Гурганъ, впадающей въ Каспій на Ю. В. берегу, а чаще Хазарскимъ или Мазандеранскимъ; послѣднее названіе, происходящее отъ персидской провинціи на Ю. берегу Каспійскаго моря, принято также и у Турковъ. Каспійскому морю не посчастливилось на имя: каждый называлъ его по-своему, и притомъ въ честь сосѣдняго съ моремъ народа! Посмотримъ, лучшая-ли судьба постигла его въ географіяхъ.

Геродотъ, первый повѣствователь о Каспійскомъ морѣ, и Аристотель называютъ его озеромъ. Во время Эрастомена, Гиппарха, Страбона и Плинія младшаго Каспійское море изъ озера было разжаловано, Богъ вѣсть за какую вину, въ заливъ Сѣвернаго океана, а Поликлеть унижаетъ Каспійское море даже до неблагородной степени болота. Птоломей отдалъ Каспію надлежащую честь, назвавъ его моремъ, однако вѣрныхъ понятій о Каспійскомъ морѣ не видно у западныхъ писателей до X вѣка нашей эры.

Китайцы познакомились съ Каспіемъ за 66 лѣтъ до Р. Х.

Арабскіе географы знали Каспійское море довольно основательно, хотя понятія географовъ древности перешли и къ нимъ; вотъ какъ описываетъ его Закерія Казвини, заразившійся идеею Птолемея о сообщеніи Каспія съ другимъ моремъ и о длинѣ его отъ Запада къ Востоку:

«Море Хазарское не есть часть океана или другаго моря, но оно течетъ въ океанъ черезъ Константинопольскій проливъ. Это море чрезвычайно широко, ибо оно омываетъ Хазарію, Дейлемъ, Табаристанъ, Грузію и степь, называемую Сіагъ-Кугъ (Черная гора)».

А въ другомъ мѣстѣ:

«Море Грузинское и Дейлемское (Хазарское) отдѣлено отъ всѣхъ другихъ, и не сообщается ни съ однимъ изъ исчисленныхъ нами. Большія рѣки и источники, никогда не изсякающіе, вливаютъ въ него свои воды. Ибнъ-Хаукаль говоритъ, что дно этого моря черное, и что оно соединяется посредствомъ подземнаго сообщенія съ Чернымъ моремъ. Къ западу отъ него находится Адербиджанъ, къ югу Табаристанъ, къ востоку Аль-Карія, а къ сѣверу Хазарія. Длина его тысяча миль, ширина же отъ Грузіи до рѣки Айлы 550 миль».

Свѣдѣнія о Каспій между Европейцами развивались очень медленно: въ XVI столѣтіи Англичане сдѣлали нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ заведенію торговыхъ связей на Каспій, и вывели незначительныя извѣстія объ этомъ морѣ. Къ XVII вѣку принадлежить поѣздка извѣстнаго Олеарія, сопровождавшаго торговую экспедицію Герцога Голштинскаго, и опредѣлившаго географическое положеніе многихъ мѣстъ.

Подарить ученому свѣту подробныя и правильныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ должна была Россія, издавна облокачившаяся на Каспій.

Мудрое предположеніе Царя Алексѣя Михайловича завести флотъ на Каспійскомъ морѣ не удалось: геніяльному Сыну Его суждено было привести эту мысль въ исполненіе. Не смотря на то, что въ русскихъ архивахъ имѣлись и до Петра Великаго обстоятельныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ и окрестныхъ странахъ, только походъ Преобразователя Руси и снаряженныя по Его повелѣнію экспедиціи разили яркій свѣтъ на противорѣчивые рассказы о Каспійскомъ морѣ. Съ одной стороны двѣ экспедиціи Князя Бековича (1713—1716) и одна Князя Урусова (1718 г.) на восточный берегъ Каспія къ Красноводскому заливу, съ другой два плаванія по западному берегу, первое Фонъ-Вердена и Соймонова отъ Астрахани до устьевъ Куры (1719 г.), а второе той же экспедиціи (1720 г.) около западнаго и южнаго береговъ, доставили, соединенныя вмѣстѣ, Петру Великому полную карту Каспійскаго моря, одинъ экземпляръ которой былъ посланъ Парижской Академіи наукъ. Плаваніе самого Императора (въ 1722 г.) съ флотиліей по С. З. берегу Каспія подробно ознакомило русскихъ съ этимъ краемъ.

Въ 1726 г. Соймоновъ снова былъ отправленъ въ экспедицію по Каспію: объѣхавъ въ полгода всѣ берега,

онъ представилъ плодъ своей побѣды—карту Каспійскаго моря.

Въ 1764 г. описывалъ восточный берегъ Каспія капитанъ Токмачевъ.

Въ 1770, 1771 и 1773 г. Академикъ Гмелинъ посѣтилъ западный и южный берега Каспія съ ученою цѣлю естествоиспытателя.

Въ 1781—1782 г. состоялась экспедиція Графа Войновича, имѣвшая торговую цѣль, но доставившая мало пользы и мало свѣдѣній.

Съ 1809 по 1814 г. производилъ опись Каспійскому морю Г-нъ Колодкинъ.

Въ 1819 и 1820 г. снаряжена была экспедиція Генераломъ Ермоловымъ къ восточнымъ берегамъ Каспія; результаты ея описаны Г-мъ Муравьевымъ.

Въ 1823 — 1826 г. плавать по Каспійскому морю Академикъ Эйхвальдъ для изслѣдованій по естественной исторіи.

Въ 1829 году посѣтилъ сѣверный берегъ Каспія знаменитый А. Гумбольдтъ.

Въ томъ же году произвелъ барометрическое измѣреніе высоты Каспія Ф. Парротъ, извѣстный своимъ восхожденіемъ на Араратъ.

Въ томъ же году занималась изслѣдованіями на западномъ берегу Каспійскаго моря ученая экспедиція Академіи наукъ, подъ управленіемъ Г-на Купфера.

Въ 1829—1830 г. продолжалъ здѣсь свои изысканія Академикъ Лепцъ.

Въ 1832—1833 г. ботанизировалъ на восточномъ берегу Каспія Г-нъ Карелинъ.

Въ 1836 г. плывалъ по Каспійскому морю Г-нъ Карелинъ для изслѣдованія восточныхъ береговъ.

Въ 1838—1839 г. занималась тригонометрическимъ нивелированіемъ Каспія и его береговъ ученая экспедиція Академіи наукъ. Результаты ея еще не обнародованы.

Въ 1840 г. посѣтилъ восточный берегъ Каспія А. Леманъ съ ученою цѣлю естествоиспытателя.

Послѣднее извѣстное мнѣ плаваніе по Каспійскому морю—мое собственное, но ради бороды пророка Мухаммеда, не ждите отъ меня, прошу васъ заранѣе, ничего новаго: я не естествоиспытатель, не географъ, не астрономъ, я просто путешественникъ, туристъ, плохой рассказыватель чужихъ извѣстій.

Не смотря на многочисленныя ученныя и неученныя, морскія и сухопутныя изслѣдованія о Каспійскомъ морѣ, не смотря на то, что Каспій давно состоитъ подъ опекой Россіи, вѣрной и подробной карты его, въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, мы еще не имѣемъ. Сколько мнѣ извѣстно, у насъ существуютъ слѣдующія карты:

1) Карта Каспійскаго моря и устьевъ Волги, составленная по указу Царя Алексѣя Михайловича, издана около 1660 года. 2) Карта, составленная по указу Петра Великаго Капитанъ-Лейтенантомъ Фонъ Верденомъ и Лейтенантомъ Соймоновымъ, по описи ихъ въ 1719 и 1720 г. отъ Астрахани до Гиланской области. 3) Карта, состав-

вленная по опредѣленію Адмиралтействъ-Коллегіи въ 1726 и 1727 г. Соймоновымъ и напечатанная въ 1731 г. 4) Карта устьевъ Волги и шесть спеціальныхъ картъ Каспійскаго моря, также Соймонова, вырѣзанныя около того же времени. 5) Англичанинъ Генве исправилъ карту Соймонова въ 1753 г. по собственнымъ изслѣдованіямъ и по замѣчаніямъ англійскихъ капитановъ Эйлтона и Вудруфа (Hanway, An historical account of the British trade, 1762). 6) Карта Академика Гильденштета, изданная въ 1776. Эта карта мала и градусы на ней невѣрны. 7) Карта къ походному журналу экспедиціи Капитана 2-го ранга Войновича въ 1781 и 1782 г. составленная «по прежнимъ описямъ, исправленная разными вновь дополненіями.» 8) Генеральная карта Каспійскаго моря, составленная по правому компасу при типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса въ 1793 г. съ имѣвшихся въ Адмиралтейской чертежной картъ, исправленныхъ Адмираломъ Нагаевымъ, разсмотрѣнная Государственною Адмиралтействъ-Коллегіей и напечатанная въ 1796 г. Она принадлежитъ къ числу лучшихъ картъ. 9) Генераль-Лейтенантъ Голенищевъ-Кутузовъ представилъ въ даръ Адмиралтейскому Департаменту, составленную имъ, во время управленія Чертежною, «съ послѣднихъ описей и картъ», карту Каспійскаго моря, которая издана въ 1807 г. По сторонамъ ея находится восемь небольшихъ картъ, составленныхъ по описямъ чиновниковъ астраханскаго порта. Градусы на картѣ Голенищева-Кутузова невѣрны. Изъ этихъ девяти картъ еще и нынѣ три употребляются при плаваніи, хотя очень рѣдко: Соймонова 1731 г. на купеческихъ судахъ, Нагаева на военныхъ судахъ для плаванія, а Голенищева-Кутузова для входовъ. 10) Карта Штурмана (нынѣ Генераль-Маіора) Колодкина, составленная при чертежной Адмиралтейскаго Департамента по прежнимъ картамъ и по описямъ и барометрическимъ наблюденіямъ, произведеннымъ съ 1809 по 1814 годъ, и напечатанная въ 1826 году. Эта карта во всеобщемъ употребленіи. Академикъ Эйхвальдъ

приложили къ своему путешествію карту Колодкина, исправленную по собственнымъ замѣчаніямъ. 11) Карта, изданная въ 1842 году Карелинымъ, начальникомъ экспедиціи, бывшей въ 1836 г. По видимому эта карта снята съ предыдущихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями: доказательствомъ служатъ, между прочимъ, изуродованныя имена, общія у ней съ прежними картами; наприм. на картѣ Колодкина стоитъ Ряцъ, у Г-на Карелина тоже названіе съ несмысленной въ персидскомъ языкѣ буквой «щ». Эта карта не одобряется моряками.

Такимъ образомъ лучшая карта Каспійскаго моря принадлежитъ Г-ну Колодкину, но и она, какъ показали наблюденія, сдѣланныя Г-мъ Путятинымъ въ нынѣшній его рейсъ къ тюркменскимъ берегамъ, не избѣжала многихъ ошибокъ въ положеніи и названіи мѣстъ. Не говоря уже о невѣрности нѣкоторыхъ пунктовъ на сѣверѣ, весь югъ Каспійскаго моря, начиная отъ самой Астары и оканчивая заливомъ Астерабадскимъ, прибавленъ почти на полградуса: отъ этого положеніе многихъ мѣстъ вышло на столько же, а иногда и еще больше, южнѣе настоящаго, а именно: Ензели, Решть, Ленгерудъ, Мешгедисеръ на полградуса южнѣе дѣйствительности; Астерабадъ на столько же юго-восточнѣе; Ашрефъ на столько же восточнѣе, а Рудсеръ почти на цѣлый градусъ юго-восточнѣе. Въ названіи мѣстъ бросаются въ глаза вопіющія ошибки: городъ Решть передѣланъ въ Ряцъ, рѣчка Ферухъ-Абадъ въ Астрабадку. Кроме того прибавленъ несуществующій заливъ подлѣ Рудсера, и выставленъ несмысленный въ Персіи городъ Катеринополь!

На многихъ картахъ Каспійскаго моря показанъ Хивинскій заливъ: въ дѣйствительности его нѣтъ, а находится только бухта Аджанбъ-Беури. Заливъ Хасанъ-Кули, около котораго кочуютъ Тюркмены Юмуды, на всѣхъ картахъ положенъ невѣрно, а два небольшія углубленія

въ Кизиль-агачскомъ заливѣ, между которыми устроены новый промыселъ Благодатный, не означены ни на одной картѣ.

Изъ этого незанимательнаго трактата о Каспійскомъ морѣ слѣдуетъ лишь одинъ невкусный результатъ, что для безопасной навигаціи по этому морю нужна новая карта. При этомъ удобномъ случаѣ нельзя не упрекнуть каспійскихъ моряковъ въ равнодушіе къ общей пользѣ: за исключеніемъ двухъ, трехъ именъ, между которыми имя Г-на Соколова занимаетъ почетное мѣсто, укажите мнѣ другихъ труженниковъ науки?

По численію Соймонова и другихъ членовъ морской экспедиціи, снаряженной велѣніемъ Петра, Каспій простирается въ длину отъ С. къ Ю. на 1000 верстъ, а самая большая ширина его отъ З. къ В. 400 верстъ. Вода Каспійскаго моря, по разложенію дерптскаго Профессора Гебеля, имѣетъ всѣ свойства воды степныхъ соляныхъ озеръ, но не воды Чернаго моря или другихъ морей вообще: солончатость каспійской воды относится къ водѣ Чернаго моря какъ 1 къ 5, а къ водѣ Атлантическаго океана какъ 1 къ 6. Находимыя на берегахъ Каспійскаго моря раковины показываютъ, что вода этого моря прежде была менѣе солона; не имѣетъ-ли это обстоятельство какой нибудь связи съ исчезновеніемъ рѣкъ, впадавшихъ въ Каспій? Такимъ соотношеніемъ вопросъ объ увеличеніи солоно-горькости воды каспійской разрѣшается, мнѣ кажется, удовлетворительнѣе, чѣмъ неопредѣленнымъ уменьшеніемъ водъ Каспійскаго моря, которымъ объясняегь задачу Г-нъ Сенковский. Около устьевъ рѣкъ вода въ Каспійскомъ морѣ вообще прѣсна на значительное разстояніе, что и ввело въ заблужденіе Профессора Розе въ Берлинѣ: разложивъ воду, привезенную Гумбольтомъ отъ Четырехъ бугровъ, онъ нашелъ ее почти тождественною съ волжскою.

Господствующіе вѣтры на Каспійскомъ морѣ сѣверные (С. З.) и южные (Ю. В.): первые дуютъ чаще и продолжительнѣе. Сильное волненіе, извѣстное подъ именемъ буруна, начинается отъ острова Чеченя (Чеченская ватага лежитъ подъ $43^{\circ} 56' 20''$ С. Ш. и $17^{\circ} 34' 40''$ В. Д. отъ Санктпетербурга; западное уклоненіе компаса $3^{\circ} 38' 0''$), и простирается по западному и южному берегу до Астерабадскаго залива. Къ сѣверу до красныхъ водъ бурунь бываетъ не столь силенъ, по причинѣ отмелей и пологого берега.

Между островами на сѣверѣ Каспійскаго моря замѣчательны: Икряный, Бирючий и Тюлений. Первый извѣстенъ своею населенностію и рыбными промыслами; на второмъ устроенъ карантинъ, и видны остатки землянаго укрѣпленія, заложеннаго Петромъ Великимъ; на третьемъ родился русскій тюлений промыселъ, нынѣ, впрочемъ, приходящій въ упадокъ на всемъ Каспійскомъ морѣ, главное потому, что тюленей быють больше, чѣмъ ихъ родится. Въ прошломъ 1841 году убито 37,000 тюленей; прежде это число доходило до сотни тысячъ. Кромѣ того есть еще острова: Карантинный, гдѣ находился карантинъ, Житный, на которомъ устроена казенная провіантская пристань, Крестовый, Конный, Четырехъ-бугорный, на которомъ находится маякъ, Могильный, Двѣнадцать колковъ, Ракуша, Пустынные, Песчаные, Подступные, и друг.

Около сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря производится обильная рыбная ловля: устья двухъ рѣкъ Волги и Урала привлекаютъ многочисленныя стаи огромныхъ рыбъ, являющихся сюда для благополучнаго разрѣшенія въ прѣсной водѣ, безъ пособія привелигированныхъ повпальныхъ бабокъ. Всѣ воды раздѣляются на три участка: западный, принадлежащій Гг. Всеволожскимъ, Князю Юсупову, Графу Безбородко, Г-жѣ Милашевой, Спасо-преображенскому монастырю и казнѣ; сѣверный принадлежать

Уральскому войску, а восточный и Тюлений острова составляют достояніе вольныхъ промышленниковъ, съ платою незначительнаго акциза въ казну. Невозможно опредѣлить съ точностью огромные обороты капиталовъ на этихъ водахъ, потому что неизвѣстно количество ловимой ежегодно рыбы: заключить о важности этихъ промысловъ можно изъ того, что ежегодно здѣсь трудится до 10,000 рабочихъ людей.

Можетъ быть ни одно море въ свѣтѣ не надѣлало столько шуму, не ставило въ такое затрудненіе географовъ и естествоиспытателей, какъ море Хвальнское. Сколько вселенскихъ знаменитостей изощрили свою изобрѣтательность на этомъ морѣ, начиная съ Птолемея и оканчивая Гумбольдомъ! Причина такой внимательности со стороны ученыхъ заключается въ безпримѣрномъ положеніи Каспійскаго моря, разъединеннаго со всѣми другими морями: обильная масса водъ вливается въ него, и куда жъ исчезаетъ она? Смѣлость теорій дошла въ этомъ случаѣ до крайности: представляли Каспійское море воронкой, изъ которой вода выливается, по подземнымъ ходамъ, въ Персидскій заливъ или Черное море! Кромѣ того замѣчено, что уровень воды въ Каспійскомъ морѣ измѣняется, что Каспійское море лежитъ въ несоразмѣрной впадинѣ, и многія другія диковинки въ этомъ родѣ.

Сокъ мудрецовъ трудился надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, и однако жъ до окончательнаго приговора, по видимому, еще далеко. Не съ моей тощей ученостью пускаться на объясненіе такихъ темныхъ феноменовъ, какіе представляетъ Каспійское море. Но толкуя о немъ столько времени, нельзя же не коснуться его особенностей.

Вотъ онѣ:

Каспійское море лежитъ отдѣльно, не сообщается видимо ни съ однимъ моремъ, между тѣмъ въ него текутъ большія и малыя рѣки въ значительномъ числѣ, и безпрестанно увеличиваютъ массу водъ, никуда не переливаемыхъ. Чтобъ объяснить равновѣсіе воды въ Каспійскомъ морѣ, Птоломей придумалъ подземное сообщеніе его съ другими, гипотеза, которой довольствовались и арабскіе географы. Мысль о сообщеніи Каспія съ другимъ моремъ укоренилась до того, что заподозрили его даже въ тайныхъ связяхъ съ Персидскимъ заливомъ, и утверждали, будто произведенія каспійскихъ береговъ попадаютъ на послѣднемъ. Кемпферъ опровергъ это извѣстіе, и притомъ теорія воронки не могла указать мѣста, гдѣ вода Каспійскаго моря уходитъ въ нѣдра земля. Наконецъ разныя измѣренія и наблюденія показали единогласно, что уровень Каспійскаго моря ниже уровня Чернаго (на 101, 2 рус. фута по тригонометрической нивелировкѣ ученой экспедиціи Академія наукъ въ 1838 г.), а слѣдовательно Каспій не можетъ имѣть сообщенія ни съ Чернымъ, ни съ другимъ какимъ нибудь моремъ. Эти факты заставили обратиться къ простому, но естественному заключенію, что вливаемая рѣками и притоками въ Каспій вода улетучивается посредствомъ испареній. Къ этому я присовокуплю еще собственное замѣчаніе: если количество этихъ испареній и не достаточно для удержанія каспійскихъ водъ въ равновѣсіи, то законъ этаго равновѣсія сохраняется уменьшеніемъ количества вливающихся въ Каспій водъ. Такъ какъ послѣдній феноменъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію—не говоря объ уменьшеніи волжскихъ водъ, довольно указать на изсохшее устье Эмбы, на исчезнувшій рукавъ Куры и многіе подобные примѣры—и такъ какъ уровень моря отъ этого не понижается, то съ достовѣрностью можно заключить, что обыкновеннаго испаренія Каспія, безъ страннаго содѣйствія исчезающихъ въ пескахъ или изсыхающихъ рѣкъ, было бы недостаточно для сохраненія ненарушимости въ уровнѣ каспійскихъ водъ.

Первая особенность.

По всѣмъ измѣреніямъ и наблюденіямъ, заслуживающимъ вѣроятія, уровень Каспійскаго моря ниже уровня Чернаго, однако, прежде изданія всѣхъ наблюденій ученой экспедиціи, отправленной въ 1838 г. Академіей наукъ для опредѣленія высотъ воды Каспія, я не отваживаюсь утверждать, что это море на сто футовъ ниже Чернаго. Впрочемъ, изъ этой разницы въ уровнѣ двухъ морей я вижу только ужасающій меня результатъ: еслибъ не благодѣтельные Кавказскіе горы, отдѣляющіе Каспій отъ Чернаго моря, я пропалъ бы, безвозвратно пропалъ! Воды Чернаго моря ринулась бы въ Каспій, затопили бы все на своемъ пути, даже пароходъ «Каму», и тогда пропай путешествіе по Востоку!

Вторая особенность.

На берегахъ Каспійскаго моря издавна поселилась идея объ уменьшеніи и увеличеніи его водъ; эта идея проникла, хотя и съ большимъ насиліемъ, даже въ головы Тюркменовъ, людей, чуждыхъ всякой идеи. Длинныя и разнообразныя повѣствованія объ убыли и возвышеніи водъ Каспія находятся у всѣхъ путешественниковъ и мореходовъ, посѣщавшихъ Каспійское море; изъ замѣчаній прибрежныхъ жителей образовалось преданіе, обратившееся въ законъ для Каспія, будто бы воды его въ теченіе тридцати лѣтъ повышаются, а потомъ въ теченіе такого же періода времени понижаются. Это преданіе перешло и въ книги Гг. Генве, Лерха, Миллера, Рычкова, Эйхвальда и другихъ писателей о Каспійскомъ морѣ, но ученое изслѣдованіе Г-на Ленца объ уровнѣ Каспія не признаетъ этого закона, и весьма основательно, во-первыхъ потому, что для изданія такого мудренаго закона нужны обширныя данныя, которыхъ, разумѣется, нѣтъ, а во-вторыхъ и тѣ немногіе факты, которые могли бы служить въ подтверж-

деніе его, напротивъ опровергаютъ этотъ законъ. Что вода въ Каспійскомъ морѣ въ разныхъ мѣстахъ повышается или понижается, это не подлежитъ сомнѣнію, но что это измѣненіе подчинено какому-нибудь постоянному закону, этого еще никакъ нельзя допустить по многимъ причинамъ.

Конечно всему образованному міру извѣстно прекрасное изслѣдованіе Академика Ленца объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря. Не потому, чтобъ я хотѣлъ отважною предположеніемъ прицѣпить свое имя къ этому важному вопросу, но потому что убѣжденіе, къ которому меня привели разные факты, не совсѣмъ согласно съ заключеніемъ Г-на Ленца, я рѣшаюсь сказать нѣсколько замѣчаній: въ дѣлѣ знанія каждый обязанъ говорить все безъ утайки. Притомъ нерѣдко заблужденіе одного наводитъ другаго на истину!

Г-нъ Ленцъ, опираясь на собранные имъ факты, съ свойственною ему проникательностію и рѣлкимъ обладаніемъ наукой, выводитъ слѣдующіе результаты:

Каспійское море въ давнія времена, не далѣе, однажкъ, VI столѣтія, соединялось съ Азовскимъ: тогда дно его не было ниже Чернаго моря, и на сѣверъ Каспій простирался гораздо далѣе нынѣшнихъ его границъ.

По раздѣленіи двухъ морей, очеркъ Каспія оставался прежній, но въ эпоху, предшествовавшую построенію Баку, волканическій переворотъ на югѣ Каспія понизилъ дно его на 50 футовъ: вода сбывла съ С. на Ю. затопила многія мѣста на Ю. берегу моря и обнажила сѣверный.

Со времени этого волканическаго преобразованія, уровень Каспія подвергался незначительнымъ измѣненіямъ въ нѣкоторыя эпохи: такъ съ 1816 г. море у всѣхъ береговъ понизилось.

Ничто не противорѣчитъ соединенію Каспія съ Азовскимъ и Аральскимъ морями, напротивъ геологія говоритъ очень выразительно объ этомъ соединеніи, а многія непонятныя мѣста въ твореніяхъ древнихъ географовъ становятся ясными при открытіи этого факта. Но противъ таблицы Г-на Левца о возвышеніи и пониженіи водъ около Баку я выставлю общую таблицу измѣненій въ уровнѣ каспійскихъ водъ по извѣстнымъ до нынѣ указаніямъ, принимая нормальный уровень Каспія въ 0 футовъ.

Годы.	Футы.	По чьему указанію.
О к о л о Б а к у :		

1400	65.	Бакув.
1685	64.	Кемпферъ.
1700	50.	Лерхъ.
1727	60.	Герберъ.
1732	60.	Лерхъ.
1747	60.	Лерхъ.
1770	60.	Гмелинъ.

Съ 1816 г. вода начала убывать: на мѣстѣ Банки по описи Ш. Капит. Ларина образовался островъ Погорѣлая плита. По описи же Капитанъ-Лейтенанта Басаргана послѣдовало быстрое возвышеніе воды въ морѣ около острововъ Жилаго и Сары и въ бакинскомъ рейдѣ съ 15 Іюня 1825 года.

1820	57.	Гамба.
1830	50.	Лениъ.
1842	50.	Мое наблюденіе.

Въ 1842 г. островъ Погорѣлая Плита увеличился въ размѣрахъ. Образованіе острова вулканическое, слѣдовательно увеличеніе и уменьшеніе его нельзя принимать за твердое доказательство измѣненія водъ морскихъ. Вообще на-

блюденія надъ измѣненіемъ уровня водъ при островахъ требуютъ большой осторожности.

Годы.	Фуѣты	По чьему указанію.
На восточномъ берегу.		
До 1225	0?	Эйхвальдъ.
1625	30?	Эйхвальдъ.
1743	60.	Вудруфъ.

Съ 1822 г. (не съ 1816-ли?) вода, по извѣстію Г-на Эйхвальда, понижается.

На южномъ берегу.

1700	50.	Генве.
1743	60.	Генве.

По извѣстію Эйхвальда вода убываетъ (съ 1816 года).

На сѣверномъ берегу.

1556	50	Генве.
1636	30?	Олеарій.
1715	50	Рычковъ.
1722	51	Генве.
1742	57	Рычковъ.

Убываетъ.

1766	55	Паласъ.
------	----	---------

Прибываетъ.

1800	55	Общее замѣчаніе.
------	----	------------------

Убываетъ.

Изъ этой таблицы видно, что море понижается съ 1816 года почти повсемѣстно, какъ доказываютъ наблюденія, произведенныя во многихъ пунктахъ (Баку, Рештѣ, Астрабадѣ, Балаханскомъ заливѣ и проч.). Замѣчено, что съ возвышеніемъ воды усиливается холодъ въ прибрежныхъ странахъ, а съ пониженіемъ ея увеличивается теплота. Такимъ образомъ мы имѣемъ почти достовѣрный фактъ, что Каспійское море то понижается, то повышается, впрочемъ, незначительно, и измѣненіе въ уровнѣ воды объясняется также почти достовѣрно дѣйствіемъ засыпающаго вулканизма, какъ предполагаетъ Г-нъ Гумбольдтъ. Впрочемъ, здѣсь можетъ существовать, я думаю, и другая причина. Если несомнѣнный опытъ покажетъ, что измѣненіе уровня случайно и частно, то можно объяснить его очень просто: напоръ вѣтровъ, постоянно дующихъ въ одномъ направленіи, а иногда и сосѣдство рѣкъ, нагоняютъ воду и измѣняютъ постепенно очеркъ и глубину берега, но не уровень самого моря. Подтвержденіемъ этого объясненія можетъ служить и странное возвышеніе воды на З. берегу въ 1825 году, упоминаемое Басаргинымъ. Да и кромѣ вѣтровъ и рѣкъ, быстро измѣняющихъ видъ береговъ посредствомъ наноснаго песку, само море переноситъ иногда массы песковъ съ одного мѣста на другое, что утверждаетъ и Г. Ленцъ. У Г. Эйхвальда есть также примѣры нагона воды вѣтрами и потомъ неожиданнаго обнаруженія мелей и острововъ. Если же феноменъ измѣненія уровня окажется всеобщимъ, то объясненіе его, по всей вѣроятности, останется еще на долгое время однимъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ физики, если только количество вливаемой рѣками воды не окажется въ связи съ высотой водъ Каспія.

Что же касается до массивнаго перехода водъ Каспія съ сѣвера на югъ, послѣдовавшаго въ эпоху до построенія Баку, то этотъ феноменъ не развигъ Г. Ленцомъ съ желательною полнотою. Мы еще выше согласились на вѣ-

роятность бывшаго соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ и Аральскимъ, и слѣдовательно признали паденіе каспійскихъ водъ на сѣверѣ, но изъ составленной нами таблицы обнаруживается пониженіе дна въ Каспійскомъ морѣ, въ слѣдствіе вулканическихъ явленій, не на одномъ южномъ берегу, какъ допускаетъ Г. Ленцъ, но и на всѣхъ другихъ, такъ что, по нашему разумѣнію, отъ сильнаго вулканическаго переворота, послѣдовало всеобщее пониженіе Каспійскаго дна въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ море нынѣ находится. Правда, что мѣстное преданіе говоритъ о приморскомъ положеніи Сарайчика, но то же преданіе рассказываетъ о потопленіи города въ Тюпъ-караганъ за 600 лѣтъ до нашего времени: это преданіе имѣетъ такой же авторитетъ, какъ и большая часть извѣстій, приведенныхъ мною въ таблицѣ, и основанныхъ на мѣстномъ сказаніи. Этотъ всеобщій вулканическій переворотъ опустил и стѣпы Дербента въ море, а можетъ быть потопилъ и городъ въ волжскомъ плесѣ Ильмень-кабанъ-куль. — Невѣрующимъ въ вулканизмъ и въ его могущество мы скажемъ, что вулканическіе перевороты на земной поверхности, особливо подлѣ морей, представляютъ много примѣровъ чудеснаго, что на берегахъ Каспія землетрясенія и другія проявленія вулканизма не рѣдки, и что Балтійское море, возвышеніемъ шведскихъ береговъ, составляетъ загадку, едва-ли не помудреніе Каспійскаго уровня. Вулканизмъ замѣтенъ по всей земной поверхности, и чудны его проявленія, но законы его донинѣ не вѣдомы и не доступны человѣческому разумѣнію.

Я осмѣлюсь замѣтить одно упущеніе въ мемуарѣ Г-на Ленца: съ начала до конца своего отличнаго труда ученый Академикъ принимаетъ равное количество вливающейся въ Каспій прѣсной воды во всѣ времена, но иссохшія русла многочисленныхъ рѣкъ, когда-то впадавшихъ въ Каспійское море, говорятъ совсѣмъ другое. Почтенный Академикъ утверждаетъ, что невозможность испаренія всѣхъ

вливающихся въ Каспій водъ опровергается въ послѣднее время фактами: точность этихъ фактовъ не подлежитъ-ли сомнѣнію?

Но пора кончить: я такъ много говорилъ о третьей особенностях Каспійскаго моря, что нахожусь въ необходимости удѣлить меньше мѣста другимъ дивамъ. Вопросъ объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря такъ важенъ и много-объемлющее изслѣдованіе Г-на Ленца такъ занимательно, что я не могъ удержаться въ границахъ умѣренной бесѣды: какъ же не потолковать о будущей судьбѣ при-каспійскихъ городовъ?

Въ Аральское озеро впадаетъ огромная рѣка Аму-Дерья. Повидимому, какое-бы дѣло Каспійскому морю до Аму-Дерьи? Такъ нѣтъ! Привязался старикъ и утверждаетъ, что это его собственность, что прежде, давно, пять-шесть вѣковъ тому назадъ, настоящее устье Аму было на его восточномъ берегу. Впрочемъ, это говорить не самъ Каспій, а говорятъ ученые, но я знаю, что и онъ отъ этого не прочь, что онъ радъ притянуть въ свои объятія еще хоть одну красивую рѣку. Такому несовсѣмъ приличному со стороны Каспія желанію, разумѣется, нашлись противники, горячо вступились за несомнѣныя права Аральскаго озера, и завязался споръ. До сихъ поръ дѣло ничѣмъ не рѣшено—извѣстно, какъ тянутся казуистическіе вопросы,—свидѣтели далеко не всѣ допрошены и въ собранныхъ показаніяхъ встрѣчаются противорѣчія. Такъ какъ мнѣ доступны нѣкоторыя статьи по этому дѣлу, то я считаю своей обязанностью вывести его на свѣжую воду.

На восточномъ берегу Каспійскаго моря существуетъ старое преданіе о высохшемъ руслѣ Аму-Дерьи, когда-то впадавшей однимъ рукавомъ въ Каспійское море, а другимъ въ Аральское. Англіійскій купецъ Дженкинсонъ, издѣлившій въ 1559 г. на Каспійское море для открытія тор-

говыхъ сношеній Англіи съ Бухарой, торговли-то не открылъ, а открылъ преданіе о впаденіи Аму въ Каспій; время этого событія онъ съ точностью не опредѣляетъ, а говоритъ, что это было «нѣкогда».—Это же преданіе, слышанное Княземъ Бековичемъ, послужило поводомъ ко второй его экспедиціи. Вудруфу, англійскому мореходу, посчастливилось даже узнать время коварной измѣны Аму-Дерьи Каспію: это было за сто лѣтъ до его пріѣзда въ Балаханскій заливъ, гдѣ онъ былъ въ 1743 г. Извѣстный странствователь нашъ Муравьевъ говоритъ о высохшемъ руслѣ рѣки на огромномъ протяженіи съ восточнаго берега Каспія: по словамъ Тюркменовъ, это былъ рукавъ Аму, высохшій за 530 лѣтъ до пріѣзда Г-на Муравьева. Г-нъ Эйхвальдъ, основываясь на словахъ Тюркменовъ и на собственныхъ соображеніяхъ, принимаетъ Ахтамъ въ Балаханскомъ заливѣ за бывшее устье Аму-Дерьи. Мнѣніе о двойномъ устьѣ Аму поддерживаетъ и Клапротъ, а покойный оріенталистъ Жюберъ написалъ мемуару о древнемъ теченіи Оксуса, въ которой доказываетъ, что Аму-Дерья имѣла прежде два устья, одно въ Каспійское море, другое въ Аральское, и что первое высохло не ранѣе XII столѣтія нашей эры. Г. Эйхвальдъ посвятилъ защитѣ этого мнѣнія значительную часть своего сочиненія о древней географіи Каспія и Кавказа.

Изъ восточныхъ писателей, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ о существовавшемъ еще въ его время двойномъ теченіи Аму-Дерьи въ Аралъ и Каспій Хамдулла Казвини (умеръ 748го г.), Персидскій Эратосеенъ, географъ, заслуживающій большаго довѣрія, авторъ весьма уважаемаго сочиненія «Наслажденіе сердець», писаннаго въ первой половинѣ XIV вѣка. Тюркскій историкъ Абуль-Кази говоритъ уже о бывшемъ теченіи Аму въ Каспійское море; Кятибъ-Челеби, въ своей книгѣ «Космосъ», поддерживаетъ извѣстіе Казвини.

Громкія имена Кювье, Мальте-Брюна, Сень-Мартева защищаютъ мнѣніе о неизмѣнности русла Аму-Дерьи и о единственномъ впаденіи ея въ Араль. Извѣстный нашъ оріенталистъ Сенковский убѣдительно отрицаетъ соединеніе Аму съ Каспіемъ.

Посмотрите-же на доводы въ пользу обоихъ мнѣній.

Защитники дѣленія Аму-Дерьи на два русла, изъ которыхъ одно, каспійское, изсохло, опираются на извѣстія древнихъ писателей, на прежнее удивительное плодородіе Согдіаны, Трансоксіаны и даже Харезма, на повѣствованія нѣкоторыхъ восточныхъ писателей, на рассказы и преданія Тюркменовъ, на существованіе длиннаго оврага между нынѣшнимъ Аму и Каспіемъ, на изсыханіе, иногда очень быстрое, рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море—примѣромъ служитъ Джаи-Дерья, упоминаемая Мейендорфомъ, Эмба, уходящая въ пески—на сравнительную высоту Арала надъ Каспіемъ, на быстрое теченіе каналовъ Аму-Дерьи къ западу и сѣверо-западу, и на движеніе Аму въ половодье къ юго-западу на 150—200 верстъ по старому руслу.

Противники двуличныхъ отношеній Аму - Дерьи къ Аралу и Каспію опираются на извѣстія арабскихъ географовъ, знавшихъ эту страну довольно подробно и упоминающихъ только объ одномъ устьѣ Аму въ Араль, на недоказанность непрерывности оврага между Аму и Каспіемъ, и на незначительность высоты Арала надъ Каспіемъ (отъ 18 до 156 футовъ), въ слѣдствіе которой песчаная покатость между Араломъ и Каспійскимъ моремъ должна поглощать воду и не допускать теченія.

Изъ этого свода ясно видно, что перевѣсъ въ числѣ и важности фактовъ находится на сторонѣ защитниковъ перваго мнѣнія. Не смотря на то, что я съ большою охо-

тою готовъ стать въ ряды его воителей, я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній въ подрывъ его доводовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу не бесполезнымъ высказать оппозиціонной партіи упреки, которые лежатъ у меня на душѣ.

Разсказы Тюркменовъ о причинахъ измѣны Аму-Дерѣи нашему Каспію противорѣчивы, а поэтому и самое преданіе о второмъ руслѣ Аму можетъ подвергнуться сомнѣнію: по извѣстію Дженкинсона, Тюркмены сами запрудили устье Аму въ Каспій, желая возвысить воду, но вмѣсто того теченіе, не имѣя нужной быстрины, исчезло; по извѣстію Князя Бековича и Г-на Эйхвальда, писавшихъ со словъ Тюркменовъ, одинъ Хивинскій Ханъ, по корыстолюбивымъ расчетамъ, загородилъ устье Аму, шедшее въ Каспій; Муравьеву же Тюркмены говорили, что землетрясеніе уничтожило русло Аму у Каспія. Какое разнорѣчіе въ одномъ и томъ же фактѣ!

Противъ извѣстій и предположеній Князя Бековича имѣется упорное противорѣчіе товарища его Кожина.

Опровергая возможность соединенія Аму-Дерѣи съ Каспіемъ, Г-нъ Сенковскій, разнообразнымъ познаніямъ котораго я первый удивляюсь, очень скудно воспользовался мусульманскими писателями. Въ изслѣдованіяхъ своихъ объ Аму Г-нъ Сенковскій предполагаетъ, что соединеніе этой рѣки съ Каспіемъ изобрѣлъ едва-ли не Абулькази, что мнѣніе объ этомъ соединеніи утвердилось между Тюркменами и Хивинцами съ того времени, какъ Абулькази внесъ его въ свою книгу. Въ томъ-то и бѣда, что соединеніе Аму съ Каспіемъ сдѣлалось извѣстно еще раньше Абулькази: Г-ну Сенковскому, повидимому, не знакомо показаніе ни Хамдуллы Казвини, ни Дженкинсона. Статья энциклопедическаго лексикона «Аму-Дерѣя» основана преимущественно на европейскихъ извѣстіяхъ, безспорно, важныхъ, но зачѣмъ-же пренебрегать восточными авторами, особенно

въ такомъ сомнительномъ предметѣ? Въ слѣдствіе этого невниманія Г-ну Сенковскому не извѣстны другія названія Аму-Дерьи (Тэиръ, Балхская рѣка), извѣстія о теченіи Аму не полны, и наконецъ приводимое Г-мъ Сенковскимъ преданіе между Хивинцами и Тюркменами о подземномъ соединеніи Арала съ Каспіемъ отвергается Хамдуллою Казвини очень выразительно. Занимаясь изслѣдованіемъ Аму, Г-нъ Сенковскій выпустилъ изъ виду и мемуару Г-на Жюбера, а она стоитъ чтенія.

Да будетъ позволено и мнѣ сказать что-нибудь въ обличеніе измѣны Аму-Дерьи Каспію.

Древніе писатели, при разрѣшеніи такого мудренаго вопроса, имѣютъ очень небольшой авторитетъ, и слѣдовательно извѣстія ихъ не должны служить ни въ пользу, ни во вредъ соединенію Аму съ Каспійскимъ моремъ: эти извѣстія двуострое оружіе, которымъ могутъ дѣйствовать обѣ партіи.

Сказанія арабскихъ писателей Абульфеды, Истахри и другихъ, означающихъ одно устье Аму въ Аралъ, нельзя принимать безусловно отрицающими возможность соединенія этой рѣки съ Каспіемъ: молчаніе о другомъ устьѣ можно приписать и несовѣмъ короткому знакомству съ страной.

Преданіе о впаденіи Аму въ Каспій и рассказы объ этомъ Тюркменовъ, пусть даже несогласные другъ съ другомъ, откуда-нибудь взялись-же: Г-ну Путятину Тюркмены также говорили о соединеніи Аму съ Каспійскимъ моремъ.

Отвергая возможность теченія Аму въ Каспій, по причинѣ малаго склона почвы, Г-нъ Сенковскій въ то же время допускаетъ, что углубленіе, видѣнное Г-мъ Муравье-

вымъ, есть русло прежняго потока : для теченія Аму склонъ не достаточенъ, а для другой рѣки,—я говорю рѣки, потому что протяженіе высохшаго оврага очень длинно—онъ годится? . . .

Если устье такой рѣки, какъ Эмба, могло исчезнуть, по обилію песковъ, не допускающихъ рѣку до Каспія, то почему-же отвергать подобное явленіе съ Аму-Дерьей? Еще донинѣ на картахъ Эмба преблагополучно течетъ въ Каспійское море, а восточный рукавъ Куры раздѣляется на двѣ части, тогда какъ верхняго или сѣвернаго отдѣленія давно не существуетъ. Вообще текушія въ Каспій рѣки нерѣдко измѣняютъ свое русло : по замѣчанію Г-на Путятинна, Гурганъ два года тому назадъ перемѣнилъ свое устье, и старое высохшее русло донинѣ свидѣтельствуетъ о капризѣ рѣки.

Но довольно о четвертой особенностяхи.

Большая часть плавателей по Каспійскому морю говорятъ о необыкновенномъ стремленіи воды изъ моря въ Карабогазъ (Черномъ проливѣ) : это подтверждалъ мнѣ и Г-нъ Путятинъ. Теорія подземнаго соединенія Каспія съ другимъ моремъ видѣла въ этомъ заливѣ то страшное отверстіе, посредствомъ котораго воды Каспія сообщаются съ водами Чернаго моря или Персидскаго залива. Разсказы объ ужасахъ теченія и объ опасностяхъ плаванія подлѣ Карабогаза достигли до чудеснаго : корветъ, на которомъ плавалъ Г-нъ Эйхвальдъ по Каспійскому морю, никакъ не хотѣлъ остановиться на якорь передъ Карабогазомъ. Однако эта баснословная пучина существуетъ, по всей вѣроятности, только въ воображеніи плавателей : изъ всѣхъ изслѣдователей Каспійскаго моря только Соймоновъ и Токмачевъ не могли, по случайнымъ обстоятельствамъ, войти въ Карабогазъ ; прочіе плаватели и не покушались. Г-нъ Карелинъ, по его увѣренію, проплылъ вдоль береговъ

Карабогазскаго залива до одной трети и рассказывает удивительныя исторіи: быстрина теченія въ Карабогазѣ, по его словамъ, равняется $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ узловъ въ часъ, и по увѣренію Тюркменовъ никогда не измѣняется. Англійскаго Капитана Вудруфа, напротивъ, увѣряли жители Огурчинскихъ острововъ, что теченіе въ Карабогазскомъ заливѣ—чистая басня.—Въ проливѣ, соединяющемъ Александръ-бай и заливъ Аши, также замѣчено теченіе, только временное, отъ напора вѣтровъ; къ этому же роду можно смѣло отнести и миоологическія сказанія «о Черномъ проливѣ». Такихъ теченій въ Каспійскомъ морѣ найдется немало.

Пятая особенность.

Согласитесь, что въ Каспій много поэзіи, такъ много, что онъ даже въ науку внесъ мистицизмъ!

«Стопъ машина»!

Что это такое? Пока я разсуждалъ о неразгаданныхъ причудахъ Каспійскаго моря, «Кама» все шла да шла, и вотъ около полночи остановилась въ виду тарховскаго рейда: загремѣла желѣзная цѣпь и якорь съ шумомъ упалъ въ море.

Если уже необходимо докончить исторію перваго моего плаванія по морю, то я, пожалуй, прибавлю, что вечеромъ качка ослабѣла и пароходъ шелъ ровно, безъ несносныхъ кривлявій. Сберегая уголь для возвращенія изъ Тарху въ Астрахань, «Кама» не разводила пару выше $5\frac{1}{2}^{\circ}$, тогда какъ прежде держала 7° . Весь день пароходъ шелъ по 5 узловъ въ часъ, иногда по $5\frac{1}{2}$, рѣдко по $4\frac{1}{2}$ или 4, при попутномъ вѣтрѣ NW, который мало по малу перешелъ въ N, а вечеромъ подулъ береговой.

Рѣшительно я самый злополучный изъ всѣхъ путешественниковъ настоящаго и прошедшаго времени: съ судорожнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ перваго взгляда на кавказскую природу, и вотъ, будто для большого раздраженія моей нервной системы, пароходъ пришелъ на видъ Тарху ночью и сталъ вдали отъ берега! Смотри сколько угодно въ мрачную даль: кромѣ фосфорнаго блеска волнъ не видно ничего. Право, досада страшная! Единственная отрада—сонъ: притомъ же и кстати отдохнуть послѣ первой главы.

До свиданія, завтра на палубѣ!

II.

ОТЪ ТАРХУ ДО ДЕРВЕНТА,

Скажу не въ смѣхъ:
Дуль Шамхала
Похожъ немало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинной,
Обвязанъ глиной,
Печистъ внутри,
Печистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи да дуля

Смѣхотв. Полежаева, стр. 217.

Кто изъ насъ, читая въ былое время съ тяжкими вздохами «Кавказскаго плѣнника», восторженно не представлялъ себя героемъ прецлачевой или престрашной драмы

съ самой благополучной развязкой, передъ чѣмъ сколько-нибудь живымъ воображеніемъ не рисовались великолѣпно-ужасныя картины «дѣйственной» кавказской природы, всегда похожія на самую крайнюю степень необыкновеннаго, которую только удавалось каждому видѣть въ своей жизни, какой, наконецъ, сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не философствовалъ, до полного затмѣнія всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, о Кавказѣ?....

По-этому многимъ будетъ очень понятно мое страстное желаніе поскорѣй взглянуть на дивную и поэтическую панораму первозданныхъ горъ, кинуться въ разнообразную семью дикихъ сыновъ Кавказа и насладиться прелестями нетронутой природы и неиспорченныхъ нравовъ. Но отъ желанія до исполненія не всегда близко. Слабый смертный, я, удрученный, вѣроятно, сильнымъ желаніемъ, спалъ все утро очень крѣпко, и проснулся только отъ визга якорной цѣпи: «Кама» подвинулась ближе къ сушѣ и стала на якорь на пяти саженьяхъ глубины, въ разстояніи, однакожь, одной версты отъ берега, для безопасности.

Въ сильномъ негодованіи на свою лѣнивую натуру, я вышелъ на палубу, гдѣ наканунѣ назначилъ свиданіе своему читателю. Боже мой! я глядѣлъ во всѣ глаза и ничего не понималъ! Кавказъ, горы, море, селенія, скалы, даже деревья злѣпшія нисколько не походили на тѣ странно-нелѣпные образы, которыми до сихъ поръ угощало меня воображеніе, при дѣятельномъ пособіи многочисленнаго и достойнаго всякихъ похвалъ сонма поэтовъ, никогда не видавшихъ Кавказа, и воспѣвавшихъ въ звучныхъ римахъ великолѣпіе Кавказской природы. При первомъ взглядѣ на очаровательный отрывокъ огромной картины, находившейся у меня передъ глазами, я понялъ инстинктивно всю ложность водянистыхъ пейзажей изнасилованнаго воображенія, всю ничтожность географическихъ свѣдѣній, собранныхъ мною въ «достоверныхъ писателяхъ»; лицомъ къ

лицу съ живою грозно-пѣвительной природой я почувствовалъ свое одиночество въ этой невѣдомой странѣ чудснаго. Я видѣлъ ясно свое безсиліе, я узналъ мгновенно, что здѣсь нужно учиться всему снова, разбирать все своимъ хилымъ умомъ, а не по чужимъ теоріямъ.

Неуловима, выше силъ для изображенія эта чудесная Кавказская природа! Какъ теперь смотрю на нее: сердитые валы бѣгутъ, бѣгутъ, и съ шумомъ и пѣной раскатываются по отлогому берегу; еще далеко имъ до горъ Кавказа! Пологий, скучный берегъ тянется на большое разстояніе, и вдругъ гора, какъ будто для рѣзкаго контраста, круто, чуть не въ упоръ, стремится къ небу, высоко, высоко! Взглянешь пристальнѣе — за ней встаетъ другая гора, выше и величественнѣе, тамъ третья—а тамъ и облака! Посмотришь на-право—скалы угрюмо нагнулись надъ моремъ и будто хотятъ ринуться въ бездну; посмотришь на-лѣво—все горы и горы; посмотришь назадъ—нѣтъ конца морю!

Вглядываясь еще пристальнѣе, замѣчаешь, на низкомъ берегу что-то бѣлѣется въ родѣ жилья: это «Низовое укрѣпленіе». Слава Богу! Тутъ русскій духъ! Смотришь на горы, и видишь, что онѣ не такъ круты, какъ сначала казались, что по нимъ выются дорожки, что въ ущельѣ, прямо передъ глазами, лѣпятся какія-то клѣтки, одна надъ другой, а выше бѣлой ленточкой бѣгутъ къ облакамъ какія-то стѣны: это Тарху и Бурная. Гдѣ нѣтъ висящихъ клѣтокъ, мѣстами выказываются небольшія деревья, надъ Бурной и по сторонамъ ея горы спрятались подъ мелкимъ кустарникомъ, но мало здѣсь земли: камни служатъ представителями здѣшней вѣковой растительности.

Вотъ такая картина находилась передъ моими глазами, и я любовался ей до тѣхъ поръ, пока не предложили мнѣ сѣхать на берегъ. Теперь, когда предстояло ближе

познакомиться съ этимъ величіемъ, которому я дивился издали, мнѣ стало какъ-то неловко, мнѣ не хотѣлось сойти съ парохода на землю, мнѣ грустно стало разставаться съ людьми, которыхъ я увидѣлъ только вчера въ первый разъ. Эта новая скитальческая жизнь, на которую я былъ обреченъ, пугала мои слабые нервы, и мнѣ все не вѣрилось, что я ежедневно буду мѣнять свои привязанности: иногда мнѣ казалось, что я уже не въ Россіи!...

Но дѣлать нечего: должно было покориться судьбѣ, и я переѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ багажемъ на берегъ.

Видъ «Бурной» съ моря печаленъ: какая-то пустота и безжизненность лежитъ на всемъ пейзажѣ; особенно поражаетъ эта дикость послѣ многочисленныхъ и шумныхъ городовъ!

Съ берега видъ уже не столь грозенъ и не столь поразителенъ, но въ картинѣ больше движенія, больше разнообразія: скалы отдѣляются отъ глинистыхъ бугровъ, къ которымъ онѣ приклеены, строенія по-больше другихъ выделяются рельефомъ, кладбища съ своими надгробными камнями отличаются отъ утесовъ, дѣло рукъ человѣческихъ не смѣшивается съ трудомъ природы.

Солнце свѣтило ярко и горячо; воздухъ трепеталъ въ туманныхъ испареніяхъ, море было спокойно, и всюду царствовала могильная тишина. Въ безмолвномъ созерцаніи этой грустной природы, успокоенія которой не нарушалъ ни одинъ звукъ, ни одно движеніе, медленно и утомленный отъ сильнаго жара приближался я къ Низовому укрѣпленію. Исохшая, растреснувшаяся почва разсыпалась у меня подъ ногами и увеличивала мою усталость. Но довольно было одного вида русскихъ солдатъ, весело занимавшихся въ полѣ ружейнымъ ученіемъ, чтобъ оживить во мнѣ дремавшую дѣятельность: бодро вступилъ я въ

Низовое укрѣпленіе, гдѣ и остался на постоянное житіе, пользуясь ласковымъ приглашеніемъ Коменданта Чаплыгина раздѣлить съ нимъ его квартиру.

Былъ полдень и я, предвидя еще довольно времени для утоленія своего любопытства, отказался отъ странствованія въ Тарху, хотя туда отправлялось все морское общество «Камы», и началъ свои экскурсіи съ ближайшаго—съ Низоваго укрѣпленія.

Звучныя слова «Комендантъ», «укрѣпленіе» могутъ, пожалуй, ввести въ обманъ, заставивъ въ самомъ дѣлѣ думать о какой-нибудь твердынѣ, въ которую на первый разъ попалъ «путешественникъ по Востоку». Но разувайтесь: Низовое укрѣпленіе совсѣмъ не похоже на крѣпость. Это не больше, какъ продолговатый отъ С. З. къ Ю. В. четвероугольникъ, съ двумя воротами, обведенный неглубокимъ ровомъ и небольшимъ валомъ съ плетнемъ: только этимъ и ограничиваются всѣ оборонительныя средства Низоваго укрѣпленія; для наблюдений же надъ окрестностью устроены вышки по угламъ. Къ одному изъ этихъ угловъ косвенно примыкаетъ небольшой параллелограмъ, въ которомъ находятся кузницы, слесарня и другія потребности укрѣпленія. Самое укрѣпленіе лежитъ въ 3½ верстахъ отъ моря, на низкомъ берегу, подъ горою, на ребрахъ которой раскиданъ Тарху, увѣнчанный крѣпостью Бурной. Внутренность Низоваго укрѣпленія не представляетъ ничего замѣчательнаго: солдатскія казармы, построенныя не по образцу нашихъ военныхъ зданій, но по средствамъ здѣшней страны, состоятъ изъ бѣлыхъ мазанокъ, уставленныхъ чинно въ рядъ: улицы,—а ихъ, можетъ быть, не больше двухъ,—широки, и вездѣ просторъ душѣ, только въ мазанкахъ немного низковато.

Соображая все это благосклонный читатель начинаетъ уже беспокоиться о судьбѣ путешественника: развѣ можно

считать его въ безопасности подлѣ Горцевъ въ такомъ слабо-укрѣпленномъ мѣстѣ? Напрасныя опасенія! Здѣсь, на Кавказѣ не каменные стѣны, не полные водой рвы охраняють русскія жилища. Нѣтъ! ихъ охраняють храбрый духъ и безстрашная грудь русскаго солдата, которому вездѣ легко бить врага, и въ полѣ, и за крѣпостной стѣной. Большая часть кавказскихъ укрѣпленій устроены ничѣмъ не лучше «Низоваго», а между тѣмъ въ нихъ обитають весело и безопасно: вокругъ ихъ всталъ вѣрной защитой не громадныя стѣны съ широкими жерлами смерти, а страхъ имени Русскаго, слава нашего оружія!

Моряки возвратились изъ Тарху, и вскорѣ пароходъ «Кама» заклокоталъ по высокимъ валамъ: Каспій, утромъ спокойный, уже проснулся и опять бушевалъ. Но «Кама» не выжидала тиши, и спѣшила на родную сторону: съ печальной завистью я провожалъ ее до самаго горизонта и долго смотрѣлъ на траурный слѣдъ ея—на длинную струю дыма.

Однако я непростительно виноватъ передъ Кавказомъ: Вандаль, до сихъ поръ я не видалъ еще ни одного Горца, между тѣмъ какъ уже нѣсколько часовъ нахожусь въ Низовомъ укрѣпленіи, и Горцы отъ меня не дальше, какъ на пушечный выстрѣлъ. Стараясь вознаградить потерянное время возможно скорѣйшимъ способомъ, я вытащилъ изъ чемодана зрительную трубу и усѣлся съ ней на крыльцѣ комендантскаго дома: отсюда намѣревался я спокойно и удобно наблюдать за всѣмъ, что дѣлается въ Тарху, и особенно за Горцами. Какое благополучіе! Сидѣть почти у себя дома, и въ то же время видѣть передъ носомъ Кавказъ, настоящій Кавказъ, а не то самодѣлье, которымъ угощаютъ васъ въ панорамахъ, наблюдать Горцевъ, чистыхъ, отчаянныхъ Горцевъ, наблюдать невидимкой самому, а не слушать рассказы какого-нибудь офицера, проѣзжающаго съ Кавказа въ домовый отпускъ! Теперь-то я

понялъ и оцѣнилъ всю важность титула «путешественникъ по Востоку».

Навожу трубу на какую-то площадку: вотъ они, эти Горцы-хищники сидятъ цѣлой стаей на кровлѣ сакли, поджавши ноги. О Господи! Неуже-ль это Горцы? Или труба у меня волшебная, съ быстрыми превращеніями? Обращаюсь съ моимъ недоумѣніемъ къ переводчику Низоваго укрѣпленія, здѣшнему уроженцу Мусульманину, точно-ли я вижу Горцевъ?

«Кому-же здѣсь быть больше»? отвѣчалъ мнѣ переводчикъ.

Попадите! Да какіе это Горцы? Это самозванцы, Татары, переодѣтые Горцами; правда на нихъ я вижу знаменитыя черкески изъ желтаго сукна, украшенныя на груди патронами, вижу на головахъ чудовищныя мохнатыя шапки въ видѣ грибовъ, правда у всѣхъ за поясомъ блестятъ кинжалы, но взглянувъ на лицо, я сейчасъ узнаю Татарина!

«Неуже-ли всѣ Горцы такіе»?

Переводчикъ, вѣроятно понявшій мои опасенія, отвѣчалъ: «Нѣтъ! Есть гораздо страшнѣе».—Слава Богу! Я успокоился за честь Кавказа.

Но вотъ изъ-за бугра блеснуло на солнцѣ свѣтлое дуло винтовки, и явился огромный папахъ: Горецъ, въ полномъ вооруженіи и пегольскомъ костюмѣ, бѣшено несется съ горы на тонкой лошаденкѣ; шапка прыгаетъ съ боку и задѣваетъ иногда за камни, а всадникъ все мчится внизъ. Къ неописанной моей радости онъ держитъ путь къ Низовому укрѣпленію: конь стелется подъ дикимъ сыномъ горъ, пыль и камни летятъ въ воздухъ, а всадникъ съ

гиканьемъ припалъ къ сѣдлу и исчезъ въ быстрыхъ оборотахъ то на правую сторону лошади, то на лѣвую, то подъ лошадь! Я еще полонъ былъ восторга, а всадникъ уже въѣхалъ въ Низовое укрѣпленіе и повернулъ въ одну изъ сосѣднихъ улицъ. Подстрекаемый очень извинительнымъ любопытствомъ, я бросилъ и трубу, и Тарху, и отправился вслѣдъ за лихимъ наѣздникомъ, чтобъ по-ближе взглянуть на неисторченную черкесскую кровь.

Не правда-ли, вы ожидаете отъ меня громкихъ фразъ, неистоваго изумленія, вы уже приготовлены къ сценѣ первой встрѣчи съ Черкесомъ?... И точно: удивленіе мое чуть не превратилось въ столбнякъ, только совсѣмъ отъ другой причины. Отчаянный наѣздникъ, безукоризненный Горецъ заговорилъ самымъ чистымъ велико-россійскимъ нарѣчіемъ: это былъ русскій офицеръ, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшій изъ сосѣдняго отряда. Кто же зналъ, что русскіе офицеры умѣютъ маскироваться Горцами и притомъ такъ искусно, что «путешественникъ по Востоку» можетъ принять ихъ за чистыхъ Черкесовъ? Разумѣется, офицеръ старался передъ мной, какъ передъ новичкомъ, показать всю роскошь своего горскаго костюма, всѣ удобства черкесскаго облаченія, но я, профанъ, никакъ не могъ взять на первый разъ въ толкъ, отчего чевяки, башмаки безъ толстой подошвы и каблуковъ, лучше нашихъ сапоговъ, почему шашка рубитъ сильнѣе, чѣмъ сабля, отчего сѣдло съ деревянными уключинами спереди и сзади удобнѣе чисто кожанаго, какое преимущество имѣютъ широкія неуклюжія стремяна горцевъ передъ нашими, и многое другое, чѣмъ офицеръ такъ гордился. Мнѣ казался страннымъ русскій человѣкъ въ черкесскомъ нарядѣ, и я пытался отъ него, будто отъ иноземца, между тѣмъ какъ офицеры Низоваго укрѣпленія съ восторгомъ созерцали его драгоцѣнный кинжалъ и его безцѣнную шашку.

Огорченный неудачею на первой ловитвѣ неподдѣль-

ныхъ Горцевъ, я рѣшился дни два не только не ѣздить въ Тарху, но и не смотрѣть на вѣроломныя горы. Дѣйствительно, два или три дня я провелъ въ кабинетныхъ лингвистическихъ занятіяхъ съ переводчикомъ Низоваго укрѣпленія: я изучалъ тюркскій діалектъ здѣшнихъ мѣстъ. По всѣмъ возможнымъ изслѣдованіямъ и справкамъ оказалось, что здѣшнее нарѣчіе одно изъ самыхъ грубыхъ сѣверныхъ тюркскихъ нарѣчій, что здѣсь грамматика въ большомъ презрѣніи, что здѣсь даже попираютъ логику тюркскаго языка. Вотъ съ какими Горцами столкнулся я на первый разъ! Это чистые тираны, варвары, но только съ своимъ собственнымъ языкомъ. Бѣдный тюркскій языкъ! Плохое тебѣ житіе въ Тарху!

Послѣ предварительнаго приготовленія къ туземной рѣчи, я отправился наконецъ въ Тарху, осмотрѣлъ городъ, осмотрѣлъ и крѣпость Бурную, потомъ не разъ ѣздилъ опять въ Тарху и опять въ Бурную. Но пора познакомить васъ подробнѣе съ этими мѣстами.

Тарху, татарское названіе котораго происходитъ отъ глагола «таркамакъ», по здѣшнему выгору «тархамакъ», раскидывать, лежитъ въ крутомъ ущельи въ полтора верстахъ отъ Низоваго укрѣпленія къ ЮЗ., раскидываясь по скату горы, сверху до низу, отчего и получилъ свое названіе (тарху—раскинутость); по какому же случаю Тарху посвящается общимъ употребленіемъ въ городъ, мнѣ право не извѣстно.—Описаніе такого селенія, какъ Тарху, можетъ поставить въ затрудненіе любого странствователя: если вы прочли эпиграфъ къ этой главѣ, то, вѣроятно, ничего путнаго не ожидаете отъ Тарху. Признаюсь откровенно, что положеніе его мало измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти стихи, но чтобъ на первомъ же листѣ своего дорожнаго дневника не посрамить себя, я постараюсь разсмотрѣть Тарху съ лучшей стороны и передать всѣ красоты, какія окажутся у него въ наличности.

Первое безобразіе я хотѣлъ сказать первое украшеніе представляетъ жидовская слободка, брошенная подъ горой. Странная вещь: одно изъ трусливѣйшихъ въ мірѣ племенъ живетъ рядомъ съ головорѣзками, и между тѣмъ жидовскія поселенія на Кавказѣ не рѣдкость! Дѣти Израиля поселились въ этихъ странахъ, по словамъ преданія, со времени вавилонскаго плѣненія, и съ нѣкоторымъ успѣхомъ занимаются между Горцами мелкой промышленностью. При мусульманскомъ владычествѣ положеніе Жидовъ было достойно сожалѣнія: они несли тяжкія подати, кромѣ того жизнь Жида всегда висѣла на волоскѣ, всегда зависѣла отъ произвола перваго встрѣчнаго, и Жидъ, будь онъ Соломонъ своего племени, долженъ былъ слѣзать съ лошади или даже падать ницъ передъ каждымъ правовѣрнымъ; неисполненіе же такого обычая наказывалось нерѣдко смертью.—Въ настоящее время Жида пользуются совершенной безопасностью.—Въ Тарху они занимаются торговлей, преимущественно бумажными матеріями. Что же касается до образа ихъ жизни, то жидовское существованіе довольно извѣстно, и во всемъ мірѣ одинаково; поэтому я не буду распространяться о первой ступени Тарху.

Надъ жидовской слободой начинается городъ,—я все сбиваюсь, но пусть ужъ Тарху будетъ пока городомъ, а не селеніемъ! Изъ-подъ горы видна только незначительная часть его: съ невольнымъ презрѣніемъ смотришь на нѣсколько саклей, разбросанныхъ безъ всякаго порядка, въ значительномъ разстояніи одна отъ другой, съ досадой смотришь на пустынные крутизны посреди самаго города, и не вѣришь въ существованіе Тарху. Если и поднимаешься въ гору, то затѣмъ только, чтобъ взглянуть сверху на море и окрестности, а совсѣмъ не для того, чтобъ побывать въ несуществующемъ городѣ. Каменистая дорога вьется въ гору довольно круто и такъ узка, что двѣ арбы, не безъ крика и ссоры хозяевъ, могутъ разъѣхаться на ней; рядомъ съ дорогой бѣжитъ ручей, то скрывающійся

въ жолобахъ и въ сакляхъ, то падающій съ шумомъ по камнямъ. Этотъ ручей, проведенный изъ-подъ крѣпостной башни, протекая черезъ весь городъ, служить повсемѣстно самымъ лучшимъ деломъ снабженія саклей водою: иногда онъ журчитъ и въ самыхъ домахъ.

Но вотъ утесъ, скрывавшій до сихъ поръ большую часть города, отодвинулся отъ картины и открылъ густую массу саклей, сросшихся другъ съ другомъ, гора вверху оцетинилась камнями, почва какъ будто взъерошена въ огромныхъ пластахъ, и сосѣдь-ручей съ шумомъ падаетъ изъ бассейна въ бассейнъ!

Весь городъ раскинулся амфитеатромъ прямо передъ глазами, можно видѣть даже внутреннія подробности домовъ, и однако же, не смотря на все это, прїѣзжему нельзя проникнуть безъ туземнаго проводника внутрь этихъ извилистыхъ, жалко-узкихъ улицъ, нерѣдко оканчивающихся ни съ того, ни съ сего, стѣной. Конечно, нѣтъ никакой опасности заблудиться въ такомъ маленькомъ городишкѣ, но кому-же изъ самыхъ заклятыхъ турпстовъ будетъ прїятно попасть, вмѣсто крѣпости Бурной, на татарскій дворъ, гдѣ придется выдержать неистовую атаку безчисленныхъ собакъ, которыми Тарху полонъ, и которые, не въ примѣръ своимъ хозяевамъ, живутъ на правахъ социального вспоможенія, такъ что стоитъ замаять одной какъ всѣ другія спѣшать къ ней на помощь? Тогда страшный вой поднимается въ цѣломъ городѣ; разъяренные присутствіемъ невѣрнаго въ мусульманскомъ жилѣ, огромныя собаки кидаются съ разинутой пастью съ кровель и стѣнъ на злополучнаго странствователя. Не жди онъ никого себѣ въ заштиту: всѣ Мусульмане спокойно сидятъ въ своихъ сакляхъ или на базарѣ, и ни чье любопытство не встрепенется, ни чье сердце не тронется стѣсненнымъ положеніемъ бѣднаго путника, развѣ на его счастье пройдетъ мимо русскій солдатъ и выручитъ изъ бѣды. Какъ

затруднительно подобное положеніе, я знаю по себѣ, хотя я ходилъ въ Тарху всегда съ несокрушимой желѣзной палкой, отъ одного взмаха которой вся стая здѣшнихъ собакъ отпрядывала въ страхъ!

Сакли въ Тарху большею частию смазаны изъ камня съ глиной; кровли у всѣхъ саклей плоскія, и домохозяева въ отрадномъ *far niente* проводятъ на нихъ по цѣлымъ днямъ. Почти въ срединѣ города находится дворецъ—нѣтъ! лучше будемъ говорить безъ восточныхъ гиперболъ—просто домъ Шамхала; это зданіе, единственное въ городѣ, отличается отъ саклей и величиной и тщательной отдѣлкой, но все же азіатская натура положила на немъ свое клеймо: у дома Шамхала кровля плоская, какъ и у всѣхъ саклей, какъ и у всего правовѣрнаго Востока! Мѣстами находятся въ городѣ небольшія и горбатыя площадки, на которыхъ вмѣсто бассейновъ устроены для ручья каменные колоды, и въ нихъ плещутся вмѣстѣ съ утками дѣвочки и мальчики; проходя мимо такого купанья, заткните себѣ уши крѣпко на крѣпко, иначе вы рискуете оглохнуть отъ криковъ: салдасть, салдасть (солдаты, солдаты)! Мѣстами растутъ тутовыя деревья почти безъ всякаго присмотра, и какъ будто въ отплату за такое невниманіе даютъ въ жары спасительную тѣнь; растутъ также и тополи.

Въ верхней части города находится базаръ, но не восточный базаръ, настоящая отрада правовѣрной души, единственное и лучшее мѣсто для прогулки и свиданій Мусульманина, самое шумное проявленіе его жизненной дѣятельности. Базаръ въ Тарху есть безмолвная могила нѣсколькихъ связокъ кое-какого товару, мало посѣщаемая и нисколько неоживленная. Здѣсь находится не болѣе тридцати лавокъ, и въ самомъ лучшемъ здѣшнемъ магазинѣ лежитъ товару много, много рублей на семьдесятъ. Постоянный предметъ солидной торговли составляютъ здѣсь бумажныя матеріи для горскихъ шеголихъ, верблюжьи

сукно для горскихъ щеголей, и татарскіе башмаки для всѣхъ вообще.

Хотя еще недавно я негодовалъ на любителей горскихъ нравовъ, однако и самъ не выдержалъ,—въ первое же посѣщеніе Тарху купилъ себѣ на базарѣ, для поощренія горской промышленности, чевяки (глухіе башмаки изъ тонкой красной кожи) и тотчасъ же нарядился въ нихъ, а для полноты, костюма вымѣнялъ свои бритвы на черкесскій кинжалъ, въ томъ предположеніи, что на бородалюбивомъ востокѣ бритвы вещь совершенно бесполезная. По какому-то странному случаю мнѣ достался кинжалъ, принадлежавшій прежде горскому медику, что доказывалъ небольшой ланцетъ, скрывавшійся въ ножнахъ кинжала.— Впрочемъ, превращеніе мое въ Горца этимъ и ограничилось, и притомъ кинжалъ и чевяки были тотчасъ же забыты при самомъ выѣздѣ изъ Тарху. Чтобъ не возвращаться болѣе къ этимъ любопытнымъ предметамъ, скажу, что чевяки исчезли неизвѣстно куда, а кинжалъ поступилъ во владѣніе моего слуги Армянина и во все время путешествія по Востоку служилъ — увы! — поварскимъ ножомъ. *Fiant sacra profana!*

Въ лѣтнее время базаръ оживляется привозными фруктами, но цѣна на нихъ довольно высока: арба дынь стоитъ пять цѣлковыхъ.

Сложивъ всѣ качества Тарху и приведя ихъ къ одному знаменателю, выходитъ, что это мѣстечко-городъ имѣетъ всѣ недостатки мусульманскихъ городовъ, но не обладаетъ ни однимъ изъ ихъ достоинствъ. Право, если бы сама природа не позаботилась объ украшеніи этого поселенія, то я на первый разъ рѣшительно и навсегда разочаровался бы въ волшебномъ Востокѣ. Но Аллахъ великъ: изъ верхней части Тарху видъ очарователенъ, такъ оча-

рователенъ, что забываешь трудности горнаго подъема и не замѣчаешь безобразія городскихъ саклей!

Архитектура этихъ саклей ни сколько не затѣйлива, также какъ и матеріалъ, изъ котораго онѣ построены: это продолговатые четвероугольники, фасадъ которыхъ обращается, по правовѣрному обычаю, на дворъ, для того, чтобы домашняя жизнь Мусульманина, его гинекеонъ навсегда были скрыты отъ любопытныхъ взоровъ. Сакля дѣлится на двѣ или на три комнаты: пріемная, гдѣ застѣдаетъ глава дома, представляетъ что-то въ родѣ зала съ каминомъ—наша печь не извѣстна—и съ нишами въ стѣнахъ для разной поклажи, между которой посуда занимаетъ видное мѣсто. Въ другихъ отдѣленіяхъ помѣщаются остальные члены семейства, къ которымъ нерѣдко принадлежатъ овцы и бараны. Комнаты освѣщаются преимущественно дверями, въ крайности прибѣгаютъ и къ окнамъ или лучше къ отверстіямъ безъ рамъ и стеколъ, по большей части закрытымъ деревянными ставнями. Да отпустить Аллахъ прегрѣшеніе русскому переводчику путешествія Г. Эйхвальда, передѣлавшему ставни (Fensterladen) въ рѣшетки! Такъ какъ дома лѣнятся по горѣ одинъ надъ другимъ, то изъ окна одного можно выйти на кровлю другаго, съ кровли спуститься въ домъ, и такимъ образомъ совершить дружескую прогулку по всему городу.

Горное углубленіе, въ которомъ расположено Тарху, шириною съ полверсты, а длиною по скату около полуторыхъ верстъ.

Но выше, выше пойдѣмъ.

Нечистыя и жалкія сакли кончились, начинаются красоты Кавказа: надъ городомъ виситъ Бурная, надъ Бурной стоятъ горы.

Изъ Тарху вьется въ Бурную крутая дорога, вырытая въ горѣ: лошадь съ трудомъ тянется въ эту крутизну, простирающуюся отъ города до крѣпости почти на полверсты. Первая крѣпостная стѣна, прикрывающая родникъ, изгибается подъ утесомъ, на которомъ посажена Бурная: здѣсь находятся первыя ворота, подлѣ которыхъ выстроена башня и вытекаетъ ключъ, снабжающій крѣпость водой. Далѣе дорога идетъ между утесомъ и стѣной, и чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ путь каменистѣе. Много нужно было труда, чтобъ проложить въ горѣ сколько-нибудь удобнѣй спускъ для сообщенія крѣпости съ родникомъ. Г. Эйхвальдъ въ изрытыхъ стѣнахъ этой дороги наблюдалъ формации здѣшней почвы, для которой онъ насчитываетъ до одиннадцати смѣшеній известняка съ мергелемъ и раковинами, но я дивился не мудрости природы, наложившей пластъ на пластъ, а могуществу человека, раскидавшего пласты для того, чтобъ проложить себѣ дорогу къ облакамъ. Почти на срединѣ этого пути стоитъ башня, и отсюда крутой поворотъ на-право: передъ глазами каменистая дорога, прорванная всеокрушающею силою пороха въ скалѣ, возвышающейся перпендикулярно на нѣсколько сажень. Звонкіе камни издаютъ искры подъ копытами коня,—и вотъ главныя ворота крѣпости, вотъ и Бурная: пора взглянуть на картину, для которой поднимался такъ высоко и съ такимъ трудомъ.

Не много найдется на Кавказѣ такихъ видовъ, какой представляется со стѣны Бурной: съ этой страшной высоты взоръ объѣзжаетъ окружныя горы, живописно волнующіяся одна за другой, скользятъ по саклямъ Тарху, представляющимся отсюда въ очаровательномъ безпорядкѣ, и стелется по необъятной равнинѣ моря, сливающейся съ далью!

Сколько разъ ни посѣщалъ я стѣны Бурной, мнѣ всегда казалась новой эта картина, и всегда безграничная даль

моря наводила меня на мысль о вѣчности. Но въ этой мысли не было ничего страшнаго, ничего отталкивающаго: напротивъ успокоительное, отрадное чувство лежало въ основаніи суровой идеи о нескончаемомъ будущемъ.

Бурная, получившая свое названіе отъ частыхъ вѣтровъ, дующихъ здѣсь съ свирѣпою силою, построена Ермоловымъ; Г. Эйхвальдъ, во время своего плаванія по Каспійскому морю, засталъ окончаніе крѣпостныхъ работъ, начатыхъ въ 1821 году. Гора, на которой расположена Бурная, составляетъ оконечность хребта Акуши и Мехтули. Окружность крѣпости около 450 сажень; стѣны выложены очень прочно; внутри находится прекрасное зданіе комиссаріата, гауптвахта и нѣсколько казармъ. Въ настоящее время Бурная оставлена по неудобной мѣстности въ военномъ отношеніи, и отрядъ войскъ временно находится въ Низовомъ укрѣпленіи.

Не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, Бурная и Тарху наравнѣ съ Низовымъ укрѣпленіемъ задыхаются отъ жару. Говорятъ, что прежде здѣсь климатъ былъ умѣреннѣе и воздухъ чище, но года два тому назадъ послѣдовало значительное измѣненіе въ температурѣ: можетъ быть эта перемѣна началась еще гораздо раньше, а именно съ той самой эпохи, когда вода въ Каспій начала понижаться въ послѣдній разъ (съ 1816 г.). Нынѣ жаръ и какая-то духота въ воздухѣ невыносимы, а вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются лихорадки, преимущественно желчныя, и горячки: даже дѣти не избѣгаютъ первыхъ.—При миѣ термометръ поднимался до 28° тепла въ тѣни: можете себѣ представить, каково было природному Сибиряку сидѣть въ этой натуральной банѣ! Единственнымъ спасеніемъ моимъ служили морскія купанья, но и въ этомъ удовольствіи встрѣчалось много горькаго: море отстоитъ довольно далеко отъ Низоваго укрѣпленія, и дальняя прогулка подъ палящимъ солнцемъ нисколько не усладительна.

Зимой бываетъ здѣсь довольно холодно; въ мазанкахъ Низоваго укрѣпленія вѣтеръ иногда проникаетъ вездѣ и даже тушитъ вечеромъ свѣчи.

Народонаселеніе Тарху вынѣ не превышаетъ пяти тысячъ; прежде доходило до десяти, но удаленіе Шамхала, набѣгъ Казы-Муллы и другія неблагопріятныя обстоятельства обезлюдили это мѣстечко. Домовъ считается здѣсь до 1200, но какихъ домовъ!... Всѣ здѣшніе жители Мусульмане суннитскаго обряда, родомъ Татары, одного происхожденія съ Кумыками, что доказывается и физическимъ сложеніемъ и нарѣчіемъ Тархинцевъ. Не смотря на то, всякій разъ при взглядѣ на здѣшняго Татарина я думалъ услышать наше Казанское: «бачка! купи халатъ!» Жители Тарху и вообще дагестанскіе Татары не имѣютъ въ характерѣ почти ничего общаго съ сѣверными Татарами; даже физическая структура нѣсколько улучшилась при смѣшеніи съ кавказской кровью. Здѣшній Татаринъ сильно отзывается Горцемъ какъ въ костюмѣ, такъ и въ нравѣ.

Костюмъ жителей Тарху представляетъ смѣсь горскаго съ дербендскимъ: всеневная одежда состоитъ изъ черкесскаго папахъ (огромной широкой бараньей шапки), изъ чухи съ разрѣзными рукавами и съ патронами на груди, и изъ горскихъ шалваръ и обуви. Женщины облакаются въ рубашки болѣе или менѣе длинныя, утопаютъ въ шалварахъ (гуманахъ), а голову повязываютъ платкомъ; къ крайнему удовольствію всѣхъ поклонниковъ прекраснаго пола, женщины здѣсь не слѣдуютъ общему обычаю Востока, не прячутъ лицо подъ покрываломъ, не поворачиваются къ невѣрному задомъ. Я сказалъ къ удовольствію потому, что между обитательницами Тарху встрѣчаются красавицы, только жаль, что эта красота выглядываетъ изъ неизящнаго и запачканаго костюма.

Здѣсь было бы мнѣ очень сподручно распространиться

о горскихъ нравахъ вообще и о тарховскихъ въ особенности, написать длинную и весьма добросовѣстную диссертацию—титულъ добросовѣстнаго нынѣ необходимъ для всякаго труда—о характерѣ и наклонностяхъ подданныхъ Шамхала, но увы! я не обладаю чудесною способностію изучать нравы какой-нибудь Имперіи въ недѣльное пребываніе, и составлять изъ этого очень толстыя и очень дѣльные сочиненія. Я сознаюсь откровенно, что пробылъ въ Низовомъ укрѣпленіи только недѣлю, и что по моему разумѣнію, въ недѣлю можно замѣтить очень немного, а еще меньше изучить и понять. Скудную жатву, собранную мной въ это короткое пребываніе, я, хотя и съ большимъ стыдомъ, отваживаюсь представить на благоусмотрѣніе читателя: тутъ всего будетъ по-немногу.

Сколько я могъ замѣтить, главное занятіе тарховскихъ жителей состоитъ въ безмолвномъ созерцаніи природы съ плоской кровли мечети или собственнаго дома. Для этихъ людей, могущихъ перенести при-случаѣ всѣ возможные трудности горнаго похода, тяжела всякая работа; наклонность ихъ къ кейфу простирается до того, что они считаютъ большимъ одолженіемъ, если въ мѣсяцъ разъ свезутъ въ Шуру, за 60 верстъ отъ Тарху, провіантъ для войска и возмуть за это по два рубля сер. на лошади: тотчасъ же можно услышать между ними восклицанія, что мала плата, что они служатъ Россіи не меньше солдатъ, и проч. Не смотря на общую бѣдность жителей Тарху, ни одинъ изъ нихъ не хочетъ работать, ни одинъ изъ нихъ не запасаетъ денежку на червый день: всѣ живутъ лишь настоящимъ. Это общее правило въ горахъ. Пришла бѣда—и Горецъ обращается за помощію къ своимъ роднымъ или знакомымъ: помогли—хорошо, а не помогли, такъ пропадай, какъ знаешь. Впрочемъ, къ чести горъ, послѣднее обстоятельство встрѣчается нечасто, да и при ограниченности потребностей Горца и при правильномъ, здоровомъ образѣ жизни, ни бѣдность, ни болѣзнь ему почти неизвѣстны.

Все жители Тарху постоянно вооружены кинжалами, и не безъ смѣха виднѣе даже мальчишекъ, приидившихъ къ поясу кинжалъ больше себя. Подумаешь, что эти люди очень богаты, что жизнь ихъ течетъ среди дорогихъ наслажденій, но стоитъ только войти въ саклю, и все достоинство Горца у васъ передъ глазами: вотъ въ углу одной комнаты навалено нѣсколько перинъ, вотъ диванъ, покрытый истасканнымъ ковромъ, а надъ нимъ оружіе хозяина, вотъ висятъ на стѣнахъ фаянсовые и оловянные тарелки и блюда, просверленные чуть не на срединѣ для того, чтобы висѣть на гвоздѣ, вотъ мелочь накиданная въ таххакъ (нишахъ), а въ конюшнѣ нѣсколько штукъ барановъ и лошадь, — и ничего болѣе! Таковъ домашній обиходъ и весь капиталъ людей зажиточныхъ, а у бѣдныхъ нѣтъ того.

Послѣ созерцанія природы первое мѣсто занимаетъ сѣяніе и собираніе марены: огромные огороды этого растенія находятся около Низоваго укрѣпленія, и здѣшняя почва считается очень способной для произрастанія марены. На эти работы собираются въ Тарху толпы Горцевъ даже изъ немирныхъ ауловъ безъ всякихъ видовъ, и гости, пользуясь полной свободой, нерѣдко вмѣсто работы занимаются воровствомъ, а потомъ благополучно бѣгутъ домой. — Кромѣ марены Татары сѣютъ ячмень, пшеницу и кукурузу, и изъ послѣднихъ выдѣлываютъ муку. — Фруктовъ въ Тарху родится очень мало, и притомъ въ лѣтнее время они здѣсь вредны, особенно дыня, за которой ходитъ слѣдомъ лихорадка. Нѣкоторые жители обнаруживаютъ необыкновенную въ этомъ краю дѣятельность — занимаются дома выдѣлкою шелка, и содержатъ для этого шелковичныхъ червей. — Ремесленниковъ въ Тарху очень мало: всякій паровитъ промышлять себѣ хлѣбъ безъ большихъ хлопотъ торговлей въ мелочной лавочкѣ.

Хотя около Бурной и растетъ лѣсъ, но онъ такъ ме-

докъ и тонокъ, что не годится ни на какое употребленіе: это скорѣе кустарникъ, а не лѣсъ. Для отопленія возятъ самыя дрянныя дрова изъ-за пятнадцати верстъ; хорошій же строевой лѣсъ доставляется изъ Шуры. Впрочемъ, деревяннаго матеріалу на постройки идетъ здѣсь очень мало, а обходятся тесанымъ камнемъ; нѣкоторые употребляютъ на постройки сушеный кирпичъ, но и онъ готовится въ Тарху въ незначительномъ количествѣ. Сушеные кирпичи дѣлаются изъ глины, чернозема и мелкой соломы, величиной бываютъ больше обыкновенныхъ, не обжигаются, но сушатся на солнцѣ недѣли двѣ или даже меньше, если погода постоянно стоитъ сухая, и при стройкѣ связываются также глиной, только лучшаго сорта. Череницы въ Тарху не дѣлаютъ, потому что здѣсь нѣтъ хорошей глины.

По причинѣ сильныхъ жаровъ Тарху изобилуетъ насѣкомыми всякаго рода: въ цѣломъ городѣ нѣтъ ни одной сакли, въ которой не раздавалось бы заунывное пѣніе безчисленныхъ сверчковъ. Кромѣ невинныхъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ иногда нельзя уснуть цѣлую ночь, водятся въ Тарху скорпіоны и фаланги, но укушеніе ихъ производитъ только одну опухоль, которая скоро исчезаетъ отъ деревяннаго масла.

Жизненное содержаніе въ Тарху вообще не дорого: здѣсь много дичи—куропатокъ, фазановъ, зайцовъ; особенно весной и осенью, когда птицы летятъ съ зимовки и на зимовку, гастрономъ можетъ блаженствовать въ Тарху. Виноградное вино невысокаго достоинства доставляется сюда изъ Кизляра и продается по 50 коп. сер. ведро.

Просвѣщеніе въ Тарху ограничивается однимъ мусульманскимъ училищемъ, гдѣ до 8 учениковъ, и однимъ русскимъ въ Низовомъ укрѣпленіи, гдѣ до 40 русскихъ учениковъ; мѣсто учителя въ послѣднемъ занимаетъ офицеръ.

Въ Низовомъ укрѣпленіи выстроена небольшая церковь православная.

Усердіе къ мусульманской религіи тарховскихъ жителей выражается въ 8 мечетяхъ, при которыхъ находятся самыя невѣжественныя муллы, притомъ часто смѣняющіеся.

Для наблюденія за общественнымъ спокойствіемъ существуетъ въ Тарху Кала-бекъ (городничій) изъ Татаръ, а при немъ находятся Юзъ-баши (сотникъ) и Чауши (городовые).

Въ Низовомъ укрѣпленіи между Русскими принимаютъ монеты всѣхъ родовъ и званій, но Татары берутъ только серебро, преимущественно тифлискіе аббасы въ 20 и 40 коп. серебромъ.

Не смотря на приморское положеніе, Тарху не имѣетъ пристани: берегъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ, скрываетъ подводные камни, одержимъ безпрерывнымъ буруномъ и недостаточно глубокъ. Единственныя суда, пристающія въ Тарху, которыхъ приводитъ сюда необходимость—доставка провіанта для войскъ, становятся на якорь въ значительномъ разстояніи отъ берега и разгружаются съ помощію лодокъ.

По берегу морскому противъ Тарху находятся соленыя грязи, въ которыхъ купаются больные Мусульмане; въ 15 верстахъ къ Ю. отъ Низоваго укрѣпленія лежитъ подлѣ моря соленое озеро Турули, видимое изъ Бурной; кромѣ того въ окрестностяхъ Тарху извѣстны сѣрныя воды, изслѣдованныя Г. Эйхвальдомъ.

Въ Тарху иногда случаются землетрясенія: одно изъ сильныхъ было въ 1830 году 25 Февраля.

Разставаясь съ описаніемъ тарховской мѣстности, я считаю полезнымъ замѣтить, что при большемъ трудѣ здѣшняя страна доставляла бы значительный доходъ тому, кто захотѣлъ бы трудиться надъ ней.

Наконецъ, любители древностей могутъ слышать здѣсь о грубыхъ каменныхъ болванахъ, будто бы находящихся въ горахъ. Но есть другое обстоятельство гораздо важнѣе и занимательнѣе, имѣющее всемірную извѣстность, а между тѣмъ мало-вѣдомое Россіи: я здѣсь расскажу о немъ съ доброю цѣлю.

Нѣкоторый медикъ, спасаясь отъ разбоевъ С. Разина, бѣжалъ изъ Астрахани черезъ степи на Кавказъ и далѣе. На пути своемъ онъ видѣлъ въ горахъ много древностей и надписей, изсѣченныхъ на скалахъ, и не смотря на бѣдственное свое положеніе, снялъ копію съ одной изъ этихъ надписей. По надлежащемъ разсмотрѣніи учеными оказалось, что она принадлежитъ къ числу клинообразныхъ, одной изъ мудренѣйшихъ грамотъ, чтеніе которой только въ послѣднее время начало дѣлать нѣкоторые успѣхи. Всѣ клинообразныя надписи носятъ высокій ученый интересъ, потому что во-первыхъ всѣ онѣ древнѣе походовъ Александра Македонскаго, а во-вторыхъ потому, что имѣютъ историческое значеніе и принадлежатъ болышею частію къ царскимъ грамотамъ. По предположеніямъ толкователей клинообразнаго письма надпись, видѣнная медикомъ, должна находиться въ горахъ около Тарху; снимокъ этой надписи приложенъ къ сочиненію французскаго оріенталиста Бюрнуфа о клинообразной грамотѣ. Такъ какъ снятая медикомъ копія содержитъ въ себѣ не болѣе 2—3 строкъ, то можно предполагать, что надпись снята не вся, а можетъ быть рядомъ съ ней находятся еще и другія надписи зендскія или пеглевійскія.

Если когда-либо моя книга попадетъ въ руки чело-

вѣка, не чуждаго образованности и брошеннаго судьбою на Кавказъ, да обратить онъ вниманіе на обстоятельство, которое я сейчасъ разсказалъ: можетъ быть ему и удется встрѣтить гдѣ-нибудь въ горахъ Дагестана надпись, о которой идетъ рѣчь, и оказать несомнѣнную услугу наукѣ доставленіемъ вѣрнаго и полнаго снимка всей рѣдкости. Узнать клинообразную надпись очень нетрудно: она должна состоять изъ клиньевъ, разставленныхъ въ разныхъ направленіяхъ.

Еще сначала моего пребыванія въ Низовомъ укрѣпленіи я желалъ осмотрѣть домъ Шамхала, но каждый день откладывалъ свое посѣщеніе, потому что владѣтельница этого дома была въ отсутствіи. Я могъ бы осмотрѣть домъ и безъ нея, но мнѣ собственно хотѣлось видѣть не зданіе, а самую Шамхальшу. Странное желаніе, но всякій на моемъ мѣстѣ возымѣлъ бы подобную мысль, когда бы узналъ, что выѣзжашую Шамхальшу зовутъ Сюльтанетъ, что она героиня повѣсти «Аммалатъ-Бекъ.» Тѣ, которые читали этотъ разсказъ—а кто его не читалъ?—конечно съ прискорбіемъ узнаютъ, что Сюльтанетъ, та самая Сюльтанетъ, для которой Аммалатъ сдѣлался низкимъ убійцей, нынѣ покинута своимъ мужемъ, высокостепеннымъ Шамхаломъ Тарховскимъ, и живетъ одинокая въ шамхальскомъ домѣ въ Тарху. Въ моихъ глазахъ такое положеніе дѣлало Сюльтанетъ еще интереснѣе, и видѣть ее я имѣлъ одной причиною больше. Но какъ нарочно къ моему горю, Сюльтанетъ уѣхала въ горы на похороны какого-то Бека, одного изъ своихъ родственниковъ, и возвратилась въ Тарху только наканунѣ моего отъѣзда. Разумѣется, я немедленно отправилъ къ ней депутатамъ переводчика Низоваго укрѣпленія, и его краснорѣчиво ввѣрилъ свою судьбу: короче сказать, я насильно навязывался на знакомство, и подъ предлогомъ осмотра дворца просилъ позволенія видѣть и владѣтельницу его. Сюльтанетъ сначала изъявила свое согласіе, но потомъ раздумала, и

жалуюсь на головную боль, отказалась принять меня. Известно, что всё гяуры чрезвычайно упрямы: я приказалъ сказать гордой Шамхальшѣ, что остаюсь до ея выздоровленія. Эта лесть или угроза—назовите какъ угодно—произвела свое дѣйствіе: послѣ долгихъ колебаній Сюльтанетъ велѣла просить меня къ себѣ.

День былъ мрачный, солнце пряталось за тучами, и по-временамъ накрапывалъ дождь, но ничто не могло бы удержать меня въ эту пору. На сильномъ конѣ я понесся въ Тарху и вскорѣ очутился, въ сопровожденіи переводчика, передъ шамхальскимъ дворцомъ. Мы сошли съ лошадей и принялись за историческія изслѣдованія мѣстности, въ ожиданіи желаннаго пріема.

Домъ Шамхала находится въ верхней части Тарху и выстроенъ несовѣтъ по-здѣшнему: это довольно правильное зданіе сложено изъ тесаного камня, освѣщается правильно расположенными окнами съ рамами и стеклами, и съ фасада, передъ которымъ растутъ тополи, очень похоже на европейское жилище; къ одной изъ боковыхъ комнатъ примыкаетъ балконъ. У главныхъ воротъ находится тюрьма—выкопанная въ землѣ яма, въ которую на веревкѣ спускають преступниковъ; при мусульманскомъ владычествѣ наказанія были гораздо суровѣе, и восточныя казни—ослѣпленіе и проч. были въ большомъ ходу.

На первомъ дворѣ находится между главными и вторыми воротами фонтанъ или правильнѣе четвероугольный бассейнъ саженъ семь въ окружности, покрытый навѣсомъ; подлѣ бассейна лежитъ небольшой сѣрый камень: это тронъ Шамхала, на которомъ онъ судить и рядить своихъ подданныхъ, на которомъ и коронуются новые владѣтели Тарху. На второмъ дворѣ, расположенномъ въ рядъ съ первымъ, находится съ лѣвой стороны продолговатая четвероугольная комната также съ бассейномъ, замѣчательная

тѣмъ, что въ ней принималъ Шамхаль Императора Петра во время пребыванія Его въ Тарху. Теперь эта комната стоитъ совершенно пустая, стѣны ея закопѣли, окна и двери заперты, но память Великаго стережетъ ее и отъ людей и отъ времени!

Вотъ наконецъ я очутился у третьихъ дверей, ведущихъ въ отдѣленіе, занимаемое Сюльтанетой, и располагался уже войти къ Шамхальшѣ, какъ на вопросъ переводчика «хазир-му» готово ли?—слышу несносное «тохта» погоди! Дѣлать нечего: я долженъ былъ обуздать свое нетерпѣніе, и ожидать, пока приведутъ въ порядокъ приемную комнату Шамхальши. Вѣроятно, по недавнему возвращенію изъ дороги или по общему на Востокъ нерадінію, комнаты находились въ безпорядкѣ, и для приема иноземца нужна была нѣкоторая подготовка.

Однако, терпѣніе мое не долго страдало: черезъ нѣсколько минутъ меня ввели къ Шамхальшѣ.

Въ небольшой мрачной комнатѣ, освѣщенной только однимъ окномъ, сидѣли, по восточному обычаю, на тюфякахъ, брошенныхъ на полу, два существа. Въ углу у окна выставялась на свѣту какая-то старуха, бѣдно одѣтая, что-то въ родѣ дуэньи или компаньонки, а напротивъ ея у дверей или правильнѣе у окна въ другую комнату скрывалась въ тѣни владѣтельница Тарху, предметъ неистовой страсти Аммалатъ-Бека, знаменитая Сюльтанетъ. На мой поклонъ она привстала очень граціозно и отвѣчала милымъ поклономъ, закрывая ротикъ кисейнымъ рукавомъ рубашки. Въ то время, какъ я поднималъ голову, нѣкогда за Сюльтанетой мелькнуло юное восхитительное личико, настоящий типъ горской красоты: вѣроятно желаніе взглянуть на гаура привлекло это личико къ окну, также какъ любопытство видѣть Шамхальшу привело меня сюда. Съ головы Сюльтанетъ падало большое кисейное покрыв-

вало, скрывавшее и костюмъ и станъ ея: однако я успѣлъ замѣтить, не смотря на безчисленныя складки покрывала, что на ней надѣтъ шелковый архалукъ и туманы, и что станъ ея сдѣлалъ бы честь любой красотѣ.

Я осмотрѣлся вокругъ и нашелъ, что для супруги высокостепеннаго Шамхала такое жилище очень бѣдно, а для героини романа даже неприлично! Полъ устланъ коврами, на стѣнахъ два небольшія простыя зеркала и маленькій Лезгинскій кинжалъ съ шашкой: вотъ и все!

Мы подали стулъ, первое нарушеніе восточнаго этикета.

Я успѣлъ и повелъ рѣчь черезъ переводчика: при моихъ слабыхъ познаніяхъ въ кумыкскомъ діалектѣ, я не осмѣлился бесѣдовать съ Сюльтанетой на здѣшнемъ языкѣ.

Первымъ моимъ словомъ была чистая ложь: чтобъ какъ-нибудь оправдать свою настойчивость на свиданіе съ Шамхальшей, я пожаловалъ своихъ предковъ въ Татары, а переводчикъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, объявилъ Сюльтанетѣ, что я татарскаго сѣмени (тюхми татаръ).

Но первая ложь не принесла никакой пользы: Сюльтанетѣ, повидимому, не было дѣла до моего происхожденія, что въ послѣдствіи времени я нашелъ очень естественнымъ.

Я попробовалъ изумить Сюльтанету съ другой стороны—разомъ объявилъ, что я будущій «путешественникъ по Востоку», но и этотъ громкій титулъ лопнулъ въ воздухъ безъ всякаго эффекта.

Рѣшительно у этой женщины умерли всѣ чувства, или что-нибудь тяжелое лежитъ на душѣ, подумалъ я,

и отъ себя обратилъ разговоръ на здѣшнюю сторону, отозвался о ней несовсѣмъ съ похвалою, на что и Сюльтанетъ согласилась. Это придало мнѣ смѣлости. — «Я думаю, что вамъ здѣсь скучно? Правда, что изъ вашего окна, видъ на море волшебный, но подлѣ васъ, что за городъ, что за люди!»

— Да, я теперь скучаю. Прежде, когда въ Низовомъ укрѣпленіи жила супруга Коменданта, съ которой я нерѣдко дѣлила время, мнѣ было веселѣе: мы вмѣстѣ ѣздили къ морю, гуляли въ горахъ, и жизнь шла незамѣтно.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ я раскланялся.

Первый опытъ изслѣдованія восточной красоты былъ несовсѣмъ удаченъ: я читывалъ во многихъ путешествіяхъ, что красота и молодость на Востокѣ быстро улетають, но несовсѣмъ этому вѣрилъ, а теперь долженъ былъ согласиться, что путешественники правы. Сюльтанетъ около 30 лѣтъ, но похудѣвшее лицо уже носить признаки довременной старости: единственными свидѣтелями бывшей красоты остались выразительные черные глаза и гибкій станъ кипариса! По восточному обыкновенію Сюльтанетъ даетъ своему лицу искусственную бѣлизну и сурмитъ брови, но это нисколько не дѣлаетъ ее моложе. Конечно, непріятное положеніе, въ которомъ она находится, должно было имѣть вліяніе на ея преждевременное увяданіе: Абу-Муслимъ, супругъ Сюльтанеты, покинулъ ее и женился на молоденькой дѣвушкѣ. Одинокая жизнь и безотрадная будущность гнетутъ Сюльтанету и медленно разрушаютъ ея здоровье: я дѣлаю это предположеніе потому, что въ разговорѣ Сюльтанеты замѣтенъ умъ и нѣкоторое образованіе, что женщина съ такимъ взлядомъ на жизнь не можетъ сносить равнодушно измѣлу мужа, хотя на Востокѣ это и въ порядкѣ вещей. — Можетъ быть апатія возьметъ верхъ, и Сюльтанета привыкнетъ къ своему горю!

По крайней мѣрѣ въ настоящее время идолъ Аммалать-Бека очень угрюмъ и скученъ.

Выходя изъ дому Шамхала, я видѣлъ на дворѣ дѣтей Сюльтанеты, дѣвочку лѣтъ трехъ и мальчика лѣтъ семи: оба ребенка очень милы и очень выпачканы въ грязи. И то и другое также совершенно въ порядкѣ на Востокѣ.

Дождь усердно орошалъ почву тарховскую, но я возвращался въ Низовое укрѣпленіе медленно, погруженный въ глубокое раздумье о горестномъ положеніи женщины на Востокѣ. Когда-нибудь я напишу по этому поводу длинную и слезную элегію, только бы добратся мнѣ до настоящаго Востока.

По возвращеніи въ Низовое укрѣпленіе мнѣ объяснили причину, по которой Сюльтанета колебалась принять меня: говорятъ, покойный поэтъ Полежаевъ, при посѣщеніи своемъ Шамхальши, спросилъ ее какъ-то неловко о любви Аммалать-Бека, а извѣстно, что слово любовь изгнано изъ мусульманскаго хозяйства. Сюльтанетъ обидилась нескромнымъ вопросомъ, и съ тѣхъ поръ начала принимать пріѣзжихъ съ большими предосторожностями. Изъ посѣтителей разнаго рода больше ей по сердцу хахимы (доктора), и она даже лечилась у одного русскаго доктора.—Вообще Сюльтанета живетъ теперь уединенно и скромно, потому что дражайшій супругъ даетъ ей въ частности очень ограниченное содержаніе.

Я не забылъ навѣдаться у переводчика и о чудесномъ существѣ, которое мелькнуло за Сюльтанетой во время моего явленія къ Шамхальшѣ, и узналъ, что это одна изъ дѣвушекъ Шамхальши, что въ нее влюбленъ . . . ужъ не «путешественникъ-ли по Востоку», думаете вы? Нѣтъ, въ нее влюбленъ младшій братъ Шамхала, но Абу-Муслимъ

не позволяетъ ему жениться на ней, потому что эта дѣвушка не изъ знатной фамиліи.

Какъ видите, до сихъ поръ мое странствованіе обстоитъ очень благополучно: я прокатился по морю и не потерпѣлъ ни крушенія, ни бури, къ крайнему огорченію читателя, который чрезвычайно любитъ необыкновенныя событія; я даже видѣлъ типъ кавказской красоты, и сердце мое осталось на мѣстѣ, видѣлъ только на мгновение, но это еще удобнѣе для возженія страсти, которая рождается именно отъ «роковаго взгляда». Я знаю, что всѣ влюбленные выведутъ изъ моего равнодушія совсѣмъ другое заключеніе: они скажутъ, что я оставилъ свое сердце на родинѣ. Пожалуй, я и на это согласенъ, но только прошу не пренебречь слѣдующей исторіей, исторіей собственно Тарху и его Шамхаловъ, а не чего-нибудь другого.

Не смотря на то, что нѣкоторые восточныя хроники очень почтенной древности утверждаютъ, что на мѣстѣ Тарху стоялъ первоначально городъ Семендеръ—это было еще въ блаженные времена владычества Хазаровъ у Каспійскаго моря—не смотря на то, что исторія Дербенда «Дербендіада» прямо называетъ Тарху Семендеромъ, многія уважительныя причины заставляютъ меня отвергнуть это мнѣніе. Прямаго указанія на время основанія Тарху въ восточныхъ писателяхъ не имѣется.

Аравитяне съ непобѣдимымъ энтузіазмомъ нахлынули на Дагестанъ, и завели здѣсь, послѣ упорной борьбы съ Хазарами и туземными племенами, свои колоніи и свою религію. По-видимому самымъ сѣвернымъ пунктомъ ихъ владычества было кумыкское владѣніе. Вскорѣ выступаютъ на сцену и Шамхалы. Это случилось, по сказанію Дербендіады, слѣдующимъ образомъ:

Въ правленіе Халифа Гишама бенъ Абдуль-Мелика посланъ былъ правителемъ въ Дагестанъ Маслама (733 г.

по Р. Х.); этотъ воитель покорилъ оружію и религію Аравитянъ большую часть страны, побѣдилъ, между прочимъ, Кумыковъ и посадилъ къ нимъ владѣтелемъ Шагбала, изъ имени котораго выработался со временемъ титулъ Шамхала. Маслама поручилъ управленію Шагбала почти весь Дагестанъ, такъ что Шагбаль сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ воеводъ въ этихъ странахъ.—Наслѣдники этого Шагбала продолжали владѣть сѣвернымъ Дагестаномъ какъ во время Халифата, такъ и при персидскомъ владычествѣ, пользовались титуломъ Вели (Намѣстниковъ) Дагестанскихъ, и получали отъ персидскихъ монарховъ золотую печать и грамоту при восшествіи на управленіе.

Вотъ откуда, по извѣстію Дербендіады, произошли Шамхалы.

Первые Шамхалы храбростію и благоразумнымъ управленіемъ пріобрѣли такое уваженіе въ Дагестанѣ, что въ честь ихъ явилась клятва—«Шамхаль баши» клянусь головой Шамхала.

Сношенія Россіи съ Шамхалами, или, какъ они называются въ нашихъ архивахъ, съ Шевкалами, начались съ 1559 года, и непріязненное начало повело, однакожъ, къ тому, что въ 1638 г. Сурхай-ханъ, владѣтель Тарховскій и Кумыкскій, получилъ жалованную грамоту на подданство Россіи, а въ 1643 году Царь Михаилъ Феодоровичъ утвердилъ его въ Шамхальскомъ достоинствѣ, пожаловавъ ему персидскимъ Шахомъ. Сурхай-Ханъ участвовалъ въ походѣ персидскаго правителя Хосрау-Сультана противъ Русскихъ, а потомъ въ возстаніи Дагестана противъ Персіи: побѣжденный, онъ былъ прощенъ персидскимъ Шахомъ. Въ 1718 г. Шамхаль Адиль-Гирей, сынъ Муртазъ-Али, принявъ присягу на русское подданство и оказавъ Петру Великому разныя услуги во

время Его похода въ Дагестанъ, но въ 1725 г. измѣнили Россіи, затѣявъ съ нами войну, въ которой изнемогъ, былъ разбитъ Генералъ-Маіоромъ Крѣпотовымъ, взятъ въ плѣнъ и кончилъ дни свои въ заточеніи въ Колѣ, а городъ Тарху опустошенъ въ наказаніе за измѣну, и званіе Шамхала, по повелѣнію Петра, уничтожено. По заключеніи мира съ Россіей въ 1735 г. Надиръ Шахъ утвердилъ Шамхальское достоинство за кумыкскимъ владѣльцомъ Казсбулатомъ, сыномъ Адиль-Гирея: этотъ Казсбулатъ былъ другомъ Надира. Крымскій Ханъ, при нападеніи на Дагестанъ, по распоряженію Турецкаго Султана, назначилъ вездѣ новыхъ владѣтелей, и между прочимъ мѣсто Шамхала отдалъ Ильдаръ-Хану, сыну Муртазъ-Али. Новые владѣльцы думали напасть соединенными силами на Казсбулата, но Надиръ явился къ нему на помощь и разогналъ союзъ. — Не смотря на эту неудачу, Турецкій Султанъ въ 1744 г. пожаловалъ титулъ Шамхала Ахмедъ-Ханъ Беку Джангутайскому. Спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ возстановленія Шамхальства Надиромъ, это владѣніе опять подчинилось Россіи, что, впрочемъ, неизбѣжно должно было воспослѣдовать по близкому сосѣдству его съ Россіей и по могущественному вліянію Имперіи на судьбы Кавказа: Шамхалъ Муртазъ-Али, сынъ Казсбулата, вступилъ въ русское подданство, и пребылъ вѣрнымъ Россіи до самой смерти. Ему наследовалъ племянникъ его Мегди.

Кромѣ этихъ Шамхаловъ извѣстна еще другая отрасль кумыкскихъ владѣтелей подъ именемъ «Шубанъ-Шамхаловъ» Шамхаловъ-пастуховъ: предокъ ихъ былъ Шамхаломъ Тарховскимъ въ началѣ XVIII столѣтія.

Естественнымъ прикосновеніемъ своимъ къ Каспійскому морю поставленная въ необходимость вмѣшательства во всѣ дѣла Кавказскаго края, а по договорамъ съ Персіей явившаяся законною и единственною владычицею этихъ мѣстъ, Россія, съ перваго момента признанія власти

своей въ Дагестанѣ, обнаруживаетъ благотворное вліяніе на состояніе здѣшняго края. Насилія и самоуправство изгнаны изъ владѣній Шамхала: хотя владѣлецъ Тарховскій и управляетъ подданными по своимъ уставамъ, однако за справедливымъ удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ и за правильнымъ ходомъ правосудія смотритъ зоркое око русскаго Правительства. Неблагопріятныя обстоятельства до сихъ поръ препятствовали развитію гражданственности во владѣніяхъ Шамхала, но надобно надѣяться, что, съ поселеніемъ въ этомъ краю на постоянное жительство Русскихъ и съ успѣхами вводимаго благоустройства въ управленіи, нравы Горцовъ потеряютъ вѣроломную свирѣпость, и вся страна воспользуется благодѣяніями образованности. До тѣхъ поръ, пока Горцы будутъ отдѣлены отъ семейнаго очага Россіи, пока они будутъ единственными обитателями этихъ странъ, объ успѣхахъ цивилизаціи нечего и говорить.

Но это мимоходомъ, а обратимся опять къ Шамхальству.

Нынѣшній Шамхаль Абу-Муслимъ, котораго значеніе и власть далеко не равняются важности первобытныхъ Шамхаловъ, пользуется официальнымъ титуломъ: высоко-степенный, высокопочтенный, превосходительный Шамхаль, а въ турецкихъ актахъ онъ величается по прежнему обычаю Намѣстникомъ Дагестанскимъ (Вели Дагистанъ, Дагистанъ Валиси). Спустя долгое время послѣ посѣщенія Тарху, мнѣ попалось въ руки письмо одного изъ горскихъ князей, писанное на арабскомъ языкѣ—въ горахъ вся переписка производится на этомъ языкѣ, а не на туземныхъ діалектахъ—Абу-Муслима въ этомъ письмѣ величали «Шамхаломъ Тарховскимъ, Намѣстникомъ Дагестанскимъ», а рядомъ съ нимъ стояло имя новой его супруги, но о Сультанетѣ—увы!—не было ни полслова.—Абу-Муслиму около 33 лѣтъ; съ недавняго времени онъ покинулъ Тарху, пере-

селится въ селеніе Казанища, верстахъ въ 30—40, и устроиваетъ тамъ домъ въ европейскомъ вкусѣ.

Большую часть народонаселенія въ Шамхальствѣ Тарховскомъ составляютъ Кумыки, тюркское племя, явившееся на Кавказѣ еще до нашествія Аравитянъ. Къ этому населенію примѣшались въ послѣдствіи Татары, пришедшіе съ Монголами, и оттого какъ по физиогноміи, такъ и по языку, Кумыки родственны нашимъ сѣвернымъ Татарамъ, хотя и по первобытному происхожденію они принадлежатъ къ общему семейству. Первоначально Кумыки вели кочевую жизнь, но, слѣдуя мѣстному преданію, одинъ изъ сыновей Шамхала Чапалака или по здѣшнему выговору Чапалау, можетъ быть предка моего хозяина Маіора Чаплыгина, недовольный своей участью въ отцовскихъ владѣніяхъ, завелъ осѣдлое поселеніе къ Сѣверу отъ нихъ, а потомъ перешелъ въ Эндери (Андреево). Такъ какъ этотъ Бекъ, называвшійся Султанмутомъ, по матери происходилъ отъ Кабардинки, да и при поселеніи на осѣдлое житіе привелъ съ собой Кабардинцовъ, то въ управленіи и уставахъ Кумыковъ обнаруживается кабардинскій характеръ, прикрытый обнимъ мусульманскимъ. Можно полагать, что Кумыки составляли первоначальное населеніе Шамхальства Тарховскаго или по крайней мѣрѣ одно изъ древнѣйшихъ здѣшнихъ племенъ, хотя прямого указанія на это мнѣ не случалось встрѣтить.

Кажется, я все сказалъ о Тарху.

Какъ? Быть такъ близко къ театру горской войны, слышать ежедневно рассказы о Шамилѣ, и ни слова не сказать о Кавказѣ и его герояхъ? Да это ни на что не похоже! Какое это «путешествіе по Дагестану»!

Признаюсь, я не имѣю охоты разсуждать о горскихъ дѣлахъ: до сихъ поръ я и такъ много пускался въ трак-

таты о предметахъ мнѣ почти чуждыхъ; единственно для удовольствія читателя. Но дѣлать нечего: чтобъ избѣжать упрека въ односторонности, побесѣдуемъ и о Шамилѣ и о прочихъ ужасахъ.

«Лучшій изъ Пророковъ»—да привѣтствуетъ его Аллахъ!—въ премудромъ своемъ Алкуранѣ чуть не на каждой страницѣ вопіетъ объ истребленіи всѣхъ гяуровъ и объ утвержденіи на цѣломъ земномъ шарѣ единой религіи мусульманской. Для примѣра довольно привести слѣдующій возгласъ Ислама: «чтобъ не было бѣдствій, убивайте всѣхъ язычниковъ и убивайте всѣхъ тѣхъ, которые не вѣруютъ въ Аллаха и въ послѣдній день». Этимъ единственнымъ оригинальнымъ догматомъ своей религіи Мухаммедъ раздѣлилъ міръ на двѣ половины, одна отъ другой отчужденныя: на міръ мусульманскій «даръ-эль-исламъ» и на міръ невѣрный «даръ-эль-харбъ», и между обоими положилъ непреодолимую преграду. Благодаря нечеловѣческому принципу, изобрѣтенному эгоистическимъ соображеніемъ Мухаммеда, войнѣ съ невѣрными «джигады», мусульманская религія быстро разлилась по Старому свѣту, и отодвинула, мы еще не знаемъ на сколько вѣковъ или тысячелѣтій, развитіе гражданственности и социальности въ Азіи. Сокрушая на пути своемъ всѣ вѣрованія, всѣ интересы, всѣ національности, Исламъ, передъ мнимыми благодѣяніями котораго, къ крайнему прискорбію всѣхъ благомыслящихъ ученыхъ, благоговѣютъ многіе европейскіе оріенталисты, насаждаетъ всюду одну національность мусульманскую.

Съ этимъ варварскимъ уставомъ явились Аравитяне и на Кавказъ, и послѣ долгихъ войнъ, описываемыхъ мусульманскими хрониками съ такимъ умиленіемъ, успѣли распространить и здѣсь Исламъ подавить развивавшіяся благодѣянія Христіанской религіи, но не могли сообщить своего энтузіазма горскимъ племенамъ и заразить ихъ ядовитою ненавистью къ невѣрнымъ. Впрочемъ, къ чести

Аравитянъ скажемъ, что они и сами мало по малу образумились, и смотрѣли на невѣрный міръ не съ такимъ презрѣніемъ, какъ при первомъ прыжкѣ изъ родныхъ степей.

Не смотря на то, что Исламъ, обременяющій Мусульманина строгимъ исполненіемъ тяжелыхъ обязанностей, по многимъ причинамъ, главное по привязанности Горца къ дикой свободѣ и по безпечности его относительно задушевныхъ убѣжденій, нашелъ себѣ вѣтвердую опору въ горахъ Дагестана, грозный привицъ джигада въ искусныхъ и честолюбивыхъ рукахъ могъ принести горькіе плоды. На западной сторонѣ Кавказа, гдѣ стародавнія идеи и образъ управленія не согласовались съ религіей мусульманской, Исламъ былъ принятъ съ большими ограниченіями и съ равнодушіемъ, такъ что Джигадъ, не смотря на краснорѣчивыя воззванія фанатиковъ, до сихъ поръ здѣсь ни удавался, да едва-ли и будетъ когда-нибудь возможенъ. Не то происходитъ на восточной сторонѣ Кавказа.

Хотя Мухаммедъ отвергъ въ Алкуранѣ отшельническую, раздѣльную отъ общества жизнь, хотя Исламъ не допускаетъ ни малѣйшаго поклоненія людямъ, которые ознаменовали себя святостью жизни, однако и то и другое запрещенія, съ расширеніемъ мусульманской религіи, были нарушены: явились люди, бѣжавшіе отъ соблазновъ міра въ пустыни или по крайней мѣрѣ отторгнувшіеся отъ всѣхъ связей съ мірскимъ, явились и поклонники этихъ святошъ. Созерцательная жизнь «тарикатъ», преимущественно развившаяся въ Персіи, сдѣлалась особенною заслугою въ глазахъ народа, и мало по малу организовались въ Исламѣ различныя отшельническія общины: имя Шейха стало синонимомъ чистоты жизни, а по смерти Шейха гробница его служила предметомъ общаго почитанія, а иногда даже и пелеринажа, такъ что нынѣ на Востокѣ рѣдкая деревня не обзавелась часовней надъ гробомъ собст-

веннаго Шейха. Хотя созерцательная жизнь и полное отрѣшеніе отъ мірской суеты составляютъ необходимое условіе Шейха, однако смышленные честолюбцы не разъ украшали себя этимъ титуломъ для того, чтобъ насладиться благами міра сего больше, нежели досталось имъ на долю. Кромѣ того ослабленіе мусульманскаго фанатизма возбуждало во многихъ желчныхъ и жадныхъ къ власти сердцахъ мнимо-законное негодованіе, и съ мечемъ и огнемъ устремлялись эти дикіе фанатики на преобразование общества и на утвержденіе истиннаго Ислама, того Ислама, который не даетъ пощады всему невѣрному. Одною изъ этихъ смѣлыхъ попытокъ было явленіе гнуснаго Веххабизма, не нашедшее себѣ оттолоска въ мусульманскомъ мірѣ. Къ числу подобныхъ же явленій принадлежитъ и секта «Батенитовъ» созерцателей, извѣстная въ политическомъ своемъ составѣ подъ страшнымъ именемъ Ассасиновъ, покушеніе Шейха Бедр-Эдина при Османскомъ Сюльтанѣ Мухаммедъ-Ханѣ и многія другія, представляемыя исторіею мусульманскаго Востока.

Прикрываясь тарикатомъ, фанатизмъ и честолюбіе перешагнули изъ Бухары, гдѣ Исламъ живетъ вдали отъ всякаго прикосновенія съ невѣрнымъ міромъ, въ Дагестанъ. Около 1785 года явился въ Чечнѣ Шейхъ-Мансуръ, уроженецъ оренбургскихъ степей, воспитанникъ бухарскаго фанатизма. На проповѣдь его откликнулось много голосовъ въ горахъ, и съ толпами охотниковъ до грабежа и разгульной жизни Шейхъ-Мансуръ, вѣроятно самъ себя пожаловавшій въ Шейхи, носился около русскихъ укрѣпленій, являлся и передъ Кизляромъ, но увлеченный Турціей на защиту Анапы, взятъ русскими войсками въ плѣнъ, и по повелѣнію Императрицы Екатерины II отправленъ на Соловецкій островъ.

Въ горахъ притихло.

По добровольномъ вступленіи Грузіи въ русское подданство и по присоединеніи Закавказья, Россія, издавна обезпokoиваемая на Сѣверѣ Кавказа горскими набѣгами, должна была пристальнѣе позаботиться о зашитѣ новыхъ подданныхъ, непрестанно угрожаемыхъ и въ жизни и въ имуществѣ буйнымъ Кавказомъ. Русская длань распростерлась надъ горами, и въ центрахъ мятежныхъ обществъ возникли русскія крѣпости. Происки мусульманскаго фанатизма, поджигавшаго горцевъ къ джигадѣ, вынудили русское правительство ограничить число поклонниковъ, отправляющихся въ Мекскій пелеринажъ. Хитрые честолюбцы дали этой мѣрѣ совершенно иной толкъ, и битвы вновь закипѣли.

На этотъ разъ «муршидомъ» наставникомъ явился мулла Мухаммедъ Кюринскій; многочисленные «мюриды» послушники образовались его наставленіямъ. Ученіе тариката смѣшалось съ очищеніемъ Ислама, и въ основаніе новой проповѣди положена «джигадъ» война съ невѣрными, потому-де, что Мусульмане не могутъ находиться подъ властію Кафировъ, а напротивъ должны сами владычествовать. Однимъ изъ самыхъ ловкихъ поборниковъ новаго устава былъ кази мулла Мухаммедъ, открывшій свою проповѣдь во владѣніяхъ Шамхала, и мало по малу распростершій власть на большую часть Дагестана. Много жертвъ фанатизма пало съ обѣихъ сторонъ, Кази Мулла осаждалъ Бурную и Дербендъ, ограбилъ Кизляръ, но наконецъ палъ въ Гимрахъ въ 1832 году передъ русскимъ мужествомъ. Я видѣлъ могилу фанатика подлѣ Бурной чуть нрядомъ съ могилой жертвы его фанатизма Дистерло, убитаго при освобожденіи Бурной отъ блокады: четвероугольная плита означаетъ мѣсто, гдѣ погребенъ возмутитель Дагестана.

Не умерли съ кончиною кази Мухаммеда мятежныя страсти Кавказа: ученіе тариката съ возобновленнымъ Исламомъ продолжало развиваться. Муршидъ мулла Мухам-

медь назначилъ преемникомъ Кази одного изъ самыхъ буйныхъ его мюридовъ Гамзатъ Бека, истиннаго сына горь, то есть неизмѣннаго въ фанатизмѣ, непоколебимаго въ ненависти. Но дерзкій и мстительный Бекъ не долго властвовалъ, и притомъ въ безпрерывной войнѣ съ своими же: въ 1834 году онъ убитъ въ мечети въ Хунзахѣ мюридомъ Хаджи-Мурадомъ.

Когда судьба привела меня въ Тарху, и Кази Мулла и Гамзатъ Бекъ были уже забыты: иная молва носилась по Кавказу, другое имя шумѣло вокругъ меня,—имя Шамиля, преемника и мюрида Гамзатъ Бека. Мнимое обновление Ислама получило довольно обширное развитіе, и въ мусульманскомъ мірѣ образовалась новая секта—мюридизмъ военно-аскетическій, бывший основаніемъ и ученія Батенитовъ или Ассасиновъ.

Разберемъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ притязанія новой секты: я даю ей названіе секты, хотя она еще и не признана мусульманскими теологами и не обработана своими учителями до яснаго отличія отъ чистаго Ислама или отъ другихъ подраздѣленій его.

Конечно, большая часть многочисленныхъ отшельничьихъ общинъ на самомъ Востокѣ имѣетъ основнымъ принципомъ умерщвленіе плоти, отрѣшеніе отъ міра, и только тогда новый адептъ поступаетъ въ число членовъ, когда онъ совершенно забылъ все земное, и предался единственно духовному созерцанію Божества. Отличіе «тариката» въ томъ и состоитъ, что онъ своему послѣдователю повелѣваетъ забвеніе всего окружающаго и отреченіе отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла міра сего.

Совсѣмъ не то проповѣдуетъ мюридизмъ и его самозванный глава: наставникъ и его ученики, вмѣсто удаленія отъ свѣтской суеты, вмѣсто непрерывной молитвы

въ уединенной кельѣ, проводятъ жизнь на конѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, въ шумномъ станѣ, посвящая большую часть своихъ мыслей управленію чужими поступками, разбирательству ссоръ, собираіію незаконныхъ поборовъ, вѣстребленію своихъ собратіи мусульманъ, и прочимъ занятіямъ, не сообразнымъ съ ученіемъ тариката.

Чтобъ это уклоненіе отъ первобытныхъ уставовъ Ислама оправдать въ глазахъ строгихъ Мухаммеданъ, предводители кавказскаго мюридизма прибѣгли еще къ тяжчайшему грѣху въ глазахъ мусульманскаго закона—къ произвольному похищенію власти. Глава мюридизма выдаетъ себя за Имама, духовнаго и свѣтскаго владыку Мусульманъ, но это хищничество власти противорѣчитъ какъ «скюннету» кодексу пророческихъ уставовъ, такъ и «шаріату» полному закону. Съ первымъ не согласно оно потому, что Мухаммедъ сказалъ: «Имамы изъ Корейшитовъ» и слѣдовательно всякій присвоитель Имамата есть самозванецъ, со вторымъ не согласно оно потому, что духовному Иمامу необходимо обширное и основательное знаніе закона, признанное мусульманскими учеными. Такимъ образомъ Шамиль ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни духовнымъ, ни свѣтскимъ Иمامомъ.

Но не этимъ ограничивается грѣховность Шамиля и его учениковъ въ глазахъ Ислама: проповѣдуя обновленіе религіи и подвергая Исламъ реформѣ, мюридизмъ находитъ себѣ осужденіе въ слѣдующихъ словахъ Мухаммеда: «всякое нововведеніе есть противообычіе, всякое противообычіе есть заблужденіе, а всякое заблужденіе (ведетъ) въ (адскій) огонь.» Стремясь къ утвержденію въ Дагестанѣ незаконнаго своего владычества, Шамиль и соучастники его самозванства положили основаніе новой сектѣ—военно-аскетическому мюридизму, но всякая секта, кромѣ истиннаго Ислама, имѣющаго своимъ главою законнаго Имама, есть нарушеніе законовъ Алкураана. Вотъ слова мусульман-

скаго преданія о сектахъ Ислама: «раздѣлится народъ мой на семьдесятъ три секты; всѣ онѣ пойдутъ въ огонь (адскій), кромѣ одной, къ которой принадлежу я и мои товарищи.»

Не смотря на это противозаконное хищничество власти и самовольное обновленіе Ислама, Шамиль и его предшественники находили многочисленныхъ и преданныхъ поклонниковъ своей проповѣди. Усиѣхъ этихъ честолюбцевъ, прикрывающихся и увлекающихся фанатизмомъ, объясняется при первомъ знакомствѣ съ Кавказомъ и съ Горцами: охотниковъ до грабежа и любителей до удачества очень много; бѣдностью состоянія, незначительностію происхожденія брошенные въ послѣдніе слои немногосложнаго горскаго общества, а неизвѣстностью труда въ горахъ осужденные на тягостное для предприимчиваго духа бездѣйствіе, эти искатели добычи и приключеній съ радостью готовы уцѣпиться за перваго предводителя, котораго пошлетъ имъ судьба. Изъ нихъ-то составляется ядро мюридовъ (послушниковъ), хотя большая часть этихъ послушниковъ не имѣетъ понятія объ основныхъ догматахъ Ислама и ограничивается небрежнымъ исполненіемъ наружныхъ обрядовъ. Въ этомъ случаѣ рука руку моетъ: хитрый и честолюбивый муршидъ смотритъ сквозь пальцы на нетрезвую и разгульную жизнь своихъ мюридовъ, совсѣмъ несогласную съ аскетическимъ уставомъ первоначальныхъ учителей тариката, окружаетъ себя не тѣми, которые дѣйствительно стремятся къ индѣйскому уничтоженію матеріи, но тѣми, которые тѣсно связываютъ свои выгоды съ пользами учителя, жалуется не тѣхъ, которые совершенно отреклись отъ міра для внутренняго созерцанія, но тѣхъ, которые надежны во всякой дракѣ и не боятся опасностей; съ своей стороны мюриды, всегда упитанные военной добычей, всегда запятые тревожною жизнью, не замѣчаютъ лицемерія своего наставника, и вовсе не обращаютъ вниманія на его нравственность и образъ жизни.

Кромѣ этой главной причины, распространенію владычества фанатиковъ способствуетъ самый духъ мусульманской религіи, которая въ исповѣдникахъ своихъ старается разжечь пламя ненависти ко всему иновѣрному, страсть джихада.

Наконецъ тактика лжеучителей много способствуетъ ихъ успѣхамъ: они проповѣдуютъ равенство въ мусульманскомъ обществѣ, объявляютъ себя врагами владѣтелей, не признающихъ ихъ духовной власти, держатъ на своей сторонѣ все духовенство обильными сборами въ пользу его вмѣсто законныхъ владѣльцевъ, и въ сношеніяхъ своихъ съ народомъ стараются не оскорблять ничьего самолюбія.

Но всѣ эти причины были бы ничтожны и давно бы исчезли безъ мощнаго подкрѣпленія самой природы, защитившей горы и дающей безопасное убѣжище всякому честолюбію.

Всѣ знаютъ и безъ меня, что нѣтъ той нелѣпости, которая не была бы уже высказана какой-нибудь праздною головой. Пусть браннолюбивые умы, занятые цѣлую жизнь своимъ гунномъ и заячьей охотой, составляютъ проекты мгновеннаго покоренія всѣхъ горъ, и толкуютъ вкривь и вкосъ о небывалыхъ ущербахъ, прославляемыхъ врагами Россіи: наше мудрое Правительство, руководимое истинно-человѣколюбивыми пачалами, ведетъ, между тѣмъ, событія по избранному и глубоко обдуманному пути къ благой цѣли!

Не много я видѣлъ изъ Кавказа, но и это не много заставило меня убѣдиться въ ложности иноземныхъ повѣствователей о Кавказѣ и въ легкомысліи нашихъ доморощенныхъ рассказчиковъ и многосвѣдущихъ политиковъ. Разверните карту Кавказа, о вы, строгіе критики чужихъ походовъ, и убѣдитесь, какую широкою и крѣп-

кою стѣною протянулись горы отъ Чернаго къ Каспійскому морю. Эти возвышенныя плоскости, отдѣленные страшными безднами, въ каменистомъ зѣвѣ которыхъ бушуютъ горные потоки, даютъ неприступный пріютъ дикому обитателю и готовую пищу его стаду, а въ непроходимыхъ лѣсахъ ихъ царствуетъ вѣчная почь. Въ мрачныхъ дефилеяхъ горъ всякая армія безсильна, на голыхъ и крутыхъ скалахъ кавалерія бесполезна, черезъ быстрые потоки и темныя лѣса не пройдетъ артиллерія. Здѣсь надобно выдерживать битву съ природою, а потомъ сражаться съ врагомъ: горы, лѣса, овраги, скалы, рѣки, дефилеи—вотъ какія удобства представляетъ здѣшняя природа для войны. Каждый кустъ, каждый камень, каждое возвышеніе грозитъ здѣсь смертію, и однако русское мужество все побѣждаетъ, и мятежныя горы трепещутъ подъ гуломъ русскаго марша.

А съ какимъ врагомъ суждено намъ биться въ этомъ поднебесьи! . . . Окруженный бѣдною природою или презирающій всякій трудъ кромѣ грабежа, сильный, крѣпко сложенный, воздержный, терпѣливый, одаренный многими физическими способностями американскаго дикаря, Горецъ съ этими качествами соединяетъ отвагу въ битвѣ, опытность въ нападеніи и отступленіи, глубокое познаніе мѣстности, неустойчивость въ походахъ, искусство наѣздничества, быстроту и мѣткость ударовъ и выстрѣловъ. Кто повѣритъ, что Горецъ кидается на лошади со скалъ прямо въ бушующіе потоки и выходитъ на другой берегъ невредимъ, а между тѣмъ это правда! Кто повѣритъ, что Горецъ просиживаетъ, не шелохнувшись, сутки и двои въ камышѣ или гдѣ-нибудь за камнемъ, въ ожиданіи врага, а между тѣмъ и это правда! Кто повѣритъ, что раненый смертельно Горецъ и не вскрикнетъ отъ боли, чтобъ не обнаружить своего убѣжища, а между тѣмъ и это правда!

Съ такой природою и съ такимъ врагомъ борется Россія на Кавказѣ, и изъ каждой стычки, изъ cadaго дня

выносить новую славу. Да посѣтятъ Кавказъ доморощенные критики и да устыдятся своихъ ребяческихъ заблужденій и мудрствованій!

А вы, чужестранные судьи русской крови, проливаемой за отечественное дѣло на Кавказѣ, какой-нибудь жалкій контрабандистъ, какой-нибудь искатель приключеній или недовольный своимъ народомъ и своимъ Правительствомъ бесполезный скиталецъ, налагающіе свое бессильное veto на войну Россіи съ Кавказомъ и набрасывающіе съ ядовитою злобою черную тѣнь на каждый подвигъ русскаго воина, услышите судъ безпристрастной науки, произнесенный вашимъ водянистымъ и безтолковымъ произведеніемъ, въ уважаемомъ журналѣ *Nouvelles annales des voyages* (1841, IV, стр. 85), посмотрите, какъ та же наука отдаетъ справедливость добросовѣстному труду Г-на Фонтона, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не краснѣя и не боясь приговора враждебныхъ партій, признаетъ благодѣянія Россіи и нашего Правительства Кавказу и всѣмъ его обитателямъ (*Nouvel. annal. des voyages*, 1840, IV, стр. 171)! Но не оставимъ и мы эту сторону кавказскаго вопроса безъ замѣчаній, и выскажемъ правду завистникамъ и клеветникамъ русской славы.

На языкахъ западныхъ ораторовъ Кавказъ вертится очень часто и на вѣсахъ ихъ политики онъ тянетъ очень тяжело: не разъ европейскіе умники, въ то время, какъ Россія билась съ Горцами, сражались очень храбро съ собственной химерой—съ проектами завоеванія всѣхъ прикаспійскихъ странъ Персіи и даже Индіи!!! Въ пылу безвреднаго негодованія противъ Россіи, они никакъ не хотели признать нашихъ правъ на Кавказъ, забывая, что Персія и Турція уступили Россіи по разнымъ договорамъ всѣ свои владѣнія, а остальные области признали русскую власть добровольно. Но кромѣ этихъ договоровъ находятъ могущественныя причины, по которымъ Россія вы-

нуждева смирять Горцевъ силою оружія. Какое государство можетъ видѣть равнодушно частыя опустошенія своихъ поселеній, допускать безнаказанное пролитіе крови своихъ подданныхъ, позволять звѣрское похищеніе въ плѣны и неволю своихъ сыновъ? Русскія провинціи, прилегающія къ Кавказу съ Сѣвера и съ Юга, никогда не могутъ наслаждаться счастьемъ спокойствія и безопасности, пока Кавказъ самъ не воспользуется благодѣяніями мира и образованности. Вѣроломный сосѣдъ, онъ не хочетъ знать никакихъ обязательствъ, не считаетъ священными никакія клятвы, и, обѣщая сегодня миръ, проливая сегодня слезы умиленія, завтра же, во мракѣ ночи, змѣей ползетъ въ русскіе предѣлы и разить кинжаломъ того, кому еще вчера клялся въ примиреніи! Безчеловѣчный хищникъ, онъ обременяетъ оковами свои жертвы, не щадитъ ни слабаго, ни стараго, и цѣною золота продаетъ въ тяжкое рабство плѣнниковъ, захваченныхъ силою или измѣною! Заглушившій всѣ чувства состраданія къ ближнему, къ своей собственной крови, онъ исполонъ вѣку торгуетъ своими дѣтьми, и изъ этого чудовищнаго промысла образовалъ самый значительный источникъ своего обогащенія! Чуждый всякаго понятія о чести, онъ лишаетъ свободы пришельца, брошеннаго бурей или случаемъ въ его горы!

Какія тяжкія обвиненія, передъ которыми блѣднѣетъ идеалъ рыцарства, созданный читателями «Кавказскаго плѣнника» и выраженный такъ самопроизвольно въ романѣ: «въ горахъ я встрѣтила Черкеса»! Нѣтъ! Отъ ночнаго убійцы, отъ коварнаго похитителя младенцовъ, отъ подлаго торгаша собственной своей крови, далеко даже до тѣхъ мелкихъ промышленниковъ, которымъ всегда хочется знать, что лежитъ въ чужомъ карманѣ, не только до идеаловъ честности и благородства!

Но я знаю, что обожатели своей фантазіи назовутъ меня самаго варваромъ и искажителемъ благороднаго гор-

скаго типа. Съ своей стороны я предлагаю этимъ любителямъ и любительницамъ совершить небольшую прогулку въ горы, и взглянуть хоть разъ въ жизни на этихъ рыцарей своеволия въ ихъ родномъ пепелищѣ. Тѣхъ, которые рѣшатся на этотъ опытъ, по-видимому самый легкій, прошу заранее отказаться отъ свободы и безъ всякихъ возраженій поступить въ разрядъ рабовъ—въ горахъ ужъ такъ водится съ Гяурами! За лишеніемъ свободы слѣдуютъ другіе невинные обычаи горъ съ прибывшимъ странникомъ: на грѣшномъ тѣлѣ едва оставлятъ рубашку и надѣвнутъ для украшенія оковы. Но не этимъ кончаются удовольствія горной жизни: если благородные и прямодушные Горцы замѣтятъ, что вы значите кое-что въ своей странѣ, что ваши бѣлыя ручки не годятся для работы, то засадятъ васъ въ душную яму; а если вы не подаете надежды на выкупъ, то заставятъ васъ работать все, чего Горецъ не хочетъ самъ дѣлать. Ожидаемый выкупъ не приходитъ, Горецъ приступаетъ къ исправительнымъ мѣрамъ, потомъ продаетъ васъ другимъ, васъ влекутъ все дальше и дальше въ горы, и наконецъ вы попадете въ такія руки, что погибнете подъ тяжкими муками.

Вотъ къ чему приводятъ прославленные горы!

Если вы мнѣ не вѣрите только потому, что я мало еще знакомъ съ Кавказомъ, то прочтите девять мѣсяцевъ въ плѣну у Горцевъ бывшего товарища моего по Университету С. И. Бѣляева. Но довольно видѣть Горца не на литографированныхъ картинкахъ, чтобъ навсегда разочароваться въ мнимыхъ его доблестяхъ: мрачный взоръ блещетъ изъ-подъ папахы съ свирѣпою жадностью поживы, въ разговорѣ непрерывно слышится рѣзкіе крики, раздражающіе и слухъ и душу, въ манерахъ и въ жестахъ обнаруживаются тигровыя ухватки. Еще поразительнѣе видѣть Горца разъяреннаго боемъ или гнѣвомъ: одинъ взглядъ на

это звѣрски-искаженное лицо, на эти страшно налившіяся кровью глаза, въ состояніи навсегда вселить къ нему отвращеніе.

Я далекъ отъ того, чтобъ отрицать въ Горцѣ присутствіе какого-нибудь похвального качества: я признаю горскую храбрость, готовъ допустить небольшую дозу и другихъ добродѣтелей, но въ массѣ все это представляетъ свирѣпаго дикаря.

Но миръ этому Кавказу за его кровавую вражду, но благодѣянія образованности ему за его варварство, но выгоды торговли ему за его хищничество, но святость договоровъ ему за его вѣроломство, но прошеніе мятежниковъ ему за его жестокости съ плѣнными: вотъ какими чело-вѣколюбивыми началами одушевлено наше мудрое Правительство въ сношеніяхъ Россіи съ Кавказомъ!

И такъ упорная борьба, начатая и поддерживаемая честолюбивыми изувѣрами горъ, плетъ не за защиту противъ небывалаго угнетенія, не за мнимую національность—хороша національность, продающая въ рабство собственныхъ дѣтей своихъ!—не за униженіе религіи: нѣтъ! эти битвы даются варварствомъ цивилизаціи, эта война происходитъ между мракомъ и свѣтомъ, эта кровь проливается за леченіе фанатика и за спокойствіе отчизны. Дальше стъ насъ всѣ умышленно-близорукіе приговоры, которые въ кавказскомъ вопросѣ не хотятъ владѣть настоящую его мысль—омиротвореніе и благоденствіе всего края!

Въ слѣдствіе этой истинно-христіанской мысли Правительство наше по возможности уклоняется отъ пролитія крови, и медленными, но милосердными средствами старается подчинить горы благодѣяніямъ просвѣщенія. Пути, прокладываемые черезъ вѣковые лѣса, послужатъ не только для военныхъ сообщеній, но и для торговыхъ и миролюбивыхъ сношеній.

Благодѣтельное вліяніе русскаго владычества на Кавказъ прославляютъ всѣ обитатели, признающіе русскую власть: какая неизмѣримая разниа между Грузіей прошедшаго времени, Грузіей, раздираемой ненавистью Турціи и Персіи, собственными смутами и опустошеніями Горцевъ, и Грузіей настоящаго времени, блаженствующей въ мирномъ ложѣ общей матери! Этого благотворнаго дѣйствія не отвергаетъ даже Гомеръ де Гель, такъ усердно старавшійся въ своей компіляціи затмить все прекрасное у русскаго народа.

Враги Россіи—а какъ не имѣть враговъ такой могучей и полной жизненнаго огня державѣ?—не разъ пытались сравнивать русскій Кавказъ съ французской Алжиріей, но всякій разъ сравненіе не удавалось, да иначе и быть не можетъ, потому что и физическое и моральное положеніе этихъ двухъ странъ діаметрально противоположно.

Отъ этого общаго взгляда на бунтующій Дагестанъ перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ.

Воинственный, разрушительный духъ всегда и вездѣ былъ неизбѣжнымъ качествомъ Горца: въ особенности это прилагается къ Кавказу, во всѣ времена какъ-бы отдѣленному отъ міра образованнаго. Гверильясская война кавказскихъ Горцевъ очень любопытна, хотя въ общихъ чертахъ она похожа на другія горныя войны.

Обыкновенно Горецъ отправляется въ походъ съ появленіемъ подножнаго корма, обезопасивающаго существованіе его маленькой, но крѣпкой и умной лошадки: въ другое время только необходимость или общее согласіе могутъ заставить его разстаться съ *dolce far niente*.

Смотря по мѣрѣ надобности и по собственнымъ средствамъ, набѣгъ совершается или большой партіей или нѣсколькими человѣками: въ битвахъ съ нашими войсками

являются иногда довольно многочисленные отряды Горцевъ, хотя не имѣющие никакой постоянной организаціи и дѣйствующіе безъ всякаго единства. Шамиль старался дать своимъ приверженцамъ правильное устройство, и для этого придумалъ значки, заступающіе мѣсто знаменъ, но это подражаніе европейской арміи не нашло и никогда не найдетъ себѣ любителей въ горахъ: Горецъ охотно участвуетъ въ набѣгѣ, въ стычкѣ, въ битвѣ, яростно защищаетъ свое гнѣздо, но походная служба не въ его характерѣ, а при продолжительной войнѣ онъ всегда, не дожидаясь конца, уходитъ домой на отрадное лежанье! Отъ этого и происходитъ то, что Горцы дерутся по племенамъ, а поголовнаго продолжительнаго возстанія не бываетъ: сегодня бьется одинъ, а завтра выступаетъ другой. Шамиль съ своими близкими мюридами въ этомъ случаѣ не подходитъ подъ общее условіе, потому что для нихъ война есть цѣль существованія: однако и глава мусульманскаго возстанія не рѣдко позволяетъ себѣ значительные роздыхи.

Съ звѣрскою жадностію добычи и съ самымъ умереннымъ сѣбѣстнымъ запасомъ отправляется Горецъ въ набѣгъ: горскій желудокъ цѣлые сутки довольствуется горстью муки, разведенной въ водѣ. Какой тяжкій укоръ гастрономамъ, истребляющимъ нѣсколько блюдъ въ одинъ присѣстъ! Плѣнные у Горцевъ состоятъ постоянно на походномъ уложеніи—кормятся разъ въ сутки. Не смотря на такую удивительную воздержность, Горецъ очень силенъ и крѣпокъ, и въ состояніи выдерживать продолжительные и трудные походы. Знакомые хорошо съ мѣстностью, хищники очень осторожны во время пути, и мудрено захватить ихъ врасплохъ при набѣгѣ; за то при движеніи большихъ массъ Горцы очень безпечны, и нерѣдко подпускаютъ къ своему стану безъ всякой предусмотрительности. Для Горца всякая дорога хороша, и конь его не споткнется ни на какой крутизнѣ, не оступится ни надъ какой бездною. Случается, что Горцы переправляются вплавь черезъ рѣки

дѣльными толпами совершенно раздѣтые, только съ оружіемъ въ рукахъ: хороша картина такой переправы!

Какъ и у другихъ горцевъ, у Кавказца развиты физическія способности, преимущественно зрѣніе и слухъ, но въ этомъ отношеніи Кавказецъ далеко отсталъ отъ американскаго Индѣйца. Въ числѣ кавказскихъ особенностей замѣчательно искусство Горцевъ перекликаться другъ съ другомъ на горахъ въ дальнемъ разстояніи.

Ожесточеніе Горца въ схваткѣ не похоже ни на храбрость, ни на мужество, а скорѣе напоминаетъ тѣ неистовыя сцены, которыя представляли въ прежнее время турецкіе фанатики, упоенные опиумомъ. Но прежде, чѣмъ увлечется этимъ тигровымъ озабоченіемъ, Горецъ полежитъ долго за камнемъ или за кустомъ, откуда мѣтко бьетъ на-выборъ изъ своей длинной винтовки, поставленной на сошку для большей вѣрности. Готовясь къ битвѣ, Горцы поютъ хоромъ: «ля илягъ иль Аллахъ» нѣтъ бога кромѣ Бога! и потомъ гикаютъ. Говорятъ, что это гиканье походитъ на крикъ шакала. Иногда Горецъ несется въ битву въ одной рубашкѣ съ шашкой и пистолетомъ въ рукахъ и съ кинжаломъ въ зубахъ: всѣ три оружія служатъ ему по очереди одно за другимъ.

Горцы не любятъ сдаваться въ плѣнъ, не потому, чтобъ боялись наказанія, но потому, что не терпятъ зависимости, и опасаются разлуки съ горами. Изъ многихъ примѣровъ я приведу слѣдующій разсказъ:

Когда-то трое горскихъ удалцовъ забрались втихомолку въ казачій постъ, гдѣ оставался только одинъ казакъ, а всѣ другіе отправились на покось. Разумѣется, одинъ троицъ не осилилъ: хищники изранили храбраго защитника поста, захватили на-скоро все, что попало на глаза, и помчались домой. На бѣду Горцевъ ка-

заки вскорѣ воротились съ покосу, и по указанію рашенаго товарища кинулись въ погоню. Были-ли кони Горцевъ утомлены или подъ казаками были очень хорошія лошади, только черезъ пятнадцать верстъ казаки догнали рыцарей разбоя: мѣсто вышло ровное, кругомъ ни кустика, ни камешка. Горцы думали недолго: видя бѣду не минучую, слѣзли съ коней, зарѣзали несчастныхъ животныхъ и залегли за нихъ, какъ за надежный завалъ. На этотъ разъ перевѣсъ очутился на сторонѣ казаковъ, которыхъ было пятеро: скоро заряды у Горцевъ истощились, а ни одинъ казакъ еще не былъ и раненъ. Упорные Горцы выхватили шашки и бросились изъ-за завала въ рукопашную: двое казаковъ были ранены, за то всѣ хищники пали подъ казацкими ударами, не смотря ни на какія старанія казаковъ захватить врага живьемъ.

Горцы съ ожесточеніемъ бьются за тѣла своихъ убитыхъ въ сраженіи и чрезвычайно ловко и быстро уносятъ раненыхъ и убитыхъ съ поля битвы. На это они имѣютъ двѣ важныя причины: во первыхъ, врагъ не долженъ знать объ уронѣ, понесенномъ Горцами, во вторыхъ тѣло Мусульманина не должно доставаться въ руки невѣрныхъ.

Горцы большіе любители оружія и хорошіе знатоки его: эта страсть къ оружію и жажда битвъ поддерживаются и питаются туземными произведеніями. Въ горахъ выдѣлывается очень много всякаго рода оружія, но преимущественно кинжаловъ; горская работа поддѣлывается подъ венеціанскую, и даже большею частью выставляется венеціанское клеймо, потому что Кубечи, лучшіе оружейные мастера въ горахъ, принадлежатъ къ генуэзскимъ поселенцамъ. Хорошій клинокъ или стволъ украшается серебряной подъ чернотю отдѣлкой.—Вообще у Горцевъ выдѣлывается оружіе крѣпкое, но неудобное, за исключеніемъ пашекъ: изъ винтовокъ нужно стрѣлять съ

прицѣла, длинныя пистолеты тяжелы, а кинжалы ни къ чему не служатъ, хотя разъяренные Горцы и кидаются иногда на русскіе штыки съ однимъ кинжаломъ. Удобство шашки, для меня нѣсколько подозрительное, по словамъ рубакъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: она рѣжетъ и саблю и врага, потому что Горецъ рубитъ всю силою своею съ размаху и всю тяжестью своей руки и сосредоточеннаго въ ней напора корпуса.

Не смотря на частое раззореніе ауловъ, въ которыхъ работается оружіе, выдѣлка его между Горцами не прекращается; въ Тарху нѣтъ продажнаго оружія, но въ Эндери (Андреево) можно купить хорошіе клинки на базарѣ. Лучшимъ мастеромъ кинжалныхъ клинковъ считается покойный Базалай отецъ; мѣсто его заступилъ Базалай сынъ, жившій сначала въ Тарху вмѣстѣ съ Шамхаломъ, а нынѣ переселившійся въ Казанища, но работа его далеко уступаетъ отцовскимъ произведеніямъ въ крѣпости и чистотѣ отдѣлки. Не смотря на значительный вывозъ базалаевскихъ клинковъ въ Россію, цѣна на нихъ не увеличивается, потому что въ продажѣ находится половина поддѣльныхъ; хорошій кинжалъ стоитъ около десяти рублей серебромъ (клинокъ 4 и 5 руб., ножны 6 руб. и рукоятка 1 руб.).—Шашки вообще очень дороги; лучшими считаются сработанныя Волчкомъ, Гордою и Терсъ-меймуномъ. У владѣтельныхъ Бековъ существуютъ наслѣдственные шашки цѣны ужасающей, но эта цѣна признается только Горцами.

Продолжительное упорство Шамиля во враждѣ съ Россіей, его искусство въ защитѣ горъ, его умѣнье сбить крамолы, его находчивость въ опасности доказываютъ, что онъ человѣкъ необыкновенный. Сколько разъ разбитый и уничтоженный, Шамиль, какъ змѣя послѣ зимняго оцѣпенѣнія, возрождается съ новою, хотя постепенно уменьшающеюся силою. Наученный опытами своихъ предшествен-

никовъ, болѣе счастливый и гораздо болѣе даровитый чѣмъ Кази Мулла, Шамиль, котораго русскіе солдаты съ обыкновеннымъ своимъ остроуміемъ переименовали въ Шмеля, и нынѣ при своихъ воззваніяхъ къ джигадѣ, не смотря на частыя и жестокія пораженія, находитъ еще толпу поборниковъ, хотя уже гораздо менѣе значительную.

Этотъ счастливый преемникъ Гамзатъ Бека родился въ Гимрахъ, тамъ, гдѣ погибъ Кази Мулла. Въ юности своей, говорятъ, онъ былъ плясунѣмъ, и доставалъ себѣ и своимъ родителямъ пропитаніе лезгинкой; потомъ, подстрекаемый внутреннею жаждою чести, поступилъ въ ученики къ одному изъ тарховскихъ ученыхъ муллъ, ходившему на поклоненіе въ Мекку. Воспламененный энтузіазмомъ фанатика, Шамиль перешолъ въ число мюридовъ къ Гамзатъ Беку—былъ-ли онъ мюридомъ у Кази Муллы, я не знаю—подстрекалъ его къ истребленію Аварскихъ Хановъ, а по убіеніи своего Муршида въ Хунзахѣ занялъ его мѣсто. Съ хитростью лисицы постигая ошибки своихъ предшественниковъ, Шамиль рѣдко начальствуетъ лично войсками, во время сраженій занимается молитвой, распоряжая въ то же время движеніями отрядовъ, и вообще всегда выставляетъ впередъ войско, а себя бережетъ вдали, и даже осуждаетъ Кази Муллу за излишнюю храбрость. По сознанію Горцевъ, мужество и изобрѣтательность Шамия въ опасности не подвержены никакому сомнѣнію, но, боясь измѣны, Шамиль постоянно окружаетъ себя самыми преданными мюридами и неусыпной стражей какъ дома, такъ и на войнѣ. Изъ числа такихъ вѣрныхъ тѣлохранителей Шамия извѣстенъ мюридъ Юнусъ, который не разъ заставлялъ своимъ тѣломъ учителя.

Чтобъ не возбудить противъ себя неудовольствія духовенства, чтобъ не раздражать жадныхъ мюридовъ, Шамиль, этотъ прозорливый фанатикъ, постоянно ведетъ жизнь воздержную и простую: только тѣлохранители отличаютъ

его отъ мюридовъ. Но слабъ человѣкъ: это извѣстно, всѣмъ и каждому! Амуръ, всемогущій Амуръ, въ могуществѣ котораго, я увѣренъ, не сомнѣвается ни одинъ изъ моихъ читателей, едва-ли не смертельно ранилъ неуловимаго фанатика. Недавно Шамиль захватилъ въ плѣнъ моздокскую Армянку Улуканову, влюбился въ свою плѣнницу и женился на ней. Въ угожденіе своей любовницѣ, Шамиль позволилъ небывалую дотолѣ въ его харемѣ роскошь въ костюмахъ и въ образѣ жизни, хотя собственно ни своихъ привычекъ, ни даже своей простоты не измѣнилъ нисколько.

Наружность Шамиля, по словамъ очевидцевъ, довольно пріятна и нисколько не отвѣчаетъ его злобной, мстительной душѣ; въ обращеніи Шамиль очень привѣтливъ и всегда ровень, даже съ смертельными врагами своими, а въ манерахъ и жестахъ повелительно-медленъ. Въ этомъ отношеніи гимрійскій плясунъ нисколько не похожъ на своихъ дикихъ мюридовъ. И это надобно приписать къ чести его проникательности: Гамзатъ Бекъ своимъ высокомеріемъ и легкомысліемъ оттолкнулъ отъ себя приверженность народа и палъ жертвою зависти.

Конечно и у Шамиля, не смотря на его вкрадчивое обращеніе и кошачью натуру, очень мною тайныхъ враговъ и соперниковъ, но у того же Шамиля есть и преданные люди, готовые на все для своего учителя. Слыхалъ-ли Шамиль о томъ, что на Востокѣ любимый цвѣтъ духовенства бѣлый, или это собственный его вкусъ, только лже-Имамъ предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ всѣмъ другимъ, и подобно Абдель-Кадеру раздѣзжаетъ на бѣломъ конѣ и любить наряжаться въ бѣлую чалму.

Во время проѣзда моего по Дагестану главные и самыя ревностныя сподвижники Шамиля были: Ахверды Мухаммедъ или по здѣшнему испорченному выговору Ахвер-

ды Магома, сорока-лѣтній наѣздникъ, Кибитъ Магома, Хаджи Мурадъ и Шагидъ Мулла, двадцати-двухъ лѣтній сорванецъ и любимецъ Шамиля. Хитрая лиса обходится и съ мюридами очень строго: для примѣра мнѣ рассказывали одно дѣло у Амиръ Хаджи Юрга.

По распоряженію Шамиля отрядъ Горцевъ изъ 1000 человекъ долженъ былъ напасть, подъ личною командою Шагидъ Муллы, на русское укрѣпленіе двумя колоннами: одна изъ нихъ начала атаку довольно удачно, но вторая не сдѣлала нападенія во время и едва не погубила первую. Недовольный неблагоразумными распоряженіями Шагидъ Муллы, глава мюридизма чуть чуть не зарубилъ свое мнѣніе объ этомъ походѣ на ухахъ любимца, но все это очень ласково и тихо.

Борьба Шамиля съ русской образованностью съ каждымъ днемъ приближается къ концу: сила русского оружія и здравый смыслъ Горца мало по малу торжествуютъ надъ коварными проповѣдями хитраго фанатика, и повѣрте очевидно, не далеко тотъ день, когда умиранный Дагестанъ, съ примѣсю русского народонаселенія, представитъ одну изъ трудолюбивѣйшихъ и обильнѣйшихъ областей Россіи.

Въ отдаленныхъ странствованіяхъ моихъ по Востоку мнѣ не разъ доводилось волею или неволею слышать разныя вѣсти о Шамилѣ и о его битвахъ съ Русскими. Не касаясь витіеватыхъ толковъ европейской дипломатіи, часто воспѣвавшей мнѣ подвиги кавказскаго Абдель-Кадера на всѣхъ возможныхъ языкахъ, преимущественно на французскомъ, я приведу здѣсь два случая совершенно различные, но тѣмъ не менѣе замѣчательные.

Случай первый.

Это было на пароходѣ: я плылъ изъ Александріи въ Грецію. Въ числѣ пассажировъ расхаживалъ по палубѣ

Турокъ съ чистымъ константинопольскимъ пропозношеніемъ, но въ египетскомъ костюмѣ. Во время пути оказалось, что изъ всѣхъ пассажировъ только я говорилъ по-турецки, и слѣдовательно такъ или иначе Турокъ свелъ со мной знакомство. На водѣ все идетъ на оборотъ сухопутью: черезъ нѣсколько часовъ нашего знакомства мой Турокъ уже порицалъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свое Правительство, а на другой день очередь дошла и до всѣхъ Мусульманъ.

—Анасыны говорилъ Турокъ, эти Мусульмане совсѣмъ не правовѣрные, а нечистые собаки.

—Помилуйте эфенди, отвѣчалъ я, за что вы такъ изволите честить своихъ единовѣрцевъ? Чѣмъ они заслужили молнію гнѣва такого Гази (побѣдителя невѣрныхъ)?

—Какъ чѣмъ? Взгляни на этихъ людей,—и Турокъ указалъ на офицеровъ французскаго парохода—что за дрянныя существа, а смотри какъ всѣмъ ворочаютъ въ Истамбулѣ, какъ нажно расхаживаютъ по улицамъ столицы и толкаютъ всѣхъ правовѣрныхъ. Отчего? Оттого, что Мусульмане связались съ Гаурами и совсѣмъ забыли свою вѣру. Вотъ и вы, Московы, распоряжаетесь въ Черкесіи какъ хотите.

—«Сюзумъ ябане» съ позволенія сказать, да вамъ-то какое дѣло до Черкесіи, душа моя?

—Есть дѣло: у меня и братья и отецъ живутъ тамъ, и вся семья.

Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что мой Турокъ былъ совсѣмъ не Османлы, а чистый Шапсугъ, въ юности пріѣхавшій въ Константинополь и поступившій въ услуженіе къ тому Капуданъ-Пашѣ, который передалъ

Флотъ Султана Махмуда Египетскому правителю Мегеметъ Али. Въ продолжительную службу свою у этого сановника и потомъ при дворѣ Мегеметъ Али Паши Шапсугъ изучилъ превосходно османскій діалектъ, а главное совершенно ознакомился съ немощнымъ положеніемъ мусульманскаго Востока, отъ единодушнаго и поголовнаго возстанія котораго онъ ожидалъ-было конечнаго истребленія невѣрныхъ, преимущественно Москововъ. Все это безцеремонный Шапсугъ высказалъ мнѣ очень кротко и очень мило.

—Пейзевенги—это онъ говорилъ о правовѣрныхъ—что у нихъ есть теперь? Я жилъ, жилъ въ Истамбулѣ, все до послѣдняго зерна видѣлъ своими глазами и давно понималъ, что отъ Османовъ ждать нечего: въ гавани стоитъ гнилой флотъ, въ карманахъ ни пары (денежки), а войско не умѣетъ еще бриться, не только сражаться. Потому я поѣхалъ въ Мисръ (Египетъ), но и здѣсь то же самое. Все вздоръ! Видно вы Христіане завладѣете мусульманскими землями.

Таково было задушевное убѣжденіе этого Шапсуга, заклятаго врага всѣхъ невѣрныхъ. Въ послѣдствіи времени я встрѣтилъ моего пароходнаго знакома въ Константинополѣ: укрощенный Горецъ находился уже въ служеніи Великаго Везира и кланялся мнѣ очень униженно, прикладывая руку къ губамъ и ко лбу.

Второй случай.

Это было опять на водѣ, но въ этотъ разъ мѣсто парохода занималъ кайкъ, константинопольская лодка: мнѣ нужно было переправиться изъ Галаты въ Скутари, изъ Европы въ Азію, что составляло разстоянія ровно версту. Усѣвшись неподвижно въ вертлявый кайкъ и протянувъ ноги во всю длину, я развилъ вить бесѣды съ «каикчи» лодочникомъ.

—Что новаго?

—Въ Истамбулѣ говорятъ, что . . . ты Французъ что-ли?

Избѣгая крайностей, я назвался среднимъ и безобиднымъ для Турка именемъ—Нѣмцомъ.

—Въ Истамбулѣ говорятъ, что Московамъ приходится бѣда: Шейхъ Шамиль въ горахъ вынулъ мечъ (началъ войну), и ужъ взялъ Москву: много, много побилъ Гяуровъ и идетъ къ Фетербургу. Да ниспошлетъ ему свою милость Аллахъ!

Этотъ канкчи, какъ и большая часть константинопольскихъ лодочниковъ, былъ старый Янычаръ, и въ слѣпой ненависти къ цивилизаціи и всѣмъ Гяурамъ вѣрилъ въ могущество Шамиля, наоборотъ предприимчивому Шапсугу.

Такіе нелѣпыя мнѣнія и слухи можно слышать въ любой кофейнѣ Константинополя: они только доказываютъ затаенную ненависть міра мусульманскаго къ христіанскому, доказываютъ справедливость и необходимость мѣръ къ прекращенію сношеній Кавказа съ Турціей. Въ доказательствахъ я не затруднюсь: во время пребыванія моего въ Константинополѣ явились ко мнѣ два Татарина, оба Казанцы, но между ними были неизмѣримая разница. Старшій изъ нихъ ходилъ на поклоненіе въ Мекку, и возвращаясь на родину, захотѣлъ повидаться съ казанскимъ жителемъ: онъ раскланялся очень вѣжливо, долго разговаривалъ со мной какъ съ другомъ и землякомъ, а на прощаньи даже расцѣловался по-русски.

Другой, еще молодой, оставилъ Казань уже года два и воспитывался въ Константинополѣ въ медресе при Ая-

Софія: онъ пришелъ ко мнѣ по необходимости, потому что для прїѣзжаго поклонника нуженъ былъ проводникъ, знакомый съ городомъ. Войдя въ комнату, безъ всякихъ поклоновъ и привѣтствій будущій ахундъ, не удостоивъ меня даже взоромъ, усѣлся на коверъ; не смотря на всѣ мои обращенія къ нему, онъ упорно молчалъ и только бросалъ по временамъ дикіе взгляды изъ-подлобья. Мрачный этотъ фанатикъ какъ пришелъ такъ и ушелъ безъ поклоновъ. Судите же сами, если Татаринъ родомъ изъ просвѣщеннаго края одушевляется такимъ фанатизмомъ въ Царьградѣ, то каковъ долженъ быть кровожадный энтузіазмъ Кабардинца или Шапсуга, прожившаго въ столицѣ Ислама!

Въ страхѣ, не надоѣлъ-ли я своему читателю Кавказомъ и его фанатиками, я поскорѣй укладываю свой багажъ и оставляю Тарху, прогостивши въ Низовомъ укрѣпленіи ровно недѣлю. Гостепріимный хозяинъ мой Г. Чаплыгинъ напутствовалъ меня желаніями безопасности, а для подкрѣпленія словъ дѣломъ снабдилъ тремя чапарами, провожатыми изъ тарховскихъ Татаръ.

И такъ 2-го Августа я выѣхалъ благополучно изъ Низоваго укрѣпленія и направилъ свою колесницу къ знаменитому и крѣпкому граду Дербенту.

Колесница, въ которой я отправился, была просто очень немудрая телѣжка, но слава Богу, что и такая нашлась: здѣсь ѣздятъ большею частію верхомъ, и наши удалыя тройки и ухарскія кибитки еще не пріобрѣли на Кавказѣ право гражданства, исключая большихъ трактовъ. Телѣжку тащили, впрочемъ довольно скоро, двѣ лошади, которыми правилъ самъ хозяинъ, солдатъ изъ Низоваго укрѣпленія. Такъ какъ почтовый трактъ изъ Тарху въ Дербентъ лежитъ черезъ Темиръ Ханъ Шуру, или лучше такъ какъ отъ Тарху совсѣмъ нѣтъ почтоваго тракта, кромѣ верховыхъ сообщеній, то я поневолѣ долженъ былъ

ѣхать на вольныхъ. Отъ Низоваго укрѣпленія до Каякента, первой станціи на этомъ тракту къ Дербенту, словоохотный служивый взялъ съ меня 12 руб. серебромъ, что составляетъ по 17 коп. сер. на версту, но слава Богу, что и за эту цѣну нашлись лошади: иначе пришлось бы тащиться верхомъ, нагрузивши нѣсколько лошадей своимъ багажемъ. Тѣмъ, которые любятъ путешествовать съ комфортомъ, не совѣтую забираться на проселки кавказскіе, а то какъ разъ наткнешься на такое мѣсто, что не лѣзя тронуться ни взадъ, ни впередъ.

Снабженный на дорогу инструкціей Г. Чаплыгина, я частенько озиралъ своихъ чапаровъ, и никакъ не позволялъ имъ отставать ни на шагъ отъ телѣги: чуть прозѣвай, чапары гикнутъ, ударятъ по лошадямъ и мгновенно исчезнутъ изъ глазъ, какъ и случилось съ П. Заблоцкимъ, проѣзжавшимъ здѣсь въ Генварѣ 1836 года. Лѣнивому Горцу тяжело каждый шагъ, и нисколько не заботясь объ участи проѣзжающаго, чапаръ только думаетъ о томъ, какъ бы улизнуть поскорѣй въ свою нечистую саклю. Не знаю, непрерывный-ли надзоръ мой за чапарами, или затронутое самолюбіе Горца, не хотѣвшее на первомъ же шагу осрамить Востокъ передъ будущимъ его изслѣдователемъ и описывателемъ, только мои чапары ни на волосъ не отставали отъ телѣги, и всю дорогу отъ Низоваго укрѣпленія до Буйнаковъ раздавалось въ моихъ ухахъ жужжаніе мухъ: это было горское пѣніе чапаровъ. Въ горахъ и поютъ иначе, чѣмъ у насъ въ долинахъ: артистъ тянетъ одинъ звукъ въ носъ, не раскрывая рта, и прошу узнать, что онъ поетъ. Вотъ вамъ и все горское пѣніе!

Судьба, которая до сихъ поръ не очень баловала «путешественника по Востоку», на этотъ разъ была ко мнѣ благосклонна: по милости ея на козлахъ у меня сидѣлъ старый служивый съ Георгіевскимъ крестомъ и притомъ батальонный «дядя». Съ такимъ спутникомъ и уже не имѣлъ

никакой возможности задремать: «дядя» погонялъ усердно лошадокъ, а между тѣмъ старался, какъ умѣлъ, развлечь своего пассажира. Я былъ не прочь поболтать съ кавалеромъ и при первомъ удобномъ случаѣ не замедлилъ освѣдомиться, что это у него за медаль на груди совершенно мнѣ незнакомая.

—Эхъ, ваше Благородіе! Хороша монетка, да дорого мнѣ пришлось!

—За сколько пуль?

—Пуль-то Богъ миловалъ, а кинжальныхъ паранинъ довольно понабралось. Да это бы не бѣда, а то бѣда, что какъ очнулся, глядь—половина друзей-сослуживцевъ лежитъ вповалъ, кто совсѣмъ не встаетъ, а кто на обѣ ноги прихрамываетъ.

—Гдѣ это васъ такъ прихватило?

—Вотъ тутъ ва монеткѣ написано: подъ Ахульго.

—А! Такъ ты былъ въ этомъ походѣ? Расскажи-ка, кавалеръ, какъ вы отдѣляли Шмеля?

«Дядя» не заставилъ просить себя въ другой разъ: подхлестывая лошадокъ, онъ повѣствовалъ мнѣ такимъ образомъ или почти такимъ:

«Это было ужъ давно, послѣ Спажинокъ (Успеньева поста) три года минетъ, и много съ тѣхъ поръ было разныхъ побоищъ и маршей, а все еще я помню какъ теперь нашъ полетъ въ это орлиное гнѣздышко. Я былъ ужъ не изъ новенькихъ, зналъ что кивжалъ, что пашка, но сердце дрогнуло, какъ мы увидали шмелиный улей. Два года нехристи строили здѣсь стѣны да завалы, и

вотъ Шмель засѣлъ въ готовые хоромы, будто важный баринъ. Да еще что: мало одного укрѣпленія, подавай другое: одно старое Ахульго, другое новое Ахульго, оба соединены живымъ мостикомъ, а внизу такъ и реветъ Койсу. Нѣтъ! и того мало Шмелю: натаскали нехристи по его указу земли да бревенъ, важный устроили заваль. Сидитъ Шмель въ замкѣ и ждетъ къ себѣ гостей. Вотъ и пришли мы съ нашимъ Командиромъ Граббе, да знать такіе гости были Шмелю не по праву! Командиръ велѣлъ палить изъ пушекъ, такъ что небу стало жарко. Однако, ваше Благородіе, крѣпкой удѣлали себѣ заваль Черкасы, и пушки его не берутъ, а бусурманы лежатъ за нимъ, будто у Бога за пазушкой. Дѣло приходилось къ вечеру, а заваль все стоитъ; вотъ такъ послѣ вечерни пошли наши въ рукопашную да въ штыки. Нѣтъ, ваше Благородіе, и тутъ не беретъ: врага больно много, да и мѣсто вышло несподручное, никакъ не штурмуется. Тутъ-то досталось и мнѣ, да дѣло не въ томъ, а въ завалѣ: рѣшили мудрымъ совѣтомъ подвести подъ заваль подкопъ и взорвать супостатовъ къ облакамъ. Догадались окаянные, да и пустились на-утекъ: утромъ заваль былъ нашъ, взяли и новый Ахульго, побили враговъ, да и кинулись по мосткамъ къ старому Ахульго. Черкасы хотѣли было разбирать мостки, да не успѣли: наши стрѣлки живо перемахнули на другую сторону и засѣли; какой-то Татаринъ чуть не скатилъ на нихъ огромный камень, да подстрѣленный вмѣсто камня свалился самъ. Вотъ и старый Ахульго сталъ нашъ! Много всякаго оружія и разной добычи досталось намъ; много нехристей побили, да и изъ нашихъ, признаться, многихъ не досчитались!»

—Какъ же скрылся Шмель?

—Ну, ужъ это самъ шейтанъ ему помогъ! Наши ребята говорили, что Шмель сплавился на плоту по Койсу ночью, послѣ того какъ Черкасы бѣжали съ

завала, да что-то плохо вѣрится! Взяли только сына Шмелева: вишь покинулъ и родное дѣтище Шмель! Что съ мальчикомъ здѣсь дѣлать? Взяли да и послали его въ Питеръ: чать теперь ужъ большой, лѣтъ пятнадцать будетъ!

На груди рассказчика висѣла медаль, выбитая въ честь взятія Ахульго съ слѣдующей надписью: «за взятіе штурмомъ Ахульго 22 Августа 1839 г.»

Пока я слушалъ былинну «дяди», лошади его всепрыгали да прыгали, и вотъ незамѣтно мы проѣхали сорокъ верстъ: по крайней мѣрѣ столько считаютъ отъ Тарху до Буйнакъ, хотя шевалье Гамбѣ сорокъ показались за пятьдесятъ, а Буйнаки этотъ почтенный странствователь передѣлалъ въ Бусинакъ (Bousinac)! Прямо противъ Буйнакъ я остановился, потому что «дядя» нанялся вести до Каякента, оставя Буйнаки въ сторонѣ, а чапары больше одной станціи провожать не обязаны; одинъ изъ моихъ Горцевъ поскакалъ за смѣной въ Буйнаки, а двое остались при мнѣ для почетнаго караула.

Дорога отъ Низоваго укрѣпленія до Буйнакъ стелется по низкому и ровному морскому берегу, широко разскинувшемуся между моремъ и горами. Этотъ низменный берегъ безлѣсенъ, растительность здѣсь скудная, потому что почва крѣпко напитана солью, но мѣстами, гдѣ проведена съ горъ вода, земля плодородна. Мнѣ часто встрѣчались во время проѣзда арбы съ хлѣбомъ. Осенью и зимой на этихъ поляхъ обитаютъ бараны, для которыхъ устроены особые загороди, называемыя хутанами. Горы тянутся справа непрерывною цѣпью, вершины ихъ покрыты лѣсомъ, а скаты лѣсомъ и кустарникомъ. Подошва горъ геологическимъ строеніемъ показываетъ, что здѣсь первоначально было море; около Хутава Алчиль находится нефтяной ключъ. Не доѣзжая Буйнакъ, мы переправились черезъ горную

рѣчку Манасъ, принимаемую иногда за древній Казіусъ и текущую въ крутыхъ берегахъ; теперь она была смирна, но надобно видѣть горные потоки во время таянія снѣговъ или въ эпоху дождей: какой-нибудь ручеекъ надувается въ большую рѣку, выходитъ изъ береговъ, съ ревомъ ворочаетъ и увоситъ въ море камни. Поневоля просидишь на берегу нѣсколько сутокъ въ ожиданіи переправы! Кромѣ Манаса попадаютъ на дорогѣ и другіе горные потоки, а также небольшія озера мутной и дурной воды и источникъ кислой минеральной воды; изъ трехъ же соляныхъ озеръ жители достаютъ много соли.

Буйнаки я видѣлъ только издали: это селеніе расположено по скату горы, какъ и Тарху, состоитъ изъ 300 дворовъ и обладаетъ своимъ горнымъ потокомъ, носящимъ то же названіе, и ключемъ сѣрной воды. Но не по этому замѣчательны Буйнаки, а потому что здѣсь гарцовалъ удалый Аммалатъ-Бекъ: донынѣ существуетъ въ Буйнакахъ его сакля, а жители вспоминаютъ еще объ отчаянномъ набѣдникѣ, кончившемъ дни, по общему повѣрью, не подъ Анапою, а въ горахъ, своего смертью.

На сѣбѣу прежнихъ проводниковъ явился ко мнѣ казакъ съ двумя чапарами: тѣлохранители въ здѣшнихъ мѣстахъ необходимы во время пути, хотя съ каждымъ годомъ дороги становятся безопаснѣе подъ страхомъ русскаго имени. Еще недавно для безопаснаго проѣзда нужно было здѣсь не менѣе пятнадцати человѣкъ конвою, а теперь довольно двухъ-трехъ.

«Дядя» ударилъ по лошадамъ и пустилъ ихъ вскачъ, а самъ пустился опять рассказывать различныя исторіи о движеніи народовъ на Кавказѣ. Изъ этихъ исторій занимательнѣе другихъ оказалась слѣдующая:

—А вотъ, ваше Благородіе, былъ походъ въ Ергебилъ (Гергебилъ): тутъ было совсѣмъ не то, что у Шме-

ля въ Ахульго. Пришли мы къ аймакскому ущелью и видимъ, что дѣло не ладно: лазейка между горъ такая узенькая, что не въ моготу пройти по три въ рядъ. Вотъ и отправили по ней пушки да снаряды, а сами полѣзли по горамъ: кто на ногу легокъ, тотъ подпрыгиваетъ, а кто по тяжелѣе, тотъ держался за другаго. А Черкасы сидятъ ужъ въ завалѣ и ждутъ насъ: только Командиръ распорядился иначе, и захватили мы врага съ тылу; нехристи приударили было въ шашки, но Графы (полкъ Графа Паскевича-Эриванскаго) и Апшеронцы приняли ихъ на штыки. Дрогнула вражья сила, да и бѣжать! Ергебиль достался намъ дешевле, чѣмъ Ахульго, а поживы нашлось въ аулѣ много: Черкасы, вишь, брали здѣсь десятину за провозъ товаровъ по мостику черезъ Койсу. Нашли мы еще здѣсь много кольчугъ: видно трусы запасались ими на случай!

Здѣсь оканчиваются, къ моему прискорбію, повѣствованія стараго служиваго: мы приѣхали въ Каякентъ, и волею неволею я долженъ былъ разстаться съ моимъ рассказчикомъ.

✓ Дорога отъ Буйнакъ до Каякента такая же, какъ и отъ Тарху до Буйнакъ: та же равнина, тѣ же горные потоки и тѣ же виды; плодородность почвы возрастаетъ подвигаясь къ Дербенту. Не доѣзжая Каякента намъ привелось тапчаться по сыпучему песку черезъ небольшой лѣсокъ: затѣливое воображеніе уже представляло мнѣ нѣсколько горскихъ удалцовъ, засѣвшихъ въ лѣску въ ожиданіи какого-нибудь проѣзжающаго, хоть бы «путешественника по Востоку»; вотъ Горцы положили удачнымъ выстрѣломъ казака, а чапары унеслись какъ вѣтеръ назадъ, вотъ мой служивый свалился съ козель отъ другой пули, и одинокаго, беспомощнаго «путешественника по Востоку» влекутъ въ горы для изученія тюркскихъ нарѣчій!

Но вамъ уже извѣстно, что все это лишь игра воображенія, что я благополучно прибылъ въ Каякентъ и расположился здѣсь на ночлегъ. При самомъ въѣздѣ въ деревню мнѣ объявили, что здѣсь есть русскій проѣзжающій, что если я хочу почевать, то не угодно-ли мнѣ помѣститься съ нимъ вмѣстѣ въ одной саклѣ. Разумѣется, такое предложеніе мнѣ было очень пріятно; слѣзая съ телѣги, вхожу въ саклю, которая на этотъ разъ состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ съ террасой впереди, но вмѣсто обѣщаннаго Русскаго нахожу здѣсь настоящаго Черкеса, который разговаривалъ съ хозяиномъ сакли по-татарски. Черезъ нѣсколько минутъ мнимый Черкесъ заговорилъ со мной по-православному: вышло, что это дѣйствительно былъ чистый Русскій, подполковникъ Севъ, только что освободившійся изъ плѣна.

Вотъ какъ въ другой разъ я обманулся наружностью и принялъ своего соотечественника за Горца: это происходило отъ того, что вездѣ и во всемъ я видѣлъ или желалъ видѣть Горцевъ! На этотъ разъ ошибка нисколько не была мнѣ непріятна: плѣнный, возвращающійся изъ горъ, въ моихъ глазахъ былъ интереснѣе всякаго Горца.

Многимъ покажется удивительно, какимъ образомъ русскій подполковникъ очутился въ плѣну у Горцевъ: этихъ особъ я предупреждаю, что ни одинъ русскій офицеръ на Кавказѣ не унижалъ и никогда не унижитъ высокаго имени русскаго, и что если Русскіе иногда попадаютъ въ плѣнъ Горцамъ, то въ этомъ виноваты отчасти неизбежный жребій войны, отчасти же и вѣроломство рыцарей Чечни и Дагестана. Русскія войска, руководимыя истинными понятіями о чести, ведутъ войну милосердо, и поэтому вѣрятъ въ прямодушіе врага и нерѣдко попадаютъ въ разставленныя подлою измѣною сѣти. Самою невинною и самою знаменитою жертвою кавказскаго вѣроломства былъ великодушный Князь Циціановъ, падшій подъ

ударами низкихъ убійцъ. Многочисленные примѣры горскихъ обмановъ если и разувѣрили Черкесомановъ въ благородствѣ Горца, то все же не отучили Русскихъ отъ самонадѣянности и безпечности: полагаясь на свое мужество, Русскіе часто пускаются на-удалую, и захваченные врасплохъ, иногда дѣлаются жертвой благородства прежде, чѣмъ успѣютъ вынуть саблю изъ ноженъ.

Такой точно случай повторился на подполковникѣ С. ѣ. Заранѣ приготовленная драма началась изъясненіями покорности и дружества, а кончилась тѣмъ, что С. ѣ съ двумя его людьми и лишнейнымъ казакомъ были схвачены и посажены въ душную и темную яму. Такія тюрьмы въ горахъ во всеобщемъ употребленіи; на верху ямы находится небольшое отверстіе для воздуха, для свѣта и для подаванія пищи.

Такъ прошло тяжелыхъ три мѣсяца!

Заключенные давно потеряли терпѣніе и начали замышлять и совѣтоваться о побѣгѣ. Каждый изъ нихъ зналъ, что вновь пойманнаго ожидаетъ если не смерть, то жестокія истязанія и вѣчная неволя въ чужомъ краю, но тѣмъ сильнѣе всѣ жаждали свободы. По общему согласію принялись усердно разрывать стѣны ямы каждый чѣмъ попало, и наконецъ прорыли выходъ, въ который и ушли въ одну бурную и темную ночь. Неравная участь выпала на долю спасавшимся: подполковникъ С. ѣ и одинъ изъ его людей, хорошо знакомые съ мѣстностью или покровительствуемые судьбою, укрылись отъ погони и благополучно достигли русскихъ жилищъ, а несчастные товарищи ихъ были опять пойманы и увлечены въ неволю!

С. ѣ смугль, ходигъ въ черкесскомъ костюмѣ, говоритъ свободно по-татарски и отъ продолжительныхъ сношеній съ Горцами обнаруживаетъ въ мане-

рахъ что-то иноземное: отъ этого я принялъ его сначала за Горца.

Въ Каякентѣ, гдѣ я провелъ первую ночь à l'oriental на полу съ безчисленными наѣкомъыми-скакунами, довольно большая горская деревня, имѣющая до 400 дворовъ и какими-то судьбами попавшая въ лѣтописи дагестанскихъ событій: о ней упоминаетъ авторъ исторіи Дербенда на турецкомъ языкѣ «Дербендіады».

Я въ большомъ затрудненіи на счетъ этимологіи Каякента: вообще кавказскія названія не легко поддаются толкованіямъ и часто сбиваютъ съ толку опытныхъ филологовъ. Кажется, Каякентъ значитъ «село скалы»; «кендъ» значитъ село, это извѣстно всѣмъ и каждому, а «кыя» или «кая» значить скала, камень. Гамба, изнѣженный челоусти котораго никакъ не могли привыкнуть къ горскимъ словамъ, пишетъ Каяютъ (Кауауоте) вмѣсто Каякентъ. Это село расположено живописно по скату холма; жители Каякента занимаются фабрикаціей простыхъ ковровъ. Отъ Буйнакъ досюда считается 30 верстъ.

Утромъ 3 Августа мы выѣхали вмѣстѣ съ С. изъ Каякента подъ прикрытіемъ уже шести чапаровъ, потому что на пути встрѣчаются перелѣски, очень удобныя для разныхъ приключеній. Впрочемъ, никакого приключенія я не видалъ, а видѣлъ только, по выѣздѣ изъ большаго дубоваго лѣсу, остатки укрѣпленія Аля-Ханъ-Каля, построеннаго Надиръ Шахомъ, съ лѣвой стороны дороги, и перѣхалъ рѣку Большой Бугамъ. Между Манасомъ и Бугамомъ текутъ еще рѣчки Татаулъ, Инчке, Хумре-Узень и Улугай, замѣчательныя лишь тѣмъ, что оплодотворяютъ окрестныя поля.—Недалеко отъ Каякента открыты нефтяныя колодцы, извѣстны цѣлительныя грязи, большое соляное озеро Халжи, снабжающее солью Дербентъ, Каракайтакъ и даже Акушу; на С. сторонѣ его

находятся Каракайтаскія минеральныя воды, успѣшно помогающія во многихъ болѣзняхъ.

Отъ Каякента до слѣдующей станціи «села Намѣстника» Великента положено по уставу 25 верстѣ. Великентъ небольшая деревушка въ 200 домовъ, раскинутая на берегу малаго Бугама.

Пріѣздъ двухъ телѣгъ въ Великентъ произвелъ ужасную суматоху на почтовомъ дворѣ: вся эта суматоха происходила по поводу переломанныхъ телѣгъ и изорванной упряжи, кромѣ которыхъ у содержателя почтовыхъ лошадей Армянина ничего не было для проѣзжающихъ. Видя, что бѣдѣ пособить нельзя, я усѣлся, съ опасностью жизни, въ разбитую телѣжку, къ которой кое-какъ прицѣпили лошадей, и поѣхалъ въ Дербентъ, утѣшая себя тѣмъ, что скоро буду въ постоянномъ восточномъ городѣ. Но это утѣшеніе не спасло меня отъ страданій: дорогой на каждой верстѣ лошади отвязывались, шины лопались одна за другой, и подѣзжая къ Дербенту, послѣ 22 верстовой дороги, вся моя телѣжка качалась, будто обезснащенный корабль на высокихъ волнахъ. Да проститъ мнѣ великодушный читатель, если я не разъ еще буду жаловаться на почтовую ѣзду по здѣшнимъ трактамъ: нельзя же молчаливо переносить мученія, которыми надѣляли меня въ дорогу Армяне, содержатели почтовыхъ лошадей!

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Великента, около котораго растетъ дубовый лѣсъ, я переѣхалъ черезъ рѣчку Дербакъ или Дербакъ: на берегахъ ея около двухъ недѣль скитались многіе жители Дербента, устрашенные приближеніемъ Эмиръ Гамзэ къ городу послѣ побѣды кевдушанской. На берегахъ этого же Дербакъ живутъ Каракайтаки (Черные Кайтаки), лезгинское разбойничье племя, промышляющее грабежомъ проѣзжихъ Армянъ.

До поступления Дербента подъ русское владычество эти Каракайтаки пабздничали на сушѣ и на морѣ, пользуясь бѣдствіями судовъ, кинутыхъ на берегъ бурюю.

Ближе къ Дербенту перелѣски исчезаютъ, горы въ видѣ желтыхъ скалъ подвигаются къ берегу, по сторонамъ дороги валяются огромные камни, отлетѣвшіе отъ скалъ, а около моря тянутся виноградные сады.

Но вотъ показался и Дербентъ, первый восточный городъ: сердце у меня радостно запрыгало. Да, это не то, что Тарху или Астрахань, это дѣйствительно восточный городъ: смотрите какъ онъ безтолково растянута отъ моря вдоль по скату горы узкой линіей, какъ плоскія кровли тѣсняются одна надъ другой, какъ крѣпкія стѣны не закрываютъ нисколько города, и какъ все это между тѣмъ живописно!

Да, это дѣйствительно восточный городъ!

О томъ, что приключилось «путешественнику по Востоку» въ Дербентѣ, благосклонный читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

III.

ОТЪ ДЕРБЕНТА ДО КУЗЫ.

Inprimis vero admiratione digni sunt muri, qui, ex lapidibus caesis incredibili opera ea crassitie constructi, ut super eos currus vehi possit, inde a Derbenti arce ad septentrionem et meridiem se protendunt.

Ноевъ, Vet. Mediae et Persiae monum. p. 464.

При самомъ въѣздѣ въ Дербентъ я былъ пораженъ чисто оріентальнымъ характеромъ его: у водоема подлѣ городскихъ воротъ стояло нѣсколько ословъ; недалеко отъ

нихъ лежали въ пріятномъ кейфѣ развѣоченные верблюды, занимавшіеся отъ нечего дѣлать наблюденіями надъ вислоухими сотоварищами; погонщики тѣхъ и другихъ дружески разсуждали между собой, не обращая никакого вниманія на своихъ скотинъ. Въ городскихъ воротахъ мнѣ загородилъ дорогу буйволъ, медленно и важно тянувшій огромную арбу съ хлѣбомъ; миновавъ благополучно эту первую мель, я наткнулся потомъ на Персіянина, котораго непослушный оселъ никакъ не хотѣлъ своротить всторону, не смотря ни на какія угрозы и побои, и не давалъ дороги «путешественнику по Востоку». Упрямство осла одержало верхъ надъ услужливостью хозяина, и моя хилая телѣжка съ визгомъ и пыскомъ потащилась стороной.

«Куда васъ везти?» спросилъ ямщикъ.

—Въ гостинницу.

—Гостинницу? А гдѣ она живетъ?

Ямщикъ принялъ гостинницу за госпожу, по мнѣ было не до смѣху.

—Поѣзжай въ номера.

—Указывай дорогу.

—Да ты долженъ знать дорогу, а не я.

—Э! Гдѣ мнѣ знать твой домъ? Мнѣ хозяинъ велѣлъ довести тебя до городу: вотъ я и привезъ. Слѣзай и ступай куда хочешь.

—Но у меня пѣтъ дому: я пріѣзжій и не знаю, гдѣ мнѣ остановиться.

—Это твое дѣло.

Ямщикъ, грубый Татаринъ, слѣзъ съ козелъ и располагался распречь лошадей у городскихъ воротъ.

Я вспомнилъ, что у меня было письмо отъ моего Начальства къ Коменданту Дербента Бучкіеву: это письмо, по моему расчету, должно было меня выручить.

Послѣ нѣкоторыхъ угрозъ, сопровождаемыхъ обѣщаніемъ на водку, ямщикъ согласился везти меня къ Коменданту, но во всю дорогу ворчалъ, что Комендантъ живетъ очень высоко въ крѣпости, что подъемъ крутъ и что лошади устали.

Подъ вліяніемъ непріятныхъ впечатлѣній перваго восточнаго города, обѣщая себѣ мало хорошаго въ будущемъ, я предсталъ передъ дербентскаго Коменданта, прося объяснить мнѣ будущее мое положеніе въ Дербентѣ. Г. Бучкіевъ объявилъ мнѣ, что въ городѣ нѣтъ гостиницы, и что проѣзжающіе предоставлены каждый своему произволу, въ томъ числѣ и «путешественники по Востоку.»

Съ кислой фізіономіей спускался я медленно съ комендантскаго крыльца, размышляя о прискорбной участи вообще всѣхъ прѣѣзжающихъ въ Дербентъ и о своей въ особенности, но на послѣдней ступенькѣ вдругъ неожиданное вдохновеніе посѣтило мою унылую душу: я припомнилъ, что Дербентъ по географіи стоитъ въ списокѣ городовъ, что во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи существуютъ училища, что и въ Дербентѣ слѣдовательно есть училище, а такъ какъ теперь вакаціонное время, то вѣрно, подумалъ я, въ училищѣ отыщется свободный уголокъ для путешественника. Мнѣ нуженъ былъ только какой-нибудь пріютъ, гдѣ бы я могъ сложить свои книги: объ остальномъ я уже не заботился.

Но добрый смотритель дербентскаго уѣзднаго училища Дорошенко, по первому моему слову, предоставилъ мнѣ въ полное распоряженіе, вмѣсто одного уголка, нѣсколько комнатъ, и во все время пребыванія моего въ Дербентъ, которое продолжалось ровно десять дней, не оставляя усердно заботиться о «путешественникѣ по Востоку», очень мало заботившемся о себѣ самомъ.

Когда я утвердился такимъ образомъ на постоянной квартирѣ, какъ Китаецъ на серединѣ, когда ничто не могло нарушить моего спокойствія, я предался созерцаніямъ и наблюденіямъ надъ всѣмъ, что окружало меня. Дербентъ славится во всѣхъ восточныхъ исторіяхъ баснословной древностью: естественно, мое вниманіе прежде всего обратилось на исторію этого города.

Что Дербентъ пользуется большимъ почестомъ между мусульманскими городами, это доказываетъ составленная нарочно для него одного «Дербендъ-намэ» Дербендіада, рассказывающая исторію этого города; что въ Дербентѣ есть много любопытнаго для археолога, это свидѣлствуютъ громадныя стѣны его съ многочисленными надписями, и что наконецъ Дербентъ не походитъ на другіе города Дагестана и Закавказья, въ этомъ могутъ убѣдить походы вашего покорнаго писателя, едва отыскавшаго себѣ мѣсто, гдѣ приклонить голову.

Я не открылъ ничего новаго, ничего необыкновеннаго, когда сказалъ, что Дербентъ славится своею древностью. Эта слава до того ослѣпляла многіе правовѣрные мозги, что они приписывали построеніе этого города Александру Двурогому, герою какъ двѣ капли воды похожему на Александра Македонскаго. Но такъ какъ ни Александра Двурогого на бѣломъ свѣтѣ не существовало, ни Александра Македонскій въ этихъ мѣстахъ не былъ, то построеніе Дербента несомнѣнно принадлежитъ персид-

скимъ государямъ сассанидской династіи. По многимъ достойнымъ уваженія причинамъ къ Дербенту нельзя приложить названія горныхъ проходовъ *sasriae ruiae* и *ruiae albaniae*, часто упоминаемыхъ писателями древности, и первое извѣстіе о Дербентѣ безспорно принадлежитъ восточнымъ писателямъ: восточное происхожденіе этого города доказывается и персидскимъ названіемъ его: «деръ» дверь, и «бендъ» запоръ, а въ сложности «Дербендъ» значитъ по-персидски «застава».

Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобъ опредѣлить точнымъ образомъ время построенія Дербента: авторъ Дербендіады приписываетъ основаніе этого города сассанидскому государю Кобадѣ, но большинство восточныхъ писателей—Масуди, Абульфѣда, Закерія Казвини, Ибнъ Эль-Варди, Бакуви—относятъ это къ сыну его Нуширвану. По-этому основаніе Дербента можно полагать въ началѣ VI столѣтія, но никакъ не ранѣе. Персидскіе государи, которыхъ владѣнія перѣдко терпѣли отъ нашествій сѣверныхъ народовъ, оцѣнили постояннымъ образомъ выгоды мѣстности дербентской, и не только построили здѣсь крѣпость, но и провели отсюда къ Западу на большое разстояніе огромную стѣну, извѣстную въ восточныхъ авторахъ большею частію подъ именемъ «Александровой стѣны», потому что и эту работу они приписываютъ тому же Александру Двурогому, который будто-бы построилъ Дербентъ. Авторъ Дербендіады говоритъ, что Кей-Кобадъ, построивъ Дербентъ, посадилъ въ немъ правителемъ сына своего Нуширвана Справедливаго, который укрѣпилъ и распространилъ Дербентъ, построилъ въ этой странѣ до трехсотъ шестидесяти укрѣпленій и перевелъ сюда на житье многія тысячи Персіянъ изъ Фарса, Ирака и Азербайджана. И такъ города Дагестана еще съ этой эпохи начали наполняться персидскими переселенцами.

По смерти Нуширвана Хазары овладѣли Дербентомъ, но Персіяне опять взяли его.

При концѣ правленія Сассанидовъ, не взирая ни на крѣпкія стѣны, ни на мудрыя предосторожности Нушир-вана, общее разстройство персидской монархіи передало Дербентъ и Дагестанъ въ руки Хазаровъ, тѣхъ самыхъ, по имени которыхъ и Каспій былъ названъ Хазарскимъ моремъ. Въ то время, когда Хазары распространяли свою власть къ югу, на встрѣчу имъ выступилъ изъ глубин Аравіи безпокойный врагъ, стремившійся къ всемірному владычеству.

При первомъ нападеніи на Дербентъ, въ правленіе Халифа Османа, Аравитяне потерпѣли пораженіе; въ этой битвѣ палъ между прочимъ и предводитель арабскій Сельманъ бенъ Рабія Эль-Багилл. Хакавъ Хазарскій послѣ побѣды, которую Дербендіада, по своему правовѣрному духу, считаетъ пораженіемъ, остался повелителемъ всей страны.

Въ правленіе Халифа Велида Аравитяне въ числѣ 40,000, набранныхъ въ Сиріи, явились въ Дагестанъ подъ предводительствомъ Маслама, брата Халифова, и осадили Дербентъ, но только измѣна одного изъ жителей помогла имъ овладѣть городомъ. Разрушивъ укрѣпленія, Аравитяне удалились, если вѣрить Дербендіадѣ, а Хазары опять овладѣли Дербентомъ и укрѣпили его. Маслама вторично отнялъ Дербентъ у Хазаръ, укрѣпилъ его еще болѣе и оставилъ въ немъ свой гарнизонъ, который Хазары не замедлили осадить и въ тоже время проникли съ мечемъ и огнемъ въ Азербайджанъ. Вышедшіе противъ нихъ Аравитяне были разбиты: огорченный Халифъ Ездъ бенъ Абдуль-Меликъ выслалъ противъ нихъ Джерраха бенъ Абдулла, который взялъ Дербентъ, опустошалъ окрестности, разбилъ Хазаръ, овладѣлъ многими мѣстами, поставилъ въ Дербентѣ войско, но наконецъ побѣжденный Хазарами палъ на полѣ сраженія. Посланный Халифомъ Гишамомъ Маслама бенъ Абдуль-Меликъ овладѣлъ Дербентомъ, обновилъ упавшія стѣны и городъ, построилъ

арсеналъ, хлѣбные и нефтяные магазины, укрѣпилъ Нарынъ-Каля, покоришь и обратилъ въ Исламъ Кумыковъ, Кайтаковъ, Табасарановъ, Аварцовъ и другихъ, а также обратилъ въ Исламъ многихъ жителей Дербента, выстроилъ для каждаго племени мечеть и одну сборную мечеть, раздѣлилъ городъ на семь частей и устроилъ шесть желѣзныхъ воротъ. Послѣ него управлялъ Дербентомъ Мерванъ бенъ Мухаммедъ, побѣдившій Хазаръ: онъ былъ потомъ Халифомъ. Въ 753 году по Р. Х. правителемъ Дербента назначенъ Езидъ бенъ Асадъ: Хазары осаждали безуспѣшно этотъ городъ, и новый правитель поправилъ многія укрѣпленія около Дербента, наполнилъ ихъ войсками и перевелъ сюда жителей изъ Сиріи и Мосуля. Въ 776 году поставленъ правителемъ Джеунъ сынъ Неджима, но за дурное управленіе смѣненъ, а на мѣсто его посланъ Ребія Эль-Багили. Въ 789 году отправленъ въ Дербентъ Хазима, сынъ Чархи: онъ укрѣпилъ городъ и поправилъ стѣны. Вскорѣ посѣтилъ Дербентъ, если вѣрить Дербендіадѣ, знаменитый Халифъ Гарунъ-Эррашидъ, главное дѣйствующее лицо во всѣхъ европейскихъ сказкахъ о Востокѣ: во время пребыванія въ Дербентѣ онъ приказалъ запрудить Рубасъ, провести въ предмѣстія воду, устроилъ сады и мельницы, и поставивъ правителемъ Сакса, возвратился въ Багдадъ. Въ правленіе Гарунъ-Эррашида было еще вторженіе Хазаровъ въ Дербентъ и Азербайджанъ.

При ослабленіи власти Халифовъ Дербентъ подвергся общей участи многосложной и обширной арабской имперіи: онъ переходилъ отъ династіи къ династіи, которыя владѣли на сѣверѣ Персіи. Такимъ образомъ онъ побывалъ въ рукахъ Тюрковъ Сельджуковъ, поселившихъ здѣсь свои колоніи, Грузиновъ, Монголовъ и наконецъ Персіянъ. Въ эти времена смуть и ниспроверженія троновъ Дербентъ нерѣдко служилъ добычей побѣдителя: такъ подъ стѣнами его происходила битва между войсками Гулаку-Хана и Берекаля, въ которой послѣдніи были разбиты, но

вскорѣ побѣдители въ свою очередь были поражены за Терекомъ, и городъ достался войскамъ Берекая. Въ 1578 году Дербентъ подпалъ Османскому владычеству. Персидскій Шахъ Эмиръ Гамзе предлагалъ, за союзъ противъ Турокъ, Царю Феодору Иоанновичу уступку Дербента и Баку. Это условіе, возобновленное при Шахѣ Аббасѣ Великомъ, не было приведено въ исполненіе, и Дербентъ снова подпалъ власти Персіянъ: Шахъ Аббасъ поставилъ въ немъ сильный гарнизонъ и выстроилъ на берегу моря большую башню, соединяющуюся съ городскими стѣнами. Во время смутнаго положенія персидской монархіи Петръ Великій овладѣлъ Дербентомъ въ 1722 году: въ это время городомъ управлялъ намѣстникъ Имамъ Кули-Бекъ, пожалованный Петромъ Великимъ, за преданность Россіи, въ Ханы и Генералъ-Маіоры. Шахъ Надиръ, овладѣвшій Дербентомъ, поставилъ здѣсь, по примѣру Сефевидовъ, своего намѣстника Феридунъ-Сюлтана, но лишь только палъ подъ ударами убійцъ персидскій завоеватель, Дербентцы, недовольные его намѣстникомъ, провозгласили въ 1747 году правителемъ Мухаммедъ Хасана, сына прежняго ихъ Хана Имамъ Кули Хана, изъ шіитскаго рода Курчи, считающаго въ Дербентѣ до 400 домовъ и составлявшаго прежде шахскую гвардію. Онъ правилъ городомъ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, но въ 1760 г. Фетхъ Али Ханъ Кубинскій, привлечшій на свою сторону недовольныхъ Мухаммедъ-Хасаномъ дербентскихъ бековъ, выступилъ изъ Кубы съ сильнымъ ополченіемъ и овладѣлъ Дербентомъ. Женившись на сестрѣ Усмія каракайтаскаго Тути-Бикѣ, Фетхъ Али Ханъ поручилъ ей въ 1766 г. управленіе Дербентомъ, а въ помощники ей назначилъ одного изъ преданныхъ ему дербентскихъ Бековъ. Подъ предлогомъ свиданія съ сестрой Усмій вшелъ въ Дербентъ и овладѣлъ имъ; Фетхъ Али Ханъ послѣ трехдневной осады вытѣснилъ любезнаго шурина изъ города. Въ это время посѣтилъ Дербентъ нашъ естествоиспытатель Гмелинъ. Но гибкій жребій войны вскорѣ вручилъ побѣду Усмію: Фетхъ Али Ханъ былъ раз-

бить, а Усмій явился передъ Дербентомъ съ лестію и обманомъ. Неустрашимая Тутти-Бикэ, однажды обманутая братомъ, защищалась храбро и сохранила Дербентъ мужу, а появленіе Генерала Медема и блистательные подвиги русскихъ войскъ возстановили власть Фетхъ Али Хана въ Дагестанѣ. Но предприимчивый Ханъ скончался въ 1789 году; ему наследовалъ сынъ его Ахмедъ Ханъ, владѣвшій Дербентомъ въ теченіи пяти лѣтъ. По смерти его въ 1795 г. вступилъ въ управленіе братъ его Шейхъ-Али-Ханъ, сначала преданный Россіи, но потомъ возмущившійся: въ Маѣ 1796 г. Дербентъ, осажденный съ моря и суши, сдался русскимъ войскамъ, и Шейхъ Али Ханъ взятъ въ плѣнъ. Дербентъ былъ подчиненъ брату его, владѣтелю кубинскому, Хасанъ Хану; потомъ Императоръ Павелъ возвратилъ городъ Шейхъ Али Хану, но вторичная измѣна этого коварнаго правителя заставила Россію отнять у него власть: едва Генералъ Глазенапъ явился передъ Дербентомъ, какъ жители, недовольные своимъ безпутнымъ Ханомъ, выгнали его вонъ, и съ 21 Іюня 1806 г. Дербентъ навсегда поступилъ въ число русскихъ городовъ, по гюлистанскому договору 12 Октября 1813 года. Шейхъ Али Ханъ бѣжалъ въ Кубу, а потомъ въ горы, гдѣ долго скитался и кончилъ бѣдственные дни въ Персіи.

Такова хроника Дербента отъ основанія этого города до прибытія въ него «путешественника по Востоку». Составить-ли пріѣздъ этого важнаго лица эпоху въ лѣтописяхъ дербентскихъ, объ этомъ, надѣюсь, не замедлятъ извѣстить читающую публику позднѣйшіе странствователи.

Съ помощію моихъ предшественниковъ на пути по Дагестану, съ помощію обильныхъ разсказовъ жителей, и наконецъ съ слабою помощію собственныхъ моихъ наблюденій и замѣчаній я приступаю послѣ «историческаго взгляда» къ «взгляду этнографическому». Въ Дербентѣ вообще взгляды очень удобны: стоитъ только забраться въ

крѣпость и оттуда можно безъ труда кидать какіе угодно взмады на городъ.

Дербентъ лежитъ подъ $42^{\circ} 4'$ С. Ш. и $65^{\circ} 56'$ В. Д. отъ Ферро. У Аравитянъ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Баб-уль-аблабъ» ворота воротъ и «Баб-уль-хадидъ» желѣзные ворота; частыя вторженія Хазаровъ черезъ дербентскій проходъ и надежныя стѣны города заставили Аравитянъ дорожить этимъ укрѣпленіемъ и дать ему такое лестное прозваніе. Турки называютъ по этой-же причинѣ Дербентъ «Темиръ-Капыси» желѣзные ворота; это перешло и въ русскія лѣтописи, а въ простопародіи Дербентъ былъ передѣланъ въ Дербень, что ясно видно изъ пріпѣва:

«Ай Дербень, Дербень, Калуга,
Дербень ягода моя!»

Грузинскіе историки называютъ Дербентъ «Шгвисъ Кари» морскія ворота, или «Дарубандъ».

Дербентъ расположенъ длинной и узкой полосой по скату горы отъ З. къ В. какъ видно на прилагаемомъ планѣ. Необыкновенное расположеніе города объясняется тѣмъ, что строители его имѣли въ виду загородить проходъ сѣвернымъ наѣзdnикамъ, а такъ какъ народонаселеніе этихъ краевъ было немногочисленно, то и растянули непомѣрно длину города при незначительной ширинѣ. Самымъ положеніемъ своимъ Дербентъ дѣлится на три части: верхнюю или крѣпость, среднюю или городъ собственно и нижнюю или приморскую. Мудрые строители Дербента обвели весь городъ каменною стѣною, гигантскому сложенію которой я не могъ надивиться, и по-этому само собою разумѣется, первой моей экскурсіей на ловлю дербентскихъ примѣчательностей былъ походъ вокругъ городскихъ стѣнъ.

Вооруженный зрительной трубой и компасомъ, я вышелъ изъ кизлярскихъ воротъ съ твердымъ намѣреніемъ от-

крыть какую-нибудь древность и навсегда обезсмертить свое имя. Обошедши весь городъ и съ крѣпостью, я не нашелъ почти ничего новаго, чтобъ не было извѣстно еще и до меня, ничего необыкновеннаго, однимъ словомъ, къ крайнему моему отчаянію и к несчастью всѣхъ моихъ читателей, ничего прославляющаго имя открывателя. Результаты этого перваго похода на открытіе дербентскихъ древностей я представляю на благоусмотрѣніе читателей: можетъ быть найдутся такіе снисходительные, что и удовольствуются тѣмъ, что я видѣлъ, и не будутъ требовать разсказовъ о томъ, чего я не видалъ.

Окружность дербентскихъ стѣнъ простирается до пяти верстъ: на двѣ слишкомъ версты длины городъ едва имѣетъ 455 шаговъ ширины у кизлярскихъ воротъ. Стѣны дербентскія принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ рѣдкостей Дагестана и Закавказья: разтянутыя на такомъ значительномъ протяженіи сѣверная и южная стѣны, съ одной стороны примыкающія къ морю, а съ другой къ цитадели, имѣютъ отъ 4 до 7 футовъ толщины при 28-40 футахъ вышины, и сложены изъ большихъ, снаружи весьма чисто обтесанныхъ камней. Такъ какъ стѣны поднимаются въ горы, то и кладка ихъ идетъ уступами: между двумя плитами, положенными вдоль, третья стоитъ ребромъ, и такимъ образомъ одинъ рядъ выведенъ надъ другимъ. Матеріалъ для стѣнъ доставляли сосѣднія горы, какъ видно по одинаковому свойству ихъ съ камнями дербентскихъ стѣнъ; обтесанные известковые камни, длиной болѣе аршина, безъ всякаго цемента клали одинъ на другой, но въ нижнихъ камняхъ дѣлались углубленія, въ которыя вкладывались обтесанные выпуклости верхнихъ, и благодаря этому способу стѣны дербентскія сохранились донинѣ. Дербендіада, когда говоритъ о частомъ исправленіи дербентскихъ укрѣпленій, говоритъ совершенную правду: до сихъ поръ можно распознать многочисленныя поправки и первоначальную работу, отличающую

ся огромностью и чистотою труда. Меня увѣряли, что въ старой стѣнѣ находятся ужасной величины камни около 300 пудовъ въсомъ во всю ширину стѣны, но, кажется, это извѣстіе принадлежитъ къ числу персидскихъ фантазій: наружные камни не толще поларшина, и между ними положены другіе камни и набитъ щебень съ глиной. Исправленія замѣтны больше въ верхнихъ частяхъ стѣнъ, гдѣ паходятся бойницы. Въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой устроены въ стѣнахъ башни, особливо многочисленныя въ сѣверной стѣнѣ.

Приближаясь къ морю, дербентскія стѣны становятся тоньше, а у моря онѣ совсѣмъ разрушились, но продолженіе ихъ опущиваются въ морѣ всѣ купающіеся: слѣдовательно дербентскія стѣны обнимали прежде большее пространство, нежели теперь, и море покрыло здѣсь часть суши. Кромѣ того прежде проходила со стороны моря стѣна, имѣвшая свои ворота: нынѣ ни стѣны, ни воротъ нѣтъ слѣда. По извѣстію одного англійскаго путешественника XVI столѣтія дербентскія стѣны вдавались въ его время въ море почти на полмили, а по извѣстію арабскаго географа Эдриси эти стѣны образовали дербентскую гавань и служили защитой караблямъ: на этомъ основаніи городъ Дербентъ во время Эдриси имѣлъ безопасную гавань, въ чемъ мы имѣемъ нѣкоторое право сомнѣваться, потому что описаніе стѣнъ, составлявшихъ дербентскій молъ, отзывается у Эдриси восточной напыщенностью.

Дербентская крѣпость, называемая «Нарынъ-Каля» по-вая, изящная крѣпость, господствуетъ надъ городомъ и состоитъ съ нимъ въ связи. Крѣпость принадлежитъ къ позднѣйшему времени, и стѣны ея не имѣютъ той тщательной и массивной постройки, какую отличаются городскія.

Дербентскія стѣны имѣютъ нѣсколько воротъ. Начиная отъ моря въ сѣверной стѣнѣ ворота идутъ въ такомъ

порядкѣ: «Ташъ-капыси» каменные ворота или «Дубаръ-капыси» дубарскія ворота, названныя такъ по имени нижней части города; «Кырхляръ-капыси» кырхлярскія ворота отъ кладбища «Кырхляръ» Сороковикъ, и наконецъ третьи и послѣднія «Джарчи-капыси» ворота вѣстника, получившія имя отъ ханскаго вѣстника, объявлявшаго здѣсь народу волю правителя. Въ южной стѣнѣ находится пять воротъ: «Дубаръ-капыси» дубарскіе ворота, «Эйги-капы» новыя ворота, «Орта-капы» среднія ворота, «Боятъ-капыси» ворота Боятовы, отъ мѣста Боятъ, и наконецъ «Каля-капыси» крѣпостныя ворота. У русскихъ кырхлярскія ворота называются для благозвучія кизлярскими, а джарчійскія—водяными.

Дербентскія ворота выведены круглымъ сводомъ, не свойственнымъ мусульманской архитектурѣ и перешедшимъ, по-видимому, отъ Византійцовъ. Впрочемъ, это замѣчаніе ни къ чему не ведетъ, потому что дербентскія ворота нѣсколько разъ были перестроены.

Надъ многими дербентскими воротами выѣются арабскія надписи, занимательныя лишь потому, что онѣ помѣщены очень высоко, отъ времени довольно пострадали и не поддаются дешифровкѣ. Простоявъ у «каменныхъ воротъ» сполчася, съ опрокинутой назадъ головой въ видѣ любителя, жаждущаго послѣдней капли изъ бутылки, я нашелъ, что надпись ихъ едва-ли можно разобрать и болѣе ничего. Въ стѣнахъ дербентскихъ встрѣчается много камней также съ арабскими надписями, и притомъ такъ называемаго «карматскаго» почерка, но въ нихъ не видно ничего историческаго, кромѣ одной надгробной надписи, попавшей сюда на поправку стѣны; по крайней мѣрѣ находящіяся у меня надписи не могутъ служить дипломомъ на безсмертіе, о которомъ я такъ хлопочу съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ древній городъ. Но позвольте: я представляю вамъ точный снимокъ русской надписи, находящейся надъ Боятовыми воротами:

«Время разрушило ослу-
шаніе меня построило.

1811 года.»

Надѣюсь, что послѣ этой надписи вы не будете требовать другихъ.

У дубарскихъ воротъ мнѣ показывали слѣды пребыванія въ Дербентѣ одного археолога: комиссіонеръ одесскаго общества исторіи и древностей Караймъ Фирковичъ прорылъ ходы въ землю около воротъ снаружи города, привлеченный къ этому труду искусственнымъ курганомъ, будто бы насыпаннымъ надъ сокровищами. По словамъ Дербентцовъ Г. Фирковичъ открылъ нѣсколько печей, въ родѣ монетнаго двора, а также большой камень съ слѣдующей надписью:

А	М
В	У
С	С

Этотъ камень, по-видимому указывающій на годъ (аппо) 1505 нашей эры, я видѣлъ у Г. Бучіева. Фанатики глубокой древности Дербента думали употребить его самымъ смертоноснымъ оружіемъ на свою защиту, читая А и М: Александръ Македонскій!!!

Устройство дербентскихъ воротъ принадлежитъ повѣйшему времени. Дербендіада изчисляетъ шесть городскихъ воротъ, пробитыхъ Масламой, и седьмыя со стороны Дарвака; Князь Кантемиръ насчитываетъ у Дербента всего одиннадцать воротъ; въ описаніи Броневскаго означено шесть воротъ, а Г. Эйхвальдъ въ своемъ путешествіи говоритъ только о двухъ. Въ показаніи послѣдняго ученаго я осмѣлюсь усомниться: какъ ни странно построенъ городъ Дербентъ, но все же неприлично и неудобно такому древнему и большому городу обходиться двумя воротами.

Соглашаясь съ Г-мъ Эйхвальдомъ въ томъ, что Дербентъ не можетъ устоять противъ европейской осады, я,

однакожъ, не считаю стѣны его годными только для ограниченія города, какъ полагаетъ ученый Академикъ. Во-первыхъ строители дербентскихъ стѣнъ имѣли въ виду безопасность города, а не что-нибудь иное; во-вторыхъ неудачная осада Дербента Кази Муллою показываетъ, что и эти стѣны къ чему-нибудь пригодны. Думалъ-ли мудрый Нуширванъ, складывая дербентскія стѣны, что ученая Европа произнесетъ такой строгій судъ его великому труду? . . .

Потерпѣвъ поражение въ первомъ походѣ къ открытію новыхъ, то есть неизвѣстныхъ дербентскихъ древностей, я предпринялъ вторую экспедицію, подъ прикрытіемъ сильнаго военнаго конвоя и въ сопровожденіи дербентскаго Городничаго Г-на Мекрюкова, великодушно вызвавшагося помогать мнѣ въ хожденіи за дипломомъ на званіе великаго открывателя.

На этотъ разъ я выѣхалъ въ «ворота вѣстника» и держалъ путь къ З. въ горы, по-этому конвой былъ необходимъ: около Дербента мѣста вообще не безопасны, особенно къ сторонѣ Табасарана стоитъ только отъѣхать версты на двѣ на три, чтобъ сдѣлаться добычей какого-нибудь горскаго промышленника. Такъ какъ я отправлялся не за подобнымъ приключеніемъ, то со мной находилось до 20 всадниковъ, въ томъ числѣ нѣсколько Бековъ, пріятелей Г-на Мекрюкова. Едва мы успѣли выѣхать изъ воротъ, какъ Горцы-проводники не выдержали и пустились джигитовать въ чистомъ полѣ: одни скакали во всю прыть своихъ сильныхъ коней другъ на друга, потомъ круто поворачивали или становили лошадь на дыбы; другіе на всемъ скаку вертѣлись подъ лошадью, стрѣляли въ цѣль изъ пистолета, рубили воздухъ кинжалами; третьи, наконецъ, съ гиканьемъ носились по краямъ каменныхъ безднъ или заставляли лошадей прыгать черезъ овраги. Забирала и меня смертельная охота попробовать удалъ, но сохраняя

важность «путешественника по Востоку» и не надѣясь на свою ловкость въ верховой ѣздѣ, я на этотъ разъ ограничился только аплодисманами чужому молодечеству.

Съ Западной стороны обтекаетъ дербентскую крѣпость маленькій ручеекъ Гемъ-булаки, свѣтящійся въ глубокой каменной безднѣ: голыя, крутыя скалы служатъ ему берегами. Во время дождей ручеекъ вырастаетъ и сокрушаетъ все на своемъ пути: недавно онъ разрушилъ каменный мостъ, соединявшій его берега. Такова сила горныхъ потоковъ!

Горы, отдѣляющія Табасаранъ отъ Дербента, покрыты небольшимъ лѣсомъ, и мы пробирались сквозь него съ большими предосторожностями: спереди, сбоковъ, отовсюду скакали провожатые и свидѣтельствовали каждый кусть, каждую ямку.

Я зналъ, что на вершинѣ горы ожидаетъ меня великолѣпный видъ, и по-этому ѣхалъ не оглядываясь по узкой тропинкѣ, въ густой зелени, и черезъ полчаса пути, свернувъ съ дороги, очутился у какой-то каменной башни. Я сошелъ съ коня, и по выдавшимся камнямъ стѣны, цѣпляясь руками и ногами, поднялся на башню: когда я взглянулъ сверху кругомъ, мной овладѣло такое сладостное чувство, что я чуть-чуть не прыгнулъ съ четырехъ-саженовой высоты на деревья подлѣ башни! Я находился въ ущельи, которое съ Сѣвера и Юга замыкали горы, покрытыя лѣсомъ, но къ Востоку и Западу видъ расширялся необозримо далеко. Къ Востоку горы, прятаншіяся подъ частоколомъ деревьевъ, волнами спускались къ морю; отлогій морской берегъ, узорчато перерѣзанный разными дорожками, окаймленъ былъ виноградными садами, а потомъ въ безконечную даль катилось синее море! Къ западу разпертывалась огромная долина Табасаранская, какъ будто бы для разнообразія картины почти совершен-

не обнаженная, усыпаемая холмами, оживляемая иногда селениями и лѣсочками: по этой долинѣ вилась узкой лентой знаменитая Александрова стѣна, а вдали уступами восходили Кавказскія горы!

День былъ ясный и тихій, солнце свѣтило ярко, воздухъ обдавалъ ароматами, и я долго въ пріятномъ раздумьи стоялъ на башнѣ, забывая, что я здѣсь нахожусь, какъ новый Жеромъ Патуро, для добыванія безсмертія, а свѣтъ не для восторговъ природы.

Послѣ я видѣлъ много пейзажей очаровательныхъ и скучныхъ, милыхъ и страшныхъ, богатыхъ и скудныхъ, горныхъ и морскихъ, но Табасаранскій видъ до сихъ поръ живо и ясно стоитъ у меня передъ глазами!

Укрѣпленіе, на которомъ я находился, составляло часть стѣны Александровой: эта стѣна состояла въ непрерывной связи съ южною дербентскою стѣною, потому что остатки постройки видны въ разныхъ мѣстахъ между Дербентомъ и укрѣпленіемъ, съ котораго я озираю Табасаранъ, да и Князь Кантемиръ засталъ еще непрерывность стѣны Александровой въ цѣлости. Это укрѣпленіе, находящееся въ разстояніи четырехъ верстъ отъ города, имѣетъ четверугольную, почти квадратную фигуру: длина его около 12 сажень, высота стѣ 4 до 5 сажень, а толщина стѣны около 2-3 аршинъ; по угламъ находятся разрушившіяся башенки. Оно сложено изъ такихъ же камней, какъ и дербентскія стѣны, и почти столь же тщательно обтесанныхъ снаружи, но складка иногда обнаруживаетъ другой характеръ, такъ что обѣ работы принадлежатъ какъ будто разнымъ строителямъ. Но это только обманчивое различіе, происходящее въ слѣдствіе различія города отъ пустырей.

Укрѣпленіе стоитъ длиною въ направленіи отъ Сѣвера къ Югу. Къ Западной сторонѣ его примыкаетъ обруши-

вшееся продолженіе стѣны Александровой, имѣющей одинаковый характеръ стройки съ укрѣпленіемъ; эта стѣна тянется съ нѣкоторыми интервалами, произведенными рукою времени, по Табасаранской долинѣ, на пространствѣ десяти верстѣ, потомъ поднимается по холмамъ и исчезаетъ въ дальней синевѣ горъ. Стѣна Александрова почти такой же толщины и вышины какъ и дербентскія стѣны; мѣстами въ ней виднѣются редуты въ различномъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣющіе четверугольную фигуру, и, вѣроятно, снабженные внизу маленькой дверью для прохода, подобно укрѣпленію, на которомъ я стоялъ. Во всѣхъ этихъ постройкахъ сводъ неизвѣстенъ. Съ сѣвернаго склона горы, на которой стоитъ первый уцѣлѣвшій бастионъ, течетъ родникъ, изъ котораго утолялъ жажду Петръ Великій, во время поѣздки для осмотра стѣны Александровой: съ тѣхъ поръ этотъ родникъ носить имя «Урусъ-булагъ» Русскаго ключа.

Много чудеснаго рассказываютъ Дербентцы объ этой стѣнѣ, называемой ими «Дагъ-баръ» Горная стѣна, и отъ людей, заслуживающихъ нѣкоторое довѣріе, я слышалъ, что въ ней находятся разныя надписи, которыя Армяне называютъ армянскими, Жиды еврейскими, Мусульмане арабскими: однимъ словомъ каждое племя присвоиваетъ стѣну себѣ. И эта таинственная стѣна разстилалась у меня передъ глазами, но я не смѣлъ ступить ни шагу далѣе: еще вчера около нея убитъ одинъ Дербентецъ! Велико было искушеніе для любителя древностей, но чтожь дѣлать? Страхъ смерти или неволи, убѣжденія проводниковъ, здравый смыслъ и еще что-то удержали меня отъ археологическаго самоотверженія и не допустили сдѣлать шагу впередъ. Въ послѣдствіи времени я ужасно раскаявался въ своей нерѣшительности: сколько разъ для самой ничтожной греческой надписи я рисковалъ головой въ путешествіи по Востоку, а въ Дербентѣ у меня не достало твердости духа для изслѣдованія громадной стѣны Александро-

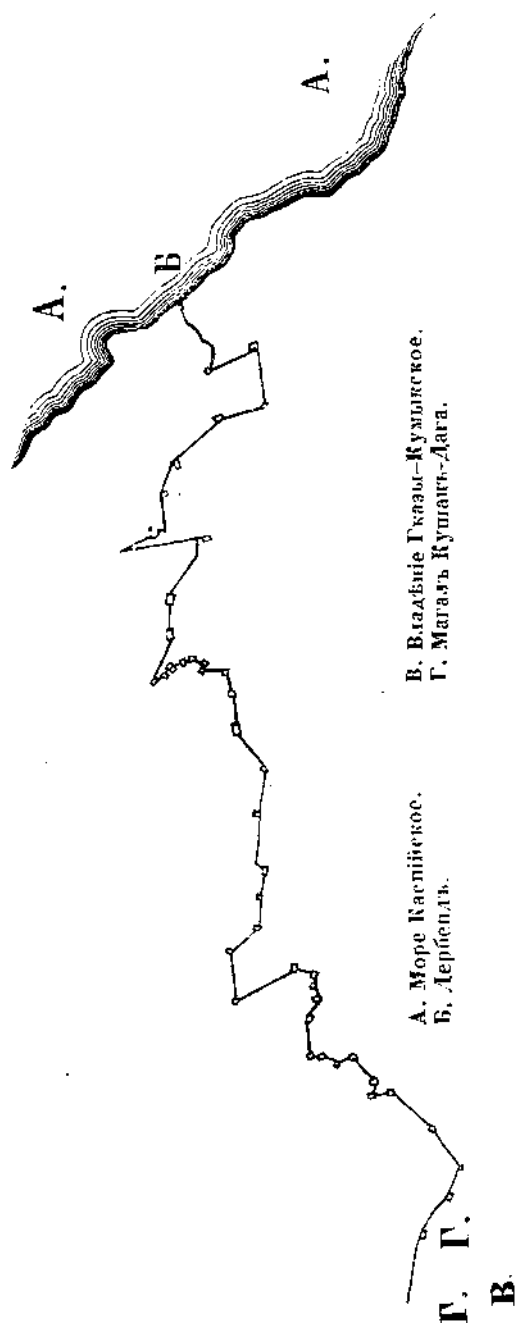
вой! Извините: это была еще юношеская неопытность въ ученомъ дѣлѣ!

И такъ я долженъ былъ вернуться назадъ, и дипломъ на безсмертіе опять потерять!

Впрочемъ, благосклонные читатели отъ этого ничего не потеряли: для нихъ прилагается здѣсь полный очеркъ стѣны Александровой, на сколько она извѣстна русскимъ топографамъ, отъ Каспійскаго моря до магала Кушанъ-Дага въ Казикумыкскомъ владѣніи; чѣмъ далѣе она идетъ въ горы, тѣмъ лучше она сохранилась. Странныя извилины стѣны происходятъ отъ мѣстнаго направленія горъ; всѣхъ укрѣпленій на этомъ пространствѣ, составляющемъ по прямой чертѣ около 80 верстъ, сохранилось 43. Въ одномъ изъ нихъ въ Кеджали-каля думалъ укрѣпиться Кази Мулла, но родникъ въ томъ укрѣпленіи засорился, и мятежникъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Огромныя деревья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выросли на стѣнѣ и раздвинули ее или даже и разрушили. Иногда стѣна проходитъ черезъ деревни; между прочимъ говорятъ, что въ деревнѣ Лиджили, въ 36 верстахъ отъ Дербента, сохранились въ цѣлости одни изъ древнихъ воротъ. Что же касается до невѣдомыхъ надписей, то всѣ вѣроятія клонятся къ тому, что въ стѣнѣ Александровой не существуетъ никакихъ надписей.

Всѣ благоразумные историки мусульманскіе приписываютъ строеніе этой стѣны персидскому государю Сассанидской династіи Нуширвану Справедливому, и это извѣстіе не подлежитъ сомнѣнію: такой огромный трудъ могъ быть исполненъ только такимъ могущественнымъ царемъ. Писатели древности ничего не говорятъ объ этой стѣнѣ, и слѣдовательно строеніе ея принадлежитъ новѣйшей эпохѣ; Аравитяне нашли уже стѣну оконченной. Такимъ образомъ все говоритъ въ пользу построенія ея Сассанида-

ПЛАНЪ СТЫНЫ АЛЕКСАНДРОВЪЙ.

ми, и по-этому названіе стѣны Александровой, также какъ Яджуджъ и Маджуджъ, упоминаемые въ Алкуранѣ, надобно перенести на восточные берега Каспія. Строитель Кавказской стѣны, по разсказамъ восточныхъ писателей, воздвигъ при ней въ незначительныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго бастіоны и снабдилъ ее для прохода желѣзными воротами въ различныхъ мѣстахъ, а для защиты войсками. Нѣкоторые полагаютъ, что стѣна протягивалась отъ Каспійскаго моря до Чернаго, но это несправедливо: восточные авторы назначаютъ ей протяженія около 400 верстъ, что очень удобно совпадаетъ съ извѣстіемъ о концѣ этой стѣны, видимомъ около рѣки Алазани. «Вѣсть между двумя намазами пролетала по этой стѣнѣ» говорятъ Дербентцы.

Не сдѣлавъ никакого открытія въ «Горной стѣнѣ», я рѣшился на крайнюю мѣру: въ одинъ мрачный день, въ мрачномъ расположеніи духа, я вышелъ съ книгами бѣлой бумаги, изъ кизлярскихъ воротъ, и прямо отправился на знаменитое кладбище «Кырхляръ» Сороковикъ. Конечно читатели предполагаютъ, что я, знакомый въ качествѣ ориенталиста и чернокнижника съ таинствами заклинанія духовъ и усопшихъ, иду на кладбище, какъ Макбетъ къ вѣдьмамъ, за тѣмъ, чтобъ потревожить подземныя тѣни и съ ихъ незримую силою добыть дипломъ на званіе «великаго открывателя»? Увы! Я точно шелъ для изслѣдованія надъ почившими въ «Сороковикѣ» правовѣрными, я точно имѣлъ въ виду какое-нибудь безсмертное открытіе, за которое попалъ бы прямо въ Академію Написей, но великая наука Боско мнѣ совершенно неизвѣстна, и желанія мои ограничивались святіемъ написей на могильныхъ памятникахъ въ Кырхлярѣ.

Но прежде, чѣмъ я воззову для васъ изъ другаго міра имена усопшихъ, покоящихся здѣсь, выслушайте плачевную исторію о Кырхлярѣ, повѣствуемую Дербендіадою.

Первая толпа Аравитянъ, явившаяся въ правленіе Османа на покореніе Дагестана Исламу, была незначительна: предводительствовалъ ею нѣкто Сельманъ бенъ Рабія Эль-Багили. Царь сѣверныхъ варваровъ—Хазаровъ выступилъ противъ Аравитянъ съ 100,000 воиновъ, но въ страхъ и недоумѣніи остановился у рѣчки Дарбаха. Генералы уговаривали его къ битвѣ, но Хаканъ отказывался, представляя собственное замѣчаніе, что Аравитяне не уязвимы никакимъ оружіемъ. Одинъ проклятый невѣрный услышалъ такія рѣчи, и подкарауливъ Мусульманина во время омовенія, убилъ его, въ опроверженіе словъ своего болзливаго государя. Тогда всѣ невѣрные устремились на Аравитянъ: воины Ислама съ священнымъ крикомъ: «Аллахъ Акберъ» Богъ великъ, противостали варварамъ и жестоко ихъ побивали. Ночь прекратила битву.

На утро сраженіе возобновилось, и ежедневное кровопролитіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ Аравитяне были истреблены. Въ послѣдній день пали Сельманъ и остальные его воины, которыхъ мусульманское преданіе для круглаго счету опредѣляетъ въ 40 человѣкъ. Тѣла убитыхъ правовѣрныхъ валялись безъ погребенія, а Дагестанъ страдалъ отъ голоду: явно было для Мусульманъ, что это насланіе Божіе за неуваженіе Ислама и его «свидѣтелей». Наконецъ по совѣту кудесниковъ Дагестанцы похоронили на нынѣшнемъ Кырхлярѣ тѣла сорока мучениковъ, и голодъ прекратился, а кладбище получило прозваніе «Сороковика.»

Такова мусульманская легенда о Кырхлярѣ.

Кладбище кырхлярское лежитъ къ Сѣверо-Востоку отъ кизлярскихъ воротъ въ разстояніи одной версты, не болѣе; главная и вѣроятно самая древняя часть его обгорожена каменными толстыми плитами могильными, воткнутыми въ землю вкось. Кругомъ этой загороди, имѣющей

входъ съ западной стороны и образующей квадратное пространство въ двадцать сажень поперечника, разсѣяны могилы новѣйшаго времени, между которыми господствуютъ памятники послѣднихъ владѣтелей Дербента. Въ таинственномъ «Сороковикѣ» древнія гробницы перемѣшались съ новыми, суннитскіе съ шіитскими: ревность мусульманская и по смерти старалась утѣшить себя, ложась на вѣчный покой подлѣ «Шагидовъ» свидѣтелей. Очень легко отличить суннитскіе камни отъ шіитскихъ по круглому обдѣлу первыхъ и по четвероугольной формѣ послѣднихъ, но не такъ легко сладить съ древностью гробницъ: надгробныя эпитафіи сильно пострадали отъ времени, и тщетно я призывалъ въ помощь всѣ мои познанія въ восточныхъ языкахъ! Многія надписи остались неразгаданными для меня: по крайней мѣрѣ я вышелъ изъ этого испытанія съ несомнѣннымъ результатомъ, что на всемъ кладбищѣ нѣтъ другихъ эпитафій, кромѣ арабскихъ, большею частію позднѣйшаго кудряваго куфи; что надписи, не поддающіяся чтенію, состоятъ изъ стиховъ Алкураана или преданія, и что, наконецъ, самая древняя эпитафія изъ разобранныхъ мной принадлежитъ праху Хаджи Халиля, мирно скончавшагося въ 844 году гижры (1440-1441 г). Безъ всякаго риска подвергнуться обвиненію въ преждевременной поспѣшности можно заключить, что раньше XIV столѣтія надгробныхъ памятниковъ здѣсь нѣтъ; ничто не мѣшаетъ думать, что Кырхляръ служилъ мѣстомъ успокоенія Мусульманъ съ начала появленія здѣсь Аравитянъ; можетъ быть и дѣйствительно здѣсь почіютъ Сельманъ бенъ Рабія Эль-Багили съ своими сподвижниками, но самыхъ древнихъ камней здѣсь не сохранилось. Всесокрушающее время, передъ разрушительнымъ дыханіемъ котораго не устояла и стѣна Александрова, наложило свою печать на Кырхляръ и поглотило лучшія древности этого кладбища, на зло всѣмъ археологамъ.

Если Кырхляръ не можетъ насытить жажду ученаго,

то для профана это завѣтное мусульманское кладбище дышетъ поэзіей: огромные камни, покрытые мистическими надписями и почернѣвшіе отъ непогодъ и времени, стежутся одинъ подлѣ другаго въ живописномъ безпорядкѣ; небольшія деревца нагнулись надъ могилами; полуразрушившіяся надгробныя часовни и покинутая мечеть прекрасно гармонируютъ съ характеромъ мѣстнаго, а шумъ морскихъ волнъ, видъ моря и древняго города навѣваютъ уныніе. Въ самомъ дѣлѣ Кырхляръ можетъ служить чрезвычайно удобнымъ мѣстомъ для заклинанія духовъ!

Древніе надгробные камни Кырхляра замѣчательны своей огромностью, какъ будто подъ ними покоятся великаны: длина ихъ простирается до $1\frac{1}{2}$ сажень! Между большими камнями встрѣчаются и маленькіе, вѣроятно дѣтскіе: жители Дербента утверждаютъ, въ простотѣ сердечной, что это могилы Шагидовъ-мальчиковъ! Число памятниковъ, кажущихся очень древними, меньше сорока, а число всѣхъ, въ загороженномъ квадратѣ находящихся, больше сорока, и по-этому названіе «Кырхляръ» Сороковикъ служитъ здѣсь собирательнымъ-неопредѣленнымъ.

Кромѣ надгробныхъ камней, изъ которыхъ одни глубоко вдалились въ землю, другіе, напротивъ, чуть-чуть касаются поверхности, въ загороди находится еще небольшая часовня, построенная въ 1243 г. (1827-1828), надъ могилой неизвѣстнаго, но весьма уважаемаго Шейха: больныя женщины приходятъ сюда молиться, бросаютъ бумажки съ именемъ своей болѣзни въ углубленіе одной изъ ближайшихъ могилъ, разводятъ прахъ съ могилы Шейха и мажутъ этимъ составомъ лицо, глаза, грудь, однимъ словомъ болящее мѣсто, а въ замѣнъ взятаго праха оставляютъ въ часовнѣ хлѣбъ, плоды и другую пищу для проходящихъ сюда бѣдныхъ и навязываютъ разноцвѣтныя лоскуты на сосѣднихъ деревьяхъ. Преимущественно собираются сюда на молитву дербентскіе Мусульмане въ по-

слѣднюю среду передъ «Ноурузомъ» новымъ годомъ, въ весеннее равноденствіе. Какъ Гяуръ, я ничего не могу сказать о чудесахъ этого Шейха, котораго имя, вѣроятно отъ излишняго усердія Мусульманъ, не сохранилось для потомства. Во время Гмелина обычай приношенія также существовалъ, и для пожертвованій стояла въ «Сороковикѣ» пирамида.

На западной сторонѣ Кырхляра находится восьмиугольное довольно красивое зданіе: это надгробная часовня надъ прахомъ дербентской героини Тути-Бика, по-русски Попугай-княгини, похороненной въ 1202 г. гиджры (1787-1788), и сына ея Ахмедъ Хана, одного изъ послѣднихъ дербентскихъ правителей. Другой сынъ Фетхъ Али Хана Хасанъ Ханъ, управлявшій Дербентомъ послѣ брата своего Шейхъ Али Хана, былъ также похороненъ здѣсь, но потомъ прахъ его увезли въ священный городъ Шивтовъ въ Кербелѣ на берега Эвфрата. Ближе къ Кырхляру съ этой же стороны находится почти современная съ первой надгробная часовня одного горскаго дворянина Хаджи Мирзы Бека сына Фергалъ Бека, похороненнаго въ 1198 году гиджры (1783-1784): это зданіе болѣе пострадало отъ времени, потому что выстроено съ меньшимъ искусствомъ и съ меньшимъ изяществомъ, нежели памятникъ Попугай-княгини, а не потому что оно гораздо древнѣе послѣдняго, какъ ошибочно полагаетъ Г-нъ Эйхвальдъ.

Съ восточной стороны Кырхляра стоятъ полуразрушенные ворота съ круглымъ сводомъ, видны остатки какого-то древняго зданія, и наконецъ недалеко отъ нихъ находится небольшая суннитская мечеть съ плоской кровлей. Надъ дверьми мечети выставленъ 1243 годъ гиджры (1827-1828), время ея построенія, соотвѣтствующій году построенія часовни надъ могилой Шейха, а передъ дверьми находится глубокій выможенный камнемъ колодезь, изъ котораго переливали воду для омовеній въ сосѣдній

бассейнъ. Во время осады Дербента Кази Муллою въ 1831 году Кырхляръ былъ занятъ его наѣздниками, но русская пѣхота вытѣснила ихъ съ кладбища; въ этой стычкѣ невинные памятники Кырхляра много пострадали.

Какъ суннитское кладбище, Кырхляръ не пользуется у Дербентцевъ большимъ уваженіемъ, но горные Дагестанцы приходятъ сюда нерѣдко на молитву. Усердіе право-вѣрныхъ этимъ и ограничивается, потому что памятники постепенно приходятъ въ разрушеніе. Кромѣ того надгробные камни берутъ иногда, за недостаткомъ матеріалу, на постройки и на памятники для новыхъ покойниковъ, и поэтому не должно удивляться, если встрѣтится въ стѣнѣ дербентскаго дома камень съ надписью: здѣсь погребено тѣло раба Божія . . . Такъ-то справедливо, что на могилахъ возникаетъ новая жизнь! Дербендіада полагаетъ на сѣверной сторонѣ города могилу сына Халифа Гарунъ Эррашида: одинъ Аллахъ знаетъ, до какой степени это справедливо! Что же касается до меня, то я только дивлюсь безмолвно всевѣдѣнію автора Дербендіады.

Неисполнившіяся ожиданія великаго открытія убили во мнѣ вѣру въ дербентскія древности: съ отчаяніемъ въ душѣ я бродилъ по кладбищу на южной сторонѣ города, снялъ даже копію съ надгробія, относящагося къ 467 г. гиджры (1074-1075), но къ моему горю безъ имени покойника, и наконецъ утомленный безплодными поисками, отказался отъ посѣщенія грота 40 грузинскихъ юношей, описаннаго Гмелинымъ, отказался отъ поѣздки къ «Девинъ-Эви» дому Дивовъ (духовъ), и къ пещерѣ «Эмджекляръ-пиръ» святыхъ сосцовъ, которые описаны подробно авторомъ «Русскихъ повѣстей и рассказовъ», хотя не стоятъ въ сущности никакого описанія, отказался даже отъ мимолетнаго взгляда на слѣдъ ноги коня Алиева Дульдудуля и на скалу, преграждавшую Али путь и разсѣченную на-двое могучимъ зятемъ Пророка, отказался, короче, отъ

всякихъ прогулокъ внѣ городской стѣны. Предшественники мои на этомъ пути: Олеарій, Генве (Hanway), Герберъ (Gärber), Гмелинъ, Рейнеггъ и другіе, говорятъ о многочисленныхъ надгробныхъ надписяхъ, признаваемыхъ ими то за арабскія или персидскія, то за еврейскія, сирійскія или халдейскія, но я сильно сомнѣваюсь въ существованіи другихъ надписей, кромѣ тѣхъ, которыя я видѣлъ и въ которыхъ нашелъ интереснаго менѣе, нежели ожидалъ. За неимѣніемъ въ наличности замѣчательныхъ древностей, я представляю здѣсь одно русское надгробіе надъ могилой къ Югу отъ Дербента, хотя принадлежащее новому времени, но не лишенное занимательности. Подъ изображеніемъ розы, поражаемой молніями, вырѣзана надпись: «здѣсь погребено тѣло дѣвицы Ольги Васильевны Нестерцовой, род. 1814 года, умершей 1833 года 25 Февраля.» Поэтическое изображеніе судьбы молодой дѣвушки въ розѣ, пораженной перуномъ, ясно говоритъ о рукѣ, трудившейся надъ этой эпитафіей: дальнѣйшія подробности можно узнать отъ дербентскихъ жителей.

Въ душѣ моей еще несовсѣмъ угасла слабая надежда на громадное открытіе: послѣ окрестностей Дербента мнѣ оставался еще самый Дербентъ, очень древній городъ, такой древній, что одинъ изъ туземныхъ археологовъ, по имени Миръ Арсланъ, приписываетъ основаніе его огненнымъ людямъ, жившимъ еще до сотворенія міра! Надежда моя основывалась на сборной дербентской мечети, въ отдаленную древность которой вѣрують всѣ Дербентцы: неужели и здѣсь я обманусь въ предположеніяхъ, неужели и здѣсь я не исполню ожиданій почтенныхъ наставниковъ моихъ, благословившихъ меня, при отправленіи изъ Казани, на великія открытія въ мусульманскомъ мірѣ?

Мечеть находилась недалеко отъ моей квартиры, и въ одно счастливое утро я очутился на шумномъ дворѣ мусульманскаго храма. Снаружи мечеть не представляетъ ни-

чего поразительнаго: она протягивается отъ В. къ З. параллелограмомъ въ два яруса, изъ которыхъ только въ верхнемъ находятся красивыя окна съ овальнымъ сводомъ; съ западной стороны примыкаетъ къ мечети «такіе» жилище духовенства, построенное также въ два яруса съ галереей напередѣ; съ восточной стороны дворъ обведенъ стѣной съ боковыми воротами, съ Сѣвера проходитъ «медресе» школа, съ воротами и съ навѣсомъ для защиты отъ зноя и непогоды. На дворѣ растутъ чинары, покрывающіе своей тѣнью сухой бассейнъ, уже два года не наполняемый водою: для омовенія пяти членовъ правовѣрнаго служить водопроводъ въ стѣнѣ жилищъ духовенства.

Красивый входъ въ мечеть находится съ сѣверной стороны: надъ дверьми блеститъ разноцвѣтный стихъ изъ Алкураана. Внутренность мечети раздѣлена на три отдѣла: главный, занимающій почти середину зданія, покрытъ двумя куполами, изъ которыхъ задній не совсѣмъ безобразенъ, хотя и не высокъ, а передній, сведенный надъ центромъ этого отдѣла, и малъ и не изященъ. Въ южномъ концѣ, прямо противъ входа, сдѣланъ въ стѣнѣ «михрабъ» означеніе стороны меккской, а подлѣ стоитъ «мемберъ» кафедра для эктеній и проповѣдей: эти неизбежные атрибуты мусульманскаго храма помѣщаются въ залѣ подъ главнымъ куполомъ.

Оба боковые отдѣла тянутся по сторонамъ центрального зала: они состоятъ изъ двухъ галерей, раздѣленныхъ рядами толстыхъ каменныхъ столбовъ, на которые опираются неширокія арки. Въ каждой галерей находится восемнадцать колоннъ, арки же идутъ въ три ряда: Мусульмане, для большаго эффекта, считаютъ всѣ полуколонны въ мечети, и говорятъ, что дербентская «джамия» стоитъ на восьмидесяти столбахъ.

Мечеть сложена изъ камней довольно большихъ и хо-

рошо обдѣланныхъ, а главный куполъ и своды выведены изъ мелкаго кирпича. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны позднѣйшія поправки и передѣлки, какъ внутри, такъ и снаружы. Главный залъ освѣщенъ достаточно окнами въ южной стѣнѣ, между тѣмъ какъ въ галереяхъ окна, пробитыя только въ сѣверной стѣнѣ, изливаютъ слабый свѣтъ, и вѣчный сумракъ господствуетъ подъ тяжелыми сводами. Для ночныхъ освѣщеній стоятъ по бокамъ главнаго отдѣла большіе фонари и висятъ лампы съ свѣчами. Средній отдѣлъ мечети выбѣленъ, а въизу и вверху выкрашенъ, но боковыя галереи, какъ будто покинутыя въ забвеніи, остались неотдѣланными. Земляной полъ мечети покрытъ пиновками и коврами, впрочемъ, только въ центральномъ отдѣлѣ, и на стѣнахъ для украшенія висятъ зеркала.

Но довольно о мелочахъ, которыя часто измѣняются и мало значатъ въ общемъ характерѣ зданія: занимательнѣе разборъ самой архитектуры мечети.

Правда, что наружность дербентской мечети не имѣетъ ничего массивно-величественнаго, какъ мечети Каира, Дамаска и другихъ великолѣпныхъ городовъ Востока, но общій видъ зданія довольно красивъ, за исключеніемъ не соответствующихъ цѣлому строенію куполовъ. Мрачныя галереи съ тяжелыми сводами и простыми неотдѣланными колоннами безъ капителей, глубоко ушедшими въ землю, по-видимому нанесенную стопами богомольцевъ, представляютъ, не смотря на свою бѣдность и безыскусственность, грозныя анфилады, внушающія невольное благоговѣніе; общему характеру не соответствуетъ лишь главный отдѣлъ, особенно залъ съ большимъ куполомъ, исполненный пестроты и ограниченный неправильными и дисгармоническими очертаніями.

Мѣстное христіанское преданіе присвоиваетъ это зданіе нашей религіи, но такое преданіе не имѣетъ доста-

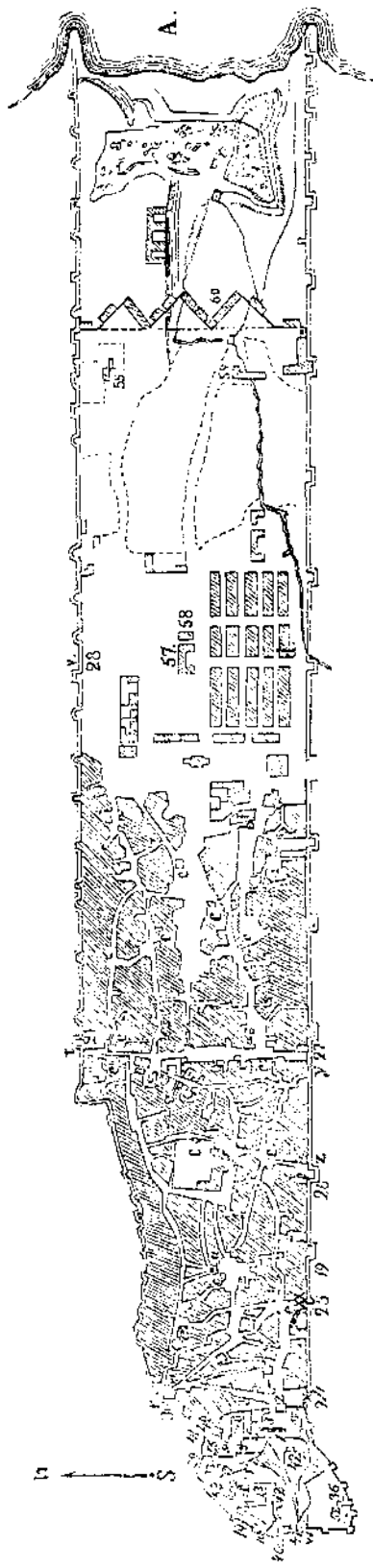
точного вѣроятія какъ по архитектурѣ мечети, такъ и по историческимъ сказаніямъ. Расположеніе дербентской мечети не согласно съ строеніемъ христіанскихъ храмовъ, а изъ того, что въ числѣ греческихъ епархій стояла когда-то дербентская, не слѣдуетъ, что сборная дербентская мечеть передѣлана изъ христіанскаго храма. Точно такая же мечеть существуетъ въ Мосулѣ, и точно также Христіане приписываютъ ее себѣ.

На однихъ изъ воротъ дербентской мечети находится персидская надпись, объясняющая, что мечеть упала и воздвигнута въ 1368-1369 году по Р. Х. слѣдовательно это зданіе первоначально построено гораздо раньше. Дербентскіе Мусульмане приписываютъ строеніе своей мечети Масламѣ: это преданіе имѣетъ всѣ условія истины. Говорятъ, что подобная мечеть и того же строителя, только съ меньшимъ числомъ колоннъ, находится въ Казикумыкскомъ владѣніи.

Не безъ сердечнаго прискорбія я долженъ сказать, что при дербентской сборной мечети нѣтъ, и сколько мнѣ извѣстно, никогда не было минарета: по-этому Г. Эйхвальдъ напрасно украсилъ это зданіе небывалымъ прибавленіемъ—большимъ минаретомъ.

Кромѣ исторической надписи находятся еще новыя персидскія надписи надъ главными и надъ боковыми воротами двора, а на мемберѣ выставленъ 1116 годъ (1704-1705). Для подъема на верхъ при «изанахъ» призывахъ на молитву устроены два хода: муэззины возвѣщаютъ время намазовъ съ кровли мечети, да и всѣ другія дербентскія мечети не имѣютъ минаретовъ, въ которыхъ нѣтъ и надобности, потому что городъ построенъ террасой, и пѣніе муэззиновъ безъ труда можетъ оглашать весь Дербентъ съ любой кровли. Въ этомъ случаѣ Дербентъ слѣлалъ шагъ впередъ передъ другими мусульманскими горо-

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ КРѢПОСТИ АРРЕНДА СЪ ГОРОДОМЪ.

А. Каспійское Море.	12. Артиллерійскій цейхгаузъ.	я. Ворота Горскіе.	50. Погребъ, подъ сводомъ.
1. Караульная.	13. Пороховой погребъ.	36. Артиллерійское хранилище.	52. Нижнеперный мастерскія и цейхгаузъ.
2. Командантск. 2-хъ-этажн. домъ.	14. Закрытый сарай.	37. Арестантская казарма.	53. Нижнеперный воловий сарай.
3. Домъ плацъ-маіора.	19. Нижнеперный домъ.	38. При ней: службы.	56. Арестантская баня.
4. Службы при нихъ.		39. — караульная.	57. Провантскій магазинъ.
5. 2-хъ-этажн. связь солдатск. казармъ, съ офицерскими квартирами и пекарнями.	Ворота и караульная.	40. Казарма для военно-работчихъ.	58. Турлучскій провантск. сарай.
6. Третья линия того-же строенія.	24. При первыхъ, ж.	41. При ней: службы и цейхгаузъ.	а. Грекороссійская церковь.
8. Дежечная кладовая.	25. При вторыхъ, ж.	42. Гауптвахта.	б. Армянская церковь.
9. Артиллерійское хранилище.	26. При третьихъ, ж.	46. Конюшня.	в. Мусульманскія мечети.
10. Батальон. цейхгаузъ, занимаемый артиллерійск. снарядами.	27. При четвертыхъ, ж.	47. Сарай для пожарнаго инструмента.	д. Жидовская синагога.
	28. Сломанная при Дубарскихъ, г.	48. Волохранилище подъ сводомъ.	59. Мельница на горномъ ручьѣ.
	29. При Казларскихъ, г.	49. Колодезь (глубин. въ 13 саж.).	60. Госпиталя.
	30. При волынскихъ, г.		

дами: голосистые муэззины не лезятъ здѣсь ежедневно по пяти разъ въ поднебесную высь.

Сборная мечеть пользуется ежегоднымъ доходомъ около 1,150 руб. серебромъ; при ней находится принадлежащая ей общественная баня и медреса.

Вотъ и всѣ древности Дербента!

Изъ многихъ попытокъ къ великому открытію я добылъ вездѣ только отрицательные результаты: осмотрѣвши стѣны Дербента, я нашелъ, что у нихъ нѣтъ важныхъ надписей; взглянувъ на стѣну Александра, я убѣдился, что она новѣе, нежели говорятъ; побывавъ въ Кырхлярѣ, я не нашелъ надписей древнѣе IX вѣка гижры; посѣтивъ сборную мечеть, я призналъ постройку ея за Аравитянами. Какіе скудные результаты, стоявшіе огромныхъ приготовленій!

При такомъ грустномъ убѣжденіи, я не въ силахъ писать полной статистики и топографіи Дербента; я ограничусь одними очерками: благосклонный читатель дополнить ихъ собственными познаніями изъ «Обозрѣнія российскихъ владѣній за Кавказомъ» и изъ другихъ полезныхъ сочиненій.

При первомъ же взглядѣ на прилагаемый планъ Дербента ясно можно отличить всѣ три разнохарактерныя части города: крѣпость, возвышающуюся на 160 сажень надъ моремъ, городъ, и пустырь, названный можетъ быть отъ арабскаго слова «дебаръ» разрушеніе—Дубаромъ. Что находится въ крѣпости, все исчислено на планѣ; къ Сѣверу за стѣнами крѣпости существовали двѣ башни, служившія защитой Кази Мулѣ, во время осады Дербента, и по-этому разрушенныя. Крѣпость имѣетъ ворота съ западной стороны, называемыя «горскими»; за стѣнами ея съ этой стороны готовятъ дурные кирпичи.

Къ крѣпости прилѣпился городъ почти безукоризненной ориентальной постройки: узкія, дурно мощенныя улицы безтолково перепутались между высокими домами, иногда совсѣмъ не имѣющими оконъ снаружи; кой-гдѣ на площадкахъ попадаются, для разнообразія голыхъ стѣнъ, фонтаны, большею частію устроенныя Шахомъ Аббасомъ; кое-гдѣ возвышаются, какъ будто для тѣни, мечети, впрочемъ, не всегда отличающіяся наружностью отъ домовъ.— Дома построены изъ камня и изъ земли, покрыты плоскими кровлями, возвышающимися одна надъ другой, такъ что мнѣ не разъ западала въ голову мысль, во время вечерняго созерцанія города съ кровли моей квартиры, прогуляться по домамъ всего Дербента. Не смотря на такое удобство для любителя приключеній, ни воровства, ни необыкновенныхъ харемныхъ событій въ дербентскихъ домахъ не бываетъ: перваго, вѣроятно, потому, что у небогатыхъ Дербентцевъ украсть нечего, а втораго—я право не постигаю почему не слышно въ Дербентѣ скандальныхъ исторій? Неужели здѣсь все каменные сердца? . . . Сколько разъ я любовался при блѣдномъ свѣтѣ луны на засыпающій городъ, выказывавшій ночью только одни красоты, долго смотрѣлъ на далекій горизонтъ моря, пристально вглядывался въ женскія фигуры, мелькавшія на сосѣднихъ кровляхъ, прислушивался къ шуму умолкавшаго волненія и къ вою шакаловъ въ дербентскихъ садахъ, но всѣ мечты разсѣивались передъ прелестями Морфея, самаго чуднаго изъ всѣхъ волшебниковъ, считая даже и восточныхъ!

Дербентъ, благодаря своему каменному строенію, застрахованъ не только отъ страстныхъ вспышекъ, но и отъ всякихъ другихъ пожаровъ: по-этому жители спокойно расхаживаютъ по улицамъ съ дымящимися трубками.— Для внутренняго устройства домовъ служить здѣсь орѣховое дерево (грецкаго орѣха): не смотря на свою плотность, это дерево не выдерживаетъ дербентскаго климата и скоро гніетъ.

Для того, чтобъ убѣдиться въ ориентальной физиономіи Дербента, довольно прогуляться на базаръ, гдѣ сосредоточивается обыкновенно вся общественная жизнь правовѣрнаго: крикъ разнощиковъ ветоши, стукъ мѣдниковъ, занимающихся своей работой, пронзительные вопли погонщиковъ оглашать непривычныя уши, а важный видъ краснобородыхъ купцовъ, безмолвно сидящихъ на корточкахъ, передъ товаромъ, едва стоящимъ въ сложности сто руб. сереб., поставить наблюдателя въ совершенное недоумѣніе. Дербентскій базаръ занимаетъ почти середину города; небольшія лавки, преимущественно съ бумажными и шелковыми издѣліями, тянутся линіей, какъ улица; къ нимъ примыкаютъ два караванъ-сарая: это большіе дома съ четырьмя воротами, а иногда и съ конурами для приѣзжихъ скотовъ и ихъ владѣльцовъ. Впрочемъ дербентскіе караванъ-сарай не совсѣмъ дурны.

Дербентцы, великіе любители древностей, народъ не очень премудрый, но и не очень лѣнливый, не въ примѣръ другимъ мусульманамъ: исполняя съ большимъ раченіемъ всѣ законные намазы, они занимаются работами и потрудитѣ. Преимущественно занятія дербентскихъ жителей состоятъ въ посѣвѣ красиваго корня марены, на уборку котораго они нанимаютъ горныхъ Лезгиновъ, величая ихъ за то «кюрекли» лопаточниками: этотъ выгодный промыселъ первый открылъ въ Дербентѣ Хюсейнъ «Кербеляи» кербеляйскій, въ концѣ прошлаго столѣтія.—Послѣ марены прилежаніе Дербентцевъ устремлено къ садоводству: многочисленные и обширные сады (до 860) находятся особенно къ Югу отъ города. Въ этихъ садахъ растутъ: виноградъ, персики, винныя ягоды, абрикосы, сливы, груши, арбузы, дыни и другіе пріятные фрукты, впрочемъ, здѣсь нѣсколько грубые; весной въ Февралѣ, а иногда въ Генварѣ чрезвычайно красиво распускаются въ садахъ миндальныя деревья. Армяне выдѣлываютъ изъ винограду дурное вино и спосную водку; по волѣ Петра

Великаго, для улучшенія этой промышленности, вызванъ былъ изъ Венгріи винодѣль маіоръ Туркулъ, но не пошло Дербентцамъ въ прокъ ученіе мастера.—Кромѣ того жители занимаются отчасти разведеніемъ шафрана, огородныхъ растений, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а Евреи промышляютъ сѣяніемъ табаку и наконецъ для наслажденія правовѣрныхъ готовится въ Дербентѣ тирьякъ.

Русскихъ мастеровыхъ въ Дербентѣ осѣдлыхъ нѣтъ: пріѣзжіе портные и сапожники являются сюда на-время, соберутъ обильную дань своему таланту—обошьютъ дербентскихъ щеголей и уѣзжаютъ. Постоянные мастеровые въ Дербентѣ—туземцы, занимающіеся разными ремеслами, между прочимъ дѣланіемъ посуды, оружія и тканіемъ дешевыхъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій.

Не смотря на приморское положеніе, Дербентъ не ведетъ почти никакой торговли, потому собственно, что не имѣетъ гавани: только слава про Дербентъ, что онъ стоитъ на Каспійскомъ морѣ, а какая изъ того ему польза? Дербентскій рейдъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ; суда не могутъ становиться на якорь ближе полуторыхъ и даже двухъ верстъ отъ берега; грунтъ моря у Дербента очень твердый, ракуша-рѣзунъ. Въ слѣдствіе всего этого суда, приходящія въ Дербентъ, вдругъ уѣзжаютъ въ Баку или въ Астрахань, гонимыя бурей: такая исторія случилась не задолго до моего пріѣзда. Серdito и безошадно море Хвалынское, и не гдѣ на немъ пріютиться судамъ!

Приморская часть «Дубартъ» отдѣлялась прежде отъ города стѣной, но во время Ермолова эта стѣна уничтожена. Въ Дубарахъ находятся только поселенія жидовъ и Армянъ, и постройки инженерныя и военныя, а на самомъ берегу сохранилась земляная насыпь, сдѣланная, во время пребыванія въ Дербентѣ Петра Великаго по Его

велѣнію, для защиты выгружаемаго провіанта. Великій Государь жилъ въ крѣпости и любилъ смотрѣть на море «въ красное окно:» который-то изъ Комендантовъ передѣлалъ это окно по своему усмотрѣнію. Вотъ единственные уцѣлѣвшіе донынѣ памятники пребыванія Петра въ Дербентѣ!

Народонаселеніе Дербента состоитъ преимущественно изъ Мусульманъ шіитскаго ученія, что и ставитъ городъ въ непріязненныя отношенія съ горами. Суннитовъ, носящихъ здѣсь названіе «микеллярровъ», очень не много; кромѣ того есть необходимая порція Армянъ и Жидовъ, именно столько, сколько нужно для того, чтобъ въ городѣ считалось довольно плутовъ. Здѣшніе Жиды, какъ и вообще дагестанскіе ихъ собратія, отличаются особеннымъ невѣжествомъ въ своей религіи. Изъ Русскихъ живутъ въ Дербентѣ только люди, обязанные службою.

Находясь у самаго моря, Дербентъ нуждается—въ чемъ бы, вы думали?—въ водѣ, но не въ морской водѣ, которая къ употребленію невозможна, а въ прѣсной: весь городъ пользуется водой изъ фонтановъ и бассейновъ, куда ее доставляютъ подземные водопроводы изъ сосѣднихъ горныхъ ключей; въ Дубары проведенъ ручей изъ рѣки Рубаса за 16 верстъ отъ города. Въ крѣпости устроенъ запасный резервуаръ, вода котораго можетъ продовольствовать гарнизонъ долгое время, но самый городъ можетъ быть легко лишенъ воды при отличномъ знаніи мѣстности и подземныхъ ключей, что и случилось во время осады Дербента Кази Муллою, когда въ городѣ оставалось только два водопровода.

Кажется не велика мудрость устроить водяную мельницу, но для Дербентцевъ и это составляетъ чудо механики, и они съ почтеніемъ указываютъ на бывшаго своего городничаго Мухарремъ-Бека, какъ на творца мель-

ницъ-колотушекъ, устроенныхъ на ручьи изъ Рубаса; кромѣ того Мухарремъ-Бекъ провелъ воду въ окрестныя поля.

Климатъ Дербента принадлежитъ къ числу нездоровыхъ въ Дагестанѣ, отъ причинъ непостижимыхъ моему слабому уму: по-видимому, природа работаетъ здѣсь по общему Кавказскому календарю исправно. Весна начинается въ Дербентѣ довольно рано, лѣто бываетъ продолжительное и душное, жаръ великъ; осенью падаютъ дожди, а зимой иногда показывается даже и снѣгъ, который скоро смывается дождемъ; къ берегамъ же приносится по временамъ астраханскій ледъ, доплывающій даже до Баку. Но все это нисколько не противорѣчитъ Кавказскому календарю, даже и то, что въ дождевыхъ потокахъ, съ ревомъ стремящихся по улицамъ Дербента, едва не тонуть дѣти; между тѣмъ лѣтомъ здѣсь свирѣпствуютъ желчныя горячки и лихорадки, и достославный городъ Дербентъ представляетъ преудивительный фактъ: число умирающихъ превосходитъ здѣсь число рождающихся, такъ что городъ давно долженъ былъ бы опустѣть, если бъ не происходило прилива народонаселенія изъ сосѣднихъ мѣстъ. Впрочемъ, всю бѣду сваливаютъ дербентскіе жители на климатъ, но одинъ-ли климатъ участвуетъ въ неравновѣсіи жизненности въ Дербентѣ, не виновата-ли въ этомъ мусульманская полигамія? . . . Жаль что у меня не достаеъ кое-какихъ фактовъ, а то я увеличилъ бы правотѣрныхъ во лжи!

Вредное дѣйствіе дербентскаго климата лѣтомъ я испыталъ и на себѣ, а Шевалье Гамба жалуется на сильную лихорадку, не дозволившую ему изслѣдовать и описать городъ съ свойственною Шевалье учестію и глубокимъ взглядомъ; по-этому напрасно авторъ «русскихъ повѣстей и разсказовъ» обвиняетъ французскаго путешественника въ ложномъ описаніи Кавказской стѣны, которой Гамба совсѣмъ не описывалъ.

Къ числу пріятностей дербентскаго климата принадлежатъ незримыя мошки и ядовитыя гады въ родѣ скорпіоновъ и фалангъ: впрочемъ, укушеніе послѣднихъ здѣсь нѣсколько опасно только въ сильные жары. Однажды я сидѣлъ въ своей комнатѣ, по восточному уставу, на полу, и набивалъ свой дневникъ свѣдѣніями о Дербентѣ, какъ вдругъ на дворѣ поднялась суматоха: естественно, я былъ въ числѣ первыхъ любопытныхъ, явившихся на шумъ. При изслѣдованіи оказалось, что по рукаву одного изъ служителей моего почтеннаго хозяина расхаживалъ съ важностью педантской скорпіонъ. Прекрасная добыча для «путешественника по Востоку», подумалъ я, и засадилъ скорпіона въ стаканъ, а въ товарищи заключенія далъ ему паука. Любопытные опыты продолжались до самаго моего отъѣзда изъ Дербента: заключенные никакъ не могли жить въ мирѣ и нерѣдко задавали другъ другу битвы; побѣда всегда оставалась за скорпіономъ. Однако, современи открытія скорпіона въ нашемъ домѣ я сталъ осторожнѣе и уже не спалъ на полу.

Въ Дербентѣ господствуетъ тюркскій языкъ особеннаго нарѣчія, свойственнаго этому краю: дербентскій діалектъ принадлежитъ къ западной тюркской вѣтви и составляетъ переходъ отъ сѣверныхъ нарѣчій къ западнымъ. Дербентцы измѣняютъ и отбрасываютъ въ произношеніи нѣкоторыя буквы, никакъ не догадываясь, что портятъ этимъ первобытный языкъ, а между тѣмъ не вахалются своимъ нарѣчіемъ передъ сосѣдями, жителями Тарху. И правда, есть чѣмъ гордиться: вмѣсто «диръ» есть, употребляется всегда «ди», и проч.

Такъ какъ управленіе Дербента совершенно измѣнилось со времени моего отъѣзда изъ этого города, то я и буду разсказывать составъ его: начальникомъ военнаго дагестанскаго округа тогда былъ Генераль Таракановъ, снисходительной обязанности котораго я одолженъ многи-

ми любопытными свѣдѣніями о Дербентѣ. Но нельзя не сказать нѣсколько словъ объ управленіи Дербента до поступленія его въ составъ Россійской Имперіи.

Дербентскій Ханъ былъ лицо совершенно самовластное въ своемъ маленькомъ владѣніи: онъ могъ, никого не спрашиваясь и никому не давая отчета, казнить и миловать, гнать и жаловать всѣхъ и каждого безъ различія званій. Ханъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю исполнительную и судебную власть, даже по дѣламъ, подлежащимъ сужденію «шаріата» духовнаго закона: такимъ образомъ всѣ тяжбы по наслѣдству начинались въ канцеляріи Хана, потомъ переходили на изслѣдованіе и разсмотрѣніе шаріатскихъ муллъ и окончательно утверждались и приводились въ исполненіе Ханомъ. Жалобы по денежнымъ взысканіямъ поступали прямо къ Хану, который самъ производилъ слѣдствіе: если отвѣтчикъ отказывался отъ долга, то проситель долженъ былъ представлять свидѣтелей, и въ случаѣ, если онъ доказалъ свою правоту, имѣніе отвѣтника продавалось съ публичнаго торгу, и вырученными деньгами уплачивался долгъ, а отвѣтчикъ за ложное отрицаніе наказывался, по общей восточной методѣ, палками и денежнымъ взысканіемъ. Преступленіе по важнѣе—воровство въ первый разъ ничѣмъ не наказывалось—славное было житье ворами въ Дербентѣ!—только отбирались у промышленниковъ украденныя вещи; пойманный во вторичной кражѣ субъектъ наказывался палками, а за третью лишался чего-нибудь въ родѣ носа, уха или руки. При такихъ наказаніяхъ нравственность жителей всегда была на-лицо къ общему свѣдѣнію. Ксожалѣнію, для потомства не сохранились статистическія таблицы безносыхъ въ Дербентѣ, и слѣдовательно благонравіе Дербентцевъ во время управленія Хановъ осталось тайною.

Преступленіе градусомъ выше воровства—неудачное покушеніе на чужую жизнь наказывалось заключеніемъ

въ тюрьму, а тотъ, на чью жизнь было покушеніе, если былъ раненъ, лечился на счетъ преступника; по выздоровленіи же раненаго, преступникъ наказывался палками и денежнымъ взысканіемъ.

Подымаясь выше, преступленіе наказывалось строже: убійца, если не успѣвалъ скрыться по совершеніи преступленія, былъ представляемъ Хану, а тотъ отдавалъ его родственникамъ убитаго, которые могли распоряжаться жизнью его по своему усмотрѣнію. Если убійца находилъ возможность скрыться и избѣгнуть наказанія, то родственники убитаго имѣли право нанять кого-нибудь для отмщенія за кровь убитаго, и этотъ кондотьера не подвергался уже никакой отвѣтственности. Пользуясь существованіемъ такого кодекса мищенія, я могъ бы написать, съ легкой руки автора «Муллы Нура», эффектно-убійственный романъ изъ дербентскихъ нравовъ прошлаго столѣтія, но, къ счастью читателей, я «путешествую», мнѣ рѣшительно некогда!

Беки, дагестанское дворянство, въ другихъ владѣніяхъ пользовавшіеся разными преимуществами, при дербентскихъ Ханахъ не имѣли почти никакихъ отличій: они должны были служить при Ханѣ по его распоряженію и не владѣли никакими наслѣдственными имѣніями, но въ награду получали отъ Хава деревни на неопредѣленное время, то есть управляли деревней только до тѣхъ поръ, пока продолжалась ханская милость.

Я не доволенъ очерками Дербента: мнѣ нужно поле обширнѣе, страна неизвѣстнѣе, народонаселеніе мудренѣе дербентскаго. Не велика слава описать городъ, въ которомъ прожилъ десять дней! Я хочу попробовать свои силы въ описаніи страны, въ которой я не былъ, которая до сихъ поръ не извѣстна, о которой лишь ходятъ въ народѣ темныя слухи. За такими земельками на Кавказѣ, слава Богу,

не станетъ дѣло: кликнулъ кличъ—и вотъ первая явилась на мой зовъ Каракайтаская провинція, отчизна деннаго и ношнаго, сухопутнаго и морскаго разбоя. Какая интересная страна! Посмотримъ, какъ я ее опишу, не выѣзжая изъ Дербента.

КАРАКАЙТАСКАЯ ПРОВИНЦІЯ.

Вольное подражаніе Мальте-Брюну.

Предѣлы. Къ С. Шамхальство тарховское, къ В. Каспійское море, къ Ю. Дербентъ и Табасаранъ, къ З. Табасаранъ и Казикумьинское владѣніе. Кажется ясно, а между тѣмъ не худо взглянуть еще на карту Кавказа.

Величина. Дѣло очень мудреное опредѣлить величину провинціи мало извѣстной: наибольшая ширина Каракайтаска 50 верстъ, а длина 60 верстъ. Окружность Каракайтаской провинціи составляетъ около 350 верстъ.

Воды. Каспійское море и рѣки Дербакъ, Хумре-Узень, Бугамъ.

Земля и природа. Почва довольно плодородна, особливо при частомъ поливаніи; на горахъ много лѣсу, а въ долинахъ пастбищныхъ мѣстъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаетъ черная нефть. Климатъ умѣренный и здоровый.

Народонаселеніе. Жители Лезгины состоятъ изъ двухъ подраздѣленій: Катайки и Каракатайки; все они Мусульмане суннитскаго обряда и по-видимому живутъ въ этомъ краю очень давно. Число жителей опредѣлить еще труднѣе, нежели величину провинціи: Броневскій считалъ до 25,000 дворовъ во владѣніи Усмія Каракайтаскаго; въ «Обозрѣніи русскіихъ владѣній за Кавказомъ» показано 10,430 дымовъ въ русскомъ Кайтакѣ; въ 1825 году считалось въ Каракайтаской провинціи 9,285 домовъ, а нынѣ до 15,000 душъ въ Верхнемъ и Нижнемъ Каракайтакѣ.

Правительственное раздѣленіе. Каракайтакъ раздѣляется на Верхній и Нижній; оба состоятъ изъ восьми магаловъ или участковъ: Терекеме, Хумре Узень, Ганкъ, Мюра, Габиси. Каракайтакъ, Шурханъ и Урджаминъ. Каракайтакъ принадлежитъ къ среднему Дагестану.

Исторія. По сказанію Дербендіады, Мусульманскій просвѣтитель Дагестана Маслама покорилъ Исламу и арабской власти Кайтакъ и посадилъ въ немъ правителемъ одного изъ своихъ свойственниковъ Эмиръ Хамза: отъ этого Хамза происходятъ послѣдующіе владѣтели Каракайтака, носившіе Арабскій титулъ «Исмій» яменитый, передѣлавшійся въ устахъ Дагестанцевъ въ Усмія или Уцмія. Первоначально Усмій вмѣстѣ съ Шамхаломъ составляли первостепенныхъ владѣтелей Дагестана.—Сношенія Россіи съ Усміями открылись во время пребыванія Петра Великаго въ Дагестанѣ, и начатыя разбитіемъ Усмія Ахмедъ Хана, кончились принятіемъ его въ русское подданство. Но враждебныя отношенія Усміевъ не прекращались, и въ 1774 году жертвою ихъ сдѣлался злополучный мученикъ науки Академикъ Гмелинъ, захваченный въ плѣнъ коварнымъ Усміемъ Эмиръ Хамзой и не пережившій своей неволи. Эмиръ Хамза, просившій руку сестры Фетхъ Али Хана кубинскаго Хадиджэ-Бикэ, по выдачѣ за него сестры своей Тути-Бикэ, и получившій отказъ, выждалъ благопріятныхъ обстоятельствъ, составилъ союзъ противъ своего зятя и разбилъ его на-голову въ долинѣ Кевдушанской между Дербентомъ и Кубой. По просьбѣ Фетхъ Али Хана и въ отмщеніе за плѣнъ Гмелина, явился въ Дагестанъ Генералъ Медемъ съ русскими войсками, и самонадѣянный Усмій Эмиръ Хамза потерпѣлъ страшное пораженіе при деревнѣ Башли, а Нижній Кайтакъ былъ раззоренъ. Усмій, удалившій на время въ горы, вскорѣ съ новыми силами вторгнулся въ Ширванъ и произвелъ въ этой странѣ жестокое опустошеніе. Тогда Фетхъ Али Ханъ прибѣгъ къ хитрости: онъ привлекъ на свою сторону оби-

женнаго Усміемъ племянника его Мухаммедъ-Ханъ-Бека, выстроилъ для него въ 20 верстахъ къ С. отъ Дербента укрѣпленіе, и посредствомъ его имѣлъ такое вліяніе на Каракайтакъ, что Усмій Эмиръ Хамза по необходимости присмирѣлъ. Въ 1787 году этотъ опасный родственникъ Фетхъ Али Хана умеръ; вмѣсто его Усміемъ былъ избранъ Устартъ Ханъ, старавшійся жить въ согласіи съ кубинскимъ деспотомъ. Въ 1796 году Усмій скончался, и при избраніи новаго владѣтеля народъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая поддерживала одного изъ братьевъ покойнаго Усмія: Графъ Зубовъ утвердилъ Усміемъ Эмиръ Мама-Бека. Въ 1802 году власть Усмія досталась Али Хану. Послѣдній Усмій Адель Ханъ находился подъ покровительствомъ Россіи, пользовался защитой нашихъ войскъ противу своихъ враговъ и отдалъ аманатомъ старшаго сына своего Мухаммедъ Хана, но потомъ мусульманскій фанатизмъ и мрачная подозрительность одержали верхъ надъ легкомысленнымъ Усміемъ: онъ приготовился отложиться отъ Русскаго владычества. Но покушеніе не удалось; Адель Ханъ явился съ покорностью, но вскорѣ коварный горскій характеръ выказался во всемъ отвратительномъ блескѣ: Адель Ханъ возсталъ противъ Россіи явно, былъ побѣжденъ и бѣжалъ съ семействомъ къ Аварскому Хану Ахмеду, гдѣ и получилъ ограниченное содержаніе. Званіе Усмія уничтожено, Каракайтакъ отданъ въ управленіе второму сыну прежняго Усмія Али Хана Эмиръ Хамзѣ, съ подчиненіемъ его великентскому приставу. Эмиръ Гамза, въ отмщеніе за старшаго брата своего Бала Хана, сосланнаго, по представленію Адель Хана, въ Сибирь, заманилъ коварнымъ образомъ бѣглаго Усмія на свиданіе и застрѣлилъ; въ концѣ 1826 г. Эмиръ Хамза палъ въ экспедиціи Полковника Дистерло въ Табасаранъ. Другія дѣти Али Хана Бей-Бала-Бекъ и возвращенный изъ Сибири Бала-Бекъ умерли, первый вскорѣ послѣ смерти Эмиръ Хамзы, а второй въ 1831 году, въ которомъ померъ и старшій сынъ Адель Хана,

а младшій и послѣдній сынъ Али Хана Элдаръ погибъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Адель Хана Устаръ Ханомъ въ кровавой рѣзнѣ, происходившей между ними и ихъ пукерами въ одномъ изъ домовъ Великента, въ исполненіе неумолимаго горскаго мщенія, требующаго кровь за кровь. Верхній Кайтакъ поступилъ въ управленіе среднего сына Адель Ханова Джамовъ-Бека при содѣйствіи старшинъ, а нижній Каракайтакъ составляетъ терекемейскій участокъ.

Занятія жителей. Прежде всего и послѣ всего Каракайтаки занимаются грабежомъ, который у нихъ былъ обработанъ систематически и доведенъ до совершенства, но русское владычество уничтожило почти окончательно у Каракайтаковъ эту выгодную отрасль промышленности. Нужда и голодъ заставили Каракайтаковъ обратиться къ земледѣлію, скотоводству, шелководству и садоводству; послушная земля засѣвается пшеницей, ячменемъ, кукурузой, сарацинскимъ пшеномъ, просо, хлопчатой бумагой и мареной. Подъ пастбищами находятся до 1,500 десятинъ бывшей земли Усмія, на которой пасутся не только стада каракайтакскихъ жителей, но и сосѣднихъ Горцевъ, гонимыя съ горъ зимой и общимъ обнаженіемъ горной почвы. Потомки Генуэзцовъ Кубечи, составляющіе часть каракайтакскаго народонаселенія, занимаются выдѣлкою оружія, на что они большіе мастера.

Управленіе. Усмій не былъ полновластнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ, хотя и былъ главою управленія: дѣла рѣшались то Усмиемъ, то старшинами; разбирательство производилось большею частію съ помощію присяги, къ которой приводились проситель, отвѣтчикъ и благонадежные свидѣтели. Всѣ слѣдствія производились словесно. Важныя и сомнительныя тяжбы шли на рѣшеніе шариата и оканчивались также словесно присягою свидѣтелей. Смертоубійство наказывалось смертію или выкупомъ за кровь, который платилъ убійца родственникамъ своей

жертвы. Во время владычества Усмиевъ Беки имѣли большое вліяніе на народъ, и подобно самому Усмію налагали въ своихъ деревняхъ разные наказанія и пени, собирали съ поселянъ извѣстную подать и распоряжались ими какъ своими подданными, съ тѣмъ исключеніемъ, что не могли продавать поселянъ; независѣвшія же отъ Бековъ деревни находились въ завѣдываніи старшинъ и кадіевъ. По присоединеніи Каракайтаской провинціи къ Россіи, Беки лишились права распоряжаться въ своихъ имѣніяхъ: только поселяне обязаны платить имъ подать, состоящую въ сарацинскомъ шпенѣ, въ 20 мѣрахъ пшеницы, въ 3 мѣрахъ ячменя съ каждой пары рабочего скота и въ десятинѣ шелку. Духовенство не пользуется въ Каракайтаскѣ никакими особенными привилегіями; кади избираются самимъ народомъ.

Доходъ. Доходы этой провинціи заключаются въ пастбищныхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ Усмію, и въ черной нефти, отдаваемой на откупъ; на кубечинское общество, при покореніи, наложена была ежегодная подать въ 1200 руб. сер., казенные поселяне должны были платить ежегодно по 14 мѣръ, называемыхъ саба, пшеницы, и по 3 мѣры ячменя съ каждой пары рабочего скота; съ прочихъ же деревень никакихъ сборовъ не положено. Не смотря на такіе незначительные налоги, большая часть Каракайтаковъ, пользуясь смутнымъ состояніемъ Дагестана, не платятъ податей.

Я чувствую въ себѣ особенное призваніе къ описаніямъ, и послѣ этого опыта, надѣюсь, по вашему мнѣнію, благосклонный читатель, удачнаго, мнѣ очень хочется составить описаніе Табасарана, но потерплю до слѣдующаго города на моемъ пути, когда у меня наберется побольше матеріаловъ и побольше умѣнья, а теперь пока мѣсть буду изощрять свое перо въ описаніи дербентскаго общества.

Признаюсь, меня самого нѣсколько смущаютъ слова: «дербентское общество». Да развѣ можетъ существовать какое-нибудь общество въ городѣ, гдѣ нѣтъ другихъ дѣйствующихъ лицъ кромѣ небольшого числа чиновниковъ? Но между тѣмъ это фактъ, не подлежащій сомнѣнію: остается только написать о немъ философскій трактатъ, что я и сдѣлаю немедленно, въ великій ущербъ всѣмъ будущимъ путешественникамъ по Дагестану.

Не странно-ли, что такіе опытные «описыватели», такіе искусные «открыватели», какъ напримѣръ Гамба и К^о, не замѣтили, что въ Дербентѣ находится не только общество, но даже два общества: одно русское, состоящее изъ набѣзжихъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, а другое туземное, образуемое Мусульманами, Жидами и Армянами?

Русское общество очень немногосложно, потому что и самое управленіе города не развито вполне: чтобъ видѣть комплектъ дербентскаго общества, стоитъ въ праздникъ сходить къ обѣднѣ въ русскую церковь: здѣсь всѣ члены на лицѣ. Но увы! какъ ихъ мало, дамъ почти не видно, дѣвица же въ Дербентѣ существо баснословное! И военные и статскіе ведутъ, большею частию, жизнь холостую—я, право, не знаю почему,—а если и встрѣтятся женатый, то, вѣроятно, человѣкъ, имѣющій единственно въ виду благо ближняго. Прибывшіе съ различныхъ концовъ Имперіи чиновники заняты только службой и очень рѣдко сходятся другъ съ другомъ: каждый, по-видимому, углубленъ въ свое дѣло, хотя изъ-подъ руки знаетъ кое-что и о чужихъ продѣлкахъ. Какъ-то общее соединеніе не идетъ на ладъ между людьми, пріѣхавшими то изъ Малороссіи, то изъ Финляндіи, то изъ Вологды; да притомъ большею частию пріѣзжіе мечтаютъ о возвращеніи на родину или ужъ ни о чемъ немечтаютъ. По-этому нисколько не должно удивляться, что устроенныя зимой «благород-

ныя» собранія имѣли въ Дербентѣ мало успѣху, что большая часть посѣтителей остались ими недовольны, не удивительно и то, что въ Дербентѣ совсѣмъ нѣтъ русской публичной жизни.

Мнѣ не извѣстно, чѣмъ занимаются дербентскіе чиновники, кромѣ службы, но я знаю, что чтенія здѣсь нѣтъ или очень мало, что хозяйство каждого находится не въ цвѣтущемъ положеніи и что просвѣщеніе нисколько здѣсь не процвѣтаетъ. Эту финиковую загадку я оставляю на разрѣшеніе будущимъ изслѣдователямъ Дагестана.

Туземное общество Дербента—дѣло совсѣмъ другое: оно все живетъ на базарахъ, на улицахъ, въ караванъ-сараяхъ, въ баняхъ, въ мечетяхъ, такая восхитительная публичность! Идешь по улицѣ и вдругъ наступаешь на ноги очень почтенной особѣ, которая сидитъ у стѣнки сжавшись на корточкахъ и покуриваетъ трубку; кругомъ этой древности съ отмѣнно красной бородой сидятъ въ такомъ же положеніи нѣсколько тоже почтенныхъ особъ: изъ любопытства невольно спросишь: кто это уличный созерцатель? Это бывший городничій и благодѣтель города Мухарремъ Бекъ, это онъ дѣлаетъ кейфъ не меньше, какъ съ утра до вечера, на мостовой Дербента, съ городскими беками! Объ остальномъ народонаселеніи нечего и говорить: всѣ живутъ цѣлый день внѣ дома, а за чѣмъ, спросите? За работой? Ничуть не бывало! Станетъ Азіятецъ утруждать свое благоурожденное тѣло: для этого у него есть «домъ» т. е. жена и прочая челядь, а самъ онъ или торгуетъ и торгуется на базарѣ, или вѣшаетъ судьбы Кавказа на дворѣ мечети, на мостовой улицы, или наконецъ безмолвно созерцаетъ всѣхъ тварей съ высоты своей кровли: работа для Дербентца послѣднее занятіе, хотя онъ и трудолюбивѣе другихъ своихъ собратій по религіи.

Впрочемъ, такой древній городъ, какъ Дербентъ, не можетъ не возбуждать даже между туземцами любопыт-

ства, и по-этому правовѣрные археологи въ Дербентѣ не исключеніе, а ученые въ городѣ, всегда игравшемъ нѣкоторую роль въ Дагестанѣ, не рѣдкость. Изъ числа ихъ я посѣтилъ покойнаго корреспондента Казанскаго Университета Муллу Таги и Мирзу Хайдера: эти два свѣтила дербентской премудрости враждовали другъ съ другомъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свою толпу поклонниковъ. Мулла Таги былъ боленъ и съ трудомъ могъ говорить, однако я замѣтилъ въ немъ гораздо больше критической учености, нежели въ Мирзѣ Хайдерѣ. Есть еще здѣсь мусульманскій археологъ Арсланъ Бекъ, но я уже о немъ говорилъ.

Дербентскіе Беки ведутъ по преимуществу жизнь праздную и только въ крайности занимаются мелкой промышленностью. Молодые Беки большіе охотники до европейскихъ нравовъ и до европейскаго вина: вотъ все, что я знаю о нихъ.

Характеръ Дербентцевъ составляетъ, по самой амальгамѣ народонаселенія, смѣсь персидскаго съ горскимъ: Дербентецъ дерзокъ, ноне храбръ, малодушенъ, но не добръ, хитеръ, но не уменъ; вообще хорошихъ качествъ мало. Впрочемъ, это говорятъ здѣшніе жители, и я всю ответственность за такой дурной отзывъ, во избѣжаніе стариннаго дербентскаго мненія, слагаю на нихъ. Въ Низовомъ укрѣпленіи у Горцевъ отбираютъ оружіе при входѣ въ крѣпостныя ворота: въ Дербентѣ было бы полезно вывести оружіе совсѣмъ изъ употребленія. Дербентцы не воздержны на слова, въ гнѣвѣ до крайности бурны, и по-этому на базарѣ нерѣдко происходили трагическія сцены: одинъ правовѣрный за рѣзкое слово отрубилъ другому руку среди бѣлаго дня, а тотъ взялъ тутъ же и убилъ его наповалъ. И это происходило на базарѣ! Другое происшествіе еще поразительнѣе: дядя отобралъ, за какой-то проступокъ, у племянника пашку, какъ у недо-

стойнаго носить оружіе, но потомъ смилостивясь возвратилъ ее ему, а племянникъ попробовалъ острее тотчасъ же на своемъ дядѣ: оказалось, что шапка была очень остра, такъ остра, что взрубила дядю въ куски. Но кончимъ о мрачныхъ событіяхъ: я и такъ часто кидаю на своемъ пути превосходные сюжеты для будущихъ Дюма!

Мужчины и женщины въ Дербентѣ довольно хороши собой: женщины ходятъ здѣсь уже подъ покрываломъ, и желающіе лично убѣдиться въ дербентской красотѣ должны, какъ я, по вечерамъ лазить на кровлю или сидѣть у дербентскихъ фонтановъ, куда приходятъ толпами дербентскія дѣвицы и дѣвочки за водой съ кувшинами на головахъ, точно какъ Самарянки. Только крикъ и безпрестанныя ссоры ихъ у фонтановъ отобьютъ охоту хоть у какого-угодно любителя женскихъ типовъ.

Я уже собирался совсѣмъ уѣхать изъ Дербента, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову совершенно не-дербентская мысль: не прилично, подумалъ я, «путешественнику по Востоку» разѣзжать безъ прислуги, ему непремѣнно необходимъ вѣрный слуга, въ родѣ Цимбалды или Личарда. Неужели въ такомъ славномъ городѣ не отыщется Цимбалды?

Я объявилъ свое желаніе Дербенту.

И вотъ явился «Онъ», Карапетъ, мой будущій спутникъ по Востоку, тотъ самый, которому я но не будемъ забѣгать впередъ и обгонять событія.

Карапетъ потребовалъ съ меня сорокъ рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи за то, чтобъ «путешествовать» со мною по Востоку и дѣлать все, что я буду дѣлать, кромѣ исправнаго наполненія дорожнаго дневника, которое я взялъ на себя одинъ. По дербентскимъ цѣнамъ это было не дорого.

И я нанялъ себѣ Карапета въ спутники: въ путешествіи по Востоку слуга—товарищъ, а не слуга!

Такъ какъ отнынѣ это лицо становится весьма дѣйствующимъ въ моей книгѣ, то я сообщаю здѣсь краткое «описаніе» моего Личарда.

Карапетъ родомъ астраханскій Армянинъ, только носъ у него не такъ великъ, какъ у кореннаго астраханскаго Армянина. Въ самомъ дѣлѣ, при дальнѣйшихъ распросахъ оказалось, что Карапетъ выходецъ изъ сѣверной Персіи, что предки его, какъ вообще у всѣхъ Армянъ, были допотопные дворяне съ Арарата, что въ его фамиліи звучала много-уважаемая частица: Ханъ. При такомъ высокомъ происхожденіи Карапета, мнѣ становилось порой даже страшно: мнѣ казалось, что у меня на козлахъ сидитъ потомокъ повелителей Великой Арменіи, самый чистый Хайкъ, какіе только есть теперь во вселенной! Карапетъ отправлялся на Востокъ совсѣмъ не для ученыхъ наблюденій, а просто для поправленія разстроеннаго . . . кармана: Карапета мучила задушевная тоска по какой-то астраханской лзвочкѣ, и онъ во-чтобы-то не стало, намѣренъ былъ разжиться, разумѣется на мой счетъ, для того, чтобъ завести любимую торговлю астраханскихъ Армянъ—копѣчными арбузами. И такъ прошу помнить, что со мной ѣдетъ бывшій потомокъ кого-то, а будущій «Торговый домъ Карапетъ и К^о.»

12 Марта, не знаю въ которомъ часу утра, я оставилъ Дербентъ.

Дорога по выѣздѣ изъ города вѣтся сначала между садовъ, но потомъ выходитъ на чистое мѣсто, и по-прежнему справа горы, слѣва море, а спереди ямщикъ, но къ ямщику прибавился Карапетъ, такъ что я ничего, кромѣ этихъ сѣдоковъ, не вижу. И лучше: дорога что-то начи

наетъ мнѣ казаться однообразною. Для оживленія путевого журнала можно замѣтить, что въ 5 верстахъ отъ Дербента съ этой стороны существуетъ, не знаю только гдѣ, армянская церковь, въ которой почіютъ мощи одного армянскаго святаго, чествуемаго приходящими на поклоненіе Армянами.

Но главное разнообразіе въ пути отъ Дербента къ Кубѣ представляютъ переправы черезъ быстрые и сердитые горные потоки: во время житія моего въ Дербентѣ часто перепадали дожди, и горные потоки напулись. На первый разъ попалась небольшая рѣчка Гюргень. Впрочемъ, черезъ Гюргень я переѣхалъ безъ особыхъ оказій; даже Карапетъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

На дербентско-кулларской станціи смотритель, вѣроятно налитанный филантропическими идеями, замѣтилъсь обиднымъ для меня соболѣзнованіемъ:

—Какъ-то вы переправитесь черезъ Самуръ?

—Очень просто: на вашихъ лошадяхъ.

—Да вѣдь все дожди были.

—Что жъ такое? Переѣхалъ Гюргень, переѣду и Самуръ.

—Ну, Самуръ-то не что-нибудь.

—Да вѣдь и я не кто-нибудь.

Смотритель взглянулъ на меня вопросительно.

—По подорожной значится, что вы

—Въ подорожной значится, что я такого-то чину, а званія не прописано.

—Осмѣлюсь спросить

—Путешественникъ по Востоку.

Озадаченный смотритель вышелъ къ женѣ посоветоваться на счетъ такого небывалаго проѣзжающаго, а я сѣлъ въ телѣжку и поскакалъ.

Дорога мало по малу отходить отъ моря, для того чтобъ захватить Самуръ выше, въ удобномъ для переправы раздѣленіи рѣки на рукава; горы здѣсь удаляются отъ моря верстѣ на сорокъ. Но вотъ наконецъ раздается въ воздухъ ревъ Самура, слышимый на далекое разстояніе.

Когда я подъѣхалъ къ берегу, въ этомъ мѣстѣ невысокому, меня взяла ужасная досада на смотрителя: какая тутъ можетъ быть опасность? Огромный видъ раскрывался передо мной: многочисленные рукава Самура катились по каменистому руслу, раздѣляемые островками изъ мелкихъ камней; нигдѣ не было замѣтно особенной глубины, хотя всюду теченіе было убійственно-быстро; полу-иссохшія деревца качались отъ вѣтра на островкахъ и на берегахъ Самура; вся картина пестрѣла каймами то воды, то разнофигурныхъ каменьевъ и камешковъ.

Рѣшительно ничего страшнаго!

Но когда моя телѣжка выбралась на середину перваго рукава, когда лошади храпя и фыркая чуть двигались, разсѣкая острымъ угломъ теченіе, когда напоръ воды, уже покрывшей переднія колеса, началъ тянуть телѣжку внизъ по рѣкѣ,—я не много призадумался; верховой проводникъ тянулся на горской лошаденкѣ впереди меня и указывалъ путь почтовой тройкѣ, которую ямщикъ безпрестанно ободрялъ. Я взглянулъ въ рѣку и ухватился обѣими руками за края телѣжки: водяная рябь прыгала у меня въ глазахъ, голыши-валуны сверкали, катясь за струями и пѣной рѣки, свѣтлое дно искрилось разноцвѣтными камнями. Мнѣ казалось, что и я, и лошади, и берега

бѣжимъ куда-то съ непостижимой быстротой, а вода стоитъ неподвижно!

Тогда я понялъ опасность: Самуръ, переполненный дождями, бѣсился и прыгалъ какъ тигренокъ, кидалъ по сторонамъ или уносилъ въ море огромные камни и радъ былъ случаю поиграть новой забавой—телѣжкой и конями. Стоило одной лошади оступиться—а это на днѣ, составленномъ изъ круглыхъ и непрерывно движущихся камней, очень легко—и паденіемъ своимъ она увлекла бы другихъ лошадей, за ними, разумѣется, перевернулась бы телѣжка, и яростный Самуръ покатилъ бы и людей и лошадей и экипажъ по каменному и зазубристому дну своему: не болѣе, какъ черезъ четверть часа, въ Каспійскомъ морѣ плавали бы кровавые члены жертвъ, разорванныхъ въ куски на острыхъ камняхъ лютаго Самура! Во всемъ этомъ нѣтъ ни капли лжи.

Брызги летѣли отъ колесъ и обдавали холодомъ; Карапетъ уцѣпился крѣпко за козла и сидѣлъ зажмури глаза; у меня начинала кружиться голова, но вотъ кони рванулись и съ храпомъ выбрались на островъ. Ямщикъ далъ имъ вздохнуть и пустилъ въ другой рукавъ Самура. Та же адская быстрота, но уже не та глубина, и лошади идутъ бодрѣе, Карапетъ смотритъ веселѣй, а мнѣ, попрежнему, Самуръ кажется ничтожнымъ ручейкомъ.

Вотъ наконецъ кони выбрались на материкъ, и я почти сожалѣлъ, что съ нами не случилось никакого приключенія, что я не былъ такъ счастливъ на Самурѣ, какъ П. Заблоцкій, котораго зимой буйволы опрокинули въ воду, который едва выбрался на берегъ, у котораго даже чемоданы плыли три версты по теченію. Такое счастье! Нѣтъ! мнѣ не удалось познакомиться поближе съ Самуромъ и попробовать на его быстринѣ свое искусство въ плаваніи, мнѣ рѣшительно нечего рассказывать, кромѣ описанія самаго Самура.

Самуръ, называемый у туземцевъ неправильно «Самбуръ-чай» Соболь-рѣка, выходитъ съ южной стороны горы Гудуръ, течетъ сначала на Ю. В. черезъ владѣнія Элисейскія, а потомъ поворачиваетъ къ С. В. по Самурскому округу, Кюриинскому владѣнію, и многими рукавами впадаетъ въ море. Довольно крутая покатость горъ дѣлаетъ Самуръ быстрымъ во всякое время, но кто видѣлъ эту рѣку зимой, тотъ не узнаетъ ее въ періодъ таянія снѣговъ на горахъ или паденія проливныхъ дождей: тогда Самуръ надувается, покрываетъ островки, находящіеся между рукавами, и съ грохотомъ катитъ по своему руслу огромные камни и цѣлыя деревья, тогда не отваживаются на переправу чрезъ него и артиллерійскіе фургоны, ниспровергаемые быстрымъ теченіемъ.

Для переѣзда черезъ Самуръ извѣстны два мѣста: между Кулларами, гдѣ переправился сейчасъ «путешественникъ по Востоку», и у деревни Зефуръ. Первая переправа считается хорошей потому, что здѣсь Самуръ раздѣляется на много рукавовъ и теряетъ свою глубину и свирѣпость; вторая переправа считается хорошей потому, что жители очень искусны и безстрашны въ отыскиваніи безопасныхъ бродовъ: слѣдовательно объ переправы хороши! На всякій случай рекомендую будущимъ путешественникамъ первую переправу, какъ лично мною испытанную и къ «употребленію одобренную», и притомъ совѣтую переправляться или рано утромъ или поздно вечеромъ, когда съ горъ сбѣжитъ менѣе воды.

Едва я успѣлъ опомниться отъ переправы черезъ Самуръ, какъ передъ мною шумѣла и прыгала другая рѣчка Елама, не такъ большая, какъ Самуръ, но не менѣе сердитая. Эта переправа меня уже не изумила: съ одного сильнаго приѣма я привыкъ къ горнымъ рѣкамъ. Притомъ же по справкѣ оказалось, что Елама не рѣчка, а просто отдѣльный рукавъ Самура.

На другой день 13 Августа я выѣхалъ рано изъ кубинскаго Куллара, переправился благополучно черезъ рѣчку Кусаръ, раздѣленную на множество рукавовъ, и перемѣнивши лошадей въ Худатѣ, поскакалъ послѣднюю станцію къ Кубѣ. Я говорю «поскакалъ» только по старой привычкѣ къ русской почтовой ѣздѣ: здѣсь не скачутъ, особенно послѣ дождей, когда черноземная почва распустилась и очень затрудняла ѣзду. Какъ дорога, такъ и видъ страны совершенно измѣнились: грязная, черная дорога вьется по лѣсамъ и перелѣскамъ, холмы перемѣшиваются съ долинами, горные потоки съ пахатной землей. Впрочемъ, подъ хлѣбопашествомъ здѣсь заняты только тѣ поля, которыя по сосѣдству рѣчекъ не представляютъ затрудненій въ проводѣ каналовъ для орошенія водой. Даже небо мнѣ казалось здѣсь иное, потому что постоянно стояла пасмурная погода, и не смотря на лѣто во всемъ его разгарѣ, чувствовался холодъ отъ сосѣдства снѣжныхъ горъ.

Въ полдень измученные кони перетянули телѣжку черезъ рѣчку Кубинку, текущую въ крутыхъ и трудныхъ для подъема берегахъ, и я очутился въ городѣ Кубѣ.

IV.

ОТЪ КУБЫ ДО БАКУ.

По моему кубинская капуста, которою снабжаетъ она Баку и Дербекъ, гораздо лучше кубинскихъ ковровъ.

Марлинскаго, Ч. X, Кавказ. очерки, стр. 441.

Издали Куба очень похожа на городъ, притомъ на живописный городъ: по волнистой долинѣ, обставленной амфитеатромъ горъ, отдаленнѣйшія изъ которыхъ скры-

вають чело въ облакахъ, а ребра въ густомъ лѣсу, змѣится рѣчка; на обрывистомъ берегу рѣчки разсыяны дома, домики разныхъ цвѣтовъ, мечети съ четвероугольными крышами, и все строеніе для разнообразія переплетено зелеными деревьями и обведено какъ будто каменной стѣной. Это рѣчка Кубинка и городъ Куба, но это только издали.

Подѣзжая ближе, изъ любопытства вглядываешься въ городъ пристальнѣе и сердце щемитъ невольная досада: очарованіе пало, и вся бѣдность Кубы ярко рисуется передъ глазами утомленнаго путника. Неизбѣжное въ Дагестанѣ жидовское поселеніе, называемое Кулгатъ, прежде всего является на сценѣ, на лѣвомъ берегу Кубинки въ лужахъ грязи и нечистоты; мутная рѣчка плещется о крутой берегъ, на которомъ покоится городъ Куба.

Лошади съ тяжкими вздохами переходятъ кое-какъ грязное русло рѣчки и съ трудомъ вздымаются на крутой и тоже грязной берегъ. Вотъ телѣжка въѣхала въ городъ, и что ни шагъ впередъ, грязь глубже и гуще, такъ что наконецъ я сталъ опасаться за свое существованіе среди этого необозримаго океана грязи. Для приличной обстановки, по ломанымъ линіямъ разставлены большею частию ветхіе деревянные дома, а для разнообразія между ними замѣшались карточные домики изъ мелкаго кирпича, разукрашенные всѣми сочетаніями цвѣтовъ солнечнаго спектра; мечети, чрезвычайно похожія на наши кирпичные сараи, возвышаются изъ общего потока остроконечными колпаками. Я сожалѣлъ и объ обитателяхъ Кубы, которые осуждены, по привязанности къ родному краю, хвалить свой городъ, и о путешественникахъ по Дагестану, которые обязаны, по любви къ истинѣ, бранить такой ничтожный городокъ.

Какимъ-то образомъ случилось, что ямщикъ, привез-

шій меня въ Кубу, былъ гораздо умнѣе своего дербентскаго товарища и прямо безъ всякихъ разсужденій подѣлалъ къ какому-то необыкновенному строенію въ два этажа, изъ котораго въ одно мгновеніе явился, будто изъ земли выросъ, казакъ, и въ два мгновенія отвелъ мнѣ квартиру, настоящую кубинскую квартиру, въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, безъ оконъ и дверей, которые, вѣроятно, считались излишней роскошью; ходъ въ мои комнаты, для безопасности, былъ устроенъ едва-ли не на воздухѣ, и не только воръ, но и самъ хозяинъ по такому ходу не скоро могъ добраться до своего обиталища. Впрочемъ, въ оправданіе Кубы я прибавлю, что въ городѣ это единственный домъ для пріѣзжихъ.

Вскорѣ я отыскалъ туземнаго ученаго, покойнаго Аббасъ-Кули-Ханова и провелъ у него два дня очень пріятно: въ первый разъ мнѣ довелось пользоваться восточнымъ гостепріимствомъ, и дай Богъ, чтобъ всякое другое гостепріимство походило на это! Аббасъ-Кули-Хановъ занимался въ это время составленіемъ полной исторіи Дагестана по восточнымъ авторамъ, книги высокаго интереса, которая, къ сожалѣнію, осталась, за смертію автора, неизданной.

Если бъ у Кубы не существовало никакой исторіи, я былъ бы въ совершенномъ отчаяніи: мнѣ нечего было бы сказать объ этомъ благополучномъ городѣ. Но къ счастью моего «путешествія», Куба городъ историческій или по крайней мѣрѣ онъ можетъ быть историческимъ съ помощію слѣдующихъ фактовъ.

Къ городу Кубѣ никакъ нельзя приложить общей формулы, что «основаніе его терлется во мракѣ древности»: напротивъ, основаніе этого города исторически извѣстно и принадлежитъ новому времени: по-этому напрас-

но почтенный авторъ «Исслѣдованія о русскихъ городахъ» относитъ построение Кубы къ періоду монгольско-персидскаго владычества въ этомъ краю. Кубинское Ханство принадлежитъ къ числу новѣйшихъ въ Дагестанѣ; Персидскіе государи имѣли здѣсь своихъ правителей, носившихъ титулъ Хановъ. Последняя династія Кубинскихъ Хановъ происходила отъ Лезги-Ахмеда, который для своего пребыванія выстроилъ укрѣпленіе Худатъ (нынѣ станція). Въ этой крошечной столицѣ маленькаго Ханства жили и преемники Ахмеда, сынъ его Хасанъ-Али и Султанъ Ахмедъ Ханъ, убитый своимъ тестемъ въ началѣ XVIII столѣтія въ общихъ смятеніяхъ Дагестана и Ширвана. Малолѣтній сынъ и наслѣдникъ Султанъ Ахмеда Хюсейнъ-Али-ханъ былъ увезенъ въ горы, гдѣ и воспитанъ, а потомъ занялъ кубинскій престолъ подъ покровительствомъ славнаго Надира. По введенному въ Кубѣ порядку, недовольные подданные призвали къ себѣ на помощь Лезгинъ и осадили Хана въ его столицѣ; но Шамхаль Казсбулатъ и правитель Дербента явились на защиту Кубы и ея Хана и разбили мятежниковъ, которые потеряли 300 чело-вѣкъ убитыми и плѣнными. Во время походовъ въ Дагестанъ, Шахъ Надиръ нѣсколько разъ проходилъ по Кубинской провинціи съ своими войсками, но безъ особенныхъ приключеній. По смерти персидскаго завоевателя, жители Худата, уstraшенные общими смятеніями, покинули свою маленькую столицу, и переселились въ сторону отъ большаго тракта, въ тѣ самыя болота, въ которыхъ нынѣ утопаетъ Куба. Вотъ когда основался этотъ знаменитый городъ!

Юный городъ Куба, при самомъ появленіи своемъ на историческую сцену, ознаменовалъ себя въ лѣтописяхъ Дагестана властолюбіемъ. Хюсейнъ-Али-Ханъ, составившій изъ кубинскихъ общинъ отдѣльное Ханство и основавшій Кубу, въ 1758 году скончался, и престолъ пере-

шелъ къ сыну его Фетхъ Али-Хану, именовавшемуся уже Кубинскимъ Ханомъ. Двадцати-двухъ-лѣтній правитель отпраздновалъ вступленіе на тронъ побѣдой надъ Ширванскимъ Ханомъ, и уничтоживъ многія права Наировъ (наместниковъ), сосредоточилъ все управленіе въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ Кубинское Ханство приобрѣло нѣкоторое значеніе въ Дагестанѣ. Но честолюбивому юношѣ этого было мало: замыслы его простирались гораздо дальше, и съ помощію хитрой политики, дружественныхъ и брачныхъ союзовъ, послѣ многихъ битвъ Фетхъ-Али-Ханъ овладѣлъ Дербентскимъ и Ширванскимъ Ханствами, но былъ разбитъ составившимся противъ него союзомъ, главою котораго былъ Усмій Каракайтаскій Эмиръ Хамза, его шуринъ. Фетхъ-Али-Ханъ бѣжалъ въ Сальянъ, Мухаммедъ Ханъ Казикумыкскій овладѣлъ Кубинскимъ Ханствомъ: все, казалось, потеряно, кромѣ Дербента, въ которомъ правила жена Фетхъ Али Хана Тути-Бикъ.

Но на защиту Фетхъ-Али-Хана явились, по данному прежде обѣщанію, Русскія войска, и Усмій Каракайтаскій былъ разбитъ, Казикумыкскій Ханъ потерпѣлъ ту же участь, а Табасаранъ просилъ прошенія и клялся въ вѣрности. Генералъ Медемъ, начальствовавшій Русскими войсками, навелъ такой ужасъ на Кавказъ, что Горцы страпани имъ своихъ дѣтей: «глухой Генералъ (Медемъ былъ туго на ухо) идетъ!» говорили они.

Куба опять явилась первенствующимъ владѣніемъ въ Дагестанѣ, а Фетхъ-Али-Ханъ началъ думать о покореніи Персіи: преслѣдуя эту далекую цѣль, онъ началъ съ ближайшаго—съ обширнаго Ханства Ширванскаго, и для окончательнаго присвоенія его себѣ приказалъ умертвить членовъ Ширванской Али-серкарской династіи: Мухаммедъ Сеидъ Хана съ двумя сыновьями въ Сальянѣ, Агаси-Хана также съ двумя сыновьями въ Баку, и Мухаммедъ

Риза-Бека въ Кубѣ; остальные члены этого дома или скрылись въ Турцію или были ослѣплены по приказанію Кубинскаго Хана.

Честолюбивые планы Фетхъ-Али-Хана вызвали противъ него новый союзъ, но въ образцовомъ сраженіи подъ старой Шемахой Кубинскій Ханъ поразилъ союзниковъ, и весь Дагестанъ опять искалъ его расположенія, Сѣверъ Персіи призналъ его власть, а Дербентъ, Баку, Шемаха и Самьянъ находились въ полномъ его распоряженіи. Предоставивъ защиту Закавказья Грузинскому Царю Ираклію, по личномъ съ нимъ свиданіи, подъ покровительствомъ Россіи, Фетхъ-Али-Ханъ собирался уже двинуться въ Азербайджанъ, какъ внезапная болѣзнь свела его въ могилу въ 1789 году въ Баку, на 54 году отъ рожденія.

Съ кончиной Фетхъ Али-Хана политическое значеніе Кубинскаго Ханства прекратилось, и у Кубы уже нѣтъ съ тѣхъ поръ почти никакой исторіи. Кубинское Ханство составило одно тѣло съ Дербентскимъ, но за измѣну Дербентскаго владѣтеля Шейхъ Али-Хана Куба была отдѣлена отъ Дербента и отдана Русскими въ управленіе младшему брату Шейхъ Али-Хана Хасанъ-Хану. По смерти его въ 1799 году Кубинское Ханство опять присоединено къ Дербентскому и вручено Шейхъ Али-Хану, но за вторичную измѣну его какъ Дербентъ, такъ и Куба въ 1806 году присоединены къ Россіи.

Близкое сѣдство съ горами и мятежный характеръ жителей Кубинскаго Ханства не разъ подвергали Кубу опасности внезапнаго нападенія и тайныхъ возстаній. Въ 1819 году Акушинцы замыслили вторженіе въ Кубинскую провинцію, но прибытіе нашихъ войскъ къ Андреевскому селенію разрушило ихъ замыслы, а сообщники Шейхъ Али-Хана, старавшіеся возмутить Кубу, были

переловлены и отправлены въ Астрахань. Въ 1837 г. ворвались—было въ Кубу бунтовщики изъ провинціи, избравшіе себѣ какого-то деревенскаго жителя Ханомъ, но пули и картечи выпроводили незваныхъ посѣтителей. Въ настоящее время Куба довольно укрѣплена, такъ что я не вижу никакой возможности подвергнуться осадѣ въ комватѣ безъ оконъ и дверей.

Смутная исторія городка Кубы этимъ и оканчивается. Не смотря на недавность существованія, Куба успѣла уже сдѣлаться «старой», потому что въ сосѣдствѣ ея на берегу рѣчки Кусара въ 12 верстахъ выстроена, ближе къ морю, «Новая Куба.»

Гмелинъ едва удостоиваетъ Кубу самымъ короткимъ описаніемъ: я готовъ былъ бы обвинять ученаго странствователя въ презрѣніи къ столицѣ Фетхъ Али-Хана, если бы самъ не имѣлъ несчастія проѣзжать черезъ Кубу и если бы не находился въ подобномъ же затрудненіи на счетъ описанія столицы Кубанскаго Ханства. Но надобно же сказать что-нибудь о городѣ, въ которомъ я провелъ двое сутокъ и притомъ съ большимъ удовольствіемъ.

Городъ Куба—да почиетъ на немъ благословеніе Божіе!—лежитъ подлѣ 41° 21' 10" С. Ш и 66° 5' В. Д. отъ Ферро и замѣчателенъ только тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ничего примѣчательнаго. Городъ представляетъ неопредѣленную фигуру, обведенную со стороны суши кирпичной стѣной, которая увѣнчана для большей красоты глиняной обмазкой; по угламъ стѣны выстроены бастіоны. Улицы перепутаны съ удивительнымъ искусствомъ, такъ что въ Кубѣ едва-ли не труднѣе отыскать дорогу, чѣмъ въ Лондонѣ; мѣстами безъ всякой надобности существуютъ площади, образуемыя непроходимыми болотами, и

пустыри, которые ровно ничѣмъ не образованы. Дома построены изъ дерева, но очень малы и низки, а наружная отдѣлка оріентально пестра; покрайней мѣрѣ отраднo видѣть здѣсь наши высокія кровли. Впрочемъ, городъ состоитъ большею частію изъ лавокъ, а если и есть какіе дома, то всѣ они заняты военнымъ постоемъ: въ Кубѣ находится штабъ-квартира Графа Паскевича полка, и поэтому главная улица, не въ примѣръ другимъ широкая, кипитъ русскимъ народонаселеніемъ.

Судьба, премудрость которой давно извѣстна всѣмъ и каждому, отвела мнѣ квартиру на одномъ изъ базаровъ: прямо противъ моихъ никогда не закрываемыхъ оконъ находились лавки съ табакомъ, съ фруктами, съ шелковыми матеріями, цирульни и даже харчевни. Вѣчный шумъ и движеніе носились мимо моей квартиры, и здѣсь-то я въ первый разъ осязалъ пріятности восточной жизни. Разнохарактерныя сцены совершались передъ моими глазами.

Вотъ въ правовѣрную цирульню, ничемъ не отличавшуюся отъ другихъ лавокъ, вошло бородатое существо, поджавъ ноги усѣлось посреди заведенія и сняло съ себя персидскую шапку: этотъ маневръ равнялся цѣлой фразѣ «имѣйте снисхожденіе обрить мою голову, Госнодинъ!» Хозяинъ цирульни, кромѣ своего ремесла промышляющій и торговлей разными порошками и пряностями, становится на колѣни подлѣ пациента, третъ ему голову теплой водой, мылитъ, и потомъ изъ всѣхъ силъ начинаетъ скоблить бритвой правовѣрную маковку. Пациентъ сидитъ безстрастно посреди самыхъ мучительныхъ прыжковъ бритвы и совершенно предался созерцанію девяности девяти именъ Аллаха, въ то время какъ мастеръ вертитъ его голову и гнетъ ему шею будто восковой фигурѣ. Уже половина головы свѣтилась самымъ отличнымъ лоскомъ, какъ на бѣду пациента является дервишъ

въ остроконечномъ калпакѣ, съ желѣзной палицей и съ суковатой палкой въ рукахъ: съ громкими возгласами «подай во имя Божіе! подай во имя Господа!» остроглавый дервишъ всунулъ въ руку пациента какой-то всеизцѣляющій порошокъ, и съ нетерпѣніемъ судьи, рѣшившаго темное дѣло, потребовалъ приличнаго вознагражденія. Полуобритый правовѣрный, изъ уваженія къ честному мужу, вывернулся изъ-подъ бритвы и съ плачевной гримасой подаль послѣднюю копѣйку. Дервишъ идетъ далѣе и вездѣ не просить, а требуетъ денегъ: отъ Аббасъ-Кули онъ не хотѣлъ принять меньше червонца. Впрочемъ, у всѣхъ дервишей ужъ такая натура, что помаленьку они не могутъ брать!

Сцена перемѣняется: русскій солдатъ подходитъ къ правовѣрной харчевнѣ и щупаетъ пылающій «кебабъ», жареные кусочки баранины; харчевникъ смотритъ съ удивленіемъ на необразованнаго Уруса, котораго и жаръ не беретъ, которому все нужно попробовать руками.

—Почемъ «кунакъ» товарищъ? спрашиваетъ служивый.

—Два грушъ, отвѣчаетъ правовѣрный.

—А что возьмешь до-сыта накормить?

—Нѣтъ, такъ не ладно!

Между тѣмъ солдатъ ужъ съѣлъ нѣсколько кусковъ; приступили къ расчету—и солдатъ, во время арифметическихъ соображеній харчевника, съѣлъ еще нѣсколько кусковъ, которые не стоило класть въ счетъ.

Еще сцена перемѣняется: чернобородый купецъ почтенной наружности, торгующій шелковыми матеріями, си-

дять на прилавкѣ поджавъ ноги, и за неимѣніемъ покупателей преусердно занимается выдергиваніемъ сѣдыхъ волосъ, приговаривая при каждомъ волоскѣ: «ай шейтанъ, куда залѣзъ!» Оборванный мальчишка, проходя мимо лавки, припрыгнулъ отъ скуки, и такъ удачно, что локтемъ вышибъ изъ рукъ купца зеркало, въ которое правовѣрный ревизовалъ свою бороду. Разбитое стекло полетѣло въ дребезги, мальчишка не оглядываясь ударился бѣжать, а взбѣшенный владѣлецъ разбитаго зеркала и шелковыхъ товаровъ послалъ ему въ слѣдъ весь лексиконъ мусульманской брани.

Что еще сказать о Кубѣ? Что она называется у туземцевъ Кудьяль-Каля, по имени рѣчки Кудьяль, известной у насъ подѣ названіемъ Кубинки; что въ городѣ три большихъ деревянныхъ мечети съ высокими четвероугольными крышками и нѣсколько домашнихъ молеленъ, одна армянская церковь и одна православная, 660 домовъ, до 2000 жителей и 160 лавокъ; что окрестности Кубы, украшенныя цвѣтущими лѣсами, довольно живописны, что Кубинскіе сады славятся вкусными яблоками и огромными дулями, что климатъ Кубы вреденъ для пріѣзжихъ,—не подумайте, что я по-этому такъ мало оставался въ Кубѣ—что въ Кубѣ падаетъ много дождя, а рѣчная вода не хороша, что лѣтомъ здѣсь не бываетъ сильныхъ жаровъ, а бываетъ даже холодно, что въ Кубѣ иногда случаются землетрясенія,—но все это давно известно. За скудностію ученой жатвы въ Кубѣ, я снялъ видъ города изъ-за Кубинки, но не смѣю представлять его читателю.

Въ городѣ Кубѣ дѣлаются ковры, но вы уже вѣрно прочли эпитафій къ этой главѣ и произнесли кубинскимъ коврамъ свой судъ: я не стану васъ разувѣрять.

Повѣритъ-ли кто-нибудь, что я былъ въ Кубѣ и не

видалъ Шаг-дага? Шаг-дагъ, великолѣпная гора, вѣчно покрытая снѣгомъ, три четверти года прячется въ облакахъ: кнесчастію я былъ въ Кубѣ въ то самое время, какъ «Шаг-дагъ» Царь-гора находилась въ отпуску въ поднебесномъ царствѣ, дождь орошалъ кубинскія болота и солнце не показывалось ни на минуту. Шаг-дагъ находится въ 30 верстахъ отъ Кубы. Въ этомъ же направленіи можно видѣть «Каз-дагъ» Гусь-гору и «Салаватъ-дагъ» Гору Спасенія, также покрытыя снѣгомъ.

Кубинцы говорятъ общимъ дагестанскимъ нарѣчіемъ тюркскаго языка, только вмѣсто сокращенія словъ, какъ дѣлаютъ въ крѣпко-стѣнномъ Дербентѣ, прибавляютъ къ повелительному частицу «гененъ». Персидскій языкъ здѣсь гораздо менѣе извѣстенъ, нежели въ Дербентѣ.

Въ Кубѣ много говорятъ о древностяхъ Кубинской провинціи, очень простительная слабость за неимѣніемъ другихъ сокровищъ указывать на развалины, но я не думаю, чтобъ въ Кубинскомъ Ханствѣ могло существовать что-нибудь старѣе Сефивидовъ. Надиръ Шахъ и Фетхъ Али Ханъ исчертили эту страну своими полками въ разныхъ направленіяхъ, выстроили нѣсколько укрѣпленій, и остатки этихъ двухъ владычествъ принимаются за древнія постройки.—Кромѣ того въ Кубинскомъ Ханствѣ, говорятъ, водятся и живыя древности: это жители селенія Хвпалугъ, говорящіе какимъ-то не людскимъ или по крайней мѣрѣ не здѣшнимъ языкомъ, котораго ни Кубинцы, ни Лезгины не разумѣютъ. Носится слухъ, что почтенные Хиналугны морочатъ правовѣрный народъ и что они просто жидовскаго происхожденія, а «впрочемъ, Богъ знаетъ», говоря словами лучшихъ мусульманскихъ историковъ, которыми они оканчиваютъ всѣ запутанные вопросы.—Около деревни Акбиля, между Худатомъ и Кубой, находятся могилы Шагидовъ, надшихъ въ началѣ владычества

Сефивидовъ: благочестивые изъ жителей Кубы ходятъ сюда на молитву.

Почтенный Аббасъ-Кули-Хановъ простираетъ свое пристрастіе къ Кубѣ до того, что считаетъ западныхъ Кубинцевъ потомками древнихъ Алгоновъ или Алановъ, а послѣднихъ потомками Массагетовъ, основываясь, между прочимъ, на томъ, что нѣкоторые Кубинцы говорятъ непонятнымъ языкомъ, который долженъ быть Алаискій. Указанія древнихъ писателей Страбона, Плинія и Птолемея на Албановъ, жителей Дагестана и Кавказа, переродившихся подъ перомъ византійскихъ и мусульманскихъ писателей въ Алановъ, а у Моисея Хоренскаго въ Агуанъ и Аганкъ, вообще такъ неопредѣленны и собирательны, что трудно понимать подъ ними какую-нибудь отдѣльную расу изъ кавказскихъ обитателей. Очевидно, что всѣ авторы именуютъ Дагестанъ въ обширномъ значеніи этого слова отчизной Алановъ: существовала-ли дѣйствительно такая нація или это было собраніе горскихъ общинъ—за недостаткомъ прочныхъ доказательствъ, я не берусь рѣшать. Непонятныя варѣчія Дагестана еще такъ мало извѣстны, что нельзя утвердительно называть ихъ аланскими, а Кубинское Ханство или Табасаранъ нельзя на этомъ основаніи считать Алавіей.—Между прочимъ замѣчу, что Г-нъ Клапротъ видитъ въ Аланахъ Осетинцевъ, сообразно опредѣленію византійскихъ писателей, а Г-нъ Эйхвальдъ принимаетъ названія Албанъ и Аланъ за собирательныя.

Я отказываюсь отъ подробнаго описанія Кубинской провинціи: она описана еще до меня нѣсколько разъ и всего обстоятельнѣе въ «Обозрѣніи російскихъ владѣній за Кавказомъ.»—Мысли мои стремятся, не зная почему-то къ Табасарану, и чтобъ сдержать обѣщаніе, данное въ третьей главѣ читателю, я безъ всякаго отлагательства приступаю къ описанію этой страны.

ТАБАСАРАНЪ.

Невольное подражаніе самому себѣ.

Предѣлы. Къ С. Каракайтаская провинція; къ В. городъ Дербентъ и Каспійское море; къ Ю. Кюренское Ханство, а къ З. оно же и Казикумыкское владѣніе.

Величина. Самая большая длина Табасарана 65 верстѣ, а ширина 30 верстѣ; окружность всей провинціи составляетъ около 222 верстѣ.—Изъ этого видно, что величина Табасарана умѣренная.

Воды. Каспійское море, совершенно бесполезное для жителей, и рѣки Бугамъ и Хамейда, очень полезные для орошенія полей. Кромѣ того рѣка Дербакъ составляетъ сѣверную, а Рубасъ южную границу Табасарана. Въ Табасаранѣ находится соленое озеро, изъ котораго жители добываютъ соль для своего продовольствія.

Земля и природа. Почва Табасарана состоитъ или изъ каменистыхъ, бесплодныхъ скалъ, чѣмъ особенно отличается южная отлогость горъ Табасаранскихъ, на которыхъ не только земледѣіе не возможно, но и даже лѣса не растутъ, или изъ плодородной земли, что преимущественно замѣтно въ сѣверной части Табасаранскихъ горъ и въ долинахъ: вершины горъ покрыты дремучими лѣсами; особенно изобилуетъ Табасаранъ орѣховыми рощами. Табасаранъ пользуется умѣреннымъ и сколько извѣстно здоровымъ климатомъ.

Народонаселеніе. Цѣлому Дагестану извѣстно, какъ мнѣ хотѣлось узнать число «дымовъ» въ Табасаранѣ, но всѣ старанія мои были безуспѣшны: по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ всѣхъ деревень въ Табасаранѣ считаетъ

ся 57, дворовъ до 5,850, а жителей до 35,000, но до какой степени это справедливо, я и самъ не знаю. Весь Табасаранъ исповѣдуетъ мусульманскую вѣру суннитскаго обряда; жители говорятъ лезгинскимъ языкомъ, употребляется также тюркскій дагестанскій діалектъ, нарѣчіе персидскаго языка Татъ и какой-то Табасаранскій діалектъ, о которомъ я не имѣю точныхъ свѣдѣній.

Раздѣленіе. Табасаранъ принадлежитъ къ среднему Дагестану и дѣлится на верхній или западный и нижній или восточный: первый находится въ глубинѣ горъ, второй ближе къ морю. Нижний Табасаранъ дѣлится на сѣверный и южный: послѣдній принадлежитъ Беку Карчагскому, а первый составляетъ вольное общество, подобно западному Табасарану.

Занятія жителей. Табасараны также усердно занимаются грабежемъ и разбоемъ, какъ и сосѣди ихъ Каракайтаки; кромѣ того народныя промыслы заключаются въ скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ и садоводствѣ. Во время осени стада, пасущіяся все лѣто въ горахъ, стоняются на низменныя мѣста, владѣтелямъ которыхъ за пастбище платится извѣстная сумма въ зиму, а съ наступленіемъ ранней весны стада опять уходятъ въ горы. Хлѣбопашество ограничивается сѣянiемъ въ небольшомъ количествѣ сарпинскаго пшена, ячменя и пшеницы, но болѣе сѣютъ конопли; изъ деревьевъ преимущественно растетъ въ Табасаранѣ орѣховое дерево. Наконецъ Табасараны занимаются даже пчеловодствомъ и ткнутъ въ значительномъ количествѣ холсты и паласы (ковры-кошмы).

Исторія. У Табасарана нѣтъ исторiи, да и какая можетъ быть исторія у кучки разбойниковъ, для которыхъ единственный и самый лучшій законъ своя воля, а единственное право—право сильнаго? Защищаемый

своими горами и грозными дефилеями, въ которыхъ судьба тысячи зависитъ отъ воли одного или двухъ удалцевъ, покровительствуемый общимъ буйнымъ характеромъ Дагестана, отодвинувшійся въ сторону отъ большого тракта и мірскихъ событій, Табасаранъ во всѣ времена преимущественно представлялъ изъ себя равнодушнаго зрителя чужихъ бѣдствій и чужихъ побѣдъ и пользовался только случаями къ хищенію и легкой добычѣ. Если и случалось, что Табасаранъ повиновался чуждому завоевателю и платилъ дань, то за вынужденную покорность и за ничтожную дань онъ въдесятеро вымещалъ ночными набѣдами и безвѣстными убійствами. Тихою я припоминаю всю исторію горъ: другой роли у Табасарана я не нахожу! Во время владычества Сассанидовъ, Табасаранъ, вѣроятно, велъ себя очень смирно, потому что въ укрѣпленіяхъ построенной Сассанидами стѣны, проходившей черезъ Табасаранъ, находились гарнизоны, державшіе страну въ должномъ повиновеніи и страхѣ. По сказанію Дербендіады, отрялъ Аравитянъ, при нападеніи Абу-Обейды Джерраха на Дербентъ, разграбилъ Табасаранъ и привелъ оттуда двѣ тысячи плѣнныхъ. Маслама, тотъ самый, который обратился въ Исламъ большую часть Дагестана, покорила Табасаранъ, силой принудилъ жителей принять мусульманскую вѣру и посадилъ въ немъ изъ числа своихъ воиновъ правителемъ Мухаммеда Маасума, мужа добраго и благочестиваго, а для наставленія народа въ вѣрѣ и для рѣшенія дѣлъ по Шаріату опредѣлилъ двухъ Кадіевъ. Отъ этого Маасума происходятъ послѣдующіе владѣльцы Табасарана, носившіе титулъ «Маасума» Безгрѣшнаго и раздѣлявшие власть съ Кадіемъ. Съ тѣхъ поръ имя Табасарана встрѣчается иногда въ общихъ дагестанскихъ войнахъ, какъ участника междоусобій: Табасаравы служили по-найму въ турецкихъ войскахъ. Въ 1725 г. Кади и Маасумъ Табасаранскіе признали власть Россіи и поступили въ вѣдѣніе дербентскаго начальства, по договору съ Тур-

цій. Во время пребыванія Надиръ-Шаха въ Дагестанѣ, Табасараны, устрашенные побѣдами завоевателя, прислали ему въ Дербентъ аманатовъ, но во время зимовки персидскаго войска въ Иранъ-Харабѣ тревожили лагерь набѣгами, за что весной Надиръ-Шахъ опустошилъ Табасаранъ огнемъ и мечемъ. Безпокойные Табасараны приняли участіе въ возстаніи Казыкумыковъ противъ Надира, а Турецкій Султанъ, для поддержанія въ нихъ ненависти къ персидскому владычеству, прислалъ Маасуму и Кадію Табасаранскимъ грамоты на званіе пашей. Табасаранъ признавалъ власть Фетхъ Али Хана Кубинскаго, и братъ Маасума Шейхъ Али палъ подъ знаменами Фетхъ Али въ Кевдушанской битвѣ съ Каракайтакскимъ Усміемъ; но послѣ разбитія кубинскихъ войскъ, Табасараны приняли участіе въ союзѣ противъ Фетхъ Али Хана. Побѣды Русскихъ войскъ утвердили власть Кубинскаго Хана, и коварные Табасараны не замедлили явиться къ нему съ покорностью и испросить прощеніе. Сыновья Маасума Шейхъ Али явились къ Фетхъ Али Хану въ Кубу съ жалобами на притѣсненія Маасума Али-Кули. Сильный владѣтель Кубы потребовалъ Али-Кули на судъ въ Дербентъ, и по прибытіи Маасума, приказалъ его схватить и сослалъ въ заточеніе въ Сальянъ, а самъ съ большою силою двинулся въ Табасаранъ, и прибывъ въ Чирагъ, резиденцію прежнихъ Маасумовъ, объявилъ старшаго сына Шейхъ Али Мухаммедъ Хюсейнъ Бека Маасумомъ Табасаранскимъ; предъ кончиною Фетхъ Али Хана Маасумъ и Кади исполнѣ признавали власть его. По смерти Фетхъ Али Хана Маасумъ Табасаранскій находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ сыномъ его Шейхъ Али Ханомъ, и во время измѣны его Россіи принялъ его сторону, тогда какъ Табасаранскій Кади Рустемъ принялъ присягу на вѣрнопопданство Россіи въ 1786 году и лично находился при отрядѣ Генерала Булгакова, для сопровожденія его черезъ Табасаранъ въ обходъ къ Дербенту.—Въ 1802 году и Кади и Маасумъ

присягнули на вѣрность Россіи. Въ 1806 году Сурхай-Ханъ Казикумыкскій занялъ своими войсками Табасаранъ, но Генераль Мейеръ прошелъ съ отрядомъ черезъ табасаранскія ущелья, и взялъ приступомъ укрѣпленныя деревни: Арчанъ, Эндагиръ и Шталъ, возвратилъ Табасаранъ законному владѣльцу Маасуму Мустафъ-Беку. Шейхъ Али Дербентскій, скрывавшійся въ Дагестанъ, продолжалъ воевать горы, и въ 1819 г. Табасаранъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ враговъ Россіи: зять Шейхъ Али Хана, сынъ Кадія Табасаранскаго, наѣздникъ Абдулла Бекъ, находившійся долгое время въ Персіи при Аббасъ Мирзѣ, явился въ Табасаранъ и овладѣлъ этой страной, погубивъ Кадія Табасаранскаго. Генераль Мадатовъ разбилъ Абдулла Бека, а Табасаранъ присягнулъ на вѣрность Россіи; Маасумомъ Табасаранскимъ былъ Сохрабъ-Бекъ Максутовскій, а Кадіемъ Абдулла-Бекъ. Въ 1831 г. Табасаранъ взволновался, по воззваніямъ Кази Муллы, но Генераль Панкратьевъ взялъ и раззорилъ большую деревню Дюбекъ и Табасаранъ опять покорился. Въ настоящее время званіе Маасума принадлежитъ Ибрагимъ-Беку Карчагскому.—Я собралъ здѣсь только немногіе факты, показывающіе двучленную роль Табасарана въ дагестанской исторіи: пусть безпристрастное потомство произнесетъ свой судъ этой ничтожной и коварной земелькѣ.

Управленіе. Табасаранъ раздѣленъ между Маасумомъ и пародными общинами. Званіе Маасума наследственно въ знатной фамиліи и признается Беками, хотя такіе выборы въ дикой и безпопадной странѣ для меня очень подозрительны; въ вольныхъ обществахъ избирается народомъ Кади. Маасумъ, Кади и независимые Беки управляютъ каждый въ своихъ владѣніяхъ на основаніи старыхъ обычаевъ, мусульманскаго закона и собственнаго разумія: всѣ мірскія дѣла рѣшаются словесно владѣльцами или «кетхудами» старостами, избираемыми народомъ, или народомъ или

наконецъ народными собраніями, а духовныя дѣла поступаютъ на словесное разбирательство «Шаріата» духовнаго закона. Воровство, обличенное и доказанное присягою свидѣтелей, наказывается, кромѣ возвращенія украденныхъ вещей хозяину, денежнымъ взысканіемъ въ пользу судьи, исключая судей стариковъ, избираемыхъ двумя тяжущимися сторонами; за кровь убійца отвѣчаетъ также кровью, но иногда дѣло оканчивается, съ согласія Маасума или Кадія или Бековъ, уплатою пени родственникамъ убитаго. Съ денежныхъ взысковъ четвертая часть поступаетъ въ доходъ владѣтелю-судѣ. Маасумъ, Кадіи и Беки не имѣютъ права продавать своихъ подданныхъ, но могутъ отдавать малолѣтнихъ на воспитаніе, по своему усмотрѣнію, сосѣднимъ владѣльцамъ; всѣ подданные обязаны повиноваться своему владѣльцу, и платятъ извѣстный налогъ, изъ котораго исключаются только «пукеры» дворовые люди, духовенство, «чауши» полицейскіе и «сеиды» потомки пророка Мухаммеда.—Духовенство въ Табасаранѣ избирается по народному согласію изъ грамотѣвъ; Кадіи пользуются доходомъ большимъ, нежели Беки; муллы получаютъ отъ жителей десятину пшеницы, изъ сорока барановъ одного, за бракосочетанія, похороны, раздѣлъ наслѣдства послѣ покойныхъ и проч. получаютъ вознагражденіе лошадьми, рогатымъ скотомъ, ослиами, баранами или наконецъ деньгами и разными вещами. Духовенство присутствуетъ въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ имѣетъ сильный голосъ, и принимаетъ участіе въ сраженіяхъ словомъ и дѣломъ. Такимъ образомъ все управленіе Табасарана слагается изъ слѣдующихъ лицъ: владѣльца, муллы и кетхуды, или свѣтской власти, духовной и народной.

Если таковъ Табасаранъ, то что же такое наконецъ Дагестанъ, цѣлое, составленное изъ подобныхъ частей?

Дагестанъ, какъ показываетъ и самое названіе его

«страна горъ», во всё времена былъ жилищемъ враговъ цивилизации, буйныхъ дѣтей природы—Горцевъ, всегда состоялъ изъ разнохарактерныхъ владѣній и обществъ. Толпы народовъ проходили мимо его и по нему, селились здѣсь или уводили съ собой здѣшнихъ жителей, гнали туземцевъ на вершины неприступныхъ горъ, приносили съ собой или похищали отсюда новыя діалекты, распространяли иные нравы, чуждые обычаи, но все же Дагестанъ остался тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ—Дагестаномъ. Мечъ завоевателя не разъ убійственно блеснулъ въ Дагестанѣ, но напрасно Помпей поражалъ Албановъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Дагестанѣ, безуспѣшно Сассаниды строили въ горахъ свои укрѣпленія, бесплодно Надиръ исходилъ съ своей арміей Дагестанъ: Дагестанъ остался все тѣмъ же, чѣмъ онъ и былъ—Дагестаномъ. Только Аравитяне имѣли здѣсь нѣкоторый успѣхъ, потому что они, вмѣстѣ съ покореніемъ Дагестана, посѣяли въ немъ и свою религію, произвели въ нравахъ и обычаяхъ значительное измѣненіе. Однако и ихъ владычество въ Дагестанѣ было непродолжительно и ограничено узкимъ клочкомъ земли; владычество Персіянъ и Турокъ еще менѣе было замѣтно.

Дагестанъ населенъ многочисленными и разногласными племенами: наука не можетъ еще произнести о нихъ никакого приговора, потому что не только не извѣстна рѣчь этихъ племенъ, но даже не извѣстно, сколько языковъ, сколько племенъ обитаютъ въ Дагестанѣ. Словари дагестанскихъ нарѣчій, собранные Г-мъ Клапротомъ, слишкомъ недостаточны и очень скороспѣлы для разрѣшенія вопросовъ ученымъ образомъ: подождемъ матеріаловъ, болѣе добросовѣстно приготовленныхъ, подождемъ, пока Авары и другіе Горцы выскажутъ сами себя, по примѣру нѣкоторыхъ Черкесовъ и Кумыковъ, и тогда только можно будетъ приступить къ сложенію зданія, фундаментомъ котораго ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить словари Г-на Клапрота.

Изъ извѣстныхъ мнѣ племень Дагестана тюркское очень древне въ этомъ краю: Аравитяне вели здѣсь войны уже съ съ тюркскими племенами. По-видимому тюркская раса проникла сюда съ сѣвера Каспійскаго моря, потому что на Югѣ Иранъ постоянно старался отгѣснять Туранъ отъ своихъ границъ. Въ позднѣйшее время тюркское племя проходило на Кавказъ уже съ южной стороны Каспійскаго моря. Такимъ образомъ мы находимъ на сѣверѣ Дагестана Кумыковъ, живущихъ здѣсь съ незапамятной поры, а на Югѣ тюркское население явилось съ Сельджукидами и позднѣе, и какъ племя пришельческое, нигдѣ не образуетъ массы, а разсѣяно по городамъ и селеніямъ.

Что же касается до чисто персидскаго племени, то нѣтъ никакой причины не вѣрить восточнымъ писателямъ, утверждающимъ, что еще Сассаниды переселили въ Дагестанъ многихъ жителей Ирана; только это переселеніе не оставило по себѣ почти никакого слѣда, сколько мнѣ извѣстно: или оно было ничтожно, такъ что утонуло въ разнохарактерной массѣ дагестанскаго народонаселенія, или нашествіе Аравитянъ и походы Монголовъ стерли персидскій характеръ этого переселенія. Позднѣйшіе персидскіе Монархи также выводили поселенцевъ изъ Персіи въ Дагестанъ, но это народонаселеніе удержалось только въ при-каспійскихъ городахъ и въ Ширванѣ, такъ что въ настоящее время въ Дербентѣ, Кубѣ и Баку господствуетъ персидскій характеръ, и стоитъ только выйти за стѣны любого изъ этихъ городовъ, чтобъ встрѣтить иное выраженіе и непохожій характеръ. Тюркская раса большею частью, подобно другимъ Горцамъ, держится суннитскаго обряда устава Шафи, а персидское население привержено къ шиизму. Сердцемъ послѣдняго можно назвать Дербентъ; Баку уже менѣе имѣетъ Шиитовъ.

По-этому при описаніи Дагестана побережные города не должны входить въ общую категорію.

Но какимъ образомъ описывать страну, у которой чуть не каждое селеніе говоритъ своимъ языкомъ, держится своего обычая и не имѣетъ почти никакихъ историческихъ данныхъ? У Дагестана, за исключеніемъ городовъ, есть только одно общее—Исламъ, но и въ этомъ случаѣ какъ ни хлопочи, общаго правила не удержишь въ цѣлости: въ горахъ, на Сѣверѣ, говорятъ, существуетъ язычество. Помнится, есть и еще у Дагестана одна общая черта—дикость, но я не хочу, какъ чужеземецъ, подвергать себя обвиненію въ недоброжелательствѣ къ Дагестану, не хочу говорить объ этомъ самъ, а пусть лучше говоритъ за меня Искендеръ-Мунши, сочинитель красноглазкой исторіи Аббаса Великаго:

«Вообще жители Дагестана, обнаруживающіе качества дикаря, возрастая и находя путь въ дикости нечеловѣческихъ понятій, далеки отъ дороги общительности и пріязни.»

Почти тоже самое писалъ Шамхаль Сурхай-Ханъ къ Персидскому Шаху о своихъ соотечественникахъ: «Дагестанцы только по наружности люди, а на самомъ дѣлѣ они звѣри.»

Надѣюсь, послѣ такихъ доказательствъ я не подвергнусь нареканію за мое личное убѣжденіе въ грубости и звѣрствѣ Дагестанцевъ. Отсутствие городовъ рѣзко подтверждаетъ тоже самое.

Дагестанъ обыкновенно раздѣляютъ на сѣверный, средній и южный, полагая гранью между первымъ и вторымъ рѣку Аварскій Койсу и южную границу Шамхальскихъ владѣній, а между вторымъ и послѣднимъ рѣку Самуръ, но это раздѣленіе искусственное, политическое. Природа не положила никакихъ явныхъ разграничійме-

жду тремя частями Дагестана: какъ сѣверный такъ, и южный пользуются тремя климатами: жаркимъ въ ущельяхъ, умѣреннымъ въ долинахъ и холоднымъ на вершинахъ горъ. Между обитателями трехъ Дагестановъ также нельзя указать различія, которымъ можно бы было разграничить страну: какъ въ сѣверномъ, такъ и въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ живутъ разнородныя племена, туземныя и пришельцы, завоеватели и побѣжденные, и между ними разсѣяно племя тюркское, племя персское и остатки племени арабскаго. Единственное природное отличие Дагестановъ я вижу только въ гористости сѣвернаго Дагестана, въ которомъ находится, по-видимому, горный узелъ, пускающій свои концы по всему Дагестану: подвигаясь къ югу, горы разбѣгаются одна отъ другой на вѣкоторое разстояніе и какъ будто понижаются, такъ что въ южномъ концѣ Дагестана гористость совершенно исчезла на Апшеронскомъ полуостровѣ. Выѣстъ съ раздробленіемъ южныхъ хребтовъ увеличивается масса плодородной земли, и въ этомъ отношеніи сѣверный Дагестанъ далеко уступаетъ южному, а средний какъ будто оправдываетъ свое названіе.—Правильнѣе Дагестанъ долженъ быть раздѣленъ на восточный и западный или приморскій и верхній: первый тянется неширокою полосой по берегу Каспійскаго моря и своимъ характеромъ во всѣхъ отношеніяхъ отличенъ отъ верхняго, идущаго въ глубину горъ.

Не удачнѣе этого выбраны и границы Дагестану: на сѣверѣ и западѣ горныя вязы еще тянутся далеко за предѣлы Дагестана,—во Дагестанѣ «страна горъ» уже кончилась; только на югѣ Муканская степь разстлана у подошвы Дагестано-Ширванскихъ горъ и еще рѣзкая черта восточнаго отрога Кавказскаго хребта прошла по западной окраинѣ Дагестана и высказалась на югѣ нѣсколькими громадными горами. Племенное отношеніе очень

слабо отдѣляетъ Дагестанъ отъ сосѣднихъ народовъ: господствующее населеніе Дагестана—лезгинское, извѣстное еще арабскимъ географамъ подъ именемъ «Лекзи», но между этимъ племенемъ живутъ и многія другія совершенно ему чуждыя, по крайней мѣрѣ столько же чуждыя, какъ и Шапсуги западнаго Кавказа, а главное—лезгинская раса переходитъ за предѣлы Дагестана.

Природа, разсыпавъ щедрою рукою по Дагестану горы, дала ему разнообразіе климатовъ и разнообразіе произведеній земныхъ, съ которыми гармонируетъ разнообразность населенія. Въ хозяйственномъ отношеніи Дагестанъ можетъ служить одною изъ богатѣйшихъ областей: многія выгоды выпали на долю этой страны, которыхъ другія не имѣютъ. Съ восточной стороны Дагестана простирается Каспійское море, представляющее неопѣненный водяной путь въ Персію и въ глубину Россіи. Правда, что Дагестанъ не имѣетъ удобныхъ гаваней, но искусственные молы могутъ современемъ дать безопасное убѣжище кораблямъ въ Дербентѣ и даже въ другомъ мѣстѣ, если дѣятельная промышленность страны оживитъ источники торговаго обмѣна. Что же касается до естественнаго богатства края, то, мнѣ кажется, Г-нъ Неверовскій находится въ заблужденіи относительно дагестанской произрастительности: онъ находитъ сравненіе Дагестана съ Швейцаріей совершенно ложнымъ. Я согласенъ, что Дагестанъ не Швейцарія и Швейцарія не Дагестанъ, но думаю, что въ Дагестанѣ мы имѣемъ свою Сирію. Посмотрите, какъ въ Ливанскихъ горахъ дорожатъ каждымъ клочкомъ земли, какъ искусно устрояютъ тамъ террасы на ребрахъ горъ, во всякомъ случаѣ столь же каменистыхъ, какъ и дагестанскія. Обширное народонаселеніе питается на ливанской почвѣ единственно потому, что оно трудолюбиво и оживляетъ свою дѣятельностію приморскую торговлю Сиріи. Разница климатовъ Сиріи и Даге-

стана не такъ велика, чтобъ могла подорвать справедливость моего сравненія. Пусть дагестанское населеніе немножко попривыкнетъ къ труду, и тогда огромныя экономическія выгоды немедленно обнаружатся. Неужели только одинъ Дербентъ можетъ промышлять мареной и фруктами?

Но я не останавлиюсь на этомъ и разовью свою мысль далѣе: долины Табасарана и приморская полоса Дагестана одни могутъ питать обширное народонаселеніе. Г-нъ Неверовскій утверждаетъ, что въ дагестанскихъ горахъ нѣтъ долинъ, а я собственными глазами видѣлъ огромную долину Табасаранскую, и думаю, что это не единственная въ горахъ долина. Конечно, сѣверный Дагестанъ покрытъ почти сплошными горами, но внутренность его еще не окончательно извѣстна, а въ южномъ Дагестанѣ находится нѣсколько долинъ, изъ числа которыхъ Самурская на берегу моря очень обширна. Умѣренный климатъ Дагестана даетъ возможность разводить здѣсь въ изобиліи фруктовые сады, сѣять сарацинское пшено и табакъ, марену, заниматься шелководствомъ и винодѣліемъ: эти нехитрые источники народнаго богатства находятся здѣсь еще въ дѣтствѣ. Чѣмъ же былъ бы Дагестанъ, если бы съ шелководствомъ онъ соединялъ шелковыя мануфактуры, если бы искусство кузнечнаго производства было обращено не на одно оружіе, если бы промышленность Андійцевъ производила что-нибудь и кромѣ буроковъ, если бы но довольно и этого для процвѣтанія Дагестана. Дагестанскія горы должны быть изслѣдованы тщательно: не одними же клямами онѣ богаты.

Въ настоящее время бѣдность горныхъ жителей Дагестана происходитъ сколько отъ неурядицы страны, столько же и отъ лѣности народонаселенія. Для удовлетворенія жизненныхъ нуждъ Лезгины во множествѣ спускаются съ

горъ на низменные мѣста, гдѣ процвѣтають города, и съ трудомъ отыскиваютъ здѣсь себѣ работу, потому что промышленныя средства страны очень слабо развиты. Но съ усиленіемъ поствѣвъ мѣну и съ развитіемъ этой промышленности съ улучшеніемъ овцеводства и съ расширеніемъ искуснаго хлѣбопашества исчезнетъ нищенство гордаго или восточнаго Дагестана, а промышленныя силы между тѣмъ, споспѣшествуемая морскою торговлею, разовьются въ западномъ. Надобно замѣтить, что населеніе Дагестана въ прошлое время было гораздо значительнѣе, какъ надобно заключать изъ изчисленія городовъ въ Алавіи у древнихъ, да и Аравитяне говорятъ о большей населенности: доставало же всѣмъ и земли и пропитанія! Нынѣ продолжительныя войны обезлюдили страну, такъ что съ удивленіемъ сравниваешь числа въ описаніяхъ Броневскаго и Неверовскаго: не могъ же первый такъ преувеличивать дагестанскую силу, не могъ же и послѣдній безъ всякаго основанія представлять ее столь ничтожною.

Историческая роль Дагестана пока нисколько не завидна: поставленный благоволеніемъ судьбы на пути міроваго движенія народовъ, Дагестанъ постоянно уклонялся отъ участія въ общей дѣятельности и преуспѣяніи, постоянно довольствовался постыднымъ ремесломъ грабительства друзей и недруговъ. Во времена до-историческія Кавказъ служилъ воротами для прохода народовъ съ юга на сѣверъ; потомъ варвары съ Сѣвера стремились на Югъ и Дагестанъ лежалъ на ихъ пути, не разъ служилъ имъ преградой; потомъ проходили по Дагестану завоеватели съ своими ордами съ юга на сѣверъ, а Дагестанъ все оставался неизмѣннымъ своему характеру—сторонился передъ чуждою силою, которой не могъ сломить, а втихомолку продолжать промышленничать на большой дорогѣ. Въ новѣйшее время, по-видимому, иная честь предназначена Дагестану: здоровая и милосердая образованность должна

развиться здѣсь роскошно и отсюда двинутся на югъ по пути, на которомъ доселѣ слышались вопль и плачь народовъ и неистовые крики враговъ мира и образованности!

Если для науки каждое знаніе равно цѣнно, каждое племя равно любезно, то человѣческой мудрости Дагестанъ представляетъ рѣдкое искушеніе: на узкомъ пространствѣ столкнулось почти невѣроятное множество племенъ, другъ другу мало пріязненныхъ и едва-ли родственныхъ, и на каждомъ племени наука, прежде чѣмъ произнесетъ свой велицепріятный судъ, должна, неизбѣжно должна пройти полную гамму свою: трудъ не малый, если припомнимъ все разнообразіе населенія дагестанскаго!

Хотя я и не могу похвалиться даже поверхностнымъ знаніемъ Дагестана, хотя мои изслѣдованія ех professo едва коснулись восточной и наиболѣе извѣстной стороны его, однако я осмѣливаюсь утверждать, что Дагестанъ не такъ мудренъ, какъ до сихъ поръ о немъ думали.

Разберемъ Дагестанъ такъ, какъ онъ есть, а не такъ, какъ онъ представляется.

Каждое изъ племенъ, живущихъ въ Дагестанѣ носитъ свой характеръ какъ физическій, такъ и нравственный. Каково бы ни было число дагестанскихъ самохарактерныхъ племенъ, имъ есть предѣлъ, число ихъ—не легіонъ. По этому смѣшенію языковъ, итогъ которымъ, можетъ быть, скоро будетъ подведенъ, пронеслась сначала сассанидская мысль, но едва-ли послѣ нея уцѣлѣли какіе-нибудь обломки: это было вѣдь очень давно! На всякій случай занимающійся изслѣдованіемъ Дагестана, преимущественно средняго Дагестана, гдѣ проходитъ Нуширванова стѣна, долженъ быть знакомъ съ ученіемъ Зороастра и наблюдать, не сохранились вѣрованія его въ глубинѣ Табасарана.

Конечно изъ всѣхъ народовъ, записавшихъ кровію свое имя на почвѣ дагестанской, Аравитяне, благодаря всесокрушающему варварскому духу своей религіи, оставили самый яркій слѣдъ своего пребыванія въ этомъ краю. Принесенный Аравитянами Алкуранъ донынѣ служитъ основаніемъ дагестанскаго образованія, дагестанской мысли, но надобно умѣть отличать туземное явленіе отъ на-носнаго арабскаго. Не смотря на могущественный фанатизмъ, Аравитяне не могли сдѣлать изъ Дагестана Аравіи, и мусульманская религія, хотя и глубоко пустила свои корни по Дагестану, не возшла здѣсь въ полномъ пвѣтѣ. У племенъ, обращенныхъ въ Исламъ, были свои нравы, свой судъ, свои понятія объ истинномъ,—и вотъ подъ именемъ арабскаго слова «адатъ» обычай, они явились въ общественныхъ отношеніяхъ и при утвержденіи мусульманской религіи въ Дагестанѣ, въ дополненіе того, что было еще не досказано этой религіей или въ замѣнъ того, что неизвѣстно было новообращеннымъ: послѣднее обстоятельство не рѣдко имѣетъ мѣсто, и Горны прибѣгаютъ къ суду по «адату» единственно отъ невѣдѣнія полного мусульманскаго кодекса.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ «обычаевъ» Дагестана должно считать «канлы» мщеніе за кровь. Хотя я и не имѣю положительныхъ доказательствъ о существованіи «канлы» въ этой странѣ до прибытія Аравитянъ, у которыхъ въ степяхъ месть за кровь составляетъ одну изъ священнѣйшихъ обязанностей и сама по себѣ образуетъ обширный кодексъ, однако я думаю, что суровый чужеземный обычай не дошелъ бы въ Дагестанѣ до такого повсемѣстнаго развитія, если бы не существовалъ искони и если бы не былъ совершенно въ духѣ народномъ. Мухаммедъ, не желая раздражать самолюбіе Аравитянъ и колебать основной обычай, внесъ кровомщеніе даже въ Алкуранъ только съ нѣкоторой умѣренностію; мусульман-

скіе законовѣдцы продолжали развивать мысль своего учителя, и вотъ какъ опредѣляетъ уставъ наказанія за убійство Имамъ Шафій, ученію котораго слѣдуетъ Дагеставъ:

1. Умышленное убійство наказывается смертію «кисасъ». Изъ этого исключаются дѣти, сумасшедшіе и слабоумные старики, а также свободные Мусульмане, когда убить невольникъ или данникъ, отцы и господа.

2. Непреднамѣренное и случайное убійство искупаются денежной пеней «дйетъ» и покаяніемъ «кефаретъ»,—а въ непроизвольномъ убійствѣ «кисасъ» или «дйетъ» отдаются на выборъ наслѣдникамъ убитаго.

3. Убійство непредвидѣнное искупается только «дйетомъ».

4. Преслѣдователь убійцы имѣетъ право требовать «кисаса» или принять «дйетъ» или примириться съ убійцей «сульхъ» или простить его совершенно «афвъ».

Такъ какъ этотъ уставъ требуетъ судьи и исполнителя наказаній, а въ Дагеставѣ ни судъ, ни расправа, особливо въ вольныхъ обществахъ, не имѣютъ уважаемыхъ или достаточно сильныхъ представителей, то и право «канлы» слѣдуетъ болышею частію не опредѣленіямъ Шафіи, а туземному «алагу», въ силу котораго кровомщеніе переходитъ съ убійцы на его родственниковъ, чего даже Имамъ Шафій, самый строгій изъ всѣхъ правовѣрныхъ Имамовъ, не допускаетъ.

Нѣкоторые уставы Ислама, не смотря на частыя возгласы духовенства мусульманскаго, не вошли въ употребленіе между Дагестанцами, потому что судьи безсильны для исполненія приговоровъ Ислама. Для примѣра возъ-

мемъ воровство, котораго будто бы, по словамъ Г. Неверовскаго, жители Дагестана чуждаются.

По опредѣленію Имама Шафіи, первое доказанное воровство наказывается отнятіемъ правой горсти и опушеніемъ руки въ кипящую воду; вторичное воровство наказывается отнятіемъ лѣвой ноги, воровство въ третій разъ ведетъ за собою лишеніе лѣвой горсти, а четвертое воровство—лишеніе правой ноги.

Правда, что суровость наказаній за воровство не соблюдается ни въ одной мусульманской державѣ, но у Дагестанцевъ слабость взысканія и шаткость права спокойнаго владѣнія собственностью удивительно какъ не согласуется съ заключеніемъ Г-на Неверовскаго: обокраденный Горецъ вольнаго общества самъ заботится объ отысканіи своей собственности; если удалось ему открыть виновнаго, то онъ долженъ доказать его вину; если судьи признаютъ его доказательства достаточными, то нужно, чтобъ виновный самъ исполнилъ судъ на себѣ, а если онъ найдетъ это излишнимъ или счумѣетъ ловко придаться къ какой-нибудь статьѣ рѣшенія, то прощай вся тяжба! Судьи остаются въ дуракахъ, а обвинитель отправляется съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ: единственнымъ утѣшеніемъ для него служить «общественное мнѣніе», которое въ Дагестанѣ столь же не разсудительно, какъ и на берегахъ Сены, или право возмездія: за украденную лошадь украсть также лошадь, и такъ далѣе, пока не дойдетъ до прославленнаго канлы.

Въ случаѣ же добросовѣстнаго исполненія судейскаго приговора преступникомъ, все наказаніе ограничивается ничтожною пенею и возвращеніемъ вещи.

Еще одно изъ важнѣйшихъ отклоненій въ вольныхъ

обществахъ отъ уставовъ Ислама въ пользу «адата» представляетъ независимость дѣтей отъ родителей, простирающаяся очень часто до буйства, тогда какъ Мухаммедъ сказалъ: «Богъ повелѣваетъ вамъ любовь, уваженіе и благопристойность къ вашимъ родителямъ; берегитесь оказывать имъ презрѣніе; не говорите съ ними никогда иначе, какъ съ почтеніемъ; имѣйте къ нимъ всегда нѣжность и покорность.» Глухи къ этимъ предписаніямъ своего пророка Дагестанцы, и едва сынъ спознаетъ волю Божию, какъ отецъ становится для него постороннимъ человѣкомъ. Иногда звѣрство и самоуправство доходитъ до того, что обычай канлы дѣти распространяютъ на родителей.

При разнообразіи дагестанскаго населенія очень трудно подвести подъ одинъ уровень характеристику Дагестанцевъ; при всемъ томъ едва-ли ошибется тотъ, кто подумаетъ, что Дагестанцы малодушны, что Дагестанцы вѣроломны, что Дагестанцы алчны, наконецъ что Дагестанцы злобны. Изъ этого неутѣшительнаго изчисленія качествъ истаго Горца очень легко вывести заключеніе.

Надобно замѣтить, что во владѣніяхъ вообще больше порядка, чѣмъ въ вольныхъ обществахъ: въ послѣднихъ не существуетъ исполнительной власти, а только одна административная, ясиѣе сказать вольныя общества состоятъ все изъ судей чужихъ поступковъ. По-этому корень «джигада» кроется въ обществахъ, а владѣнія по самому образованію своему менѣе склонны къ джигадѣ и слабо симпатизируютъ обществамъ. О различіи благосостоянія вольныхъ обществъ и владѣній можно судить и по тому, что житель владѣнія не рѣдко забавляетъ себя и пѣсню и лезгинкой, тогда какъ въ вольныхъ обществахъ веселье почти не извѣстно.

Исторія Дагестана, если только когда-нибудь у этой

страны заведется своя исторія, должна представлять любопытное бореиіе разнородныхъ началъ въ слѣдствіе столкновенія разнохарактерныхъ племенъ: въ Дагестанѣ донынѣ находятся всѣ проявленія власти—власть неограниченная, власть ограниченная, власть аристократизма, власть духовенства и власть народная. Если бы я захотѣлъ порыться въ своей памяти, то навѣрное отыскалъ бы въ Дагестанѣ и Палату Депутатовъ. Въ послѣднее время духовенство стремится къ преобладанію и уничтоженію другихъ соперничающихъ властей, изъ которыхъ особенно ему не по нраву власть правителя, центра своихъ владѣній.—Запутанныя и шаткія отношенія однихъ сословій къ другимъ въ различныхъ частяхъ Дагестана съ рѣдкимъ безкорыстіемъ старается уяснить Русское Правительство, и уже права горскихъ дворянъ и подчиненность имъ крестьянъ опредѣлены въ недавнее время. Эти отношенія иногда такъ мудрены, что основываются на отводѣ воды изъ владѣльческаго ручья для поля, какъна примѣръ у Кумыковъ.

Мало заботясь о выборѣ средствъ къ существованію, Дагестанцы нерѣдко служили по найму въ чужихъ войскахъ и проливали свою и вражескую кровь ради денежной прибыли. Жалкое ремесло, едва доставлявшее насущный хлѣбъ, и нерѣдко доводившее до крайности—до-битвѣ съ своимъ же племенемъ! Наемностью извѣстны въ Дагестанѣ Аварцы, Казикумыки или лучше сказать вообще Лезгинны.

Я могъ бы еще очень долго путешествовать фантастически по Дагестану и философствовать надъ его судьбами, если бы Карапетъ, которому, по-видимому, Куба пришлось не по нраву, не явился съ торжественнымъ возгласомъ, что «лошади готовы». Когда я хотѣлъ садиться въ телѣжку, меня поразила ужасная мысль: лошади были такъ худы, какъ только можетъ быть худая почтовая ло-

шадь, и я въ отчаяніи подумалъ, что мнѣ не суждено выѣхать изъ Кубы, что я доѣду много-много до заставы. Но провожавшій меня казакъ увѣрялъ, что то-же самое приходило въ голову и до меня многимъ проезжающимъ, однако всѣ благополучно доѣхали до Вельвелей, первой станціи отъ Кубы къ Баку.

Я повѣрилъ на-слово и выѣхалъ изъ Кубы 15-го Августа.

Кубинскій Армянинъ спимаетъ пять почтовыхъ станцій отъ Кубы къ Баку, и чтобъ избѣжать лишнихъ расходовъ, не держитъ на станціяхъ старостъ, а деньги за всѣ пять станцій беретъ разомъ въ Кубѣ. Такимъ образомъ я совершенно находился въ рукахъ у содержателя лошадей и съ ужасомъ смотрѣлъ въ будущее: ну, что если съ каждой станціей лошади будутъ худѣе? На чемъ же наконецъ я поѣду? . . .

Но меня утѣшалъ русскій ямщикъ, едва-ли не единственный во всемъ Дагестанѣ, и русскій колокольчикъ, заливавшійся подъ дугой: въ Кубинской почтѣ замѣтенъ прогрессъ, она обзавелась уже колокольцами въ укоръ своей сосѣдкѣ дербентской.

Ямщикъ былъ недоволенъ своей участью, жаловался на плохую плату—сорокъ рублей серебромъ, что по здѣшнему краю въ самомъ дѣлѣ мало, однако не вспоминалъ о Сѣверѣ. Видно ужъ общій удѣлъ всѣхъ людей быть недовольными! По крайней мѣрѣ здѣшніе ямщики черезъ чуръ пользуются своей волей, и говорятъ, бывали примѣры, что недовольные своимъ хозяиномъ, они расходились со станціи, а проезжающіе должны были сидѣть у моря и ждать погоды.

Дорога изъ Кубы сначала идетъ между садовъ, а потомъ опять начались пустыри да перелѣски, ручьи да потоки, а вотъ и Вельвели.

Изъ Вельвели меня опять снабдили казакомъ, но на девятой верстѣ я какъ-то задремалъ, а казакъ, чтобъ не мѣшать моему сну, воротился втихомолку домой. Я насколько небезпokoился съ его отсутствiя: времена Муллы-Нура прошли, и теперь въ этомъ краю все спокойно.

Впрочемъ, Мулла-Нуръ былъ страшенъ скорѣе для самихъ разбойниковъ, чѣмъ для странниковъ: это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный въ Дагестанѣ. Постояннымъ театромъ его дѣйствiй было Тенгинское ущелье на дорогѣ изъ Ширвана въ Дагестанъ, на караванномъ пути: Мулла-Нуръ съ своими удалцами разыгрывалъ здѣсь роль скорѣе независимаго владѣтеля, собирающаго таможенную пошлину съ проходящихъ черезъ его землю каравановъ или наказывающаго людей порочныхъ и сребролюбивыхъ, чѣмъ законнаго грабителя и неумолимаго головорѣза. До сихъ поръ вспоминаютъ о немъ безъ неприязни, потому что Мулла-Нуръ въ самомъ дѣлѣ походилъ на рыцаря среднихъ вѣковъ, непризнававшаго правъ общества и дурно понимавшаго права человѣка. По-этому авторъ «русскихъ новѣстей и разсказовъ» несколько не украсилъ характеръ Муллы-Нура, и въ Дербентѣ дѣйствительно до сихъ поръ утверждаютъ, что этотъ храбрецъ средь бѣла дня прѣзжалъ къ бывшему городничему и благотѣлю Дербента Мухарремъ-Беку, взялъ у него взаимны денегъ—и былъ таковъ!

Въ Дагестанѣ только лѣнивый не грабитъ Армявъ. Не такъ поступалъ Мулла-Нуръ: одинъ Армянинъ ѣхалъ съ деньгами и товаромъ изъ Кубы и наткнулся печально на Муллу-Нура. Дагеставскiй рыцарь заглянулъ въ товаръ.

—Эге! Какъ тутъ все богато! Ну, пусть ихъ щеголяютъ себѣ въ городахъ, а мнѣ дай-ка, другъ, простиньку лезгинскую чуху: въ лѣсу живетъ!

Армянинъ ни живой ни мертвый подалъ Мулла-Нуръ простую чуху.

—А деньги есть съ тобой?

—Есть, отвѣчалъ трепещущій Армянинъ.

—Какъ же станемъ ихъ дѣлить?

—Твоя воля.

—А сколько съ тобой? Говори правду.

—Тысячи двѣ.

—Хорошо! Подай ихъ сюда.

Армянинъ вынулъ деньги и мысленно простился съ любезнымъ капиталомъ.

—Сколько захвачу въ руку, столько и мои, сказалъ Мулла-Нуръ обрадованному Армянину, и взялъ всего только десять червонцевъ.

Когда Мулла-Нуръ не имѣлъ надобности въ деньгахъ, онъ не требовалъ ничего у проѣзжающихъ. Бакинскій negociantъ Айвазовъ, человѣкъ очень зажиточный, рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды былъ остановленъ Мулло-Нуромъ.

—Куда ты ѣдешь? спросилъ Мулла.

—Въ Баку.

—Развѣ не боишься ѣхать тамъ, гдѣ гуляетъ Мулла-Нуръ?

—Чего мнѣ бояться? Я дурнаго ничего не слѣзаль!

—Хорошъ отвѣтъ, сказалъ Мулла-Нуръ и ускакалъ.

Дагестанъ, по примѣру Востока, любитъ ко всякому событію прикладывать свою собственную печать: въ Дагестанѣ говорятъ, будто у Муллы-Нура была подруга жизни столь же храбрая, какъ и онъ самъ, и что она не разъ управлялась съ купеческими караванами. Для чести прекраснаго пола, я не хочу этому вѣрить.

Изъ числа потоковъ, впадающихъ въ море, между Вельвели и Девичи или выражаясь по-русски между «Крикомъ» и «Верблюдчикомъ» стоитъ замѣтить Шабранъ: городъ этого же имени на берегу Каспійскаго моря упоминается арабскими географами, и еще Гмелинъ говорилъ о его остаткахъ. Черезъ рѣчку Шабранъ былъ устроенъ Шахомъ Надиромъ, въ одинъ изъ его походовъ въ Дагестанъ, каменный мостъ, нынѣ не существующій.

Отѣхавъ отъ Девичи верстъ десять я вспомнилъ, что Кубинскій мой знакомый Аббасъ Кули много говорилъ мнѣ объ Аланской стѣнѣ, будто бы проходившей между Девичемъ и Кизиль-буруномъ. И было ужъ время вспомнить это: я находился у рѣчки Гильгенъ, какъ разъ на мѣстѣ Аланской стѣны.

Не смотря на то, что во все время пребыванія въ Кубѣ я старался разузнать Аббасъ Кули и убѣдить его, что «Бабъ-эль Аланъ» ворота Аланскія и «Калъа эль Аланъ» крѣпость Аланъ были во внутренности горъ, а не на берегу моря, какъ ясно видно изъ словъ Табари и другихъ писателей, кубинскій ученый никакъ не хотѣлъ отказаться отъ своего предубѣжденія. Невольно потрясенный архе-

ологическимъ любопытствомъ, я слѣзъ съ тележки и отправился на поискъ Аланской стѣны.

Дѣйствительно по лѣвому берегу Гилгена тянулся обводный ровъ и незначительная насыпь вправо отъ большой дороги; перейдя Гилгенъ на правой рукѣ находится оставленный небольшой караванъ-сарай, а кверху въ гору тянутся остатки стѣны со ровомъ, скрывающіеся въ горахъ земли, въ отдаленіи же къ морю на-лѣво отъ дороги виднѣются какія-то развалины.

Кладка стѣны изъ мелкаго кирпича уже ничтожностью своей постройки обнаруживаетъ повѣйшую эпоху, а рассматривая ее внимательно находишь мало различія отъ сосѣдняго караванъ-сарая. Можетъ быть на этомъ мѣстѣ существовало какое-нибудь укрѣпленіе во времени Сефавидовъ, но не ранѣе. Море здѣсь довольно близко отъ горъ и поэтому образуется свой проходъ, который это укрѣпленіе и закрывало.

Аббасъ Кули утверждаетъ совсѣмъ не то, а вотъ что: Аланская или Алгонская стѣна на правомъ берегу рѣчки Гилгена въ Шабранскомъ магальѣ построена Исфендіаромъ, воздѣлована Нуширваномъ; она идетъ отъ моря на деревню Алыханлю, можетъ быть Алган-лу, на «Чирагъ-каля» крѣпость-свѣтлыиикъ, такъ названную оттого, что здѣсь зажигались сторожевые огни, потомъ подымается выше Кунакента и идетъ къ «Баба-дагу» горѣ-дѣдушкѣ.

Я предоставляю рѣшеніе этого вопроса будущимъ странствователямъ: я не имѣлъ времени побывать въ горахъ и провѣрить извѣстіе Аббасъ Кули, но все же думаю, что Аланскія ворота и крѣпость Аланская не здѣсь, а слѣдовательно нѣтъ здѣсь и

Но вотъ я и на Кизиль-бурунской станціи. Горы сближаются мало по малу съ моремъ, и дорога отъ Кизиль-буруна идетъ почти по самой закраинѣ моря, такъ что шумъ валовъ заглушаетъ скрипъ и стукотню почтовой тележки. Горные потоки уже очень рѣдко встрѣчаются на пути, и я какъ будто приближаюсь къ иной странѣ, въ которой природа скуднѣе и грустнѣе. Не задолго до Хизръ-зипдѣнской станціи я переѣхалъ рѣчку Ата-чай: это ужъ Битъ знаетъ которая на моей дорогѣ со времени выѣзда изъ Кубы, но я не хочу паводить свой путевой дневникъ дагестанскими ручьями.

Въ Хизръ-зипдѣ собственно станціи не существуетъ, а существуетъ только караванъ-сарай, въ которомъ помѣщается казачій постъ и почтовые лошади.

Прямо передъ караванъ сараемъ Хизръ-зипдѣ возвышается къ 3. странной фигуры гора, которую я завидѣлъ еще верстѣ за двадцать, еще до станціи Кизиль-бурунской. Удивительная форма горы, какъ будто выскочившей изъ земли въ видѣ нѣсколькихъ остreeвъ, дала туземцамъ идею назвать ее «Бешъ-бармакъ» пяти-палечье. Подъ этимъ именемъ она описана у всѣхъ путешественниковъ, проѣзжавшихъ по здѣшнему краю.

—Какая эта необыкновенная гора Бешъ-бармакъ! сказалъ я казачьему офицеру, стоявшему здѣсь съ своимъ отрядомъ.

—Бешъ-бармакъ? Вы вѣрно хотите сказать Шайтан-ка?

—Я говорю Бешъ-бармакъ.

—Здѣсь такой нѣтъ.

—А это что же такое?

—Это Шайтанка.

Я сослался на Гмелина, а офицеръ на всѣхъ казаковъ и ямщиковъ, которые находились на станціи.

Я вынулъ путешествіе Гмелина и показалъ офицеру некрасивый рисунокъ Бешъ-бармака.

Офицеръ позвалъ всѣхъ своихъ свидѣтелей, которые единогласно подтвердили, что я стою передъ Шайтанкой.

Я снялъ видъ горы и подписалъ: Бешъ-бармакъ.

Офицеръ что-то пробормоталъ и ушелъ.

Въ послѣдствіи времени я узналъ, что офицеръ былъ правъ и я правъ: туземцы называютъ гору Бешъ-бармакомъ, а Русскіе Шайтанкой, и послѣднее названіе мало по малу вытѣсняетъ первое, такъ что въ Баку уже не многіе знаютъ о Бешъ-бармакѣ.

Фармація Бешъ-бармака была представляема естествоиспытателями различно: Г-нъ Ленцъ говоритъ, что гора образована изъ твердаго известковаго камня. Высота горы незначительна, не болѣе 500 тоазовъ.— Олеарій и Гмелинъ говорятъ о ней съ большою подробностью, а я здѣсь пробылъ нѣсколько минутъ: время приближалось къ ночи, и мнѣ хотѣлось за-свѣтло добраться до какого-нибудь ночлега получше караванъ-сарая.

Караванъ-сарай Хизръ-зиндэ или это мѣсто получило названіе отъ очень страннаго преданія, столь же страннаго, какъ и образованіе горы Шайтанки: Персіане говорятъ, будто бы здѣсь скрывался «Хизръ зиндэ» (вѣчно) живой Хизръ, переводимый у насъ Иліей. Это преданіе здѣшнее доморошенное перешло даже къ Армянамъ, но въ Персіи и другихъ мусульманскихъ земляхъ не извѣстно.

Въ караванъ-сараѣ Хизръ-зиндинскомъ Гмелинъ отыскалъ имя Кемпфера и Лерха, а я не могъ найти даже имени Гмелина, а видѣлъ надъ дверьми внутри зданія 1196 (1781—1782) годъ, время обновленія этого караванъ-сарая.

Сзади меня въ горахъ собиралась буря, и я спѣшилъ ускорить отъ нея: въ открытой телѣжкѣ не весело встрѣчаться лицомъ къ лицу съ горными бурями.

Около слѣдующей станціи Калязинской находятся остатки деревни «Аджи-Булакъ» горькаго потока. Вѣрно жители не выдержали своей горькой рѣчки и ушли на другое мѣсто. Вообще здѣсь горныхъ ручьевъ уже нѣтъ и хорошая вода рѣдкость.

Гонимый страхомъ бури, я несся во мракѣ ночи, который увеличивали набѣгавшія тучи, къ Сумгаитской станціи, гдѣ находится пріютъ для пріѣзжающихъ. Эхо моей скачки раздавалось въ перед-бурной тишинѣ природы: испуганные обитатели здѣшнихъ пустынныхъ береговъ—змѣи кидались въ разныя стороны и не разъ прыгали подъ ногами лошадей и вокругъ моей телѣжки, но я все скакалъ. Лошадь подъ моимъ провожатымъ казакомъ споткнулась и сѣдокъ упалъ на землю, но я все скакалъ.

—Сколько верстъ осталось?

—Потерпи мало!

Но вотъ окрестность облило пламенемъ, такъ что глазамъ стало больно, море закипѣло огненными искрами, по полю пронесся свистъ, лошади озарились.

—Близко-ли?

—Потерпи мало!

Страшный ударъ грома потрясъ горы, небо, землю, море: я будто оглохъ, лошади рванулись—но телѣжка стояла уже у воротъ станціоннаго дома.

Теперь буря могла яриться, сколько ей угодно: я скрылся въ комнатѣ для пробѣжающихъ и подъ грохотъ грома заснулъ спокойно. Чегожъ дѣлать? Читатели лишились высокопарнаго описанія горной бури и удивительныхъ приключеній странствователя, но какой путешественникъ не дорожитъ своей особой болѣе, чѣмъ тучностью дорожнаго дневника?

Рано утромъ лошади и самоваръ для меня были уже готовы. Станціонный смотритель, все время жаловавшійся на незначительность проѣзда, кончилъ свою элегію тѣмъ, что взялъ съ меня за самоваръ чудовищную плату.

—Видно эта страна мало перемѣнялась со временъ Гмелина, сказалъ я, припомнивъ жалобы почтеннаго герлтера на жадность Персіанъ, бравшихъ съ него за все втри-дорога.

—Не могу знать: я здѣсь еще не давно, отвѣчалъ наивно мой хозяинъ.

Отправляясь изъ Сумгаита я замѣтилъ, что, не смотря на яркое солнце и обновленіе природы послѣ бури, здѣшній край очень бѣденъ: почва сухая, желтая, будто въ водянкѣ, а воды, между тѣмъ, нѣтъ нигдѣ. Ни листочка, ни кусточка: лишь камни да колючки, вотъ картина здѣшней почвы. Это ужъ не Дагестанъ съ своимъ приморскимъ черноземомъ!

У Сумгаита протекаетъ рѣчка тоже Сумгаитъ или Сугайтъ, что по-тюркски значитъ «вода возвращается» такое названіе дано ей будто бы потому, что въ ней вода въ жары высыхаетъ, а послѣ дождей является. Одинъ изъ бакинскихъ остряковъ увѣряетъ, что Алахъ, недовольный плутнями его соотечественниковъ, повелѣлъ, чтобъ «вода воротилась» и не шла въ Баку. По-моему одно толкованіе стоитъ другаго. Нѣкоторые принимаютъ Сугаитъ за древнюю Соану.

Дорога отъ Сумгаита идетъ по волнистымъ холмамъ очень дурная: ближе къ Баку часто встрѣчались мнѣ верблюды, а около самаго города находится подземный караванъ-сарай съ громкимъ эхомъ.

16-го Августа въ 10 часовъ по полуночи городъ Баку принялъ меня въ свои каменные объятія.

V.

ОТЪ БАКУ ДО САЛЪНА.

Si les feux de Bakou et toutes les particularités qui les accompagnent avaient été visités par des physiciens observateurs et des chimistes habiles, on aurait depuis longtemps conçu l'idée d'appliquer le gaz à l'éclairage, tel qu'il existe des nos jours.

Gamba, Voyage dans la Russie Mérid. II, p. 302.

Въ Баку мнѣ посчастливилось съ перваго же шагу: на житье отданъ былъ цѣлый домъ, нанимаемый подъ квартиру для пріѣзжающихъ чиновниковъ и на ту пору

никѣмъ не занятый. Этотъ домъ принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ къ числу лучшихъ домовъ въ Баку; онъ очень просторенъ, но для меня онъ былъ безцѣленъ, потому что занимаетъ одно изъ удобнѣйшихъ мѣстъ: съ одной стороны близъ него возвышается покинутый дворецъ бакійскихъ правителей, а съ другой изъ оконъ открывается обширная панорама Бакинскаго залива и Апшеронскаго полуострова съ загадочными неугасимыми огнями. Днемъ въ пору сіесты я любовался голубыми волнами пристани, на которыхъ качались игривыя суда, наблюдалъ съ высоты нравы Бакинцевъ въ ихъ дворахъ и узкихъ улицахъ и обѣгалъ въ зрительную трубу широкую окрестность, начиная съ городской «дѣвичьей башни» и оканчивая Шейховымъ мысомъ; ночью меня занимало отдаленное сіяніе неугасимыхъ огней на Апшеронскомъ полуостровѣ. Если вамъ, благосклонный читатель, доведется когда-нибудь посѣтить Баку—отчего и не посѣтить такой интересный и гостепріимный городъ?—рекомендую вамъ домъ, въ которомъ я останавливался: лучшей квартиры нечего и искать!

Въ тотъ же день я познакомился съ уѣзднымъ начальникомъ К. И. Бученомъ и съ Комендантомъ Н. Я. Коржинскимъ, которые приняли самое теплое участіе въ моихъ будущихъ трудахъ на пользу оріентальнаго знанія. Благодаря этому участію, которое рѣдко встрѣчается на жизненномъ пути, я вскорѣ сидѣлъ за уроками въ татарскомъ нарѣчіи персидскаго языка съ самымъ краснорѣчивѣйшимъ Татомъ, какого только могъ отыскать въ цѣломъ бакинскомъ уѣздѣ Г-нъ Бученъ.

Пока я занимаюсь изученіемъ Татаръ для пользы оріентальнаго знанія, не угодно-ли вамъ на всякій случай познакомиться съ городомъ Баку: я узналъ его въ мѣсячное пребываніе довольно подробно и могу служить, безъ хвастовства, хорошимъ чичероне.

Объ основаніи города Баку можно сказать то же самое, что и о большей части городовъ на бѣломъ свѣтѣ: время построенія точнымъ образомъ неизвѣстно. Но ради Аллаха, не спрашивайте объ этомъ туземцевъ, иначе вы должны будете выслушать широко-выщательное сказаніе объ основаніи этого города Аристотелемъ, переродившимся на Востокѣ въ «Аристу»: подобную повѣсть для дѣтей я слышалъ отъ одного изъ самыхъ ученѣйшихъ мullah бакинскихъ.

Древніе писатели ничего не говорятъ прямо о городѣ Баку, и по-этому я позволяю себѣ думать, что Баку тогда еще не существовалъ; можетъ быть на мѣстѣ Баку и стоялъ въ древности какой-нибудь городъ, только подъ другимъ именемъ: это предположеніе основательно только въ такомъ случаѣ, если очеркъ морскаго берега въ древности былъ одинаковъ съ нынѣшнимъ; потому что бакинский рейдъ и удобство сухопутнаго сообщенія необходимо должны были привлечь народонаселеніе къ этому краю. Въ этомъ случаѣ имѣютъ достаточную вѣроятность предположенія тѣхъ, которыя видятъ въ Баку древнюю Гетару или Баруку или даже пожалуй Албану.

Неизвѣстно, существовало-ли какое поселеніе на мѣстѣ Баку во время владычества Сассанидовъ; надобно полагать, что выгоды мѣстности не могли оставаться безплодно при такомъ развитіи гражданственности, какое существовало въ сассанидской монархіи. Какъ бы то ни было, первое несомнѣнное извѣстіе о Баку мы находимъ у арабскихъ географовъ. Масуди говоритъ о Баку и его огняхъ, только не объясняетъ подробнымъ образомъ, существовалъ-ли въ его время городъ на этомъ мѣстѣ; Истахри также говоритъ только о нефти въ Баку, но Закерія Казвини и другіе говорятъ уже о городѣ Баку. Съ особенною подробностью описываетъ его здѣшній уроженецъ Бакуви, получившій прозваніе по своей родинѣ.

Такимъ образомъ основаніе вліянія Баку можно отнести ко времени распространенія арабскаго владычества въ Дагестанѣ или не много ранѣе.

При Аравитянахъ Баку, вѣроятно, составлялъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ: Дербендіада говоритъ, что Халифъ Могамедъ въ 272 (885-886) году отдалъ, особенымъ указомъ, доходы съ бакинскихъ нефтяныхъ и соляныхъ промысловъ жителямъ Дербента, для чего и былъ опредѣленъ надсмотрщикъ Мухаммедъ ибнъ Аммаръ, который ежегодно раздавалъ доходы дербентскимъ солдатамъ.

По мѣстоположенію своему Баку связанный близкими выгодами съ Ширваномъ, долженъ былъ раздѣлять его участь: при ослабленіи арабскаго владычества въ Дагестанѣ, Баку поступилъ подъ власть Ширванъ-шаговъ, за преданность которымъ пострадалъ при нашествіи Тохтамыша, чеканившаго въ Баку свою монету. При нападеніи на Ширванъ Исмаила Сефи жители Баку, надеясь на крѣпость стѣнъ, не хотѣли измѣнить Ширванъ-шагамъ: Исмаиль приказалъ своимъ Генераламъ Мухаммедъ Эліасу и Игуръ Аалю взять Баку, которые и осадили городъ, но осада шла медленно. Весной явился самъ Исмаиль и стѣснилъ городъ съ такимъ рвеніемъ, что жители принуждены были сдаться: городскія власти вышли изъ крѣпости «съ оружіемъ въ рукахъ и съ саванами на выѣ». Хуляса-бекъ получилъ отъ Исмаила повѣленіе забрать въ крѣпости казну Ширванъ-шаговъ и доставить ее въ лагерь; онъ взялъ съ собой знатныхъ Бакинцевъ, и въ присутствіи ихъ овладѣлъ казной, которую вмѣстѣ съ дарами жителей отпраздновалъ къ Исмаилу. Такъ какъ Ширваншаги находились во враждѣ съ предками Исмаила, то, пользуясь правомъ побѣдителя, персидскій завоеватель приказалъ что называется на Востокъ «осквернить гробы

ихъ отцовъ» и сровнять съ землей зданіе Ширванъ-шаговъ. Послѣ чего Исмаиль «отыде во свояси».

Ширванъ-шагъ Шейхъ Ибрагимъ II не исполнилъ въ точности своихъ обязательствъ Исмаилу Сефи, и персидскій завоеватель 1309 года вступилъ опять въ Ширванъ и направилъ свой путь къ Баку, правитель котораго здаль ему городъ: Баку поступалъ въ число владѣній персидскихъ.

Съ паденіемъ персидскаго владычества въ Ширванѣ, Османы овладѣли всей страной: Баку былъ укрѣпленъ Мустафой Пашей и образовалъ особенный санджакъ. Персіане, не хотѣвшіе уступить даромъ Ширвана, отбѣснали Османовъ и крымскихъ Татаръ въ Дагестанъ и Дербентъ, а назначенный беглербеемъ Ширванскимъ Сельманъ Ханъ осадилъ Баку, вторично укрѣпленную Османомъ Пашей. Восемнадцать дней продолжалась осада, но недостатокъ продовольствія въ опустошенномъ войнами Ширванѣ принудилъ Персіанъ отступить безъ всякаго успѣха. Обезсиленная Персія предлагала Россіи въ 1589 году взять у Турковъ въ вѣчное владѣніе Баку и Дербентъ, но я уже говорилъ въ исторіи Дербента, что это предложеніе не имѣло успѣха.

При завоеваніи Ширвана шахомъ Аббасомъ I шіитское народонаселеніе Баку, всегда пріязненное Персіи, какъ одновѣрной державѣ, составило противъ Турокъ, во время осады Аббасомъ Шемахи, заговоръ, который былъ открытъ Турками, но заговорщики напали открытою силою на ничтожный турецкій гарнизонъ, перебили его и отправили головы убитыхъ къ Шаху. Аббасъ пожаловалъ заговорщикамъ все имуществу убитыхъ враговъ и назначилъ въ Баку коменданта: городъ опять поступалъ подъ власть Персіанъ и былъ значительно исправленъ Шахомъ Аббасомъ II Сефи. Въ 1683 году Кемпферъ посѣтилъ Баку.

Во время смутъ въ Персіи жители Баку сначала отдавались подъ покровительство Петра Великаго, во время прибытія его въ Дагестанъ, но потомъ отказались, потому что бакинскій правитель находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ возмутителемъ Даудъ Бекѣмъ. Въ 1723 году Генераль-Маіоръ Матюшкинъ посланъ съ эскадрой въ Баку: послѣ четырехъ-дневнаго бомбандированія городъ сдался, правитель смѣненъ, а на мѣсто его назначенъ бывшій гарнизонный начальникъ Дергагъ-кули бекъ, переименованный въ Ханы. Но вскорѣ и онъ оказался измѣнникомъ, за что и былъ отрѣшенъ отъ должности, а Баку до 1735 года управлялся русскими комендантами.

По заключеніи ганджинскаго мира Баку поступилъ опять во власть Персіи и Надиръ поставилъ здѣсь своего правителя. По смерти Надира бакинскимъ правителемъ сдѣлался одинъ изъ его вельможъ Мирза Мухаммедъ Ханъ, которому наслѣдовалъ сынъ его Меликъ Мухаммедъ Ханъ, принужденный Фетхъ Али Ханомъ кубинскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, признать его власть, платить дань и принимать участіе въ его походахъ. Въ одномъ изъ нихъ Меликъ Ханъ едва не сдѣлался жертвою ярости Акушинцевъ, избившихъ Аварскаго Хана съ его свитой: спасенный приближенными Фетхъ Али Хана, онъ былъ осажденъ въ Баку, послѣ пораженія кевдушанскаго, Усмѣмъ Эмиръ Хамзой, но крѣпкія стѣны не выдали его. Усмій, опустошивъ часть Бакинскаго ханства, отступилъ къ Дербенту. Въ 1779 году Меликъ Ханъ наложилъ арестъ на бывшихъ въ Баку русскихъ купцовъ и ихъ товары за то, что захваченные Лезгинами изъ Баку два мальчика были проданы въ Астрахань, и только по возвращеніи Генераломъ Якоби одного изъ нихъ сложилъ запрещеніе. По смерти Меликъ Мухаммедъ Хана наслѣдовалъ юный сынъ его Мирза Мухаммедъ Ханъ, у котораго вскорѣ отнялъ престолъ дядя его Мухаммедъ Кули Ханъ: Мирза Мухаммедъ бѣжалъ въ Кубу, гдѣ и ос-

тался, хотя Шейхъ Али Ханъ дербентскій и старался о возвращеніи ему законнаго владѣнія. Кубинскій мой знакомый Аббасъ Кули-Хановъ происходитъ отъ этого изложеннаго бакинскаго владѣтеля.

Послѣднимъ бакинскимъ Ханомъ былъ Хюсейнъ Кули Ханъ, имя громкое въ лѣтописяхъ злодѣяній. Онъ въ 1796 присягнулъ на вѣрноподданство Россіи, и посылая въ С. Петербургъ пословъ въ то же время сносился тайно съ Персіей, угнеталъ и грабилъ русскихъ купцовъ, и только при явленіи военнаго судна передъ Баку въ 1800 году рѣшился удовлетворить обиженныхъ. Но вскорѣ дурная природа взяла свое, и бакинскій Ханъ вновь принялся за несправедливости и жестокость: не видя ни малѣйшаго исправленія, Князь Циціановъ, имя славное въ лѣтописяхъ Кавказа, послалъ въ 1803 году отрядъ въ Баку и приказалъ осадить городъ, но осада и блокада не имѣли успѣха, потому что на помощь Баку явился коварный Шейхъ Али Ханъ дербентскій и Сурхай Казикумыскій: русскій отрядъ удался, но потомъ по приказанію Князя Циціанова снова осадилъ Баку, а вскорѣ и самъ Князь Циціановъ явился къ отряду. Лучше бы ему не быть здѣсь! Коварный Хюсейнъ Кули Ханъ просилъ личнаго свиданія съ Главнокомандующимъ подъ стѣнами города для врученія городскихъ ключей: великодушный Циціановъ явился на мѣсто свиданія и былъ измѣннически убитъ 6 Февраля 1806 года. Передъ кончиной герой написалъ слово прощенія своему убійцѣ: таковъ былъ этотъ мощный характеръ!

Въ томъ же году Хюсейнъ Кули Ханъ удался съ своимъ семействомъ и приверженцами въ главный персидскій лагерь у Сальяна, а Генералъ Булгаковъ взялъ Баку и навсегда присоединилъ къ Россійской Имперіи.

Въ послѣднюю персидскую компанію, Баку, близкій

къ персидскимъ границамъ, былъ осажденъ въ 1826 году персидскимъ двухъ-тысячнымъ отрядомъ, а съ моря гр. бная флотилія персидская пресѣкла сообщенія, но въ Ноябрь персидскія войска разошлись и Баку освободился отъ блокады. Бывшій бакинскій Ханъ Хюсейнъ Кули тцетно искалъ связей въ Баку и старался возстановить противъ Россіи Дезгинъ: лишенный всякой надежды онъ долженъ былъ удалиться въ Персію.

Вотъ и вся исторія города Баку: не много въ ней фактовъ, еще менѣе въ ней поучительнаго, а между тѣмъ на совѣсти мусульманскаго Баку лежитъ тяжкое, неслухное смертоубійство!

Всѣмъ извѣстно, что Баку лежитъ на Каспійскомъ морѣ, но не всѣ знаютъ, отчего этотъ городъ получилъ свое наименованіе. Каково бы ни было первоначальное восточное его названіе, во всякомъ случаѣ оно имѣло поводомъ обиліе вѣтровъ въ Бакинскомъ заливѣ, отчего происходятъ и новѣйшее названіе, утвердившееся между Персіянами, «Бадкубъ» собраніе вѣтровъ.

Городъ Баку лежитъ подъ $40^{\circ} 21' 26''$ С. Ш. и $67^{\circ} 30'$ В. Д. отъ Ферро; западное уклоненіе компаса $3^{\circ} 54' 4''$. Мѣстность города могла бы назваться очень живописной, если бы на этомъ мѣстѣ стоялъ не Баку. Онъ расположенъ по закраинѣ бакинскаго залива на невысокомъ холмѣ, постепенно поднимающемся къ морю. Прочь отъ меня соблазнительная мысль о чудномъ «Семихолмномъ градѣ» на берегахъ Босфора, но я не могу не объявить во всебѣдніе, что, по приѣздѣ въ Бендеръ Буширъ на Персидскомъ заливѣ, мнѣ, не знаю почему, пришелъ въ голову Баку, хотя я и не могу сказать, чтобы между этими двумя городами было много общаго. Впрочемъ, мѣстности обоихъ довольно сходны и даже отчасти строеніе, но болѣе ничего.

Нечего и говорить о томъ, что Баку городъ совершенно восточный, что здѣсь въ самой превосходной степени все на-выворотъ: дома построены большею частію изъ нетесаннаго камня съ глиной, съ отлично плоскими кровлями, поставлены другъ къ другу задомъ безъ всякой субординаціи, а улицы до того узки и до того перепутаны, что, проживя въ Баку мѣсяцъ, я не зналъ, входя въ какую-нибудь улицу, выйду-ли изъ нея. Для большого безпорядка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются неправильныя площади: улицы выются по скатамъ холма, на которомъ построенъ Баку, а площади-пустыри большею частію находятся внизу. Какъ безпристрастный описыватель, я могу рекомендовать въ Баку только одну улицу, которая неизвѣстными въ геометріи линіями идетъ отъ шемахинскихъ воротъ и пересѣкаетъ почти весь городъ въ направленіи къ морю, ту самую улицу, по которой я любилъ гулять вечерней порой при свѣтѣ яркихъ бакинскихъ звѣздъ.

Нельзя сказать, чтобъ въ Баку всѣ дома были равно безобразны: напротивъ, есть дома очень невзрачные, есть дома развалины, но есть и красивые дома. Послѣднихъ, къ сожалѣнію, очень не много. Красота бакинскихъ домовъ не бросается въ глаза, по самой простой причинѣ: снаружи почти всѣ дома одинаковы, но внутри они отдѣланы съ большею тщательностію, а другіе и совсѣмъ не отдѣланы. Приморское положеніе и торговля оживляютъ городъ и даютъ жителямъ средства къ извѣстной роскоши, на счетъ которой, однако, Востокъ имѣетъ свои понятія: снаружи ничего не должно быть кромѣ голыхъ стѣнъ, а внутри можно свободно предаваться влеченіямъ фантазіи. Такъ думаетъ Востокъ, и въ слѣдствіе этого Бакинцы, усердные подражатели персидскихъ понятій, отдѣлываютъ, кому позволяютъ средства, внутренность домовъ въ персидскомъ вкусѣ. Въ этомъ случаѣ главную роль играетъ залъ съ расписнымъ потолокомъ, съ золото-

лестрыми карнизами, съ коврами на полу и съ сплошными стеклянными окнами вмѣсто стѣнъ съ трехъ сторонъ. Не сулите Бакинцу рай, а дайте ему такой покой: больше ему ничего не нужно!

Бакинская крѣпость обведена съ суши двумя стѣнами съ бастіонами и рвомъ, а съ моря одной стѣной, имѣетъ подъемный мостъ и хорошо защищена, только съ Ю. З. стороны возвышаются холмы, господствующіе надъ городомъ. Меньшая или фособрейная стѣна построена до владычества Турокъ въ Дагестанѣ и мѣстами разрушилась; главная же выведена по приказанію Мустафы Паша, а Русскими исправлена и улучшена; она высока, прочно и широко сложена. Во рву съ З. стороны течетъ ручей, а между первой и второй стѣной также проходитъ ручей съ бассейнами. Бастіоны принадлежатъ къ числу русскихъ работъ.

Бакинская крѣпость имѣетъ съ суши двое воротъ съ сторожевыми бастіонами: шемахинскія съ С. В. стороны, черезъ которыя я въѣхалъ въ Баку, и горныя съ Ю. З. стороны, черезъ которыя я ходилъ на бакинское кладбище. Съ приморской стороны находится нѣсколько малыхъ выходовъ, а желающіе могутъ проходить прямо и черезъ стѣну: этотъ путь я однажды испыталъ.

Прежде, чѣмъ я выведу васъ за городъ, позвольте познакомить васъ со всѣмъ, что находится въ городѣ.

Ргімо: въ Баку есть общество, притомъ юное общество, какъ будто въ противоположность старымъ развалинамъ. Изъ при-каспійскихъ городовъ это самый веселый: наѣзды моряковъ, начальникъ которыхъ М. М. Боровъ живетъ здѣсь постоянно и постоянно по четвергамъ собираетъ у себя все бакинское общество, оживляютъ соціальную дѣятельность, центрами которой служатъ уѣздный начальникъ и

комендантъ. Правда, что въ Баку нѣтъ русскихъ помѣщиковъ, что все общество состоитъ изъ служаннхъ, но служба не мѣшаетъ собираться вечеркомъ вмѣстѣ и отдыхать отъ жизненныхъ заботъ въ дружеской бесѣдѣ. Зимой здѣсь бывають благородныя собранія, въ которыхъ иной разъ мазурка составляетъ въ восемнадцать паръ, а для Закавказья это неслыханная роскошь! Да что еще я слышала: будто бы изъ Шемахи, губернскаго города, люди очень достойные прїѣзжаютъ повеселиться въ Баку. Съ Астраханью Баку находится въ самыхъ залушевыхъ отношеніяхъ, потому что большая часть супружескихъ узъ Баку заключены въ Астрахани. Я не могу писать идиалій, перо мое не такъ очищено, но я съ признательностью вспоминаю о бакинскихъ жителяхъ, хотя я прибылъ въ Баку въ злую минуту—когда въ управленіи происходила реформа, имѣвшая, разумѣется, влияние и на общество. Какъ человѣку постороннему, мнѣ не было дѣла до того, что одна власть прогуливалась по городу виноквнто, будто Гарунъ-Эррашидъ, за тѣмъ, чтобы подмѣнить несправедливости другой власти: мнѣ было приятно въ Баку—вотъ и все!

Купечество въ Баку большею частью состоитъ изъ Мусульманъ: участіе въ русскомъ обществѣ принимаютъ только военные мусульманскіе, а изъ купцовъ Армянинъ Т. И. Айвазовъ.

Для публичной жизни въ Баку нѣтъ ничего, кромѣ общественнаго сада, въ которомъ единственное развлеченіе доставляетъ скромный тюлень, обигающій въ садкѣ, а отъ зною и любопытныхъ взоровъ не гдѣ укрыться: всего одна грѣшная аллея. Впрочемъ, въ саду почти никогда не видно никого, а гуляютъ болѣе по форштату.

Безъ всякаго спора одинъ изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ въ Баку Шахскій дворецъ или лучше ска-

затѣ развалины дворца, занимающія вершину холма, на которомъ разостланъ Баку. Это зданіе довольно пострадало отъ времени, а еще болѣе отъ лѣности человѣка, который, чтобъ много не трудиться, беретъ отсюда камни на постройку дряннаго домишка и безъ стыда разрушаетъ древность.

Дворецъ занимаетъ въ длину болѣе двадцати сажень и состоитъ изъ многихъ частей, какъ видно на прилагаемомъ планѣ. Все зданіе построено изъ ракушняго известняка: довольно большіе камни обгесаны очень гладко и такъ плотно сложены, что не замѣтно сводокъ или швовъ. Къ главному корпусу, фасадъ котораго, если только есть фасадъ у мусульманскихъ домовъ, обращенъ на З. къ горамъ, примыкаютъ сзади и слѣва, по-видимому, позднѣйшія и менѣе изящныя пристройки, которыя цѣлымъ этажемъ ниже корпуса, выстроеннаго въ три этажа: отъ заднихъ пристроекъ остаются одни слѣды, и едва-ли здѣсь не проходила почти прямой линіей восточная стѣна, отъ которой уцѣлѣли на Ю. В. красивыя ворота, нынѣ до половины засыпанныя пескомъ. Главный корпусъ, имѣющій въ двухъ этажахъ болѣе сорока комнатъ различной величины, составлялъ «андерунъ» внутренніе покои, въ которыхъ бакинскій владѣтель вмѣстѣ съ своими женами тѣшили взоръ созерцаніемъ далекаго горизонта въ Бакинскомъ заливѣ и Апшеронскомъ полуостровѣ: для этого служила комната съ стрельчатымъ сводомъ въ срединѣ зданія, выдававшаяся кіоскомъ на Востокъ. Передъ фасадомъ дворца находится дворъ, съ котораго красивымъ сводомъ ведетъ главный входъ по срединѣ корпуса во внутренній аудіенцъ-залъ восьмиугольной формы съ легкимъ куполомъ. Въ другихъ комнатахъ также вѣроятно были куполы, но нынѣ уцѣлѣло только два. Кровли уже не существуетъ, она вся упала; стѣны въ верхнемъ этажѣ также болѣею частью обвалились, и нижній этажъ, въ которомъ, по-видимому, находились конюшни и погреба,

потому что здѣсь нѣтъ оконъ, почти совершенно засыпанъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продѣланы новые входы, въ другихъ задѣланы старыя, окна изуродованы или закладены, лѣстницы полуразрушены, внутренней отдѣлки нѣтъ и слѣдовъ: вотъ въ какомъ плачевномъ положеніи я засталъ бакинскій дворецъ, въ которомъ, вѣроятно въ урокъ суетности человѣческой, обитаютъ теперь огромныя свиньи, безкорыстно трудящіяся надъ расчискою нижнихъ комнатъ!

Изъ пристройки на лѣвой сторонѣ существуетъ небольшой домашній ходъ въ шахскую мечеть, находящуюся противъ дворца только черезъ улицу.

Правая сторона составляла собственно наружный отдѣлъ, открытый для всѣхъ подданныхъ: здѣсь на небольшомъ дворѣ, который окруженъ, по восточному обычаю, небольшимъ навѣсомъ съ колоннами и арками, возвышается одно изъ лучшихъ произведеній мусульманской архитектуры—«диванъ ханъ» аудіенцъ-залъ, въ которомъ бакинскій правитель рѣшалъ важныя дѣла, являлся своимъ вельможамъ въ праздники и принималъ торжественно пословъ. Залъ обведенъ галереей съ гранеными колоннами и арабскими сводами: подъ каждымъ изъ нихъ находится окно этой восьмиугольной комнаты, сидя въ которой правитель былъ видимъ взорамъ всѣхъ придворныхъ, стоявшихъ на дворѣ вокругъ галерей. По срединѣ зала, вѣроятно, былъ фонтанъ, не рѣдко прохлаждавшій возмущеннаго гнѣвомъ правителя. Главный входъ съ высокимъ разукрашеннымъ фасадомъ, въ которомъ углубляется арабскій сводъ, исчезающій въ мелкихъ арабескахъ, находится съ западной стороны: этотъ входъ какъ будто снятъ съ самой лучшей арабской мечети Каира и волшебною силою только вчера перенесенъ сюда: такъ въ немъ все свѣжо и все изящно! Ходъ во дворецъ находится въ южной стѣнѣ и ведетъ на главный внутренній дворъ, а ворота

на дворъ диванъ-ханэ находятся съ З. стороны: къ нимъ идетъ съ улицы дорога, поднимающаяся на холмъ.

Я чувствую, что читатель уже утомленъ описаніемъ бакинскаго дворца, а я далеко еще не рассказалъ всѣхъ его красотъ: для сокращенія описанія прилагаю здѣсь рисунки, представляющіе фасадъ дворца съ внутренняго двора, заднюю часть дворца съ изящными воротами и диванъ-ханэ съ главнымъ входомъ.

Люди, мало знакомые съ восточною архитектурою, предполагаютъ, что диванъ-ханэ не диванъ-ханэ, а баня! Другіе, воображеніе которыхъ привыкло ко всему чудесному, видятъ въ проводѣ воды для фонтана въ залѣ страшную комнату пытки, въ которой бакинскій правитель исповѣдывалъ совѣсть своихъ подданныхъ. Это уже верхъ незнанія Востока!

Мнѣ говорили еще о подземномъ ходѣ изъ дворца къ «дѣвичьей башнѣ» и за городскія стѣны, но я не могу сказать до какой степени это справедливо.

Къ З. отъ дворца внизу находится по срединѣ обширнаго двора Шахская мечеть, очень красивое квадратное зданіе съ высокимъ куполомъ и изящнымъ входомъ, совершенно похожимъ на главный входъ въ диванъ-ханэ: надъ этимъ входомъ красуется рѣзный стихъ мусульманскаго символа. Съ лѣвой стороны двора находится другая мечеть съ персидскимъ минаретомъ, вокругъ котораго вѣется арабская надпись, объясняющая, что эти зданія воздвигнуты Ширванъ-шагомъ Ибрагимъ Халиль улюй Феррухъ Есаръ Оглу, правившимъ въ Ширванѣ съ 1462 года по 1500. Построеніе дворца также принадлежитъ ему (въ 1491 г.) по народному свѣдѣнію и совершенному сходству двухъ зданій: другихъ доказательствъ на это не имѣется. Вѣроятно дворецъ опустѣлъ со времени паденія

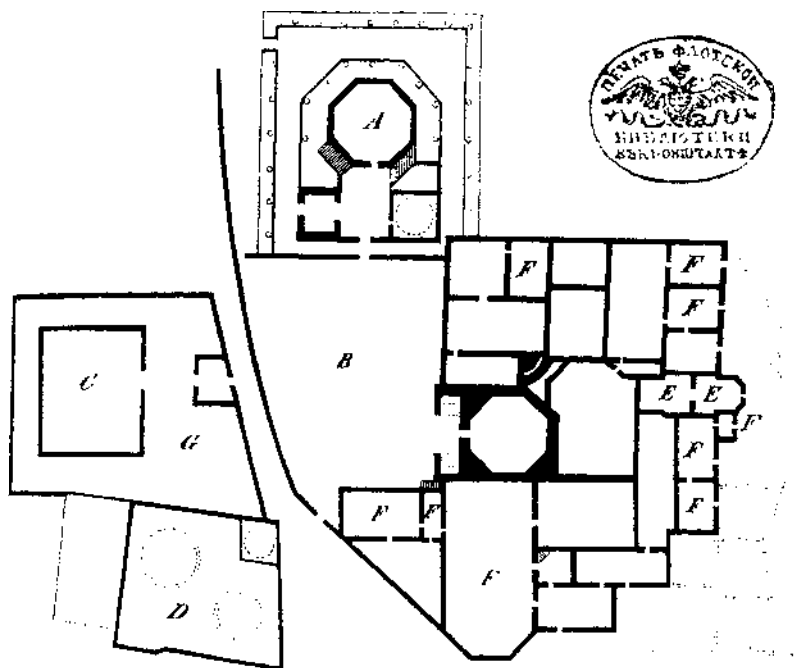
Ширванъ-шаговъ или лучше сказать со времени взятія Баку Шахомъ Исмаиломъ, врагомъ этой династїи, не пощадившимъ даже ея могилъ: Бакинскіе Ханы жили въ зданїи, которое нынѣ занимаетъ комендантъ. Надъ входомъ въ диванъ-хаузъ находится замазанная известью надпись; можетъ быть въ ней заключается «тарихъ» время построенія дворца, чего, впрочемъ, я не предполагаю: скорѣе тутъ окажется какое-нибудь благочестивое изреченіе.

Бакинскій дворецъ, по прочности матеріала и искусству стройки, принадлежитъ къ лучшимъ памятникамъ мусульманской архитектуры: въ цѣлой Персіи, всѣ дворцы которой построены изъ мелкаго кирпича, не существуетъ подобнаго зданія, хотя оно по величинѣ и далеко уступаетъ дворцамъ Испаганскимъ или Тегеранскимъ, изящность же и массивность работы едва-ли будутъ не на сторонѣ бакинскаго зданія. Я душевно печалюсь за будущность, которая угрожаетъ обиталищу Ширванъ-шаговъ: не много нужно времени для того, чтобъ весь дворецъ исчезъ отъ набѣговъ маленькихъ бакинскихъ корсаровъ, которые даже балластъ на суда берутъ отсюда; исправленный онъ могъ бы служить превосходнымъ помѣщеніемъ на случай прїѣзда Высочайшихъ гостей. Притомъ же это былъ бы единственный въ своемъ родѣ восточный дворецъ въ прелѣлахъ Россіи, передъ которымъ бакчасарайскій не стоить даже названія лачужки, а о дворцѣ въ Нухѣ нечего и поминать!

Въ Шахской мечети нынѣ помѣщается артиллерійскій арсеналъ.

Едва-ли не древнѣе Шахскаго дворца старинная цилиндрическая башня, возвышающаяся на углу гавани, внутри городской стѣны: она сложена изъ твердаго ракушчаго известняка, въ діаметрѣ имѣетъ 8 сажень, а въ

ПЛАНЪ ШАХСКАГО ДВОРЦА ВЪ ЗАКУ.

A. Диванъ-Ханя. B. Дворъ. C. Шахская мечеть. D. Мечеть съ минаретомъ. H. Засыпанные ворота.	E. Комнаты, съ стрельчатыми сводами. F. Комнаты съ куполомъ. G. Дворъ мечети шахской.

вышину 20; внутри ея находится лѣстница, а сбоку примыкаетъ выходъ къ сторонѣ моря. Это зданіе приходитъ въ упадокъ и даже грозитъ паденіемъ, но исправить его нѣтъ возможности: скорѣе можно выстроить новую башню, чѣмъ поправить прежнюю.

Бакинцы называютъ эту башню «Кызъ-каляси» дѣвчья башня, и повторяютъ о ней исторію, которую въ Персіи прилагаютъ ко всѣмъ неизвѣстнымъ башнямъ. Этотъ мифъ совершенно оріенталенъ: какой-то царь влюбился въ свою дочь, а дочь упросила его выстроить для свиданій башню, гдѣ и скрылась отъ преслѣдованій отца. Безъ всякаго сомнѣнія эта сказка очень древняя, и событіе, если только когда-нибудь было подобное событіе, надобно отнести къ временамъ Сассанидовъ, не ранѣе. Въ Константинополь есть своя Кызъ-каляси съ иной исторіей.

Устраняя преданіе, совершенно не идущее къ дѣлу, я думаю, что эта башня служила сторожевою для наблюденія надъ приближающимися судами и для защиты города: построеніе ея я отношу къ тѣмъ временамъ, когда на Каспійскомъ морѣ пиратствовали Руссы, о наѣздахъ которыхъ на Берду рассказываетъ арабскій географъ Масуди.

На вершинѣ башня, съ которой когда-то стерегли нашествіе Руссовъ, развѣвается нынѣ Русское знамя. Съ террасы видъ на гавань и на городъ очень живописенъ: корабли съ распущенными парусами бѣгутъ по рейду, цвѣтные флаги вѣютъ на мачтахъ многочисленныхъ судовъ, качающихся на волнахъ у стѣнъ городскихъ; на пристани шумъ и говоръ разныхъ языковъ не умолкаютъ, на базарѣ кипитъ дѣятельность торговли и ремесла. Изъ Шахскаго дворца панорама еще обшириѣе, видъ еще разнообразнѣе.

Изъ замѣчательностей внутри города стоитъ еще упо-

мянуть о сборной мечети. Конечно бакинская, мечеть уступает дербентской во всѣхъ отношеніяхъ, даже по древности, и снаружи почти ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ домовъ, спускъ въ нее ведетъ будто въ подвалъ, потому что она построена на отлогомъ мѣстѣ близъ базара, но внутреннее устройство достойно вниманія людей странствующихъ. Главный залъ съ остроконечнымъ куполомъ отдѣланъ внутри разноцвѣтными арабесками въ персидскомъ вкусѣ: къ нему примыкають подземные мрачные своды, которые особенно эффектны въ ночную пору при слабомъ мерцаніи лампадъ. Въ одномъ изъ отдѣлений находится амвонъ съ арками, освѣщаемый широкимъ отверстіемъ въ куполѣ: мнѣ онъ такъ понравился, что я срисовалъ его для собственнаго употребленія.

Нѣкоторые приписываютъ сборную мечеть Шаху Аббасу Великому, но исторіографъ его Искендеръ Муиши ничего объ этомъ не говоритъ, а потому я заключаю съ нѣкоторою справедливостью, что сборная бакинская мечеть построена украсителемъ города Ширванъ-шахомъ Феррухъ Есаръ Оглу. Въ настоящее время мечеть уже существуетъ въ иномъ видѣ: она была обновлена и передѣлана. Любопытно сравненіе этой мечети съ дербентской: въ ней тотчасъ же обнаруживается персидскій характеръ, тогда какъ дербентская мечеть соответствуетъ арабскимъ архитектурнымъ понятіямъ. Пространный трактатъ о мусульманской архитектурѣ предстоитъ вамъ, благосклонный читатель, впереди, когда я доберусь до Каира.

Въ Баку мечетей много, но съ минаретами только три: шахская, сборная и еще одна. Всѣ минареты построены въ персидскомъ вкусѣ: круглы, тяжелы, не высоки и покрыты плоскимъ куполомъ.

Больше нечего сказать о древностяхъ внутри крѣпости, но базаръ такого торговаго города какъ Баку, нельзя

пропустить безъ вниманія: онъ расположенъ въ нижней части города къ морю, набитъ персидскими, астраханскими и туземными произведеніями, полонъ разными ремесленниками по восточному заведенію, и обширнѣе и дѣятельнѣе дербентскаго; здѣсь встрѣчается европейскихъ товаровъ больше чѣмъ въ Дербентѣ. Этимъ оканчивается все различіе двухъ базаровъ: запахъ и смрадъ на обоихъ одинаковы.

Чтобъ освѣжиться и сбросить съ себя тяжелое впечатлѣніе безмолвныхъ руинъ, выйдемъ-те изъ шемахинскихъ воротъ: прямо передъ нами находится форштатъ, въ которомъ больше простору, чѣмъ въ городѣ, улицы широкія, дома не въ развалинахъ, изрѣдка украшены садами, но и сюда проникла меркантильность: въ форштатѣ лавокъ едва-ли не столько же, сколько и домовъ. Онъ преимущественно служитъ пристанищемъ каравановъ и прѣзжихъ: верблюды и ослы занимаютъ обширныя площади форштата.

Гмелинъ говоритъ о развалинахъ стариннаго Баку въ этой сторонѣ, о ханскомъ загородномъ домѣ и объ укрѣпленномъ замкѣ: нынѣ ничего этого уже не существуетъ; время и люди все истребили. За то къ С. отъ Баку построено очень благотѣльное учрежденіе—карантинъ: во время моего пребыванія въ карантинѣ очинились три судна. Къ западу и югу отъ Баку тянутся высокіе холмы каменистые и безплодные; на нихъ въ сторонѣ горныхъ воротъ расположено бакинское кладбище, на которомъ я не нашелъ ничего древняго. Бакинскіе любители старины увѣрили меня, будто бы на здѣшнемъ кладбищѣ былъ камень неизвѣстно куда исчезнувшій, съ надписью «это могила покойнаго Хаджи Исмаила, 54 года,» что на нашъ счетъ составляетъ 673 годъ: только любители древностей и могутъ вѣрить такой баснѣ! Для сильнѣйшаго пораженія скептиковъ, эти же археологи утверждаютъ, что

въ деревнѣ Кугне Бильге на Апшеронскомъ полуостровѣ находятся надписи X, XI и XII столѣтій, извѣщающія почтеннѣйшую публику, что здѣсь останавливались за непогодой мазандеранскіе купцы, плывшіе съ товаромъ въ Астрахань.

Съ южной стороны городъ Баку почти живописенъ, а потому я и постарался снять отсюда его видъ: дома въ странномъ безпорядкѣ поднимаются одни надъ другими, а надъ всѣмъ городомъ господствуетъ Шахскій дворецъ, обломанныя стѣны котораго обозначились на горизонтѣ; рядомъ съ нимъ возвышается минаретъ шахской мечети, въ срединѣ города еще стоитъ минаретъ, далѣе минаретъ сборной мечети, а на уголъ къ морю выдвинулась массивная «дѣвичья башня.»

Бакинская гавань составляетъ настоящее золотое дно для города; на западномъ берегу Каспійскаго моря это почти лучшая гавань по своей безопасности, а по другимъ выгодамъ она не имѣетъ себѣ соперницы на этомъ берегу: Баку расположенъ на торговомъ перепутьи изъ Персіи въ Волгу и удобно сообщается съ Ширваномъ, Закавказьемъ и Дагестаномъ. Берега Бакинскаго залива приглубы, такъ что суда могутъ становиться у самой суши: слабость иловатаго грунта и порывистые измѣнчивые вѣтры составляютъ единственное неудобство бакинскаго рейда, открытаго во всѣ времена года.

Торговый балансъ въ Баку для Россіи не выгоденъ: ввозъ товаровъ изъ-за границы почти вдвое превышаетъ вывозъ. Это происходитъ отъ различія потребностей Востока съ нашими, а преимущественно отъ обилія англійскихъ мануфактуръ въ Персіи, такъ что Россія едва имѣетъ что продавать въ обмѣнъ привозимыхъ товаровъ. Изъ Баку вывозится за границу преимущественно нефть, соль, шафранъ и металлическія издѣлія, шелкъ-сырецъ,

шелковыя издѣлія, сушеные фрукты и хлѣбъ. Торговля собственно съ Россіей состоитъ въ привозѣ красныхъ товаровъ, сахару, чаю, мѣди, желѣза, строеваго лѣсу, и въ вывозѣ хлопчатой бумаги, марены, мягкой рухляди и чернильных орѣшковъ. Круглымъ счетомъ въ годъ приходитъ на бакинскій рейдъ изъ Россіи и Персіи около 200 судовъ и немного болѣе отходить.

Самымъ выгоднымъ товаромъ въ торговлѣ съ Россіей Бакинцы считаютъ пушныя, но въ послѣднее время мѣха въ вывозѣ вздорожали; очень выгодна тайная покупка у рыбопромышленниковъ рыбнаго клею, которая приноситъ ровно $\frac{1}{2}$, но это принадлежитъ къ контрабандѣ. Торговля шелкомъ вообще упала, потому что шелку требовалось въ Россію мало; шемахинскій шелкъ продается пудъ по шестидесяти рублей серебромъ, а Гилянскій отъ 350 до 500 руб. ассиг. Привозъ сарацинскаго пшена такъ усилился, что многіе терпятъ отъ него убытокъ.

Со времени моего отъѣзда изъ Дагестана послѣдовали значительныя перемѣны въ таможенномъ устройствѣ въ Баку, и потому я не буду много говорить о бакинской торговлѣ, но не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о бакинской контрабандѣ.

Самый употребительный способъ контрабандныхъ промысловъ состоитъ въ томъ, что судно останавливается у Шейхова мыса, складываетъ тутъ контрабанду, и потомъ, какъ ни въ чемъ не виновное, является въ карантинъ. По увѣренію людей свѣдущихъ контрабанда въ Баку очень незначительна: промышленники ей люди бѣдные, товары проскакиваютъ мимо таможи не больше какъ рублей на десять серебромъ въ разъ.

Къ числу дешевыхъ контрабандъ въ Баку принадлежатъ сердолики и разныя камни, ограненныя для серегъ,

табакерокъ, и проч. На бакинскомъ базарѣ можно купить ихъ сколько душѣ угодно за ничтожную цѣну, только этотъ товаръ дальше Баку не идетъ.

Бакинская таможня помѣщалась при мнѣ въ наемномъ домѣ внутри города, а проходящіе черезъ таможенно товары сваливались въ наемномъ караванъ-сараѣ; для общаго таможеннаго помѣщенія отстраивается обширное и прекрасное зданіе, которое будетъ служить украшеніемъ города.

Съ учрежденіемъ пароходства на Каспійскомъ морѣ, съ направленіемъ транзитной торговли изъ Персіи въ Баку и съ открытіемъ русскихъ торговыхъ компаній за Кавказомъ можно надѣяться, что торговый балансъ Баку представить утѣшительный результатъ.

Въ Баку большую часть купечества составляютъ мусульманскіе туземцы. Для морской торговли строятся здѣсь туземцами же незавидныя суда, называемыя «бакинками» доски для судовъ доставляются изъ Астрахани. Постройка судна, поднимающаго пять тысячъ пудовъ, обходится въ Баку въ 2,250 руб. сер., что для каспійскаго судоходства не дорого.

Но для путешественника бакинская гавань замѣчательна не удобствомъ своимъ, не многочисленностью толпящихся въ ней судовъ, не любопытными явленіями торговой дѣятельности: чудо неслыханное, диво не виданное составляютъ зданія, какъ будто только вчера опустившіяся на дно гавани, а между тѣмъ ни древность, ни ученые, ни преданіе, никто не скажетъ вамъ когда и какъ потонули эти зданія.

Конечно, одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ въ Баку былъ сдѣланъ этимъ почтеннымъ диковицамъ. Въ

лодкѣ Г-на Айвазова я отправился въ одинъ прекрасный полдень по Бакинскому заливу, и черезъ триста саженъ плаванія на Ю. В. мой корабль остановился: передо мной возвышалось на аршинъ отъ морской скатерти каменное зданіе, по постройкѣ своей имѣющее явное родство съ дѣвичьей башней. Стая баклановъ поднялась съ этой руины, а большая змѣя, наслаждавшаяся солнечной теплотой, шипя скрылась въ расщелины. Я осмотрѣлъ внимательно зданіе и нашелъ, что формою своей оно похоже и на башню и на караванъ-сарай, но болѣе на первую: сомнѣніе мое происходитъ отъ того, что форма зданія видна очень не далеко, и о фундаментѣ и нижнихъ этажахъ нельзя сказать ничего. Кругомъ этого зданія находятся на пространствѣ восьми саженъ въ ширину и сорока въ длину потопленныя строенія и все это на глубинѣ едва-ли полоторыхъ саженъ. Эти постройки, по-видимому, состояли въ связи съ дѣвичьей башней, потому что отъ нея въ направленіи къ Ю. открыта стѣна.

Удивительный случай: зданія потоплены съ незапамятной поры и ничего о нихъ не извѣстно. Какое обширное поле для шаловливой фантазіи, и между тѣмъ бакинскіе туземцы не воспользовались этимъ полемъ и молчатъ, упорно молчатъ о потопленномъ строеніи. Такъ какъ бакинскимъ археологамъ не угодно взять на себя трудъ растолкованія этого страннаго феномена, то я рѣшаюсь выступить съ своимъ сужденіемъ, которое, признаюсь, болѣе будетъ основываться на отсутствіи историческихъ данныхъ, чѣмъ на ихъ существованіи.

Знаменитый арабскій географъ Масуди, посѣтившій Закавказье между 917 и 926 годомъ и знавшій эту страну довольно основательно, знавшій даже о физическихъ феноменахъ бакинской почвы, ничего не говоритъ о потопленіи развалинъ въ морѣ, хотя и пишетъ о Закавказьи довольно подробно; текстъ Истархи, по-видимому, сокра-

щенный, также не упоминаетъ о подобномъ событіи, но у Бакуви мы уже находимъ довольно ясное на него указаніе. Вотъ что пишетъ этотъ арабскій географъ начала XV столѣтія.

«Бакуйз. Длина 84° 30' ширина 39° 30'. Городъ, выстроенный изъ камня, на берегу моря Хазарскаго, въ странѣ Дербентской близъ Ширвана: онъ омывается моремъ, которое покрыло теперь часть башенъ и стѣнъ и дошло уже до мечети.»

Кажется, нельзя сомнѣваться, что Бакуви говорить о томъ самомъ строеніи, которое находится теперь подъ водой въ бакинской гавани. Да иначе и объяснить себѣ нельзя, потому что Масуди ничего объ этомъ стремленіи моря не говоритъ, а если бы потопленіе случилось послѣ Бакуви, то время событія сдѣлалось бы извѣстно если не по книгамъ, такъ изъ преданія.

На основаніи этой шаткой гипотезы я отваживаюсь думать, что потопленіе бакинскихъ строеній произошло между X и XIII вѣкомъ нашей эры; еслибъ оно было позже XIII столѣтія, то Бакуви, какъ первый наслѣдникъ преданія, означилъ бы эпоху событія. Изъ словъ Гмелина видно, что еще въ его время существовали остатки стараго Баку: значить городъ не разъ перемѣнялъ свое мѣсто, не разъ перестраивался. Можетъ быть во время Бакуви городъ занималъ и не нынѣшнее его мѣсто, но это нисколько не измѣняетъ значенія словъ Бакуви, а также нельзя требовать точнаго указанія на мечеть, о которой говоритъ этотъ писатель. Можно предполагать, что въ означенную мною эпоху вулканическое явленіе, въ этомъ краю не рѣдкое, опустило дно морское, а съ нимъ вмѣстѣ и часть городского строенія, современнаго дѣвичьей башнѣ: устрешенные жители убралась подальше отъ опаснаго сосѣда, но потомъ спокойствіе почвы и соблазнъ

торговыхъ барышей подвинули Баку ближе къ морю на нынѣшнее его мѣсто.

Это моя гипотеза, противъ которой, однако, я не вижу никакихъ возраженій.

Бакинцы о потопленныхъ зданіяхъ говорятъ, что это остатки города Сабанля, и пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, непременно скажутъ:

—Это не чудо. Вотъ на дорогѣ къ Сальяну находится истинно «удивительное-необыкновенное»: потопленъ въ морѣ цѣлый городъ «Шагри-юнанъ» греческій городъ.

—Неужели?

—Отрѣзанная правда, душа моя!

И при этомъ, не ожидая дальнѣйшихъ распросовъ, услужливый Бакинецъ, которому частыя торговыя сношенія развязали языкъ, начинаетъ повѣствовать можетъ быть въ сотый разъ исторію, которую я расскажу здѣсь въ первый и послѣдній:

Греческій городъ «Шагри-юнанъ» стоялъ подъ горой, на которой жилъ въ пещерѣ мудрецъ «Ифлятувъ» Платонъ—да помилуетъ его Аллахъ!—и училъ людей уму-разуму; въ числѣ его учениковъ находился «Аристу» Аристотель, бывший основатель Баку. Искендеръ выпросилъ себѣ Аристу у Ифлятува въ Везири; разумеется, попавши изъ учениковъ философіи, что равняется ученику третьяго класса въ нашихъ семинаріяхъ, прямо въ Министры, да еще можетъ быть въ Министры иностранныхъ дѣлъ, Аристу возгордился и поссорился съ своимъ наставникомъ, а такъ какъ онъ еще разумѣлъ кое-что изъ прежней мудрости, то вскорѣ изобрѣлъ составъ, истребляющій зем-

лю, и безъ всякаго состраданія окатилъ имъ гору, гдѣ обиталъ его учитель. И гора, и Шагри-юнанъ опустилась, море покрыло ихъ своими волнами, а Ифлятушъ, какъ я полагаю, послѣ такого казуса удалился въ Баку и едва-ли это не онъ самъ рассказывалъ мнѣ такое странное происшествіе, какого даже не случалось и по провіантской части.

По словамъ одного почтеннаго Бакинца Хаджи-бабы, не того, который ѣздилъ изъ Персіи въ Лондонъ, а бакинскаго Хаджи-бабы, Шагри-юнанъ простирается въ морѣ—это Хаджи-баба видѣлъ своими собственными, а не чужими глазами—на цѣлый фарсахъ или вѣмецкую милю, въ разстояніи сорока верстъ отъ берега, на пути изъ Баку въ Сальянъ между Нефтяной Банкой и Погорѣлой плитой, Хаджи-баба очень ясно видѣлъ своими собственными, а не чужими глазами цѣлыя улицы, при нихъ дома и даже башню, очень похожую на ту, которая находится подъ водою въ бакинской газани. Нѣкоторые утверждаютъ, будто бы тутъ даже есть арабскія надписи, но Хаджи-баба клянется «вашей головой», что надписей никакихъ нѣтъ.

Покойный Аббасъ Кули Хановъ просилъ Главнокомандующаго Грузіей о розысканіи потопленныхъ остатковъ Шагри-юнана. По просьбѣ его два брига въ 1840 году на пути изъ Сары въ Астрахань обследовали прибрежное пространство, озваченное Аббасъ Кули Хановымъ и ничего не нашли.

Впрочемъ, все это нисколько не уничтожаетъ извѣстія о потонувшемъ городѣ между Баку и Сальяномъ, тѣмъ болѣе, что и Г-ну Эйхвальду, во время плаванія его по Каспійскому морю, встрѣтилась около Аншерона подводная стѣна. Въ этихъ случаяхъ надобно различать два явленія: вулканическое и . . . и . . . неизвѣстное. Первое

опустило дно морское въ Бакинскомъ заливѣ, такъ что зданія, бывшія на сушѣ, очутились въ морѣ, и отъ материка отдѣлились острова Наргенъ и Вульфъ. Второе явленіе, причина котораго до сихъ поръ не понятна, замѣтно на всемъ морѣ, и въ слѣдствіе его уровень морской то повышается, то понижается, такъ что городъ Баку то стоитъ въ морѣ, то въ вѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Въ мое время городская стѣна удалялась отъ моря большею частию сажени на четыре, а во время Бакуви море стояло высоко.

Острова Бакинскіе, къ числу которыхъ должно причислить и тѣ, которые находятся у Аншеронскаго полуострова, представляютъ много примѣчательнаго. Изъ нихъ островъ Наргенъ, находящійся при вхоdѣ въ Бакинскій заливъ, соединялся прежде съ Шейховымъ мысомъ: по нему идутъ слѣды арубныхъ колесъ въ направленіи къ этому мысу, и глубина моря между островомъ Наргеномъ и материкомъ не очень значительна. На островѣ Жиломъ, лежащемъ въ 17 верстахъ къ В. отъ Аншерона, говорятъ, также есть слѣды арубъ и замѣтно потопленное строеніе: будто бы этотъ островъ служилъ притономъ С. Разива, отчего и получилъ названіе. Почва этого острова признается плодороднѣйшею въ бакинскомъ уѣздѣ: здѣсь растетъ дикая пшеница, свевъ и дикій виноградъ и видны слѣды замашекъ и садовъ, а на берегу находится щелочной минеральный ключъ. На Жиломъ островѣ предполагаютъ выстроить маякъ, но для большей безопасности плаванія необходимо имѣть маякъ и на Святомъ.

Кругъ моихъ познаній о Баку не ограничивается однимъ городомъ: я могу кое-что сказать и объ уѣздѣ бакинскомъ. Доказательства на лицо, и прошу вниманія: дѣло идетъ все на цифрахъ.

Бакинскій уѣздъ занимаетъ холмистое, безводное про-

странство на берегу Каспійскаго моря: южныя оконечности Кавказскихъ горъ черезъ Ширванъ врываються въ бакинскую провинцію и песчано-известковыми или глинистыми волнами стелются по ней, но не волнами оплодотворяющихъ рѣкъ. Въ цѣлой провинціи только одна рѣчка Сугаитъ, о которой въ порядочномъ путешествіи стыдно и упоминать. Холмы совершенно безлѣсны; сухая почва проникнута солью и нефтью, отчего и самая вода большею частію солона, однако, съ помощію морской влажности, наносимой вѣтрами, въ бакинскомъ уѣздѣ иногда бываетъ удивительный урожай: Шемахинскія горы останавливаютъ, на пользу бакинской провинціи, несущіеся съ моря восточныя вѣтры. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ въ бакинской провинціи было достаточно хлѣба: значительное количество привознаго хлѣба ясно говорить противное.

Недостатокъ воды очень опутителенъ; жители рѣдко роютъ колоды, а довольствуются большею частію солоноватой или дождевой, и только въ избранныхъ мѣстахъ имѣются родники прѣсной воды. Городъ Баку пользуется хорошою водою изъ шахскаго колодца, въ которой проведена вода по подземному пути изъ родника за четыре версты отъ города, дурная же вода находится и въ другихъ городскихъ колодцахъ. Не разъ думали пособить этому горю введеніемъ артезіанскихъ колодцевъ, но господствующее мнѣніе въ Баку находитъ ихъ невозможными въ этой странѣ. На Апшеронскомъ полуостровѣ къ Ю. отъ огней подозрѣваютъ подземный бассейнъ прѣсной воды: здѣсь находится много колодцевъ съ хорошей водой, и даже, когда пробьютъ каменный пластъ, прѣсная вода бьетъ вверхъ фонтаномъ.

Въ этомъ бассейнѣ замѣтно быстрое теченіе какъ въ рѣкѣ; ближе къ морю вода нѣсколько солона, но не чувствуется присутствіе нефти. Если все это справедливо, то Апшеронскій полуостровъ можетъ быть наводненъ прѣсной водой.

Почва бакинскаго уѣзда обнаруживаетъ непрерывные слѣды вулканизма: это замѣтно по частымъ землетрясеніямъ и огненнымъ изверженіямъ, во многихъ мѣстахъ видны илестыя поля, вулканы, извергающіе жидкую грязь, и настоящіе илестые вулканы или псевдо-вулканы, иногда же слышна подземная пустота. Присутствіе соли, обнаруживающееся соляными озерами, солоноватостью родниковъ и солоноватымъ вкусомъ многихъ растений, не препятствовало бы плодородію почвы, если бы въ бакинскомъ уѣздѣ нашлось довольно прѣсной воды для орошенія полей: доказательствомъ тому служить урожай пшеницы, иногда доходящій до 40.

Бакинская провинція извѣстна за здоровую по своему климату, жаркому и сухому; въ Августѣ, благополучномъ мѣсяцѣ пребыванія моего въ Баку, начинаются уже прохладные вечера, настоящая отрада души послѣ дневнаго зноя. Дожди бываютъ здѣсь рѣдко, за то иногда льетъ будто изъ ведра, хотя и на короткое время.

Земледѣліе въ бакинской провинціи находится въ хорошемъ состояніи: особенно оно усилилось въ послѣднее время, когда выгоды, доставляемыя хлѣбной торговлей, были признаны жителями. Недостатокъ воды въ бакинскомъ уѣздѣ не позволяетъ обширнаго хлѣбопашества, которое и здѣсь, по восточному обычаю, находится еще въ юности: поселане не знаютъ ни какихъ удобрительныхъ средствъ, кромѣ перепашки отъ двухъ до трехъ разъ и поднятія земнаго слоя вершка на три. При всемъ томъ урожаи здѣшній, зависящій преимущественно отъ своевременнаго перепаданія весеннихъ и осеннихъ дождей, болышею частію щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца: въ хорошій урожай зерно даетъ среднимъ числомъ самъ пятнадцать и болѣе. Рѣкъ и водопроводныхъ каналовъ для орошенія не имѣется, и при недостаткѣ дождей, сильныя вѣтры, дующіе здѣсь не рѣдко, могутъ истребить хлѣбъ,

засыпавъ его, при самомъ всходѣ, пескомъ, или вырвавъ съ корнемъ во время произрастанія или наконецъ выбивая зерно уже при наливаніи. Въ 1841 году за обезпеченіемъ народнаго продовольствія, продано пшеницы, большею частію для казенныхъ поставокъ, до восьми тысячъ четвертей: полагая каждую четверть въ 2 руб. сер. вся продажа будетъ на шестнадцать тысячъ рублей. Ячменя, который большею частію идетъ на кормъ лошадей и скота, продается на сумму свыше двухъ тысячъ рублей сер. Сѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень.

Скотоводство въ бакинской провинціи, по неизмѣнно луговъ, малозначительно: не всѣ поселяне имѣютъ лошадей и необходимое количество рогатаго скота для пахатныхъ работъ; у самаго богатаго крестьянина найдется не болѣе десяти головъ крупнаго скота. Тоже самое должно сказать и объ овцеводствѣ: хотя нѣкоторые крестьяне и держатъ по нѣскольку десятковъ овецъ, но этого не достаточно для продовольствія жителей, и недостатокъ пополняется покупкою овецъ въ сосѣдственныхъ уѣздахъ. Въ мое время скота въ городѣ и уѣздѣ было: лошадей 2602 штуки, рогатаго скота 5431, овецъ 38,200, верблюдовъ 504, ословъ 1747 штукъ. Домашней птицы, кромѣ куръ не водится: для вкуснаго стола имѣтъ даже туземныхъ фазановъ, но водятся дикія козы; свѣжая коза продается по 1 рублю серебромъ, исключая рога, которые стоятъ столько же. За недостаткомъ полезныхъ животныхъ здѣсь водятся безвредные скорпионы.

Песчаная полоса земли, занимаемая садоводствомъ, преимущественно по берегу моря, не очень благопріятствуетъ этой вѣтви хозяйства: только труды и издержки заставляютъ неблагодарную почву повиноваться волѣ человека. Кромѣ того въ бакинской провинціи является иногда непобѣдимый и неожиданный врагъ садоводства—сильный вѣтеръ, заносящій пескомъ цѣлые сады и разомъ уничтожающій

труды многихъ лѣтъ. Ежегодный сборъ винограда простирается до 73,00 пудовъ; изъ нихъ 10,000 пудовъ идетъ на продажу въ городѣ и селеніяхъ: полагая пудъ по 20 к. всего продается винограду на 2,000 руб. серебромъ; 5,000 пудовъ обращаются на сушеный изюмъ и кишмишъ, которыхъ изготовляется до 1,200 пудовъ: полагая пудъ по 1 рублю, всего сушеная винограду продается на 1,200 рублей серебромъ; 43,000 идетъ на выварку джапы или виноградной патоки, которой выходитъ изъ пуда восемь фунтовъ, следовательно всего 9,000 пудовъ: полагая пудъ по 1 рублю, джапы выдѣлывается на 9,000 рублей серебромъ; 2,500 пудовъ употребляется на выдѣлку 1000 ведеръ уксусу: полагая каждое ведро по 60 коп. всего уксусу получается на 600 рублей серебромъ. Изъ всѣхъ этихъ произведеній три четверти продается или обмѣнивается въ сосѣднихъ уѣздахъ, а оставшая четверть потребляется въ городѣ и деревняхъ. 12,000 пудовъ винограду идетъ на выкурку 500 ведеръ двойной водки, чѣмъ занимаются здѣсь Армяне: полагая ведро въ 4 рубли, всего водки выдѣлывается на 2,000 руб. серебромъ. Водка здѣсь продается въ духанахъ, и пока потребление ее незначительно, потому что большая часть народонаселенія состоятъ изъ вѣрующихъ Мусульманъ. Кромѣ водки выдѣлывается въ Баку вино, но оно очень крѣпко и возбуждаетъ жажду, потому что здѣшній виноградъ, отъ качества почвы, солоноватъ. Разныхъ сырыхъ плодовъ въ городѣ Баку привозится до 500 пудовъ: полагая среднимъ числомъ 40 коп. за пудъ, всего привозится изъ уѣзда фруктовъ на 200 рублей серебромъ. Грецкихъ орѣховъ и миндаля здѣсь нѣтъ. Садоводство ежегодно доставляетъ сельскимъ жителямъ до 15,000 рублей серебромъ.

Хотя цифры можетъ быть уже и наскучили благосклонному читателю, однако я считаю нужнымъ доложить ему, что въ бакинскомъ уѣздѣ собирается до 250 пудовъ табаку: полагая пудъ по 1 рублю, выходитъ всего на 250

рублей серебромъ. Арбузовъ собирается 37,500 пудовъ.... какъ пудовъ? Да, пудовъ: здѣсь ужъ такое заведеніе!—полагая каждые 2½ пудовъ по 1 рублю всего составитъ сумма въ 1,500 рублей серебромъ. Дынь, которыми бакинскій уѣздъ славится такъ, что онѣ идутъ во всѣ сосѣднія мѣста, родится 40,000 пудовъ—дыни тоже родятся здѣсь пудами—полагая каждые 25 пудовъ по 3 рубли, всего родится здѣсь дынь на 4,800 рублей серебромъ. Лукъ родится 5,000 пудовъ, маркови 3,750 пудовъ: полагая по 2 рубля за 25 пудъ, всего выходитъ на 700 рублей серебромъ. Такимъ образомъ огородничество доставляетъ бакинскимъ жителямъ до 7,250 руб. серебромъ.

При недостаткѣ мѣстныхъ средствъ бакинскіе жители не занимаются шелководствомъ: во всемъ уѣздѣ находится только 38 шелковичныхъ деревьевъ и шелку выдѣлывается ежегодно—стыдъ сказать—до 8 фунтовъ.

По скудости бакинской флоры, производящей только солончатыя растенія или ничтожный кустарникъ, пчеловодство въ этомъ краю почти неизвѣстно. Нѣкоторые Бакинцы изъ любви къ искусству и къ трудолюбивымъ насѣкомымъ, занимаются пчеловодствомъ въ кубинскомъ и шемахинскомъ уѣздахъ.

Рыбные промыслы въ бакинскомъ уѣздѣ даютъ государственнымъ крестьянамъ до 1,125 руб. сереб. доходу.

Самый живительный элементъ Баку—торговля: она питается здѣсь преимущественно нефтью и шафраномъ и сама въ свою очередь питаетъ и поддерживаетъ многія производства.

Нефть находится въ бакинскомъ уѣздѣ черная и бѣлая. Первая является во многихъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова, но главное гнѣздо ея должно полагать около

селенія Баляхана къ С. В. отъ Баку на Аншеронскомъ полуострову; нѣкоторые отважные исследователи предполагаютъ въ этомъ краю цѣлое подземное озеро минеральнаго масла: газъ, будто бы освобождаемый нефтью, давить на стѣнки резервуара и при засореніи отдушинъ производить изверженія и землетрясенія. Нефтяные клячи пробиваются по Каспійскому морю и обнаруживаются во множествѣ на восточныхъ берегахъ его, а съ другой стороны они находятся около крѣпости Грозной, Дербента, Шемахи, Сальяна, въ кубинскомъ уѣздѣ и на берегахъ Чернаго моря. Черная нефть цвѣта темнозеленаго, запаха непріятнаго и бываетъ очень густа или нѣсколько жидковата: первая идетъ на смоленіе судовъ или въ соединенія съ зеленовато-жидкой на горѣніе, а въ смѣси съ пескомъ на покрытіе плоскихъ кровель на домахъ подъ именемъ «кира» смолы, отъ которой образовано бухарское слово «кирпичъ» стиснутая смола; вторая преимущественно употребляется для горѣнія.

Бѣлая нефть, отличающаяся своимъ цвѣтомъ и запахомъ, большею жидковатостью и летучестью, находится только въ С. З. оконечности ашлнссиса, занимаемаго неугасимыми огнями. По мнѣнію Г-на Ленца она образуется изъ черной посредствомъ подземнаго дистиллированія. Прежде бѣлая нефть продавалась здѣсь очищенная; ей можно выводить пятна изъ сукна.

Нефть добывается изъ колодцовъ воротомъ и руками посредствомъ кожаныхъ мѣшковъ и отстѣивается въ ямахъ. Живущіе около нефтяныхъ колодцевъ жители освобождены отъ податей, но обязаны работами на промыслахъ. Ежедневно ходитъ въ Баку два транспорта съ нефтяныхъ колодцевъ.

Прежде нефтяной промыселъ находился на откупѣ, нефть продавалась дешевле, но откупщики Армяне обанк-

рутились и въ настоящее время вся нефтяная продажа принадлежитъ казнѣ.

Нефтяные колодцы принадлежатъ большею частию казнѣ, а весьма не многіе частнымъ владѣльцамъ Селимъ Хановымъ; послѣдніе обязаны доставлять всю добываемую нефть казнѣ. Хальваръ обходится владѣльцу въ 27 коп. сер. казна платитъ ему 375 коп. сер., а сама продаетъ по семи рублей серебромъ. Покупщики изъ Шемахи и другихъ мѣстъ Кавказа готовы платить и по десяти рублей за хальваръ зеленой нефти, потому что она при переливкѣ изъ одного бурдюка въ другой пѣнится и увеличивается; моремъ же нефть идетъ въ Астрахань и въ Персію. Въ Зензели нефть продается отъ 10 до 15 руб. сер. хальваръ и торгъ заѣсъ производится мѣновой: взаменъ нефти привозится изъ Зензелі бязь, шелковыя матеріи и проч. Сами Персіане не ѣздятъ въ Баку за нефтью.

Жители селенія Баляханъ доставляютъ на арбахъ казенную нефть въ Баку и получаютъ за это по 45 коп. сер. съ хальвара: всего въ годъ имъ приходится до 5,165 рублей серебромъ. Кромѣ того они продаютъ въ городѣ и по деревнямъ значительное количество киру, а жители селенія Сураханъ занимаются жженіемъ извести: въ сложности тѣ и другіе получаютъ отъ этой промышленности до 2,000 руб. серебромъ.

Когда-то нефть была очень опаснымъ оружіемъ за неимѣніемъ пороху. По словамъ Діона Кассія, Римляне, осаждавшіе Тиграноцертъ подъ предводительствомъ Лукулла, были обливаемы изъ машинъ горящей нефтью; то же самое было съ войсками Императора Септимія Севера при осадѣ Гатры. Проконій говоритъ, что Персы, осажденные Римлянами въ городѣ Петръ въ Лазикѣ, бросали на осаждающихъ сосуды съ сѣрой, асфальтомъ и нефтью. При осадѣ Мекки во время Абдуллы бенъ Зобайра атакующіе

зажгли Каабу сосудами съ нефтью. По извѣстію Мирхонда, въ одномъ сраженіи съ Буидами бросали въ непріятеля сосуды съ пылающей нефтью.

Добываніе нефти въ бакинскомъ уѣздѣ довольно древне: не говоря объ указаніи Дербендіады о нефтяномъ промыслѣ при Халпѣ Мотамедѣ, мнѣ говорили, что въ одномъ изъ колодезѣ былъ найденъ камень съ надписью на арабскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія «иѣтъ силы и могущества кромѣ Бога Высочайшаго и Величайшаго! Точно этотъ колодезь открытъ и назначенъ во владѣніе для Сепдовъ Аллахъ-яромъ сыномъ Мухаммедъ-Нура, въ 1003 году мѣсяца Ребі Эль Ахирал.» Это было по вашему въ 1594—1595 году.

Кромѣ нефти минеральное богатство въ бакинскомъ уѣздѣ составляютъ соляныя озера Апшеронскаго полуострова, изъ которыхъ примѣчательны: Масазырское, Зыхское, Каля, Мухаммеди, Баляханское, Ходжахасанское, Кюрдаханское, Бинагади, Арюскумъ и Агаджунъ; разрабатываются только два первыхъ. Жители сосѣднихъ селеній получаютъ за перевозку соли, которая, подобно нефти, составляетъ казенную собственность, до 1,513 рублей серебромъ. Разработка соли производится по пайму, который простирается до 3,000 рублей серебромъ.

Шафрану собирается ежегодно до 400 пудовъ: полагая за пудъ шафрану по 100 рублей, получается всего на 40,000 рублей серебромъ. Это растеніе вывозится преимущественно въ Персію, часть расходится по Закавказью, а немного остается для домашняго обихода. Вывозъ въ Персію бываетъ неравномѣренъ, но всегда выгоденъ.

Бакинскіе жители разводятъ марену и сѣютъ хлопчатую бумагу: первой получается до 700 пудовъ, а послѣдней не болѣе 500: полагая каждый пудъ той и дру-

гой по 3 рубля, всего будетъ на 3,600 рублей серебромъ. Изъ хлопчатой бумаги выдѣлываютъ толстое полотно, называемое бязью, большая часть котораго потребляется туземными поселянами, а излишекъ вывозится въ кубинскій уѣздъ.

Кромѣ того Бакинцы собираютъ засѣваемого въ поляхъ прянаго растенія, называемаго зира, родъ аниса, до 21 четверти: полагая каждую четверть по 4 рубля, всего на 84 рубля серебромъ. Марена и зира отправляются въ Россію.

Горожане бакинскіе занимаются мастерствами: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, слесарнымъ, кузнечнымъ и другими нужными для жизненнаго комфорта. Бакинскія золотыя кольца подъ эмалью, по своей довольно чистой отдѣлкѣ, соперничаютъ съ пятигорскими работами: восточная эмаль не держится и скоро облетаетъ, на этомъ ужъ незыблите, и по-этому, покупая подобное издѣліе, имѣйте въ виду мое предостереженіе. Бакинскіе слесари большею частию работаютъ складные ножи, вывозимые въ Персію. Ремесленное производство обезпечиваетъ въ городѣ содержаніе двухсотъ семействъ съ уплатою казенныхъ повинностей.

Деревенскіе жители ткутъ паласы (простые ковры) и переметные сумы и продаютъ ихъ на 1,700 рублей серебромъ; также ткутъ грубое сукно для домашняго употребленія. Въ селеніяхъ Эмирджанъ и Бильбили женщины ткутъ ковры, отличающіеся прочностью и яркостью красокъ: лучшіе продаются по 20—30 рублей, всего на 1,500 руб. серебромъ. Въ селеніяхъ Хурдаланъ и Хаджихасанъ ткутъ чумалы, восточные чемоданы, продаваемые по 5—6 руб. за пару, всего на 700 руб. серебромъ.

Торговля Баку съ Россіей и Персіей по морю и съ

Закавказьемъ и Дагестаномъ по сухопутью требуютъ перевозныхъ средствъ и рукъ. По-этому многіе бакинскіе жители промышляютъ строеніемъ судовъ, перевозомъ товаровъ на сушу и служатъ рабочими на судахъ.

Общій доходъ бакинскихъ жителей, не считая ремесленныхъ производства и всякую насущную работу, состоитъ въ слѣдующемъ:

Отъ сбыта туземныхъ произрастеній и издѣлій сельскихъ жителей на мѣстѣ выручается 48,350 руб. сер.

Отъ заработковъ по казеннымъ минеральнымъ промысламъ получается 9,678 руб. сер.

Отъ сбыта въ сосѣдніе уѣзды разнаго издѣлія и произрастенія выручается 18,484 руб. серебромъ.

Пересчитавъ по пальцамъ всѣ животы бакинскихъ жителей, пора сказать что-нибудь и о самихъ обитателяхъ.

Бакинская провинція населена Мусульманами большею частию шиитскаго обряда: только шесть деревень бакинскихъ заняты тюркскимъ племенемъ; всѣ остальные селенія обитаются Персіянами. Въ городѣ кромѣ Русскихъ служащихъ находится до двухсотъ армянскихъ домовъ. Можно полагать, что еще при Сассанидахъ сюда переселились Персы, но отъ этого переселенія едва-ли что упѣлѣло: все омуслиманилось и измѣнило свой характеръ. Въ позднѣйшее время Персіяне не переставали переходить въ Баку, и на оборотъ изъ Баку нѣкоторые уходили въ Персію. Все персидское народонаселеніе Баку, кромѣ тюркскаго алербайджанскаго діалекта, говоритъ особеннымъ персидскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ и въ другихъ мѣстахъ Дагестана—татскимъ. Основываясь на этомъ, покойный Аббасъ Кули Хановъ полагалъ Бакинцевъ остат-

ками персидскаго населенія времяъ Нуширвана, но татское нарѣчіе совсѣмъ не такъ древне, какъ думалъ Аббасъ Кули, принимавшій его за отрасль Пеглеви. Татъ имѣетъ почти тѣже отношенія къ чинѣшпему персидскому языку, какія и деревенское персидское нарѣчіе, или, поясняя это сравненіемъ, отношенія персидскаго и Татъ почти таковы же, какъ Рускаго языка и сибирскаго нарѣчія. Удаленность отъ Персіи и невѣжественность деревенскихъ мужиковъ были единственными причинами образованія Татъ, грамматическія формы котораго разнятся отъ персидскаго языка только бѣдностью и уродованіемъ выговора, а лексикографія замѣнила нѣкоторыя персидскія слова тюркскими или туземными.

Мнѣ говорили еще объ арабскомъ народонаселеніи верстахъ въ 150 отъ Баку, но я рѣшительно этому не вѣрю.

Бакинскіе Мусульмане занимаются по большей части торговлей и считаются по всей справедливости цивилизованѣйшимъ народонаселеніемъ Дагестана: народъ бакинскій смиренъ и привѣтливъ, но такъ какъ Персія составляетъ для него идеалъ совершенства, предметъ подражанія, то Бакинцы и одержимы почти всѣми пороками персидской націи. Описывать бакинскіе нравы и привычки значитъ—повторять Персію: лучше подождемъ втораго тома «Путешествія по Востоку», гдѣ ужъ будетъ кстати анализировать персидскую жизнь.

Какъ ревностные Шіиты, Бакинцы справляютъ съ надлежащимъ благоговѣніемъ десять дней «ашура» плача по Али и его сыновьяхъ: религіозная трагедія персидская разыгрывается здѣсь если не съ такимъ искусствомъ, какъ въ Дербентѣ, то съ не меньшимъ жаромъ. Какъ-то случилось, что Шіиты, во время разыгрыванія своей мистеріи въ Форштатѣ, столкнулись съ Суннитами, и тутъ на-

чалась настоящая трагедія: раздражительные фанатики привали другъ друга въ палки, и для возстановленія религіозной терпимости уѣздный начальникъ принужденъ былъ сѣсть на лошади, приготовленную для «его святости» Хюсейна, и распорядиться необходимымъ увѣщаніемъ религіозныхъ бойцовъ. Это, однако, нисколько не помѣшало дальнѣйшему ходу мистеріи. въ Шемахъ для возстановленія спокойствія должны были выслать роту солдатъ. Въ Дербентѣ эти мистеріи называются «ва Хасанъ ва Хюсейнъ» ой Хасанъ ой Хюсейнъ! въ Баку «ва Хасанъ ва Шахъ Хюсейнъ»: Русскіе потрудились изъ послѣдняго сдѣлать «Хусей Чуксей». Для нѣкоторыхъ этимологовъ это истинное сокровище!

Мистерія «ой Хасанъ ой Хюсейнъ» мнѣ очень хорошо извѣстна, но я не описываю ея здѣсь потому, что мнѣ удалось ее видѣть въ полномъ величіи въ Тегеранѣ.

Между бакинскими Мусульманами существуютъ нѣкоторыя повѣрья, неизвѣстныя въ Персіи. Напримѣръ, когда на бакинскихъ поляхъ являются стада мышей, истребительницъ посѣва, Ахунды бакинскіе отправляются въ Ленкоранъ и берутъ тамъ какого-то дерева: изъ него дѣлаются небольшія воротца, ставятся на берегу моря и мыши, будто «по моему прошенью, по шучьему велѣнью», отправляются всѣ гурьбой въ соляную бездну. Впрочемъ, если въ Европѣ макаassarское масло можетъ производить удивительную растительность на лысыхъ головахъ, то почему же безимянному дереву не имѣть въ Баку таинственнаго вліянія на мышей? . . . Если гдѣ-нибудь показывается саранча, то два юноши неукоризненной нравственности отправляются въ . . . не знаю куда-то съ кувшиномъ за водой: во весь обратный путь кувшинъ не долженъ стоять на землѣ. По прибытіи на мѣсто, опустошаемое саранчой, юноши вѣшаютъ кувшинъ на дерево, и откуда берется тьма тьмущая птицъ, которая истребляетъ

саранчу до единой. Злоязычники утверждаютъ, что въ Баку никогда немогли избавиться отъ саранчи, потому что въ этомъ городѣ никогда не могли отыскать двухъ юношей незасорнаго поведенія.

Армянское народонаселеніе нынѣ сосредоточивается въ городѣ, а прежде многія деревни были населены Армянами; во время персидскаго владычества угнетаемые Армяне покинули свои жилища, и теперь эти деревни или заняты Мусульманами или занесены пескомъ. Примѣромъ первыхъ служатъ деревни Бузовья, гдѣ находятся могилы армянскихъ святыхъ Ильи и Андрея, нынѣ обитаемая Мусульманами.

Содержаніе въ Баку не дорого, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, преимущественно топлива; колоніальные припасы идутъ изъ Россіи; говядину на рынокъ можно найти только по воскресеньямъ.

Городъ Баку представляетъ много предметовъ, достойныхъ полнаго и глубокаго вниманія туристовъ всѣхъ родовъ, но безъ всякаго сомнѣнія, неугасимые огни — явленіе единственное въ своемъ родѣ, преимущественно привлекаютъ къ себѣ взоры путешественника. Едва успѣли вы приѣхать или приплыть, если вы находите это болѣе удобнымъ, въ Баку, какъ со всѣхъ сторонъ посыплются на васъ вопросы и увѣщанія: «были ли вы на неугасимыхъ огняхъ? да скоро-ли вы поѣдете? да это лучшая вещь въ нашемъ городѣ! Есть, правда, у насъ шахскій дворецъ и еще что-то, да это все пустяки!» И въ этотъ же вечеръ, если погода ясная, вамъ представляется огромное освѣщеніе на горизонтѣ, похожее на зарево отдаленнаго пожара; услужливый бакинскій вашъ знакомый, тотъ самый, который считаетъ себя изгнаннымъ дон-карлистомъ, тотчасъ же скажетъ вамъ: «вотъ наши неугасимые огни!»

По долгу путешественника и не желая подвергаться нареканіямъ бакинскихъ жителей, я отправился на «Атешахъ» мѣсто огней вскорѣ послѣ пріѣзда, не смотря на то, что оставалось еще много занимательныхъ предметовъ въ городѣ неизслѣдованными. Дорога не дальняя, всего верстъ тринадцать: можно совершить путешествіе съ комфортомъ или безъ излишнихъ претензій. Для путешествующихъ съ комфортомъ найдутся въ городѣ пролетки или даже и коляска; для непряхотливыхъ путешественниковъ имѣются почтовые телѣжки, доведенныя здѣсь до мінімума и неутомимыя верховыя лошади. Послѣднія всего удобнѣе.

Желая исполнѣь предаться сильнымъ ощущеніямъ и видѣть неугасимые огни въ совершенномъ ихъ величіи, я выѣхалъ изъ Баку вечеромъ въ девять часовъ на почтовой телѣжкѣ. Благодаря распоряженію бакинскаго коменданта Г. Коржинскаго, мнѣ отпущенъ былъ въ провожаемые казакъ, потому что вѣрять себя опытности здѣшнихъ татарскихъ ямщиковъ по проселочнымъ дорогамъ и ночью не совсѣмъ благоразумно: можно извѣдать на опытѣ блестящее паденіе.

Я собственно отправлялся на большіе для старые огни, находящіеся къ В. С. В. отъ Баку между деревнями Сураханъ и Эмирджанъ; это предупрежденіе необходимо, потому что кромѣ большихъ огней существуютъ еще малые къ З. отъ Баку верстахъ въ восемнадцати. Первые по справедливости называются неугасимыми огнями: ни вѣтеръ, ни дождь, ни буря не могутъ ихъ утушить, послѣдніе же—увылъ!—гаснутъ и отъ дождя и отъ снѣгу.

Дорога къ огнямъ каменистая, узкая, очень дурная; на пути встрѣчаются двѣ мусульманскія деревни: первая называемая Кешле, съ весьма обыкновенной мечетью, вторая называемая Сураханъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги.

Не смотря на дурную почву въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ хлопчатая бумага.

Свѣтъ, постепенно увеличивающійся, наконецъ раскрылся передо мною съ холма не въ дальнемъ разстояніи отъ огней: ночью во мракѣ видъ чрезвычайно живописенъ. Картина является послѣдовательно: сначала видны только пять огненныхъ потоковъ изъ высокихъ трубъ индусскаго жилища, какъ будто бы летающіе по воздуху, а уже вблизи становится замѣтно индусское зданіе и показываются остальные огни, выходящіе изъ земли и предоставленные собственному произволу. Огненные струи бѣловато-желтаго свѣта вьются по направленію вѣтра и представляютъ фантастическіе образы, безпрестанно замѣняющіеся другими; по временамъ огненный ручей, унесенный порывомъ вѣтра, исчезаетъ, чтобъ снова явиться и больше и блистательнѣе. При заревѣ огней рисуется въ неопредѣленныхъ размѣрахъ индусское зданіе съ потоками пламени, развѣвающимися подобно огненнымъ знаменамъ изъ нарочно устроенныхъ трубъ. Если бъ я не зналъ самымъ достовѣрнымъ образомъ отъ бакинскихъ жителей, что я нахожусь на неугасимыхъ огняхъ, я на вѣрное подумалъ бы, что ямщикъ со сна или околдованный привезъ меня въ замокъ огненныхъ духовъ: такъ все здѣсь чудно! Не удивительно, что воображеніе восточныхъ народовъ, пораженное красотою и величіемъ этого зрѣлища, придамо огнямъ таинственную силу и сверхъестественное значеніе.

Огненные истоки разбѣяны по обѣимъ сторонамъ дороги, въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи: при мнѣ ихъ было съ одной стороны четырнадцать, а съ другой восемь. Жерло, изъ котораго выходитъ каждый огонь, заложено мелкими камнями, и пламя пробивается сквозь нихъ на высотѣ одной или двухъ четвертей. Въ сѣверо-западной сторонѣ находится довольно глубокій сухой ко-

лодець, для безопасности обведенный высокою оградой: говорятъ, прежде, когда не существовало загородки, въ него падали иногда домашнія животныя, и, разумеется, погибали. На днѣ этого кратера, оканчивающагося внизу подземельемъ, бѣгаютъ разноцвѣтные огоньки, но въ самомъ подземельѣ огонь, по-видимому, сильнѣе, обильнѣе и имѣетъ красноватый цвѣтъ. Ночью этотъ кратеръ съ своими голубыми огоньками, пылающимъ воздухомъ и таинственнымъ подземельемъ приковываетъ къ себѣ вниманіе и неохотно оставляешь опасную его ограду.

Отъ огней я спѣшилъ въ жилище Индусовъ, составлявшихъ главную цѣль моей поѣздки. Здѣсь я долженъ былъ рассмотреть вопросъ о вѣрованіи этихъ отшельниковъ, съ непонятнымъ для насъ упорствомъ посвятившихъ жизнь свою таинственному обожанію огня: остатокъ-ли это персидскихъ огнепоклонниковъ Гебровъ, подавленныхъ завоевательнымъ Исламомъ и принесшихъ сюда остатки своей религіи, или это Индусы, пришедшіе съ береговъ Ганга за тѣмъ, чтобъ провести здѣсь жизнь въ безплодныхъ созерцаніяхъ передъ уважаемымъ началомъ огня.

Было уже поздно, почти полночь, и по-этому ученныя изслѣдованія приходилось отложить до разсвѣта. Въ ожиданіи интересной бесѣды съ огненными мудрецами, надобно провести ночь, какъ возможно пріятнѣе, поближе къ священному огню: нѣтъ ничего лучше, какъ ночевать въ самомъ зданіи гдѣ помѣщаются Индусы. Это чисто персидскій караванъ-сарай; если вы никогда не видали подобнаго рода зданій, то, при видѣ жилища здѣшнихъ Индусовъ, конечно, воображеніе ваше долго будетъ страдать надъ разрѣшеніемъ вопроса: какой архитектурѣ принадлежитъ эта постройка? Подобно всѣмъ персидскимъ караванъ-сараямъ, обиталище Индусовъ состоитъ изъ двора, обведеннаго со всѣхъ сторонъ рядомъ небольшихъ комнатъ, двери которыхъ обращены на дворъ, и снаружи зданія

представляются однѣ голыя стѣны. Окна въ постройкахъ такого рода считаются совершенно неприличною роскошью. Входъ на дворъ въ караванъ-сараяхъ, какъ и здѣсь, одинъ, посрединѣ которой-нибудь стороны: надъ входомъ строится еще этажъ и называютъ это «бала-ханэ» верхъ дома.

Большихъ усилій стояло мнѣ отвлечь отъ размышленій котораго нибудь изъ мудрецовъ, чтобъ попасть внутрь строенія на ночлегъ. Наконецъ какой-то старецъ, окутанный въ одѣяло, молчаливо отперъ мнѣ ворота, погрѣлся немного у священнаго огня и вскорѣ скрылся. Не желая никого беспокоить запоздалымъ любопытствомъ, я отправился прямо въ башню или бала-ханэ надъ входомъ, въ маленькія комнаты, предназначенныя для любознательныхъ путешественниковъ, и для этой цѣли снабженныя окнами съ европейскою прихотью—рамами безъ стеколъ. Помѣщеніе довольно пріятное и удобное: прямо передъ глазами находится дворъ караванъ-сарая съ кельями и неугасимые огни. Вихрь, постоянно господствующій около огней, съ страшнымъ шумомъ летаетъ вокругъ бала-ханэ и грозитъ раскидать все зданіе по камню, какъ будто самая яростная осенняя буря стучитъ за окномъ. Этотъ ураганъ и живописная игра огней заставили меня бодрствовать далеко за полночь. Уже сонъ началъ смыкать глаза мои, какъ вдругъ грозное видѣніе на дворѣ вывело меня изъ дремоты; дверь одной изъ келій отворилась, и высокое, сухое, уродливое привидѣніе, похожее на мертвеца, медленно подошло къ одному изъ священныхъ огней, присѣло на корточки и стало грѣться. Всего непріятнѣе было то, что это живое созданіе прогуливалось совершенно безъ платья: изсохшія формы являлись во всей своей отвратительности. Долго я смотрѣлъ на этого мудреца, можетъ быть непрерывнымъ созерцаніемъ дошедшаго до начала началъ; наконецъ, утомленный, я склонился на скамьѣ и проснулся уже на другой день. Первый взглядъ на дворъ, но привидѣніе исчезло; кругомъ пусто и двери келій затворены.

Я спустился внизъ и приступилъ къ обзорѣннѣ зданія.

Индусское обиталище составляетъ правильный пятиугольникъ, къ высокимъ стѣнамъ котораго примыкаютъ кельи: выпина стѣны до 3 сажень, а окружность всего зданія до семидесяти сажень. Во времена Гмелина существовали здѣсь отдѣльныя кельи, и все зданіе построено въ новѣйшее время по образцу караванъ-сараявъ; надъ воротами входа съ наружной стороны находится розетка, а по бокамъ ея два льва, всѣ три фигуры грубой работы, вольное подражаніе шемахинскимъ воротамъ въ Баку, надъ которыми находятся грубые изображенія бычачьей головы и двухъ розеттъ, а по сторонамъ фигуры двухъ львовъ, что въ свою очередь составляетъ вольное подражаніе Ирану. Баля-ханэ или башня надъ воротами Индусовъ имѣетъ немножко затѣйливую архитектуру: нельзя же было поставить подлѣ удивительныхъ огней обыкновенное строеніе. По срединѣ внутренняго двора стоитъ четверугольная моельня съ открытыми со всѣхъ сторонъ входами, а по угламъ ея выведены трубы, изъ которыхъ вьются неугасимые огни. Кромѣ того въ самой моельнѣ виситъ колокольчикъ для богослуженія, которое сдвигали когда-нибудь совершается, и течетъ, по-видимому, самая священная струя, потому что при зажигеніи ея Индусы звонятъ въ колокольчикъ. Архитектура моельни довольно проста: верхъ накрытъ небольшимъ безобразнымъ куполомъ, у котораго стоитъ трезубецъ; надъ входомъ въ часовню, противоположномъ баля-ханэ, находится санскритская надпись, извѣщающая тѣхъ, которые умѣютъ читать эту мудреную грамоту. Это зданіе построено въ 1866 индусской эры или въ 1810 году по нашему: къ этому же времени должно отнести постройку всего зданія. Близъ моельни вырыта яма, величиною въ квадратную сажень, а глубиною въ полсажени, покрытая толстымъ камнемъ и содержимая всегда въ чистотѣ для священнаго обряда: на камень Индусы кла-

дутъ своихъ покойниковъ и сжигаютъ неугасимымъ огнемъ. Кромѣ молельни на дворѣ сложено пять возвышенностей для огней, а для продовольствія обитателей устроенъ колодезь съ водой; кругомъ двора идутъ кельи числомъ до двадцати. Надъ дверьми каждой находится по санскритской надписи, дурное начертаніе которыхъ заставило меня отказаться отъ копированія ихъ, а надъ входомъ одной видно изуродованное персидское имя съ 1158 (1745) годомъ: это указаніе даетъ поводъ думать, что прежнія кельи индусовъ вошли при стройкѣ въ корпусъ новаго жилища. Бѣдное засохшее деревцо, символъ жизни индѣйскихъ отшельниковъ, прозябаетъ одиноко въ уголку двора.

Окончивъ обзоръ зданія, я приступилъ къ знакомству съ его жителями. Большая половина келій необитаема; у остальныхъ двери были уже отворены. Какъ видно кельи не одинаковой величины и не одинаковаго расположенія, но всѣ онѣ, какъ и цѣлое зданіе, выбѣлены внутри и снаружи и содержатся въ большой чистотѣ, а для домашней кухни проведены вездѣ струи газа, впрочемъ, едва-ли не безполезныя для Индусовъ, которымъ нечего на нихъ готовить. Отъ одного большаго и дряхлаго Индуса въ рубищѣ, даваго мнѣ своимъ плачемъ очень дурное понятіе объ остальныхъ отшельникахъ и не умѣвшаго объясняться ни на одномъ языкѣ, кромѣ индустани, я отдѣлался посильнымъ пожертвованіемъ, чего собственно онъ и желалъ, потому что тотчасъ послѣ этого скрылся въ свою келью. Заглянувъ въ сосѣднюю дверь, я увидѣлъ мое ночное привидѣніе въ томъ же натуральномъ костюмѣ, въ какомъ видѣлъ его ночью или лучше безъ всякаго костюма; мудрейшій изъ мудрыхъ лежалъ равнодушно на толченой извести, выбѣлившись съ ногъ до головы въ матеріалѣ своего ложа. Этотъ старикъ давно уже сдѣлалъ съ собою добровольно то самое, что дѣлаютъ въ Верхнемъ Египтѣ коптскіе священники съ мальчиками, назначаемы-

ми для охраненія гаремовъ: короче у мудрѣйшаго изъ мудрыхъ но Г-нъ Эйхвальдъ еще задолго до меня объявилъ о томъ, чего не доставало у этого Индуса. Не вадѣясь получить отъ него объясненій и не желая прерывать его размышленія, я отправился къ другому Индусу, который кое-какъ объяснилъ мнѣ, что мудрѣйшій изъ мудрыхъ не знаетъ ни по-турецки, ни по-персидски. И въ самомъ дѣлѣ погруженному въ созерцаніе «я» и «не я» кчему знать разной вздоръ?

Мой новый знакомецъ, по-видимому, далеко отсталъ отъ своихъ товарищей въ наукѣ мудрости: если на немъ и не было рубашки, то ее съ честью замѣнялъ ватированный бухарскій халатъ, а на головѣ, въ видѣ чалмы, былъ намотанъ кусокъ толстаго холста. Индусскій отшельникъ пригласилъ меня къ себѣ въ келью: комната чистая, для созерцанія есть что-то въ родѣ постели и даже для бѣдной головы существуетъ подушка. Въ домашнемъ хозяйствѣ видно нѣсколько мѣдной посуды, а для поклоненія стоитъ на возвышеніи коллекція маленькихъ идоловъ, и въ дополненіе нѣсколько разноцвѣтныхъ камней. Идолы разнаго роста и фигуры, но всѣ вообще не велики и принадлежатъ брахманской религіи, числомъ ихъ восемь. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ истуканъ «Парвати» Горной или «Бхавани» Супей, дочери и супруги Шивы: она олицетворяетъ луну и имѣетъ значеніе всемірнаго произведенія, а также богини разрушенія и мщенія; подъ именемъ Кали (черной) она обожается чудовищной сектой «Туговъ» душителей. Эту страшную богиню не трудно узнать по восьми вооруженнымъ рукамъ и по коровѣ, на которой она возсѣдаетъ. Въ числѣ идоловъ находится еще «Кама» индусскій купидонъ: впрочемъ, этотъ идолъ болѣе походилъ на греческаго кунидона и отличался чистотой отдѣлки отъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Эту подозрительную компанію греческаго божка съ индусскими объяснили мнѣ въ Баку очень просто: индѣйскіе мудрецы

для большого эффекта собираютъ отвсюду всё возможные рѣдкости и даже между религіозными предметами помѣщаютъ иногда обертки съ игорныхъ картъ, съ табаку и проч.

Въ комнатѣ устроено два провода для огня, которые отшельникъ тотчасъ же зажгетъ для моего удовольствія, безъ всякой просьбы съ моей стороны: такъ какъ газъ загорается только отъ пламени, то Индусъ зажгетъ лоскутъ бумажной матеріи, откупоритъ отверстія въ землѣ, поднесетъ къ нимъ горящій лоскутокъ, и газъ вспыхнулъ бѣловатымъ пламенемъ. Изъ моихъ многочисленныхъ вопросовъ Индусъ понималъ наконецъ, что я желаю, подобно всѣмъ бывшимъ до меня здѣсь европейскимъ посѣтителамъ, познакомиться съ религіей почтенныхъ отшельниковъ; лѣниво взявъ онъ одну изъ лежавшихъ на возвышеніи раковинъ, потрубилъ въ нее, потомъ позвонилъ въ колокольчикъ, и болѣе ничего не могъ я отъ него добиться. Мимическая бесѣда наша кончилась тѣмъ, что хозяинъ мой поднесъ мнѣ въ другой раковинѣ—у него ихъ всего двѣ—воды для утоленія жажды и потомъ напомнилъ о правахъ восточнаго гостепріимства, обыкновенно вознаграждаемаго «бахшишемъ» подаркомъ со стороны гостя. Прекрасное гостепріимство, которое большею частью стоитъ очень дорого!

Утомленный безплоднымъ наблюденіемъ надъ индусскими отшельниками, я оставилъ зданіе и отправился обозрѣвать окрестности. Къ сѣверу отъ жилища Индусовъ, въ недалекомъ разстояніи, на полѣ находится кладбище ихъ: могилъ не много и надъ каждой видѣнъ знакъ въ родѣ завязаннаго узла. Надъ одной стоитъ простой памятникъ: внутри на гладкой землѣ лежитъ какой-то комокъ. Подлѣ кладбища Индусовъ находится колодезь, глубиной сажени четыре, прикрытый камнями: на днѣ его видна чистая вода, впрочемъ, имѣющая нефтяный запахъ, а наверху чувствуется теченіе газовъ. Сопровожд-

давший меня Индусъ тотчасъ же показалъ опытъ, повторяемый для забавы каждаго путешественника: онъ закрылъ колодезь на нѣсколько минутъ напасомъ, отчего выходъ газа наружу прекратился; потомъ онъ быстро открылъ отверстіе и бросилъ внутрь пукъ зажженной соломы. Газъ, перемѣшавшійся съ атмосферическимъ воздухомъ, мгновенно вспыхнулъ, и раздался выстрѣлъ похожій на залпъ изъ нѣсколькихъ орудій. Въ другомъ колодезѣ этотъ опытъ не удастся. Прежде Индусы не знали такого страшнаго свойства здѣшняго газа, и какъ-то одинъ изъ нихъ поднялъ въ своей кельѣ доскутокъ съ огнемъ высоко: тотчасъ же газъ, скопившійся подъ потолкомъ, вспыхнулъ и келья полетѣла на воздухъ.

Обойдя еще разъ обиталище Индусовъ, я нашелъ, что мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, благодаря несловохотливости индусскихъ отшельниковъ.

Неугасимые огни занимаютъ эллиптическое пространство, главная ось котораго направляется отъ С. З. къ Ю. В. обиталище Индусовъ находится въ сѣверо-западной сторонѣ этого эллипсиса. Главный огонь, горящій на дворѣ зданія, выходятъ изъ трещинъ известковаго камня, края которыхъ синеваты. Трубы моельни имѣютъ высоты до $3\frac{1}{2}$ сажень и кромѣ четырехъ есть еще пятая большая труба въ задней части монастыря: высота исходящаго изъ нихъ пламени днемъ два фута, а ночью три, и свѣтъ такъ силенъ, что ночью на разстояніи одной версты можно читать. При входѣ на дворъ зданія чувствуется довольно сильный жаръ и запахъ, подобный тому, когда спиртъ горитъ огнемъ. Хотя дыму и незамѣтно при горѣніи, однако закоптѣлые потолки индусскихъ келій свидѣтельствуютъ о непримѣтномъ образованіи дыма при горѣніи.

4

По изслѣдованіямъ Г-на Левца пылающій здѣсь газъ

есть ничто иное, какъ углеводородъ. Хотя Г-нъ Эйхвальдъ и думалъ, что этого газа нельзя перевозить въ бутылкахъ, однако опытъ Г-нъ Ленца доказалъ противное, и даже мы говорили въ Баку, что этотъ газъ можно возить съ собою, зажигать и тушить по произволу. Безъ горѣнія температура газа почти обыкновенная, т. е. 12° , а при горѣнии жаръ довольно силенъ, такъ что жители Сураханъ пользуются газомъ для обжиганія извести. Подземный процессъ образованія этого газа неизвѣстенъ физикамъ, но очевидно онъ имѣетъ сродство съ псевдовулканами бакинскими: малые огни отличаются отъ большихъ запахомъ нефти, котораго въ послѣднихъ совсѣмъ не замѣтно, а въ одномъ изъ огней около Баку Г-нъ Ленцъ открылъ запахъ сѣры. При южномъ вѣтрѣ огни горятъ сильнѣе, также какъ и теченіе нефти въ колодцахъ бываетъ обильнѣе, но при сѣверномъ вѣтрѣ горѣнія слабѣе.

Апшеронскій полуостровъ составляетъ единственное хранилище горючаго газа въ большихъ размѣрахъ: незначительные истоки его находятся въ Кангрѣ въ Индустанѣ, на горѣ Сибю въ Моденѣ, на горѣ Fuoso di legno въ Тосканѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая; кромѣ того газовые огни вездѣ тому нѣсколько лѣтъ горѣли по временамъ около селенія Ценга въ верхнемъ Ширванѣ, и даже въ Астрахани подобное явленіе обнаружилось однажды при рытіи артезіанскаго колодца. Въ настоящее время трудно рѣшить вопросъ: воспламенились-ли бакинскіе огни сами собою отъ подземнаго изверженія или ихъ кто-нибудь зажегъ. Древніе писатели: Геродотъ, Плиній, Птоломей, Амміанъ Марцелинъ и другіе не говорятъ о бакинскихъ неугасимыхъ огняхъ. Первый упоминаетъ о нихъ, сколько извѣстно до нынѣ, Масуди: «близъ Бакія или Бабака (Баку) существуетъ, въ странѣ богатой нефтью, огненная пропасть, одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые горятъ непрерывно и огонь которыхъ имѣетъ значительную высоту.» Истахри и Эд-рисъ молчатъ о бакинскихъ огняхъ, но съ нѣкоторою по-

дробностью говорятъ о нихъ Хамдулла Казвини и Бакуви, первый по словамъ Абу-Хамида Андалузскаго, а послѣдній какъ очевидецъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я оставилъ жилище людей, приблизившихся созерцательною жизнію къ состоянію животныхъ, а лѣнностію и бездѣйствіемъ доведенныхъ до крайней бѣдности. Не разрѣшивъ точнымъ образомъ своихъ сомнѣній о происхожденіи и религіи ихъ, я долженъ былъ возвратиться въ Баку и думать о новыхъ средствахъ къ достиженію опредѣленныхъ результатовъ.

Ксчастію въ моемъ ученomъ отчаяніи принялъ участие бакинскій уѣздный начальникъ К. И. Бучепъ и обѣщалъ рѣшить вопросъ окончательно, познакомивъ меня съ самымъ толковымъ изъ индусскихъ мудрецовъ. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ Индусъ, въ возможно-благопристойномъ костюмѣ, и началъ объясняться со мною вполонину по-турецки, вполонину по-персидски. Изъ ломаныхъ турецко-персидскихъ фразъ мало по малу открылось, что всѣ эти мудрецы имѣютъ самое темное понятіе о своей религіи. Другой, явившійся въ слѣдъ за первымъ отшельникомъ, вѣроятно для поддержанія извѣстій своего товарища, только сбивалъ его съ толку, такъ что наконецъ я долженъ былъ просить этого вреднаго комментатора помолчать. То, что разсказалъ мнѣ Индусъ въ таинственно-запутанныхъ фразахъ, я постараюсь передать здѣсь короче и безъ прибавленій несноснаго комментатора, во съ драгоцѣнными замѣчаніями нашего извѣстнаго ориенталиста П. Я. Петрова.

Всѣ живущіе въ зданіи мудрецы пришли изъ Индии: самъ разсказчикъ родомъ изъ Лагора, другъ и комментаторъ его изъ Телессерима, третій изъ Качбули, и т. д. Говорятъ они по-индустани, а о зендскомъ и парси до сихъ поръ еще и не слыхали. Писать умѣетъ только

одинъ мой рассказчикъ: остальные мудрецы пера не умѣютъ взять въ руки. Письмо свое онъ назвалъ Гурмуки, и для удовлетворенія моего любопытства написалъ мнѣ буквами, похожими на санскритскія, слѣдующія слова и фразы:

«Суреджъ» солнце.

«Таре» звѣзда.

«Чандурма» луна.

«Джуалямай» огонь.

«Аге шагаръ джавеге» я ходилъ сего дня въ городъ.

«Ма гарнеге» я не ходилъ домой.

«Тере пита кундека» вашего отца видѣлъ.

«Менъ Лягура сунъ ая» я пришелъ изъ Лагора.

Потомъ въ доказательство своихъ глубокихъ познаній, Индусъ медленно и съ гримасами написалъ мнѣ по-санскритски:

«Джаи сиранъ.»

«Срирамъ чантаджи» Богъ.

По объясненію многоученаго друга моего П. Я. Петрова, первое письмо мудреца принадлежитъ къ числу тьмо-численныхъ индусскихъ алфавитовъ, и называется «гурумукъи» наставнико-ротый, потому что изобрѣтеніе его приписывается наставнику Нанеку; языкъ какъ и письмо также изъ числа индусскихъ: это ясно видно по сравненію словъ гурмукскихъ съ чисто санскритскими. Въ санскрит-

скомъ солнце называется «сурья», луна «чандрама», пламя «джуалана», я «ма», отецъ «пита», идти «и»; нѣкоторые написанныя индусомъ слова, наприм. «негаръ» городъ, «тере» вапъ, принадлежатъ индустани. Что же касается до санскритскихъ словъ, то индусскій философъ, кажется, на нихъ споткнулся, потому что такая бездна премудрости, какъ санскритскій языкъ и письмо, даются въ руки не каждому: первая фраза мудреца написана, какъ и все его санскритское письмо, не совсѣмъ правильнымъ почеркомъ и звучитъ собственно: «джая шрирама», что значитъ: побѣди благословенный Рама! Вторая фраза начинается словами: «шри рама» благословенный Рама—Рама есть седьмое воплощеніе Вишну, похожее, съ большими натяжками, на младшаго Бахуса—и оканчивается словомъ «чангаджи», котораго значеніе не извѣстно.

Богослуженіе апшеронскихъ Индусовъ состоитъ въ чтеніи молитвъ на распѣвъ, въ держаніи рукъ надъ головой и въ хлопаніи въ ладони: впрочемъ, при достовѣрномъ изслѣдованіи оказывается, что религія брахманская имъ мало извѣстна, а ничтожныя продѣлки, которыя они выдавали Гг. Эйхвальду, Сюзанне и другимъ за обряды своей религіи, употребляются ими собственно для полученія денегъ съ довѣрчивыхъ посѣтителей; при мнѣ даже омовенія, предписываемыя брахманской религіей, уже не исполнялись строго. Покойниковъ они хоронятъ не одинаково: самъ повѣствователь долженъ быть по смерти сожженъ на неугасимомъ огнѣ, а мудрѣйшаго изъ мудрыхъ зарокуютъ въ землю въ сидячемъ положеніи: первый обрядъ употребляется болѣе у Вишнунтовъ, а второй у Шивантовъ, составляющихъ нынѣ главные секты въ Индіи. Систематическихъ и точныхъ понятій о религіи я не могъ добиться отъ моихъ мудрецовъ, и всѣ вопросы объ этомъ предметѣ получали въ отвѣтъ краснорѣчивое молчаніе, причину котораго мудрецъ объяснилъ изломанною турецкою фразой: «катышли харабъ олдумъ» перемѣшавшись,

я испортился. Этимъ и заключилось мое знакомство съ огненными отшельниками.

По собраннымъ мною въ Баку свѣдѣніямъ, нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ при Атешгахъ жило много Индусовъ,
а именно въ то время, когда индѣйскій купецъ Собра
Могундасть имѣлъ на откупѣ сальянскіе рыбныя промыс-
лы: во времена Г-на Эйхвальда Индусовъ было здѣсь до
двадцати четырехъ человѣкъ. Пользовавшись денежными
и другими пособіями своего соотечественника, мудрецы
проводили спокойно дни свои въ созерцаціяхъ, а для бо-
гослуженія имѣли брахмана. Но во время набѣга Персіанъ
на эти мѣста въ послѣднюю персидскую компанію, ин-
дѣйскій откупщикъ обанкрутился, и мудрецы остались
безъ поддержки и содержанія: легковѣрному Г-ну Сюзанне
они даже повѣствовали, что Персіане сожгли у нихъ всѣ
санскритскія книги, относящіяся къ огнеслуженію. Переда-
вая рассказъ Индусовъ, Г-нъ Сюзанне не замедлилъ къ
восточной лжи прибавить западную, которая, разумѣется,
ужъ почище первой: Г-нъ Сюзанне утверждаетъ, что Ба-
ку въ 1826 году по Р. Х. былъ взятъ персидскими вой-
сками!

Въ настоящее время при Атешгахъ находится до семи
Индусовъ: всѣ они монахи «югни» соединившіеся съ Богомъ
или «дигамбара» нагіе, и по-этому не должны заботиться
о своемъ пропитаніи, а въ Индіи люди ихъ разряда да-
же не берутъ на себя труда просить милостыню: все имъ
подается благочестивыми Индусами безъ всякой просьбы.
Мудрѣйшій изъ мудрыхъ принадлежитъ, по-видимому, къ
братству «танаса» кающихся, у которыхъ изувѣрство до-
ведено до *pas plus ultra*: одни изъ нихъ стоятъ цѣлую
жизнь, обнявши дерево, другіе держатся цѣлые годы за
сучекъ, третьи не выходятъ никогда изъ клѣтки, иные хо-
дятъ въ цѣпяхъ или держатъ руки распростертыми до
тѣхъ поръ, пока рука высыхаетъ и уже не можетъ изъ-

мѣнить своего положенія. Удивительные тапасы! Что же касается до апшеронскихъ югни, то отъ безпорядочнаго поведенія ихъ бакинскій уѣздный начальникъ въ совершеніи отчаяніи: Г-ну Эйхвальду и Сюзанне они показались людьми очень мирными, заслуживающими всякаго снисхожденія, но это не совсѣмъ справедливо. Лѣность ихъ ни въ какихъ границъ: по распоряженію Г. Главнокомандующаго Закавказскимъ краемъ отведена имъ земля для обработыванія; отшельники, предпочитая всему въ мірѣ тѣлесное и душевное спокойствіе, отдають ее изъ половины въ наймы сосѣднимъ жителямъ, а такъ какъ получаемого съ посѣва половиннаго дохода недостаточно для блаженнаго *far niente*, то мудрецы прибѣгаютъ по временамъ къ промышленности своего рода—перепродаютъ краденныя вещи, и проч. Одинъ изъ нихъ какъ-то ухитрился обобрать мѣдныхъ истукановъ у своихъ сожителей и отправился немедленно въ Шемаху, гдѣ намѣревался открыть новую торговлю индусскими идолами, но вѣстію его единовѣрцовъ успѣли отобрать истукановъ и самого спекулятора воротили назадъ.

Изъ всего приведеннаго благосклонный читатель уже давно заключалъ, что на Апшеронскомъ полуостровѣ никогда не было Гебровъ, а всегда обитали Индусы, которыхъ иные ученые и путешественники, какъ наприм. Лангле, Сюзанне, принимали за Гебровъ. Исповѣдуемая ими религія, обряды, идолослуженіе, языкъ, родина, и на конецъ самая физіономія, все говоритъ объ индѣйскомъ происхожденіи. Персидскіе Гебры, съ которыми я познакомился въ Тегеранѣ и Ширазѣ, не имѣютъ ничего общаго съ Индусами апшеронскими ни въ религіи, ни въ языкѣ, ни въ физіономіи; на вопросъ мой о бакинскихъ неугасимыхъ огняхъ, Гебры отвѣчали отрицательно и даже съ любопытствомъ спрашивали меня: «что это у васъ тамъ за Атешихъ? Намъ и дѣла нѣтъ до него! Огонь

мы уважаемъ какъ начало, но никакого особеннаго почитенія къ бакинскому Атешгаху не питаемъ.»

Свѣтъ и огонь во всѣ времена служили символомъ божества, а Индусы почитаютъ огонь до нѣнѣ, точно также какъ и солнце. По системѣ брахманской міеологiи огонь, какъ достойное уваженія начало, осуществленъ въ лицѣ божества Агни, живущаго въ Агнилока. Это божество называется иначе «Павака» очиститель, и принадлежитъ къ числу восьми покровительствующихъ міръ и людей божествъ; супруга его называется Агниаи или Сваха. Индусы въ честь этого божества поддерживаютъ съ величайшимъ стараніемъ священный огонь на горѣ Тирунамали; кромѣ того въ санскритской духовной литературѣ огонь очень часто воспѣвается въ «Джуалямукхистотрахъ» или въ стихотвореніяхъ въ честь «огненныхъ зѣвъ», и упоминаются въ священныхъ сочиненіяхъ «джуалямукхи» огненные зѣвы, къ числу которыхъ принадлежатъ и бакинскіе неугасимые огни. Жертвоприношеніе огню предписано брахманамъ ежедневно подъ пменемъ хомамъ и совершается слѣдующимъ образомъ: приступающіе къ этому священнодѣйствию брахманы должны быть чисты душою и тѣломъ; платье, на нихъ должно быть бѣлое. Они садятся у «веди» алтаря, на «питамъ» маленькую подушку, и читаютъ или поютъ слоку или строфу изъ священныхъ книгъ. Передъ ними находится колокольчикъ, горящій факель и сосудъ, наполненный кокосовымъ масломъ; вокругъ лежатъ по частямъ, на большихъ листьяхъ банана, матеріалы для жертвы: сандалное дерево, финики, мята, ристъ, цвѣты, листья деревьевъ и проч. Употребленіе этихъ предметовъ различно: брахманы въ этомъ случаѣ сообразуются съ священными книгами. Потомъ куски дерева раскладываются въ порядкѣ на жертвенникѣ и зажигаются факеломъ, и тогда по знаку, подающему колокольчикомъ, выливается на горящіе куски кокосовое масло и бросаются въ огонь плоды, цвѣты и листья, при-

чемъ священнодѣйствующій брахманъ тайно читаетъ одно изъ заклинаній «мантрамъ.» Не сомнѣваюсь, что подобное жертвоприношеніе хотѣлъ мнѣ представить Индусъ на неугасимыхъ огняхъ, но, по немѣлѣю-ли необходимыхъ для жертвоприношенія средствъ, или просто по незнанію полного обряда, исполнялъ только нѣкоторыя части его.

Сверхъ жертвоприношенія огню у Индусовъ существуетъ съ глубокой древности очищеніе отъ грѣховъ огнемъ: многіе индусскіе мудрецы заживо сжигали себя на кострахъ. Александръ Македонскій извлекъ индусскаго философа Каляма изъ уединенія, во въ то время, когда побѣдитель полсвѣта надѣялся соблазнить отшельника роскошью своего двора, индусскій мудрецъ торжественно сжегъ себя на кострь. Другой индусскій мудрецъ, отправленный своимъ государемъ къ Римскому Императору Августу, соскучившись дальною дорогою, сжегъ себя въ Аоинахъ.

Не довольствуясь опредѣленіемъ нація, къ которой принадлежатъ бакійскіе Индусы, я желалъ опредѣлить и самую ихъ секту, не смотря на неточность и сбивчивость сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и по-этому обратился къ изслѣдованіямъ Уильсона объ индусскихъ сектахъ, но не нашелъ здѣсь ничего похожаго ни между Вишнавитами, ни между Шивантами, и проч. Впрочемъ Шиванты, божество которыхъ Шива есть олицетвореніе огня, имѣютъ большое сходство съ мовни аншеронскими знакомцами. Что же касается до упоминаемаго у Г-на Сюзанне главнаго праздника Индусовъ «сималя», отправляемаго 30 Декабря, то по индусскому календарю значится въ это время нѣкоторый праздникъ «Пауши» декабрьско-генварскій, не имѣющій, по-видимому, большого значенія.

Вѣроятно Скифы и Геты почитали огонь, какъ Греки и Римляне. Жители Халдеи и многихъ другихъ странъ Западной Азіи почитали огонь подъ именемъ Уг: Халдеи,

говорить Фернабюсъ, почитаютъ огонь и воду началомъ вещей; это напоминаетъ новѣйшихъ Вулканистовъ и Нептунистовъ. У Грековъ идея мужескаго небеснаго огня выражалась въ Аполлонѣ; Римляне считали огонь душою природы, что видно изъ жизни Ромула и Рема у Плутарха, и во время осенняго равноденствія отправляли праздникъ *Natalis solis invicti*; Гераклій и Гиппась, говоритъ Плутархъ, считали огонь началомъ всѣхъ вещей. Сверхъ того обитатели Греціи и Италіи почитали Весту; при Римскомъ дворѣ носили огонь передъ Императорами. Германскія племена уважали огонь, а сибирскіе и американскіе язычники почитаютъ его донинѣ. Огонь мы находимъ во всѣ времена въ храмахъ различныхъ религій. О почитаніи огня у новѣйшихъ Гебровъ говоритъ Шарденъ, а Нибуръ рассказываетъ, что Гебры въ Суратѣ двѣсти лѣтъ берегли священный огонь.

Бакинскіе неугасимые огни такъ любопытны и такъ привлекательны, что я не отказался отъ случая посѣтить ихъ вторично. Случай былъ удивительно благопріятенъ: кромѣ огней я могъ осмотрѣть и Апшеронскій полуостровъ, на которомъ, мнѣ говорили за вѣрное, существуютъ древности одного характера съ «Дѣвичьей башней». Случай этотъ олицетворялъ собой бакинскій уѣздный начальникъ К. И. Бучень, отправлявшійся по дѣламъ службы на Апшеронскій полуостровъ. Кромѣ меня, любопытнаго ех professo, нашлись многіе любители необыкновеннаго, и составилось общество довольно разнообразное и многочисленное, тѣмъ болѣе, что поѣздка предстояла не дальняя.

Въ качествѣ «путешественника по Востоку», я ѣхалъ верхомъ, и не оставлялъ безъ вниманія ни одного бугра песчанаго, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, ни одной постройкой, сколько-нибудь сносной, которыя встрѣчаются не на каждомъ шагу, но не смотря на все стараніе не сдѣлалъ никакого открытія отъ самаго Баку до де-

решья Маштаги, нашего пристанища. Путешествіе по Апшеронскому полуострову представляетъ неслыханное на Востока удобство: лѣнивый путешественникъ, къ разряду которыхъ я безъ всякаго стыда причисляю и себя, можетъ отдохнуть здѣсь на каждыя десяти верстахъ, такъ близко расположены здѣшнія деревни одна отъ другой.

Впрочемъ, на этотъ разъ не лѣность заставила меня остановиться въ Маштагахъ, но замѣчательность этой деревни по недавнему землетрясенію, разрушившему большую часть домовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Маштага представляла странное зрѣлище: дома съ упавшими кровлями и разрушившимися стѣнами, земля во многихъ мѣстахъ треснувшая, и грустные жители на опустѣлыхъ улицахъ наводили на посѣтителя невольную тоску. Эта несчастная деревня была разрушена землетрясеніемъ назадъ тому лѣтъ восемьдесятъ, но съ тѣхъ поръ оправилась и закипѣла народонаселеніемъ, какъ новое бѣдствіе постигло ее въ Декабрѣ 1841 года: довольно сильный подземный гулъ около 10 часовъ утра извѣстилъ жителей о наступающемъ землетрясеніи и далъ имъ время выбраться изъ своихъ домовъ. Не смотря на паденіе кровель и стѣнъ, никто не погибъ. Подземные удары и колебаніе земли были замѣчены на большомъ разстояніи: подобныя событія на вѣроломной почвѣ этой страны не рѣдкость.

Соболезнуя отечески о несчастіи, постигшемъ Маштагинскихъ жителей, Государь Императоръ Всемилоствѣйше изволилъ пожаловать имъ на вспоможеніе 2,000 руб. серебромъ. Для раздачи Царской Милости лично отправился въ Маштаги Бакинскій Уѣздный Начальникъ и другіе чиновники; въ числѣ прочихъ находился и нашъ усердный писатель.

Прибытіе наше въ Маштаги оживило деревню: жители знали о Монаршей щедротѣ, знали о цѣли поѣздки

своего Начальника, и встрѣтили нашъ караванъ веселыми привѣтствіями. Немедленно по вѣздѣ въ деревню, К. И. Бученъ приступилъ, по заранѣ составленнымъ спискамъ, къ раздачѣ Высочайшаго вспомошествованія: обрадованные жители съ нетерпѣніемъ толпились у входа, и, не подозрѣвая, что я понимаю по-татски, отъ души благословляли Русское Правительство и Высокаго Виновника общей радости. Полюбовавшись на эту сцену, отрадную для Русскаго сердца, я отправился обозрѣвать деревню.

Маштаги составляетъ главное мѣсто маштагинскаго участка и до послѣдняго землетрясенія было значительною деревнею. Весь бакинскій уѣздъ раздѣленъ на два участка: маштагинскій и бинагединскій, изъ которыхъ послѣдній болѣе населенъ и заключаетъ въ себѣ большее число деревень. Не смотря на разрушеніе многихъ домовъ почти все народонаселеніе деревни Маштаговъ находилось налицо: число всѣхъ превышало три съ половиною тысячи. По примѣру большей части восточныхъ деревень, Маштаги имѣетъ укрѣпленіе съ довольно высокой стѣной, очень пострадавшее отъ землетрясенія: мечеть внутри укрѣпленія не заслуживаетъ вниманія. Треснувшія или разсыпавшіяся стѣны и упавшіе потолки домовъ представляли живописный безпорядокъ, пріятный для глазъ, но тяжелый для сердца!

Между тѣмъ какъ Уѣздный Начальникъ занимался раздачею вспоможенія, общество наше отправилось въ сосѣднюю деревню Бузоню на восточный обѣдъ къ одному изъ тамошнихъ дворянъ мусульманскихъ Аляръ-Беку. Перѣздъ былъ очень близкій и занимательный, потому что одинъ изъ провожавшихъ насъ наѣзтниковъ показывалъ свое искусство на конѣ. Ловкость и быстрота движеній всадника и коня были изумительны: послушное животное гнулось и прыгало подъ искусною рукою какъ кошка, а наѣзникъ то спрыгивалъ съ коня на землю, то несся на

сѣдѣль скрытый подъ лошадию, нагибался и подбиралъ съ земли брошенные платки. Все это дѣлалось очень легко, плавно, безъ всякой принужденности и усилія, не въ примѣръ нашимъ вольтижерамъ: иногда перемѣна движеній наѣздника была такъ быстра и неожиданна, что нельзя было глазу усмотрѣть за нимъ, и напрасно врагъ думалъ бы поразить его въ это время! Другіе наши провожатые старались соперничать съ лихимъ юношей, носились вокругъ насъ на коняхъ, но все это было далеко до искусства этого наѣздника. Я видѣлъ опыты горскаго умѣнья владѣть колемъ, но ни прежде, ни послѣ не испытывалъ такого удовольствія, глядя на ровныя, почти небрежныя движенія нашего спутника, при всѣхъ его трудныхъ эволюціяхъ. Любопытство заставило меня спросить о немъ, и я узналъ, что онъ еще недавно служилъ съ честью въ Варшавскомъ мусульманскомъ эскадронѣ и принадлежить къ довольно благородной крови Закавказскаго Дворянства.

Въ Бузюню мы прибыли къ самому обѣду. Чрезвычайно ласковый и богатый хозяинъ отдалъ въ наше распоряженіе весь свой домъ и садъ. Мы воспользовались послѣднимъ, засѣли въ виноградники, и, утоливъ жажду, завели перестрѣлку виноградомъ, къ чему подалъ примѣръ самъ хозяинъ Аляръ-бекъ. Раненныхъ послѣ этой перестрѣлки не оказалось, но оскотуженныхъ было много.

Я не буду описывать восточнаго обѣда: радушію хозяина не было предѣловъ, а блюдамъ не было счета. Пловы и кебабы различныхъ сортовъ смѣнялись одни другими; для разнообразія являлись и европейскія кушанья. Роскошный десертъ положилъ конецъ кебабамъ, и послѣ чашечки кофе à l'oriental я отправился на осмотръ деревни и ея окрестностей.

Бузонья, Бузогна или Бузовна—называйге какъ угодно, потому что всѣ три названія равно приняты—принад-

лежитъ къ числу самыхъ большихъ деревень маптагпскаго участка и представляетъ очень красивый пейзажъ съ своими обширными садами и раскиданнымъ строеніемъ. Въ ней живетъ болѣе тысячи человекъ. Древность этой деревни не подлежитъ сомнѣнію, но время ея основанія нельзя опредѣлить исторически: здѣсь находится довольно большое зданіе, называемое дворцомъ, и вѣроятно бывшее прежде загороднымъ домомъ бакинскихъ правителей. Кроме того старожилы рассказываютъ, что здѣсь была огромная башня, входившая въ систему стѣны Апшеронскаго полуострова. Но преимущественно привлекаетъ на себя вниманіе въ Бузонѣ могила армянскихъ святыхъ Иліи и Андрея, куда здѣшніе Армяне ходятъ на поклоненіе, и даже въ мой прїѣздъ находилось здѣсь два или три благочестивыхъ армянскихъ семейства.

Когда жили армянскіе святые Илія и Андрей и какъ протекла ихъ праведная жизнь—объ этомъ я ничего не могъ узнать отъ бакинскихъ Армянъ. Надобно замѣтить, что дагестанскіе и закавказскіе Армяне имѣютъ свои особенныя мѣста пелеринажей, неизвѣстныя общей грегорианской церкви. Могала Св. Иліи и Андрея съ грубымъ камнемъ и дурно изсѣченною армянскою надписью: «Илія, Андрей» находится на краю деревни; напротивъ могилы существуетъ четвероугольное небольшое зданіе съ круглымъ сводомъ: здѣсь, по словамъ Армянъ, была келья святыхъ отшельниковъ. Надъ дверьми ея выставлено имя какого-то Синма-Бузурэ, 1706 годъ, арабскими буквами и замѣтны остатки армянской надписи, почти изглаженной. Съ боку парапета, находящагося передъ кельей, существуетъ арабская надпись, извѣщающая ученыхъ мужей, что это зданіе построено въ 885 (1480—1481) году, въ царствованіе Шерванъ Шаха Халиль Уллы, нѣкоторымъ Армяниномъ Танваромъ сыномъ Туманъ-Шана сына Таксира сына Инта. Вообще здѣшнія надписи дурно изсѣчены и жестоко

страдаютъ въ правописаніи, и по-этому я не ручаюсь за собственное имя Армянина-строителя.

Налюбовавшись на живописный видъ Бузови, я сѣлъ на коня и поскакалъ въ сосѣднія деревни, гдѣ меня ожидали, по словамъ жителей, большія рѣдкости.

Самая замѣчательная изъ ближнихъ деревень и едва ли не замѣчательнѣйшая на всемъ Апшеронскомъ полуостровѣ есть Мердаханъ, Мердаканъ, Мердаханъ или наконецъ Мардакентъ. Населеніе ея не значительно, но здѣсь находится довольно пзящая мечеть, построенная въ 886 (1481—1482) году Халиль Уллою, и еще укрѣпленіе, построенное Мирза Мухаммедъ Ханомъ, вѣроятно бакинскимъ правителемъ, въ 1133 (1720—1721) году, какъ значится въ арабскихъ надписяхъ на мечети и укрѣпленіи. Кромѣ того я видѣлъ еще камень съ надписью Шахъ Меликъ Салара, о которомъ никто не могъ мнѣ сказать ничего вѣрнаго.

Но главную достопримѣчательность деревни составляетъ находящаяся подлѣ нея высокая башня, по-видимому, состоявшая въ связи съ другими башнями на протяженіи полуострова къ морю. Эта башня сохранилась лучше другихъ и представляетъ болѣе оригинальности: она сложена хорошо изъ тесаныхъ небольшихъ камней; фигура ея правильный четверугольникъ съ круглыми бастіонами по угламъ. Въ стѣнахъ башни есть камни съ арабесками; высотой она до 18 сажень и состоитъ изъ пяти этажей; толщина стѣнъ довольно значительна, до 2½ аршинъ. Башня освѣщается окнами, имѣющими фигуру тупыхъ треугольниковъ и помѣщенными одно противъ другаго. Для входа въ башню служатъ ворота, надъ которыми, говорятъ, былъ камень съ означеніемъ времени постройки самой башни, но этого теперь уже не существуетъ: рассказъ, вообще мало заслуживающій вѣроятія. Дѣйствительно, надъ

воротами есть обломокъ камня съ надписью, но она довольно нова и едва-ли современна постройкѣ самой башни; въ этой надписи, дурно вырѣзанной, находится, по-видимому, собственное имя «Насръ Эль-Музафферъ ибнъ Табу ибнъ Бильараджъ»: впрочемъ, я не могу ручаться за твердость этого чтенія. Башня обведена кругомъ невысокой стѣной; внутри башни ходъ. вверху уже разрушившійся: кто-то изъ путешественниковъ поднимался по нему до самой вершины башни и спустился назадъ уже по веревкѣ, какъ говорили мои проводники.

Съ наружной стороны башня къ одному краю разрушена больше половины, какъ будто бы къ ней примыкала стѣна, уже упавшая. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ ближней деревнѣ Шаханахъ существуетъ остатокъ огромной стѣны, равняющійся высотой мердханской башнѣ. Далѣе къ морю видны еще двѣ башни, но уже не четверугольныя, а круглыя, изъ которыхъ ближайшая сохранилась хорошо, а дальняя разрушена. Слѣдовъ стѣны, соединявшей эти башни, и бывшее существованіе которой я подозреваю, не замѣтно, но подобно знать, что ураганы заносятъ здѣсь пескомъ цѣлыя деревни, и по-этому не мудрено, что остатковъ стѣны, не имѣвшей той крѣпости постройки, какую имѣютъ башни, теперь не замѣтно.

Время построенія и значеніе этихъ башенъ не извѣстно: по способу стройки, по наружной древности и даже по самому матеріалу онѣ обнаруживаютъ родство съ «Дѣвичьей башней» въ Баку и съ потопленными зданіями въ Бакинскомъ заливѣ. Здѣшніе жители, по общей восточной натурѣ имѣющіе большую склонность къ чудесному, утверждаютъ, что во дни оны Каспійскаго моря здѣсь не было, а была суша и цвѣтущіе города, что эти башни и стѣна служили защитой отъ Тюркменовъ, которыхъ, какъ видно изъ этого, Персіяне всегда трусили. Этотъ рассказъ

туземное краснорѣчіе подкрѣпляетъ извѣстіемъ, будто бы на восточномъ берегу Каспійскаго моря существуютъ въ этомъ же направленіи башни и стѣна подобной стройки.

Не отвергая безусловно этихъ предположеній, я долженъ сказать, что на восточномъ берегу Каспія по правому берегу Гургана дѣйствительно тянется стѣна изъ обожженныхъ кирпичей съ довольно частыми укрѣпленіями, что преданіе о соединеніи Апшерона съ восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря извѣстно и у Тюркменовъ, что въ этомъ мѣстѣ находится наименьшая ширина Каспія—115 миль, что въ этомъ направленіи глубина моря почти вездѣ отъ 35 до 60 сажень, тогда когда къ С. и Ю. дна морскаго не дощупаешься, что порфиры Красноводска, по замѣчанію Гумбольдта, служатъ продолженіемъ кавказскихъ, что на обоихъ берегахъ видно обиліе нефти, замѣтной даже въ самомъ морѣ по этому направленію, что Апшеронъ носитъ явные слѣды вулканизма, также какъ и порфиры Красноводска, и что, наконецъ, въ морѣ по этому направленію плывутъ ряды камней и плитъ, какъ будто бы остатки какихъ-нибудь зданій: все это выѣсгъ взятое громко говорить въ пользу до-историческаго соединенія Апшерона съ Тюркменіей. Но противъ этого предположенія имѣется очень замѣчательная истина, что у самыхъ необразованныхъ народовъ физическій видъ страны перѣдко заставляетъ родиться идею о прежнемъ ея положеніи, и эта доморощенная идея является историческимъ преданіемъ; по-этому въ пользу соединенія Апшерона съ Гурганомъ можетъ служить только физическое образованіе мѣстности, что могло произойти въ эпоху до-историческую.

Избѣгая столь отдаленнаго предположенія, я думаю, что апшеронскія башни и стѣна, ихъ соединяющая, служили, подобно Дѣвичьей башнѣ, защитой отъ морскихъ набѣговъ каспійскихъ корсаровъ—Руссовъ, но что построеніе ихъ произошло въ эпоху не очень отдаленную, а су-

ществованіе стѣны и башенъ на восточномъ берегу Каспія не доказываетъ непрерывности стросія отъ Аншерона до Гургана во времена историческія.

Соймоновъ, во время плаванія по Каспійскому морю въ 1719 году, видѣлъ на Апшеронскомъ полуостровѣ три башни изъ тесоваго камня, одна отъ другой на версту разстоянія: это, по-видимому, тѣ самыя, которыя находятся въ Мердакентѣ и окрестности. Кромѣ нихъ этотъ плаватель упоминаетъ еще о десяти башняхъ къ сѣверу отъ первыхъ; построеніе всѣхъ ихъ, по словамъ жителей, принадлежитъ Александру Двурогому. Нечего и говорить, что это басня.

Въ настоящее время въ крайней къ берегу башнѣ помѣщаются казаки и таможенные объѣзчики, содержащіе карантинную и таможенную стражу; у средней башни находится колодезь съ хорошей прѣсной водой.

День склонялся къ вечеру, солнце пряталось за горы, и высокія башни апшеронскія представлялись въ чудовищныхъ размѣрахъ: мнѣ пора было домой. На возвратномъ пути я проѣхалъ черезъ деревню Шаханъ, находящуюся близъ Мердакента, и Шевелянъ, лежащую въ 4 верстахъ отъ Шахана. Шаханъ населена незначительно, но здѣсь находится остатокъ стѣны апшеронской, видно небольшое зданіе надъ могилой сестры какого-то изъ Имамовъ, признаваемой Мусульманами за святую, и около него расположено обширное кладбище. Въ Шевелянѣ находится небольшой ханскій дворецъ.

О деревняхъ Бильгэ и Нардаранъ я слышалъ только отъ туземцевъ, но самъ ихъ не посѣтилъ. О первой изъ нихъ, называемой также «Кугне бильгэ» Старая бильгэ, известно только то, что въ ней находится гробница мусульманскаго святаго, называемаго «Пиръ гефгэ хуръ» ста-

рецъ въ недѣлю ѣвшій, получившаго такой титулъ потому, что онъ ѣлъ только разъ въ недѣлю. Эта деревня заносится песками: одни изъ бакинскихъ владѣльцевъ Селимъ Хановы лишились въ ней по-этому богатаго сада.

Въ деревнѣ Нардаранъ находятся довольно старыя мечети и есть также свой святой, называемой «Пири Нардаранъ» нардаранскій старецъ. Мусульмане говорятъ, что этотъ старецъ явился во снѣ одному изъ жителей и повѣлъ ему возвѣстить народу, что гробница его и большая часть деревни скрыта подъ пескомъ. Къ этой баснѣ подало поводъ то обстоятельство, что большая часть Нардарана и одна изъ мечетей отрыты лѣтъ десять тому назадъ изъ-подъ песчаныхъ бугровъ, нанесенныхъ вѣтромъ.

Ашперонскій полуостровъ выдается въ Каспійское море въ видѣ языка отъ З. къ В. между 40° и 41° С. Ш. длиной на семьдесятъ верстъ, а шириной на сорокъ. На всемъ полуостровѣ нѣтъ рѣкъ, и дурная вода достается изъ колодцевъ; бѣдная травка появляется только весной на глинисто-песчаныхъ холмахъ, а лѣтомъ совершенно иссыхаетъ; по-видимому вся внутренность полуострова пропитана нефтью, которая обнаруживается во многихъ мѣстахъ. Не смотря на это, полуостровъ довольно населенъ и здѣсь преимущественно процвѣтаетъ садоводство.

Кромѣ подземнаго вулканизма у Ашперонскаго полуострова есть не менѣе опасный врагъ: низменная, голая почва представляетъ обширное пространство, открытое всѣмъ возможнымъ вѣтрамъ; песокъ, нанесенный моремъ на берега, воздымается сильными и частыми вѣтрами СВ. и носится тучами по цѣлому полуострову, такъ что во многихъ мѣстахъ представляются взорамъ песчаныя степи. Постоянно въ одномъ направленіи дующій вѣтеръ сноситъ песокъ на одно мѣсто, и отъ этого иногда цѣлыя деревни съ своими садами и большими зданіями исчезаютъ мало по малу

подъ песчаными буграми. Песокъ очень мелокъ, солнечный жаръ скоро сушить его, и свѣтъ дневной меркнетъ, когда эти мелкія зерна поднимаются на огромную высоту: почти нѣтъ возможности укрыться отъ нихъ, и пылинки проникаютъ въ дома и даже въ запертые сундуки. Лѣтомъ 1842 года послѣ урагана нѣсколько селеній, особенно деревня Шаханъ, были почти засыпаны пескомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ лежалъ на пять аршинъ глубины. На южной сторонѣ Апшерона туземцы показываютъ на берегу нѣсколько пустыхъ мѣстъ, на которыхъ нѣкогда процвѣтали селенія, теперь засыпанныя пескомъ.

Страшно жить на Апшеронскомъ полуостровѣ: подъ ногами колеблющаяся земля, сверху неотразимые пески!

Усталый отъ разнообразныхъ впечатлѣній и продолжительнаго, хотя и не дальняго странствованія, я возвратился въ Бузюню подъ гостепріимный кровъ Аляръ-Бека. Восточный ужинъ ожидалъ собравшееся общество, а послѣ ужина явились мусульманскіе музыканты и пѣвцы для увеселенія усталыхъ посѣтителей. Оркестръ состоялъ изъ четырехъ инструментовъ: «нагара» два маленькіе овальные барабана, изъ которыхъ одинъ громче и музыкальнѣе, а другой тише и непріятнѣе для слуха, «сазъ» балабайка о четырехъ струнахъ, «балабанъ» родъ флейты, и «кавалъ» мѣдный кругъ въ родѣ бубна. Оркестромъ управляетъ сазъ, дающій тонъ, въ которомъ должна быть играна пѣса: музыкантъ, играющій на сазѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣпо-тепеге. На нагарѣ играетъ одинъ музыкантъ.

Пѣсни смѣнялись, однѣ другими; восточное пѣніе и музыка довольно извѣстны и не могутъ нравиться европейскому слуху по своимъ неистовымъ и страннымъ звукамъ. Въ послѣдствіе времени мнѣ случалось слышать лучшихъ мусульманскихъ артистовъ въ Тегеранѣ, Каирѣ и Константинополѣ, но пѣніе, слышанное мной у Аляръ-Бека на Ап-

шеронскомъ полуостровѣ, всегда представлялось мнѣ болѣе пріятнымъ. Я думаю, что близкое прикосновеніе съ образованною націею и съ европейскою музыкою улучшило вкусъ нашихъ закавказскихъ Мусульманъ и отучило ихъ отъ неистовыхъ и непріятныхъ криковъ и воющей музыки.

Много пѣсенъ грустныхъ и веселыхъ пѣлъ апшеронскій бардъ, но я запомнилъ только одну изъ нихъ. Вотъ она въ русскомъ переложеніи:

Палъ на горы снѣгъ,
Скрылись цвѣтики;
Слава Господу,
Придетъ милая!
Не кидай камней:
Я ужъ раненой;
Въ черномъ платьѣ я,
Душка въ красномъ вся.
Подъ стѣной растутъ
Здѣсь три розана:
Опадай листокъ —
Вѣтвь останется!
Я влюбленъ въ тебя:
Не помочь бѣдѣ!
У тебя въ рукахъ
Слаще меду сласть;
Отца, матери
Милѣй милая!
Ну, пойдемъ со мной
Въ мою родину!
Она жъ вѣромъ
Прохлаждается;
Взглядъ на милую
Живить плѣнника!

На вершинахъ горъ
 Все не таетъ снѣгъ.
 Въ цвѣтѣ розъ шиповъ
 Вѣдь не менѣе:
 Вѣдь не менѣе
 Любить милая,
 Хоть и каждую ночь
 На груди моей!
 Не сберешь гранатъ
 У стѣнъ крѣпости:
 Кто же столько смѣлъ,
 Говорить бы съ ней,
 Съ нею—утицей
 Сизокрылою?
 Не могу назвать
 Тебя милою
 Не прижму пока
 Къ ретиву сердцу.
 Видѣлъ я ее
 У стѣнъ города:
 Сладко мнѣ она
 Улыбалася,
 Въ фереджѣ новомъ
 Красовалася!
 Ахъ, поди ко мнѣ
 Моя дѣвица!
 Не бросай камней:
 Я ужъ раненой.

*
 * *

Последнимъ свидѣтельствомъ вниманія Аляръ-Бека къ своимъ гостямъ была устроенная имъ въ маломъ видѣ Лезгинка. Я видѣлъ не разъ этотъ танецъ, и кромѣ воинственнаго характера, придаваемого ему вооруженными Черкесами, другихъ красотъ въ немъ не нахожу: довольно пріятнымъ звукамъ музыки лезгинскаго танца не достаетъ

плавныхъ и граціозныхъ движеній тѣла; у Грузинъ Лезгинка приняла другой, болѣе изящный характеръ.

На другой день все общество оставило Бузюню и возвратилось въ Маштаги, гдѣ все еще продолжалась раздача вспоможенія пострадавшимъ.

Послѣ обѣда весь караванъ нашъ двинулся въ обратный путь въ Баку. Вчерашнее джигитованье на коняхъ возобновилась, но уже не доставало отличнаго наѣздника: онъ уѣхалъ куда-то въ сосѣднюю деревню. Ободренный его отсутствіемъ, и я попробовалъ показать свое искусство въ верховой ѣздѣ. Отличавшійся вчера въ лезгинкѣ Эсауль (казакъ) уѣзднаго Начальника Кечи-Мирза игралъ теперь главную роль, и я, забывъ важность «путешественника», старался подражать ему въ пріемахъ, хотя большею частію неудачно. Послѣдняя и самая лучшая его выходка едва не стоила мнѣ дорого: перекинувъ стремяна черезъ сѣдло въ переплетъ, онъ утвердился въ нихъ ногами, сталъ на сѣдло и сильнымъ галопомъ пустился по полю, какъ лучший волтижеръ въ циркѣ. Два раза отважился и я на такую же скачку, вѣтряясь ровному и правильному бѣгу горской лошади: первая попытка была удачна, а вторая кончилась дурно. Не умѣя соблюсти равновѣсія, я упалъ съ лошади: умное животное остановилось немедленно, я сѣлъ и поѣхалъ легкой рысью, размышляя о первомъ неудачномъ урокѣ въ наѣздничествѣ.

Но я былъ неутѣшенъ.

Послѣ такого шумнаго паденія развѣ можно мнѣ было оставаться въ Баку?

На другой же день я изыскивалъ средства пробраться въ Сальянъ, не заѣзжая въ Шемаху и другіе любезные города Закавказья: я такъ зажилъ въ очень любезномъ Баку, что мнѣ необходимо было пронестись самымъ

прямымъ трактомъ въ Персію, чтобъ поспѣть во-время въ Тебризъ.

Но вотъ бѣда: изъ Баку почтовый трактъ идетъ на Шамаху, а на Сальянъ вѣтъ дороги сухопутнымъ; моремъ на ту пору не было оказіи. Не ѣхать же на верблюдахъ! . . . Какъ на верблюдахъ? Да развѣ въ Баку можно найти верблюдовъ? спрашиваетъ въ недоумѣніи благосклонный читатель.

—Въ мое время находилось въ бакинскомъ уѣздѣ ровно пятьсотъ четыре верблюда, отвѣчаю я.

—Какимъ же образомъ мы читали въ одномъ недавно вышедшемъ очень умномъ путешествіи, что верблюды водятся только въ кочевьяхъ: стало быть и въ бакинскомъ уѣздѣ кочуютъ?

—Ничуть не бывало.

—Такъ стало быть вы «путешествуете» неправильно, на-выворотъ: вы противорѣчите общимъ истинамъ. Тотъ же умный путешественникъ подсмѣивается надъ Риттеромъ и находитъ, что германскій ученый говоритъ трогательно о совмѣстности верблюда лишь съ пальмой, но совершенно несправедливо.

—А я нахожу, что умный путешественникъ говоритъ самъ ни трогательно, ни справедливо, и что поправлять даже ошибки людей славныхъ въ наукѣ не такъ легко, какъ думается.

Къ моему благополучію, кромѣ верблюдовъ въ Баку отыскался отважный ямщикъ съ надежными лошадьми, взявшійся доставить меня прямо въ Сальянъ.

16-го Сентября утромъ я оставилъ Баку съ сожалѣ-
нiемъ и опять покатылъ на телѣжкѣ вдаль, вдаль . . .

Дорога впрочемъ, я ѣду совсѣмъ безъ дороги,
просто по берегу морскому: грустная картина безжизнен-
ной почвы, отъ которой бѣлымъ, утомительнымъ свѣтомъ
отпрыгиваютъ солнечные лучи, наводитъ на душу тоску;
ямщикъ молчитъ, лошади бѣгутъ однообразной рысью,
растительности никакой, если сухую траву не считать ра-
стенiемъ, на-право возвышаются холмы, на-лѣво шумитъ
Каспiй . . .

Скучная дорога!

Въ сорока верстахъ отъ Баку я остановился почевать
въ караванъ-сараѣ, называемомъ Сенгаджаль: это един-
ственное мѣсто, гдѣ находится прѣсная вода на этомъ
трактѣ. Конечно, мнѣ самому никогда не пришлось бы въ
голову останавливаться здѣсь, но лошади устали, ямщикъ
хотѣлъ спать, и я долженъ былъ покориться общему же-
ланiю и животныхъ и возницы.

Сенгаджаль обыкновенный караванъ-сарай, немного
лучше, чѣмъ караванъ-сарай между Кубой и Баку, и не-
много хуже, чѣмъ персидские караванъ-сарай: дворъ об-
веденъ конурами, а надъ входомъ находится неизбежное
«бала-ханэ» съ тремя разрушающимися комнатами. На кам-
нѣ справа отъ входа значится по-арабски, что это построй-
ка Халиль Уллы: вѣроятно и другiе караванъ-сарай меж-
ду Баку, Шемахой и Сальяномъ выстроены этимъ же
Ширванъ-шагомъ, и по-этому едва-ли не напрасно при-
писываютъ ихъ Шаху Аббасу I.

Мнѣ не хотѣлось провести опасную восточную ночь
подъ открытымъ небомъ, и я отправился въ бала-ханэ.
При входѣ моемъ многочисленные обитатели этого края—

ящерицы и змѣи скрылись съ свистомъ въ расщелины. По поламъ со страхомъ я улегся на каменномъ полу, и тревожный подозрѣніемъ, что кромѣ змѣй и ящерицъ могутъ водиться въ караванъ-сараѣ и скорпіоны, долго не могъ заснуть. Шумъ неугомоннаго сосѣда—Каспія и усталость наконецъ усыпили меня, но едва началъ грезиться мнѣ первый сонъ, какъ вѣрный слуга мой Карапетъ явился съ извѣстіемъ, что лошади выкормлены, запряжены, и что остается только сѣсть и ѣхать.

Я подивился неусыпности Карапета, сѣлъ и поѣхалъ. Это было ровно въ часъ по полуночи.

Море сердито волновалось; съ грохотомъ разбивались валы о каменистый мысъ Сенгамилъ, выдающійся далеко въ море около Сенгаджала. Въ Баку мнѣ говорили, что на Сенгамилѣ находятся древнія арабскія надписи разныхъ собственныхъ именъ: судьба не привела мнѣ видѣть эти надписи, можетъ быть и потому, что я не вѣрю въ ихъ существованіе.

Телѣжка опять потянулась вдоль морскаго берега, который состоитъ здѣсь изъ известковаго плитняка и глины, а по краинамъ моря устланъ наноснымъ пескомъ. Мѣстами по невысокому берегу возвышаются бугры, изъ которыхъ иногда бьютъ ключи горько-соляной воды «рапы» и обнаруживаются прожилки нефти. Такое же образованіе имѣютъ и побережные острова. Мѣстами замѣтны псевдовулканы, и кромѣ того встрѣтилось мѣсто съ огромными камнями, раскиданными по скату горъ и по полю вправо отъ дороги.

Въ шестнадцать верстахъ отъ Самьяна я остановился отдохнуть на Казачьемъ посту: на всемъ пространствѣ отъ Сенгаджала здѣсь находится единственная лужа прѣсной воды, и то мутной.

Съ этого мѣста дорога уже не такъ пустынна и мнѣ часто встрѣчались арбы съ проѣзжими туземцами.

Вечеромъ я прибылъ благополучно въ шестую главу— въ Сальянъ.

VI.

ОТЪ САЛЪЯНА ДО ЛЕНКОРАНА.

Правда, сказать по секъ Государь, Салъянъ страна изрядная, но далеко отъ моря, и съ разсужденіи сего то мѣсто, на которомъ предложилъ Соймоновъ быть городу, выгодноѣ.

Дѣянія Петра Великаго, VIII, 407.

Подъѣзжая къ Салъяну, видишь издали только высокія тонкія деревья на плоской равнинѣ, и уже вблизи являются ничтожныя хижины въ садахъ, составляющія

мѣстечко Сальянъ, расположенное близъ раздѣленія Куры на Сѣверо-восточный рукавъ или собственную Куру и на Южный рукавъ, или Акушу. Переѣхавъ на поромѣ черезъ С. В. рукавъ, я очутился въ Сальянѣ, грустный, чисто деревенскій видъ котораго не обѣщалъ ничего пріятнаго путешественнику. Единственный чиновникъ мѣстечка, участковый засѣдатель, недавно переведенный изъ Бердянска, принялъ меня чрезвычайно радушно, но, не смотря на искреннее желаніе занять мое любопытство, онъ не могъ отыскать въ Сальянѣ ничего ни замѣчательнаго, ни историческаго и кончилъ откровеннымъ сознаниемъ, что и самъ онъ не надѣется долго выдержать скуку одиночества между грубыми Мусульманами, не имѣя въ перспективѣ ничего, кромѣ ссоръ и тяжбъ за украденный арбузъ или за потерянную лошаденку. — Вскорѣ явился помощникъ засѣдателя Персіянинъ, и напалъ на меня съ огромнымъ запасомъ персидскихъ вѣжливостей, а я въ отплату осадилъ его въ историческихъ извѣстіяхъ о мѣстечкѣ Сальянѣ. Хитрый Персъ сначала своротилъ на рассказъ о «греческомъ городѣ» Шагри-юнанъ, слышанный мною еще въ Дербентѣ, а потомъ ретировался въ персидскую знаменитую географію «Наслажденіе сердецъ» Нузгатъ-эль-кулюбъ и, опираясь на нее, утверждалъ, что близъ Сальяна находился городъ Гуштасфа («Шагри-Гуштасфи», бранные остатки котораго и донынѣ выкапываютъ недалеко отъ мѣстечка подъ горою въ видѣ ножей, тарелокъ, каляновъ и проч. — Такъ какъ ничего лучшаго въ рассказахъ помощника засѣдателя не оказывалось, то я и предался покою раньше обыкновеннаго, приказавъ Карапету заготовить къ утру верховыхъ лошадей для поѣздки на Божій промыселъ, гдѣ находится центръ Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я уже скакалъ по лѣвому берегу Сѣверо-восточной Куры, переправясь черезъ рѣку на поромѣ у самаго Сальяна: такое раннее путешествие было необходимо для избѣжанія томительнаго днев-

наго зноя. Не смотря на половину Сентября, термометръ Реомюра показывалъ въ полдень почти 22° тепла.

Кура раздѣляется подѣ самымъ Сальяномъ на два рукава: правый течетъ на югъ и многими устьями впадаетъ въ Кизиль-агачскій заливъ; этотъ рукавъ извѣстенъ подѣ именемъ Акуши и вѣтви его имѣютъ каждая особенное названіе. Лѣвый рукавъ течетъ на востокъ или Ю.—В. и впадаетъ прямо въ Каспійское море; этотъ рукавъ называется Сѣверо-восточною Курою или просто Курою, и по его-то лѣвому берегу я стремился теперь къ Божьему промыслу. Очень мутная и неширокая Кура течетъ въ низкихъ и ровныхъ берегахъ, совершенно обнаженныхъ: эта печальная картина безплодности чѣмъ далѣе отходитъ отъ береговъ рѣки, тѣмъ грознѣе является. Только около Божьяго промысла находятся огромные камыши, называемые здѣшними Мусульманами по дикости мѣста Сибирью. Въ этой Сибири разгуливаютъ свободно страшные кабаны, истребители «чалтыка» сарацинскаго пшена, непрікосновенные для здѣшнихъ жителей, какъ животное оскверняющее.

Но на этой грустной рѣкѣ находятся богатѣйшіе рыбные промыслы Каспійскаго моря, а въ мутныхъ струяхъ ея водятся въ изобиліи осетры, бѣлуги, севрюги, шемая, лосось и другая рыба, ищущая нѣги въ прѣсной водѣ, а судаки, плотва, карпы, щуки и другія рѣчные рыбы въ Курѣ ни по-чемъ.

Проводникъ мой, сальянскій житель, указалъ мнѣ близъ дороги небольшое возвышеніе, величаемое горою; при подошвѣ его находятся остатки непзвѣстнаго города подозрительной древности, который по словамъ вчерашняго моего знакома Церсіявина несомнѣнно назывался «Гуптасфовымъ городомъ.» Г. Эйхвальдъ, ученый предшественникъ мой на этомъ пути, даетъ совершенно другое названіе городу—«Драу». Какъ бы то ни было, вѣрно для меня

только то, что въ ямахъ и остаткахъ строеній, которые я видѣлъ, нѣтъ ничего древняго.

Послѣ двухъ-часовой скачки по степи, вдали отъ береговъ Куры, я снова приблизился къ рѣкѣ, но передо мной находилась уже не Кура, а Божій промыселъ, цѣль моей поѣздки. Здѣсь принялъ меня съ русскимъ радушіемъ управляющій Сальянскими рыбными промыслами, подполковникъ Геричъ, и въ теченіе сутокъ, которыя прошил для меня очень быстро, показалъ и сообщилъ все замѣчательное на промыслахъ. Его же благосклонной снисходительности я обязанъ прилагаемою здѣсь картою устьевъ Куры, составленною лейтенантомъ Юрьевымъ въ 1824 году и въ послѣдствіи дополненною.

Рыбная ловля въ Курѣ, во время владычества Персіанъ, была очень незначительна. При Фетхъ Али Ханѣ рыболовствомъ могъ заниматься всякій желающій, только за пойманную рыбу платился хану налогъ, а именно: за бѣлугу и осетра 5 коп., за севрюгу 2½ коп., за три шемаи 5 коп., за лосося 2½ коп. и т. д. Потомъ рыбные промыслы отданы были на откупъ съ весьма выгодными для откупщика условіями. Сначала Мустафа-Ханъ бралъ за нихъ ежегодно 7,000 руб., а послѣ возвысилъ до 10,000 рубл. сереб. Русское правительство отдало промыслы на откупъ Индѣйцу Собрѣ Могундасову за 57,000 рубл. сер. въ годъ и, не смотря на такое возвышеніе откупной суммы и огромные расходы по промысламъ, откупщикъ былъ не въ убыткѣ. Собра Могундасовъ выстроилъ на Божьемъ промыслѣ обширное рыболовное заведеніе, также какъ и на другихъ, но набѣгъ Персіанъ и начавшаяся съ Персіей война опустошили этотъ край и лишили откупщика всѣхъ его заведеній. По окончаніи войны Сальянскіе рыбные промыслы, по причинѣ несостоятельности откупщика, поступили въ вѣдѣніе казенной опеки съ 10-го Марта 1829 года.

При поступленіи Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ въ казенное управленіе находилось 7 ватагъ: Божій промыселъ, Акуша, Лопатинская, Топракъ-каля, Арабатанъ, Абдулянъ и Менейманъ. Въ послѣдствіи прибавлены еще двѣ: Перетманская въ 1830 г. и Зубовская въ 1834 г. Всѣ девять промысловъ существуютъ и нынѣ; къ нимъ еще должно присоединить 6 Кизиль-агачскихъ промысловъ, морской промыселъ на Курѣ для бѣлуги и вновь открытый Благодатный. Божій промыселъ, главный изъ сальянскихъ промысловъ, устроенъ на С.—В. рукавѣ Куры, въ 27 верстахъ отъ Сальяна внизъ по теченію и въ 15 верстахъ отъ взморья. Здѣсь находится опека сальянскихъ промысловъ, мѣстопребываніе членовъ управленія, контора и запасные магазины, въ которыхъ хранятся рыболовные матеріалы и съѣстные припасы, нужные на годичное время для лова рыбы и для содержанія рабочихъ людей на всѣхъ промыслахъ.

Божій промыселъ составляетъ очень красивое и весьма чистое селеніе въ одну широкую улицу, по бокамъ которой находятся дома промышленниковъ и обывателей, числомъ до 40. Всѣ строенія расположены правильно по плану; селеніе обведено палисадникомъ и мѣсто заставы занимаетъ будка. Передъ домами находятся кирпичные тротуары, необходимая предосторожность, потому что отъ сильныхъ дождей мягкая почва превращается въ топкую грязь. Почти средину селенія занимаетъ большая площадь, на которой находится церковь, выстроившаяся и содержащаяся своими доходами; служба отправляется только по праздникамъ. Съ колокольни церковной возвышается звономъ начало и окончаніе работъ. Напротивъ церкви на берегу Куры стоитъ большой свѣтлый, деревянный домъ въ два этажа: внизу живетъ младшій опекунъ, а вверху старшій, подполковникъ Геричъ. На-искось этого дома находится управленіе, имѣющее до 16 писцовъ изъ кушцовъ или мѣпанъ, большею частію астраханскихъ; въ присутственной

комнатъ управления находятся портреты Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича работы тифлисскихъ живописцевъ. Подлѣ управленія устроены два магазина, одинъ для соли, другой для икры и соленой рыбы, между ними выстроены амбаръ для клею и сушится на площади вязига. Напротивъ магазиновъ находится плотъ для принятія привозимой рыбы и для очищенія ея; подлѣ плота по берегу Куры размѣщены котлы для смоленія снастей.

По другую сторону площади находится садъ главного дома: бывший опекунъ Матяшевскій устроилъ въ немъ оранжерею, театръ, кегли и бильярдъ, но послѣ Матяшевскаго огромный и красивый садъ со всеми устройствами пришелъ въ запустѣнiе. Театръ имѣетъ до 10 перемѣнъ кулисъ; музыкантами были писцы, актерами они же и ихъ жены; играли водевили и драмы. Недавно вступившій въ управленіе опекой подполковникъ Геричъ намѣренъ все это возобновить въ прежнемъ блескѣ. Подлѣ сада находится русская баня, большая рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ.

Насупротивъ, по другую сторону улицы, помѣщается аптека, матеріалы для которой выписываются изъ Тифлиса. По обѣимъ сторонамъ аптеки находится больница мужеская и женская: при ней состояло въ ней больныхъ 60 человекъ, изъ числа которыхъ промысламъ принадлежали только 18 чел., а остальные были изъ постороннихъ. Иногда поступаютъ сюда даже Мусульмане, небольшіе охотники до неправовѣрныхъ лекарствъ. Рабочіе подвергаются болѣзнямъ большею частию отъ недостатка теплаго платья осенью, когда здѣсь бываетъ очень сыро и падаютъ обильные дожди. Господствующія болѣзни въ этомъ краѣ лихорадки и горячки, но климатъ здѣшній не такъ вреденъ, какъ идетъ о немъ молва въ Закавказьѣ. Подлѣ

Божьяго промысла и на правомъ берегу Куры находятся соляныя грязи, помогающія въ ломотахъ и ревматизмахъ.

Ловъ рыбы на Божьемъ промыслѣ производится 50 лодками, такъ называемою самоловною снастью. Ширина Куры у Божьяго промысла до 50 сажень, а глубина до 2 сажень. На Курѣ устраивается ежегодно при Божьемъ промыслѣ забойка, перегораживающая рѣку отъ одного берега до другаго, изъ толстыхъ 7 и 8 саженныхъ бревенъ, называемыхъ чегенинами, которыя вколачиваются въ дно рѣки и связываются сверху такими же бревнами, а потомъ загораживаются рѣшеткою, сплетенною изъ мелкихъ и прямыхъ кольевъ, называемыхъ кошакомъ, связываемыхъ сторожками и башманникомъ. Эта забойка устраивается для того, чтобы воспрепятствовать рыбѣ, во время сильнаго хода ея въ рѣку, дальнѣйшее стремленіе вверхъ по теченію и тѣмъ самымъ сдѣлать ловъ снастями болѣе удобнымъ. Весною и осенью, кромѣ лова рыбы снастями, производится въ ночное время обильный ловъ баграми по всему протяженію рѣки при забойкѣ.

Къ Божьему промыслу принадлежитъ небольшая ватажка почти при самомъ впаденіи Куры въ море: здѣсь лова не производится, но въ этомъ мѣстѣ построены амбары, въ которые осенью разгружаются матеріалы, привозимые на судахъ изъ Астрахани, а весною возится рыба, нагружаемая на суда для отправленія въ Астрахань.

Акушинскій промыселъ въ 15 верстахъ ниже Сальяна на южномъ рукавѣ Куры, называемомъ Ак-куша, Ах-куша. Здѣсь ловъ производится 40 лодками также самоловною снастью и бываетъ чрезвычайно изобилень, изобильнѣе чѣмъ на какой-нибудь другой ватагѣ, потому что Акуша впадаетъ въ Кизиль-агачскій заливъ многими устьями, весьма удобными для входа рыбы. На Акушѣ дѣлается здѣсь

также забойка и производится багрение рыбы въ ночное время.

Лопатинскій промыселъ на островѣ того-же имени въ Кизиль-агачскомъ заливѣ противъ впаденія Акуши. Здѣсь ловъ производится 25 лодками отчасти самоловною снастью, отчасти большими ставными (стоящими на одномъ мѣстѣ) сѣтями; осенью и зимой ловится преимущественно бѣлуга. Ловъ рыбы здѣсь не очень значителенъ и весьма труденъ для рыболововъ, потому что производится въ открытомъ морѣ, гдѣ при сильныхъ вѣтрахъ пловцы подвергаются большой опасности; но незначительность лова въ сравненіи съ Акушинскимъ промысломъ отчасти уравнивается тѣмъ, что на Лопатинской ватагѣ рыба ловится вообще крупнѣе и потому доставляетъ болѣе икры, клея и проч.

Эти три промысла занимаютъ первое мѣсто между Сальянскими рыбными промыслами: остальные служатъ имъ какъ-бы вспомогательными.

Арбатанскій промыселъ расположенъ на Акушѣ въ 8 верстахъ ниже Сальяна. Здѣсь самоловною снастью рыба не ловится, и Арбатанская ватага считается временною: во время половодья, отъ сильнаго напора воды, отворяются въ забойкѣ нарочно устроенныя для прохода судовъ ворота, черезъ которыя рыба уходитъ вверхъ, и только тогда въ теченіе 40 дней сальянскими Мусульманами производится на Арбатанскомъ промыслѣ ловъ плавными (подвижными) мелкими сѣтками. Ловцы обязуются къ этой работѣ временно контрактомъ.

Топракъ-калинскій (Топракъ-каля) промыселъ устроенъ противъ мѣстечка Сальянъ, при раздѣленіи Куры на Южный и Сѣверо-восточный рукава. Ловъ рыбы производится здѣсь также по контракту Мусульманами весной въ тече-

ніе 40 дней и потомъ зимой; они-же ловятъ шемаю особенными мелкими шелковыми сѣтками.

Перетманскій промыселъ выше предыдущаго по Курѣ въ 8 или 9 верстахъ. Здѣсь ловъ производится постоянно, смотря по ходу рыбы, то весной и въ жарковскій ловъ, то осенью, нарочно отдѣляемыми съ Божьяго промысла 20 или 15 лодками съ самоловною снастью. Въ 1838 г. по совершенно ничтожному улову, рыболовы переведены были на весеннее время къ Акушинскому промыслу, а Перетманская ватага оставалась пустой.

Зубовскій промыселъ, отъ Сальяна въ 60 верстахъ выше по Курѣ, устроенъ весной въ 1838 г. во время управления промыслами, въ отсутствіе опекуна Матяшевскаго, маіоромъ (нынѣ подполковникомъ и старшимъ опекуномъ) Геричемъ. Ловъ здѣсь постоянный самоловною снастью 10 лодками, которыя никогда отсюда не смѣняются, и кромѣ того зимою жители Рудбарскаго магала ловятъ шемаю сѣтями. Верстахъ въ 6 отъ Зубовскаго промысла внизъ по Курѣ устроенъ въ 1834 году кирпичный заводъ, на которомъ выдѣлывается нужное для промысловъ количество кирпича, а прежде кирпичъ выписывали изъ Астрахани.

Абдульянскій и Менейманскій промыслы въ 80 и 90 верстахъ отъ Сальяна вверхъ по Курѣ. На первомъ ловъ производится постоянно, а на второмъ только весной сѣтками, и потомъ уже до весны работъ не бываетъ.

Благодатный промыселъ, только что устроиваемый нынѣшнимъ опекуномъ Геричемъ въ 50 верстахъ къ Ю. отъ Божьяго промысла, обѣщаетъ богатый уловъ рыбы.

На всѣхъ промыслахъ, кромѣ Божьяго, Акушинскаго и Лопатинскаго,—о Благодатномъ еще нельзя сказать ничего рѣшительнаго,—рыба ловится гораздо мельче, особен-

но на Zubовскомъ, Абдулянскомъ и Менейманскомъ, и ловъ можетъ считаться значительнымъ только весной и притомъ сътками, а въ остальное время года онъ не важенъ.

Сальянская рыбная промышленность не ограничивается исчисленными десятью промыслами: начиная отъ Абдульяна, послѣдняго промысла на Курѣ, вверхъ по рѣкѣ на разстояніи ста верстъ отъ селенія Нарлыка до селенія Зардоба (Шекинской провинціи) воды принадлежатъ также Сальянской опеке, но по отдаленности мѣстъ отдаются на откупъ желающимъ ловить рыбу своими средствами. Заведенія, устроенныя откупщиками, называются духанами, а самые откупщики духаничками. Эти духанички нанимаютъ съ своей стороны для лова рыбы прибрежныхъ жителей, за откупъ-же платятъ условленную по контракту сумму, которая заключается не въ годичномъ или мѣсячномъ взносѣ, но берется за каждую арбу или телѣгу наловленной рыбы. Для счисленія этихъ арбъ находится въ каждомъ духанѣ или временной ватажкѣ надсмотрщикъ отъ опеки Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ. Съ арбы берется полпуда хорошо выдѣланнаго клея и извѣстная сумма: въ 1829 году за арбу балыковъ откупщики платили по 20 рубл. серебромъ, но цѣна съ тѣхъ поръ постоянно возвышалась и въ 1839 году достигла слишкомъ 30 рубл. серебромъ.

Рыбный промыселъ, какъ и всякой другой, имѣетъ своихъ артистовъ и даже своихъ героев: первыхъ составляютъ икрявщики, а послѣднихъ кормщики. Конечно, слава и тѣхъ и другихъ не переходитъ за предѣлы сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, но это доказываетъ только всеобщую извѣстную неблагодарность рода человеческого: каждый изъ насъ постится съ большимъ наслажденіемъ при помощи различныхъ сортовъ икры и разнаго вида пироговъ съ рыбой и вазигой, но увѣ! никто и не подумаетъ о томъ, какъ выдѣлана икра, какъ поймана рыба; нико-

му не приходится въ голову, что севрюга, которую онъ небрежно кладетъ на тарелку, едва не стоила жизни отважному ловцу. Я не хочу запятнать память о себѣ неблагодарностью и расскажу подробно во всеуслышаніе подвиги рыбныхъ промышленниковъ и всѣ мученія, которыя испытываютъ рыбы, пока сдѣлаются достойными желудка гастрономовъ.

Употребляемая на большей части сальянскихъ рыбныхъ промысловъ самоловная снасть довольно проста, и нельзя надяться легкомыслію рыбъ чрезвычайно огромныхъ, каждоминутно попадающихъ на такой не хитрый обманъ. Обыкновенно втыкается въ дно рѣки колъ, къ которому привязана веревка, а на этой веревкѣ находятся веревочки съ острыми желѣзными крючками въ вершокъ величиною и болѣе. Отъ каждого крючка висятъ кусочки изъ дерева, принимаемые рыбами за куски мяса или чего-нибудь въ этомъ родѣ: обольщенная приманкою, рыба падается на кусокъ дерева и между тѣмъ зацѣпляется тѣломъ за который-нибудь изъ вѣроломныхъ крючковъ и тѣмъ болѣе старается освободиться отъ него, тѣмъ глубже крючекъ входитъ въ тѣло. Большею частию рыба попадаетъ на крючекъ хвостомъ. Несчастная жертва излишней доверчивости остается въ томительномъ невѣдѣніи о своей участи до тѣхъ поръ, пока пріѣдетъ лодка для осмотра, что случается два раза въ день — утромъ и вечеромъ; на этой лодкѣ находится гребецъ и злѣйшій врагъ рыбъ — кормщикъ, съ нетерпѣніемъ ожидающій своей добычи: онъ осматриваетъ всѣ крючья, но пойманная жертва заранѣе даетъ знать о себѣ сильнымъ движеніемъ. Неумолимый кормщикъ вытаскиваетъ рыбу изъ воды, даетъ ей оглушительный ударъ въ голову молоткомъ, и ошеломленная, недвижимая рыба лежитъ въ лодкѣ смирно. Бѣлуга ведетъ себя очень благопривно; она почти сама входитъ въ лодку и не предается никакимъ неистовствамъ, хотя попадаетъ иногда такая огромная, что изъ одной рыбы до-

стается до 5 пуд. икры. Осмотрѣвъ всѣ свои снасти, кормщикъ отправляется къ пріемному плоту.

Я присутствовалъ, по приглашенію г. Герича, при одномъ изъ этихъ пріемовъ рыбы и имѣлъ мужество лично видѣть страданія, переносимыя невинными обитательницами водъ. Еще издали, по веселымъ или мрачнымъ фізіономіямъ кормщиковъ, можно было угадать грузъ каждой лодки: были и такіе несчастливцы, которые ничего не привозили, но я нисколько о нихъ не жалѣлъ, питая глубокое состраданіе къ бѣднымъ рыбамъ. Каждая лодка останавливается у плота, и кормщикъ счетомъ сдаетъ свою добычу, которую гребецъ или весельщикъ передаетъ на плотъ; на плоту находятся таблицы, въ которыхъ всякій разъ отмѣчается кто сколько рыбъ поймалъ. При мнѣ на Божьемъ промыслѣ поймано 930 рыбъ; икры собрано до 16 кулковъ; счастливецъ, поймавшій болѣе всѣхъ другихъ, привезъ 9 рыбъ. По сдачѣ рыбы кормщики отправляются домой для починки снастей.

Я очень сожалѣю, что я не родился Дантомъ: съ какимъ воодушевленіемъ я воспѣлъ-бы невыносимыя предсмертныя мученія бѣлугъ, севрюгъ и осетровъ. Увы! въ жалкой прозѣ я долженъ теперь рассказать все это любителямъ рыбнаго стола. Рыба привозится на плотъ болѣе частью живая; въ отверстія плота, которыхъ сдѣлано нѣсколько со стороны рѣки и у которыхъ останавливаются лодки, рабочіе крючьями поднимаютъ рыбу и по отлогимъ скатамъ, устроеннымъ въ отверстіяхъ, встаскиваютъ ее на плотъ болѣе длинными крючьями. Здѣсь на широкомъ помостѣ находится нѣсколько солеельщиковъ съ широкими и острыми ножами: однимъ ловкимъ взмахомъ ножа разрѣзываютъ они всю рыбу вдоль по нижней части. Еще несчастная жертва бьется въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а уже рука солеельщика вытаскиваетъ изъ нея очень ловко икру, вырываетъ внутренности, отрѣзываетъ пузырь и на-

конецъ извлекаетъ становую жилу, которую мы называемъ вязигой. Послѣ этой операціи рыба, разумѣется, уже умираетъ и по кончинѣ своей удостоивается не равныхъ почестей: мѣрная бѣлуга (6 четвертей отъ глаза до красного пера) и осетръ рѣжутся въ крупные балыки, а крупная севрюга въ жиримъ или мелкіе балыки; немѣрныхъ же, то есть не крупныхъ осетровъ и севрюгъ кладутъ въ корень (солятъ).

Извлеченныя изъ рыбъ разныя части получаютъ различное назначеніе.

Внутренности и головы бросаютъ безъ употребленія.

Рыбій пузырь, изъ котораго достается клей, тщательно вымывается, пока отстанетъ отъ него кожаца, и потомъ высушивается въ солнечный день на лубкахъ. По окончательной просушкѣ въ амбарѣ и по снятіи наружной пленки, отстающей очень легко, набиваютъ клей въ чувалы (мѣшки) и отправляютъ въ Астрахань и другія мѣста.

Становыя жилы или вязига вымываются въ чанахъ и потомъ вывѣшиваются на солнце для просушки. По окончаніи работъ свободные ловцы вяжутъ ихъ въ пучки.

Балыки также сушатся на солнцѣ около двухъ недѣль.

Остается послѣднее и самое важное производство въ рыбной промышленности—приготовленіе икры, требующее отъ рабочихъ большаго искусства и опытности. Икрѣныя зерна промываютъ и въ ушатахъ относятъ въ сосѣдній амбаръ, гдѣ икра складывается въ большія сита или грохоты, находящіеся надъ чанами: рабочіе катаютъ зерна по грохоту, отчего связывающая ихъ плева отстаетъ и выкидывается вонъ, а зерна сами падаютъ въ чанъ, налитый тузлукомъ, то есть водой съ солью. Тогда рабочіе мѣшаютъ зерна въ чанѣ плоскими лопатками и прекращаютъ

свою работу только по приказанію икряника. Это самая важная статья въ приготовленіи икры: если икорщики перемѣшаютъ долѣе надлежащаго пятью минутами, то всѣ зерна лопаются, если же не домѣшаютъ столько-же, то икра горкнетъ. Обыкновенно надлежащая пора узнается потому, что молочный сокъ зеренъ дѣлается сѣроватымъ; впрочемъ этотъ признакъ опредѣляется только опытнымъ икряникомъ. Потомъ икра вычерпывается изъ чановъ не большими ситами для того, чтобъ вытекла изъ нея жидкость, и набивается въ кульки, которые кладутся подъ прессъ для выжатія воды. Послѣ этой операціи икра окончательно складывается въ огромныя бочки и разсылается во всѣ концы Россійской Имперіи.

Свѣжая икра готовится почти также, только она менѣе солится и не кладется подъ прессъ. Что же касается до превосходнаго вкуса сальянскон икры, то въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый, кто посѣтитъ лично, подобно мнѣ, Божій промыселъ, гдѣ ожидаетъ его неутомимое гостепріимство старшаго опекуна. Въ Сибири, которой быстрыя рѣки такъ богаты вкусною рыбою, ни свѣжая, ни соленая икра далеко не можетъ равняться съ икрою Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ.

При посѣщеніи Божьяго промысла мнѣ особенно нравилось то, что такое обширное производство рыболовныхъ работъ сосредоточивается на небольшомъ пространствѣ на берегѣ Куры: одинъ плотъ, гдѣ рабочіе принимаютъ рыбу, и близъ этого плота находятся магазины для соли, икры и рыбы, амбаръ для клея и площадь для балыковъ и вязиги—вотъ и все!

Для соленія рыбы и икры употребляется соль съ здѣшнихъ озеръ, находящихся въ завѣдываніи Бакинскихъ минеральныхъ промысловъ: нельзя сказать, чтобъ эта соль была хороша. Она черна, смѣшана съ землей и не просѣ-

вается, а только толкутъ ее въ амбарѣ; однако въ дѣлѣ эта соль не хуже другой. Ежегодно выходитъ соли 4,000 хальваровъ: каждый хальваръ, равняющійся 20 пудамъ, стоитъ съ доставкою 3 руб. 20 коп. серебромъ.

Но вотъ стало смеркаться: вечернія работы, при которыхъ я присутствовалъ, кончены, и рабочіе разошлись по домамъ. По всему Божьему промыслу и на берегахъ Куры замелькали огоньки: мѣстечко оживилось.

Народонаселеніе промысловъ состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ разнаго рода: опека при наймѣ обязывается, сверхъ уговорной платы за службу, содержать всѣхъ на своемъ иждивеніи, то есть продовольствовать пищею, а рабочіе обязываются служить усердно, и надобно сказать, что условія съ обѣихъ сторонъ исполняются добросовѣстно. Опека вообще довольна нравственностью здѣшнихъ рабочихъ, да и нѣтъ случаевъ къ соблазну: пожалуй, рыбу украсть легко, но продать ее не кому, потому что Мусульмане ѣдятъ только ту рыбу, которая имѣетъ шелуху, а именно лосося и шамаю; по-этому ни частной ловли, ни тайной продажи здѣсь быть не можетъ. Это нерасположеніе Мусульманъ къ рыбѣ, имѣющее основаніемъ религіозныя уставы и общее всему Востоку, служитъ вѣрнымъ ручательствомъ за честность мусульманскихъ рабочихъ на Сальянскихъ рыбныхъ промыслахъ.

Опека нанимаетъ рабочихъ промышленниковъ обыкновенно въ Астрахани, въ осеннее время, на годичный срокъ, который считается со дня поступленія въ рабочіе въ Астрахани. Нанимаются какъ люди, знающіе рыбный промыселъ, такъ и рабочіе, необходимые для разныхъ производствъ на промыслахъ, и каждый изъ живущихъ на содержаніи опеки имѣетъ свое ремесло, свои обязанности и сообразно трудности ремесла получаетъ жалованье. Вся масса рабочихъ и промышленниковъ раздѣляется на слѣдую-

ніе классы, между которыми первое мѣсто занимаютъ артисты рыбнаго промысла

Икряники. Обязанность ихъ состоитъ въ приготовленіи икры и въ складкѣ ея въ бочки. Икряники или икрянщики получаютъ отъ 75 до 175 руб. сер. жалованья, какимъ не пользуется ни одинъ изъ другихъ классовъ. Икрянниковъ нанимается на промыслы 12 человекъ.

Кормишки, называемые здѣсь неправильно коршиками, устраиваютъ снасть для лова, содержатъ ее въ исправности и производятъ самый ловъ, ни въ какія же другія работы не употребляются, тѣмъ болѣе, что они два раза въ день должны выѣзжать на переборку свастей и въ оба раза являться къ пріемному плоту съ хорошою или дурною вѣстью. При появленіи новаго кормишки на промыслахъ искусство его узнается по первому пріему его за снасти. На морскихъ ватагахъ кормишки не рѣдко играютъ собственною жизнью, и здѣсь, во время сильныхъ бурь, является ужасная поэзія рыболовнаго промысла: случается, что кормишкѣ два дня борется съ разъяреннымъ моремъ и не всегда выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ не рѣдко онъ является на ватагу безъ лодки. Но эти отважные подвиги быстро предаются забвенію, имена героевъ не записываются даже мѣстными хрониками, и кормишки, по-видимому, должны навсегда отказаться отъ надежды попасть въ аристократы рыболовнаго искусства, по крайней мѣрѣ по жалованью: имъ платится въ годъ отъ 65 до 75 рубл. серебр. Кромѣ жалованья дается премія съ каждой рыбы по $\frac{1}{2}$ коп. сер. На вновь устроенномъ Благодатномъ промыслѣ Г-нъ Герцъ жалованье отмѣнилъ, потому что промыселъ расположенъ на морѣ, и наплы бы въ числѣ кормишковыхъ такіе, которые не стали бы заниматься рыболовствомъ въ бури, бывающія здѣсь нерѣдко: вмѣсто жалованья платится за каждую пойманную бѣлугу по 25 коп. сер., а за другія рыбы по 40 коп. асс.—Ко-

личество всѣхъ кормщиковъ на промыслахъ полагается отъ 150 до 170 человѣкъ.

Солепщики употребляются для соленья рыбы въ ко-рень при складкѣ ея въ амбары, а также при погрузкѣ ея на суда. На промыслахъ находится только до 10 сольщиковъ.

Клеевщики занимаются выдѣлкою клея и вязиги: всѣхъ клеевщиковъ полагается до 12 человѣкъ.

Рѣзальщики отправляютъ самую непріятную обязан-ность въ рыбномъ промыслѣ: они разрѣзываютъ пойман-ныхъ рыбъ, очищаютъ ихъ и вынимаютъ изъ нихъ клей и вязигу. Число рѣзальщиковъ значительное предыдущихъ: ихъ полагается на промыслахъ 25 человѣкъ.

Эти три класса промышленниковъ состоятъ на рав-номъ окладѣ—отъ 60 до 75 рубл. сер. въ годъ и обра-зуютъ среднее сословіе между рыбаками.

Сборщики-мальчики, паріи Сальянскихъ промысловъ, занимаются собираніемъ пузырей рыбныхъ и вязиги при добываніи ихъ изъ рыбы. Жалованье сборщикамъ доволь-но ограниченное, отъ 15 до 20 рубл. сер. въ годъ: по крайней мѣрѣ это едва-ли не самый меньшій окладъ, из-вѣстный на промыслахъ. Число сборщиковъ до 15 человѣкъ.

Чернорабочіе употребляются для уборки рыбы, для складки ея въ амбары и по другимъ промысловымъ ра-ботамъ; за это платится имъ отъ 30 до 48 рубл. сер. въ годъ. Число чернорабочихъ очень значительно въ сравне-ніи съ другими классами: на всѣхъ промыслахъ считае-ся до 300 человѣкъ.

Всѣ эти промышленники занимаются собственно ловомъ

и изготовленіемъ рыбы на продажу, что составляетъ прямую цѣль существованія Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ.

Но для поддержанія этихъ промысловъ нужны слѣдующіе ремесленники:

Плотники, занимающіеся постройкою и поправкою лодокъ, киржимовъ (каботажныхъ судовъ) и строеній на самыхъ промыслахъ. Они получаютъ отъ 65 до 100 рубл. сер. въ годъ; число ихъ до 20 человѣкъ.

Бондари дѣлаютъ бочки, въ которыя набивается икра. Жалованье имъ полагается такое-же, какое и плотникамъ; бондарей считается на промыслахъ 12 человѣкъ.

Кузнецы занимаются приготовленіемъ разныхъ мелкихъ желѣзныхъ вещей и оковки для лодокъ и киржимовъ. Окладъ ихъ приближается къ жалованью икрявиковъ, именно отъ 75 до 120 руб. сер., но число ихъ не превышаетъ 4 человѣкъ.

Разсчетъ рабочихъ производится опекою 1 Іюля, по окончаніи весенняго лова. Въ это время многіе рабочіе по собственному желанію остаются на промыслахъ на новый годичный срокъ съ надбавкою жалованья, а остальные отправляются въ Астрахань на судахъ на иждивеніи опеки.

Означенное здѣсь число всѣхъ промышленниковъ и рабочихъ можетъ считаться постояннымъ и необходимымъ, но сверхъ годовыхъ рабочихъ нанимается въ весеннее время по-мѣсячно для работъ до 400 Мусульманъ окрестныхъ жителей: такое огромное количество составляетъ тахітум и допускается только во время сильнаго напора рыбы при обширности необходимыхъ работъ. При малыхъ работахъ нанимается только до 100 человѣкъ, а иногда и еще меньше. Опека платитъ имъ отъ 4 до 5 рубл. сер. въ мѣсяць

и содержанія имъ уже не даетъ. Эти Мусульмане преимущественно служатъ гребцами, также на киржимахъ и баркахъ употребляются при разгрузкѣ матеріаловъ съ судовъ и при нагрузкѣ рыбы на судно.

Но возвратимся къ злополучнымъ рыбамъ и посмотримъ, когда онѣ легче и чаще попадаютъ на приманку.

Ловъ рыбы на промыслахъ дѣлится въ году на три главные періода: Бѣлякъ или весенній, съ Марта до Іюня мѣсяца, Жарковскій (жаркій) или лѣтній съ 1 Іюня до Сентября, и осенній съ 1 Сентября до Декабря; съ Декабря же по Мартъ только на Лопатинской ватагѣ ловится бѣлуга и на нѣкоторыхъ другихъ промыслахъ ловится лишь для пищи рабочимъ красная рыба въ небольшомъ количествѣ. Изъ этихъ періодовъ Бѣлякъ самый важный: онъ одинъ составляетъ три четверти годового дохода. Рыба въ это время большою частію икраяная и крупная идетъ густыми массами въ устье рѣки для метанія икры въ прѣсной водѣ.

Жарковскій и осенній уловъ очень незначительны: въ Жарковскій ловится рыба на обратномъ ходѣ ея въ море, а въ осенній ловится оставшаяся на зиму въ рѣкѣ. Первый ловъ едва покрываетъ употребляемая на него издержки, а послѣдній представляетъ только четверть весенняго улова.—Вообще въ Жарковскій и осенній ловъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, выдѣлывается икры никакъ не болѣе 300 бочекъ, тогда какъ при такихъ же условіяхъ Бѣлякъ одинъ даетъ болѣе 600 бочекъ.—На С.—В. рукавѣ Куры рыба ловится лучше при вѣтрѣ съ моря: это происходитъ отъ того, что передъ устьемъ Куры образовалась въ морѣ мель, заслоняющая входъ рыбъ и покрываемая большою водой только при напорѣ вѣтра съ моря. Различіе вѣтровъ отражается очень ярко на ежедневномъ количествѣ пойманной рыбы: при С.—В. вѣтрѣ

ловится въ день до 12,000 рыбъ, а при неблагопріятномъ вѣтрѣ не болѣе 1,000 штукъ.

Весной, когда природа обновляется, все теченіе Куры по протяженію промысловъ оживлено непрерывнымъ движеніемъ лодокъ: веселые крики кормщиковъ оглашаютъ воздухъ и привѣтствуютъ вступающія съ моря въ рѣку беззащитныя толпы рыбъ. Сначала шествуютъ густыми массами бѣлуги: за ними слѣдуютъ шипы (*Ac. Schura*) и осетры (*Ac. sturio*), наконецъ начинаютъ показываться, сначала въ смѣси съ другими, а потомъ отдѣльными массами, севрюги (*Acipenter stellatus*), составляющія аріергардъ этой водяной процессіи.

Я долженъ сказать правду, къ крайнему огорченію всѣхъ любителей рыбнаго стола, что съ каждымъ годомъ рыбы на Сальянскихъ промыслахъ ловится меньше и цѣны на нее возвышаются. Ни промыслы, ни промышленники не терпятъ отъ этого ни мало, но всѣ бѣдствія падаютъ на голову почтенныхъ особъ, уважающихъ икру, пироги съ рыбой, балыки и вязигу. На всѣхъ промыслахъ въ теченіе года ловится слѣдующее количество красной рыбы:

Бѣлуги	отъ 3,000 до 6,000	штукъ.
Осетра	— 35,000 — 45,000	—
Севрюги	— 400,000 — 600,000	—

Цѣны на рыбу не постоянны и все поднимаются: крупная севрюга продавалась при мнѣ по 16 коп. сер., а мелкая по 12 коп. сер.; балыки севрюжки въ послѣднее время продавались по 80 рубл. сер. за арбу въ 85 пуд., осетринные-же балыки по 81 руб. 50 коп. сер. за арбу изъ 184 балыковъ. Послѣдніе цѣнятся дороже, потому что вкуснѣе и жирнѣе.

Ежегодно выдѣлывается слѣдующее количество раз-

ныхъ продуктовъ изъ рыбы: икры отъ 850 до 1,000 бочекъ, или полагая, сообразно астраханскимъ промысламъ, въ каждой бочкѣ 27 пудовъ, до 27,000 пудовъ; клею красной рыбы отъ 450 до 650 пуд., вязиги отъ 550 до 950 пуд. Впрочемъ, это количество уменьшается по отношенію съ количествомъ пойманной рыбы: въ послѣднее время получено икры въ годъ около 700 бочекъ, клею до 500 пуд. и вязиги до 800 пуд. Цѣна на икру установлена самимъ Главнокомандующимъ постоянная—6 рубл. сер. за пудъ на мѣстѣ, и нельзя продавать ни дешевле, ни дороже. Въ Закавказьѣ идетъ только до 2,000 пуд. икры: остальное все количество отсылается въ Астрахань отъ 100 до 115 руб. асс. за пудъ; вязига идетъ туда-же.

Въ зимнее время, пачиная съ Января, ловится на промыслахъ сомъ такъ называемою громкою. Громка состоитъ изъ нѣсколькихъ лодокъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію, съ особенными нарочно приготовляемыми сѣтями; она производится почти отъ самой С.—В. банки и до Божьяго промысла по всему протяженію рѣки. Сомъ вообще ловится отъ 20,000 до 60,000 шт. и клею выдѣлывается изъ него отъ 100 до 250 пудъ.

Въ то же время, какъ производится громка сома ниже забойки Божьяго промысла, вверхъ по Курѣ ловится шамая (собственно шагъ-маги, персидское слово, означающее «царская рыба»), начиная съ Божьяго промысла при Топракъ-калѣ, Зубовской и Абдульясской ватагахъ. Ловомъ шамая занимаются здѣшніе Мусульмане, ловятъ—же шелковыми мелкими сѣтками: за каждую рыбу платится ловцамъ по 1 коп. сер., или отдають ловъ на откупъ по 22 руб. асс. съ тысячи. Всего шамая ловится отъ 60,000 до 200,000 шт. Шамая коптится на промыслахъ и потомъ разсылается всюду.

Въ теченіе всей зимы ловится на промыслахъ лосось,

отдаваемый на откупъ за 3.800 руб. сереб. въ годъ. Его ловится отъ 6,000 до 9,000 шт.

Вмѣстѣ съ шамаей и лососемъ попадаются разныя мелкія рыбы, болѣе кутумы (*surginus nasus*) и судаки. Первые сушатся въ большомъ количествѣ, потому что до нихъ охотники Мусульмане и Армяне, и идутъ въ Закавказье.

Обширная дѣятельность Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ и значительное количество содержимыхъ опекою промышленниковъ требуютъ и большихъ расходовъ. Всѣ рыболовные матеріалы, съѣстные припасы, лѣсъ для забоекъ и проч. покупаются въ Астрахани и перевозятся на промыслы на наемныхъ судахъ; ежегодно покупается всего на сумму отъ 30,000 до 65,000 руб. сер. а именно:

Въ 1829 году куплено на	40,269	руб. сереб.
— 1830 — — — —	31,680	— —
— 1831 — — — —	32,811	— —
— 1832 — — — —	30,840	— —
— 1833 — — — —	45,154	— —
— 1834 — — — —	52,427	— —
— 1835 — — — —	56,315	— —
— 1836 — — — —	62,716	— —
— 1837 — — — —	61,300	— —
— 1838 — — — —	64,563	— —

Изъ этой десятилѣтней таблицы со времени поступленія промысловъ въ управленіе опеки видно, что сумма закупки матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Г. Геричъ старается по возможности сократить расходы, и потому во время моего пребыванія на промыслахъ (въ 1842 году), вмѣсто покупки ржаной муки въ Астрахани по 6 руб. за четверть, подрядилъ одного изъ здѣшнихъ жителей поставлять пшеничную муку по 3 руб. 30 коп. за четверть.

Вся сумма годового расхода на содержаніе промысловъ, на ловъ рыбы, на плату и содержаніе служащихъ и рабочихъ людей и на наемъ перевозныхъ судовъ вмѣстѣ съ расходами въ Астрахани составляетъ отъ 100,000 до 170,000 руб. сер. Но эту сумму не должно считать положительною, потому что она собственно зависитъ отъ многихъ причинъ: во-первыхъ, отъ различнаго количества улова рыбы, отъ котораго зависятъ и всѣ другіе расходы (потребленіе матеріаловъ, припасовъ и наемъ перевозныхъ судовъ); во-вторыхъ, отъ пониженія или повышенія цѣнъ на припасы и матеріалы въ Астрахани. Наемъ мореходныхъ судовъ составляетъ весьма важный предметъ расхода и ежегодно вноситъ невоснаградимый убытокъ въ доходы опеки: для перевозки изъ Астрахани на промыслы матеріаловъ и припасовъ, а съ промысловъ въ Астрахань рыбнаго товара нанимается отъ 5 до 6 годовыхъ и отъ 2 до 4 рейсовыхъ судовъ. Плата за каждое годовое судно, нанятое въ Астрахани, простирается отъ 5,000 до 6,000 руб. сер. въ годъ, а за рейсовые отъ 1,500 до 2,000 въ рейсъ, что и составляетъ безвозвратнаго ежегоднаго расхода слишкомъ 40,000 руб. сер. Положимъ, что наемъ перевозныхъ судовъ необходимъ для существованія Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, но опека можетъ завести для перевоза свои суда: стоитъ только однажды употребить до 75,000 руб. сер. и на эту сумму въ Астрахани спустятся на воду шесть большихъ мореходныхъ судовъ, которыя въ три года не только возвратятъ употребленный на нихъ капиталъ, но и принесутъ еще значительную выгоду. Впрочемъ, это составляетъ расчетъ опеки и не всегда можно располагать большими суммами по произволу.

Не смотря на такіе значительныя издержки, опека почти постоянно находится въ выгодѣ: по крайней мѣрѣ десятилѣтняя сложность доходовъ и расходовъ по Сальянскимъ рыбнымъ промысламъ со времени поступленія въ

казенное управленіе представляет угѣшительный выводъ. Я предлагаю здѣсь таблицу всего прихода и расхода съ 1829 по 1839 годъ, которою вѣроятно останутся довольны всѣ записные рыболовы.

Годы.	Расходъ.		Приходъ.	
	Серебромъ.		Серебромъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1829	246,019	1	300,937	32½
1830	257,508	5½	223,930	80½
1831	213,203	58½	229,668	34½
1832	262,430	47	281,041	53
1833	312,522	35	318,064	68½
1834	258,163	99½	274,889	78½
1835	321,653	73½	310,643	85½
1836	311,008	47½	324,234	54½
1837	317,949	48½	309,187	50
1838	198,456	—	310,791	80½

И того . . 2,700,915 17½ 2,885,422 28½

Въ числѣ показанныхъ здѣсь расходовъ находится и сумма, внесенная опекою въ разные казначейства—1,199,896 руб. 31 коп. сер.

Слѣдовательно промысловыхъ расходовъ собственно должно считать въ десятилѣтіе только 1,501,018 руб. 86½ коп. сереб.

Изъ табели видно, что къ 1-му Января 1839 года поступило наличныхъ суммъ за расходомъ 184,507 руб. 10½ коп.

Къ этому должно прибавить остатокъ рыбныхъ товаровъ къ 1-му Января 1839 г. примѣрно на 26,773 р. 91 к. и остатокъ припасовъ и матеріаловъ на 87,690 р.

86 к. и еще строения, цѣнившіяся въ 1839 г. въ 33,858 р. 73 к., всего приблизительно на 148,323 р. 50 к. сер.

Такимъ образомъ составитъ къ 1-му Января 1839 года оставшійся отъ всѣхъ расходовъ капиталъ въ 332,830 руб. 60 $\frac{1}{2}$ коп. сер.

Приложивъ сумму, внесенную опекою въ казначейства, образуемъ капиталъ въ 1,532,726 руб. 91 $\frac{1}{2}$ коп. сер.

Вычитая забранные опекою въ разное время въ ширванскомъ казначействѣ 66,000 руб. получимъ 1,466,726 руб. 91 $\frac{1}{2}$ коп. сер. чистой прибыли отъ Сальянскихъ промысловъ въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1829 по 1839 годъ.

Для продажи рыбы въ Астрахани находится тамъ особое отдѣленіе опеки, хотя собственно доставляющее опекѣ мало выгодъ, но необходимое для распродажи остающейся рыбы. Продажа производится съ аукціона подъ надзоромъ губернатора и совѣтниковъ и дешевле, чѣмъ на мѣстѣ: въ Сальянѣ пудъ рыбы стоитъ 16 коп., а въ Астрахани только 12 коп. сер. Не смотря на такую разницу въ цѣнахъ и астраханская продажа не безъ выгоды для опеки.

Вотъ все, что я узналъ и видѣлъ на Божьемъ промыслѣ; но дай Богъ почаще встрѣчать такіа отрадныя свѣдѣнія, какія я собралъ здѣсь, и почаще встрѣчаться съ такими людьми, какъ старшій опекунъ Г. Геричъ.

Утромъ 19-го Сентября я возвратился въ Сальянъ. И зачѣмъ?... Затѣмъ, чтобъ описывать мѣстечко Сальянъ, то что нѣтъ никакой возможности описать!

Въ самомъ дѣлѣ, что можно сказать о кучкѣ домовъ, раскинутой на равнинѣ, въ тѣни садовъ? Ничего, совершенно ничего!

Но у Сальяна есть участок: сложивъ ихъ вмѣстѣ, выходитъ что-то удобоописательное, а именно выходитъ вотъ какое описаніе:

Сальянскій участокъ находится между двумя устьями Куры въ Шамахинскомъ уѣздѣ: онъ граничитъ къ В. съ Каспійскимъ моремъ, къ С. съ Кабристанскимъ участкомъ, къ З. съ Талышинскимъ уѣздомъ, а къ Ю. съ Кабристанскимъ и Барушатскимъ участками. Длина этого острова до 140 верстъ, ширина же различна: между Джеватомъ и Карачали отъ 2 до 5 верстъ и между Карачали и Каспійскимъ моремъ отъ 7 до 28 верстъ. Все пространство составляетъ около 700 квадр. верстъ: подъ мѣстечкомъ Сальяномъ находится 500 десятинъ. На этомъ пространствѣ живетъ всего 5229 душъ муж. пола и 3878 жен. пола. Сальянскій участокъ дѣлится на два магала: Сальянскій, въ которомъ находится 21 деревня, не считая Сальянъ, и Рудбарскій, въ которомъ 13 деревень. Мѣстечко Сальянъ лежитъ надъ 39° 20' С. Ш. и 66° 45' В. Д.

Почва земли большею частію солоноватого свойства, а изрѣдка глинистаго: солоноватое пространство безплодно. Кромѣ рѣки Куры, которой вода къ употребленію годится, попадаются соляные и нефтяные источники, а въ семи верстахъ отъ мѣстечка Сальяна находится горячій источникъ, гдѣ въ Іюнь мѣсяцѣ жители участка и сосѣднихъ мѣстъ лечатся купаньями отъ ревматизма и другихъ болѣзней. Кромѣ того противъ Божьяго промысла находится возвышенный курганъ, изъ котораго течетъ сѣрая грязь неизслѣдованнаго свойства. Въ Сальянскомъ участкѣ находится одна небольшая гора, называемая Баби-Зенанъ.

Островъ Сальянъ извѣстенъ въ Закавказьи своимъ нездоровымъ климатомъ: господствующая болѣзнь—желчныя лихорадки, особенно свирѣпствующія въ Іюль и Ав-

густѣ мѣсяцахъ. Проливные дожди падаютъ въ Ноябрь; зимой Сальянъ покрывается иногда снѣгомъ и даже Кура замерзаетъ, а вообще въ Генварѣ и Февралѣ уже начинается весна. Нездоровости климата и удаленію Сальяна отъ артеріальнаго пути Закавказья должно приписать незначительную населенность этого участка и слабую производительность его, не смотря на плодородіе почвы во многихъ мѣстахъ, на обиліе пасбищъ и садовъ. Лѣсовъ въ Сальянскомъ участкѣ не находится.

Изъ животныхъ въ Сальянскомъ участкѣ водятся буйволы и другой домашній скотъ, кабаны въ камышахъ, зайцы, джейраны, шакалы, множество разной дичи, черепахи, а изъ гадовъ безвредные скорпіоны, змѣи и тарангулы.

Жители Сальянскаго участка всѣ Мусульмане; между ими считается до 700 чел. кочующихъ только для надзора за скотомъ; Бековъ 5 чел. а чиновниковъ только 2; здѣсь размѣщенъ Донскій 47 казачій полкъ.

Въ мѣстечкѣ Сальянѣ находится одинъ казенный домъ, въ который собирается нефть и доходы съ нея, и два магазина: хлѣбный и соляной; частныхъ домовъ считается до 900, садовъ до 30, лавокъ до 200, мечетей 9, улицъ 50, площадей 2, участковое и полицейское управленіе, почтовое отдѣленіе, таможенная застава и карантинъ. Жителей въ мѣстечкѣ считается 2280 муж. пола и 2020 жен. пола, но нѣкоторые изъ нихъ приписаны по камеральному описанію къ деревнямъ: наприм. въ селеніи Агнача Серра числится 50 семействъ, изъ коихъ 20 сем. живутъ въ Сальянѣ. Бековъ въ мѣстечкѣ числится 85 муж. пола и 73 жен. пола, купцовъ Мусульманъ 60 муж. пола, 48 жен. пола, крестьянъ Мусульманъ 2135 муж. и 1899 жен. пола, Армянъ 1 муж. и 2 жен.

Земледѣліе въ Сальянскомъ участкѣ посредственно:

дѣшніе жители сѣютъ пшеницу, ячмень, чалтыкъ, хлопчатую бумагу и табакъ; шелководство здѣсь очень ничтожно, а садоводство обширно, но вино не дѣлается и жители не знаютъ куда сбывать плоды. Въ мѣстечкѣ Сальянѣ находится до 20 ткацкихъ заведеній, въ которыхъ дѣлается бязь для потребленія участка; ремесла также ограничиваются домашнимъ обиходомъ; шерстяныя и другія матеріи привозятся изъ Персіи. Ничтожная торговля производится съ Ленкораномъ и Баку.

Доходы Сальянскаго участка состоятъ въ повинностяхъ денежных.—подать, почтовый сборъ и сборъ за казенные посѣвы, и натуральныхъ—десятая часть посѣва хлѣба, хлопчатой бумаги и сарацинскаго пшена; кромѣ того отдаются за 600 руб. сер. въ годъ пять нефтяныхъ колодцевъ и добывается изъ двухъ сальянскихъ озеръ соль. Доходы мѣстечка Сальянѣ составляютъ до 1170 руб. сер. а расходы до 1113 руб. сер. Въ числѣ расходовъ значится статья на иждивеніе мѣстечка въ торжественные дни: такъ и здѣсь праздники Россіи отправляются съ честью!

Для распространенія мусульманской мудрости въ Сальянскомъ участкѣ существуетъ до двадцати медресъ.

Исторія Сальяна не представляетъ ничего пазидательнаго для юношества: эготъ клочекъ земли, по видимому, раздѣлялъ первоначально судьбы Ширвана. При наденіи Ширванъ-шаговъ въ первой половинѣ XVI столѣтія сынъ какого-то странствующаго календера овладѣлъ Сальяномъ, выдавъ себя за сына Султанъ-Мухаммедъ бекъ Шейхшаха, по скорѣ былъ разбитъ и схваченъ войсками Ширванъ-шага Шахрока. Отъ персидскаго владычества Сальянъ перешелъ къ турецкому, при которомъ онъ составлялъ особенный санджакъ. Имѣрагоръ Петръ Великій, во время похода въ Дагестанъ, имѣлъ намѣреніе построить на устьѣ Куры городъ, который бы служилъ средо-

точіемъ торговли Россіи съ Востокомъ, и по-этому поручилъ Соймонову вымѣрять протоки Куры и по его назначенію приказалъ Генералу Матюшкину, доносившему о взятіи Сальянскаго острова въ русское владѣніе, строить крѣпость, для защиты которой предписалъ отправить изъ Казани 5,000 Татаръ, Черемисъ и Чуващъ. Между тѣмъ въ Сальянѣ произошло совершенно противное событіе: посланный изъ Баку подполковникъ Зимбулатовъ, для принятія Сальяна въ русское владѣніе, по четырехъ-мѣсячномъ здѣсь пребываніи былъ приглашенъ съ своими офицерами на праздникъ къ Сальянскому владѣтелю, и обладаженный ласковостію и притворнымъ смиреніемъ жителей въ теченіе четырехъ мѣсяцовъ дался въ обманъ и былъ безжалостно зарѣзанъ на пиру съ своими подчиненными. Это было въ 1724 году. 20-го Мая въ томъ же году изданъ указъ, которымъ отмѣнено строеніе крѣпости на Курѣ и отправленіе туда Татаръ изъ Казани. Однако въ послѣдствіе времени заложено здѣсь укрѣпленіе на 200 человекъ гарнизона, отданное въ 1730 году Генераломъ Левашевымъ вдовѣ какого-то Хава. По заключеніи мира съ Надиромъ въ 1735 году Сальянъ возвращенъ Персіи. Въ 1756 году Фетхъ Али Ханъ Кубинскій, по порученію отца своего, отнялъ Сальянъ у Ибрагимъ Хана Дудбарскаго и спасся сюда послѣ пораженія кевдушанскаго. Императрица Екатерина имѣла намѣреніе привлечь въ Сальянъ торговлю и для этого перевела на Куру консула, находившагося прежде въ Баку, но купцы не находили никакой выгоды приставать здѣсь. Стѣсненный Умма Ханомъ Аварскимъ Фетхъ Али Ханъ отдалъ ему, въ приданое за дочь, мѣстечко Сальянъ, а въ 1788 году, по приказанію Кубинскаго деспота, умерщвленъ въ Сальянѣ Мухаммедъ Сеидъ Ханъ съ двумя сыновьями изъ фамиліи Шамахинскихъ Хановъ. Потомъ Сальянъ составлялъ спорное мѣсто между Ширванскими и Кубинскими Хавами, а послѣдній Ханъ Шамахинскій Мустафа отнялъ, съ помощію Русскихъ, Сальянъ у Миръ Бакиръ Бега,

брата Мустафы Хана Талышинскаго, въ чемъ ему способствовали сами Салъянцы, недовольные своимъ правителемъ. Въ русское владѣніе Салъянецъ поступилъ по гюлистанскому договору 1813 года.

Карапету кто-то предлагалъ ѣхать изъ Салъяна моремъ, на киржимѣ, но Карапетъ, однажды вытерпѣвшій страшную бурю на Каспѣ, терпѣть не можетъ моря и рѣшительно отказался отъ такого предложенія; я нашелъ это вполне благоразумнымъ, потому что при противномъ вѣтрѣ можно проплыть изъ Салъяна въ Ленкоранъ цѣлую недѣлю.

И такъ Карапетъ и я выѣхали изъ Салъяна опять на почтовой тележкѣ 19-го Сентября вечеромъ. Переѣхавъ Акушу, которая шириной здѣсь около двадцати сажень, на паромѣ, я понесся по окраинѣ Мукавской степи. Чудесно гладкая дорога тянется около садовъ по берегу Акуши, а вправо разстилается необозримая степь Мукавская.

Эта степь одна изъ самыхъ поэтическихъ въ мірѣ и смѣло можетъ принять на свой счетъ всѣ восторженные обращенія къ степи, столь изобильныя въ русскихъ книгахъ всѣхъ сортовъ и названій: ровное, безлѣсное поле стелется на огромномъ протяженіи между рѣкою Араксомъ и Каспійскомъ моремъ, и по этому полю смотри не смотри ничего кромѣ травы не выглядишь, а въ этой травѣ въ глубинѣ степи кишатъ безчисленные гады, однако, съ каждымъ годомъ уменьшающіеся.

Олеарій даетъ очень много пространства Мукавской степи, опредѣляя длину ея въ шестьдесятъ миль, а ширину въ двадцать: настоящая длина Мукавы около тридцати миль, а ширина различна. Земля на этомъ пространствѣ глинисто-песчаная, проникнутая черноземомъ; лѣгомъ

въ спѣлыя жары здѣсь видны только полынь, терновникъ и каперсы, за то зимой растительность очень обильна, но необходимо орошеніе полей, которое соединено съ большими трудностями, потому что воды на степи Муканской не имѣется. Въ старое время здѣсь проходилъ большой каналъ, устройство котораго жители приписываютъ Тамерлану; другой извѣстный въ Мукапѣ каналъ принадлежать къ числу работъ Надира, если только Надиръ не возобновилъ каналъ Тамерлана. Въ самой серединѣ степи находятся два древніе колодца, а кромѣ того мѣстами показывается изъ земли вода, только чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ труднѣе до нея докопаться, о чемъ, впрочемъ, жители не очень и хлопочутъ, довольствуясь какой попадетъ водой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся самосадочныя соляныя озера.

Когда заселилась Мукапъ—съ точностью не извѣстно; Помпей, во время похода противъ Албановъ, встрѣтилъ на Муканской степи такое множество змѣй, что долженъ былъ поскорѣй выбраться съ своимъ войскомъ изъ этого края. Арабскіе писатели говорятъ уже о народонаселеніи и даже городахъ на Мукапѣ: преданіе говоритъ, что здѣсь было до девяти городовъ. Съ нашествіемъ Монголовъ, если еще не раньше, явились сюда на кочеванье Тюркмены, вытѣсненные потомъ Татарами: устрашенные нашествіемъ Монголовъ, жители Мукапа разбѣжались въ горы. Слѣдами прежняго народонаселенія оставались сторожевые курганы, на которыхъ, вѣроятно, находились укрѣпленія: рядъ этихъ кургановъ идетъ отъ Каспійскаго моря къ Араксу немного къ С. отъ пограничной черты между Персіей и Россіей. Въсѣтъ съ этимъ—странная вещь!—начала падать ядовитая слава Мукапа: нынѣ вредныхъ змѣй не водятся ни на безводной и сухой степи, ни въ жилыхъ мѣстахъ Курской долины. Змѣи удалились внутрь степи, гдѣ между ними отличается своей ядови-

тостью очковатая змѣя; остается лишь ядовитая полынь, вредная для лошадей.

По берегу Куры не далеко отъ станціи водятся въ камышахъ кабаны, а въ степи видѣется аулъ.—На Джейранбергской станціи я ночевалъ: шакалы всю ночь страшно были и смертельно надоели.

На утро я выбрался со станціи очень рано; дорога идетъ между камышею, изъ-за которыхъ ровно ничего не видно, лишь влали темнѣютъ Талышскія горы, мало по малу приближающіяся ко мнѣ, или пожалуй на-оборотъ къ которымъ я подѣзжаю быстро. Какая богатая страна: чуть не на каждомъ шагѣ изъ-подъ лошадиныхъ ногъ стадами вылетаютъ фазаны, стрепета, кулики, куропатки, журавли, зайцы.... впрочемъ, зайцы не вылетаютъ, а выбѣгаютъ! Дичь пользуется здѣсь полными правами гражданства, потому что не кому за ней охотиться. Ястребиная охота была бы здѣсь очень прибыльна, потому что нѣтъ лѣсовъ, куда бы могла укрываться дичь отъ ястреба.

За 15 перестъ до станціи находится въ сторонѣ казачій постъ, гдѣ смѣнилъ моего провожатаго другой казакъ—я все еще путешествую съ казаками. Гогъ-тепинскую станцію составляетъ малаканская деревня съ 448 душами: не далеко отъ нея ближе къ горамъ находится деревня Субботниковъ съ 500 душъ, въ которой помѣщается штабъ казачьяго 47 полка и живетъ самъ полковникъ. Смертность въ этихъ мѣстахъ сильная, особенно между Малаканами; причина этому заключается, по-видимому, въ извѣстней сухости воздуха. Въ окрестностяхъ не рѣдко случаются разбои: Мусульмане грабятъ и бьютъ смиренныхъ Малаканъ.

Дорога изъ Гогъ-тепѣ идетъ по степи, на которой

зимуютъ гуси, утки и кулики, а достопочтенные журавли, чуждаясь этого неприличнаго общества, улетаютъ далыше на югъ. Безъ всякаго приключенія я переправился въ бродъ черезъ рѣку Кизиль-агачъ «Красное дерево» шириной въ шесть-семь сажень, въ которой одинъ извѣстный русскій путешественникъ—позвольте умолчать фамилію—едва не погибъ, переправляясь въ полноводье на пустой телѣжкѣ: стремленіемъ воды телѣжку опрокинуло и унесло версты за полторы, двѣ лошади погибли, а извѣстнаго путешественника казаки едва успѣли вытащить изъ воды.

Дорога отъ Кизиль-агача идетъ подлѣ моря. Спусти десять верстъ я переправился на паромѣ черезъ морской заливъ Кум-баши «Песчаная голова»: онъ шириною до полутора саженъ, глубиной около аршина, но переправа здѣсь необходима, потому что заливъ тянется чуть не до Ленкорана. Паромъ устроенъ на трехъ лодкахъ и подвигается очень медленно, потому что переправляетъ всего одинъ паромщикъ, лѣниво работающій шестомъ. Около залива бездна дичи; рядомъ съ паромомъ стоятъ киржимы, заходящіе съ моря, а по другую сторону залива находится нѣсколько казачьихъ домовъ для собиранья сѣна.—Вообще весь путь отъ Сальяна до Ленкорана представляетъ противоположность съ пустынными окрестностями Баку: обильная и мощная растительность здѣшняя переноситъ воображеніе въ иной благодатный край!...

За десять верстъ до Ленкорана находится поворотъ на островъ Сару, видимый съ берега, отъ котораго онъ отстоитъ на семь верстъ. Шевалье Гамба поставилъ Сару только въ пятнадцати верстахъ отъ Баку, тогда какъ прямаго разстоянія между ними болѣе 145 верстъ. Честь и слава французскому путешественнику!

Подѣзжая къ Ленкорану я видѣлъ по берегу мно-

жество черепахъ: наканунѣ шелъ дождь, и онѣ выбрались въ лужи насладиться пріятностями прогулки. Стояло только положить ихъ всѣхъ на спину, чтобъ онѣ на-вѣчно остались на тѣхъ же мѣстахъ, общепотребительный способъ ловли большей части черепахъ, но я завять былъ не черепахами, а Ленкораномъ.

Уже вечерѣло.... но позвольте начать послѣднюю главу.

VII.

ОТЪ ЛЕНКОРАНА ДО АСТАРЫ.

.....

 ?
 Изъ одного путевого журвала.

«Скоро-ли городъ» ?

—Какой городъ ? отвѣчалъ мнѣ ямщикъ.

—Ленкоранъ.

—А это что? Мы ужъ давно въ городѣ.

Я смотрѣлъ во все стороны и никакъ не могъ повѣрить, чтобъ я находился въ городѣ: на-лѣво Каспійское море—сѣдовательно тутъ нѣтъ города; на-право какія-то хижины въ садахъ, разставленныя безъ всякаго порядка—сѣдовательно и тутъ нѣтъ города. Однако здѣсь несомнѣнно лежитъ городъ Ленкоранъ: не уже-ли только я съ Карпетомъ и ямщикомъ составляю городъ?

—Въ крѣпость что-ли везти?

—Поѣзжай въ крѣпость, сказать я безъ цѣли, единственно изъ любопытства, какая можетъ быть въ несуществующемъ городѣ крѣпость.

Но прежде, чѣмъ я успѣлъ удостовѣриться въ подлинности ленкоранской крѣпости, тележка моя стояла уже передъ крыльцомъ комендантскаго дома.

Комендатель Я. И. фонъ Фогель предложилъ мнѣ свой кабинетъ къ услугамъ и просилъ меня ни о чемъ не заботиться, кромѣ своего дѣла: радуюсь и благодаря, я принялъ и исполнилъ его предложеніе вполне. Это радужное гостепріимство на самомъ краю Россіи примирило меня съ Ленкораномъ, и я принялся съ любовью за описаніе этого города.

Крѣпость и вмѣстѣ уѣздный городъ Шамахинской губерніи Ленкоранъ лежитъ подлѣ $38^{\circ} 43' 51''$ С. Ш. и $18^{\circ} 34' 50''$ В. Д. отъ С. Петербурга, на западномъ берегу Каспійскаго моря, не далеко отъ персидской границы. Онъ имѣетъ видъ трапеціи, длинная сторона которой, имѣющая протяженія чуть-чуть.... не версту, обраще-

на къ морю; эта фигура обведена со всѣхъ сторонъ ровомъ, который можетъ наполняться водою изъ рѣчки Ленкоранки подъ крѣпостными выстрѣлами. Эта рѣчка вытекаетъ верстѣ за двѣсти отсюда, и окруживъ Ленкоранъ съ трехъ сторонъ, впадаетъ на С. В. въ море; она не широка и не глубока, но быстра. Въ устьѣ ея входятъ киржимы, но выходить могутъ только при береговомъ вѣтрѣ; при морскомъ же, который заноситъ устьѣ рѣки пескомъ, нужно распознавать фарватеръ. Рейдъ ленкоранскій не удобенъ, какъ открытый всѣмъ вѣтрамъ: суда становятся на разстояніи трехъ верстѣ на семи саженьяхъ глубины, гдѣ илистый грунтъ хорошо держитъ якоря; вѣроятно отсюда и произошло названіе города Ленкоранъ, означающее «якори, якорное мѣсто».

Окружность города до трехъ съ половиною верстѣ; на этомъ пространствѣ живетъ до 3,000 жителей и нѣтъ ровно ничего замѣчательнаго. Городъ представляетъ странный видъ: камышевые, обмазанные глиной домики перемѣшаны лужайками и садами, и городской чистоты здѣсь совсѣмъ не видно; безъ всякой обиды Ленкорану можно сказать, что это красивое село, а не городъ, село, въ которомъ природа богата, а жители бѣдны, почва производительна, а торговли нѣтъ. Гуляя по лужайкамъ, подъ тѣнью высокихъ и густо-тѣнивыхъ деревьевъ, передъ красивыми домиками, я забывалъ, что Ленкоранъ уже близко къ Персіи, что не сегодня-завтра я буду уже на чужой сторонѣ.....

Въ Ленкоранѣ находится одна православная церковь деревянная, одна армянская и три мечети. Городскія лавки расположены внѣ крѣпости; товары состоятъ большею частію изъ тебризской контрабанды: суконъ, ситцевъ, шалей, платковъ и разныхъ персидскихъ матерій. Торговля Ленкорана очень ничтожна, не смотря на то, что по географическому положенію Ленкоранъ сосѣдъ съ бога-

тымъ и торговымъ Тебризомъ и въ водяныхъ сношеніяхъ съ Астраханью. Причина этому заключается въ неудобствѣ рейда Ленкоранскаго, въ дикости окружности Ленкоранской и въ удаленіи города отъ сухопутныхъ знаменитостей Закавказья. Для усиленія привоза товары здѣсь цѣнятся дешевле, нежели въ Баку и Астрахани, такъ что многіе бакинскіе купцы везутъ свои товары черезъ здѣшнюю таможенную, а многіе товары идутъ и просто безъ таможни. Шелкъ цѣнится здѣсь отъ 75 до 100 руб. сер. пудъ, въ Баку 120, а въ Астрахани 150 руб. сер. Чернышнихъ орѣшковъ, какъ мы говорили, провозится здѣсь до 200,000 пудовъ. Кака! огромная масса! Можетъ быть и «Путешествіе по Дагестану и Закавказью» писано матеріаломъ, прошедшимъ черезъ Ленкоранскую таможню. Карантинъ и таможня Ленкоранскіе помѣщаются вмѣстѣ на правомъ берегу Ленкоранки въ верстѣ отъ города; переправляются въ эти заведенія вбродъ или на «кулазѣ».

Климатъ Ленкорана равняется климату Южной Италіи, но по своей несоразмѣрности гораздо хуже послѣдняго: зимою 1840 года здѣсь былъ снѣгъ на аршинъ и холодъ до 6° Реом. при томъ же въ концѣ Сентября термометръ въ полдень показывалъ $+19^{\circ}$ въ тѣни! Годами является здѣсь сильная смертность, особенно отъ горячекъ и лихорадокъ въ лѣтніе жары, но постоянно свирѣпствуетъ здѣсь заразительная болѣзнь—вистъ, прилипчивость которой испытываютъ на себѣ всѣ путешественники. Иногда является оспа. Нездоровость климата происходитъ отъ низменнаго положенія, окруженнаго болотами.

Въ одинъ изъ дней, которыхъ у меня въ Ленкоранѣ было ровно десять, я взобрался на лошадь и отправился верхомъ осматривать лучшее и замѣчательнѣйшее произведеніе Ленкорана—сахарный тростникъ.

Тифлисскій гражданинъ Оома Ханумовъ употребилъ

собственного капитала до 10,000 руб. сер. на заведеніе сахарной плантаціи въ четырехъ верстахъ отъ Ленкорана, но дальнѣйшаго развитія этой важной промышленности онъ не въ силахъ дать; пынѣ Ханумовъ проситъ Правительство ссудить ему подъ надежный залогъ 10,000 руб. сер. на шесть лѣтъ безъ процентовъ, отвести 500 десятинъ удобной земли, и тогда онъ обязуется устроить здѣсь сахарный заводъ, давать сосѣднимъ жителямъ за деньги сахарный тростникъ, учить ихъ разведенію его и скупать у нихъ сахарный песокъ для выдѣлки на своемъ заводѣ. Разведеніе обширной сахарной промышленности возможно лишь въ Талышинской провинціи, гдѣ по берегу моря находится много пригодной для этого земли, а предположеніе Ханумова заслуживаетъ особеннаго вниманія: если выдѣлка песку въ Тифлисѣ можетъ быть полезна для края, то какія широкія выгоды для цѣлой Россіи можно предвидѣть изъ разведенія сахарнаго тростника въ Талышахъ!...

Г. Ханумовъ находился самъ на плантаціи и показъ мнѣ все свое заведеніе. Плантація огорожена низевымъ плетнемъ; засѣяно двѣ десятины, а двѣ уже покоснуто только потому, что владѣльцу не на что нанять работниковъ для помоты травы. Прошлаго года (1841) собрано пудъ песку и десять пудовъ тростнику; тростникъ иногда бываетъ въ аршинъ и десять вершковъ, а листья и въ два аршина. Не имѣя средствъ, Ханумовъ долженъ былъ обратиться преимущественно къ выдѣлкѣ рому, и хотя ромъ его издѣлія не высокаго достоинства, все же лучше самодѣля, доставляемаго изъ «погребовъ иностранныхъ винъ рому п водокъ».

Въ 11—12 верстахъ къ З. отъ Ленкорана находятся цѣлительныя теплыя воды.—Древностей въ Талышѣ почти нѣтъ: въ горахъ, говорятъ, есть старинная мечеть съ гробомъ одного мусульманскаго святаго; въ семи верстахъ отъ Ленкорана сказываютъ гробъ Шейха-Загида (отшель-

ника), наставника Шейха Сефи, которому здѣшніе жители пелеринствуютъ. Кромѣ того въ 10 верстахъ отъ Ленкорана находится «Дивъ-каляси» крѣпость Дивовъ, близъ горы Аляръ два укрѣпленія Дегеръ-каляси и Кызъ-каляси (это уже вторая), а на продолженіи горы Рамагачъ укрѣпленіе Дека, построенное Шамръ-Бекомъ Талышинскимъ, котораго умертвилъ за неповиновеніе владѣтель Талыша Кара-Ханъ.

Я не могу писать полной картины Талышинскаго уѣзда: она уже составлена до меня. Довольно сказать, что Талышинскій уѣздъ природой дѣлится на двѣ части: горную и низменную, что въ Талышинскомъ уѣздѣ до 23,000 жителей, что земледѣліе и скотоводство здѣсь посредственно, сколько нужно лишь для домашняго обихода, садоводство предоставлено волѣ Божіей, шелководство ничтожно, пчеловодство и звѣриный промыселъ довольно важны, а рыбныя ловли составляютъ казенную собственность.

Съ берега морскаго, на которомъ лежитъ Ленкоранъ, раскрывается восхитительный видъ на горы Талышинскія, возвышающіяся постепенными террасами на четыре тысячи футовъ и болѣе и покрытыя самой свѣжей и густой растительностью. Сколько разъ я смотрѣлъ съ удовольствіемъ при солнечномъ закатѣ на эту живописную даль и слѣдилъ за лучами убѣгающаго свѣта! Но страшны, страшны эти горы: въ этой чуть не тропической зелени скрываются кровожадные обитатели—волки, лисцы, гіены, барсы, медвѣди и тигры, въ камышахъ кабаны, а по рѣчкѣ Астариякѣ обитаютъ и дикобразы. Впрочемъ, гіена, барсъ и медвѣдь здѣсь рѣдки, но тигры очень обыкновенны, и не лзя не промолвить слова о такомъ знатномъ звѣрѣ.

Въ Талышѣ живетъ тигръ самой огромной и силь-

ной породы—*tigre royal*: онъ занимаетъ мазандеранскія дебри и оттуда распространяетъ свое племя въ талышскія лѣса и даже на Мукавскую степь. Не весело встрѣтиться на дорогѣ съ такимъ звѣремъ, но при всей своей лютой, тигръ рѣдко нападаетъ на беззащитнаго человѣка: въ доказательство рассказываютъ въ Ленкоранѣ объ одномъ священникѣ, встрѣтившемся съ тигромъ и благополучно прибывшемъ домой. За то бѣда охотнику, который промахнется по нему или сядетъ на дерево низко, такъ что тигръ можетъ достать его. Безоружныя животныя теряютъ всякое сознаніе отъ приближенія тигра и безъ сопротивленія отдаются ему на съѣденіе; крупныя и сильныя животныя не всегда счастливы въ борьбѣ съ тигромъ, и даже самый слонъ съ непривычки робѣетъ, теряется и иногда гибнетъ бѣдственно, по словамъ Непарха и другихъ рассказчиковъ объ Индіи. Въ Талышѣ иногда сходятся кабанъ съ тигромъ и въ этомъ случаѣ обомъ противникамъ достается равно; буйволъ же, при нападеніи тигра, сзываетъ своихъ собратій крикомъ и защищаетъ отъ врага цѣлымъ союзомъ: въ этомъ случаѣ тигру нечего ожидать хорошаго. Однажды медвѣдь увидѣлъ съ вершины холма спящаго въ оврагѣ тигра, и не долго разсуждая, пустилъ въ него огромнымъ чурбаномъ, но вслѣдъ за нимъ покотился и самъ въ оврагъ: озлобленный этимъ тигръ жестоко оттрепалъ медвѣдя.

Въ Талышѣ охотятся на тигра въ одиночку или об-
лавою, но во всякомъ случаѣ бьютъ его съ деревьевъ, куда тигръ не можетъ вальсѣть, между тѣмъ какъ отъ барса нѣтъ спасенія и на деревѣ. Въ Индіи охотятся на слонахъ, а иногда англійскіе офицеры выходятъ на тигра втроемъ-вчетверомъ пѣшіе, и въ такомъ случаѣ не рѣдко одинъ изъ охотниковъ становится жертвою разъяреннаго звѣря. Бывали примѣры, что и одинъ человѣкъ убивалъ тигра: такъ одинъ Индустанскій Принцъ получилъ лестное прозваніе «Шир-Хана» льва-Хана за то, что пора-

зилъ смертельно конемъ огромнаго тигра. Въ Ленкоранѣ рассказываютъ, что казакъ ѣхалъ со станціи въ городъ: лошадь казака погнулась сидѣвшему въ засадѣ тигру, и однимъ прыжкомъ звѣрь очутился близъ казака. Но казакъ не потерялъ присутствія духа, и въ то самое время, какъ тигръ думалъ остановить лошадь за задъ, мастерскимъ ударомъ шашки положилъ звѣря на-повалъ. Этотъ случай не подлежитъ сомнѣнію, потому что и въ Мазандераѣ есть смѣльчаки, ударомъ сабли убивающіе тигра.

Талышинскій тигръ очень дерзокъ: онъ заходитъ въ деревни и отсюда средь бѣла дня не рѣдко уноситъ съ невѣроятною легкостью свою добычу черезъ овраги и заборы, будь эта добыча даже лошадь или корова.

Народонаселеніе Талыша состоитъ, кромѣ немногихъ Татаръ, изъ особеннаго племени Талышинцевъ, говорящихъ отдѣльнымъ нарѣчіемъ Талышъ. Многіе, въ томъ числѣ и Г. Клапротъ, считаютъ Талышинцевъ потомками древнихъ Мидянъ, основываясь единственно на географическомъ положеніи Талыша, входившаго въ составъ древней Мидіи: другихъ доказательствъ на это не имѣется. Нынѣшній талышинскій діалектъ по своей грамматикѣ составляетъ одно изъ нарѣчій персидскихъ, по многимъ собственнымъ словамъ, по обилію гласныхъ разнаго свойства и по нѣкоторымъ формамъ уклоняющееся отъ персидскаго языка. Древній мидійскій языкъ намъ не извѣстенъ, и по-этому на словѣ «спако», сохранившемся отъ древней Мидіи у Геродота и означающемъ собаку, нельзя основать заключенія, какъ дѣлаетъ это Г. Клапротъ, о родствѣ мидійскаго языка съ талышинскимъ, въ которомъ собака называется «сипа». — Талышинцы принадлежатъ къ Шитскому обряду. Кромѣ того въ Талышѣ кочуютъ племена Шахсеновъ и Курдовъ Дела-

гарда: лѣтомъ наши кочевыя племена живутъ въ горахъ Персін, а зимою персидскіе подданные кочуютъ на Муканѣ.

У Талыша почти нѣтъ никакихъ воспоминаній, хотя это владѣніе образовалось давно въ отдѣльное Ханство: во время Ширванъ-шаговъ встрѣчается имя Эмира Сапегбеда, владѣтеля Талыша. Какъ владѣніе сосѣднее Персін, Талышъ большею частию находился подъ зависимо-стію этого государства; Россіей онъ былъ покоренъ во время смутъ въ Персін при Петрѣ Великомъ, но при заключеніи мира съ Надиромъ возвращенъ обратно. По смерти Надира здѣсь образовалось отдѣльное Ханство Талышинское. Въ 1796 году Русскія войска проникли сюда подъ предводительствомъ Графа Зубова, прозваннаго «Кизиль-аягъ» Золотая нога: воспоминаніемъ этого похода остается родникъ къ З. отъ Ленкорана, посвящій наименованіе Зубовскаго. Послѣдній Талышинскій Ханъ Мустафа Кули былъ сначала союзникомъ Россіи, и для защиты его вѣльно было содержать у острова Сары въ готовности съ 1800 года одно военное судно, а съ 1801 г. два судна, одно у Сары, а другое на необходимомъ пунктѣ, но по удаленіи Завалишина на Сару, Мустафа Кули присталъ къ Персіянамъ. Навлекши на себя неудовольствіе персидскаго двора, который послалъ противъ него въ 1809 году Фереджулла Хана Афшарскаго, и находясь во враждѣ съ Мустафой Ханомъ Ширванскимъ, Мустафа съ преданными людьми удалился изъ Ленкорана въ Джамиджванъ, недоступное мѣстечко, окруженное болотами и моремъ, и выпросилъ себѣ отрядъ русскихъ солдатъ съ пушками. Между тѣмъ явился одинъ изъ почтенныхъ Ширванцевъ Омаръ Султанъ въ Талышъ для примиренія двухъ владѣльцевъ Ширванскаго и Талышинскаго, но вмѣсто устройства дѣлъ самъ палъ въ ссорѣ съ сыномъ Талышинскаго Хана Миръ Хасанъ Ханомъ. Мустафа отправилъ другаго сына своего Хидаетъ Хана къ Ширванскому владѣтелю съ прошеніемъ помощи. Послѣдній простилъ убій-

ство Омаръ Султана и послалъ отрядъ войска изъ Сальяна къ Джамиджвану, но Мустафа Талышинскій, между тѣмъ, покорился Персіянамъ. Въ концѣ 1812 года десяти-тысячный отрядъ Персіянъ вторгся въ Талышинское Ханство, и изгнавъ Мустафу-Хана, раззорилъ Ленкоранъ, а на мѣстѣ его устроили Персіане новую крѣпость, которую Генераль Котляревскій взялъ штурмомъ 1-го Генваря 1813 года, при чемъ погибла большая часть персидскаго гарнизона, простиравшагося до 4,000 человекъ, и палъ самъ начальникъ его Садыкъ Ханъ.

По Тюркменчайскому договору Талышъ окончательно присоединенъ къ Россіи, а часть его осталась во владѣніи Персіи.

Что же касается до времени построенія города Ленкорана, то эта важная эпоха, къ моему крайнему сожалѣнію, въ исторіи не означена: раньше XVII столѣтія мы не случалось встрѣчать имени Ленкорана.

При распространеніи русскаго трудолюбиваго населенія Талышъ можетъ составить одну изъ богатѣйшихъ и лучшихъ областей Закавказья: все Западное поморье каспійское далеко уступаетъ ему въ природныхъ богатствахъ, а развитіе промышленности на благодатной почвѣ возбудитъ торговую дѣятельность и усилитъ движеніе капиталовъ по Каспійскому морю въглубь Россіи. Климатъ Талыша, съ засѣваніемъ Китайскаго риса вмѣсто чалтыка и съ осушеніемъ болотъ, долженъ много улучшиться, и тогда обитатели будутъ съ любовію смотрѣть на свою страну и охотно заботиться объ улучшеніи своего положенія.

Закавказье, по благорастворенію своего воздуха и обилію плодовъ земныхъ, есть одна изъ самыхъ благодатныхъ областей не только Россіи, но и Европы: обширныя выгоды, которыя можетъ извлекать изъ этого

края наша Имперія, еще не приведены даже и въ извѣстность. Закавказье не можетъ служить главнымъ рынкомъ европейской торговли съ Азіей, по ему предстоитъ участь не менѣе завидная: эта страна должна избавить русскую промышленность отъ многихъ тяжелыхъ статей иностраннаго привоза и въ свою очередь потреблять произведенія русскаго труда. Въ самомъ дѣлѣ природныя качества Закавказья даютъ полную надежду на исполненіе этого предположенія.

Большая часть жителей Закавказья довольствуются или собираніемъ только того, что представляетъ имъ производительная почва, или же очень не много прибавляютъ къ земнымъ произрастеніямъ своего труда: это составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой Закавказье не заняло до сихъ поръ предназначенной ему роли въ жизненныхъ силахъ Имперіи. Не говоря о земледѣліи и садоводствѣ, которыя здѣсь находятся чуть-чуть не въ младенческомъ состояніи, самое скотоводство, къ обширности и улучшенію котораго многочисленные кочевые жители вынуждены наклономъ къ лѣни и легкому труду, а совѣтъ не опасностію собственности, какъ бывало прежде, не достаточно процвѣтаетъ, потому что народъ не обращаетъ никакого вниманія на улучшеніе и размноженіе породъ скота: лишь сдѣлало нѣкоторые успѣхи овцеводство. Винодѣлія въ Восточной части Закавказья почти не существуетъ, плоды не идутъ въ торговлю, и сады оставлены собственнымъ своимъ усиліямъ; шелководство, не смотря на сильное содѣйствіе климата, находится еще въ маломъ развитіи; нѣжныя произведенія Юга здѣсь мало и извѣстны. Все это происходитъ отъ многихъ причинъ: во-первыхъ, народонаселеніе Закавказья такъ не велико, а производительность почвы такъ сильна, что человѣкъ почти безъ всякихъ хлопотъ можетъ здѣсь пропитаться дѣятельностью одной земли, а о сѣяніи и разведеніи дорогихъ растений, требующихъ тщательнаго при-

смотра, не зачѣмъ и думать беззаботному Закавказцу. Во-вторыхъ, неравномѣрный климатъ Закавказья подвергаетъ иногда опасности нѣжныя произведенія; имѣя же видоволь произведеній, требующихъ незначительнаго присмотра и не подверженныхъ легко капризамъ климата, не станетъ закавказскій человѣкъ рисковать своимъ трудомъ, не станетъ немногое вѣрное мѣнять на большое не совсѣмъ надежное. Въ послѣднемъ случаѣ виновата и почва, лелѣющая безданно безпошлинно для человѣка готовые плоды: избалованный Закавказецъ не хочетъ и слышать о томъ, что на сѣверѣ иногда нѣсколько лѣтъ сряду жестокая земля губить и уничтожаетъ трудъ земледѣльца, всю возможность его существованія, не хочетъ знать и о томъ, что климатъ Басры вдесятеро убійственнѣе сальянскаго и другихъ мѣстъ Закавказья, а между тѣмъ въ Басрѣ кипитъ дѣятельность и народонаселеніе; знать не хочетъ ничего Закавказецъ и ослабилъ свою страну вредно-климатной! Наконецъ послѣдняя причина заключается въ отсутствіи рынковъ, на которыхъ бы Закавказье мѣняло свою производительность съ трудами и произведеніями другихъ мѣстъ. Близость Каспійскаго моря еще не могла быть употреблена на полную и удовлетворительную пользу Закавказья, а сухопутныя сообщенія до селѣ довольно трудны и отдаленны.

Мы можемъ вполне надѣяться, что попечительное наше Правительство, развивая здѣсь охоту къ труду, вмѣстѣ съ тѣмъ усилить и потребительность мѣстныхъ произведеній какъ земныхъ, такъ и промышленныхъ, и по возможности облегчить торговля сообщенія. Съ своей стороны Закавказье да не уклонится отъ своего предназначенія и да умножится здѣсь трудолюбивое и сметливое русское народонаселеніе. Восточная часть Закавказья прежде была очень населена, и здѣсь стояли огромные города, но открытая каждому завоевателю, эта сторона во всѣ дни терпѣла

много, и теперь населенность ея очень не велика въ сравненіи съ прежнимъ временемъ.

Впрочемъ, тѣмъ, которые желаютъ лучше узнать Закавказье и его характеристику, я могу лишь рекомендовать прекрасныя изслѣдованія Ю. Гагемейстера, потому что самъ мало знаю и еще меньше видѣлъ Закавказье. Да пора же мнѣ и въ путь-дорогу дальнюю, на чужую сторону негостепріимную.....

2-го Октября я оставилъ Ленкорань. На этотъ разъ путешествіе мое приняло совершенно новый характеръ: отнынѣ я осужденъ странствовать уже не на телѣжкѣ, а верхомъ. На Востокъ не знаютъ другаго рода переѣздовъ, а Талыпъ уже Востокъ! Способъ верховаго путешествія не всякому извѣстенъ въ точности, и по-этому я считаю непремѣнною обязанностью изложить его въ подробности.

Путешественника сажаютъ на азійское сѣдло: говорятъ, это удобнѣе по горамъ, гдѣ на европейскомъ сѣдлѣ челоуѣкъ скользитъ, и притомъ крутое округленіе европейскаго (англійскаго) сѣдла утомляетъ ноги. Впрочемъ, сначала любое сѣдло вѣрится, но черезъ день дороги путешественникъ уже проклинаетъ всѣ сѣдла въ мірѣ и ходитъ не на своихъ ногахъ. Совѣтуютъ также, для избѣжанія излишнихъ страданій, класть подъ себя кожаную мягкую подушку, которая необходима еще и на привалахъ: надобно же на что-нибудь класть голову во время сна. Сзади сѣдла долженъ находиться небольшой круглый чемоданчикъ съ чистымъ бѣльемъ, а спереди въ чухкахъ необходима, для внушенія должнаго уваженія, пара вѣчно заряженныхъ отличныхъ двустольныхъ пистолетовъ: надежное ружье при этомъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишнимъ, а сабля и умѣнье владѣть ей придадутъ много спокойствія душѣ странствувателя. Что же касается до костюма, то никогда путе-

пешеходникъ не долженъ измѣнять своей народности, развѣ только тогда, когда онъ можетъ положиться на свое знаніе Востока, и переодѣтый не будетъ ничѣмъ ни на волюсь отличаться отъ туземца. Такихъ избравныхъ не много, и я совѣтую лучше проѣхать по Востоку Европейцемъ, во избѣжаніе разныхъ непріятныхъ послѣдствій, изъ которыхъ потеря жизни не будетъ еще крайнемъ несчастіемъ!... Не берите съ собой ни одного фрака на Востокъ, долой узкое, обтянутое платье: да здравствуетъ азіатскій просторъ, да здравствуютъ долгополые сюртуки! Фуражка—на Востокѣ шляпа анахронизмъ—должна защищать и отъ жара, и отъ холода и отъ дождя: устроить такую не трудно. Для предохраненія отъ непогоды необходимо имѣть прочную бурку, если ничего лучшаго не пайдется: сколько мнѣ извѣстно, премудрая Европа не придумала ничего дѣльнѣе для путешествія по Востоку.

Кажется, я совсѣмъ снарядилъ путешественника..... да, еще сапоги должны быть выше колѣнъ и все платье сухонное. Объ удовольствіяхъ предоставляю заботиться каждому по своей волѣ: я же имѣю въ виду лишь одно необходимое.

Въ двухъ небольшихъ кожаныхъ чемоданахъ должно помѣщаться все имущество путешественника, а главное имущество его должно заключаться въ книгахъ; эти чемоданы кладутся каждый въ шерстяной мѣшокъ, называемый «чувалъ», и перекидываются на лошади, на которой долженъ возсѣдать какой-нибудь Каралетъ. Мелочь можетъ находиться въ шерстяныхъ мѣшкахъ, называемыхъ «хурджимамп»: для соблюденія равновѣсія ихъ должно быть также два. Выючная лошадь тогда только идетъ ровно и скоро, когда тяжести по обѣимъ бокамъ ея одинаковы, и по-этому чемоданы должны быть равновѣсны. Между прочимъ чай и его принадлежность должны вст-

да находится съ путешественникомъ, по крайней мѣрѣ съ Русскимъ, и кромѣ того для питья какого-угодно должно имѣть плетенку, а то придется пить мутную воду изъ вонючаго бурдюка. Само собой разумѣется, что Карапетъ долженъ быть прилично вооруженъ и обладать полнымъ знаніемъ восточныхъ языковъ и нравовъ: слуга Мусульманинъ допускается лишь въ крайности.

И такъ въ путь! Хозяинъ или погонщикъ лошадей, называемый въ Персіи «чарвадаромъ» имѣющимъ скотину, отправляется всегда самъ въ дорогу для ухода за лошадьми, или пѣший, или на ослѣ или на другомъ животномъ. Отъ Ленкорана до Астары берутъ за лошадь пять панабатовъ ($\frac{2}{3}$ руб. сер.) а отъ Астары до Ардебилъ четыре сахибъ кирана (120 коп. сер.). Поѣздъ мой вышелъ довольно торжественный: со мной ѣхалъ въ Тебризъ по собственнымъ дѣламъ помощникъ участковаго застѣателя персидскій Мирза (ученый), и тянулись сзади и спереди нѣсколько нукеровъ для охраненія двухъ ученыхъ особъ.

Тотчасъ по выѣздѣ изъ Ленкорана дорога идетъ по самому берегу моря: сердитыя волны не разъ разсыпались у ногъ моей лошади, но чарвадарская лошадь, по своему терпѣнію и равнодушію къ красотамъ природы, соперница съ лошадью русскаго водовоза, и ни сколько не обращая вниманіе на бушующее море, она идетъ себѣ неизмѣннымъ шагомъ по дорогѣ, по которой ходитъ отъ рожденія до смерти! Но меня близость моря смутила: я вспомнилъ, что еще Шевалье Гамба говоритъ о преданіи, будто бы между Сальяномъ и Ленкораномъ была дорога, вывѣ затопленная моремъ, да и самъ я слышалъ, что море около Ленкорана съ сѣверной и южной стороны отнимаетъ съ каждымъ годомъ у суши нѣсколько аршинъ или даже сажень, что случается, впрочемъ, при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ; Ленкоранъ, прежде удаленный отъ моря; теперь стоитъ на самомъ

берегу его, и даже потоплено кладбище, гдѣ похоронены Русскіе воины, убитые при осадѣ крѣпости въ 1812—1813 году. Это явленіе легко можетъ быть объяснено только прибылью и убылью Каспія: прежде море отступало, а теперь подвигается впередъ, теперь періодъ возрастанія, отъ этого волны и орошаютъ ноги моего коня.

На-право отъ дороги тянутся огромныя болота, поросшія камышомъ, а за ними возвышаются Талышинскія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Видъ пріятеленъ, но мнѣ очень скучно.....

Въ 15 верстахъ отъ Ленкорана находится рыболовная ватага на рѣчкѣ Камышевкѣ, у туземцовъ называемой Буседана; далѣе еще ватага на рѣчкѣ Шайтанкѣ, по туземному Чалядана или Калядана: черезъ послѣднюю путешественниковъ съ ихъ имуществомъ перевозятъ въ четвероугольных сосудахъ изъ цѣльнаго дерева, величаемыхъ въ краснорѣчивомъ разговорѣ лодками, а животныя развѣяченныя переправляются вплавь.

Къ вечеру я добрался до персидской границы и въ послѣдній разъ успокоился на русской землѣ въ Астарѣ.

Астара прежде составляла отдѣльное Ханство, принадлежавшее Персіи: во время Олеарія правителемъ Астары былъ Сару-Ханъ, а резиденція его Астара находилась, по словамъ Олеарія, въ доброй четверти лье отъ моря. Съ Хосрау Султаномъ находился въ походѣ противъ Русскихъ Астаринскій правитель, а во время Надиръ извѣстенъ правитель Астары Муса Ханъ Талышинскій.

Въ настоящее время Астара напоминаетъ Кяхту: на лѣвомъ берегу рѣчки Астаринки находится русскій казачій постъ, въ которомъ осматриваются и пріѣзжіе и отъѣзжающіе, а на правомъ берегу раскидано нѣсколько пер-

сидскихъ лачужекъ, въ которыхъ помѣщаются чарвадары съ своимъ скотомъ. Ленкоранскую карантинно-таможенную заставу, для избѣжанія контрабанды и для торговыхъ удобствъ, предполагается перевести въ Астару. Климатъ Астары считается вреднымъ, особенно для пришельцевъ; около Астары сѣютъ не много хлопчатой бумаги, а подлѣ рѣчки Астарики находятся минеральныя воды, затопляемыя весной.

3-го Октября въ 10 часовъ утра я переправился черезъ Астарику и очутился на Востокѣ.

Прощай Россія!... Отъ Волжской дельты я ѣхалъ все по краю незнакомому, но ѣхалъ по Россіи, а теперь впереди что ждетъ меня въ странахъ чуждыхъ и негостепріимныхъ?..... Что же касается до благосклоннаго читателя, вмѣвшаго неистощимое терпѣніе доѣхать со мной до Астары, то его ожидаетъ давно желанный

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ОТЪ АСТРАХАНИ ДО ТАРХУ.

Отъѣздъ изъ Астрахани 1—4. Мелководье Волги 5. Волга у древнихъ и восточныхъ писателей 5—7. Плаваніе отъ Астрахани до моря 7—11. Каспійская торговля и причины ея упадка 11—15. Карантинъ на Бирючьей косѣ 15—16. Экспедиція Г-на Путатина къ туркменскимъ берегамъ 16—20. Плаваніе по морю 20—22. Каспійское море у древнихъ и восточныхъ писателей 22—24. Русскія экспедиціи на Каспійское море 24—26. Карты Каспійскаго моря 26—29. Замѣчанія о Каспійскомъ морѣ и его островахъ 29—31. Особенности Каспійскаго моря: отдѣльность его отъ другихъ морей 32, углубленіе Каспія 33, періодическое возвышеніе и паденіе водъ его 33—39, бывшее впаденіе Аму - Дерви въ Каспійское море 39—44, теченіе въ Карабогазъ 44—45. Прибытіе въ Тарху 45—46.

II.

ОТЪ ТАРХУ ДО ДЕРБЕНТА.

Первыя впечатлѣнія Тарху и горъ 47—55. Діалектъ кумыкскій 55. Названіе Тарху 55. Описаніе Тарху: жидовская слобода 56, Тарху 56—60, Бурная 61—62, климатъ 62—63, народонаселеніе 63, занятія жителей 64—65, частности Тарху 65—67, древности 68—69. Визитъ Шамхальшѣ Сюльтанетъ 69—75. Исторія Тарху и Шамхаловъ 75—78. Нынѣшній Шамхаль 78—79. Кумыки 79. Уставы Ислама о «джигахъ» 80—81. «Тарикатъ» 81—82. Шейхъ Мансуръ 82. Кави Мулла 83. Гамзатъ Бекъ 84. Мюридизмъ и его притязанія 84—87. Война на Кавказѣ 87—93. Характеръ Горцевъ 93—96. Оружіе у Горцевъ 96—97. Шамиль 97—100. Толки о Шамиль 100—104. Отъѣздъ изъ Тарху 104—105. Провожатые и пѣніе ихъ 105. Взятіе Ахульго 106—108. Буйнаки 109. Походъ къ Гергебилию 110. Каякентъ и плѣнный С..... 110—113. Великентъ 114.

III.

ОТЪ ДЕРБЕНТА ДО КУБЫ.

Прибытіе въ Дербентъ 116—119. Основаніе Дербента 119—120. Исторія Дербента 120—124. Описаніе Дербента: мѣстоположеніе (125), стѣны 125—127, ворота 127—130, стѣна Нуширванова 130—135, кладбище Кырхляръ 135—140, другія древности 140—141, сборная мечеть 141—145, городъ

и раздѣленіе его 145—147, занятія жителей 147—148, частности Дербента 148—150, климатъ 150—151, діалектъ дербентскій 151. Управление Дербента при Хавахъ 151—153. Описаніе Каракизатакской провинціи: предѣлы, величина, воды, земля и природа, народонаселеніе (154), правительственное раздѣленіе 155, исторія 155—157, занятія жителей 157, управление 157—158, доходъ 158. Общество дербентское 159—162. Отъѣздъ изъ Дербента 163. Переправа черезъ Самуръ 165—166. Самуръ 167.

IV.

ОТЪ КУБЫ ДО БАКУ.

Прибытіе въ Кубу 169—171. Исторія Кубы 171—175. Мѣстность Кубы 175 — 176. Кубинскія сказы 176 — 178. Частности Кубы 178—179. Кубинскій діалектъ 179. Древности Кубинской провинціи 179—180. Описаніе Табасарана: предѣлы, величина, воды, земля и природа 181, народонаселеніе 181—182, раздѣленіе, занятія жителей 182, исторія 182—185, управление 185—186. Общія замѣчанія о Дагестанѣ: жители 187—189, раздѣленіе 189—191, природа 191—194, управление и обычаи 194—199. Отъѣздъ изъ Кубы 199. Мулла Нуръ 201—203. Аванская стѣна 203—204. Хизръ-анида и Бешъ-бармакъ 205—207. Сумгаитъ 208.

V.

ОТЪ БАКУ ДО САМЪЯНА.

Прибытіе въ Баку 210—211. Исторія Баку 212—217.

Описаніе Баку: мѣстоположеніе 217, дома 218—219, крѣ-
пость 219, общество 219—220, шахскій дворецъ 220—224,
дѣвичья башня 224—225, сборная мечеть 225—226, древно-
сти 227—228, торговля 228—229, контрабанда 229—230,
гавань 230, потопленные развалины 230—233. Шагри-Юнанъ
233—235. Острова Бакинскіе 235. Описаніе бакинскаго уѣз-
да: мѣстность 235—236, безводіе 236, почва, климатъ 237,
земледѣліе 237—238, скотоводство 238, садоводство 238—
239, огородничество 239—240, шелководство, пчеловод-
ство, рыбныя промыслы 240, нефть 240—243, соляныя
озера, шафранъ 243, марена, хлопчатая бумага и аи-
ра 244, промышленность 244—245, доходъ 245, народо-
населеніе 245—246, характеръ его 246—248, Армяне 248.
Поѣздка на неугасимые огни 248—253. Караванъ-сарай на
неугасимыхъ огняхъ 253—257. Неугасимые огни 257—259.
Индусы 259—264. Уваженіе огня 264—266. Поѣздка на Ап-
шеронскій полуостровъ 266—267. Маштаги 267—269. Бу-
зонья 269—271. Древности апшеронскія 271—276. Тузем-
ныя увеселенія 276—279. Возвращеніе въ Баку 279. Отъѣздъ
279—281. Караванъ-сарай Сенгалжалъ 281.

VI.

ОТЪ САЛЪЯНА ДО ЛЕНКОРАНА.

Прибытіе въ Салъянъ 284—285. Поѣздка на Божій про-
мыселъ 285—287. Описаніе Салъянскихъ рыбныхъ промысловъ:
ватаги 288—294, способъ ловли 294—295, выдѣлка рыбныхъ
продуктовъ 295—298, рабочіе 298—302, періоды рыболов-
ные 302—203, количество улова 303, количество рыбныхъ
продуктовъ 304—305, доходъ и расходъ 305—308. Описа-
ніе Салъянскаго участка: пространство, почва 309, климатъ

309—310, жители 310, занятія ихъ 310—311, доходы участка 311. Исторія Сальана 311—313. Отъѣздъ изъ Сальана 313. Муданская степь 313—316. Кизиль-агачъ 316—317.

VII.

ОТЪ ЛЕНКОРАНА ДО АСТАРЫ.

Прибытіе въ Ленкоранъ 319. Описаніе Ленкорана: крѣпость 319—320, дома 320, торговля 320—321, климатъ 321, сахарная плантація 321—322. Древности Талыша 322—323. Талышинскія горы 323. Тигръ 323—325. Народонаселеніе Талыша 325—326. Исторія 326—327. Нѣкоторыя замѣчанія о Закавказьѣ 327—330. Отъѣздъ изъ Ленкорана 330. Способъ путешествія по Востоку 330—332. Астара 333—334. Переѣздъ черезъ границу 334.

ПРИМЪЧАНІЯ.

При составленіи примѣчаній къ этой книгѣ я пользовался слѣдующими восточными текстами:

1. *نزهة القلوب* «Наслажденіе сердець», весьма уважаемая Географія, написанная на персидскомъ языкѣ Хамдуллою бенъ Абубекрѣ Эль-Мустауфи Эль Казвини *المستوفى القزوينى* (ум. 1349).—Этого сочиненія я имѣлъ три экземпляра: всѣ они принадлежать библіотекѣ Казанскаго Университета. Первый изъ нихъ превосходнаго таалика, означаемый въ примѣчаніяхъ моихъ буквою А, писанъ въ 1030 году гилжры (1620—1621) 269 листовъ in fol. въ немъ таблицъ астрономическихъ не достаетъ, а также и въ срединѣ нѣтъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а именно: въ географическомъ отдѣлѣ опущено исчисленіе разстояній, описаніе горъ и нѣкоторыхъ рѣкъ (fol. 235 r² и fol. 236 v²). Во второмъ экземплярѣ, означаемомъ буквою В, не достаетъ конца: рукопись оканчивается описаніемъ горы *قارن*; почеркъ дурной (319 листовъ). Третій экземпляръ, привезенный мною изъ Персіи и означаемый буквою С, писанъ довольно хорошимъ тааликомъ (280 листовъ in fol.) 1095 гилжры (1683—1684) Мухаммель Сельманомъ бенъ . . . въ округѣ Саулажа. Это по своей цѣлости одна изъ лучшихъ рукописей Географія Хамдуллы Казвини, только нѣкоторыя описанія въ ней сокращены. Пропусковъ въ ней я не замѣтилъ, кромѣ, какъ я уже сказалъ, сокращеній въ описаніяхъ. На fol. 260 v² и 261 r² находится карта земли, которой нѣтъ въ двухъ другихъ экземплярахъ. Извлеченія изъ Хамдуллы Казвини относительно Закавказья по двумъ рукописямъ въ текстѣ и переводѣ были напечатаны Г-мъ Дорномъ въ *Mémoires de l'Académie de St Petersburg. VI Série. Sciences politiques. T. VII, стр. 506 — 514 и 544—551.*

II. نقش الازهار في عجائب الاقطار «Благоговіе цвѣтовъ въ

чудесахъ странъ», всеобщая географія на арабскомъ языкѣ, оконченная Ибнъ-Алсомъ въ 922 г. гиджры (1516). Это сочиненіе содержитъ короткое и безсистемное описаніе странъ и городовъ, такъ что инныя мѣста описываются по два раза: въ началѣ и въ концѣ помѣщено подробное описаніе Египта, и вообще географія Египта обработана тщательно по Макризи. Въ описаніи другихъ мѣстъ Ибнъ-Алсъ слѣдуетъ Истахри, Закеріи Казвини, Бакуви и другимъ арабскимъ географамъ. Рукопись этого сочиненія, принадлежащая библіотекѣ Казанскаго Университета, писана въ 1002 г. гиджры (1593—1594), in 8^a 419 листовъ весьма дурнаго письма; въ срединѣ не достаетъ четырехъ листовъ (fol. 161, 165, 166 и 170); впрочемъ, это едва-ли не самый древній изъ извѣстныхъ списковъ.—Д'Оссонъ пользовался манускриптомъ Ибнъ-Алса Лейденской библіотеки (D'Ohsson, *Des peuples du Caucase*, стр. XIV), а Лангле (Langlès) написалъ объ этомъ сочиненіи извѣстіе (Not. et Ext. des man. de la Bibl. Imp. VIII, 1 и слѣд.).

III. خريدة العجايب و فريدة الغرائب «Жемчужина чудесъ и

перлъ необыкновенностей», географія на арабскомъ языкѣ, сочиненная Сераджъ-Уд-диномъ Омаръ Ибнъ-Эль-Варди (ум. 749—1348—1349 году). Географическія описанія здѣсь очень коротки и сходны съ извѣстіями Закеріи Казвини. Рукопись этой географіи, писанная въ 1250—1834 г. казанскимъ Татаринномъ Убейдуллою бенъ Келимъ Уллою, 103 листа in fol. принадлежитъ библіотекѣ Казанскаго Университета. Изложеніе сочиненія Ибнъ-Эль-Варди по девяти рукописямъ было представлено Дегинемъ въ *Notices des manuscrits du Roi*. T. II, стр. 19—59. Д'Оссонъ также пользовался этимъ сочиненіемъ (D'Ohsson, *Des peuples du Caucase*, стр. XII).

IV. ترجمه مسالك الممالك персидскій переводъ арабской гео-

графіи «путей и областей», сочиненной Истахриемъ около 303—309—915—921 года. Арабскій подлинникъ этого сочиненія называется كتاب الافاليم (см. ниже). Рукопись персидскаго пе-

ревода, писанная въ 1258—1842 году казанскимъ Татариномъ Убейдуллою бенъ Келимъ Уллою съ копій, находящейся въ Азіатскомъ музеѣ С. Петербургской Академіи наукъ. 88 листовъ in fol. принадлежитъ библіотекѣ Казанскаго Университета. Г-нъ Дорнъ представилъ извлеченія о Закавказьѣ по двумъ рукописямъ въ текстѣ и переводѣ въ *Mém. de l'Académie de St' Petersb. VI Sér. Scien. pol. T. VII стр. 471—485, 519—532.*

V. *تاریخ ابن اعثم الكوفي* персидскій переводъ арабской исторіи Ибнъ Аазема Эль Куфи (ум. 314=926 г.) Т. II. Рукопись, писанная хорошимъ тааликомъ, въ 992 году гаджры (1584) Хюсейномъ Музафферомъ Катибомъ Хатун-абадскимъ, 548 листовъ in 4°, принадлежитъ библіотекѣ Казанскаго Университета. Другой экземпляръ этой рукописи, писанный 1256—1840 г. казанскимъ Татариномъ Убейдуллою бенъ Келимъ Уллою и принадлежащій также библіотекѣ Казанскаго Университета, есть списокъ съ предыдущаго и содержитъ исторію Халифата только до восшествія на царство Али. Извлеченія изъ нея, относящіяся къ Хазарамъ, въ текстѣ и переводѣ помѣщены Дорномъ въ *Mém. de l'Acad. de St' Petersb. VI Sér. Scien. pol. T. VI, стр. 490—494, 596—599.*

VI. *روضة اولی الالباب فی التواریخ والانساب* «Садъ мудрыхъ въ хроникахъ и генеалогіяхъ», всеобщая исторія отъ Адама до 717 (1317) года на персидскомъ языкѣ, сочиненіе Эль-Бенакети *البناکتي*.—Рукопись этого сочиненія, принадлежащая библіотекѣ Казанскаго Университета, писана въ Казани въ 1842 году каллиграфомъ университетскимъ Мухаммедъ Алиемъ, 230 листовъ in fol.—Г. Д'Оссонъ пользовался манускриптомъ Лейденской библіотеки (*D'Ohsson. Des peup. du Cauc. XIX.*).—Списокъ съ казанской рукописи находится въ Азіатскомъ музеѣ С. Петербургской Академіи наукъ (*Dorn, Das Asiatisch. Museum. стр. 101*).

VII. *تاریخ نادری* «Исторія Надира», на персидскомъ языкѣ, сочиненіе Мирзы Мегди. Рукопись, принадлежащая библіо-

текъ Казанскаго Университета, писана 1220 г. гиджры (1805) красивымъ тааликомъ 198 листовъ in fol.

VIII. تاریخ عالم آرای عباسی «Исторія украсителя міра Аббаса», сочиненная на персидскомъ языкѣ статсъ-секретаремъ Искендеръ Муншіемъ въ 1025 (1616) году. Полнал и превосходная рукопись этого сочиненія съ рисунками въ началѣ, принадлежащая библіотекѣ Казанскаго Университета, писана изящнымъ тааликомъ 459 листовъ in fol.

IX. مسالك الممالك «Пути и области», небольшое персидское географическое сочиненіе, большею частію наполненное анекдотами и баснословными разсказами, сочиненное для Государя Султанука. Рукопись эта принадлежитъ библіотекѣ Казанскаго Университета, писана довольно хорошимъ тааликомъ, 61 листъ in 8°.

X. روضة الصفا «Садъ наслажденія», всеобщая исторія на персидскомъ языкѣ, въ 7 частяхъ, сочиненіе Мирхюда (ум. 903—1498 г.). Въ библіотекѣ Казанскаго Университета находится нѣсколько экземпляровъ разныхъ частей; я пользовался II и III частями, изъ которыхъ вторая содержитъ 272 листа in fol., а третья 152 листа in fol. обѣ писаны, по-видимому, очень недавно, дурнымъ татарскимъ почеркомъ.

XI. کلیات نوابی «Собраніе сочиненій Невая». Рукопись С. Петербургской публичной библіотеки (см. мое описаніе Турецко-татарскихъ рукописей въ библіотекахъ С. Петербурга, статья II-я въ Жур. Мин. нар. просв. 1847, № 5). Я пользовался изъ нея только исторіей Сассанидовъ.—Для сравненія служило изданіе Катрмера: Chrestomathie en turc oriental.

XII. رساله تواریح بلغاریه «Изложеніе болгарскихъ повѣствованій», соч. Хисамъ-эд-дина Болгарскаго (см. мое описаніе Турецко-татарскихъ рукописей въ библіотекахъ С. Петербурга, въ Жур. Мин. нар. просв. 1846, № 5-й). Рукопись, принадлежащая библіотекѣ Казанскаго Университета, писана въ 1832 г. казанскимъ Татаринимъ Убейдуллою бенъ Келимъ Уллою.

XIII. در بند نامه «Дербендіада», своѣ трехъ рукописей исторія Дербента на турецкомъ языкѣ, составленный профессоромъ Мирзой А. Каземъ-Беконъ, съ переводомъ и примѣчаніями на англійскомъ языкѣ. Это сочиненіе приготовлено давно уже къ изданію, но по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ печатаніе его остановилось. По благосклонности почтеннаго моего наставника я могъ воспользоваться этимъ довольно важнымъ для исторіи Дагестана сочиненіемъ; въ С. Петербургской публичной библиотекѣ находится два экземпляра турецкой Дербендіады.

XIV. جهان نما «Джеганъ-нума», всеобщая географія на турецкомъ языкѣ, сочиненная Катибъ-Челеби въ 1650 году и напечатанная въ Константинополѣ въ 1732 г.

XV. منتخبات اولیا چلبی «Избранныя мѣста изъ Эвлиа Челеби», описаніе Константинополя, напечатанное въ этомъ городѣ въ 1259 г. гиджры.

XVI. Histoire des Sassanides, par Mirkhond, texte persan. Paris. 1843.

XVII. کتاب تقویم البلدان Géographie d'Aboulféda, texte arabe, publié par Mm. Reinaud et le Bon Mac Guckin de Slane. Paris. 1837.

XVIII. کتاب الاقالیم Liber climatum, auctore El-Issthachri. Edidit Moeller. Gothae. 1839.

XIX. Abulghasi bahadür chani Historia Mongolorum et Tatarorum. Casani. 1824.

XX. Hamzae Ispahanensis annalium libri X. Edidit Gottwaldt. Lipsiae. 1844.

XXI. Vie de Djenghiz-khan, par Mirkhond. Paris. 1841.

XXII. تقویم التواريخ Хронологическія таблѣцы Хаджи Хальфы или Катиба-Челеби, изданіе константинопольское.

I.

I. *Стран. 5.* О состояніи Астрахани въ 1842 году была напечатана мною отдѣльная статья въ Москвитинѣ (1844 г. августъ), не вошедшая въ составъ настоящаго изданія.

II. — *5, строка 9.* Eichwald, Reise auf dem Caspischen Meere. I, стр. 25—27; Gamba, Voyage dans la Russie méridionale, 2me édition, T. II, стр. 433.

III. — *строк. 24.* Eichwald, Reise, I, стр. 30; Voyages par le Sr. Ad. Olearius, traduits par De Wiequefort, Amsterdam, 1727 г. стр. 479.

IV. — *строк. 22.* Записки гидрографическаго департамента морскаго Министерства, Ч. V, стр. 115—116.

V. — *строк. 28.* Сравни. Берха, Царствованіе Царя Михаила Оеодоровича. Част. I, стр. 250—252, и Его же Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Ч. I, стр. 260.

VI. — *строк. 32.* Ammianus Marcellinus, lib. XII, cap. 8. Cf. Eichwald, Reise, II, стр. 87. По Гумбольту Волга (Rha) разумѣется даже у Геродота (Asie central. II, 267).

VII. — *6, строк. 4.* Eichwald, Reise. II, стр. 441; Энциклопедическій лексиконъ. Т. XI, стр. 296; Библіотека для чтенія 1838, Т. XXVI, стр. 164—165. У Моравиновъ Волга называется Ра. (D'Obsson, Des penp. du Cauc., 30; Humboldt, Asie centr., II, 253; Neumann, Die Völker des südlichen Russlands, стр. 103).

VIII. — *строк. 6.* D'Obsson, Des penp. du Cauc. 31; El-Mas'oudi's, Historical encyclopaedia, by A. Sprenger, T. I, стр. 406.

IX. — *строк. 7.* Eichwald, Reise, II, 439; 368—371.

X. — *строк. 16.* Закерія Казвини, котораго описаніе Волги я здѣсь привожу (Journal asiatique, 1824, T. V, стр. 301), жилъ въ XIII вѣкѣ (ум. 1283 г.); онъ написалъ: «книгу о чудесахъ творенія» и «книгу о замѣчательностяхъ странъ и

извѣстіяхъ мужей.» См. еще *ibid.* стр. 302; *Mémoir. de l'Académie de St' Petersburg.* VI série, Tom. VII, стр. 481—482, 529; S. de Sacy, *Chrestomathie arabe*, T. II, стр. 17—19; *Géographie d'Aboulfeda*, par Reinaud et de Slane, I, стр. 64 (نهر الأثل; въ описаніи же Каспійскаго моря Итель (стр. 36)

переписано по сирійскому арабскому произношенію الأثل); *Istthachri, Liber climatum*, ed. Moeller, стр. 95 (وامانهر أثل الخ).—

Нѣмецкихъ переводовъ этихъ арабскихъ географовъ я не имѣлъ случая видѣть. Въ Дербендѣ-намѣ по списку Г-на Каземъ-Бека Волга названа عدل. Описаніе Закерія Казвини почти слово въ слово находится и въ сочиненіи арабскаго географа Ибнъ-Эль-Варди *خريدة العجايب و فريدة الغرائب* «жемчужина чудесъ и перлъ необыкновенностей», и у Ибнъ-Аяса: *نشق الأزهار في*

عجايب الأقطار «благополіе цвѣтовъ въ чудесахъ странъ». Вотъ тексты обоихъ авторовъ (Ибнъ-Эль-Варди, fol. 49 v² и 50 r²):

نهر أثل وهو نهر عظیم في بلاد خزر (خزر) يقارن دجلة ومجیئه من ارض الروس وبلغار ومصبه من بحر الخزر (خزر) وقد ذكر الحكماء انه يتشعب من هذا النهر خمس وسبعون شعبة كل شعبة منها نهر عظیم وعموده لا يتفر ولا ينقص لغزارة مائه وقوة امداده فاذا انتهى الى البحر يجري فيه يومين ولونه باين من لون البحر ثم يختلط ويجمد في الشتاء لعذوبته وفي النهر حيوانات عجيبة

Ибнъ-Аясъ (манускр. библиот. Казан. Универ. fol. 284 v²):

ذكر اخبار نهر أثل وهو نهر عظیم يقارن دجلة (دجلة) وهو في بلاد الخزر من ارض بلغار قال بعض الحكماء انه يتشعب من هذا النهر خمس وسبعون

نهر اولونه لون من البحر وجمدى الشنا حتى نعبى عليه البهايم وفه
حيوانات غريبة .

Оба автора прибавляютъ, что «въ рѣкѣ (водятся) удивительныя животныя». За описаніемъ Волги слѣдуетъ въ обоихъ манускриптахъ разсказъ Ибнъ-Фозлана о большомъ челоѣкѣ.

Въ географіи Хамдуллы Казвини только въ рукописи С находятся описаніе Волги : его нѣтъ ни въ рукописи А, ни въ рукописи В. Вотъ оно (fol. 253 v°) :

دربای اتل از کوههای آس واورس وبلغار وديار قمر و سلنگان*
و کتمال بر میخزد و این ولايترا تسقى کرده بهم جمع میشود آبى پس بزرگ
میکردد چنانکه گویند که بزرگتر از آن رود نیست پس هفتاد و چند نهر
ازو بر میدارند که هیچ يك باسانی گذار اسب نمیدهد و ولایت و صحرای
بسیار از آن آب معمورست و هزر آب آن نهرها بعضی در بحر قالا طيغون
که انرا دریای و رانگ نیز گویند و بعضی در بحر شرقی میریزد عمودش
به بحر خزر می آید و از غایت غلبه و قوت آب زیادت از ده فرسنگ در دریا
لون و حرکت ان بدید است و طول این رودش صد فرسنگ باشد

Рѣка Атель. Выходитъ изъ горъ Асъ, Урусъ и Булгаръ и мѣстъ Камаръ, Селеганъ и Катмалъ, и протекши по этой странѣ, соединяется вмѣстѣ, большой рѣкой течетъ, такъ что говорятъ, будто больше этой рѣки нѣтъ. Потомъ 70 съ чѣмъ-то рукавовъ отдѣляется отъ нея, и черезъ каждый изъ нихъ легко не переправится лошадь. Страна и поля очень процвѣтають отъ этой рѣки. Устья воды тѣхъ рукавовъ нѣкоторыя те-

* Это не سلنگا ли Садики Исфгани (The geog. Work. of Sad. Isf. стр. 104—105)?

кутъ въ море Калатигунъ (Балтійское?), называемое также моремъ Варенгскимъ (Варажскимъ), нѣкоторыя въ море Восточное (Аральское), а главный рукавъ идетъ въ море Хазарское. По причинѣ чрезмѣрнаго изобилія и стремленія воды, пѣтъ и теченіе рѣки замѣтны въ морѣ даже десяти миль. Длина этой рѣки будетъ шесть сотъ миль.

Хисамъ-ад-динъ Болгарскій всчисляетъ рѣки, впадающія въ Волгу (نوارنج بلغاریة) манускриптъ, fol. 23 r°—25 r°) и говоритъ, что «Волга выходитъ отъ горы Курляуджъ» (کورلاوج fol. 24 v°).

XI. — строк. 55. Названіе Птель встрѣчается у Моисея Хоренскаго подъ формою Ethil (St. Martin, Mémoires sur l'Arménie, T. II, стр. 354), у Константина Порфирогенета—Атиль, у Руисброкъ Этиль (D'Ohsson, Des peup. du Cauc. 30), у Марко Поло Эрдиль (Humboldt, Asie centr. II, 210).—Что названіе Птель, въ новѣйшее время перешедшее въ ایدول Идуль, принадлежитъ тюркскому языку и значить рѣку, — это еще не совсѣмъ доказано. Правда, что это слово встрѣчается еще въ Ἀτελχ—οὐζου «рѣка Узу»—Днѣпръ (Constant. de Adm. Imp. 38; Гаммеръ читаетъ это Ἀτελ καὶ Ουζα, Jahrbücher der Literatur, 1834, B. 65, стр. 14), правда, что позднѣйшее употребленіе этого слова Татарами въ значеніи «рѣка» не подлежитъ сомнѣнію, что въ татарскихъ діалектахъ корень ель слышится во многихъ словахъ, относящихся къ рѣкѣ (بلغه еля, рѣчка, بلو елю, полынья), и что въ татарскомъ даже находятся производныя отъ идуль слова (ایدولیکъ идульдѣскъ, рѣчка), однако существованіе Птель въ древнемъ тюркскомъ языкѣ неизвѣстно.

XII. — 7, строк. 5. Journal asiatique, 1824, T. V, стр. 308.

XIII — строка 4. Энцикл. лек. Т. XI, стр. 297. Шафарикъ неизвѣстно происхожденіе слова «Волга» (Schafarik, Slawische Alterthümer, I, 499). Другіе утверждаютъ, что Волга по Чудски и Фински значитъ «рѣка» (Журн. Мин. нар. просв. 1846, ноябрь, отдѣл. II, стр. 112).

XIV. — *строк. 13.* Еще Рейнеггъ говоритъ, что Татары называютъ Волгу «Булгой» (Reinegg. Beschreibung des Kaukasus, T. I, стр. 65); въ татарской рукописи توارنج بلغاریة Волга называется *ولكى ايدولى* или *بولكى ايدولى* Волга-рѣка. Г-нъ Катрмеръ признаетъ сомнительнымъ производство Булгаръ отъ «Булга» Волга (Histoire des Mongols, I, 405).

XV. — *строк. 27.* Таблицу maximum и minimum волжскихъ разливовъ см. въ Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 116.

XVI. — 8, *строк. 13.* Фарватеръ Волги отъ Астрахани до моря см. въ Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 115.

XVII. — *строк. 15.* Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 114—115. Устья Волги описалъ Басаргинъ въ 1823 г. и эта опись издана Гидрографическимъ Депо на пяти листахъ. См. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 136.

XVIII. — 9, *строк. 15.* Атласъ Колодкина, предисловіе; Сѣверная пчела, 1844, № 8, стр. 31, и Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 135; Eichwald, Reise, I, стр. 35—36.

XIX. — 11, *строк. 6.* Савельева, Мухом. Нумизм. Глав. IV.—Библиот. для чт. 1834, Т. VII, стр. 88.— Сѣв. пчела, 1844, стр. 220.

XX. — *строк. 14.* Биб. для чт. 1834, VII, 87; Eichwald, Reise, I, 43.—Г-нъ Соколовъ медленность и опасность плаванія купеческихъ судовъ на Каспій приписываетъ устройству самыхъ судовъ, а не познанію шкиперовъ. (Сѣв. пчела, 1844, стр. 224).

XXI. — *строк. 22.* Кавказъ, газета, 1846 года, № 32, стр. 125—126, № 37, стр. 145; 1847 года, № 13, стр. 51—52. — Кавказскій календарь на 1849 годъ отд. II, стр. 67—68.

XXII. — *строк. 25.* Библ. для чт. 1834, Т. VII, стр. 98—99; Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 374—375.

XXIII. — 12, *строк. 6.* Eichwald, Reise, I, 29—30.

XXIV. — *строк. 16.* Библ. для чт. 1834, Т. VII, стр. 92—93. Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 72—75. Объ учрежденіи въ Тифлисѣ складочнаго Депо товаровъ см. Кавказъ, 1847, № 18, стр. 71, и № 32, стр. 126—127; кавк. кал. на 1849 годъ, отд. II, стр. 69—71.

XXV. — *строк. 24.* Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 372—374. Ср. Кавказъ, 1846, 16.

XXVI. — *14, строк. 54.* Gamba, Voyage, II, стр. 429—432.

XXVII. — *16, строк. 15.* Сѣвер. пчела, 1844, стр. 224; Eichwald, Reise, I, 36—37, 41.

XXVIII. — *строк. 26.* Атласъ Колодкина, предисловіе; Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 135; Сѣвер. пчела, 1844, стр. 31; Eichwald, Reise, I, 41.

XXIX. — *17, строк. 15.* Eichwald, Reise, II, карта древняго Каспія и окрестныхъ странъ.

XXX — *строк. 17.* Eichwald, Reise, I, 48.

XXXI. — *строк. 18.* Сѣверная пчела. 1844, стр. 35—36; Зап. Гидр. Деп. Ч. V, стр. 146—153.

XXXII. — *строк. 25.* Зап. Географ. общ., II, 225.

XXXIII. — *18, строк. 10.* Зап. Географ. общ., II, 203 и слѣд.

XXXIV. — *строк. 20.* Караванныхъ дней считается 17 (Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 378).

XXXV. — *19, строк. 5.* Зап. Геогр. общ., II, 234—235.

XXXVI — *строк. 11.* Eichwald, Reise, I, 295—304, 315—317. Къ путешествію Муравьева приложень портретъ Кіятъ-Аги.

XXXVII. — *22, строк. 19.* Ср. Eichwald, Reise, II, 116. Гекатей называетъ это море Гирканскимъ, Геродотъ Каспійскимъ, Аристотель, Страбонъ, Арріанъ и тѣмъ и другимъ (Humboldt, Asie centr. II, 166—167). Нынѣшнее названіе Каспійскаго моря происходитъ отъ исчезнушаго народа Каспівъ, жившаго на западномъ берегу его и упоминаемаго Геродотомъ, Страбономъ, Помпоніемъ Мелю и Моисеемъ Хоренскимъ (Страбонъ, книг. XI, глав. 4; Журн. Мин. нар. просв. 1846, ноябрь, отдѣл. II, стр. 103, 122, 125; Дек. отдѣл. II, стр. 193). Первое же упоминаніе «моря Гирканскаго», доставляемое намъ древностью, находится у писателя Гекатея старшаго, изъ сочиненій котораго дошли до насъ только отрывки (Humboldt, Asie centr. II, 162; Nouvelles annales des voyages, 1847, Mai, стр.

176). У Марко Поло и Хуана де ла Коза Каспійское море названо Абакуйскимъ (Персіане и нынѣ называютъ его иногда Бакинскимъ, Humboldt, *Asie cent.* II, 209, 221), на картѣ Каталанской *Mar del Sagga e de Basu* (ibid. 214), у Китайцевъ Си-Хай (ibid. 255), у Грузиновъ Дарубандисъ-Цгва, Дербентское море (ibid. 297). Масуди говоритъ, что Каспійское море называется Хазарскимъ *الخزرى*. Дербентскимъ *بجر باب الابواب*, Гилянскимъ (какъ и у Ферлауси), Дейлемскимъ, Джорджанскимъ и Таберистанскимъ (*El-Mas. Hist. Enc.* I, 288, 297).—Кятибъ-Челеби даетъ Каспійскому морю названіе Ширванскаго и отвергаетъ подземное соединеніе его съ Чернымъ. Описаніе этого автора (см. *جهان نما* стр. 398—399) сходно съ описаніемъ Хамдуллы Казвини (см. ниже). Еще Каспійское море называется иногда неправильно у восточныхъ Ак-денгизъ, Бѣлое море (это собственно Средиземное), Бахри-Гузэ и море Кульзумское (у Абульгази).

XXXVIII. — *строк.* 26. *Nov. Journ. asiat.* 1828, Т. II, стр. 422.

XXXIX. — *строк.* 27. Персіане называютъ его и Гилянскимъ моремъ *دریای کیلان* (*The geogr. Wor. of Sad. Isfah.* I).—Названіе «Хазарскаго» донынѣ сохранилось между дагестанскими и закавказскими Персіанами въ означеніи сѣвернаго вѣтра «Хазари» Хазарскимъ: это едва-ли не единственный уцѣлѣвшій слѣдъ Хазарской державы, когда-то процвѣтавшей въ этомъ краю! Южный вѣтеръ называется «Гилеваръ» *کبله وار*.

XL. — 25, *строк.* 1. Eichwald, *Reise*, II, Геродотъ и Аристотель 12, Страбонъ 37, Поликлеть 49, Плиній 70, Птоломей 78; Humboldt, *Asie centr.* II, Геродотъ и Аристотель 149, 164 и 165, Страбонъ 172, Поликлеть 171, Діодоръ Сицилійскій 149 и 172, Птоломей 154 и 165. Квинтъ Курцій и Агаемеръ 155 и другіе 173—188. Ср. *Энци. лекс.* статьи Азія, Аму-Дерья, Аралъ, и Библ. для чт. 1838 г. Т. XXVI, стр. 162—166.

XLI. — *строк.* 10. Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, 1848, стр. 249.

XLII. — *строка. 44* Eichwald, Reise. II, 88, 100—102; Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie de St Petersbourg. T. IV, стр. 191 и слѣд. — El-Mas. Hist. Enc. I, стр. 298.

XLIII. — *строк. 44.* Я заимствовалъ это изъ итальянскаго перевода, за вѣрность котораго, впрочемъ, нельзя поручиться. Geographia di Claudio Tolomeo, Venetia, 1598, книга VI, стр. 143 ^{в^о}. По Гумбольту (As. centr. II, 154 и 165) этой идеи у Птолемея не видно. Понятія Птолемея перешли къ Арабскимъ географамъ преимущественно черезъ другихъ писателями древности потому, что онъ былъ переведенъ на арабскій языкъ (Fraehn. Ibn Fozlans, стр. XVI), но арабскій Птоломей нѣсколько отличенъ отъ настоящаго (Gildemeister, Script. Arabum de Rebus indicis, I, 120).

XLIV. — *строк. 46.* Jour. asiat. 1824, T. V, стр. 300.

XLV. — *строк. 24.* Jour. asiat. 1824, T. V, стр. 301.

Вмѣсто «Грузіи», «море Грузинское» вѣроятно должно читать: «Джорджавъ», «море Джорджанское»; вмѣсто «отъ Грузіи» должно стоять «отъ Джорджана», какъ у Ибнъ-Эль-Варди (см. ниже текстъ Ибнъ-Эль-Варди). Описание Каспія см. Géog. d'Aboulf. 1 liv. стр. 35—37; Lib. clim., ed. Moeller, стр. 94—97; El-Mas. Hist. Enc. I, 421 и слѣд. Изъ приведеннаго мѣста Закеріа Казвини видно противорѣчіе въ его словахъ: сначала онъ соединяетъ Каспій съ Чернымъ моремъ, а потомъ разъединяетъ его со всѣми морями. Эта неясность происходитъ отъ ошибочнаго мнѣнія нѣкоторыхъ арабскихъ географовъ о впаденіи Волги однимъ рукавомъ въ Черное море, а другимъ въ Каспійское (Edrisi, Géographie, II, 337). Абульфеда (Géog. I liv. стр. 35), Истахри (Lib. clim., стр. 94) Эдриси (Géog. II, 2 и 332) и даже Масуди (Bul. de l'Ac. de St Peters. Tom. IV, стр. 194—195; El-Mas. hist. enc. I, 420) отвергаютъ соединеніе Каспійскаго моря съ другими. Въ VI томѣ всеобщей исторіи Ибнъ-Эль-Асира بحر الخزرіة море Хазаріе распространено до Константинопольскаго пролива (см. Quatremère, Hist. des Mong., стр. 68), но тутъ рѣчь идетъ о Черномъ морѣ (см. еще Notices et Extraits, II, 48, 53), которое и во время Ма-

суди называлось иногда Хазарскимъ (S. de Sacy, Chrestomathie arabe, T. II, стр. 16—17; Notices des manuscrits de la bibl. Impér. VIII, 173). Моисей Хоренскій, по-видимому, переписалъ Пролома (Humboldt, As. centr. II, 197).

К сожаелію я имѣю подъ рукою немногія восточныя рукописи, изъ которыхъ притомъ уже сдѣланы извлеченія съ переводами или даже изданы полныя тексты и переводы. Къ числу замѣчательнѣйшихъ восточныхъ географій принадлежить сочиненіе Хамдуллы бенъ Абубекра Эль Мустауфи Эль Каази-ни (ум. 1349) نزهة القلوب «наслажденіе сердець». Три рукописи этого сочиненія находятся въ библіотекѣ Казанскаго Университета. Я приведу по двумъ изъ нихъ слѣдующее, сколько мнѣ извѣстно, неизданное описаніе Каспія (A fol. 242 v°—243 r°; C fol. 261 v°—262 r°). Манускриптъ С.

بحر خزر (1) داخل این (2) خلجها نیست و داخل بحر محیط نیست
و بقصه خزر (3) منسوبست که برکنار رود اتل است (4) و بطليموس آنرا
دریای (5) ارقانیا خواند (6) و در میان (7) ابا دانی است و آنرا (8) طواف
میتوان کرد چنانکه از آن دریا گذر نباید کرد الا (9) از رودها که (10)
درو می رود بیاید گذشت و این بحر با هیچ دریا پیوسته نیست (11)
و بعضی آنرا دریای جرجان و دریای جیلان نیز خوانند (12) و در غلطند که

Ман. А (1) دریای خزر. Въ ман. С جزر, а въ другихъ мѣ-

стахъ جزر (2) Опушен. (3) حینها و بحر (4) منسوب است

Опуш. (9) طوف (8) آبادانیست (7) Опуш. (6) ارقانیان (5)

عوام آنرا دریای قلزم کویند و در (12) Опуш. (11) دروی (10)

شرح دریای قلزم داده شد بر طرف شرقی این دریا (13) خوارزم و (14) سغسین و (15) بلغارست و بر شمال دشت خزر و بر غرب آن و کوه (16) لزی و آن و بر جنوب جیلان و مازندران و زمین این (17) بحر کل است (18) و بدین سبب آبش تیره (19) مینماید بخلاف دیگر (20) بحار که اکثر (21) رازمین ربك بود و (22) آبش صافی (23) نماید و قعر دریا دینار دهد و درین دریا مانند دیگر بحار جواهر و (24) لؤلؤ نیست و درو کمایش دو بیست جزیره است مشاهیرش (25) ابسکونست که اکنون در آب پنهان شده است (26) بجهت آنکه جیخون پیشتر (27) ازین بدریای شرق میرفت که محاذی دیار یا جوج و ما جوج است بنزدیک خروج مغول راه بگردانید و با این دریا (28) آمد و چون این دریا با (29) دیگر بحار پیوسته نیست ناچار زمین خشک را (30) بدریا افزود تا داخل و خرج مساوی باشد و جزیره (31) ماران بی زهره (32) و جزیره جن و جزیره سیاه کوه و جزیره روی و جزیره کوسفندان

(16) بلغار است (15) سغسین (14) خوارزم (13) غلط اند و شرح

نمایند (19) *опущ.* (18) *опущ.* *въ Манускр. С.* (17) لکری

ابکون (25) *опущ.* (24) نمایند (23) آبرا (22) از (21) بحر (20)

دگر *въ манускр. С.* (29) کشت (28) *опущ.* (27) جهت (26)

опущ. (32) *опущ.* (31) در دریا دخل (30)

صحرائی (33) از این جزایر در عهد سابق (34) ابسکون و سیاه کوه مسکون بوده است و آن نیز (35) از سکان خالی است و (36) نزدیک جزیره سیاه کوه از غلبه قوت باد کشتی را خطر بود و جزیره الله (37) اکبر که محاذی با کویه است (38) و اکنون معمور است و (39) بندر آن دریا شده (40) و دیگر جزایرش از کتت هیأت (41) معلوم است و آبهای بزرگ چون اتل و جیحون و (42) کروارس و (43) شاهرود و (44) سفید رود و امثال آن بدین دریا میریزد طول این دریا دویست و شصت فرسنگ (45) است (46) و در عرض دویست فرسنگ و دورش تقریباً (47) هزار فرسنگ باشد و این دریا را (48) موجی عظیم بود از همه بحار سخت تر و جزر و مد ندارد و فاجه^۲ اسکندر بحر فرنگ بطرف کوه لکزی با این دریا چنان نزدیکی دارد که مسافت در میان (49) این دو دریا همان کوه است بمقدار دوسه فرسنگ باشد (50) و این دریا را کردایی است عظیم چنانکه از مسافت بعید (51) در آنجا کشتی را بقهر در خود

(37) بنزدیک (36) اکنون از (35) ابکون (34) و این (33)

روشن شود (41) *опущ.* (40) در بند (39) *опущ.* (38) *опущ.*

(44) *Въ манускр.* شاهرود (43) *Въ манускр.* کروارس (42)

یکهزار (47) *опущ.* (46) *опущ.* (45) *опущ.* و *опущ.* *С* (48)

опущ. (51) درین دریا کرداییست (50) *опущ.* (49) موج (48)

کشد و غرق کردند در مسالك المالك آمله و (52) در پيش عوام مشهورست
 که آن موضع منفذ (53) درياست (54) با بحر فرنگ و اين روايت (55)
 ضعيفست چه فاجه اسکندر محدث است و پيشتر زمين خشک بوده و آبادانی
 (56) اگر اين روايت درست بودی بایستی (57) که آن زمين نیز
 پيوسته دريا بودی

Море Каспійское.

Оно не имѣетъ выхода ни въ другія воды, ни въ Океанъ; прилежитъ къ странѣ Хазарской, которая находится на берегу Атея. Итоломей называетъ его Ирканскимъ моремъ. Оно находится между заселенными странами, и можно обойти его вокругъ, такъ что минуешь его, кромѣ рѣкъ, въ него впадающихъ, черезъ которыя надо переѣхать: это море не соединяется ни съ какимъ другимъ. Нѣкоторые называютъ его моремъ Чорчанскимъ и моремъ Джилянскимъ, но ошибаются, называя его моремъ Кульзумскимъ. Къ Востоку отъ этого моря находится Харезмъ, Саксинъ и Булгаръ, къ Сѣверу степь Хазарская, къ Западу Аланъ. Куги-Лезги и Арранъ, а къ Югу Джилянъ (Гилянъ) и Мазандеранъ. Грунтъ земли въ этомъ морѣ глинистый, отчего вода его мутна, на оборотъ другия моря, которыя болѣею частію имѣютъ песчаный грунтъ и прозрачную воду, отчего глубь морская бываетъ видна. Въ этомъ морѣ вѣтъ драгоценныхъ камней и жемчужинъ, какъ въ другихъ моряхъ. На немъ находится около двухсотъ острововъ,

واکر (56) ضعيفی است (55) تا (54) این (53) опуш. (52)
 (57) опуш.

* Страбонъ говоритъ о золотѣ на островахъ Каспія (Eichwald, Reise, II, 27—29 Humboldt, As. centr. II, 203).

назъ которыхъ извѣстѣйшіе суть*: Абисекунъ, скрывшійся теперь подъ водою оттого, что Джейхунъ (Аму-Дерья) прежде текъ въ Восточное (Аральское) море, находящееся передъ страной Яджуджъ и Маджуджъ, но около времени появленія Монголовъ измѣнилъ русло и потекъ въ это море. а такъ какъ это море съ другими морями не соединяется, то по необходимости твердая земля исчезла въ морѣ, чтобъ прибывъ и убывъ уравнилась; островъ Безвредныхъ змѣй, островъ Джиновъ (духовъ), островъ Черная гора (سياه کوه), островъ Руй, островъ Дикихъ барановъ (**). Изъ этихъ острововъ въ прежнее время Абисекунъ и Черная гора были обитаемы, но теперь нѣтъ на нихъ жилищъ; близъ острова Черной горы отъ ярости вѣтровъ суда подвергаются опасности. Островъ Богъ великъ! находящійся противъ Бакуе (Баку), теперь населенный и служащій гаванью того моря. Другіе острова его изъ астрономическихъ книгъ можно узнать. Въ это море впадаютъ большія рѣки, какковы: Атель, Джейхунъ, Куръ, Арасъ, Шагрудъ, Сефидрудъ и подобныя имъ. Длина этого моря 260 фарсанговъ на 200 фарсанговъ ширины, а окружность около 1000 фарсанговъ. На этомъ морѣ бываетъ сильное волненіе***; изъ всѣхъ морей оно самое бурное, приливовъ и отливовъ не имѣетъ. Каналъ Искендеровъ у моря Франкскаго въ сторонѣ горъ Декзи находится въ такой близости съ этимъ моремъ, что между двухъ морей разстояніи только эта гора около 2—3 фарсанговъ. Въ этомъ морѣ существуетъ огромный водоворотъ**** такой, что на дальнемъ разстояніи съ непреодолимымъ стремленіемъ втягиваетъ въ себя суда и потопляетъ. Въ книгѣ «Шутей и областей» говорится и

* Eichwald, Reise, II, стр. 84, 163; Géogr. d'Aboulf. I livr. 36—37.

** Островъ Гусфендъ (Бараній) должно полагать около Койсу, потому что названіе Кокунъ-су есть тоже, что Рудн-гусфендъ «Баранья рѣка» (См. جهان نما 397).

*** Eichwald, Reise, II, 67.

**** Вѣроятно Карабогазъ.

въ народѣ простомъ извѣстно, что черезъ это мѣсто проходитъ море Хазарское въ море Франкское, но этотъ рассказъ не основателенъ, потому что каналъ Искендера вновь слѣланъ, а прежде земля была суха и населена. Еслибы этотъ рассказъ былъ справедливымъ, слѣдовало бы той землѣ также быть покрытой моремъ.

Въ географіяхъ Ибнъ-Эль-Варди и Ибнъ-Абаса повторяется описаніе Закеріи Казвини. Я приведу для сравненія текстъ перваго изъ нихъ.

Ибнъ-Эль-Варди (fol. 36 r°):

وبمجر جرجان والديلم فهو بحر الخزر (الخزر) فانه يخرج منقطعاً لا يتصل بشئ من البحار المذكورة وتقع فيه عيون كثيرة وعيون دائمة الجريان وذكر الحقلي ان هذه البحر مظلم العقر وانه يتصل ببحر نبطش (بنطس) من تحت الارض ويتصل بهذا البحر من جهة الغرب بلاد اذربيجان ومن جهة الجنوب بلاد طبرستان ومن جهة المشرق ارض الغزته (Эль-Газата) ومن جهة الشمال ارض الخزر (الخزر) وطوله الف ميل وعرضه من ناحية جرجان الى موضع نهرايله ستمائة وخمسون ميلاً

Величина Каспійскаго моря показана здѣсь не согласно ни съ Закеріей Казвини, ни съ другими рукописами Ибнъ-Эль-Варди. Въ нашей рукописи сказано: «Длина его 1000 миль, а ширина отъ страны Джорджанской до мѣста рѣки Эйла “ 650 миль». У Закеріи Казвини ширина моря 550 миль, а въ другихъ рукописяхъ Ибнъ-Эль-Варди, по словамъ Дегива, длина моря 800 миль, а ширина 600 миль (Notices des manuscrits du Roi, T. II, стр. 49).

* У Закеріи Казвини *Аль-Карія*. Объ этомъ см. Humboldt, *Asie central*, II, 218—219.

** Humboldt, *Asie centr.* II, 217—218.

И въ другомъ мѣстѣ (fol. 48 v^a):

فصل في بحر الخرز (الخرز) وهو بحر الانراك وهو في جهة الشمال شرقيه جرجان وطبرستان وعلى شماله بلاد الخرز (الخرز) وغربيه اللان وجبال القبق وعلى جنوبه الديلم وهو بحر واسع ولا اتصال له بشئ من البحار وهو بحر صعب حطر المسلك سريع الهلاك شديد الاضطراب لا جزفيه ولا مد وليس فيه شئ من اللآلى والجواهر

Послѣднее описаніе сходно со словами Хамдуллы Казвини и повторяется у Ибнъ-Аяса (بحر الخرز fol. 282 r^a—v^a), потому я и не привожу текста Ибнъ-Аяса.

Авторъ татарскаго сочиненія *تواريخ بولغاریه* «Болгарскія повѣствованія», котораго рукопись находится въ Библіотекѣ Казанскаго Университета, рассказываетъ басни о Каспійскомъ морѣ подъ статью: *بحر جرجان* море Джорджанское (fol. 19 v^a—fol. 20 r^a). Авторъ небольшой рукописи *مسالك الممالك* «Пути и области» называетъ Каспійское море Абисекунскимъ: *دریای* *ابسکون که خزر میخوانند* (Ман. Библіот. Казан. Университ. fol. 51 v^a). Ср. *Mémoires de l'Académie de St Petersburg* T. VII, 478—485, 526—532. Описаніе Хазарскаго моря въ казанской рукописи перс. перевода Истахри занимаетъ 57 v^a—60 v^a.—Нѣкоторыя собственныя имена написаны равно неправильно, какъ въ арабскомъ подлинникѣ Истахри, такъ и въ персидскомъ переводѣ, а именно Дагестанъ и въ подлинникѣ стоитъ *دهستان* (Lib. clim. 94) и въ переводѣ (Mém. de l'Acad. T. VII, 479, рукопись Казанская 58 v^a). Въ мѣсто подлиннаго *جرجان* (Lib. cl. 94) въ персидскомъ стоитъ *کرکان* (Mém. de l'Ac. T. VII, 478; казанская рукопись, 57 v^a).

XLVI. *Стран. 24, строк. 1.* Humboldt, Asiacent. II. 204-221.

XLVII. — *строк. 2.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 380—383; Eichwald, Reise, II, 106, 108, 114.

XLVIII — *строк. 5.* Adam Olearius, Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung. Hamburg, 1696. Я пользовался французскимъ переводомъ Викфора (Астердамъ, 1727).

XLIX. — *строк. 20.* Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 384—387; 1845, XII, 60—62; Миллера, Описание Касп. моря, 9 и слѣд.

L. — *строк. 25.* Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 387—390; 1845, XII, 62; Журн. Мин. нар. просвѣщ. 1848, Июль, отд. II, 1—17.

LI. — *строк. 29.* Дѣянія Петра Великаго, Ч. VIII, 217—276.

LII. — *строк. 52.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 390—392.

LIII. — 25, *строк. 5.* Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 128.

LIV. — *строк. 5.* S. G. Gmelins Reise durch Russland, III, 1774. St Petersburg; Журн. Минист. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 395.

LV. — *строк. 8.* Историческій журналъ бывшей въ 1781 и 1782 годахъ на Каспійскомъ морѣ эскадры. Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1835, XVI, 393—395; 1839, XXXIII, 9—45; Зап. Гидр. Деп. Ч. III, 189—191.

LVI. — *строк. 11.* Атласъ Касп. моря, Штурмана Колликова. 1826.

LVII. — *строк. 15.* Путешествіе Муравьева въ Туркменію и Хиву. Москва. 1822.

LVIII. — *строк. 16.* Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus. Von Dr. E. Eichwald. 1834, 1837, 1838.

LIX. — *строк. 19.* Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Caspischen Meere, von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. 1837, 1842.

LX. — *строк. 21.* Dr. Friedrich Parrot's Reise zum Ararat. 1834. Берлинъ.

LXI. — *строк. 24.* Rapport fait à l'Académie des Scien-

ces sur le voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, par A. Kupffer. St Petersburg. 1830.

LXII. — 26, *строк.* 4. Rapport sur un voyage à Bakou, par E. Lenz въ Recueil des actes de l'Académie. 1830.

LXIII. — *строк.* 3. Мѣсяцословъ на 1843 годъ, 207.

LXIV. — *строк.* 3. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, B. III, 7—9.

LXV. — *строк.* 7. Мѣсяц. на 1843 годъ, 187.

LXVI. — *строк.* 40. Мѣсяц. на 1843 годъ, 210.

LXVII. — *строк.* 24. Предисловіе къ атласу Колодкина, Eichwald, Reise, II, 115, 116, 117, 118, 119, 123, 124, 128, 129, 132, 141, 149, 158, 159; Зап. Гидр. Деп. Ч. II, 437; Ч. V, 139, 163, 164, 169, 173, 187; Сѣв. пчела, 1844, № 8; 1845, № 111, 242; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, № 4.

LXVIII. — 28, *строк.* 13. Можетъ быть разница между замѣчаніями Г-на Пугатина и картою Колодкина происходитъ отъ того, что въ послѣднее время высота воды въ Каспійъ понизилась (см. стр. 37 этой главы). Различіе между настоящею высотой и картою Колодкина замѣчено и на Сѣверѣ моря (Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 136).

LXIX. — 29, *строк.* 40. При изслѣдованіяхъ о Каспійскомъ морѣ и его побережьяхъ для меня служили большимъ пособіемъ интересныя статьи Г-на Соколова въ Запискахъ Гидрограф. Департ. Ч. III, IV, V и другихъ журналахъ.

LXX. — *строк.* 42. Описаніе Касп. моря и чиневныхъ на ономъ завоеваній, составленное Миллеромъ по журналу Соймонова, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, 1763 г.—См. Eichwald, Reise, II, 54, 167.

LXXI. — *строк.* 45. Библ. для чт. 1838, Т. XXVI, 137—138.—См. Gmelins Reise, III, 257—267.

LXXII. — *строк.* 30. Библ. для чт. 1838, Т. XXVI, 136. Квинтъ Курцій (Кн. VI Гл. IV) считалъ воду Каспія прѣсною, нежели вода другихъ морей.

LXXIII. — 30, *строк.* 4. Г-нъ Соколовъ въ сѣверной части Касп. моря признаетъ господствующими восточные вѣтры, а въ южной западные; Сѣв. пчела, 1844, стр. 31, 223.

LXXIV. — *строк. 6.* Предисловіе къ Атласу Колодкина.

LXXV. — *строк. 15.* Сѣв. пчела, 1844, 32, 35; Зап. Гидр. Деп. Ч. III, 202—208; Зап. Географ. Общ. II, 303; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 182—183. Оловяѣтленей въ Каспій см. Жур. Минист. внутрен. дѣлъ, 1839, IX, 187—202.

LXXVI. — *строк. 26.* Сѣв. пчела, 1844, 32, 35; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1838, Ч. XXVII, № 1—2, 1845, Ч. XII 76, 179, 208; Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 140—153, 119—120. Рыбы Каспія см. Gmelins Reise, III, 231—267; Journal Asiatique. II Série, T. XII, 162; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 183—184.

LXXVII. — 52, *строк. 6.* См. выше примѣч. XLIII. Тоже и у Аристотеля и отчасти Плинія (Humboldt, Asie centr. II, 165—166, 176), у Поликлета (ibid. 294) и Истахри (ibid. 195).

LXXVIII. — *строк. 9.* Мém. de l'Acad. de St Peter. Scien. math. T. II, 67—68; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, Ч. XX, 188—189; Humboldt, Asie centr. II, 294.

LXXIX. — *строк. 15.* Мѣсяц. на 1843 годъ, 187. Или 85, 45 англійск. футовъ (Compte rendu des trav. l'Acad. des Scien. de St Petersb. pour l'année 1848, стр. 3).

LXXX. — *строк. 21.* Мém. de l'Acad. de St Petersb. Scien. Math. T. II, стр. 69; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 189.

LXXXI. — *строк. 50.* Сѣв. пчела, 1844, стр. 32; Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 121, и планъ Бакинскихъ островъ, приложенный при этой части.

LXXXII. — 55, *строк. 5.* Мѣсяц. на 1843 годъ, 187; Nov. ann. des voyag. 1831, IV, 258 и слѣд.—Мém. de l'Acad. de St Petersb. Scien. Math. T. II, 68.—Eichwald, Reise, II, 6; Географ. извѣст. 1848, книжка III.—Зап. Гидрог. Деп. Ч. V, 184.

LXXXIII. — *строк. 18.* Eichwald, Reise, T. I, 265.

LXXXIV. — *строк. 27.* Hanway, Reise, T. I, 110; Büching's Magazin, T. X, 440; Müller's Sammlung russischer Geschichte, T. IV, 10 (cf. Мém. de l'Acad. VI Série, T. II, 69); Топографія Оренбургскаго края, соч. П. Рычковымъ, Т. I, 207 (cf. ibid. стр. 84); Eichwald, Reise, I, 265.

LXXXV. — *строк.* 29. Mém. de l'Acad. Scien. Math. T. II, 84; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 207.

LXXXVI. — 54, *строк.* 8. Ueber das Niveau des Kaspischen Meeres, въ Mém. de l'Académie de St Petersburg, VI Série, Scienc. Math. T. II. 67—102. Русский переводъ напечатанъ въ Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, Ч. XX, 187—233.

LXXXVII. — *строк.* 19. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 94—95; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1838, XX. 222—223.

LXXXVIII. — 55, *строк.* 2. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 77—78; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 199—200; Eichwald, Reise, I, 136, II, 5, 49, 51, 88; Библи. для чт. 1838, Т. XXVI, отд. III, 138; Горный журналъ, 1847, I, 56; Humboldt, Asie centrale, II, 295; Neumann, die Völker des südlich. Russlands. 1. Гумбольдтъ это соединеніе относитъ ко временамъ до-историческимъ (Asie central. II, 146 и 319); онъ говоритъ, что тогда углубленіе Турана образовало великое внутреннее море, соединявшееся съ Чернымъ, Ледовитымъ и другими (ibid. 295).

LXXXIX. — *строк.* 11. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 84; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 207.

XC. — *строк.* 19. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 158.

XCI. — *строк.* 21. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 164—165.

XCII. — *строк.* 25. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 84; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 207.

XCIII. — *строк.* 28. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 159.

XCIV. — 56, *строк.* 5. Eichwald, Reise, I, 67, 324; Библи. для чт. 1838, Т. XXVI, отд. III, 142.

XCV. — *строк.* 6. Eichwald, Reise, I, 251; Библи. для чт. 1838. Т. XXVI, отд. III, 157.—Впрочемъ, приводимое въ Г-мъ Эйхвальдомъ, по разсказу Трухменпа, изчезновеніе острова можетъ быть приписано вулканическому явленію и потому не опредѣляетъ ни убыли, ни прибыли моря.

XCVI. — *строк.* 7. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 91; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 217.—Во время Гмелина море на восточномъ берегу стояло также, по-видимому, на высотѣ 60 футовъ (Gmelin, Reise, IV, 44).

XCVII. — *строк. 8.* Eichwald, Reise, I, 73. 265, 325; Библ. для чт. 1838, Т. XXVI, отд. III, 143. 160. Св. Зап. Гидр. Деп. Ч. III, 203; Humboldt, As. cent. II, 285.

XCVIII. — *строк. 11.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 91; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 216—217.

XCIX. — *строк. 12.* Ueber das Niv. des Kasp. Meer. 91; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 217.

C. — *строк. 13.* Eichwald, Reise, I, 326; Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 76; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 197.

CI. — *строк. 15.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 90; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 216; Eichwald, Reise, II, 146.

CII. — *строк. 16.* Eichwald, Reise, I, 30; Библиот. для чт. 1838, XXVI, отд. III, 135. Впрочемъ, Олеарій считаетъ Волжскую дельту моремъ (Voyages, 479).

CIII. — *строк. 17.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 85—88; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 208—212.

CIV. — *строк. 18.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 90; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 216; Eichwald, Reise, II, 146.

CV. — *строк. 19—22.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 85—88; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 208—212.

CVI. — *строк. 24.* Съ таблицею высоты водъ Каспія св. С. Петербургск. вѣдомости, 1848, 72. Впрочемъ, наблюденія надъ уровнемъ моря при островахъ также могутъ быть осматриваемы; притомъ же по изслѣдованіямъ Г-на Соколова море вездѣ возвысилось въ 1826 году: какимъ же образомъ это важное и всякому замѣтное обстоятельство могло ускользнуть отъ вниманія такого опытнаго странствователя, какъ Г-нъ Эйхвальдъ, который ничего не говоритъ о возвышеніи моря, а упоминаетъ объ этомъ только Г-нъ Басаргинъ? Въ «Сборникѣ газеты Кавказъ», 1848, I, помѣщена статья о Каспійскомъ морѣ подъ заглавіемъ «Берега Каспійскаго моря» (стр. 30—44, а не 34, какъ напечатано по ошибкѣ) изъ соч. Картерона. Авторъ ея утверждаетъ, что Каспійское море двигается съ Востока на Западъ, что восточные берега его обнажаются (стр. 41), а запад-

ные, напротивъ, понимаетъ вода болѣе и болѣе (стр. 31 и слѣд.). Изъ приложенной мною таблицы видно, что море понижается и возвышается вездѣ, а не на одномъ западномъ берегу, что и на восточномъ берегу находятся потопленные развалины. Авторъ статьи полагаетъ еще, что потопленіе зданій въ Бакинскомъ заливѣ «относится къ эпохѣ не слишкомъ отдаленной», факты же говорятъ совсѣмъ другое. Эпоха этого событія такъ отдалена отъ насъ, что мы даже не находимъ извѣстія о ней ни въ восточныхъ, ни въ западныхъ писателяхъ. Вообще статья Г-на Картерона не опирается на свидѣтельства и даетъ всему свой толкъ.

CVII. — *строк. 5.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 98; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 227.

CVIII. — *строк. 11.* Humboldt, Asie centrale II, 287—288 и 290; Kosmos, I, 314. Гумбольдтъ рѣшительно утверждаетъ, что измѣненіе морскаго уровня не можетъ быть приписано ни испаренію и вліянію воды, ни дѣтнимъ жарамъ, ни направленію теченій морскихъ (Asie central. II, 284). Араго, приписывая измѣненіе водъ Каспія вулканизму, въ то же время замѣчаетъ разницу между количествомъ вливаемой рѣками и испаряющейся воды (Annuaire du Bureau des Longitudes, 1832, 352—354).

CIX. — *строк. 15.* Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 113.

CX. — *строк. 16.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 94; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 221.

CXI. — *строк. 20.* Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 165.

CXII. — *строк. 21.* Гумбольдтъ ошибочно приписываетъ вліяніе рѣкъ на измѣненіе материка вліянію самаго моря (Asie centr. II, 316).

CXIII. — *строк. 24.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 71, 75, 89—90; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 193, 197, 215.

CXIV. — *строк. 25.* Eichwald, Reise, I, 269; Библ. для чт. XXVI, 1838, отд. III, 160.

CXV. — *строк. 28.* Исслѣдованіемъ этого вопроса занимался въ 1847 году Г-нъ Абишъ (Сборникъ газ. Кавказъ 1848, пер. пол. 118).

CXVI. — *строк. 32. Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 102; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836. XX, 232.*

CXVII. — 38, *строк. 1. О прежде бывшемъ соединеніи Чернаго моря съ Каспійскимъ вотъ что говоритъ османскій писатель Эвлія Челеби (منتخبات اولیا چلبی fol. 13—14):*

Описаніе Чернаго моря. دریان بحر سیاه

По справедливымъ словамъ повѣствователей, свѣдающихъ изъ Астрономіи, Черное море осталось отъ воды потопа Ноя (да будетъ съ нимъ миръ!). Это море глубоко, до 150 сажень глубиной, и отъ этого Черное. Прежде потопа оно не доходило до Архипелага, а оканчивалось близъ Константинополя на мѣстѣ нынѣшняго Константинопольскаго пролива, но въ тѣ дни Саланитскія степи въ Венгріи, Дорбечивъ (*), Кечъ, Кемтъ (**), Кевкусъ, Пестскія степи и долины Серимъ-Семендрійскія (***), были занаты сверху до низу Чернымъ моремъ, и на берегахъ Адриатическаго моря въ странѣ Дурутской нынѣ видимы мѣста, прилежавшія къ упомянутому Черному морю и къ Адриатическому. Между прочимъ въ Силистрійской губерніи находится высокая крѣпость Пирэ-вади, возвышающаяся главою до небесъ: въ тѣ дни она стояла на берегу моря, и нынѣ существуютъ тамъ желѣзные кольца для привязыванія кораблей, и видны и явны мѣста отверстій, происшедшихъ въ скалахъ отъ набѣга корабельныхъ корпусовъ въ древніе годы. Еще считаютъ доказательствомъ этого крѣпость Мангуль (****) на полуостровѣ Крымѣ, около одного дня пути отъ Багчесарая. Это высокая крѣпость, который корпусъ подвнялся къ небу. Тамъ существуютъ заливны для стоянки кораблей, а на скалахъ для привязыванія ихъ находятся отдѣльные столбы. Полуостровъ Крымъ, степь

(*) Въ Венгріи.

(** Кечъ-Кеметъ огромная деревня близъ Песта.

(*** Въ Сербіи.

(****) Описаніе ея помѣщено въ Одесскомъ вѣстникѣ 1840 года.

Гигатская, Дешти-Капчакъ и Славянская земля отъ края до края были заняты Чернымъ моремъ, часть котораго соединялась съ моремъ Хазарскимъ т. е. съ Гилянскимъ и Дербентскимъ. Во время Исламъ-Герай-Хана я самъ въ походѣ противъ Русскихъ останавливался лагеремъ съ татарскимъ войскомъ для травли и охоты въ Гигатской степи въ юртахъ Гюнели, Бымъ и Ашамъ; передъ Мексомъ, для волоня ста тысячъ вѣтробыстрыхъ арабскихъ коней, рыли родники и вытаскивали изъ земли остатки морскихъ животныхъ, какъ-то: раковъ, ракушекъ, устрицъ, а также и подобныхъ животныхъ находились скорлупы. Да и за Гигатомъ бывшее покрывалось Чернымъ моремъ. Для Бога все возможно !

CXVIII. — *строк. 10.* Зап. Геогр. Общ. II, 271—272. На картѣ Птолемея устье Волги почти тремя градусами севернѣе нынѣшняго, но то же самое означено и на Югѣ (Humboldt, *Asie centr.* II, 280—281).

CXIX. — *строк. 12.* Eichwald, *Reise*, I, 67.

CXX. — *строк. 17.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 73; Журн. Мин. внутр. дѣлъ. 1836, XX, 197.

CXXI. — *строк. 18.* Сѣв. пчела, 1844, 31; Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 118.

CXXII. — *строк. 50.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 97; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836, XX, 225.

CXXIII. — 59, *строк. 4.* Ueb. das Niv. des Kasp. Meer. 90; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1836. XX, 215—216.

CXXIV. — 40, *строк. 5.* Journal asiatique, 1833, T. XII, 493; Eichwald, *Reise*, II, 108—113.

CXXV. — *строк. 5.* Журн. Мин. внутрен. дѣлъ, 1835, XVI, 384—385. Eichwald, *Reise*, II, 120 — 122. Humboldt, *Asie central.* II, 228—229.

CXXVI. — *строк. 7.* Journ. asiat. 1833, T. XII, 493; Eichwald, *Reise*, II, 141—150.

CXXVII. — *строк. 11.* Путешествіе въ Туркменію и Хиву (на атласѣ означены два устья Аму въ Каспій: одно противъ Огурчинскихъ острововъ, а другое противъ Челегана); Eichwald, *Reise*, II, 164—173.—На картѣ Камилло Борджіа

(1797 г.) Оксусъ впадаетъ въ Каспійское море, но въ то же время сообщается съ Волжской дельтой (Humboldt, *Asie central.* II, 222).

CXXVIII. — *строк. 14.* Eichwald, *Reise*, I, 275—276, II, 1—201.

CXXIX. — *строк. 17.* Humboldt, *Asie centr.* II, 258—259.

CXXX. — *строк. 18.* *Journal asiat.* 1833, T. XII, 481—500.

CXXXI. — *строк. 22.* Eichwald, *Reise*, II, 1—201. —

Покойный Министръ финансовъ Канкринъ (*Handels-Zeitung*, 1827, № 31) Нейманъ (*die Völk. des südl. Rus.* 37), Г-нъ Иванъ (Зап. Геогр. Общ. II, 294—295) признають два устья Аму-Дерьи. Г. Эйриэ (Eyriès) и Гумбольдтъ также объявляютъ себя въ пользу этого извѣстія (*Nouv. annal. des voyag.* 1841, T. IV, 163; —Humboldt, *Asie central.* II, 273 и 296—297).

CXXXII. — *строк. 27.* *Journ. asiatique*, 1833, T. XII, 499—500; Eichwald, *Reise*, II, 93 — 94. Приводимыя Гг. Жоберомъ и Эйхвальдомъ мѣста изъ Хамдулы Казвини, первымъ въ извлеченіи, а вторымъ вполнѣ, я сравнивала съ рукописями Библіотеки Казанскаго Университета и нашелъ, что переводъ Жобера не совсѣмъ точенъ (см. выше описаніе Каспія), да и текстъ иногда разнится. Вотъ описаніе Аральскаго моря (تزهت القلوب) маңускр. Библіотеки Казан. Университета, C. fol. 262 v°, A fol. 244 r°):

بحيرة خوارزم اگرچه (1) از بحیرہ ایران نیست و از این کتاب
عرض (2) شرح ایرانست اما چون بعضی آب جیحون (3) که محاذی
(4) ایرانست درو میریزد شبه ایران نیز یاد کردن (5) مناسب

Манускр. А. (1) آن بحیره از ایران (2) احوال (3) у Жобера:

اولی (5) ایران است (4) بعضی از آب جیحون

نمود دور آن بحیره (6) زیاده از (7) صد فرسنگ بود (8) و بعضی
 (9) از آب جیحون و آب شاش (10) و (11) سبعون و (12) آب
 (13) فرغانه و غیر آن درو می ریزد و اگر چه آبهای (14) شرین
 (15) درو میریزد آبش شورست و از آن بحیره تاجر (16) خزر (17)
 قریب صد فرسنگ (18) در میانست عوام گویند (19) که آب این
 بحیره در شیب زمین (20) باجر (21) خزر متصل است و این قول
 (22) معتبر نیست *

Что же касается до описанія Аму-Дерьи изъ Хамдулы
 Казвини у Г-на Эйхвальда, то оно не имѣетъ почти никакой
 разницы съ рукописями Казанскаго Университета. Вотъ под-
 линный текстъ описанія Аму-Дерьи (манускр. Библиотеки Казан.
 Университета, А. fol. 236 v°—237 r°; ман. С. fol. 254 r°): *

آب جیحون آنرا آب آمویه نیز خوانند (1) شش رودست که جمع

(6) بیش (7) У Жобера environ. (8) опушен. (9) опушен.
 (10) У Жобера Chark. (11) У Жобера опущено.
 (12) رود (13) عرغانه (14) خوش یساز (15) دروی
 (16) Въ манускр. С. جزر (17) قرب (18) زمین در
 (19) опущ. (20) در پای بحر (21) Въ манускр. С. جزر
 (22) اعتباری ندارد.

* Въ этомъ описаніи я принялъ въ основаніе манускриптъ А,
 потому что въ манускриптѣ С находятся пропуски.

Ман. С. (1) شورتی

می کردد آنرا آمویه میخوانند شهری عظیم دارد و در شرقی (2)
 ایرانست (3) از جنوب بشمال رود يك شعبه از (4) کوهها (5) ست
 و یکی از جبال بد خشان (6) و یکی از حدود بیغانیان و یکی از طرف
 ختلان بر میخیزد و هر یکرا (7) تا بهم پیوستن چند (8) شعب دیگر
 بدو می پیوندد (9) و (10) بعضی ازین شعبها بر بلاد بلخ و ترمذ
 می کزدد و چون همه باهم جمع (11) می شوند (12) از دره (13)
 کوه (14) که آنرا تنك دهان شیر خوانند (15) بنزد يك ديه (16)
 بهم پیوسته از توابع هزار (17) سف می کزدد (18) و آن دره در میان
 دو کوهست که چنان تنك ديه بهم آمده که مسافت در
 میانشان کم از صد کزست و آبی بدین عظیمی از انجا کزدد
 و در زمین (19) در يك پنهان می شود و فرسنگ (20)

(2) У Эйхвальда : und an seiner Südseite liegt Iran. (3)
 Опуш. въ ман. (7) بر میخیزد (6) سن (5) کوههای (4) و
 A. (8) Опушен. (9) И съ каждыъ, прежде общаго
 соединенія, другіе рукава соединяются. У Эйхвальда не
 такъ : alle gehen darauf vereinigt in ihn über. (10) بلاد .
 Опуш. (14) У Эйхвальда : Berg- (11) شوند (12) و (13)
 höhle. (16) У Эйхвальда : Wüste. (15) نزد يك ده بوقیه از
 У Эйхвальда : und be- (17) در زمین الخ (18) اسب (19)
 wässern die naben Gegenden Hesar Seki (въ подлинникѣ
 Saq). (20) Опуш. (19) او

ظاهر نیست و برآن ريك مجال (21) و امکان گذر نه (22) و از جیحون
 نهرهای عظیم برگرفته اند و برآن (23) عبارات فراوان و (24)
 زراعات بی پایان کرده (25) مثل نهر گاواره و (26) جوی هزار
 سفی و کردان (27) جوی نهر کریمه و نهر حیره و غیر آن و در هر يك
 ازینها کشتی بآسانی رود بعضی ازین نهرها در مجبیره خوارزم منتهی
 می شود و عمود (28) آب جیحون از خوارزم گذشته از عقبه جلم که
 بترکی کرلاوه (29) کویند فرو می ریزد دوفرسنگ (30) آواز از
 شرمی رسد بعد (31) از آن به بحر خزمی افتد (32) بزمینی که
 انرا حاکمان (33) کویند و مقام صیادان است (34) و از خوارزم تا
 درباشش مرحله است (35) طول این رود پانصد فرسنگ است

(21) Опуш. (22) У Эйхвальда не такъ. Это мѣсто сход-
 но съ описаніемъ Джеганъ-Нумы. (23) Въ манускр. А
 عبارت (24) Въ ман. А (25) زراعت (26) و (27) У Эйхваль-
 да опушено. (28) آن آب جیحون میریزد (29) У Эйхвальда:
 Gürlade. (30) بلکه سه فرسنگ آوازش میرود (31) Въ ман. А
 و از خوارزم (32) بعد ببحر خزمی (33) У Эйхвальда: Abu-
 chan. (34) У Эйхвальда прибавлено: das mit Wäldern
 bedeckt. Далѣе у Г-на Эйхвальда нѣтъ. (35) و این آب

واین آب در زمستان (36) چنان یخ می بندد که چند گاه قوافل بر سر آن (37) یخ روان می باشد و بر اینجا چاه بچند کز فرو می رود تا بآب روان میرسد

«Отъ Харезма до моря шесть дней пути. Длина этой рѣки 500 миль; зимой она такъ покрывается льдомъ, что по нему ходить нѣсколько времени караваны, и тутъ рубятъ проруби нѣсколько аршинъ, пока доберутся до воды».

CXXXIII.—*строк. 54. Abulg. Historia, 64, 115—116, 173; جهان نما 359—360; Jour. asiat. 1833, XII, 491—493; Eichwald, Reise, II, 95—99.* Надобно замѣтить, что переводъ Г-на Жюбера приводимыхъ мѣстъ изъ Абуль-Гази очень произволенъ и нѣрѣдко совершенно измѣняетъ смыслъ подлинника. Даже текстъ Джеганъ Нумы переданъ не точно, и выпущено слѣдующее: *وافر قریه لر مزارعنی سقی و بتون خوارزم اولکه سنی سیراب ایدر* она напоеть поля многочисленныхъ селеній и орошаетъ всю страну Харезмскую. — У Г-на Эйхвальда помѣщенъ переводъ, сообщенный извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ Сенковскимъ: этотъ переводъ сдѣланъ съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, но въ двухъ мѣстахъ, я не знаю почему, Г-нъ Сенковский удалился отъ подлинника и перевелъ не точно. Вотъ настоящее значеніе этихъ двухъ мѣстъ:

1) Abulg. Historia, 139, Eichwald, Reise, II, 96: «такъ какъ жители Ургенджа также очутились въ степи, то Ханъ, начальники, войско, народъ весной переходятъ въ удобныя мѣста по теченію Аму-Дерьи, забираютъ хлѣбъ и по сборѣ посява возвращаются въ Ургендж».

2) Abulg. Historia, 116, Eichwald, Reise, II, 98: «Весной они (кочевые обитатели) подымались на возвышенныя мѣста со всѣмъ имуществомъ и стадами; во время овода и ко-

(36) میکندرند (27) چنانچه

маровъ уходили къ колодшамъ на разстояніе двухъ станцій, а по исчезновеніи комаровъ приходили на берега рѣки» (1). Въ концѣ, вѣроятно по ошибкѣ, напечатано Tereidschis вмѣсто Тиведжи (верблюжникъ): это туркменское подраздѣленіе кажется тоже самое, что нынѣшніе Чорвы (скотопастухи). Неправильности въ переводѣ Г-на Жобера видѣть очень легко, сравнивъ его переводъ съ переводомъ Г-на Савковскаго; кромѣ того Г-нъ Жоберъ بریل «одинъ годъ» перевелъ полгодомъ (Journ. asiat. 1833, XII. 493). Еще географъ Абуль-Хасанъ бенъ Али Джорджани (ум. 1477 г.) говоритъ о двойномъ руслѣ Аму, но это извѣстіе требуетъ точнаго изслѣдованія (Eichwald, Reise, II. 91; Humboldt, As. centr. II. 231—232).

CXXXIV. — 41, строк. 1. Nouv. Journ. asiat. 1833, XII, стр. 490; Humboldt, As. centr. II, 235—236.

CXXXV. — строк. 4. Энцикл. лекс. Т. II, статья Аму-Дерья; Биб. для чт. 1838, Т. XXVI, отд. III, 162—167.

CXXXVI. — строк. 12. Даже между Аральскимъ озеромъ и Каспійскимъ моремъ, по словамъ Каракалпаковъ, находится непрерывный оврагъ (Nouvel. annal. des voyages, 1841, Т. IV. 166).

CXXXVII. — строк. 15. Voyage d'Orenbourg à Boukhara par Meyendorff, стр. 63.

CXXXVIII. — строк. 23. Humboldt, Asie central. II, 199 и 242.

CXXXIX. — строк. 27. Eichwald, Reise, II, 111; Энцикл. лекс. статья Аму-Дерья. Высота Арага въ 1826 г. найдена барометрически 117, 6 англійскихъ футовъ. Ср. Русскій нивалидъ, 1845, № 79, статью «Изъ записокъ русскаго офицера». Гумбольдтъ даже готовъ согласиться на равную высоту Арага и Каспія (Humboldt, Asie central. II, 308—309).

CXL. — 42, строк. 14. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, 101.

(1) Въ рукописи Абуль-Гази, находящейся въ Азіятскомъ музеѣ С. Петербургской Академіи наукъ, это мѣсто нѣсколько отлично отъ печатнаго изданія.

CXLI. — *строк. 24.* Библи. для чт. 1838, Т. XXVI, отд. III, 160.

CXLII. — *строк. 30.* Въ статьѣ Энци. лекс. «Араль», неизвѣстно кѣмъ написанной, извѣстіе Джекинсона приводится, какъ незаслуживающее вѣроятія (Энци. лекс. Т. II. 486).

CXLIII. — 43, *строк. 3.* Journ. asiat. 1833, Т. XII, 495—497.

CXLIV. — *строк. 3.* Это извѣстіе заимствовано Г. Семеновскимъ изъ Бернса (Travels, II, 188).

CXLV. — *строк. 6.* Journ. asiat. 1833, Т. XII, 500; выше въ примѣчаніи текстъ Хам. Казвини «Описаніе Аральскаго моря».

CXLVI. — *строка 12.* Г-нъ Эйхвальдъ старался объяснить древнихъ Географовъ съ помощію предположенія, что подъ Араксомъ ихъ надо разумѣть Аму-Дерью (Reise, II, 8—87), но эти объясненія верѣдко изысканы, и темныя, иногда ошибочныя извѣстія Географовъ древнихъ о такихъ отдаленныхъ странахъ не всегда могутъ быть принимаемы à la lettre. Поэтому не удивительно, что толкованіе Г-на Эйхвальда не признано въ послѣдующихъ сочиненіяхъ (Nouv. an. des voyag. 1847, Июль, 6—7, въ статьѣ «О древней Географіи Кавказа» Секретаря Географич. Общества и редактора этого журнала Vivien de Saint-Martin'a Араксъ Геродота опять признается Араксомъ). По утвержденію Гумбольдта Оксусъ у Помпонія Мелы и Птолемея впадаетъ въ Каспій (Asie centr. II, 277—279).

CXLVII. — *строк. 18.* Géog. d'Aboulf. I, 61; Lib. clim.

114—115. Абульфеда говоритъ: حتى یصب فی بحيرة خوارزمъ «пока воляется въ Аральское озеро». El-Mas. Hist. Enc. I, 237—242. У Масуди находится намекъ на двойное русло Аму-Дервы, который можетъ также служить аргументомъ прежняго направленія этой рѣки въ Каспій (Humboldt, Asie centr. II, 232). Масуди говоритъ: «Географы, полагающіе, что Джейхунъ впадаетъ въ Мигравъ Синдскій (по переводу Г-на Саси: въ море Индѣйское), неправы». (El-Mas. Hist. Enc. I, 242; Notic. des man. de la Bibl. Imp. VIII, 155). Переводчикъ Масуди (Г-нъ

Sprenger) старается объяснить это обстоятельство изъ Зендавесты вѣрованіемъ огнепоклонниковъ, ограничивавшихъ Иранъ съ одной стороны рѣкою Касъ, но ни объясненіе, ни производство это не имѣютъ достаточнаго основанія. Кромѣ того Масуди въ описаніи морей говоритъ, что изъ Аральскаго озера выходятъ многія рѣки, впадающія въ Каспійское море (Notices des man. VIII, 154). Невѣдѣніе арабскихъ авторовъ о теченіи Аму-Деры въ Каспійское море можно очень удобно объяснить извѣстіемъ Хамдуллы Казвини, который въ описаніи Каспійскаго моря (см. выше стр. 20) говоритъ очень ясно, что Джейхунъ текъ первоначально въ Аральское озеро, но около времени появленія Монголовъ потекъ въ Каспій. И такъ русло Аму-Деры по словамъ Хамдуллы Казвини, которымъ, какъ мнѣ кажется, ничто не противорѣчитъ, перемѣнялось не разъ, и нынѣ Аму течетъ лишь по старому руслу своему. Притомъ же многіе арабскіе Географы списывали только извѣстія своихъ предшественниковъ, а Гумбольдтъ говоритъ, что извѣстія Географовъ относятся не къ ихъ современности, а ко временамъ предшествовавшимъ (Asie central. II, 295—296), и что Скиоскій заливъ, въ который, по его мнѣнію, впадалъ Оксусъ, отъ испаренія или вулканизма, сжался, и тогда-то сдѣлалось очень яснымъ двойное теченіе Аму, незамѣтное древнимъ, а потомъ усохло Каспійское русло (ibid. 296—297). Для сравненія я приведу описаніе Аму-Деры изъ персидскаго перевода Истахри по рукописи бібліотеки Казанскаго Университета (fol. 77 г^а):

عمو و جیحون آب رود (1) جریات است اندرون حدود بدخشان
خیزد وآبهای ورودهای دیگر درو ریزد ورود و خس درو پیوندند
آنکه جیحون گردد و از جمله آن رودهای یکی که بنزدیک (2) جریات

-
- (1) Въ подлинникѣ: حرباب; въ Джеганъ - пумъ—Хартавъ (Journ. asiat. 1833, XII, 405); на картѣ персидской حرباب. (2) Въ подлинникѣ حرباب.

باخس خوانند و بنزدیک او رود (3) نوبان که روم ملک است
 و سبوم رود فارغی و چهارم رود اندنجاراع پنجم رود و خشاب
 بنزدیک (4) قبادیان این همه آبها جمله شود و بجیحون افتند رود
 و خشاب از ترکستان بیرون آید و زمین (5) و خش رسد
 و بنزدیک کوهی و انجا کاه پولی آب ساخته اند اندر میان ختلان
 و رود بشکر و از انجا در حدود بلخ می رود تا بترمذ بالای ترمذ
 در جیحون افتد و از ترمذ (6) بکالی رود و از کالی بزم و از زم (7)
 بآمودی و از آمو بخوارزم و بدریای خوارزم ریزد و از جیحون هیچ
 جای آب بر عمارت نیفتد تا بزم آنجا چیز بر دارند و بآمودی (8)
 بیشتر بر دارند و همه نفع از جیحون خوارزم را باشد

Аму, Джейхунъ есть рѣка Харьябъ, выходить въ предѣлахъ Бедахшана: другія рѣки и рѣчки текутъ въ нее и рѣка Вахсъ съ ней соединяется, и тогда образуется Джейхунъ. Изъ собранія тѣхъ рѣкъ первая около Харьяба называется Вахсъ (Вахшъ), около ея рѣка Берьянъ (?), греческій государь (9),

(3) Въ подлинникѣ نوبان, а на картѣ персидской . بریان .

(4) Въ Джеганъ-нумѣ Кобадъ-Абадъ قبادآباد (стр. 359), а пять рѣкъ, изъ которыхъ образуется Джейхунъ, названы: Махшъ انديجار, Буянъ بويان, Фарги فارغی, Андиджаръ و خش (стр. 360). (5) Въ подлинникѣ و خشاب

(6) Въ подлинникѣ عالئ (7) и (8) Въ подлинникѣ امل

(9) Въ подлинникѣ этого не находится.

третья рѣка Фарги, четвертая Андебохара, а пятая Вахшабъ близъ Кобадьяна; эти всѣ рѣки соединяются и впадаютъ въ Джейхунъ. Рѣка Вахшабъ выходитъ изъ Туркестана, доходить до страны Вахшъ и близъ одной горы, гдѣ сдѣлали на ней мостъ между Хотеляномъ и рѣкою Бешкертъ (?); отсюда идетъ въ предѣлы Балхскіе до Термеза, а выше Термеза впадаетъ въ Джейхунъ; отъ Термеза течетъ къ Галеру, отъ Галефа къ Зему, отъ Зема къ Амолю, отъ Амоля въ Харезмъ, и втекаетъ въ море Харезмское. Изъ Джейхуна нигдѣ не идетъ вода для домовъ до Зема: тамъ уже нѣсколько пользуются, а въ Амоли болѣе, и вся польза отъ Джейхуна только Харезму.

Ибнъ-Эль-Варди и Ибнъ-Аяъ просто переписываютъ текстъ Истахри, начиная такъ: نهر جیحون قال الاصطخری (خریدة العجايب) fol. 50 r°; نشأ الازهار fol. 285 r° и v^o).—Въ небольшой рукописи مسالك المالك Аму-Деря показана текущею въ море Харезмское (fol. 51 v°).

Нѣкоторыя замѣчанія объ Аму-Дерѣ см. Quatremère, Hist. des Mong. I, 140—142. Ср. Энц. лекс. II, 151—159. CXLVIII. — 44, строк. 1. Энц. лекс. II, 149.

CXLIX. — строк. 5. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 121.

CL. — строк. 17. Зап. Гидр. Деп. Ч. V, 168—189.

CLI. — 45, строк. 1. Гумбольдтъ думаетъ, что Карабогачъ былъ прежде гораздо больше, и что посредствомъ его Каспій сближался съ Араломъ (Asie centrale, II, 229—230, 267 и 296).

CLII. — строк. 5. Mém. de l'Acad. de St Péter. Sc. math. T. II, 68.

CLIII. — строк. 8. Зап. Геогр. Общ. II, 291—292.

CLIV. — строк. 11. Сбв. пчела, 1845, N° 165.

II.

I. *Стран. 55, строк. 9.* Свойства этого діалекта изложены въ сочиненіи моемъ: *Recherches sur les dialectes musulmans*, I, 62—63.

II. — *строк. 20.* *تارقاماق* отъ котораго производное существительное *تارقو* или *تارقى*, раскинутость. — Г-нъ Эйхвальдъ даетъ этому названію совершенно неправильное производство отъ *Terrekoll*, Thaldecke (*Reise*, I, 77). — Г-нъ Дорнъ предлагаетъ вмѣсто Бергу *برغو* читать Тарху въ исторіи войнъ Арабовъ съ Хазарами, но едва-ли въ то время еще существовалъ Тарху (*Mem. de l'Acad. de St. Peter. T. VI, стр. 467, 513 и 556*).

III. — *56, 7.* Кав. кал. на 1849 г. отд. III, стр. 3. — Witsen. Noord en Oost Tartarye, T. II, стр. 567. Ср. *Reinlegg, Reise in den Caucasus*, стр. 64.

IV. — *59, строк. 2.* Татары работаютъ грубое верблюжье сукно, шириной въ одну четверть: Ханскій аршинъ ($1\frac{1}{4}$ арш.) его стоитъ рубль асс. Чеченцы выдѣлываютъ такое же сукно изъ козвей шерсти и продаютъ по 2 аббаса аршинъ.

V. — *60, строк. 20.* Библ. для чт. 1838, T. XXVI, отд. III, стр. 144.

VI. — *61, строк. 44.* Eichwald, *Reise*, I, стр. 90—92.

VII. — *62, строк. 9.* П. Зубова, Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ, III, стр. 86; Кавказс. кал. на 1849 годъ, отд. III стр. 19; Eichwald, *Reise*, I, стр. 80.

VIII. — *строк. 40.* Fonton, *La Russie dans l'Asie mineure*. — Кятибъ-Челеби говорить коротко о Тарху:

Тарху. Подходить къ сторонѣ Грузіи, значительный городъ, принадлежащій правителю Дагестана (*جهان نما* стр. 402).

IX. — *строк. 24.* Подобное замѣчаніе сдѣлано и на ост-

ровѣ Сарѣ около Западнаго берега Каспійскаго моря (Сѣв. пчела, 1844, стр. 216).

X. — 65, *строк. 5.* Броневскаго, Извѣстія о Кавказѣ, II, стр. 304.

XI. — *строк. 8.* Сн. Eichwald, Reise, I, 79.

XII. — 67, *строк. 26.* Соль этого озера горька и годна къ употребленію только послѣ продолжительной просушки.

XIII. — *строк. 28.* Eichwald, Reise, I, 87—88.

XIV. — *строк. 50.* Кавк. кал. на 1846 годъ, изданіе 2-е, стр. 72.—Тоже на 1849 годъ, отд. III, стр. 22.

XV. — 68, *строк. 4.* Нынѣ Низовое укрѣпленіе уже не существуетъ, а мѣсто его заступило Петровское въ 3 верстахъ къ В. отъ него, на берегу моря, пользующееся здоровымъ климатомъ (Крат. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагестанъ, стр. 16).— Въ Кавк. кал. на 1849 годъ, въ указателѣ мѣстъ Кавказскаго края (отд. II, стр. 8—14) не упомянуты ни Тарху, ни Бурная.

XVI. — *строк. 6.* Eichwald, Reise, I, стр. 98.

XVII. — *строк. 14.* Witsen, Noord en Oost Tartarye, II, стр. 563.

XVIII. — 28. Mémoire sur deux inscriptions cunéiformes, par E. Burnouf, стр. 176—191 и послѣдняя таблица; Journ. asiat. 1838, T. V, стр. 545.

XIX. — 69, *строк. 9.* Во время пребыванія въ Тарху я слышалъ, что у Аварскаго Хана въ Хунзахѣ находится ярлыкъ Чингизъ Хана, и дѣйствительно извѣстно, что Аварскій Ханъ въ 1727 г. явился въ русскій лагерь съ прошеніемъ покровительства и привозилъ съ собой письмо, данное одному изъ его предковъ Батыемъ, на ханство Аварское. Любопытно знать, не уйгурскими-ли буквами писанъ этотъ ярлыкъ.

XX. — *строк. 18.* Русскіе повѣсти и рассказы, изд. 3-е, Ч. V.

XXI. — 70, *строк. 24.* Eichwald, Reise, I, 83.

XXII. — 71, *строк. 2.* Дѣян. Петра Великаго. Ч. VIII, стр. 238. Здѣсь, между прочимъ, упоминается о развалинахъ древняго города въ 3-хъ верстахъ отъ Тарху, между моремъ и горами: о какомъ это городѣ говорится, я не знаю.

XXIII. — 78, строк. 19. Вотъ что говорить Хамдулла Казвини о городѣ Семендерѣ (ман. A fol. 250 r², ман. C fol. 267 r²—v²):

سمندر از اقلیم پنجم است و (1) بردشت (2) خزر در صحرای (3)
واقعست که ما بین باب الابواب و (4) رود اتل است انوشیروان
عادل ساخت (5) درو بسائین بسیار است و انکور فراوان می باشد
در ما قبل درو کثرت خلایق بوده است و اکنون کمترست از اینجا
تا باب الابواب چهار مرحله است و اکنون آنرا سرای (6) بانو می
خوانند و بروایتی بر دوفرستکی سرپرست و آن مقام در عهد اکاسره
تخت گاه آن دیار بوده و به بهرام جوبین منسوب شده و سرپر غیر
از باب الابواب می شمارند

Семендеръ. Въ пятомъ климатѣ находится на равнинѣ Хазарской въ степи, между Дербентомъ и рѣкою Атель; выстроилъ его Ануширванъ Справедливый. Въ немъ находится много садовъ и виноградъ въ изобиліи; прежде было въ немъ много жителей, а теперь живетъ меньше. Отъ него до Дербента четыре дня пути (караванныхъ). — Теперь его называютъ Сарай-Бату. — По разсказамъ въ двухъ миляхъ отъ него лежитъ Сериръ: это обиталище во время Кесарей было столицей тѣхъ

Ман. С. (1) Въ ман. А بدشت (2) خزر (3) Въ ман. А واقع است (4) واقع است و داخل (6) و از اینجا الخ (5) حدود
بانو خوانند و داخل (6) و از اینجا الخ (5) حدود
باب الابواب شمارند
Этимъ оканчивается описаніе Семендера въ рукописи С. Последнее извѣщеніе у Абульфеды отнесено къ Беледжеру (Géogr. d'Aboulf. стр. 219).

странъ и основано Беграмъ Чубиномъ. Сериръ не одно и тоже съ Дербентамъ.

Ибнъ-Эль-Варди описываетъ Семендеръ слѣдующимъ образомъ (fol. 32 r°):

ومن مدنها المشهورة سمندر وهى مدينة حسنة وكانت فى القديم
مدينة عظيمة وكان بها من الكروم ما يخرج عن حد الوصف فخربتها
الروس

Изъ городовъ ихъ (Хазаръ) извѣстѣннѣйшій есть Семендеръ; это городъ красивый, и былъ прежде большимъ городомъ, и были у него виноградники неизобразимые; Руссы его разрушили.

Тоже самое повторяетъ Ибнъ-Аясъ (fol. 188 r°):

ومن مدنها المشهورة مدينة سمندر وهى مدينة حسنة وكانت قديم
الزمان مدينة عظيمة

(См. еще El-Mas. Hist. Enc. I, 406).

Это описаніе никакъ не приходитъ на мѣстность нынѣшняго Тарху, лежащаго въ горахъ и нисколько не славящагося виноградниками.—Изъ описанія Семендера у Ибнъ-Хаукама и по разстояніямъ, приводимымъ у Масуди (Des rep. du Cauc. 20—21, 31; неточное описаніе помѣщено въ Journ. asiatique, 1824, T. V, стр. 307), также Тарху никакъ не приходится къ Семендеру, и настоящее положеніе послѣдняго означаетъ не южнѣе Кизляра въ сосѣдствѣ Чернаго рынка (см. карту Кавказа при II-мъ томѣ Eichwald. Reise). — Противъ этихъ свидѣтельствъ имѣется только показаніе Истахри и Эдриси, назначающихъ Семендеръ нѣсколько сѣвернѣе Тарху (Mém. de l'Ac. de St Peter. T. VII. стр. 480, 485, 527, 532; ترجمه مسالك
المالك fol. 58 v°, 60v^o; Geogr. d'Edrisi, par Jaubert, II, стр. 335), но это свидѣтельство уничтожается двумя предыдущими, а указаніе Дербендіады (въ подлинникѣ Г-на Каземъ-Бека سمندر

شهری ترخو قلعه سی در Journ. asiat. 1829, Т. III, стр. 442, 445), какъ позднѣйшаго происхожденія, нельзя принимать въ расчетъ при спорномъ вопросѣ (ср. Савельева, Топографія кладовъ съ восточными монетами, стр. LVII—LVIII; Журн. Мин. нар. просвѣщ. 1847, № VIII отд. VI). Кятибъ-Челеби описываетъ Семендеръ, который онъ называетъ, какъ мнѣ кажется, то *اسمندر*, то *سمندر*, и Тарху какъ совершенно различ-

ные города (*جهان نما* стр. 368, 399 и 402).—Хамдулли Казвини говоритъ, что Семендеръ въ его время назывался Сарай-Бату (Батыевъ Сарай): какой же это Сарай? Только не столица Золотой Орды. Персидскій писатель Садинъ Исфагани говоритъ, что Сарай отстоитъ отъ Дербента на 4 дни пути (The geogr. Wog. of. Sad. Isf. стр. 102—103; Григорьева, Омѣстопол. Сарая, стр. 73): очевидно, этотъ Сарай есть одно и тоже съ Сараемъ Хамдуллы Казвини.—Г-нъ Дорнъ въ исторіи Табари въ переводахъ читаетъ Семендеръ вмѣсто Синданъ (Mém. de l'Ac. de St Peters. Т. VI, стр. 485, 540, 573; Журн. Мин. нар. просв. 1844, Ав. отд. II, стр. 87).—Въ описаніи Семендера Ибнъ Хаукалемъ Г-нъ Катрмеръ вмѣсто Руссовъ у Г-на Френа (Ibn Fozzlan, стр. 65) и у Ибнъ-Эль-Варди вставляетъ Тюрковъ (Quatremère, Hist. des Mong. стр. 404).

XXIV. — строк. 25. По Дербендъ-Намѣ Абу Обейда Джеррахъ, арабскій полководецъ, взялъ у Хазаръ Тарху и жителей обратилъ въ Исламъ: вѣроятно здѣсь подъ Тарху авторъ, по своему обыкновенію, разумѣетъ Семендеръ.

Тарху упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа (отъ Дербента въ 80 верстахъ городище Тарки); Тарки были взяты и раззорены въ 1594, а вмѣсто ихъ устроено въ 1599 г. въ окрестностяхъ русское укрѣпленіе (Кавказск. кал. на 1849 г. отд. III, стр. 8; Bullet. de l'Acad. de St Peters. Т. II, 269).—Авторъ изслѣдованія о русскихъ городахъ, мнѣ кажется, ошибочно полагаетъ на мѣстѣ Тарху древній Сериръ (Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1844. VI. 24): ни Семендеръ, ни Сериръ по описанію восточныхъ авторовъ не приходятся къ Тарху.—По всѣмъ описаніямъ Сериръ былъ внутри горъ, а не на берегу моря.

XXV. — 76, *строк.* 4. Дербендіада по списку Г-на Каземъ-Бека называетъ его: *شهبال عبد الله عباس اوغلی*. — Слову Шамхалъ давали и другое производство: Шамъ—Дамаскъ, а Халъ будто бы по-арабски значить Князь (Дѣлнія Петра Великаго, Ч. VIII, стр. 217), что совершенно ложно. Мулла Рафин, авторъ исторіи Дагестана на арабскомъ языкѣ, донынѣ вполнѣ не найденной, утверждаетъ, что первый Шамхалъ былъ родомъ изъ Сиріи (Шама) изъ деревни Халъ: это производство также не основательно.

XXVI. — *строк.* 6. Это извѣстіе заимствовано мною изъ Дербендіады по списку Каземъ-Бека (Ср. Nouv. Jouru. asiat. 1829, Т. III, стр. 459—462), но арабскіе писатели умалчиваютъ о немъ (Ср. Des reur. du Cauc. стр. 20 и 66; Mém. de l'Acad. de St Peters. Т. VI, стр. 479—484. 531—538, 567—572; Журн. Мин. нар. просв. 1844, Ав. отд. II, стр. 79—86). Можно позагать явленіе Шамхаловъ въ Дагестанѣ гораздо позднѣе, нежели указываетъ Дербендіада, и притомъ господствованіе ихъ надъ Дагестаномъ во время Халифата подвержено большому сомнѣнію. — Я помѣстилъ въ обзорѣи Шамхаловъ имена тѣхъ, которые чѣмъ-нибудь извѣстны въ исторіи Дагестана, но полнаго списка Шамхаловъ нѣтъ возможности составить при скудности источниковъ и по рѣдкому упоминанію о Шамхалахъ у восточныхъ писателей. Мулла Рафин приводитъ бесспорную генеалогію перваго Шамхала.

XXVII. — *строк.* 19. Обоз. рос. влад. за Кавк. Ч. IV, стр. 189.

XXVIII. — *строк.* 21. Брон. Изв. о Кавк. Ч. II, стр. 299—301; Обоз. рос. влад. за Кавк. Ч. IV, стр. 189—190; Eichwald, Reise, I, 84—85. Г-нъ Броссе ошибочно принимаетъ Шевкаль за правильное названіе (Bullet. de l'Acad. de St Peters. Т. II, 226). Въ началѣ XVI столѣтія извѣстенъ Шамхалъ Кара-Мусаль, тестъ Кахетинскаго царя Левана. По поводу пражлы Шамхала съ Александромъ сыномъ Левана и частыхъ вторженій Дагестанцевъ въ Кахетію происходили переговоры съ Русскимъ Царемъ у Кахетинскаго, по которымъ

Кахетинскій Царь призналъ себя данникомъ Россіи, а Русскія войска опустошили владѣнія Шамхала (Bul. de l'Acad. de St Peters. T. II, 214. 225—226, 258, 266). Г-нъ Дорнъ не называетъ по имени Шамхала, къ которому бѣжалъ Элькасъ-Мирза (Mém. de l'Acad. de St Peters. T. V, стр. 323).—Олеарій называетъ Сурхай-Хана только владѣтелемъ Тарховскимъ, а Шамхаломъ именуетъ Султанъ Махмуда (Voyages, 1064) и рассказываетъ о странномъ способѣ избранія Шамхаловъ (ibid. стр. 1050).

XXIX. — строк. 50. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. V, стр. 396—399. У Сурхая былъ сынъ Гюль-Мухаммедъ Бекъ.

XXX. — 77, строк. 6. Брон. Изв. о Кавк. II, стр. 300. Неверовскій относитъ принятіе русскаго подданства Адиль-Гирею къ 1720 году (Кратк. истор. взглядъ на Сѣвер. и Сред. Дагестанъ, 12). Адиль-Гирей у Клапрота неправильно названъ Абдуль-Гераемъ (Reise in den Kauk. I, 351). Шахъ Хюсейнъ прислалъ въ 1720 г. къ Шамхалу Тарховскому и Усмю Каракайтанскому деньги и подарки съ требованіемъ войска на помощь. Войско было собрано, но въ Ширванѣ, вмѣсто помощи, обратило свое оружіе противъ Персіи же (Крат. истор. взглядъ на Сѣв. и Сред. Даг. 9—10).

XXXI. — строк. 9. تاریخ نادری, fol. 107^v, гдѣ Шамхалъ названъ خاص فولاد خان ولد عادل کرای خان, и fol. 112^r; Кавказъ, 1846, стр. 68.

XXXII. — строк. 10. تاریخ نادری fol. 119^r; Кавказъ, 1846, стр. 70; Mém. de l'Acad. de St Petersburg. T. V, стр. 414.

XXXIII. строк. 15. تاریخ نادری fol. 119^v. Деревня, въ которую явился къ Надиру избавленный Казбулатъ, названа у Мегди کیدن, а у Кудси, по переводу Аббасъ-Кули Ханова, Гобденъ (Кавказъ, 1846, стр. 79): последнее правильное. Ново-пожалованный Крымскимъ Ханомъ въ Шамхалы Эльдаръ былъ разбитъ и бѣжалъ (تاریخ نادری fol. 120^r; Кавказъ 1846, стр.

70—71). Собственно сынъ Адиль-Гирея называется Ххассбулатъ, но по неимѣнію соответственныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ я называю его Кавсбулатомъ.

XXXIV. — *строк. 17.* Кавказъ, 1846, стр. 72.

XXXV. — *строк. 25.* Въ жизнеописаніи Фетхъ Али Хана Кубинскаго (Кавказъ, 1847, стр. 190—192 и 194—196) встрѣчаются не совсѣмъ сходныя съ этимъ извѣстія: въ союзѣ противъ Кубинскаго честолюбца упоминается Бамзатъ Шамхаль Беззубый (стр. 191), сынъ котораго Мегли-Ханъ (вѣроятно племянникъ Муртазъ-Али) потомъ участвовалъ со стороны Фетхъ Али въ битвѣ съ Хасанъ-Ханомъ Нухинскимъ подъ старой Шемахой; кромѣ того сынъ Фетхъ Али Хана Ахмедъ Ханъ былъ женатъ на дочери Тарховскаго Мухаммедъ Шамхала (стр. 195). Такъ какъ эти разныя имена Шамхаловъ согласить весьма трудно, то я предпочелъ слѣдовать указанію Броневскаго (Изв. о Кавк. II, 300—301).

XXXVI. — *строк. 29.* Брон. Изв. о Кавк. II, стр. 301—302. Кромѣ того упоминаются еще Крымъ Шамхалы (Bul. de l'Acad. de St Peters. T. II, 250): нѣлобно думать, что и Шубанъ-Шамхалы и Крымъ Шамхалы были Кумыкскіе владѣльцы.

XXXVII. — 78, *строк. 25.* Въ весьма замѣтельномъ воззваніи вышншаго Шамхала, помѣщенномъ въ Сборникѣ Газеты Кавказъ (1848, I. 22—30), выставленъ слѣдующій титулъ: Шамхаль Тарковский, Вали Дагестанскій, Владеель Буйнакскій, Генераль-Лейтенантъ Абу-Муслими-Ханъ. — Кази Мулла назначилъ-было своего Шамхала Умалатъ-Бека Кумъ-таркалинскаго (О началѣ безпокойствъ въ Сѣв. и Сред. Дагестанѣ, 28).

XXXVIII. — 79, *строк. 4.* Изв. о Кавк. II, стр. 190—192; Кавказъ, 1846, стр. 147—148, 150—152; 1848, NN^o 40—44. Г-нъ Неверовскій считаетъ народонаселеніе Шамхальства Тарховскаго въ 30,000 ч. (Кратк. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагестан. 20). Дагестанцы всегда къ Кумыкамъ прибавляютъ 100,000, означая этимъ число Кумыковъ. Шамхальство Тарховское принадлежитъ къ Сѣверному Дагестану. По извѣстію Масуди Кумыки были Христиане (El-Mas. Hist. Егс.

I, 433; Des peup. du Cauc. 22—23). Покойный Аббасъ-Кули считаетъ жителей Шамхальства перемѣшанными съ Камахами Птолемея (Сбор. Газ. Кавказъ. 1848, I, стр. 5).

XXXIX. — *строк. 11.* Кавказъ, 1846, стр. 147—148.

XL. — *80, строк. 11.* *حتى لا تكون فتنه و قتل المشركين كافة و قتل* *الذين لا يؤمنون بالله واليوم الآخر كافة* Въ другомъ мѣстѣ тоже самое : *قاتل الذين لا يؤمنون بالله حتى يعطو الجزية عن يدهم* : *وما لكم لا تقاتلون في سبيل الله والمستضعفين من الرجال والنساء والولدان* и вся Сура «добычи».

XLI. — *строк. 16.* *دار الاسلام — دار الحرب* Journ. asiat. 1842, T. XIV, 254—255.

XLII. — *строк. 19.* О догматахъ Ислама относительно войны съ невѣрными см. Кавказъ, 1846, стр. 79—80, 82—84; Мюхтесерюль-вигнаетъ, 205—206; D'Ohsson, Tableau de l'Empire ottoman, T. V, стр. 49—76.

XLIII. — *строк. 52.* Кавказъ, 1846, 135—136, 139—140.

XLIV. — *строк. 20.* *لا رهبانية في الاسلام* и въ отшельничества въ Исламѣ.

XLV. — *строк. 27.* Кавказъ, 1847, 58—60.

XLVI — 82, *строк. 32.* Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1843, Ч. IV, 197—204. — Кавк. кал. на 1849 г. отд. III, 12. — Неизвѣстно, о какомъ лжепророкѣ говорить Г-нъ Зубовъ въ Подвигахъ русскихъ воиновъ, Ч. III, стр. 225. — Клапротъ иваче оканчиваетъ судьбу Шейхъ - Мансура (Reise in den Kauk. I, 379—382).

XLVII. — 85, *строк. 27.* Кавказъ, 1847, стр. 119—120, 123—124. — О нач. безп. въ Сѣв. и Сред. Дагес. Не задолго до появленія Кази Муллы на спену дагестанскую былъ извѣстенъ въ горахъ Шейхъ-Шабанъ, совершенно пораженный въ 1830 г. Юля 24 (Кавк. кал. на 1849 г. отд. III, 22).

XLVIII. — 84, строк. 7. Неверовскаго, Истребленіе Аварскихъ Хановъ въ 1834 году.—Здѣсь (стр. 13) говорится, что преемникомъ Кази Муллы назначилъ Гамзатъ-Бека Мулла Мухаммедъ Багакавскій.

XLIX. — строк. 29. D'Ohsson, Tab. de l'Emp. ottom. T. IV, стр. 616 и слѣд.

L. — 85, строк. 5. Кавказъ, 1847, стр. 18—19.

LI. — строк. 16. الأتمة من قريش

LII. — строк. 28. كل محدث بدعة وكل بدعة ضلالة وكل ضلال في النار.

LIII. — 86, строк. 3. يستغرق امتي ثلثا وسبعين فرقه كلها.

في النار الا واحده وهي ما انا عليه واصحابي

LIV. — 89, строк. 5. Journal d'une résidence en Circassie, par J. S. Bell. Paris. 1841.

LV. — строк. 6. Travels in Circassia, Krim, Tartary etc. in 1836, by Spencer. 2 vol. London. 1837. Не довольствуясь описаніемъ своихъ походовъ, этотъ странствователь пускается въ лингвистику, и, разумеется, очень неудачно: въ концѣ перваго тома находится Vocabulary of Words and phrases english and tartar (347—351) и English, tartar and circassian (352—355). Авторъ не заблагоразсудилъ объявить, какой отрасли татарскаго принадлежить его словарь: судя по словамъ и фразамъ, онъ не принадлежитъ ни къ какой, а изобрѣтенъ, вѣроятно, переводчикомъ странствования. Въ такомъ маломъ собраніи словъ ошибки встрѣчаются почти на каждой строкѣ: напримѣръ the fourth авторъ переводитъ по татарски *sonki*; вмѣсто *بو چا يک ادى ناصلدر* онъ пишетъ: *bon tschairi in ade nassen*; вмѣсто *پنجشنبه* пишетъ *perchen-beh*, и проч. Фразы состоятъ изъ смѣси Османскаго съ Азербиджанскимъ.

LVI. — строк. 7. Souvenirs de voyages. Les provinces du Caucase. L'Empire du Brésil. Par le comte de Suzannet. Paris. 1846.

LVII. — *строк. 15.* La Russie dans l'Asie mineure, par F. Fonton. Paris. 1840.

LVIII. — *94, строк. 27.* Биб. для чт. 1848. Июнь, Июль.

LIX. — *95, строк. 8.* Revue de l'Orient. T. IV, стр. 277. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежатъ и Etudes sur la Circassie, par Denis (Revue de l'Orient, T. I).

LX. — *строк. 15.* Revue de l'Orient, T. IV, стр. 286.

LXI. — *96, строк. 30.* Bul. de l'Ac. de St Peters. T. IV, № 3. Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubschi. Академика Френа.

LXII. — *105, строк. 28.* Г-нъ Неверовскій говоритъ (Кр. взг. на Сѣв. и Сред. Дагес. стр. 34—35), что Шамхальцы воспѣваютъ каждый что придетъ ему въ голову, по общему напѣву: это походило бы на обычай сѣверныхъ Татаръ, которые не изыскиваютъ сюжетовъ, а поютъ что попало. Можетъ быть Шамхальцы и подражаютъ иногда своимъ сѣвернымъ соплеменникамъ, но общее пѣніе въ горахъ безсловесно. Тоже самое я замѣтилъ и у крымскихъ Горцевъ во время проѣзда въ 1845 году по Крыму.

LXIII. — *108, строк. 14.* Voyag. dans la Rus. mér. par Gamba, T. II, 344—348.

LXIV. — *109, строк. 1.* Изв. о Кавк. II, 338.

LXV. — *115, строк. 7.* По тексту Г-на Каземъ-Бека Каякентъ прежде назывался حمري ابدى فيه كند ديللر: и во многихъ другихъ мѣстахъ. Донынѣ существуетъ селеніе къ З. отъ Каякента, называемое Хумри (حمري по-персидски значитъ кувшинчикъ), и въ этихъ мѣстахъ течетъ рѣчка, называемая Хумри-Узень. Можетъ быть древній Хумри перемѣнился въ Каякентъ, а названіе Хумри перешло къ другому селенію. — По словамъ другаго списка Дербендъ-Намэ около Каякента находилась крѣпость Хасинъ حصين, упоминаемая также и въ исторіи Табари (Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VI, 463, 464, 466, 513, 536; Des peup. du Cauc. 57).

Слово *حصن* значить по-арабски крѣпость, а *حصین* значить крѣпкій: изъ нарицательнаго оно перешло, по-видимому, въ собственное. Въ другомъ мѣстѣ Табари (*ibid.* стр. 481, 534 и 569) Г-нъ Дорнъ вмѣсто турецкаго *حصین* читаетъ въ персидскомъ *حصین* Хуснаинъ (двѣ крѣпости).—Г-нъ Клапротъ въ французскомъ переводѣ Дербендіады называетъ въ одномъ мѣстѣ Каякентъ Етинъ Джинаберомъ *یتین جینابر* (*Nouv. journ. asiat.* 1829, Т. III, стр. 450—451), но это произошло отъ недоразумѣнія переводчика, принявшаго нарицательныя имена за собственное.

LXVI. — *строк. 13.* Въ персидской Дербендіадѣ стоитъ *غیه کنده*, въ турецкой Каземъ-Бека *قایه کند*, а въ Петербургской *قایه کنده* (*Mém. de l'Acad. de St Peters.* Т. VI, 464—466).—Въ Каякентѣ похороненъ Гмелинъ (*Nouv. annal. des voyag.* 1833, Т. IV, 138).

LXVII. — *строк. 16.* *Voyag. dans la Rus. mégr.* Т. II, 344.

LXVIII. — *строк. 26.* Въ Дѣявіяхъ Петра Великаго (Ч. VIII, стр. 245) упоминается, что Императоръ, на пути изъ Тарху въ Дербенту, «осматривалъ старинный каменный мостъ, сдѣланный чрезъ весьма глубокій ровъ, и развалины одного великаго города». Ни о мостѣ, ни о городѣ этомъ я не могу сказать ничего.—Катибъ-Челеби приводитъ слѣдующее описаніе окрестностей Тарху:

«Маулана Мухаммедъ бенъ Абдуррахимъ Эт-Теркеши рассказываетъ вотъ что: въ кумыкскихъ деревняхъ въ мечети одной деревни находится озеро, извергающее наружу ежегодно по два раза воду: разъ, когда солнце вступаетъ въ знакъ овна, и въ другой разъ, когда вступаетъ въ знакъ вѣсовъ, но удивительнѣе то, что во время возвышенія воды никогда не удается одному человѣку видѣть это, пока многіе люди не дождутся возвышенія воды. Еще въ той сторонѣ въ деревнѣ Каба (Каа?) находится озеро, въ которомъ вода умѣряется весной и осенью, зимой тепла, а лѣтомъ дѣлается чрезвычайно холодна, до такой

степени, что замерзаетъ, такъ что жители того мѣста пользуются льдомъ озера для леченія лихорадки и воспалительныхъ болѣзней» (جوان نما стр. 402). Дербендіада по берлинскому списку, если вѣрить переводу Г-на Клапрота (Nouv. jour. asiat. T. III, 442—443), говоритъ, что въ горахъ были рудники мѣдные, а выше Тарху—серебряные.

LXIX. — строк. 27. بوجم Бугамъ значитъ по-турецки изгибъ, сгибаніе. Г-нъ Дорнъ называетъ эту рѣку Бегамъ (Mém. de l'Ac. de St Peters. T. V, стр. 398). На берегахъ ея Дагестанцы были разбиты персидскимъ Правителемъ Минучегръ-Ханомъ въ 1659 году (ibid. стр. 399).

LXX. — 114, строк. 26. Дербендіада по списку Г-на Каземъ-Бека говоритъ о рѣчѣ Дарвакъ, на которой расположились лагеремъ первые прибывшіе въ Дагестанъ Мусульмане, насупротивъ хазарской арміи; тотъ же текстъ и исторія Табари говорятъ о мѣстѣ Дервакъ (Mém. de l'Ac. de St Peters. T. VI, 458—459, 462—464; ср. Nouv. jour. asiat. 1829, T. III, стр. 449). О мѣстѣ Дервакъ также пишетъ и Истахри (Lib. clim. 80, ترجمه مسالك المالك; دريق fol. 50 v°

دریق; Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VII, стр. 474, 522, 557).—Жители мѣстечка Дервакъ, находящагося въ Табасаранѣ на берегу рѣчки того же имени, въ 4 миляхъ къ С. З. отъ Дербента, еще не такъ давно говорили только по-арабски. Можеть быть они принадлежать къ числу тѣхъ Аравитянъ, о которыхъ говоритъ Масуди (El-Mas. Hist. Enc. I, 432).

LXXI. — 115, строк. 5. Извѣс. о Кавказ. Ч. II, стр. 315.—На «Подробной картѣ Россіи» (1829) показаны всѣ потоки между Тарху и Дербентомъ, а Масуди въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что близъ Дербента впадаетъ въ Каспійское море рѣка «Гизиль-руль» (Not. des Manuscrits. T. VIII, 154). Эта рѣка не Кизиль Агачъ-ли?

با تمام رسانید شهر یست بمثل (12) تفلیس بعهد قباد بن فیروز
 خراب (13) شد و آنرا از خشت (14) خام دیوار (15) ساخته بودند
 انوشیروان (16) عادل تجدید عمارتش کرد و باروی عظیم از سنگ
 و (17) ساروج بر آورد و دیواری متصل بارو (18) و يك
 طرف (19) بدریای خزر رسانید چنانکه كا بیش نیم فرسنگ در میان
 آب دریا دیوارست و يك طرف بر کوه (20) قفق برده چنانکه (21)
 امکان گذر نمانده است (22) و بعضی مردم آنرا سد یا جوج و ما جوج
 خوانند و این روایت ضعیف است و (23) عمارات انوشیروانست و
 (24) انوشیروان بر سر (25) بارو و بروج شهر جای نکهبندان بسیار
 ساخته (26) و نکهبندان مصولی و دیار بکری درو نشانده (27) بجهت
 دفع خزریان و (28) انوشیروان عادل در آن کوه (29) چهارده کوشك
 قلعه (30) شکل (31) ساخت و (32) بعضی از آن کوشکها (33) هنوز

(16) ساخت (15) Опуш. (14) شده بود (13) تفلیس (12)
 یکی بدریای (18) Въ ман. С опущ. (17) ساروج
 در دیگر امکان (21) Въ ман. С قفق (20) دریا (19) جزر
 (24) تا غایت عمارت نوشیروانی باقیست (23) Опуш. (22)
 (27) است (26) باروی شهر در بروج جای (25) نوشیروان
 (30) Опуш. (30) چارده (29) Въ ман. С نوشیروان (28) Опуш.
 بعضی بر (33) Опуш. (32) ساخته است (31)

بر قرار است و آن نکهبائان زبان عربی نیز گویند (34) و هوای
باب الابواب گرم است و درو از ارتفاعات غله نیکو باشد و علی
زارهای خوب وارد و آب (35) و مواشی (36) آنجا بسیار بود و اکثر
محمول ایشان (37) ارزن بود

Баб-эль-Абвабъ. По-арабски называютъ его Сериромъ персидскимъ и Дербентомъ и Филянмъ, а правителя его Филянъ-Шагъ, по-монгольски (по-тюркски) желѣзными воротами. Оня лежитъ въ пятомъ климатѣ; длина его отъ Счастливыхъ острововъ 84, 44', а ширина отъ экватора 43, 48".—Построилъ его Лехраспъ Кіянидскій, а внукъ его Псеендіаръ бенъ Киш-тасъ бенъ Лехраспъ окончательно устроилъ: этотъ городъ похожъ на Тифлисъ. Во время Кобадъ бенъ Фируза прилежъ въ разрушеніе, и построили ему стѣны изъ нежженного кирпича; Авуширванъ Правосудный возобновилъ его населенность и построилъ огромную стѣну изъ камня и извести. Стѣны его соединялись съ крѣпостной стѣной. Съ одной стороны оня доходили до Каспійскаго моря, такъ что около полмили и въ самомъ морѣ шли стѣны, а съ другой стороны доходили до горы Кабка (Кавказа)***, такъ что не оставалось прохода. Нѣкоторые называютъ его барьеромъ Гога и Магога, но это извѣстіе не основательно: это постройка Нуширвана. Нуширванъ на верху стѣны и въ башняхъ города устроилъ много мѣстъ для стражей, стражей взялъ изъ Мосула и Діарбекира, для от-

(34) Опуц. (35) Въ ман. С و опуц. (36) Въ ман. С

اران (37) آن

* По А 74; по Садику Исфаганскому 84, 30 (The geog. Work. of Sad. Isf. стр. 72—73).

** По А 48, 70; по Садику Исфаганскому 48, 0 (ibid).

*** См. Des peup. du Cauc. 3, 154—155.

раженія Хазаровъ; да кромѣ того Нуширванъ Правосудный построилъ четырнадцать цитаделей, изъ которыхъ нѣныя и теперь еще существуютъ, а стражи говорятъ по-арабски. Климатъ Дербента теплый, хлѣбъ хорошаго качества рождается, прекрасные луга, пшеница, вода и кормъ для скота тамъ находится во множествѣ: большею частію рождается тамъ крупа.

Это описаніе замѣчательно по ясности своей и по отсутствію преувеличеній, которыя не рѣдко встрѣчаются въ восточныхъ писателяхъ. Кятибъ-Челеби описываетъ Дербентъ не съ такою подробностью (جهان‌نما 394—395): онъ болѣе распространяется о стѣнахъ его. По его мнѣнію строителемъ города былъ Нуширванъ, хотя другіе и говорятъ, что первоначально построилъ его Исфендіаръ, а Нуширванъ только возобновилъ его постройку (ibid. 395).

Искендеръ Муни въ исторіи Аббаса Великаго вотъ что говоритъ о Дербентѣ (fol. 234 r²):

وان يك که بباب الابواب وسد سکندر مشهور ومعروفست از
غایت ارتفاع نارین قلعه دیوار بست شهر که تا میان دریا کشیده
شده از توصیف و بیان مستغنی است

И даже (fol. 235 v²):

وان سد سدید وحد حدید که یکطرف ان کوههای بلند است که
بالبرز کوه اشتہار دارد و عبور مواکب اوہام از انجا محال
وطرف دیگر بآب دریای حزر (خزر) پیوسته و عبور متردد دشت
حزر (خزر) و قبیاق و اوروس سکنة ان دیار کہ بولایت شروان
آیند جز از یک دروازه کہ در میان آن سد سدید واقع است
و بباب الابواب اشتہار دارد ممکن نیست

И еще (ibid.):

از مردمان روزگار ديك انولايت استماع رفته كه در ارميه
كارواني از جانب دشت قبيجاف شيروان مي آمد چون بدر بند
رسيد اند شب هنگام بوده فرود آمد اند كه چون صبح
دروازه كشوده شود عبور نمايند على الصبح كه دروازه بانان
دروازه كشوده اند از كاروان اثرى نبوده چون راه ديكر نيست *
شك كه از ميان آب كناره دريا كه بشهر افصال دارد گذشته
اند و زياده عمق نداشته بهوج آب و جزر و مد دريا آب نيك
ميكرد و بزمين نزديك ميشود كه امكان عبور داشته باشد

Я не прилагаю перевода этихъ текстовъ, потому что онъ помѣщенъ въ *Histoire des Mongols, par Quatremère*, 390—391 (рукописи Г-на Кармера полнѣе нашей) и въ *Mém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 367* (рукопись Г-на Дорна сходна съ нашей).

Описаніе Дербента у Ибнъ-Эль-Варди почти тождественно съ описаніемъ Закеріа Казвини (fol. 31 r²):

الباب والابواب وهى شمالى ارض الفرس بنا انوشيروان على
بحر الخزر وبها بساتين وفواكه وبها مرسى الخزر وغيره وعليها
سلسلة تمنع الداخلى والخارج

Эль-бабъ и Эль-Абабъ **. Онъ находится къ С. отъ Пер-

* Недостаетъ ظاهر

** У Масуди и другихъ Дербентъ называется «ворота и ворота» вмѣсто «ворота воротъ» (см. *El-Mas'oudi's Hist. Encycl. I*, стр. 288; *Journal asiat. 1824, T. V, стр. 219*).

сий, построенъ Ануширваномъ у моря Хазарскаго ; у него находятся сады и плоды и гавань для Хазаръ и прочихъ съ цѣлью для воспрепятствія входа и выхода.—Ибнъ-Аасъ говоритъ нѣсколько подробнѣе о Дербентѣ (fol. 121 г²), но описаніе его заимствовано почти цѣликомъ и слово въ слово изъ Баку-ви (Notices des manuscrits du Roi, II, 507—508) и Закеріи Казвини. Я приведу здѣсь для сравненія текстъ Ибнъ-Ааса :

ذكر باب الأبواب وهي مدينة عجيبة على ساحل بحر الخزر وهي
مبنية بالصخور بصيب ماء البحر حايطها وطواها مقدار ثلثين فرسخا
في مثلها في عرضها وعليها ابواب من الحديد وبها ابراج كثيرة على
كل برج منها مسجد للمجاورين ويحيط بها سور وعليه حراس تحرسونه
من العدو وقد بنى هذه المدينة كسرى انوشيروان وكانت الاكسرة
شديدة الاهتمام بهذه المدينة وبها قلعة مبنية بصخور وقد جعلوا بين
الصخور الرصاص المذاب وجعلوا عرضها ثلثمائة ذراع وعلوها الحق
برؤس الجبال وجعلوا هذه المدينة سبعة مسالك وعلى كل مسلك منها
قلعة وبها صور مطلسة قهنة السباع لدفع الترك عنها ان الترك
كانت تأتي اليها من تلك الجهات من بلاد الران (ايران ؟)

См. еще описаніе Дербента въ Hamzae Israbanensis annualium lib. X, стр. 57—58 ; Lib. clim. стр. 79 ; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. VII, 472—473 ; 520—521 ; 486—489 ; 534—537 ; Jour. asiat. 1824, T. V, 218—220 ; El-Mas. Hist. Enc. I, 401 ; Des peup. du Cauc. стр. 6 ; Géogr. d'Edrisi, par Jaubert, II, 322.

V. — строк. 12. По списку Г-на Каземъ-Бека. По переводу Г-на Клапрота Дербентъ существовалъ ранѣе (Nouv. journ.

asiat. 1829, Т. III, стр. 443); тоже самое утверждает, какъ мы видѣли, и Хамдулла Казвини.—Мирхондъ въ исторіи Сасанидовъ говоритъ, что Кобадъ бенъ Фирузъ любилъ строиться, что онъ основалъ Берду, Генджу и Миафаракайвъ, по о Дербентѣ не упоминается (*Histoire des Sassanides par Mirchond*, 235—236), а даже въ царствованіи Нуширвана Мирхондъ въ числѣ подвластныхъ Нуширвану мѣстъ упоминаетъ Дербентъ Хазарскій *در بند خزران* (*ibid.* 245).—Никби бенъ Масудъ говоритъ, что Нуширванъ, по разбитіи Грековъ, пошелъ на Дербентъ, обошелъ Кипчакъ и оставилъ тамъ коменданта съ войскомъ (*Not. des Manusc. du Roi*, II, 340).—Зак. Казвини сообщаетъ подробности построенія Дербента Нуширваномъ (*Mém. de l'Acad. de St' Peters.* T. VII, 487—489, 534—536). Бенкетъ также не называетъ Кобада строителемъ Дербента, хотя и приписываетъ ему Казерунъ и другіе города (*fol. 31 v^e*), а въ царствованіи Нуширвана говоритъ, что этотъ государь, побѣдивъ Тюрковъ, велѣлъ строить Дербентъ (*ibid.* *fol. 32 r^e*).—Эдриси приписываетъ строеніе Дербента Нуширвану (*Not. des Manusc. du Roi*, T. I, 16; II, 507; *El'Mas. Hist. Enc.* I, 401, *Journ. asiat.* 1824, T. V, 218—219; *Hamzae Israh.* an. lib. X, стр. 57; *Mém. de l'Acad. de St' Peters.* T. VII, стр. 515, 551—552; *Journ. asiat.* 1842, T. XIV, стр. 122 и 141).—Табари не говоритъ о времени основанія Дербента (*Mém. de l'Acad. de St' Peters.* T. VI, 451, 495—496, 547).—Грузинскіе историки, по словамъ Клапрота, приписываютъ строеніе Дербента Ардаму, Генералу персидскаго Государя Феридуна (*Nouv. Journ. asiat.* 1833, T. XII, 538—539).—Моисей Хоренскій также упоминаетъ о дербентской стѣнѣ, у которой въ его время была при морѣ одна башня (*Журн. Мин. нар. просв.* 1846, Ноябрь, отд. II, 99; Дек. отд. II, 192). Шафарикъ считаетъ Гунскій валъ армянскихъ историковъ за дербентское ущелье (*Славян. древн.* II, стр. 248).

VI. — *строк. 44.* *Not. des manus. du Roi*, I, 16; II, 507; *El'Mas. Hist. Enc.* I, 401, *Journ. asiat.* 1824, T. V, 218—219; *Hamzae Israh.* an. lib. X, стр. 57; *Mém. de l'Acad. de St' Peters.* T. VII, стр. 515, 551—552; *Journ. asiat.* 1842, T. XIV, стр. 122 и 141).—Табари не говоритъ о времени основанія Дербента (*Mém. de l'Acad. de St' Peters.* T. VI, 451, 495—496, 547).—Грузинскіе историки, по словамъ Клапрота, приписываютъ строеніе Дербента Ардаму, Генералу персидскаго Государя Феридуна (*Nouv. Journ. asiat.* 1833, T. XII, 538—539).—Моисей Хоренскій также упоминаетъ о дербентской стѣнѣ, у которой въ его время была при морѣ одна башня (*Журн. Мин. нар. просв.* 1846, Ноябрь, отд. II, 99; Дек. отд. II, 192). Шафарикъ считаетъ Гунскій валъ армянскихъ историковъ за дербентское ущелье (*Славян. древн.* II, стр. 248).

VII. — *строк. 20.* Ибнъ-Аяса fol. 121 r°; Not. des man. du Roi, II, 507.—Тоже и у Зак. Казвини и другихъ.

VIII. — *строк. 23.* См. ниже прим. سد باجوج وماجوج

IX. — *строк. 34.* Это говоритъ авторъ Дербендіады (Ср. Not. des man. du Roi, II, 348).

X. — *124, строк. 1.* По-видимому, передъ нашествіемъ Аравитянъ Дербентъ составлялъ спорный пунктъ между Хаза-рами и Ширванъ-Шахами (Ср. Mém. de l'Acad. de St Petersb. T. IV, 538).

XI. — *строк. 8.* Авторъ Дербендіады причиной стрем-ленія Аравитянъ къ Дербенту выставляетъ слова Мухаммеда: دربند شهری مجموع شهرلرنك فابوسی در Дербентъ ворота всѣхъ го-родовъ, во подобное изрѣченіе въ мусульманскихъ преданіяхъ не извѣстно.

XII. — *строк. 10.* Величайшую трудность представляетъ согласованіе повѣствованій различныхъ мусульманскихъ писате-лей о древнихъ событіяхъ, особенно потому, что ни одинъ рассказъ не свободенъ отъ излишней ревности къ Исламу: о равногласіи авторовъ нечего и говорить. Изъ имѣющихся у ме-ня матеріаловъ я старался по возможности выработать какую-нибудь фактивную исторію городовъ: думаю, на первый разъ и этого довольно, тѣмъ болѣе, что еще далеко не всѣ, какъ мусульманскіе, такъ и другіе историки, допрошены относитель-но кавказской исторіи.—Въ настоящемъ случаѣ я соединилъ рассказъ Табари, Хафиза Абру, Ибнъ-Аасема Эль-Куфи, Дербендіады и другихъ такимъ образомъ: упоминаемый у Табари Абдурахманъ, предводитель перелового отряда Аравитянъ, по моему предположенію, составляетъ одно лицо съ Абдурахма-номъ бенъ Ребіа у Хафиза Абру. Сюлейманомъ бенъ Ребіа Эль Багили у Ибнъ Аасема Эль Куфи (1), Сельманомъ Багили

(1) У Г-на Дорпа это имя стоитъ مسلم بن ربيعة Муслимиъ бенъ Ребіа (Mém. de l'Acad. de St Petersb. T. VI, 596), въ рукописяхъ библиот. Казан. Univ. سليمان بن ربيعة الباهلي

سلمان باهلی Дербендіады по списку Каземъ-Бека (см. Мém. de l'Acad. de St Petersb. T. VI, Дорна Nachrichten über die Chasaren, Е и К; ترجمه تاريخ ابن اعثم الكوفي ман. библи. Казан. Унив. A fol. 212 r² — 215 r² B fol. 165 v² — 167 v²). — Масуди также упоминаетъ о Сюлейманѣ Ребіа Эль Багилі (El-Mas. Hist. Enc. I, 406). — Ср. Des reup. du Cauc. 55; Мém. sur l'Arménie, par St Martin, I. 338; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 539, T. VI, стр. 452—461, 497—509, 548—555). Для времени событія я признаю указаніе Ибнъ-Ассема какъ среднее между Табари и Дербендіадой: первый относитъ его въ правленію Омара, а послѣдній къ 41 году гижры (661—662). — Бенакети въ своей исторіи не говоритъ о походахъ Аравитянъ ни въ правленіе Омара, ни въ правленіе Османа: онъ преимущественно занимается исчисленіемъ знаменитостей мусульманскихъ, умершихъ въ царствованіе этихъ двухъ Халифовъ (fol. 48 r²—53 r²); въ исторіи Мирхонда я также не нашелъ обстоятельствъ певыхъ походовъ Аравитянъ въ Дагестанъ (روضة الصفا T. II, fol. 193 v⁰—224 v²).

XIII. — строк. 18. Эта экспедиція Аравитянъ упоминается въ Дербендіадѣ и у Хаджи Хальфы (Кятибъ-Челеби) въ его تقويم таблицахъ: первая относитъ ее по ошибкѣ, повторенной и въ русскомъ энциклопедическомъ лексиконѣ (Т. XVI, 178), къ 64, а правильно къ 94 году, послѣдній къ 95 г. гижры (تقويم

(A fol. 212 r² B fol. 165 v²). По разсказу Ибнъ-Ассема Сельманъ былъ посланъ Халифомъ Омаромъ на помощь къ Хабибу бенъ Маслама, но оба отряда поссорились за добычу и дѣло даже доходило до битвы: Сирійцы, предводимые Хабибомъ, не хотѣли принять въ дѣлежъ Иракцовъ, корыхъ привелъ Сельманъ; письмо Халифа разрѣшившаго ссору въ пользу общаго дѣлежа (ترجمه تاريخ ابن اعثم الكوفي ман. библиот. Казан. Унив. A fol. 212 r² — 213 v²). — Этихъ обстоятельствъ мы не находимъ у Табари.

констант. изд. 33). — У Табари не говорится о ней. — (Ср. Des reup. du Cauc. 56; Mém. de l'Ac. de St Peter. VI sér. T. IV, 539—540).

XIV. — *строк. 24.* Эти обстоятельства находятся только въ Дербендіадѣ (по списку Каземъ-Бека). — Вторичное взятіе Дербента Масламой относится къ 110 (728—729) году гиджры (Mém. de l'Ac. de St Peter. VI sér. T. IV. 540). — Въ исторіи Бевакети я нахожу походъ небольшого корпуса Аравитянъ противъ Кипчаковъ (Хазаровъ?), опустошавшихъ Азербайджанъ, въ правленіе Халифа Омара бенъ Абдуль-Азиза бенъ Мервана, оконченный Мусульманами побѣдоносно (روضة اولی الباب fol. 68^v). — Этого обстоятельства не находится ни у Табари, ни въ Дербендіадѣ; по словамъ Д'Оссона о немъ рассказываютъ два Турецкіе историка: Мухаммедъ Эфенди и Ахмедъ Эфенди. Въ здѣшней рукописи Бевакети предводитель Арабовъ въ этомъ походѣ названъ حاتم ربيعی Хатемъ Ребіа, а у Д'Оссона онъ именуется Амръ бенъ Ребіа (Amrou fils de Rabi'yi; Des reup. du Cauc. 56).

XV. — *строк. 27.* Это извѣстіе принадлежитъ Табари (Mém. de l'Ac. de St Peter. T. VI, 461, 510 и 555).

XVI. — *строк. 29.* Походъ Джерраха рассказанъ и у Табари и въ Дербендіадѣ, только въ послѣдней не говорится о пораженіи Аравитянъ. — Кятибъ-Челеби въ своихъ تقويم التواريخ относитъ смерть Джерраха къ 112 году гиджры (730—731 году по Р. Х.). — Д'Оссонъ говоритъ, что Джеррахъ былъ смѣненъ Гишамомъ, который поставилъ на его мѣсто брата своего Маслама, а потомъ опять опредѣленъ Джеррахъ: въ этихъ указаніяхъ Д'Оссонъ слѣдовалъ позднѣйшимъ турецкимъ писателямъ (Des reup. du Cauc. 57—60). — Вообще рассказъ Д'Оссона не слѣдуетъ хронологіи Табари, у котораго не Джеррахъ смѣненъ Халифомъ, а Самъ бенъ Амръ-Эль-Гареши (Mém. de l'Ac. de St Peter. T. VI, Дорна, О Хозарахъ F, G, H). Мирхонъ рассказываетъ походъ Джерраха во время халифата Гишама согласно съ Табари, только называетъ предводителя Арабовъ сна-

чала Джеррахомъ Ибнъ Абдуль-Меликомъ, а потомъ Джеррахомъ бенъ Абдуллою (روضۃ الصفا) جراح ابن عبد الملك Т. III, fol. 82 r²—83 r²).

XVII. — 122, строк. 5. Этотъ разсказъ взятъ изъ Дербендіады: у Табари мы находимъ довольно сходное повѣствованіе, только Табари говоритъ о походѣ Саида бенъ Амръ-Эль-Гареши до похода Маслама, потомъ о походѣ Мервана и объ управленіи того же Саида, чего въ Дербендіадѣ не находится (Mém. de l'Ac. de St Peter. T. VI, Дорна, о Хазарахъ II, I; T. IV, 540—541). Такимъ образомъ, по словамъ Дербендіады (списокъ Г. Каземъ-Бека), Маслама совершилъ три похода въ Дагестанъ: послѣдній походъ его она относитъ къ 115 году гижры (733—734 г.).—Мирхондъ разсказываетъ очень подробно и даже съ нѣкоторыми преувеличеніями, хотя вообще сходно съ Табари, походъ Саида бенъ Амръ-Эль-Гареши (روضۃ الصفا), fol. 82 v²—83 r²), а о походѣ Маслама и управленіи его Дербенгомъ едва упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ (ibid. fol. 83 r²).—Кятибъ-Челеби говоритъ, что по взятіи Масламой Дербента, посѣтилъ это мѣсто Гишамъ бенъ Абдуль-Меликъ, и оставилъ на память своего посѣщенія, по просьбѣ правителя, саблю, къ которой долгое время жители ходили на поклоненіе (جهان نما 400).—Никби бенъ Масудъ и Масуди также упоминаютъ объ экспедиціи Маслама (Not. des manus. du Roi II, 375; El-Mas. Hist. Enc. I, 404).—Ср. Des реур. du Cauc. 62—64.

XVIII. — строк. 8. Дербендіада не говоритъ о войнѣ Мервана съ Хазарами, но это мы находимъ у Табари (Mém. de l'Acad. de St Peter. T. VI, J.), у Безавори и другихъ (Des реур. du Cauc. 64—69).—По Дербендіадѣ Мерванъ назначенъ былъ правителемъ Дербента въ 120 году гижры (738 г.).

XIX. — строк. 23. Дербендіада ничего не говоритъ объ этомъ вторженіи Хазаровъ; Кятибъ-Челеби въ جهان نما (стр. 400) говоритъ, что Хазары въ 180 году (796 г.) взяли Дербентъ и побили много Мусульманъ, а въ Хронологическихъ таб-

лицахъ своихъ *التواريخ* *تقويم* относитъ вторженіе Хазаръ къ 183 (799) году (40 *تقويم*). вѣстѣ съ другими историками (*Des rep. du Cauc.* 70—71). Дѣяльнѣйшія подробности исторіи Дербента я возложу здѣсь въ примѣчаніяхъ. Со времени Гарунъ-Эр-Рашида Дербентъ находился во власти династіи Ширванъ-Шаговъ Мезидовъ (*Mém. de l'Acad. de St Peter. VI Sér. T. IV, 543*), а Дербендіада (по списку Г-на Дорна) говоритъ, что въ 255 году (868—869) взялъ Дербентъ Джеунъ бенъ Исджъ у Хашема бенъ Менсаа (Ширванъ-шага?) и правилъ городомъ пять лѣтъ; слѣдуя же историкъ Шегризадъ въ Дербентѣ владела съ 255 (470)—868 (1077) годъ династія Бену Хашемъ, происходившая отъ Дербентскаго правителя Шаррока бенъ Абдуль-Хашема (*Mém. de l'Acad. de St Peter. T. IV, 546*). Дербендъ-намъ (списокъ Г-на Дорна) говоритъ, что правитель Ширвана Хашемъ сынъ Мухаммеда взялъ Дербентъ въ 260 (873) году у Хашема сына Шаррака *شراقه اوغلی هاشم* (Г-нъ Дорнъ говоритъ, что не у Хашема, а у Шаррака *شراق* *Mém. de l'Ac. de St Peter. ibid.*), поправилъ укрѣпленія и построилъ запасный магазинъ. Въ 272 (885—886) году по Дербендіадѣ (списокъ Г-на Каземъ-Бека) подарилъ Халифъ Мотамедъ жителямъ Дербента доходы съ соляныхъ и нефтяныхъ колодезевъ Баку (по словамъ Г-на Дорна въ 270 году; см. *ibid.*). Въ 290 (902—903) г. слѣданный правителемъ Дербента Бишутуръ завладѣлъ всѣми доходами жителей, которые пустились въ торговлю и ремесла, а Хазары, пользуясь этимъ, подступили къ Дербенту, но были прогнаны (Дербенд. списокъ Каземъ-Бека). Въ 320 (932) году начался въ Дагестанѣ и Дербентѣ «тулудатъ» упаси отъ разбоя (всеобщее разстройство).—Ширванъ-шагъ Мухаммедъ бенъ Езидъ, правившій въ 332 (948) г. овладѣлъ Дербентомъ по смерти зятя своего, правителя Дербентскаго, Абдуль-Меликъ бенъ Гишама, потомка одного изъ сподвижниковъ Маслама (*Mém. de l'Acad. 548; D'Ohsson, стр. 5*).—Въ 430 (1038—1039) г. умеръ по словамъ Дербендіады (списокъ Г-на Дорна) правитель Дербента Абдуль-Меликъ бенъ

Мансуръ бенъ Меймунъ : правителями и начальниками были потомки Азаба Сельма. Въ 436 (1044—1045) г. возмущился одинъ изъ потомковъ Джеуна и начался опять «стулидагъ». — Еще и нынѣ въ дербентскомъ уѣздѣ находится одна деревня, которой жители называютъ себя Арабами.

XX. — *строк. 50.* Энциклоп. лексиконъ, Т. XVI. 179.

XXI. — *строк. 51.* Въ началѣ XII столѣтія по Р. Х. Дербентъ находился въ войнѣ съ Ширваномъ : послѣдній былъ побѣжденъ и вождь Ширванскій Аферидунъ убитъ. Грузинскій Царь Александръ отдалъ Дербентъ сыну своему Александру (Mém. de l'Ac. T. IV, 549).

XXII. — *строк. 51.* По словамъ Мирхонда и Абуль-Гази Монголы были посланы противъ Кипчаковъ въ 619 (1222) г. подъ предводительствомъ Хеббе Ноаянъ и Суйдай Багадуръ (у Абуль-Гази سویدا و سویدار, по другимъ Джете Ноаянъ и Сойдакъ; у Хондемира Джебе Ноаянъ и Субедай Багадуръ; правильно слѣдуетъ читать Чепъ Ноаянъ и Субудай Багадуръ: Jougn. asiat. 1831, T. VII, 433); они хотѣли возвратиться домой черезъ Дербентъ и взяли 10 проводниковъ у Ширваншага, одного изъ проводниковъ, для страха другихъ, убили, и прошли черезъ Дербентъ (Абуль-Гази не говоритъ объ этомъ). Появленіе Монголовъ въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно удивило жителей, потому что будто бы со временъ Александра Македонскаго въ этой сторонѣ не выдали войска. Оставя Дербентъ, Монголы пошли на Аланъ (Vie de Djenghiz-Khan, par Mirkhond, 132—133; Abulg. 66—70; Mém. de l'Ac. de St Peter. VI Sér. T. IV, 356; Григорьева, Исторія Монголовъ, 24).

XXIII. — 125, *строк. 2.* Quatremère, Hist. des Mong. I, 394—399. — Это было въ 661 (1262—1263) году по Рашиль-Эл-дину; Хондемиръ же относитъ это событіе къ правленію Абака къ 664 году (Григорьева, Ист. Мон. 48). — Во времена Гулагидовъ Дербентъ находился подъ властію Ширваншаговъ (Mém. de l'Acad. de St Peter. T. IV, 358); Хондемиръ говоритъ, что Абака Ханъ Гулагидъ предоставилъ управленіе Дербентомъ брату своему Яшмуту (Григорьева, Ист. Мон.

46). Узбекъ, Ханъ Золотой Орды, предпринималъ два похода противъ Гулагиды Абу Саидъ Мирзы, первый въ 718 (1318—1319) году, а второй въ 735 (1334—1335) году, и взялъ Дербентъ (Григорьева, Истор. Монг. 76 и 89); Абульгази же говоритъ коротко объ этихъ походахъ (Abulig. Historia, 98: «два раза онъ (Узбекъ) ходилъ на Абу Саидъ Хана въ Иранскую землю, но не могши овладѣть Ираномъ, возвратился назадъ». — Ср. Броневскаго, Извѣст. о Кавк. II, 373). — Джанъ-Бекъ-Ханъ взялъ Дербентъ и покорилъ себѣ владѣнія Гулагидовъ въ 759 (1357—1358) году (Григор. Истор. Монг. 101; Abul. Historia, 95): Дегины неправильно относятъ это событіе къ 756 году (Deguignes, Histoire des Huns, T. I, Ч. I, 283). — Съ 1382 года является дербентская династія Ширванъ-шаговъ: Тимур-ленгъ оставляетъ управленіе Дербентомъ Шейхъ Ибрагиму, основателю новой династіи, возобновляетъ укрѣпленія Дербента и велитъ оберегать этотъ проходъ (Mém. de l'Ac. de St Peter. VI Sér. T. IV, 564—567, 583). — Въ 915 (1509) году персидскій Шахъ Исмаиль осадилъ Дербентъ и принудилъ правителя дербентскаго Яръ Ахмедъ Агу, не хотѣвшаго признать его власти, сдаться: управленіе Дербента Исмаиль отдалъ Мавсуръ-Беку (Mém. de l'Acad. IV, 592). Съ этого времени начинается персидское владычество въ Дагестанѣ. Шахъ Тахмаспъ сдѣлалъ привителемъ Шарванскіиъ Элькасъ Мирзу, который отложился-было отъ Персіи, но былъ побѣжденъ, и Дербентъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, опять поступилъ въ число персидскихъ владѣній (Mém. de l'Acad. de St Peter. VI Sér. T. V, 323).

XXIV. — *строк. 5.* Османъ Паша, Турецкій правитель Ширвана, боролся съ персидскимъ владычествомъ (السبع السيار) изд. А. Каземъ-Бека, 102; Nouv. jour. asiat. 1833, T. XII. 374—375).

XXV. — *строк. 4.* Извѣст. о Кавк. II, 332; Klaproth's Reise in den Kaukasus, I, 311—312; Mém. de l'Acad. de St Peter. VI Sér. T. V, 349.

XXVI. — *строк. 9.* Mém. de l'Acad. de St Peter. V,

366—367. Искендеръ Муниш говоритъ: «Украситель міра (Шахъ Аббасъ) Его Величество, предпринявши укрѣпленіе Бабъ-Эль-Абваба, назначилъ начальникомъ работъ при построении бастионовъ и укрѣпленій древняго барьера главу селендаровъ Кадеръ-Бека, къ которому были прикомандированы искусные архитекторы и инженеры». Они построили башню и стѣны съ бастионами: при рытіи земли были открыты остатки древняго укрѣпленія (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 235 v° 236 r°; Mém. de l'Acad. de St Peter. T. V, 367—368; Quatremère, Hist. des Mong. I, 391). Управление Дербента, Шаберана и соседнихъ мѣстъ Шахъ Аббасъ поручилъ Чрагъ-Сюлтанъ Устаджлю چراغ سلطان استاجلو (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 252 v°; Mém. de l'Acad. V, 379). Въ этотъ періодъ персидскаго владычества известны въ Дербентѣ Правители Феррухъ-Ханъ (до 1634—1635 года), Сивушъ Сюлтанъ и Шахъ вурли-Бекъ Устаджлю, во время котораго постигло эту страну Гольстинское Посольство: послѣдній Правитель находился во враждѣ съ своими согражданами. Въ походѣ Хосрау Хана противъ Русскихъ участвовалъ и Правитель Дербента (Mém. de l'Acad. de St Peter. T. V, 389, 390, 393 и 396).

XXVII. — строк. 14. Дѣланія Петра Великаго, Ч. VIII стр. 248; Обзор. рос. влад. за Кавк. Ч. IV, 154. Дербентскій ключъ хранится въ кунсткамерѣ при Академіи наукъ (Жур. Мин. нар. просв. 1848, Октябрь, Отд. II, 28).—Петръ Великій оставилъ въ Дербентѣ гарнизонъ подъ командою полковника Юнгера (Дѣян. Петра Великаго, Ч. VIII, 265), а при-каспійскія области подчинилъ Генералъ-Маіору Матюшкину (Крат. взгляды на Сѣв. и Сред. Дагест. 16).—Потомъ овладѣлъ Дербентомъ Казикумыкскій глава Сурхай (1728 г.), господствовавшій до появленія Надира въ этомъ краю (Mém. de l'Acad. de St Peter. T. V, 412).

XXVIII. — строк. 17. Это былъ первый Правитель Дербента при Нафирѣ. Крымскій Ханъ, при нашествіи на Дагестанъ, назначилъ-было правителемъ Дербентскимъ Усмія Ахмедъ

Хана (تاریخ نادری fol. 119 г^о; Мém. de l'Acad. de St Peter. T. V, 414), но съ явленіемъ Надира союзъ распался, и правителемъ Дербента сѣлѣанъ Мурадъ Сюльтанъ Устаджлю (Устаджалю?) مرادسلطان استاجلو (у Кудси опъ названъ Мурадъ Али). Давнишній врагъ правителю Ширвана Мегам Хану, опъ подучилъ нѣкоторыхъ жителей Дербента убить ширванскаго Правителя. Надиръ приказалъ казнить Мурадъ Сюльтана, на мѣсто его опредѣлилъ Неджефъ Сюльтана Карачурлю نجفی سلطان قراچورلو; новый же правитель Ширвана Сардаръ Бекъ Кырклю سردار بك قرقلو переселилъ нѣсколько дербентскихъ семействъ въ новую крѣпость Шемаху (Аксу), а вмѣсто ихъ перевелъ изъ Ширвана племя Сурсуръ سورصور (تاریخ نادری fol. 128 г^о 129 г^о; Мém. de l'Acad. T. V, 414—415; Кавказъ, 1846 года, 71). Въ началѣ 1744 г. правителемъ Дербента Надиръ опредѣлилъ Мухаммедъ Али Хава Кырклю محمد علی خان قرقلو, который, опасаясь возстанія въ Дербентѣ въ пользу Мухаммеда сына Сурхая, ослабилъ ненадежныхъ Муганцевъ и прогналъ ихъ въ Муганъ (تاریخ نادری fol. 182 г^о—г^о; Мém. de l'Ac. T. V, 415—416; Кавказъ, 1846 года. 72).

XXIX. — строк. 35. Кавказъ, 1847 года, 191.

XXX. — 124, строк. 4. Кавказъ, 1847 года, 192; Кавк. кал. на 1849 г. отд. III, 11.

XXXI. — строк. 18. Извѣст. о Кавк. II. 334; ср. Klapproth's Reise in den Kaukasus, I, 389—390. Въ хронологіи я сѣдвовалъ сообщеннымъ мнѣ въ Дербентѣ свидѣніямъ.

XXXII. — строк. 25. Въ Кавказ. календарѣ на 1849 годъ (отд. III, 16) по ошибкѣ иокореніе Дербента означено 21 Іюля, а не Іюня.—Нынѣ образована дербентская губернія, у которой Дербентъ губернскій городъ (Кавказъ, 1847, 17 и 81; Кавк. кал. на 1849 г. отд. III, 29).

XXXIII. — 125, строк. 5. Кавказ. кал. на 1849 годъ, отд. II, 6. Въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, въ Кавказскомъ

باب القيصر (باب الصغير 4) (بنكى قاپو) или по другому списку
 باب المكتوب 3) (تركمان قاپوسى) или по
 другому списку باب المكتوم 6) (بيات قاپوسى). Кроме того Дербендіада упоминаетъ о под-
 земныхъ воротахъ со стороны Дербака (باب القيامة у Байера)
 ворота судного дня; de Mugo Caucaseo въ Comment. acad. T.
 I, 428).

ХІІ. — строк. 25. Эта надпись снята мной и на при-
 ложенной таблицѣ занимаетъ № 9. Въ началѣ ясно замѣтно
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ во имя Бога всемілостиваго и всемілосер-
 даго, и въ концѣ слово اللَّهُ Богъ, но самый текстъ надписи
 очень поврежденъ: не смотря на это, я нисколько не сомнѣ-
 ваюсь, что это какое-нибудь благочестивое изрѣченіе, какъ это
 вообще принято у Мусульманъ. — Г-въ Кеппель увѣрляетъ, будто
 надъ одними изъ дербентскихъ воротъ находится надпись Хоз-
 роя, Персидскаго Царя, во власти котораго находился Дербентъ
 до нашествія Аравитянъ (Journ. des voyag. 1827, Mars, стр.
 270) !!!

ХІІІ. — строк. 50. Надписи дербентскихъ стѣнъ и дер-
 бентскихъ кладбищъ занимали всѣхъ путешественниковъ, быв-
 шихъ въ этомъ краю, и по трудности и испорченности начер-
 тавій не разъ подавали поводъ къ самымъ страннымъ догад-
 камъ. Начиная съ Аравитянина Мухаллеби въ исходѣ X вѣка
 по Р. Х., который упоминаетъ о дербентскихъ древностяхъ,
 всѣ слѣдующіе за нимъ: Контарини (1473 г.), Олеарій (1638
 г.), Брусь (1722 г.), Герберъ, Ганве, Гмелинъ (1770 г.),
 Рейнеггъ, Гамба, Эйхвальдъ, также занимались изслѣдованіемъ
 ихъ, а знаменитый нашъ Академикъ-оріенталистъ Френъ на-
 писалъ прекрасную мемуару о дербентскихъ надписяхъ по бу-
 магамъ Князя Каптемира (St. Peter. Zeitung 1828, Nr. 20—
 23), помѣщенную Г-мъ Эйхвальдомъ во второмъ томѣ его пу-
 тешествія (Die Inschriften von Derbend, erklärt von Ch. M. Frähn,

لا اله الا الله
 محمد الله
 الله
 الله
 الله
 الله
 الله
 الله

بسم الله الرحمن الرحيم
الحمد لله رب العالمين
والصلاة والسلام على
سيدنا محمد وآله الطيبين

A

المواد
معدن
والمواد
معدن
والمواد
معدن
والمواد
معدن

لما قلنا سلمة
المله كل المله
عليه واعلم اليه ...
الاله صله اليه
لله الحمد لله

205—229). Такъ какъ надписи въ дербентскихъ стѣнахъ помѣщены высоко, то я и не имѣлъ возможности снять ихъ съ надлежащею точностью. Въ этомъ случаѣ мнѣ помогъ учитель армянскаго училища въ Дербентѣ, который издавна занимался сниманіемъ дербентскихъ надписей и скопировалъ ихъ еще до моего пріѣзда въ Дербентъ. Снимки его представляютъ NN^o 3, 4, 5, 6, 7 и 8 на прилагаемой таблицѣ : арабское письмо ихъ есть кудравый куфи, явившійся въ X вѣкѣ по Р. Х. Въ этихъ надписяхъ я могъ разобрать только слѣдующее :

N° 3.

Строк. 2. *على عبد* надъ рабомъ.

— 4. *الله* Богъ.

N° 4.

Строк. 1. *لما* رحمه ?

— 2. *المله* محبة

— 5. *عليه وعلى ابيه* (وامه ?)

— 4. *اله* لمحمد

— 5. *رسول الله*

Когда милосердіе

народа любовь

на немъ и на отцѣ его (и на матери его ?)

на родѣ его къ Мухаммеду

посланнику Божію

Нашъ арабистъ Г-нъ Холмогоровъ читаетъ эту надпись такъ :

بقا مبشر (مبشر ?) رحمه

الله صلى الله

عليه وعلى آله

اِنَّهٗ اَمَّالُهٗ (اَجَارُهٗ ?) لِمَحْمَدٍ
رَسُولِ اللّٰهٖ يَبْقَاْ

Объ надписи по всей вѣроятности принадлежать къ числу благочестивыхъ изрѣченій.

№ 5.

Строк. 1.	(بِسْمِ) اللّٰه الرَّحْمٰنِ ا
— 2.	لِرَحِيْمٍ هٰذَا قَبْرِ
— 3.	مَيْمُوْنِ بْنِ (عَبْدِ الرَّشِيْدِ ?)
— 4.	الشَّعْبِيْرى
— 5.	اللّٰه.....

(Во им) я Бога всемилоствиваго и все-
милосердаго ! Это могила
Меймуна сына (Абдур-решид ?)
Эль-Шамкаберійскаго
..... Богъ.

Г-нъ Холмогоровъ сомнительное имя عَبْدُ الرَّشِيْدِ читаетъ
لا اِلهَ اِلَّا اللّٰه, а послѣднюю строку اَبِي الرَّشِيْدِ
мѣ Аллаха !

№ 6.

Эта надпись содержитъ, по-видимому, молитвословіе, весьма трудное для чтенія. Вторая строка, по справедливому замѣчанію Г-на Холмогорова, есть повтореніе первой.

№ 7.

Эта надпись представляетъ отдѣльныя буквы, похожія на еврейскія и на пеглеви, но въ сущности не принадлежащія ни которому изъ этихъ письменъ.

№ 8.

Эта надпись содержитъ нѣкоторыя арабскія слова и отдѣльныя буквы, а именно :

٢
 عَالَمًا لَنَا عَمَلًا
 لَنَا هَلْ هَلْ هَلْ
 حَلَمُوا لَنَا لَنَا لَنَا
 لَنَا لَنَا لَنَا
 لَنَا لَنَا

٧
 ٦ ٥ ٤ ٣ ٢ ١
 ٨ ٩ ١٠ ١١ ١٢ ١٣

٨
 ٩ ١٠ ١١ ١٢ ١٣ ١٤ ١٥ ١٦ ١٧ ١٨ ١٩ ٢٠

٩
 ١٠ ١١ ١٢ ١٣ ١٤ ١٥ ١٦ ١٧ ١٨ ١٩ ٢٠
 ٢١ ٢٢ ٢٣ ٢٤ ٢٥ ٢٦ ٢٧ ٢٨ ٢٩ ٣٠

١٠
 ١١ ١٢ ١٣ ١٤ ١٥ ١٦ ١٧ ١٨ ١٩ ٢٠
 ٢١ ٢٢ ٢٣ ٢٤ ٢٥ ٢٦ ٢٧ ٢٨ ٢٩ ٣٠

У не

الله اعلى (поставлено горизонтально) Богъ А Алл.

Что же касается до надписи № 5, которая содержит надгробную эпитафію, то не должно удивляться такой странности: частая поправка дербентскихъ стѣнъ требовала много матеріалу, и не имѣя готового подъ рукою, строители употребляли въ пужаѣ и надгробные камни. Цня Меймуна (сына Абдур-решида) Шамкаберійскаго я не встрѣчаю въ дербентской исторіи. Въ Дербендіадѣ (по списку Г. Дорна) упоминается подъ 430 (1038—1039 г.) кончина дербентскаго Правителя Абдуль Мелікъ бенъ Мансура *бенъ Меймуна*; былъ-ли Меймунъ Шамкаберійскій предокъ этого правителя — рѣшить этотъ вопросъ нѣтъ возможности.

XLIII. — 129, строк. 26. Eichwald, Reise, I, 122.

XLIV. — строк. 27. Извѣст. о Кавк. II, 337.

XLV. — строк. 28. Eichwald, Reise, I, 122.

XLVI. — строк. 33. Eichwald, Reise, I, 123.

XLVII. — 152, строк. 19. Bauer, De muro Caucaseo, 477.

XLVIII. — 155, строк. 19. Посѣщавшіе Дербентъ европейскіе путешественники много писали объ этой стѣнѣ; Академикъ Байеръ написалъ о ней мемуару De muro Caucaseo, помещенную въ I томѣ Comment. Academ. Scient. Imperial. Petropolit. также писалъ о ней Кирхъ въ Miscellan. Berolinens. T. VI, 84; Hoesck, Veteris Mediae et Persiae monumenta, 164—169. Авторъ «русскихъ повѣстей и разсказовъ» также составилъ ея описаніе (Ч. VIII, 229—246).

XLIX. — 154, строк. 27. El-Mas. Hist. Enc. I, 401; Journ. asiat. 1842, T. XIV, 122 и 141. Дербендіада (по списку Г-на Каземъ-Бека) хотя и говоритъ о стѣнѣ Александровой между Чернымъ и Каспійскимъ морями, однако опредѣлительно выражается: «въ трехъ миляхъ отъ Дербента (Нуширванъ) построилъ стѣну, которой протяженія девяносто двѣ мили». Искендеръ Мунши въ своей исторіи Аббаса упоминаетъ, что эту стѣну называютъ барьеромъ Александровымъ для защиты отъ

Яджуджа и Маджуджа, во что на дѣлѣ построилъ ее Нуширванъ для препоны Хазарамъ (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 236 v°). Прокопій говоритъ, что Нуширванъ взялся отстанавать кавказскіе проходы (Ноеск. Vet. Med. et Pers. monum. 167—168). Григорій Абульфараджъ также приписываетъ стѣну Нуширвану (Greg. Abulpharagius, ed. Рососк. 63). Байеръ и Гекъ держатся этого мнѣнія (Bayer, Opuscula, 125; Ноеск. Vet. Med. et Pers. mon. 168—169); послѣдній относитъ время построевія ея къ 545 г. по Р. Х. Г-нъ Гумбольдтъ считаетъ эту стѣну неизвѣстной постройки (Asie centrale, II, 98).—У джагагайскаго поэта Миръ Али Шира есть особое стихотвореніе подъ заглавіемъ: سد اسکندری стѣна Александрова.

L. — строк. 50. Bayer, Opuscula, 104.

LI — 153, строк. 2. О названіи Яджуджъ и Маджуджъ писано много: это Гогъ и Магогъ Св. Писанія (Бытія, X, 2; Езекиля XXXVIII, 2, 3, 14, 17, 32, и XXXIX, 1, 11, 16; Апокалп. XX, 8), перешедшее подъ именемъ Яджуджа и Маджуджа въ Алкуранъ (Сур. XVIII, 93 и слѣд.). Одно изъ обстоятельныхъ извѣстій мы находимъ у Хамдуллы Казвини, которое я привожу здѣсь вполне (نزهة القلوب ман. библиот. Каз. Унив. С fol. 263 r°—v^o, А. fol. 244 v°):

سد یا جوج وما جوج (Ман. С)

(1) باقلیم هفتم طولش از جزایر خالداات حل ط ل و عرض از خط استوا مع رع (2) ذو القرنین (3) اکبر ساخت ونص کلام شاهد این تقریر است و ذکر این (4) آیت از پیش گفته شد (5) و بروایتی

Мануск. А. (1) از اقلیم (2) ذی القرنین (3) Опуш. (4) Въ ман. С опуш. (5) Опуш.

سازنده* (6) آن (7) ذو القرنین اکبر بوده وهو (8) ذو القرنین
 بن (9) روم بن (10) لقطی بن (11) یومان بن (12) تاریخ بن
 باغت بن نوح (13) علیه السلام وبقولی اسکندر بن داراب بن
 (14) اردشیر بن (15) بهمن بن اسفندیار بوده است والعلم عند
 الله تعالی صد درمسالك الممالك (16) آمده که واثق خلیفه*
 عباسی بخواب دید که سد کشاده شده است سلام ترجمانرا درسنه
 ثمان (17) وعشرین و (18) مائتن باینجاه مرد زاد ورا حله داد
 وبتفحص آن (19) احوال (20) فرستاد (21) واواز سامره پیش
 صاحب ارمنیه (22) واینجا شد واز اینجا پیش (23) فیلان شاه صاحب
 شیروان واز اینجا نزد ملک الان واز اینجا پیش صاحب سریر یعنی
 (24) ملک باب الابواب واز اینجا پیش طرخان ملک (25) که ملک
 (26) خزر (27) بود وطرخان با (28) ایشان دلیلان فرستاد (29)

رومی (9) ذی القرنین (8) ذی القرنین (7) Опуш. (6)
 Опуш. (14) علیهم (13) تاریخ (12) یونان (11) لقطی (10)
 (15) بهمان (16) میگویند (17) Въ ман. С вѣѣрно ска-
 зано ثمان عشر (18) مائتی (19) حال (20) فرستاده (21)
 Опуш. (25) Опуш. (24) قبل انشاء (23) Опуш. (22) Опуш.
 (29) Опуш. (28) او (27) Опуш. (26) Въ ман. С جزیر

ویست و شش روز برفتند (30) بزمینی رسیدند که (31) درو
 بوی ناخوش می آمد ده روز دیگر برفتند شهری (32) وزمینی
 چند رسیدند که در اول مقام یاجوچ و مأجوح بوده و خراب کشته
 دران دیار بیست و هفت روز دیگر برفتند بمحنی (33) چند رسیدند
 نزدیک کوهی که (34) سد در شعب (35) آن بود و مردم آن حصون
 زبان عربی و فارسی و دین اسلام داشتند اما از حال خلفا (36) غافل
 و بی خبر بودند و از بودن خلیفه (37) تعجب نمودند (38) ایشان
 سلام ترجمانرا پیش سد بردند کوهی (39) اماس دید در (40) رودی
 منقطع کشته و بران کوه هیچ رستنی نبود و آن رود را صد و پنجاه کز
 عرض بود و (41) دوبارو از خشت (42) آهنین و ملاط (43) و فلعی
 دران رود (44) نهاده بودند طول هر باروی بیست و پنج کز و عرض
 بیست و پنج کز و آب در سر چشمه آن رود روان بود (45) و
 از بیرون دراندرون میرفت و از آن (46) باروها (47) و چشمها

(30) و (31) Опуш. (32) Опуш. (33) Въ ман. С опуш.
 (34) Въ ман. С صد (35) است (36) Опуш. (37) متعجب
 (38) Опуш. (39) المس (40) رودی (41) Въ
 مان. С دوبارو (42) آهنی (43) Опуш. (44) نهاده و آب الخ
 (45) Въ ман. С опуш. میرفت (46) از بیرون دراندرون
 (47) بازوها Въ ман. С опуш.

تاجکه طاق (48) قریب بده کز پیدا بود و بیشتر ازان در آب بود
و بر سر (49) باروها بشکل قنطره بعرض پنج کز درپیش دیوار
(50) سد مری ساخته و دیوار سدر ا چنان بلند گردانیده که
بر شرفانش مردم رسیده چون کودک پنج شش ساله می نمودند
و طول بنیاد دیوار سد بر سر باروها قریب سیصد کز بود و بر انجا
که شرفانش اضعاف آن می نمود و بالای شرفات طرف کوهی چنان
راست و شاهن بر رفته که بر رفتن بهیچ نوع مقدور کس نبود
و عرض دیوار سد درپس شرفات چنانکه پنج شش مرد در پهلوی هم
توانستی رفت و در میان دیوار سد دری دو مصرای آهنین بعرض
بیست و پنج کز و علو تقریباً پنجاه کز و ضخیم دو کز و بران در سه
جایگاه قفل زده طولی هر قفلی هفت کزو غلط میان قفل دو کز
و کلیدی بدوازده دندان هر دندانه^۴ چون دسته^۵ هاونی طول آن
کلید چهار کز از حلقه آن در پنجاه کزی در آویخته و آن سد را نیز

(48) قریب ده (49) بازوها (50) Здесь оканчивается опи-

сание стѣны въ рукописи А : слѣдующаго листа въ ней
не достаеъ и дажѣ рѣчь уже идетъ о Шагидахъ въ Кара-
Хатаѣ. Такиъ образомъ остальная половина описанія стѣ-
ны приводится мною лишь по одной рукописи : въ маву-
скриптѣ В этого описанія совсѣмъ не достаеъ.

همچو باروها ازخشت آهنين وملاط قلعي ومس ساخته ويكپاره كردانیده وهر خشتي از ان يك كزنيّم دريك كزنيّم و ضخم شبري بود و بعضي از ان خشتها در ديكدانها برقرار بود حاكم آن ديار در هر جمعه يك نوبت باده مرد هر يك با پتك بيست مني نزد آن در شدندى و هر يك سه ضربت بقوت تمام بران در زدندى تا قوم يا جوج وما جوج را معلوم شدى كه نكهبانان سد برقرار اند و در جوار آنسد حصنى حصين بود مسكن محافظان آنسد بود و زراعت و باغات داشت كه معاش اهل آن ديار از ان حاصل شدى وبعد از اطلاع بر اينها حاكم آن مقام سلام ترجمانرا با دليمان وزاد و راحله روان كردانيد واو در كابينش دو ماه بهفت فرستكي سمرقند رسيد با آبا داني و از راه خراسان بسامره رفت و از حال سد و ائق خليفه را خبر داد و مدت غيبت سلام ترجمان درين سفر دو سال و چهار ماه بود

Барьеръ Яджуджа и Маджуджа.

Въ седьмомъ климатѣ находятся ; долгота его отъ Счастливыхъ острововъ 38 39, а широта отъ экватора 48 77. Выстроилъ его Зуль-Карнайъ Старшій : это извѣстiе свидѣтельствуется словами Пророка; упоминанiе этого стиха (изъ Алкурана) сдѣлано (нами) прежде. По одному разсказу строителемъ былъ Зуль-Карнайъ Старшій ; онъ Зуль-Карнайъ бенъ Румъ

бенъ Лакзи бенъ Юманъ бенъ Тарехъ бенъ Ятестъ бенъ Нухъ (да будетъ съ нимъ миръ!), а по другому разсказу былъ Искендеръ бенъ Дарабъ бенъ Ардширъ бенъ Багманъ бенъ Искендіаръ. Званіе у Бога Всевышняго! *Устройство барьера*. Въ «книгѣ путей и областей» говорится, что Халифъ Аббасидскій Васикъ видѣлъ во снѣ, что (этотъ) барьеръ разверзся (а) : въ 228 (842—843) году послалъ туда съ пятьюдесятью людьми Селамъ Тарджумана (переводчика) для развѣданія о тѣхъ обстоятельствахъ, давши ему свѣстныхъ припасовъ и караванъ. Селамъ изъ Самарры (b) прибылъ къ владѣтелю Арменіи и Абхазіи, оттуда къ Филанъ-Шаху, владѣтелю Ширвана, оттуда къ Государю Аланскому, оттуда къ владѣтелю Серира т. е. Государю Баб-уль-Абзаба (Дербента), а оттуда къ Тархану Государю, который былъ Государемъ Хазаръ. Тарханъ послалъ съ ними проводниковъ; вотъ и шли 26 дней и пришли въ землю, въ которой былъ дурной запахъ. Еще шли десять дней и пришли къ нѣсколькимъ городамъ и землямъ, которые сначала были жилищами Яджуджа и Маджуджа и находились уже въ развалинахъ : въ тѣхъ мѣстахъ еще шли 27 дней и достигли нѣсколькихъ крѣпостей близъ горы, въ проходѣ которой находился барьеръ. Живущіе въ этихъ крѣпостяхъ говорятъ по-арабски и по-персидски и исповѣдуютъ мусульманскую вѣру, однако ничего не слыхали и не знали о состояніи Халифовъ и удивились существованію Халифа. Они повели Селамъ Тарджумана къ барьеру : онъ увидалъ искусственную гору, которая замыкалась рѣкой; на этой горѣ ничего не растетъ. Ширина рѣки 150 аршинъ : два бастіона изъ желѣзныхъ, свинцовыхъ и оловянныхъ кирпичей выстроены на той рѣкѣ : длина каждаго бастіона 25 аршинъ и ширина 25 аршинъ. Вода текущая съ самаго истока той рѣки и снаружи течетъ внутрь. Изъ тѣхъ бастіоновъ и источниковъ выходитъ наружу арка около 10 аршинъ, а еще больше того находятся въ водѣ; сверху бастіо-

(a) По словамъ Алкурана это одинъ изъ признаковъ кончины міра.

(b) Самарра тогда была столицей Халифата.

новъ къ родѣ моста шириной въ 5 аршинъ спереди стѣны барьера слѣланъ переходъ. Стѣна барьера такъ высока, что на галереѣ ея взрослый человѣкъ кажется 5—6-лѣтнимъ мальчикомъ; длина же фундамента стѣны барьера на верху бастіоновъ около 300 аршинъ. Тамъ, гдѣ начиналась тонина галереи и выше галереи сторона горы такъ прямо и гладко идетъ, что нѣкомъ способомъ человѣку невозможно ступить. Ширина стѣны барьера позади галереи такова, что пять—шесть человѣкъ могутъ идти въ рядъ. Въ срединѣ стѣны барьера (находится) желѣзная дверь о двухъ растворахъ, шириной 25 аршинъ, вышиной около 50 аршинъ, а толщиной 2 аршина; у двери въ трехъ мѣстахъ висятъ замки; длина каждаго замка 7 аршинъ, а толщина средины замка (гдѣ вкладывается ключъ) 2 аршина. Ключъ съ 12 зубцами; каждый зубецъ подобенъ песту ступы; длина ключа $\frac{1}{2}$ аршина: онъ виситъ на козырькѣ у (этой) пятидесяти-аршинной двери. У этого барьера воздвигнуты соответственные бастіоны изъ желѣзныхъ, свинцово-оловянныхъ и мѣдныхъ кирпичей, составленные въ одно цѣлое. Каждый кирпичъ $1\frac{1}{2}$ аршина (длины) на $1\frac{1}{2}$ аршина (ширины), а толщиной $\frac{1}{2}$ аршина; нѣкоторые изъ этихъ кирпичей укрѣплены одинъ за другой презубцами. Начальникъ этого мѣста каждую пятницу поочередно съ 10 человѣками отправляется къ этой двери: у каждаго находится 20-ти фунтовой молотъ, и каждый ударяетъ изъ всей силы три раза въ ту дверь, чтобъ было извѣстно племени Яджуджъ и Маджуджъ, что стражи барьера бодрствуютъ. Въ сосѣдствѣ барьера находится крѣпчайшій замокъ, жилище стражей барьера: тутъ было землепашество и садоводство, отъ котораго получались жизненные припасы для мѣстныхъ жителей. Но разсмотрѣнн всего этого Начальникъ того поста отправилъ Селема Тарджумана съ проводниками, съ собственными припасами и караваномъ. Онъ почти въ два мѣсяца прибылъ за 7 миль отъ Самарканда въ населенное мѣсто, по Хорасанской дорогѣ въ Самарру и донесъ Халифу Васику о барьерѣ. Время отсутствія Селема Тарджумана въ этомъ странствованіи продолжалось два года и четыре мѣсяца.

Въ другомъ мѣстѣ Хамдулла Казвини потъ еще что говорить (نرته القلوب C fol. 268 r², A fol. 250 v²):

دیار با جوج و ما جوج از اقلیم هفتم (1) است (2) و حلفی آبست و
 بلادش اندک و صغاری و اماکن (3) فراوان مابین بحر چین و
 دریای (4) شرقیست (5) و از مشاهیر اماکنش (6) حصنی که (7)
 در اینجا محافظان (8) آن در بند اند و دین اسلام دارند

Страна Джуджэ и Маджуджэ. Находится въ сѣверномъ климатѣ и прилежитъ къ морю. Обитаемость небольшая, много есть степей и мѣстъ; между моремъ Китайскимъ и Восточнымъ (Аральскимъ). Изъ извѣстныхъ ея мѣстъ есть крѣпость, въ которой поставлены стражи прохода, исповѣдающіе мусульманскую вѣру.

См. еще объ этомъ барьерѣ *Asiaticches Magazin* von J. Klaproth, 1802, № 2, 138—148; *Journ. asiat.* 1824, T. V, 304, 1825, T. VI, 32—39; *Not. et Extr. des man. du Roi*, II, 47, 53, 336; *Des peup. du Cauc.* 131, 145, 276; *Ritter, Asien*, I, 1128—1130; *Géographie d'Edrisi*, II, 347, 349, 416—420, 436, 438 и 439; *Humboldt, Asie centr.* II, 92—104; *Nouv. ann. des voyag.* 1846. III, 301—308; *Записк. русск. географ. Общества*, II, 207—208, и проч. Нѣкоторые мусульманскіе писатели говорятъ еще о маломъ барьерѣ Александровомъ *سد الأصغر الاسکندری*

LII. — *строк. 5.* El-Mas. *Hist. Enc.* I, 401—402; *Des peup. du Cauc.* 8—12 и 48.

LIII. — *строк. 10.* Масуди (*Hist. Enc.* I, 401) назначаетъ стѣну проглаголенія 40 миль (280 верстъ), другіе же, а Дербендіада 92 мили (644 версты): среднее изъ этихъ чиселъ

Ман. А. (1) Опуш. (2) Въ ман. С *وحلفی آبست* опушен. (3)
حصن (6) Опуш. (5) *شرقست* (4) Въ ман. С *فراوانست*
 (7) Въ ман. С опуш. (8) *بند*

составляетъ около 400 верстъ. Отецъ Ламберти говоритъ объ огромной степи въ Мингрелии (*Relation de diver. voyag. scient. par Thevenot. T. I. 31 и Recueil de voyag. au Nord, T. VII. 136 и слѣд.*), о которой однакожь Г-нь Эйхвальдъ ничего не слыхалъ (*Eichwald, Reise, I, 130; см. еще Journal des voyages, 1827, Mars, 270*).

LIV. — *строк. 44.* Обзоръ рос. влад. за Кавк. IV, 161.

LV. — 136, *строк. 23.* О голоде въ Дагестанѣ говорить только Дербендіада берлинскаго списка (*Nouv. journ. asiat. 1829, T. III, 451*).

LVI. — *строк. 29.* Это кладбище называется по-турецки *قرخلر* «сороковикъ», а по-персидски *چهل تنان* «сорокъ тѣлъ». У Ибнъ Аасема мѣсто, гдѣ были побиты Мусульмане Хазарами, названо *قبر الشهداء* «могила свидетелей» (*ترجمه تاريخ ابن اعثم fol. 214 v°; Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VI, 494 и 599*).

LVII. — 157, *строк. 22.* Въ Кырхларѣ разобраны мною слѣдующія эпитафін :

1) а) На восточной сторонѣ надгробнаго камня : *هذا المرقد للرحوم كهف الحاج والحرمين بيت الله الحجابي حليل بن حجابي ابراهيم مات في عاشر صفر اربع واربعين وثمان مائه*

Это могила (одръ) покойнаго исполнившаго переринажъ въ двумъ священнистамъ къ дому Божію Хаджи Халиля сына Хаджи Ибрагима, умершаго 10 дня Сафара 844 года (1440 года).

б) На южной сторонѣ камня : *الدنيا جيفة وطالبها كلاب*
Свѣтъ—мертвечина, а ищущіе его—собаки !

2) а) На восточной сторонѣ камня : *هذا القبر المرحوم*
..... *صيد شيعه* Это могила покойнаго Сайда Шіада

б) На сѣверной сторонѣ камня : *الدنيا ساعتًا فجع طاعتًا*
Свѣтъ на-часъ, по-этому должно жить благочестно !

3) هذا القبر المرحوم المغفور سعيد قاسم خان حسين Это могила покойного умершаго Сейда Касима Хана Хюсейна.

4) هذا القبر الله قلى بن لا جن Это могила Аллаха-Кули сына Ладжена.

5) هذا المرقب المرحوم مرشد قلى بن محمد بك Это могила (одрь) покойнаго муршида Кули-Бека сына Мухаммеда Бека.

6) هذا القبر المرحوم له رحمه الله تعالى مير مراد بن سيد اسمعيل سنة 1009 да будетъ съ нимъ милость Господня! — Миръ Мурада сына Сайда Исмаила. 1009 года (1600—1601).—На этомъ камнѣ вырѣзана печать, сосудъ для намаза, чашка, башмаки и ключика.

7) هذا القبر المرحوم كل محمد بك بن صر خوبك سنة 1101 Это могила покойнаго Кюль-Мухаммеда Бека сына Сарху-Бека. 1101 года (1689—1690).

Многіе камни Кырляра такъ покрыты слоемъ грязи, что набившаяся между буквъ земля почти окаменѣла и не отдѣляется отъ надписей: это служило для меня главнымъ препятствіемъ къ снятію надписей типографскими чернилами. Надпись № 1-й изъ разобранныхъ мною принадлежитъ къ числу такихъ, и поэтому-то я отваживаюсь утверждать, что древнѣе XIV столѣтія надписей здѣсь не находится. Впрочемъ, счастливый случай, котораго и первый всѣмъ сердцемъ желаю, можетъ опровергнуть мое заключеніе. На кладбищѣ Азра близъ ширванской границы находятся надгробія 1224 г. по Р. Х. (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Декабрь, отд. II, 168). Въ Маджарѣ Клавротъ нашелъ надписи до 1346 года (Reise in den Kaukasus, I, 423).

LVIII. — строк. 28. Дербендіада (по С. Петербургскому списку) считаетъ сорокъ девять дербендскихъ «свидѣтелей» и приводитъ ихъ имена: 1) سلطان پير على دمشقى Сюльтанъ Пиръ Али Дамасскій, прозванный سلطان شهيد ای صالحين

танъ честныхъ свидѣтелей 2) سلطان پير رضای جاهی Сюльтанъ
 Пиръ Ризаи Джаги. 3) سلطان چچه Сюльтанъ Чумча. 4) سلطان
 درویش محمد سیاه پوش Сюльтанъ Дервишъ Мухаммедъ Сілсъ-
 Пушъ, прозванный دلدل دلمکاه Сюльтанъ вождь вонтелей (за вѣру) слѣда ноги Дульдуга (коня Азіе-
 ва). 5) سلطان آب چکان Сюльтанъ Абъ-Чеканъ. 6) سلطان پير
 طوفان Сюльтанъ Пиръ Туфанъ. 7) سلطان پير نظير Сюльтанъ
 Пиръ Назиръ, прозванный قطب جهان полюсь міра. 8) سلطان
 مولانا زاهد Сюльтанъ Кутъ-Ханъ. 9) سلطان پير يعقوب
 Маулана Загидъ. 10) سلطان پير شمس الدين Сюльтанъ Хаджи Шемъ
 Эдинъ. 11) سلطان عماد جولاہ Сюльтанъ Имади-Джулагъ. 12) سلطان بابا
 Сюльтанъ Пиръ Кійюмъ. 13) سلطان پير عباد الله
 Баба. 14) سلطان پير عمر کاسه کر Сюльтанъ Пиръ Омаръ, прозванный
 Касегеръ. 15) سلطان پير حشم Сюльтанъ Пиръ Хансмъ. 16) سلطان پير محمد عين
 Сюльтанъ Пиръ Муса. 17) سلطان پير محمد پرنده Сюльтанъ Пиръ Мухаммедъ Анъ.
 18) سلطان پير مراد بخش Сюльтанъ Пиръ Мурадъ-Бахшъ. 19) سلطان پير نعلبند
 Сюльтанъ Пиръ Назибендъ, прозванный قیامت غازیان Сюльтанъ вратъ суднаго для вонтелей.
 20) سلطان سيف الدين Сюльтанъ Сейфъ-Эдинъ. 21) سلطان پير مراد رومی
 Пиръ Мурадъ Румійскій. 22) سلطان عين على Сюльтанъ Анъ

Али. 26) سلطان زين على Сюльтанъ Зейиъ Али (эти два будто бы сыновья Али 1). 27) سلطان پير خاركش Сюльтанъ Пиръ Харкешъ. 28) سلطان حاجى منعم Сюльтанъ Хаджи Мюнимъ. 29) سلطان پير محمد سرهنگ Сюльтанъ Пиръ Мухаммедъ Сергенъ. 30) سلطان پير محمد حنيفه Сюльтанъ Пиръ Мухаммедъ Ханифъ. 31) حضرت حمزه بي بي كورجولاه Биби Куръ Джулагъ. 32) خازرеть Хамзэ. 33) سلطان پير سعبونى Сюльтанъ Пиръ Саабунни, прозванный سلطان چل تان Сюльтанъ сорока тѣлъ. 34) سلطان دده Сюльтанъ Езданъ Бахшъ. 35) سلطان پير نورى Сюльтанъ Пиръ Нури. 36) سلطان مهر نكار Сюльтанъ Кучюкъ, прозванный سلطان يزدان بخش Мегръ-Нигаръ. 37) سلطان باب مهاجر Сюльтанъ Баби-Мугаджеръ (Сюльтанъ воротъ спутниковъ Мухаммеда въ бѣгствѣ). 38) سلطان باب باخيان Сюльтанъ Баби-Бальхианъ (Сюльтанъ воротъ бальхскихъ). 39) سلطان باب شاميان Сюльтанъ Баби-Шамиянъ (Сюльтанъ воротъ сирійскихъ). 40) سلطان بابا امير Сюльтанъ Баба Эмиръ. 41) سلطان پير دده Сюльтанъ Пиръ Деде. 42) سلطان پير يوسف Сюльтанъ Пиръ Муджерредъ. 43) سلطان پير مزار Сюльтанъ Пиръ Юсуфъ. 44) سلطان پير مزار Сюльтанъ Пиръ-Мезаръ. 45) سلطان مولانا خزرى دربندى Сюльтанъ Мауляна Хазари Дербенди, прозванный سلطان پير صحبت سقا водонось. 46) سلطان شيخ ابراهيم Сюльтанъ Шейхъ Ибрагимъ. 47) سلطان حالوى دلاک Сюльтанъ Халюа Делакъ. 48) سلطان پير خرج Сюльтанъ Пиръ Харджъ. 49)

LIX. — 158, строк. 20. Въ концѣ Дербендіады (по списку Г-на Каземъ-Бека) говорится, что въ Кырхларѣ погребено 300 свидѣтелей, да еще 72 свидѣтеля. Нѣкоторые мусульманскіе писатели чудовищно увеличиваютъ это число до 10,000 (Hist. de l'Emp. Ottom. par Hammer, T. VII, 111).

LX. — 159, строк. 6. Staelin's Reise durch Russland, III, 19.

LXI. — строк. 11. Въ надписи на памятникѣ означено
 الخان العادل احمد خان بن طوطی خانم بیگه Тути Госпожа Княгиня,
 فتح علی خان Правосудный Ханъ Ахмедъ-Ханъ сынъ Фетхъ Алп
 Хана.

LXII. — строк. 20. Въ надписи находится
 حاجی میرزا بك بن فرهاد بك Хаджи Мирза Бекъ сынъ Фергадъ Бека.

LXIII. — строк. 25. Eichwald, Reise, I. 113.

LXIV. — 160, строк. 24. Эта надгробная надпись занимаетъ NN^o 1 и 2 на прилагаемой таблицѣ. По своей древности она принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, но несчастію сторона, на которой, можетъ быть, находилось имя погребеннаго, совершенно сгладилась. Жители Дербента говорятъ, будто здѣсь похороненъ арабскій Полководецъ Джамаджама, жившій будто бы до Шагбала и побѣдившій Грузинскаго Царя Арчила. Въ Дербендіадѣ въ списокъ «свидѣтелей» упоминается Сюльтанъ Чумча; Олеарій также говоритъ о могилѣ Царя Джумажумэ и рассказываетъ мѣстную басню о немъ (Voyag. 1041—1042); кажется, это все одно и то же лицо. Еще въ Талышѣ есть мѣсто, покрытое огромнымъ лѣсомъ: жители говорятъ, что тамъ былъ обширный городъ Джюмъ-Джюма (Обозр. рос. влад. за Кавк. III, 242). Надпись я читаю слѣдующимъ образомъ:

العبد

Рабъ, да помигуеъ

حده الله

его Господь! —

سنة سبع

Года седьмаго

وستين و

шестьдесят и

اربعما

четыре-

يه

ста.

Впрочемъ, годъ можно читать съ большею точностью تسع девять, т. е. 469 (1076—1077).—Г-нъ Холмогоровъ начало надписи читаетъ لا يقبر وثبه الله Эта могла не изъ числа разрушаемыхъ Богомъ.

2) Эта надпись содержитъ въ себѣ, по-видимому, благочестивое изрѣченіе. Я нахожу въ ней только لا на 2-й строкѣ и والا на третьей. Надпись снята мною лично.

LXV. — *строк. 26.* Gmelin's Reise, III, 20.

LXVI — *строк. 29.* دیونک اوی и امجلر پیر См. Русскіе повѣсти и рассказы, Ч. VIII, 232—238.

LXVII. — *строк. 33.* Первое мѣсто называется у дербентскихъ Шинтовъ قدمگاه دلدل мѣсто ноги Дульдуля и находится къ Ю. отъ города, а второе лежитъ на С.

LXVIII. — *144, строк. 3.* Авторъ «Муалы Нура», по-видимому, утверждаетъ, что дербентская мечеть была прежде церковью (Кавк. очерки, Ч. IX, 20—23). Это предположеніе я согласенъ допустить только въ томъ случаѣ, что Христіанскій храмъ былъ перестроенъ Мусульманами.

LXIX. — *строк. 14.* Вотъ эта персидская надпись : عمل استاد تاج الدین افتاد مسجد در هفتاد و هفتاد عمارت کرد Работа мастера Таж-Эддина. Упала мечеть, въ 770 году поправлена. Изъ этого видно, что мечеть была поправлена: не персидской-ли работѣ принадлежатъ куполы, не соответствующіе массивности цѣлаго зданія?

LXX. — *строк. 15.* Это извѣстіе взято изъ Дербендіады.

LXXI. — *строк. 22.* Eichwald, Reise, I, 103. Нѣкоторыя главы изъ путешествія Эйхвальда были переведены съ нѣмецкаго на французскій и напечатаны, подъ редакціей Кла-

прота, въ *Nouvelles annal. des voyag.* 1835, Т. VII, 273—309, 1839, Т. I, 62—78, 237—302. При описаніи дербентской мечети Г-нъ Эйхвальдъ говоритъ, что «er (главный ея мулла) ist der einzige (!!!) Mullah, der Trauungen schliessen kann, а французскій переводчикъ передаетъ: c'est le seul qui puisse se marier !

LXXII. — 145, строк. 26. Араб. دبار. Есть и персидское слово دوبار «дубаръ» двойной, дважды : послѣднее названіе могло произойти отъ положенія Дубара между двумя сѣнами.

LXXIII. — 146, строк. 25. Я не знаю, почему Г-нъ Менегрь не слыжалъ и не видалъ шакаловъ въ Дербентѣ въ 1829 году : по-видимому во всѣ времена ихъ было много около этого города (*Nouv. an. des voyag.* 1833, III, 208).

LXXIV. — 147, строк. 22. О сѣваніи и собираніи марены см. Обзор рос. влад. за Кавк. IV, 170—175 : Сборн. Газ. Кавк. пер. полуг. 1848, 111—112. Въ X и XI столѣтіяхъ Дербентъ уже славился мареною, льномъ и льняными изделиями (*Géogr. d'Edrisi*, Т. II, 330).

LXXV. — 148, строк. 2. Дѣянія Петра Великаго, VIII, 257.

LXXVI. — строк. 8. Обоз. рос. влад. за Кавк. IV, 175—177 ; Сбор. газ. Кавк. пер. полуг. 1848, 134—137.

LXXVII. — строк. 18. Въ послѣднее время предположено устроить дербентскій портъ (Кавк. казенн. на 1849 годъ, отд. III, 71). и тогда только можетъ оживиться морская торговля Дербента, хотя Г-нъ Соколовъ полагаетъ ее уже и нынѣ пвѣтущею, вопреки собственнымъ своимъ цифрамъ (Сбор. газ. Кавк. пер. полуг. 1848, 109—113).

LXXVIII. — 149, строк. 4. Англійскій майоръ Г. Кепнелъ принимаетъ это укрѣпленіе за домъ (*Jour. des voyag.* 1827, Mars, 269)!

LXXIX. — строк. 8. Большая часть нынѣшняго дербентскаго уѣзда состоитъ изъ тюркскаго народонаселенія.

LXXX. — 150, строк. 1. Рубась упоминается въ Дербендіадѣ (*Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. Т. VI, 463—464).

LXXXI. — *строк. 21.* Со времени моего отъѣзда климатъ Дербента измѣнился къ лучшему, такъ что тамошній медикъ А. Соколовъ отзывается о немъ даже съ похвалою (Сбор. газ. Кавк. пер. полуг. 1848, 106—109).

LXXXII. — *строк. 54.* Русскіе повѣсти и рассказы. VIII, 230.

LXXXIII. — *151, строк. 25.* Характеристика дербентскаго тюркскаго нарѣчія изложена подъ именемъ Дагестанскаго въ сочиненіи моемъ: *Recherches sur les dialectes musulmans*, I, 78—82.

LXXXIV. — *152, строк. 5.* Во время персидскаго владычества въ Дербентѣ были Ханы или Сюлтаны, получавшіе по 50,000 руб. жалованья отъ Шаховъ; подъ ними находились Наибы, избираемые народомъ и утверждаемые Шахомъ (Дѣянія Петра Великаго, VIII, 239).

LXXXV. — *154, строк. 27.* Броневскаго, Изв. о Кавк. II, 314.

LXXXVI. — *строк. 29.* Обзоръ рос. влзл. за Кавк. IV, 191—193.

LXXXVII. — *строк. 51.* Неверовскій (Крат. вглядъ на Сѣв. и Сред. Дагестанъ, 20) считаетъ въ Каракайтакѣ всего до 10,000 душъ, но въ этомъ числѣ онъ не считаетъ Нижняго Каракайтাকা. Значительная разница въ исчисленіи народонаселенія происходитъ, вѣроятно, отъ постепеннаго уменьшенія владѣній Усмія Каракайтаскаго. Дагестанцы къ названію Кайтакъ прибавляютъ *اوتوزمینك* тридцать тысячъ, опредѣляя этимъ число народонаселенія, но такое выраженіе было справедливо лишь при Усміяхъ.

LXXXVIII. — *155, строк. 4.* Имена деревень, составляющихъ эти магалы, нечислены въ Обзорѣнннхъ російскихъ владѣній за Кавказомъ (IV, 191—193), только первый магалъ по ошибкѣ названъ Терекелн и включены магалы Кабадарга и Сырга, образующіе вольныя общества Усыша. Урахчи и Сурегн.—У восточныхъ авторовъ также упоминается Кайтакъ: у Абудѣды (*Géogr. d'Aboulf.* I, 201) говорится о нихъ корот-

ко: Истахри только приводит ихъ названіе (ترجمه مسالك الممالك) fol. 50 v²; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. VI. 474 и 522; въ арабскомъ подлинникѣ قیتق опущено, Lib. clim. 80), тоже и Ибнъ-Эль Варди (خريدة العجايب fol. 31 v²), а Катибъ-Челеби говоритъ о нихъ слѣдующее (جهان نما 402 — 403): «Горы Кайтакъ (съ *a* при *k* и *m*). Горы обширныя, занимающія пространства въ длину и ширину двадцать дней пути, со многими лѣсами и потоками, протягиваются изъ З. и Ю. отъ Дербента, лежащаго на берегу Каспійскаго моря. . . . Эти горы называются «Горами языковъ» потому, что здѣсь употребляются нѣсколько языковъ и живутъ племена разнообразныя и народы различные, изъ которыхъ одно племя, называемое Кайтакъ, живетъ на С. упомянутыхъ горъ». Очевидно, что Катибъ Челеби смѣшиваетъ горы Кабукъ (Кавказъ) съ именемъ Кайтакъ и присовѣщаетъ Кавказскимъ горамъ наименованіе Кайтакскихъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (جهان نما 401): «Горы, называемыя Кайтакъ, присоединяются къ Горамъ языковъ (Кавказу). Кайтакъ есть страна, въ которой извѣстно главное мѣсто Кубечи (въ текстѣ ошибочно كوچی) и крѣпость Курейшъ. Кубечи большое селеніе населенное и извѣстное, въ которомъ множество Улемовъ и благочестивыхъ людей: здѣсь оказывается большое уваженіе и почтеніе Улемамъ». — Д'Оссонъ смѣшиваетъ, по-видимому, Хазарскій городъ Дженданъ съ Кайтакомъ (Des peupl. du Cauc. 19—20; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. VI, 462; Ср. El-Mas. Hist. Enc. I, 406 и 432). Рейнеггъ на мѣстѣ Кайтака считаетъ Хазарское владѣніе Сауль (Reinegg's Reise in den Caucasus, I, 65, 103 и 106). Неймавиъ (Die Völk. des südl. Russl. 99) говоритъ, что Каракайтаки называются черными «кара» потому, что живутъ (въ горахъ) бѣднѣе Кайтаковъ, занимающихъ плодородныя мѣста, и что Русскіе считаютъ ихъ до 85,000 душъ. Каракайтаки живутъ въ Нижнемъ Кайтакѣ и не бѣднѣе Кайтаковъ: по-этому такое производство не основательно. Производство Броневскаго (Извѣ-

стія о Кавказѣ, II, 310) отъ чернаго вида лѣсистыхъ горъ также подвержено сомнѣнію. Я полагаю, что отрасль Кайтаковъ, принявшая Исламъ позже другихъ, прозвана была «Кара» черной за свое пестріе.

LXXXIX. — *строк. 6.* Дербендіада говоритъ, что Абу-Обейда Джеррахъ, при нападеніи на Дербентъ, отаѣлилъ отрядъ для опустошенія Каракайтана и Табасарана, съ тѣмъ, чтобъ онъ до утра воротился изъ похода. То же самое говоритъ Табарі, только у него Кайтакъ написано въ персидскомъ переводѣ (جنداو , حیدا , حیدا) , а въ акагатайскомъ оно выпущено (Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VI, 511 и 556). Г-нъ Дорнъ считаетъ это за Хазарскій городъ Дженданъ (ibid. 462), но близость мѣстности съ Дербентомъ, кажется, позволяетъ въ этомъ случаѣ читать Кайтакъ خیداق . —

Д'Оссонъ относитъ обращеніе Кайтаковъ въ Исламъ къ правленію Мервана (Des reucl. du Cauc. 66). — Далѣе Дербендіада упоминаетъ, что Мерванъ, Правитель Дербента, потомъ бывшій Халифомъ, по прибытіи въ Дербентъ получилъ дань, наложенную Масламой на дагестанскіи племена, между прочимъ съ Каракайтаковъ 500 невольниковъ и 20,000 батмановъ хлѣба.

XC. — *строк. 11.* Собственно этотъ титулъ долженъ писаться اسی , но восточные приняли уже за правило писать его اوسى : такъ въ Дербендіадѣ, такъ у Искендера Мунши и другихъ. — Кромѣ этихъ Усмиевъ была Усмін Аварскіе.

XCI. — *строк. 15.* Во время паденія Ширванъ-Шаговъ дербентской династіи Бурханъ Али Сюльтанъ сынъ Халили жилъ долго у Кайтаковъ (Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. IV, 600). При Шахѣ Аббасѣ I-мъ Усмій Кайтакскій, котораго Искендеръ Мунши не называетъ по имени, явился къ Шаху при осадѣ Ганджы съ изъявленіемъ дружбы и покорности. Шахъ далъ ему въ управленіе область Дербентскую نوید ایالت , а Дербентцы, узнавъ объ этомъ, призвали его къ себѣ съ 200—300 Кайтаками; Турецкій Пра-

витель Хасанъ Паша Кёръ, запершійся въ Наривъ-Каля, былъ осажденъ и принужденъ сдаться. Однако Дербентъ не поступилъ въ управленіе Усмія (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 234 v^a—235 v^a; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V. 366—367). Вскорѣ потомъ явились къ Шаху Аббасу съ покорностью разные владѣтели дагестанскіе, и между прочимъ братья Усмія Кайтакскаго (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 239 v^a; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 369). Олеарій не называетъ по имени современнаго его путешествію по Дагестану Усмія (Voyag. 1050). Усмій Аббасъ Кули Ханъ участвовалъ въ походѣ противъ Русскихъ съ персидскимъ правителемъ Ширвана Хосрау-Сюльтаномъ (Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 396). По смерти его Улугъ, сынъ прежняго Усмія, овладѣлъ Кайтакомъ и возмущился противъ персидскаго Правителя въ Дагестанѣ Минучегръ-Хана: управленіе Кайтакомъ отдано Хасанъ-Хану, который вскорѣ умеръ. Тогда большая часть дагестанскихъ владѣтелей, преимущественно Шамхаль Сурхай-Ханъ, пристали къ Улугу и укрѣпились съ 30,000 воиновъ на берегахъ Бугама, но Минучегръ-Ханъ разбилъ ихъ; братъ Улуга палъ въ битвѣ (Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 397—399).

ХСII. — *строк. 16.* Дѣянія Петра Великаго, Ч. VIII, 242; Извѣст. о Кавк. II, 311; Крат. ист. взгля. на Сѣв. и Сред. Дагест. 14—17. По заключенному съ Турціею договору Россія удержала за собой Кайтакъ (Крат. ист. взгля. на Сѣв. и Сред. Дагест. 21).

ХСIII. — *строк. 18.* Во время Надиръ Шаха Усмиемъ Кайтакскимъ былъ Ахмедъ Ханъ: онъ получилъ номинально отъ Крымскаго Хана городъ Дербентъ и вознамѣрился напасть на Казсбулата Шамхала, друга Надирова, но Надиръ разбилъ сына Усмиева Ханъ Мухаммедъ-Хана, преграждавшаго ему дорогу у Маджалиса (تاریخ نادری fol. 119 v^a). Но разбитіи Лезгинъ и Акушинцевъ, Надиръ прибылъ въ крѣпость Курейшъ, резиденцію Усмія, гдѣ его встрѣтили почетныя лица, а Усмій послалъ ему въ харемъ дочь свою, испрашивая пощады (تاریخ

نادری fol. 120 г^а—v^а). Надиръ простилъ его, а дочь выдалъ за-мужъ за Хюсейинъ-Али Хана Кубинскаго; впоследствии времени она сошла съума и была возвращена къ племяннику своему Эмиръ Хамзэ (Кавказъ, 1846, 71). Ахмедъ Ханъ потомъ уже находился въ зависимости отъ Персін, выдалъ Правителю Серларъ-Хану убійцу Мегди Хана (تاریخ نادری fol. 128 v^а; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 414). по прибытіи Надира въ Кузыкъ (Казияумыкъ) явился къ нему вмѣстѣ съ другими дагестанскими владѣтелями на поклонъ и былъ облаканъ и щедро одаренъ (تاریخ نادری fol. 169 г^а). но отпущенный въ Каракайтакъ, онъ подучилъ Каракайтаковъ напасть на отдѣльную партію Персіанъ (ibid. fol. 169 v^а). а потомъ Кайтаки постоянно тревожили Надира въ зимнемъ его лагерѣ Пранъ Харабѣ «бѣдствіи Персіанъ». Съ весной Надиръ, въ сопровожденіи Сурхай Хана и Шамхала Казсбулата, разгромилъ Табасаранъ и Кайтакъ, послѣ трехъ дневной осады взялъ крѣпость Курейтъ, въ которой сидѣлъ запершись Усмій, въ надеждѣ на ея неприступную мѣстность. Ахмедъ Ханъ бѣжалъ въ Аварію, а Кайтакъ покорился Надиру, который велѣлъ срыть до основанія Курейтъ (ibid. fol. 169 v^а и 172 г^а—v^а).—Въ 1157 (1744) году произошли въ Дагестанѣ смуты, персидское владычество ослабло, и Турецкій Сюльтанъ прислалъ грамоты къ владѣльцамъ дагестанскимъ, въ томъ числѣ и къ Усмію Ахмедъ Хану на званіе Паши (ibid. fol. 185 г^а). Съ 1747 по 1820 годъ Усмійство Кайтакское не признавало надъ собой ничьей власти.

XCIV. — строк. 26. Кавказъ, 1847, 191—192.

XCV. — 156, строк. 4. Кавказъ, 1847, 192.

XCVI. — строк. 8. Кавказъ, 1847, 195.

XCVII. — строк. 44. Klaproth, Reise in den Kaukasus, I, 390 и 392.

XCVIII. — строк. 42. Бронев. Изв. о Кавк. II, 312. Броневскій послѣ Эмиръ Хамзы (у него Омиръ-Омза) называетъ Рустомъ Хана, а потомъ Али-Хана. Я слѣдовала указа-

нію Клапрота и біографа Фетхъ Али Хава Кубинскаго въ газетѣ «Кавказъ».

XCIX. — *строк. 26.* Полв. рус. воин. въ стр. Кавк. III, 42—49; Кавказъ, 1846, 54—55. Гг. Зубовъ и Прушановскій не согласны въ частности относительно поведенія Адель-Хана и его сына.

C. — *157, строк. 4.* Кавказъ, 1846, 55—56.

CI. — *строк. 8.* Неверовскаго, Крат. ист. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагестанъ, 39—40. При Кази Мулла Кайтаки принимали участіе въ общемъ возстаніи Дагестана, но уstraшенные раззореніемъ Табасарана, поспѣшили покориться (О нач. безпор. въ Сѣв. и Сред. Дагестанъ, 28).

CII. — *строк. 40.* Какъ будто на это намекаютъ и слова Абульфеда, который говорятъ, что Кайтаки перестѣаютъ дорогу (Géog. d'Aboulf. I, 201). Еще въ 1468 году Кайтаки ограбили Тверскаго купца Афанасья Никитина (Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1839, Ч. XXXIV, 359).

CIII. — *164, строк. 11.* Между Гюргенемъ и Дербентомъ впадаетъ въ Каспійское море около деревни أغلابی Аглаби небольшая рѣка Рубасъ: отъ нея начинается къ югу дубовый лѣсъ, особенно обильный около Самура.

CIV. — *166, строк. 51.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1838, Ч. XXIX, 41.

CV. — *167, строк. 5.* Броневскій (Изв. о Кавк. II, 366), Эйхвальдъ (Reise. II, 394) и другіе (Энцикл. лекс. I, 415) признаютъ въ Самурѣ древній Albanus, но изслѣдователь Албаніи Г-нъ Яновскій отвергаетъ это (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Дек. отд. II, 175 и 188).—Бакуви (Not. des manus. du Roi, II, 537) говоритъ, что обитатели большаго Дезгинскаго города Загера ظاهر (Захора?), въ шести дняхъ пути отъ Гизы, пьютъ воду Самура, который тутъ замерзаетъ зимой и лѣтомъ.—На берегахъ Самура не разъ происходили битвы, и между прочимъ Персіане потерѣли здѣсь пораженіе отъ Турокъ и Крымцевъ въ 1579 году (Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. V, 340).

CVI. — *строк. 3.* Самуръ составляется изъ двухъ ручьевъ, текущихъ съ Гудуръ-Дага и Діутли-Дага.

CVII. — *строк. 23.* Развѣтвеніе горныхъ потоковъ и рѣкъ между Дербентомъ и Кубой показано на Подробной картѣ Россіи (Часть XX).

IV.

I. *Стран.* 172, *строк.* 1. Жур. Мин. внут. дѣль 1844, Ч. VI. 28; на *стран.* 36 Куба отнесена къ персидскому періоду. Слово Куба есть арабское ^{قبة}قبه; оно значитъ: сводъ и вообще предметъ со сводомъ или округленіемъ (часовню, башню, палатку, зонтикъ.) У Мегди (تاریخ نادری fol. 117 r°) это имя правильно написано ^{قبة}قبه, а у Клапрота (*Reise in den Kauk.* I, 345) невѣрно قوبا.

II. — *строк.* 5. Обзор. русс. влад. за Кавк. IV, 143. Изъ числа этихъ правителей извѣстенъ Судейманъ Бекъ, правитель Кубинской и Кульханской провинціи, смѣненный въ 1636 г. за дурное управленіе: мѣсто его занялъ Ашуръ-Сюльтанъ (*Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. V, 389—390).

III. — *строк.* 44. Обзор. русс. влад. за Кавк. IV, 144; Извѣст. о Кавк. II, 378. Даудъ Бекъ, при завладѣніи Ширваномъ, ограбилъ Кубу (*Klaproth, Reise in den Kauk.* I, 345).

IV. — *строк.* 13. Извѣст. о Кавк. II, 378. Г-нъ Дорнъ говоритъ, что Хюсейнъ Али Ханъ былъ утвержденъ въ Ханскомъ званіи Петромъ Великимъ (*Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. V, 410), что могло случиться въ 1722 году: слѣдовательно Хюсейнъ Али Ханъ правилъ 36 лѣтъ. Это извѣстіе требуетъ подтвержденія.

V. — *строк.* 20. تاریخ نادری fol. 117 r°; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. V, стр. 413. У Мегди по ошибкѣ сказано, что Хюсейнъ Али Ханъ былъ осажденъ въ Кубѣ, которая тогда еще не существовала; у Кудси правильно сказано въ Худатѣ (Кавказъ, 1846, 68).

VI. — 173, *строк.* 47. Кавказъ, 1847, 191—192.

VII. — *строк.* 25. Кавказъ, 1847, 192; *Klaproth, Rei-*

se in den Kauk. I, 362. Клапротъ заимствовалъ это изъ сочиненія Гр. Потопкаго.

VIII. — 174, *строк. 14*. Кавказъ, 1847, 194—195; Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. V, 419—421; Извѣс. о Кавк. II, 378—380, 429—430.

IX. — *строк. 25*. Извѣс. о Кавк. II, 380.

X. — 175, *строк. 1*. Подв. рус. воин. въ стран. Кавк. III, 25. Во время послѣдней персидской войны Кубинцы также возмущались (Подв. рус. воин. въ стран. Кавказ. IV, 62).

XI. — *строк. 4*. Журн. военно-учебн. завед. 1848, № 280, Блокада Кубы въ 1837 году.

XII. — *строк. 15*. Gmelin's Reise durch Russland, III, 33—34.

XIII. — *строк. 25*. Обзор. рос. влад. за Кавк. IV, 141. Въ Кавказскомъ календарѣ на 1849 годъ (отд. II, стр. 6) Куба означена подъ 41° 22' С. III. и 66° 5' Д. но въ таблицѣ вездѣ отняты секунды и по-этому числа минутъ округлены; относительно же долготы я думаю, что въ календарѣ опечатка.

XIV. — 178, *строк. 14*. Эта рѣчка при впаденіи называется Дели-Чай (Извѣс. о Кавк. II, 354).

XV. — *строк. 26*. 1842 года въ Ноябрь было легкое землетрясеніе (Жур. Мин. внут. дѣл. 1843, I, 285).

XVI. — 180, *строк. 6*. Сборн. газ. Кавк. пер. пол. 1848, 3—4. Двѣ деревни Кубинскаго уѣзда населены потомками Аравитанъ, а восточная часть Кубинскаго уѣзда занята тюркскимъ племенемъ (ibid. 4—5).

XVII. — *строк. 10*. Жур. Мин. нар. просв. 1846, Ноябрь и Декабрь, отд. II, о древней Кавказской Албаніи, 97, 99, 104, 109, 114, 125, 126, 127, 130, 132, 181, 188—191; Eichwald, Reise, II, 345—346, 391, 398, 435; Nouv. Ann. des Voyag. 1847, Сентябрь, 339; Neumann, Die Völk. des süd. Russ. 36—37; Humboldt, As. cent. II, 94. Мыъ знаемъ, что Албанія и Азанія, подобно Ширвану въ позднѣйшее время, принимались то въ тѣсномъ значеніи Кубинской провинціи и Самурскаго округа, то въ обширномъ значеніи Дагестана и отчасти Ширвана.

XVIII. — *строк. 12.* Объ Аланахъ у восточныхъ писателей см. Journ. asiat. 1824, V, 222—224; Des peupl. du Cauc. 23, 179—184; El-Mas. Hist. Enc. I, 434; Géogr.

d'Aboulf. I, 203 (علائه); Mém. du l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VII, 503 и 541—542; Quatremère Hist. des Mong. I, 70. Между прочимъ я считаю не бесполезнымъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: когда Субудай-Багадуръ и Чепэ Нолнъ, Генералы Чингизовы, напали на Аланъ, соединившихся съ Кипчаками, то, желая отвлечь послѣднихъ отъ Аланъ, они имъ говорили: «зачѣмъ вы соединились противъ насъ, вашихъ однокровныхъ, съ Аланами, народомъ вамъ чуждымъ?» Эти слова и подарки Монголовъ произвели свое дѣйствіе: Кипчаки пристали къ Монголамъ (Abulgh. Bahad. Chani Hist. 69—70; Vie de Djenghiz-Khan. par Mirkhond, 133; Cp. Nouv. Journ. asiat. 1831, T. VII, 431—434).

XIX. — *строк. 24.* Клапротъ написалъ особенную мемуару о тожествѣ Осетовъ съ Аланами.

XX. — *строк. 26.* Eichwald, Reise, II, 346, 499—503. Нейманъ держится мнѣнія Клапрота и Эйхвальда (Neumann, Die Völk. des südl. Russlands, 36 и 40); тоже и Шафарикъ (Слав. древности, II, стр. 300 прим. 92). Cp. Reinegg's Besch. det. Kauk. I. 96; Жур. Мин. нар. просв. 1846, Декабрь, Отд. II, 198—199.

XXI. — *строк. 30.* Обзор. рос. влад. за Кавк. IV, 95—145.

XXII. — 181, *строк. 23.* Изъ Табасарана илутъ въ продажу груши и орѣхи во множествѣ.

XXIII. — 182, *строк. 1.* Г-нъ Неверовскій считаетъ въ Табасаранѣ до 30,000 жителей (Крат. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагес. 20). Дагестанцы обыкновенно въ слову Табасаранъ прибавляютъ فرق مينك сорокъ тысячь, означая этимъ число жителей.

XXIV. — *строк. 6.* По извѣстію Аббасъ-Кули восемь деревень: Джалканъ, Рукалъ, Мапатиръ, Камахъ (1). Зидіанъ,

(1) Деревня Камахъ упоминается въ персидской Дербендіадѣ

Нугаи, Бильди и . . . (?) говорятъ татскимъ варѣчіемъ, которое Аббасъ Кули принимаетъ совершенно ложно за одно изъ варѣчій пеглевійскихъ (Сборн. Газ. Кавказъ, 1 полугод. 1848, 4). Эти деревни принадлежать къ магазу Татъ Нижняго Табасарана (Обозр. росс. влад. за Кавк. IV, 195: вместо Камахъ напечатано Кашахъ, а также Зигданъ, Бильгади, Рюкаль, Ма-катырь и Натигъ).

XXV. — *строк. 7.* Аббасъ Кули считаетъ часть Табасарановъ потоками древнихъ Массагетовъ черезъ посредство Ала-новъ и приписываетъ имъ особый языкъ (Сборникъ Газ. Кавк. пер. полугод. 1848, 3—4). Изъ его словъ, по-видимому, должно заключить, что Кубинцы и Табасараны говорятъ однимъ языкомъ, чего издѣль, какъ мы говорили, не существуетъ (см. еще прим. LXX къ II глав. этой книги).

XXVI. — *строк. 14.* Имена деревень нижняго Табасарана см. въ Обзор. росс. влад. за Кавк. IV, 194—195.

XXVII. — *183. строк. 13.* Въ восточныхъ авторахъ Табасаранъ очень часто смѣшивается съ Табаристаномъ (El-Mas. Hist. Enc. I, 401; Des peupl. du Cauc. 9; Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VI, 492): настоящее названіе Табасарана есть *طبر سران*, что значитъ «держатели сѣкиры». Это названіе произошло будто бы оттого, что жители Табаса-

(Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VI, 463—464).

Г-нъ Дорнъ несправедливо предполагаетъ читать *کخی* Кумюхи: это и есть деревня Камахъ. Другія, упоминае-
мыя Дербендіадою деревни: Ерсн *یرسن*. Дюбекъ *دیوک*
(на С. З. границѣ нижняго Табарасана), Зиль *زیل*,
Дервакъ *درواق*, Хумейли *هیملی* (къ Ю. З. отъ Дер-
бенга) и Маграка *مهرآقه* находятся также въ магазѣ Татъ
(Обозр. росс. влад. за Кавк. IV, 195). О деревнѣ *چارد*
Чардэ я ничего не могу сказать.

рана служили стражами на стѣнѣ Нуширвана. Дербендіада пишетъ имя этой страны *طبرسران*

XXVIII. — *строк. 46.* Масуди говоритъ, что на другомъ концѣ Нуширвановой стѣны находилась крѣпость Табарсаранъ (*El-Mas. Hist. Enc. I, 401*). находившаяся въ управленіи владѣльца Табарсаранъ-Шаха (*Des peupl. du Cauc. 3; Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. IV, 533*). Подобное этому говорить и Истахри (*ترجيه مسالك الممالك fol. 50 v°. Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VII. 473, 521 и 557; Lib. clim. 80*, гдѣ два раза упоминается *طبرسران* и *طبرسران*, какъ говоритъ Г-нъ Дорнъ, и гдѣ *طبرسران* стоитъ во второмъ мѣстѣ вмѣсто *طبرستان* персидскаго перевода). Ахмедъ-Рази соединяетъ, по-видимому, Табасаранъ съ Кубечами (у него *ترسران*; см. *Mém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VII, 518 и 554—555*). Ибнъ-Эль-Варди только упоминаетъ о Табасаранѣ (*خریده العجايب fol. 31 v°*), а Кятибъ-Челеби вотъ что говоритъ о Табасаранѣ (*جهان نما*, стр. 403):

Дополненія изъ книги Бекиръ-Эфенди.

Въ этой сторонѣ сказываютъ Табарсаранъ *طبرسران*: это крѣпость съ 40,000 домовъ въ селеніяхъ и имѣетъ отдѣльнаго Правителя. Здѣсь находится озеро, а на озерѣ могила святаго: вода этого озера иногда бываетъ бѣлая подобно молоку, и окрѣпнувъ походить на сливки. Еще въ этой сторонѣ въ одной пещерѣ находится мечъ; тамошніе жители говорятъ, что это мечъ Масламы изъ числа Мусульманъ, покорившаго эту страну. Народъ этой страны весной приносятъ въ пещеру много всякаго добра и подавнія, пѣлерируютъ къ этому мечу и дѣлаютъ новыя ножны. Когда несутъ ножны въ пещеру, берутъ съ собой около пудовки пшеницы, и идя бросаютъ ее по зем-

тъ, пока вложить въ новыя ножны мечъ, и тогда возвращаются домой. Удивительно то, что изъ брошенной пшеницы не находить въ землѣ ни одного зерна.

XXIX. — *строк. 20.* То же самое находится и у Табари (*Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VI, 463—464, 512 и 556*).

XXX. — *строк. 25.* Дербендіада (по списку Г-на Каземъ-Бека) говоритъ, что сначала Табарасаны исповѣдывали большею частію іудейскую религію и неправовѣріе, и что во время управленія Дербентомъ Мервана Табасараны обязаны были содержать этотъ городъ въ чистотѣ, а Белазори утверждаетъ, что Табарсаранъ-Шахъ былъ обязанъ Мерваномъ доставлять ежегодно въ дербентскіе хлѣбные магазины до 10.000 мѣръ хлѣба зерномъ (*Des peupl. du Cauc. 68*).

XXXI. — *строк. 31.* Въ половинѣ Хѣѣна по Р. Х. правителемъ Табасарана былъ Мусульманинъ, племянникъ Абдулъ Мелика бенъ Гишама, дербентскаго Правителя (*Des peupl. du Cauc. 12*; выше глав. III примѣч. XIX). Въ концѣ XVI столѣтія Ширванъ-Шахъ Феррухъ Есаръ разбилъ въ Табасаранѣ Сюлтана Хайдера, отца Исмаиля Сефи, у Мензиля Тира: побѣжденный Хайдеръ ваятъ въ плѣнъ, убить и похороненъ въ Табасаранѣ, откуда потомъ Исмаиль перенесъ его въ Ардебиль (*Mém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 585 и 592*). Въ 1598 году упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ Кадиль (т. е. Кади) Князь Табасаранскій сынъ Зихраръ (*Bul. de l'Acad. de St Peters. T. II, 273*). При Шахѣ Аббасѣ Масумъ Табасаранскій явился къ Шаху съ прочими Дагестанскими владѣтелями, но пораженный какимъ-то подозрѣніемъ, удалился тайно изъ лагерь персидскаго: Аббасъ послалъ ему подарки и искалъ его союза, но не смотря на это Табасараны безпокоили Персіанъ и затрудняли ихъ торговые сношенія. Шахъ Аббасъ приказалъ Правителю Ширвана Зуль-фикаръ Хану ذوالفقارخانъ выстроить на границѣ Табасарана укрѣпленіе, поставить въ немъ гарнизонъ и тѣмъ обуздать Горцевъ. Когда Правитель располагался приступить къ исполненію Шахскаго приказанія, Масумъ Табасаранскій съ 10,000 вѣшнихъ и конныхъ выступилъ противъ

Персіанъ: Зуль-фикаръ, не имѣвшій отъ Шаха разрѣшенія на войну, тщетно убѣждалъ Масума къ миру и наконецъ принужденъ былъ вступить въ битву. Табасараны были тотчасъ же разбиты, Масумъ бѣжалъ, а Зуль-фикаръ запретилъ убивать Табасарановъ и преслѣдовать Масума, выстроилъ укрѣпленіе и посадилъ въ немъ гарнизонъ. Шахъ Аббасъ простилъ Масума и примирился съ нимъ (تاریخ عالم ارای عباسی fol. 239 v°, гдѣ вмѣсто Али Бека Захорскаго стоитъ زاجوزی, 252 v° и 281 r°—282 r°; Mém. de l'Acad. de St Pétes. T. V, 370, 379 и 380—382).

XXXII. — строк. 35. Крат. истор. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагес. 18 и 21. Ср. Извѣст. о Кавк. II, 347.

XXXIII. — 184, строк. 10. تاریخ نادری fol. 120 v°, 172 r° и v^o, 182 r° и 185 r°.

XXXIV. — строк. 27. Кавказъ, 1847, 191—192 и 194—195.

XXXV. — 185, строк. 1. Извѣст. о Кавк. II, 344—347; Крат. истор. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагес. 40. У Бровевскаго сказано, что Кади прислгнулъ на подданство въ 1796 году.

XXXVI. — строк. 6. Подв. русс. воин. въ стран. Кавк. II, 11—12.

XXXVII. — строк. 44. Подв. русс. воин. въ стран. Кавк. III, 26—27; Кавказъ, 1846, 54.

XXXVIII. — строк. 16. Безпокойства, бывшія въ Табасаранѣ въ 1823 г. затихли въ 1826 году (Подв. рус. воин. въ стран. Кавк. III, 259, IV, 62, 86—87; Кавказс. календ. на 1849 годъ, Отд. III, 20).

XXXIX. — строк. 18. О началѣ безпокойствъ въ Сѣв. и Сред. Дагеставѣ, 27—28.

XL. — 187, строк. 1. Настоящее правописаніе этого слова есть طاغستان: оно составлено изъ тюркскаго слова طاغъ гора и персидскаго окончанія существительнаго избылія استان.

У древнихъ писателей нѣтъ указаній на Дагестанъ (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Ноябрь, Отд. II, 105—106); у Истахри уже встрѣчается названіе Дагестанъ (см. выше стр. 22 примѣчаній къ 1-й главѣ):

XLII. — *строк. 27.* Klaproth, *Reise in den Kauk.* въ концѣ II-й части, и потомъ въ *Asia polyglotta*. О многообразіи языковъ на Кавказѣ см. *Journal des Savans*. 1831, 81; *Notiv. ann. des voyag.* 1846, IV, 51.

XLII. — 188, *строк. 16.* Дербендіада (по списку Г-на Каземъ-Бека) говоритъ, что Нуширванъ переселилъ въ Дагестанъ много народа изъ Кашана и Гиляна. Названіе «кавказская раса» ложно, потому что Кавказъ самъ по себѣ не составляетъ колыбели народовъ, а напротивъ сюда являлись племена или проходившія даѣе, или остававшіяся здѣсь на житье (*Notiv. ann. des voyag.* 1846, IV, 89).

XLIII. — 189, *строк. 17.* چون عموم مردم داغستان که وحشی صفتان مردم نمایند در وحشت آباد نامردمی نشی و نما یافته از شامراه انس والفت دورند (*تاریخ عالم ارای عباسی* fol. 239 v²).

XLIV. — *строк. 21.* *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. V, 398.

XLV. — 190, *строк. 22.* Вотъ что говорить о Дагестанѣ Катибъ-Челеби (جهان نما стр. 401):

Дагестанъ طاغستان, который въ «Таблицахъ земель» (соч. Абульфеда) упоминается подъ именемъ Серири-Аланъ (трона Алавскаго), граничитъ къ З. съ землею Червесовъ, къ Ю. съ Грузіей, къ В. съ Ширванскимъ (Каспійскимъ) моремъ, а къ С. съ землею Хазарской; въ длину и ширину простирается на десять дней пути. Такъ какъ большая часть земли занята горами, то и даво ей има Дагестана (страны горъ). Глазный городъ здѣсь Куймукъ قويموک округъ и крѣпость. Въ упомянутомъ пространствѣ между горъ повсюду находятся населенныя деревни и округи, и большая часть народа исповѣдуетъ

Суннитскій обрядъ Шайитскаго устава; здѣсь находятся независимые владѣтели. Около 1048 (1638—1639) года Махмудъ Ханъ, идя въ пелеринажъ (въ Мекку), прибылъ въ Константинополь, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Сюльтаномъ Мурадъ Ханомъ. Сынъ его Коркмазъ قورقمازъ (Безстрашный) въ 1058 (1648) году палъ въ битвѣ съ Черкесами, и братъ его Челендеръ-Ханъ چلندر خانъ сдѣлался правителемъ. Нынѣ управленіе этой страны принадлежитъ ему. Въ «Таблицахъ» (Абульфеда) говорится: Эту страну потому называютъ Сериромъ, что въ-который изъ Хосроевъ, посадивъ здѣсь правителемъ одного изъ своихъ родственниковъ, поставилъ тронъ, и для покоренія тамошнихъ народовъ, давши ему (правителю) совершенное полновластіе, посадилъ на тронъ подобно Государю. Жители этой страны состоятъ изъ смѣшеній, т. е. перепутаны смѣшенные роды отъ всякой націи.

Далѣе идетъ описаніе владѣній дагестанскихъ, начиная съ Кайтана, оканчивающееся новой и весьма поверхностной исторіей Дагестана (401—405).

XLVI. — *строк. 33.* Г-нъ Ленцъ дѣлитъ Дагестанъ на Сѣверный и Южный, полагая границею между ними черту отъ Дербента, дѣленіе, бывшее и прежде въ употребленіи (Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 136).

XLVII. — *194, строк. 3.* Géograp. d'Aboulf. I, 201. Арабскіе географы обыкновенно пишутъ لکزی Лекзи или الکنز Элькезъ (El-Mas. Hist. Enc. I, 404), у Грузиновъ Лехети, а у Вахтанга упоминается Лекось (St Martin, Mém. II, 182).— Г-нъ Vivien de St Martin причисляетъ Лезгиновъ къ грузинской расѣ (Nouv. ann. des voyag. 1846, IV, 49), но я нахожу это произвольнымъ, не смотря на остроумныя доказательства ученаго автора.

XLVIII. — *строк. 23.* Краткій взглядъ на Сѣвер. и Сред. Дагестанъ, 9.

XLIX. — *192, строк. 10.* Крат. взглядъ на Сѣвер. и Сред. Дагестанъ, 12.

L. — *строк. 29.* См. выше примѣч. LXVIII по II-й главѣ о рудникахъ около Тарху по извѣстію Дербенліады.

LI. — *193. строк. 30.* Кажется, мщеніе за кровь составляетъ всюду законъ мало образованныхъ, но воинственныхъ племенъ; Англичанинъ Толтъ нашелъ его даже у индусскихъ горцевъ Раджпугтовъ.

LII. — *строк. 55.* Вотъ что говорить Алжуранъ: يا ايها الذين امنوا كتب عليكم القصاص في القتلى الحر بالحر والعبد بالعبد
الانثى بالانثى (Сур. II, стих. 173).

LIII. — *строк. 54.* فمن عني له من اخيه شيء فاتباع بالمعروف واداء اليه باحسن وكتبنا عليهم فيها ان النفس بالنفس والعين بالعين والانف بالانف والاذن بالاذن والسن بالسن
См. еще Сур. IV, ст. 94, Сур. V, ст. 44 и Сур. XVIII.

LIV. — *196, строк. 6.* قصاص. D'Ohsson, Tableau de l'Emp. Ottom. VI, 257—258.

LV. — *строк. 11.* كفارة . ديت . Tab. de l'Emp. Ottom. VI, 260—262.

LVI. — *строк. 13.* Tabl. de l'Emp. Ottom. VI, 262.

LVII. — *строк. 16.* عنو . صلح . Tabl. de l'Emp. Ottom. VI, 265.

LVIII. — *строк. 25.* Tabl. de l'Emp. Ottom. VI, 265.

LIX. — *197, строк. 2.* Крат. взглядъ на Сѣв. и Сред. Дагестанъ, 53.

LX. — *строк. 8.* Tabl. de l'Emp. Ottom. VI, 310—311.

LXI. — *198, строк. 8.* Или еще ليس من اخلاق المؤمنين
التعلق الا بالتعلم لاسناده والولد لوالده والعبد لمولاه

LXII. — *строк. 12.* Это неуваженіе родителей совершенно несогласно съ извѣстіемъ Страбона, который говоритъ, что

Албанцы почитаютъ старшихъ какъ родителей, такъ и постороннихъ (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Ноябрь, Отд. II. 126). Описание Алановъ у Амміана Марцелина также мудроно: онъ говоритъ, что Алане кочевые, а живутъ въ повозкахъ. Нынѣ въ Закавказьи всѣ ѣздить на арбахъ, но живутъ осѣло (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Ноябрь, Отд. II. 126—127).

LXIII. — 199, строк. 15. Кавказъ, 1847, NN^o 45 и 46.

LXIV. — строк. 18. Кавказъ, 1848, статья о Кумыкахъ.

LXV. — 203, строк. 15. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VII, 522, 543.

LXVI. — строк. 16. Gmelin's Reise durch Russland, III, 36.

LXVII. — строк. 27. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VI, 485, 540 и 573. Описание Аланской крѣпости и прохода см. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. VII. 503 и 541—542; Géogr. d'Aboulf. I. 203; Notic. des manusc. du Roi. II. 522; Des peupl. du Cauc. 24; Journ. asiat. 1824, V, 223—224; El-Mas. Hist. Enc. I, 435. По всѣмъ описаніямъ Алавскій замокъ стоялъ на горѣ. — Г-нъ Броссе признаетъ въ Дарьялѣ персидскій переводъ Баб-Аланъ (Bullet. de l'Acad. de St Peters, 1848, T. IV, 61; ср. Энцикл. лексик. I. 415), по описаніе восточныхъ авторовъ не совпадаетъ съ этимъ мнѣніемъ.

LXVIII. — 204, строк. 9. Можетъ быть объ этихъ-то развалинахъ говорить Гмелинъ (Reise. III. 37).

LXIX. — 206, строк. 17. Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 142—143. Ленцъ неправильно называетъ ее Chatagan. Бешъ-бармакъ лежитъ подъ 40° 55' 45" С. Ш. и 18° 53' 0" Д. отъ Петер. и по своему образованію имѣетъ общее происхожденіе съ Кавказомъ (Nouv. annal. des Voyag. 1833, III, 198).

LXX. — строк. 18. Voyages, 543—545. Олеарій называетъ эту гору «Бармакъ» валецъ и описываетъ остатки укрѣпленія на ней, построеннаго, по словамъ Персіанъ, Искендеромъ Дзуругимъ, а разрушеннаго Тамерланомъ.

LXXI. — строк. 19. Gmelin's Reise, III, 37—39. — Г-нъ Эйхвальдъ полагаетъ у Бешъ-бармака Албанскія ворота древнихъ и объясняетъ, что Сарматы здѣсь прошли по призыву Иверійскаго царя, полагая, что море въ то время было ближе къ

горѣ (Reise, 396—397). Ср. Жур. Мин. нар. просв. 1846, Декабрь, Отд. II, 176—180.

LXXII. — 207, строк. 2. Gmelin's Reise, III, 39. Олеарій видѣлъ заѣсь еврейскія и неизвѣстныя надписи (Voyages, 543).

LXXIII. — 209, строк. 2. Сугмаитъ у Русскихъ называется Бѣлой, а въ верховьяхъ она носить имя Козлу-Чай (Обозр. рос. влад. за Кавк. III, 46).

LXXIV. — строк. 9. Жур. Мин. народ. просв. 1846, Ноябрь, Отд. II, 97 и 122.

V.

I. *Смран.* 212, *строк.* 21. C. Robert, *Les Slaves de Turquie*, II, 134; Eichwald, *Reise*, II, 437; Извѣс. о Кавк. II, 399.

II. — *строк.* 30. El-Mas. *Hist. Enc.* I, 421—422; Klaproth, *Magas. asiat.* 280; *Notic. des Manusc. du Roi*, I, 17; Кавказъ, 1846, 143.

III. — *строк.* 31. Вотъ что говорятъ Истахри (*Liber climatum*, 82): «къ этой странѣ прилежить море Табаристанское, на которомъ находится изъ городовъ Баб-эль-абвабъ и на которомъ находится рудникъ темнозеленой нефти и бѣлой нефти въ Бакугѣ». Персидскій переводъ еще короче (ترجمة مسالك) fol. 51 r²; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 476 и 524).

IV. — *строк.* 32. *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 504, 510, 516, 542—543, 548 и 552. Ибнъ-Аясъ въ своей географіи «Благоволеніе цвѣтовъ въ чудесахъ странъ» почти списалъ извѣстіе Бакуви съ нѣкоторыми измѣненіями и пропусками, а именно (نشق الازهار في عجائب الاقطار) fol. 121 r²—v²):

ذكر مدينة باكويه اءام ان هذه المدينة على بحر الخزر بنواحى
شروان يصيب ماء البحر حايطها وقد اخذ البحر اكثرها من سورها
وابراجها وكانت مبنية بالصخور وبها عدة جوامع وهى طيبة الهوى
عذبة المياة وماوها من صخرية وعيون مترشعة وهى قليلة الغلال
وكانت الغلال تحمل اليها من شروان وموقان وبها الفواكة الكثيرة
وبساتينها بعيدة عن المدينة وبها قلعتان مبنيتان بالحجار قد قرب

البحر منها وقد عجزت التتار عن اخذ احدها وكانت حول هذه المدينة عدة قرى وفي كل قرية منها قلعة وكان بهذه المدينة معين القار وبها موضع على مقدار فرسخ بها يضطر في النار من غير موقد وذلك من جهة البحر وترتفع حتى تروها عياناً من مسافة يوم أو أكثر فتبقى زمان ثم تهدى ويصيدون بها من البحر كلاب الماء يساخون جلودها ويجعلونها في السفن عوضاً عن الزفت وبها من الغزلان شئ كثير لا يوجد مثله في غيرها من البلاد

«Описаніе города Бакуйя. Знай, что этотъ городъ лежитъ у моря Хаварскаго въ округѣ Ширванскомъ; вода морская омываетъ стѣны его и уже море повало большую часть стѣнъ и башенъ его. Онъ построенъ изъ камня и много въ немъ мечетей; воздухъ здѣсь хорошій; вода свѣжая: вода изъ каменныхъ колодезъ и текущихъ родниковъ. Пшеницы родится здѣсь мало, а доставляютъ ее изъ Ширвана и Мукана; много здѣсь плодовъ, сады же отдалены отъ города. Въ немъ находится два укрѣпленія, построенныя изъ камня: море уже приблизилась къ нимъ, и уже одно изъ нихъ разрушилось при взятіи Татарами. Въ окружности этого города много деревень: въ каждой деревнѣ есть укрѣпленіе. Въ этомъ городѣ есть рудникъ смолы, а въ разстояніи одной мили находится мѣсто, въ которомъ горитъ огонь безъ зажиганія печей: это въ сторонѣ моря. Онъ поднимается такъ, что становится виднымъ на разстояніи одного дня или болѣе, горитъ нѣсколько времени, потомъ гаснетъ. Здѣсь ловятъ изъ моря тюленей, выдѣлываютъ ихъ кожу и нагружаютъ ей суда, наполнивши смолой. Здѣсь много дикихъ козъ, и подобнаго количества нѣтъ въ другихъ земляхъ».

ذكر با كويه وهي: (fol. 149 v²)

مدينة حجرية مبنية على ساحل بحر الخزر بنواحي دربند بالقرب
من شروان واما هذا البحر يلطم في امواج هذه المدينة وفي
سورها وارضها صخر صلب وهي طيبة الهواء عذبة المياه واكثر
مايها من ابار وعيون بها وقد تقدم القول على ذلك

Описание Баку. Это городъ каменный, построенный на берегу моря Хазарскаго, въ округѣ Дербентскомъ близъ Ширвана. Море омываетъ волнами этотъ городъ и стѣны его; земля его—твердый камень; воздухъ здѣсь хорошій, вода свѣжая, большею частію вода изъ колодезь, и есть здѣсь родники. Но объ этомъ уже было говорено.

Хамадулла Базвини, исчисляя округа или туманы (десяти-тысячья) Азербайджана и описывая туманъ Нахичеванскій, говоритъ, что онъ состоитъ изъ пяти городовъ: послѣдній изъ нихъ (نزه القلوب C. fol. 212 v^a):

باکوبه قلعه ایست بر شکاف سنگی (a) و (b) دهی در پای آن
قلعه (c) چنانکه آن کوه تا نیم روز (d) سایبان آن (e) ده است و
(f) هر جانیاکه بزرگ کشیشان است انجا ساکن (g) است

«Бакуйя». Это крѣпость на каменной разсѣлинѣ, а селеніе находится подъ крѣпостью, такъ что тора до самаго полдня защищать селеніе отъ солнца. Здѣсь живетъ глава (Христіанскаго) духовенства Герджаніа. Катибъ Челеби говоритъ о Баку

Ман. А fol. 202 r^a (a) Опуш. Ман. В fol. 253 v^a (b)

سایه بآن دیه (d) دیهی (b)	دیه شده (e) چنانک (c) دیهی
(g) مرجا سیا (f) شده است	می (g) مرجا سیا (f) است
می باشد	باشد

коротко (جهان نما 396—396): «Баку. Подъ $84\frac{1}{2}^{\circ}$ Д. и $40\frac{1}{2}^{\circ}$ Ш. близко Дербента, къ С. В. отъ Шамахи, на берегу моря, изъ извѣстныхъ городовъ Ширвана, укрѣпленный городъ, возвышающійся благоприятнымъ для плодовъ воздухомъ. Окрестности его почти на десять миль состоятъ изъ камня и нѣтъ признака растительности, однако прокопавши до пяти аршинъ (десять каршей), доходятъ до земли; нѣкоторые изъ этихъ камней горятъ вмѣсто дровъ. Изъ принадлежностей въ округѣ упомяну- таго города суть производства, гдѣ находится около 300 колодезь, изъ которыхъ добывается бѣлое и черное печтаное масло. Въ этомъ мѣстѣ, раскопавъ нѣсколько земли, ставятъ горшокъ или котелъ, и отъ земнаго жара готовятся кушанья.»— Впрочемъ, восточные авторы въ извѣстіяхъ о Баку менѣе подробны всѣ вмѣстѣ, нежели одинъ Бакуви.

V. — *строк. 54. Notic. des manusc. du Roi, II, 509—510.*

VI. — *215, строк. 5.* Авторъ «Изслѣдованія о русскихъ городахъ» приписываетъ строеніе Баку Нуширвану, почему— нѣмъ неизвѣстно (Жур. Мин. внут. дѣлъ, 1844, VI, 22 и 35). Въ Обзорѣ русскійхъ владѣній за Кавказомъ (IV, 82) упоминается баснословный строитель Баку Хунсаръ и жена его Зюмуррюзъ: этого преданія мы не случалось слышать въ Баку.

VII. — *строк. 16. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 366.*

VIII. — *строк. 17. Frähn, Recensio num. moham. 337—338; Die Münzen der Chane vom Ulus Bschuts. 27.*

IX. — *244, строк. 2. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 588—589.*

X. — *строк. 8. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 591—592.*

XI. — *строк. 11. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 334; Hamm. Gesch. des osman. Reiches, IV, 71.*

XII. — *строк. 18. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 344—345.*

XIII. — *строк. 22. См. Главу III этой книги стр. 123.*

XIV. — *строк. 52.* تاریخ عالم آرای عباسی fol. 234 r° — v^o; Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 365—366.

XV. — *строк. 55.* Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 401.

XVI. — 243, *строк. 5.* Соймоновъ не говоритъ о покорности Бакинцевъ Петру Великому (Жур. Мин. нар. просв. 1848, Окт. Отд. II, 30).

XVII. — *строк. 10.* Дѣянія Петра Великаго, VIII, 244—245, 260—261, 370—372.

XVIII. — *строк. 12.* Извѣс. о Кавк. II, 396.

XIX. — *строк. 13.* تاریخ نادری fol. 112 r°. Мирза Мегди не говоритъ, кто былъ назначенъ правителемъ, но у Гмелина (Reise III, 55) и Броневскаго (II, 396) сказано, что это былъ простой Гилянецъ Галемъ (не гулямъ-ли, т. е. придворный шахскій ?); въ Баку же мнѣ говорили, что его звали Дергагъ Кули Ханъ درگاه قلی خان. Последнее, по-видимому, ложно: этотъ правитель былъ определенъ Матюшкинымъ.

XX. — *строк. 20.* Gmelin's Reise, III, 55—56; Извѣс. о Кавк. II, 396; Кавказъ, 1847, 191. Въ Баку мнѣ говорили, что Мирза Мухаммедъ Ханъ میرزا محمد خان былъ сынъ Правителя Надирова Дергагъ Кули Хана, но и это несправедливо.

XXI. — *строк. 27.* Кавказъ, 1847, 191—192. Г-нъ Дорнъ говоритъ о Фетхъ Али Ханѣ бакинскомъ, смѣнившемъ Абдуллу Бека въ управленіи Шамахинской провинціей (Мém. de l'Acad. de St Peters. T. V, 420): мнѣ не извѣстенъ этотъ Фетхъ Али Ханъ.

XXII. — *строк. 52.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1839, Ч. XXXIII, 44—45; Klapproth, Reise in den Kauk. I, 376. Фетхъ Али Ханъ писалъ, между прочимъ, русскому министерству, что Графъ Войновичъ, явившись съ военными судами передъ Баку, куда вызванъ былъ имъ и Фетхъ Али Ханъ, стрѣлялъ изъ пушекъ и объявлялъ, будто бы Императрица приказала ему взять 50,000 руб. съ бакинскаго Хана, а Баку разрушить или Хана выгнать изъ города и назначить новаго Правителя (Жур. Мин. внут. дѣлъ, 1839, XXXIII, 45).

XXIII — 216, *строк.* 2. Извѣс. о Кавк. II, 396—397.
 XXIV. — *строк.* 26. Извѣс. о Кавк. II, 397—398; Подв.
 рус. воин. въ стран. кавказ. I, 148—149, 173—194; Славя-
 нинъ, 1830 года, NN^а 15 и 16.

XXV. — *строк.* 27. Кавказъ, 1846, 28.

XXVI. — *строк.* 52. Подв. рус. воин. II, 13; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T, V, 427.

XXVII. — 217, *строк.* 8. Под. рус. воин. IV, 60, 62 и 71.

XXVIII. — *строк.* 49. Арабскіе Географы различно пи-
 шутъ имя Баку: у Масуди оно стоитъ **بَاكَا** Бака (*El-Mas.Hist.*
Епс. I, 421) или **بَابَكَا** Бабика (*Bul. de l'Acad. de St Pets.* T. IV,
 193) или **بَاكِه** Бакіэ, у Петахри **بَاكُو** Бакугъ (*Lib. clim.*
 82; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. VII, 474), у Закеѣи
 Казвини, у Ибнъ Ааса, у Хамдуллы Казвини и Садики Испа-
 ганскаго **بَاكُوِيَه** Бакуйэ (*Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. VII,
 504 и 510; выше прим. IV; *The geogr. works of Sadik*
Isfab. 75), у Ахмедъ Рази **بَاكُو** Баку (*Mém. de l'Acad. de S^t*
Peters. T. VII, 516), у Бакуви **بَاكُوِيَه** Бакуйэ (*Not. des man.*
du Roi, II, 509), у Искендера Мувини **بَادَكُوِيَه** Бадкуйэ (*تاریخ*
عالم آرای عباسی fol. 234 r°). у Мирзы Мегди **بَادَكُوِيَه** Бад-
 кубэ (*تاریخ نادری* fol. 112 r°), тоже и въ одной гиланской вѣс-
 нѣ (*Chodzko, Spec. of the pop. poetry of Persia.* 473). Во
 всѣхъ этихъ названіяхъ главное мѣсто занимаетъ персидское
 слово **بَاد** вѣтеръ. Г-нъ Эйхвальдъ говоритъ; что Баку собствен-
 но называется **بَادَكُو** «вѣтеръ-городъ, бурный городъ» (*Eich-
 wald, Reise*, I, 154): действительно у Петахри это названіе такъ
 написано, но толкованіе не вѣрно, потому что **بَادَكُو** значить
 «вѣтряная гора». Я, впрочемъ, думаю, что у Петахри это сло-
 во написано правильно, чѣмъ у другихъ восточныхъ геогра-
 фовъ, которые старались арабизировать его и придавали ему

арабское окончаніе *بی*. Г-нъ Сенковскій утверждаетъ, будто Баку называется нынѣ *بادخوی* вѣтряно-качественный или вѣтряный и даже прибавляетъ, что встарину названіе Баку писалось *بادخو* (Библи. для чтен. 1838, Т. XXVI, Отд. III, 130). Желательно бы знать, въ какомъ авторѣ открылъ Г-нъ Сенковскій такое правописаніе и отъ какого Персіянина онъ слышалъ подобное названіе.—Въ Книгѣ большаго чертежа Баку извѣстенъ подъ именемъ «Баба».

XXIX. — *строк. 20.* Кавказ. календ. на 1849 годъ, Отд. II, 6; Обзор. рос. влад. за Кавказ. IV, 79. По Садину Исфаганскому Баку лежитъ подл. $40^{\circ} 15' \text{ Ш.}$ и $80^{\circ} 0' \text{ Д.}$ (The geog. works of Sad. Isfah. 74—75).

XXX. — *225, строк. 8.* Рисунковъ я не успѣлъ изготовить и по-этому не прилагаю ихъ.

XXXI. — *строк. 10.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1832, VI, 100.

XXXII. — *строк. 51.* Броневскій (Изв. о Кавк. II, 399), а за нимъ и Г-нъ Эйхвальдъ (Reise, I, 156) приписываютъ безъ всякаго основанія построеніе бакинскаго дворца Шаху Аббасу Великому. Г-нъ Дорнъ въ своей исторіи Ширванъ-шаговъ не говоритъ о построеніи дворца и мечетей Феррухъ Есаромъ (Mém. de l'Acad. de St Peters. VI, Sér. T. IV, 582—590).

XXXIII. — *225, строк. 11.* У Гмелина (Reise, III, 54) этотъ мифъ оканчивается тѣмъ, что дочь бросилась сверху башни и убилась, въ Персіи же говорятъ, что она просто заперлась отъ отца въ башнѣ.—Другіе приписываютъ строеніе бакинской башни Хунсару (Обзор. рос. влад. за Кавк. IV, 82). Надпись на башнѣ, о которой говоритъ Г-нъ Эйхвальдъ (Reise, I, 159), находится высоко, и я не могъ снять ея.

XXXIV. — *строк. 18.* Cp. Gmelin's Reise, III, 54; Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 145; Eichwald, Reise, I, 159.

XXXV. — *строк. 21.* Bul. de l'Acad. de St Peters. 1848, T. IV, 182—204.

XXXVI. — *227, строк. 21.* Gmelin's Reise, III, 54 и 57.

XXXVII. — *строк. 25.* Со времени отъезда моего изъ Баку произошли преобразования въ карантинномъ управленіи Закавказскаго края и Кавказа (Кавказъ, 1847, 105—106 и 110).

XXXVIII. — *229, строк. 21.* О бакинской торговлѣ см. Библ. для чтенія, 1834, Т. VII, Отд. III, 106—109; Обзор. рос. влад. за Кавк. IV. 63—77; Кавк. календ. на 1849 годъ, Отд. III, 70—71; Кавказъ, 1847, 13—15 и 18.

XXXIX. — *251, строк. 18.* Г-нъ Ленцъ описываетъ эти строенія какъ сплошной караванъ-сарай съ 8 башнями, соединенный стѣнами; по его измѣренію пространство зданія въ длину 150 фут. а въ ширину 25 фут. (Ueber das Niveau des Kasp. Meeres, 79).

XL. — *строк. 54.* El-Mas. Hist. Enc. I, 399—464.

XLI. — *252, строк. 9.* Not. des man. du Roi, II, 509.

XLII. — *строк. 28.* Г-нъ Ленцъ принимаетъ слова Бакуви о мечети буквально (Ueber das Niv. des Kas. Meeres, 81). У Ибнъ-Алса нѣтъ рѣчи о мечети (выше прим. IV).

XLIII. — *253, строк. 6.* У Эйхвальда этотъ городъ названъ Шахбахъ (Reise, I, 149), а въ Обзор. рос. влад. за Кавказомъ (IV, 83) онъ названъ Хунсеромъ.

XLIV. — *254, строк. 24.* Олеарій говоритъ (Voyag. 1041), что нижняя часть Дербента была обитаема прежде Греками и по-этому называлась Шагри-Юнавъ شهر یونان. Не отсюда-ли взято названіе потопленнаго города?

XLV. — *строк. 52.* Eichwald, Reise, I, 146.

XLVI. — *255, строк. 5.* Г-нъ Эйхвальдъ думаетъ, что упоминаемыя Птоломеемъ острова суть Нарганъ и Вульчъ (Reise, II, 436), но это не согласно съ моимъ предположеніемъ о позднемъ образованіи этихъ острововъ. Масуди говоритъ (Bal. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 193), что Руссы, по опустошеніи побережья Каспійскаго моря, останавливались у острововъ, сосѣднихъ берегу Нафты (Баку; Frühn. Ibn Fozlan, 245), находившихся въ разстояніи нѣсколькихъ миль. Кажется, подъ этими островами должно разумѣть группу Апшеронскихъ острововъ, и въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что отдѣ-

леніе ихъ отъ моря послѣдовало ранѣе, чѣмъ потопленіе зданій въ Бакинскомъ заливѣ и образованіе острововъ Наргена и Жиглага (Ср. Ueber das Niv. des Kasp. Meeres, 78).

XLVII. — *строк. 22.* Соймоновъ говоритъ, что на островѣ Жигломъ не было никакихъ строеній (Жур. Мин. народ. просв. 1848, Июль, Отд. II, 10).

XLVIII. — *строк. 28.* Подробности о Бакинскихъ островахъ см. въ Запискахъ Гидрогр. Депар. Ч. IV, 122—123, Ч. V, 154—168; къ послѣдней приложена и карта моря къ Ю. отъ Баку. Въ Обзор. рос. влад. за Кавказомъ (IV, 17) сказано также, что маякъ предполагается на островѣ Жигломъ, а Г-нъ Соколовъ говоритъ (Зап. Гидр. Депар. Ч. IV, 124), что маякъ предполагается на Святотъ.—Въ Обзор. рос. влад. за Кавказомъ находится странная ошибка: тамъ сказано (IV, 18) будто бы Соймоновъ нашелъ на островѣ Святотъ два колодца съ прѣсной водой и три башни, между тѣмъ какъ Соймоновъ говоритъ это объ Апшеронскомъ полуостровѣ, а на островѣ Святотъ онъ видѣлъ только одно шелковичное дерево, много козъ и большихъ змѣй (Жур. Мин. нар. просв. 1848, Июль, Отд. II, 9—10).

XLIX. — 257, *строк. 6.* Humboldt, Asie centr. II, 509 и слѣд. Nouv. ann. des voyag. 1833, IV, 148—149.

L. — 258, *строк. 9.* Сѣянiе гималайскаго ячменя не имѣло успѣха по неблагопріятной погодѣ (Сбор. газ. Кавказъ, 1848, пер. пол. 124).

LI. — *строк. 22.* Приводимыя мною оффиціальныя числа очень много разнятся съ исчисленіемъ въ Обзор. рос. влад. за Кавказ. (IV, 61—62).

LII.—244, *строк. 6.* Сбор. газ. Кавк. 1848, пер. пол. 38—39.

LIII. — *строк. 25.* Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 164—165.

LIV. — 242, *строк. 6.* Слово хальваръ есть персидское خوار, что значить «несомое осломъ» сколько оселъ можетъ снести. Хальваръ нефти содержитъ 18 пудовъ, а пшени и проч. 20 и 25 пудовъ.

LV. — 243, строк. 5. Quatremère, Hist. des Mongols, I, 132—133.

LVI. — строк. 12. لا حول ولا قوة الا بالله العلي العظيم
قد وجد هذه البشرى وقفها الى السادات الله بارولد محمد نور
(نور محمد؟) في ربيع الآخر سنة ١٠٠٣

LVII. — строк. 29. О наваранной промышленности въ Баку см. Сбор. газ. Кавказъ 1848 пер. пол. 134—137. Сѣяніе сарацинскаго суходольскаго пшеиа не имѣло успѣха отъ безводія и сильныхъ жаровъ (ibid. 120).

LVIII. — 244, строк. 5. Сѣяніе хлопчатника отъ неблагопріятной погоды не имѣло успѣха (Сбор. газ. Кавказъ, 1848, пер. полуг. 145).

LIX. — строк. 7. Персидское названіе زيرہ или زيرہ

LX. — 246, строк. 2. Сборн. газ. Кавказъ, 1848, пер. пол. 4.

LXI. — строк. 15. Свойства діалекта Татъ изложены во второй части монхъ Recherches sur les dialectes musulmans.

LXII. — 247, строк. 16. Объ этой мистеріи писали Гмелинъ (Reise, III, 315—318), Эйхвальдъ (Reise, I, 167—173), Маринскій (Рус. пов. и разс. I, 232—246) и А. Ходзко (Revue de l'Orient, VI, 126—136).

LXIII. — 249, строк. 5. انشکاهъ составлено изъ انش
огонь и كъ мѣсто.

LXIV. — 255, строк. 7. Gmelin's Reise, III, 46.

LXV. — строк. 51. Снимокъ этой надписи и объясненіе ея берлинскимъ санскритологомъ Боппомъ находятся въ книгѣ Г-на Эйхвальда (Reise, II, 239—240).

LXVI. — 258, строк. 2. Eichwald. Reise, I, 186.

LXVII. — строк. 3. Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 161.

LXVIII. — строк. 6. Humboldt, Asie centrale, II, 508—509.

LXIX. — строк. 10. Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 136.

LXX. — строк. 14. Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 151.

LXXI. — строк. 20. Eichwald, Reise, I, 189.

LXXII. — *строк. 21.* Humboldt, *Asie centrale*, II, 320 и слѣд. Въ 1847 году открыты Г-мъ Абихомъ газовые источники въ Бакинскомъ заливѣ (Сбор. газ. Кавк. 1848, пер. по-русск. 117).

LXXIII. — *строк. 25.* Сбор. газ. Кавказъ, 1848, пер. по-русск. 40.

LXXIV. — *строк. 29.* Eichwald, *Reise*, I, 190—193.

LXXV. — *строк. 54.* *Notic. des manus. du Roi*, I, 17; Klaproth, *Mag. asiat.* T. I, 280—282; El-Mas'oudi's *Hist. Encycl.* I, 418; Eichwald, *Reise*, I, 193—194; Humboldt, *Asie centr.* II, 202.

LXXVI. — 259, *строк. 1.* Вотъ что говорить о бакинскихъ огняхъ Хамдулла Казвини (نزهة القلوب A fol. 461 v°):

هم در آنجا (در عجایب المخلوقات) آمده ولایت باکو به زمین است که ازو آتش فروزانست چنانکه بدان آتش نان می توان پخت و هنگام بارندگی منطفی نمی شود بلکه مشتعل تر می گردد و من آن زمین دیده ام عجب آنکه دران حوالی مرغزاری است چون بران مرغزار اندکی حفره کنند ازان حفره نیز آتش مشتعل شود

«Еще тамъ же (въ «Чудесахъ творенія» соч. Абу Хамеда Андалузскаго, писавшаго около середины XII столѣтія) говорится, что въ области Бакуйе есть земля, изъ которой выходить горящій огонь, такъ что на немъ можно приготовить хлѣбъ; во время дождя онъ не гаснетъ, а горитъ еще сильнѣе. Я видѣлъ эту землю: удивительно тамъ поле, на которомъ, если его немного раскопать, изъ раскопанной лны также воспламеняется огонь».

(Мап. С. говорить объ огняхъ короче; вотъ его текстъ fol. 276 r° :

هم در آنجا آمده که بولایت باکو به زمینست که ازو آتش فروزانست

چنانکه بدان انش نان وآش میتوان بخت و در هنگام باران بیشتر
 فروزان باشد و من آن مرغزار را دیده ام اندك حفره است که
 انش ازان حفره بیرون آید)

Даже Хамаулла Казвини еще говоритъ (Ман. С. fol. 276 r°):

هم در آنجا آمده در (a) مقابل این زمین درکوه شکافست وازو
 (b) آب بیرون می آید ودران آب مس پارها بوزن دانکی و دو
 دانک می باشد (c) و ازان بآفاق میبرند

«Еще тамъ же говорится, что противъ той земли есть въ горѣ разсѣлина, изъ которой течетъ вода: въ этой водѣ находятся кусочки мѣди въсомъ въ одинъ и въ два грана. Ихъ развозятъ въ чужія страны». Наъ новыхъ писателей объ огняхъ можно читать Muller's Samml. Russ. Gesch. T. II, 136; Lerche's Leben und Reisegesch. 60 и слѣд. John Cook, Travels, II, 383; Hanway, Travels, I, 263; Gmelin's, Reise, III, 43 и слѣд. Forster, Voyage du Bengale à Peters. II, 344 и слѣд. Eichwald, Reise, I, 176 и слѣд.

LXXVII. — 261, строк. 21. Eichwald, Reise, I, 178—181; Nouv. annal. des voyag. 1847, Juin, 355.

LXXVIII. — строк. 24. Manava-dharma-sastra. Lois de Manou, trad. du sans. par Loiseleur Deslongchamps, 188.

LXXIX. — строк. 50. Revue de l'Orient, VIII, 193.

LXXX — 262, строк. 8. Eichwald, Reise, I, 177.

LXXXI. — строк. 21. Nouv. annal. des voyag. 1847, Juin, 356—357.

LXXXII. — 265, строк. 4. Eichwald, Reise, I, 178; Nouv. ann. des voyag. 1847, Juin, 356.

Ман. А fol. 461 v°. (a) مقابلہ (b) آبی (c) Огущ.

LXXXIII. — *строк. 23.* Forster, *Voyag. du Beng. à Peters.* par Langlès, II, 347; *Nouv. ann. des voyag.* 1847, Juin, 352 и слѣд.

LXXXIV. — *264, строк. 5.* Anhang zum Zend-Avesta, II, 117.

LXXXV. — *строк. 4.* Meiners Allgemeine kritische Geschichte aller Religionen, I, 236.

LXXXVI. — *строк. 5.* Meiners Allgem. krit. Gesch. al. Rel. I, 388.

LXXXVII. — *строк. 7.* Г-нъ Эйхвальдъ (*Reise*, I, 179—180) не узналъ санскритскихъ, персидскихъ и арабскихъ словъ и перемѣшалъ ихъ между собою; въ русскомъ переводѣ это измѣнено только съ новыми ошибками (*Библи. для чтен.* 1838, Т. XXVI, Отд. III, 154). Во французскомъ текстѣ, напечатанномъ въ *Nouveau journal asiatique*, ошибка исправлена (1833, Т. XI, 362).

LXXXVIII. — *строк. 8.* Majer, *Allgemeines mythologisches Lexicon*, I, 265.

LXXXIX. — *строк. 10.* *Systema brahmanicum*, 163.

XC. — *строк. 12.* *Revue de l'Orient*, VIII, 169.

XCI. — *строк. 14.* Подобные есть и въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи наукъ (*Dorn, Das asiatisch. Museum*, 725).

XCII. — *строк. 20.* Старинный сводъ индусскихъ законовъ *Manava-dharma-sastra* или законы Ману вотъ что говоритъ о священномъ огнѣ: 1) Tous les jours après s'être baigné, lorsqu'il (novice) est bien pur, qu'il fasse une libation d'eau fraîche aux Dieux, aux saints et aux Mânes; qu'il honore les Divinités et alimente le feu sacré (стр. 58). 2) Que le Brahmane... fasse.... l'offrande au feu sacré (стр. 210). 3) Le maître spirituel (Gourou) enseigne.... l'entretien du feu sacré, и проч. Жертвоприношеніе огню иначе называется «деваджна» *sacri-ficium divinum* (*Syst. brahm.* 9).

XCIII. — *265, строк. 2.* Majer, *All. mythol. Lexic.* I, 52—53; *Lois de Manou*, III, 199; *Revue de l'Orient*, VIII, 186.

XCIV. — *строк. 24.* *Asiatic Researches*, Vol. XVI and XVII, A sketch of the religions Sects of the Hyndus, by H. Wilson.

XCV. — *строк. 24.* Revue de l'Orient, VIII, 180.

XCVI. — *строк. 27.* Nouv. ann. des voyag. 1847, Juin, 356.

XCVII. — *строк. 33.* Meiners All. kritis. Gesch. all. Relig. I. 235.

XCVIII. — 266, *строк. 4.* Kreizer, Symbolik und Mythologie der alten Völker, II, 133.

XCIX. — *строк. 9.* Meiners, All. krit. Gesch. all. Rel. I, 239; *Титъ Лавиъ* De igne et officiis Vestalium Romanarum.

C. — *строк. 10.* Meiners All. krit. Gesch. all. Rel. I, 238.

CI. — *строк. 11.* Meiners Allg. krit. Gesch. all. Rel. I, 236; Kreizer, Symbolik, II, 218.

CII. — *строк. 12.* Meiners All. krit. Gesch. all. Rel. I, 236.

CIII. — *строк. 14.* Voyage en Perse, IX, 139 и слѣд.

CIV. — 270, *строк. 23.* Армянская надпись такова.

Եղիա Դադրիս

CV. — *строк. 28.* Вотъ эта надпись: *سما بوزوره ستا*
وسبع ميه والى !

CVI. — *строк. 54.* *في زمان الدولة السلطان العظم والحافان*
المعظم شروان شاه خليل الله هذا العمارت الطنوار بن طومان شان
بن تفسير بن عنت

CVII. — 272, *строк. 6.* *ابن تابو* (مظفر ?)
ابن بلعرج

CVIII. — 272, *строк. 7.* Сѣвер. Пчела, 1844, 223; Записки русс. геогр. общества, II, 207—208; Eichwald, Reise, II, 171.

CIX. — *строк. 20.* Сѣвер. Пчела, 1844, 224; Запис. Гидрогр. Депар. Ч. IV, 126—127.

CX. — *строк. 26.* Humboldt, Asie cent. II, 147.

CXI. — *строк. 29.* Въ Исторіи Географіи встрѣчаются весьма любопытныя обстоятельства, какъ бы служащія подтвержденіемъ этого соединенія: на картѣ Марини Сануто 1323 года означено море Ирканское или Сарайское, а къ ЮВ. отъ него

отдѣльное море Каспійское (Humboldt, *Asie centr.* II, 213). Г-нъ Колоскинъ видѣлъ въ Астрахани старую персидскую карту, на которой Каспійское море было раздѣлено на двѣ части сухимъ перешейкомъ (Eichwald, *Reise*, I, 148). Наконецъ можно замѣтить и то, что Плиній называетъ сѣверную часть этого моря Каспійскимъ (до рѣки Куры), а южную Гирканскимъ (Humboldt, *Asie centr.* II, 167—168).

CXII. — 274, *строк. 44*. Жур. Мин. нар. просв. 1848, Июль, Отд. II, 10.

CXIII. — 276, *строк. 44*. Сбор. газ. Кавказъ, 1848, пер. пол. 42.

CXIV. — 277, *строк. 8*. Пѣсня, которая переведена здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями и полной англійской переводъ которой находится въ *Specimens of the popular poetry of Persia*, by A. Chodzko, 411—412, поется очень часто въ Закавказьи и на сѣверѣ Персіи, гдѣ служитъ любимую народною; она составлена на турецкомъ азербиджанскомъ діалектѣ. При англійскомъ переводѣ приложены ноты самаго пѣнія; мотивъ этой пѣсни вошелъ въ составъ кадрили, составленной изъ закавказскихъ пѣсепъ. Для объясненія стиха: «Не кидай камней» должно сказать, что на мусульманскомъ Востоцѣ, гдѣ нѣтъ оконъ на улицу, любовники извѣщаютъ другъ друга о приходѣ своемъ кидая камни черезъ стѣну. Несвязность нѣкоторыхъ стиховъ только доказываетъ, что народная поэзія и здѣсь, какъ и на сѣверѣ между Татарами, не очень-то гонится за холомоу мысли.

CXV. — 280, *строк. 15*. Е. Ковалевскаго, Путешествіе во внутреннюю Африку, I, 129.

CXVI. — 281, *строк. 25*. Вотъ арабская надпись: هذه العمارة السلطان الاعظم خليل حلد الله ملكه Въ указаніи на постройку находится негѣлая ошибка: الف واربعين وثلاثان «третьемъ сорокъ тысяча году»!

CXVII. — *строк. 28*. Кавказъ, 1847, 39.

CXVIII. — 282, *строк. 25*. Записки Гидрог. Депар. V, 155.

CXIX. — *строк. 26. Nouv. annal. des voyag. 1833, IV, 148.*

CXX. — 285, *строк. 2.* На «Подробной картѣ Россіи» показано нѣсколько караванъ-сараявъ между Баку и Сальиномъ и означена рѣчка Пасаргадъ, нынѣ уже высохшая.

VI.

I. *Стран. 286, строк. 44.* Эта рѣка называется у восточныхъ **كُر** Куръ, у Грековъ **Κύρος**, у Грузиновъ Мгхвари (въ еврейскомъ **קראח** . глубокий, въ армянскомъ **хоринг**); восточные авторы избегаютъ описанія ея, и по-этому мнѣ остается только указать на *Liber climat. Isstachri*, 81; *El-Mas'oudi's Hist. Encycl.* I. 461; *Géogr. d'Aboulf.* I liv. 60; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 472 и 520, 475 и 523. 486 и 533; *D'Ohsson. Des peuples du Caucase.* 15—16; *Notices des manusc. du Roi*, II, 503; *Journ. asiat.* 1833, T. XII, 459 и слѣд. Названіе *Cyrus* не встрѣчается въ древнихъ писателяхъ раньше римской экспедиціи (*Nouv. annal. des voyag.* 1847, Septem. 339); по словамъ Амміана Марцелина, Армяне называли эту рѣку Кюросъ въ память персидскаго царя Кира Старшаго (*); у Страбона это названіе стоитъ Корусъ, у Плинія Кирусъ, у Плутарха Киреусъ, у другихъ Киртусъ, Киднусъ, и проч. (*Жур. Мин. нар. просв.* 1846, Ноябрь, Отд. II, 108, 111, 123; *Eichwald, Reise*, II, 343).— Мнѣ говорили, что Кура измѣняетъ теченіе, что назадъ тому лѣтъ сорокъ С.—В. рукавъ ея шелъ выше, и долины на прежнемъ теченіи остались лучшіе сады. Вѣроятно, поль этимъ измѣнившимся рукавомъ надобно разумѣть просто *высохшій* рукавъ, еще и теперь показываемый на картахъ.

II. — *строк. 25.* *Gmelin, Reise durch Russland*, III, 75; *Nouv. annal. des voyag.* 1833. III. 217.

III. — *строк. 55.* *Eichwald, Reise*, I, 448. Описаніе Гюштасфова города у Хамдулы Казвини см. *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 510 и 549 (**). *Ср. Кавказъ*, 1847, 38.

(*) *Ср. Koch, Reise durch Russland*, 33, 262, 300, и *Bullet. de l'Acad. de St Peters.* 1848, T. IV, 59.

(**) Кятибъ-Челеби заимствовалъ свое описаніе изъ Хамдулы

IV. — 287, строк. 49. Gmelin's Reise, III, 76 — 77; G $\ddot{u}$ ldenstädt въ *Pei. Journ.* 1777 года, стр. 253.

V. — строк. 24. Г-нъ Евевнй показываетъ эту сумму въ 53,000 р. сер. (Евевкаго, Статист. описан. Закавк. Крал, 61), а Г-нъ Эйхвальдъ въ 21,000 дукатовъ (Reise, 448), во а слѣдовалъ извѣстію находящейся у меня записки о Саллянскихъ промыслахъ. Г-нъ Эйхвальдъ постоянно называетъ индусскаго откупщика Огумдсегономъ (Oumudshen).

VI. — 288, строк. 55. Писцы получаютъ очень хорошее содержаніе: сверхъ всего готоваго (квартира, столъ, прислуга, освѣщеніе, отопленіе) бухгалтеру платится 600 руб. сер. въ годъ, а нѣкоторымъ писцамъ по 300 руб. сер. Для развѣзда опекунамъ находятся казенные экипажи и конскія о 12 везлахъ.

VII. — 289, строк. 9. О подобномъ устройствѣ рыбнаго промысла при откупщикахъ см. Eichwald, Reise, I, 449—450.

VIII. — строк. 54. Въ 1840 году здѣсь шли дожди отъ половины Сентября до Апрѣля слѣдующаго года.

IX. — 298, строк. 4. Во время Гмелина халъваръ стоилъ 2 руб. (Gmelin's Reise, III, 77); при индѣйскомъ откупщикѣ халъваръ стоилъ 16 руб. и выходило въ годъ до 5,000 халъваровъ (Eichwald, Reise, I, 451).

X. — 501, строк. 21. Во время индѣйскаго откупщика промышленники получали отъ 150 до 300 руб. жалованья (Eichwald, Reise, I, 451).

XI. — 505, строк. 54. При индѣйскомъ откупщикѣ, часто нуждавшемся въ деньгахъ, цѣна на рыбу была не высока: пудъ

Казвини; вотъ его слова (جهان نیا стр. 394): Гуштасфи.

На берегу моря, постройка Гуштаспа бенъ Люхраспа, большой городъ и земля. Отъ Кура и Аракса отдѣльные каналы орошаютъ эту землю; деревни имѣютъ многія произведенія, хорошую пшеницу и сарацинское пшению, а плодовъ немного; жители бѣлолицы и языкъ ихъ Пеглеви Гиланскаго народа. Доходъ съ него составляетъ 117,500 динаровъ».

осетра продавался по 80 коп. а севрюги по 35 коп. (Eichwald, Reise, I, 466). О цѣнахъ на рыбу въ 1829 году по вступленіи промысловъ въ казенное вѣдѣніе см. Обзор. рос. влад. за Кавказомъ, III, 170.

XII. — 504, строк. 4. Прежде выдѣлывалось до 1,200 бочекъ (Eichwald, Reise, I, 465).

XIII. — строк. 15. При индѣйскомъ откупщикѣ икра продавалась отъ 8 до 10 коп. за фунтъ, илей до 2 руб. 30 коп. за фунтъ, а вязига отъ 12 до 19 руб. за пудъ (Eichwald, Reise, I, 466).

XIV — 505, строк. 2. При индѣйскомъ откупщикѣ ловилось шеман до 250,000 штукъ, а лосося до 10,000 штукъ (Eichwald, Reise, I, 466).

XV. — 506, строк. 24. Индѣйскій откупщикъ платилъ ежегодно перевознымъ судамъ до 73,000 руб. (Eichwald, Reise, I, 456).

XVI. — 510, строк. 25. Послѣ моего отъѣзда Джеватская застава упразднена и все теченіе торговаго движенія обратилось на Сальянтъ (Кав. календарь на 1849, Отд. III, 68).

XVII. — 511, строк. 9. О сальянской торговлѣ современіи перевола Джеватской заставы см. Кавк. календарь на 1849 годъ, Отд. III, 68—69.

XVIII. — строк. 29. Mém. de l'Acad. de St Peters. T. IV, 598.

XIX. — строк. 51. Hammer, Gesch. des osman. Reiches, IV, 71, 617.

XX. — 512, строк. 1. Дѣян. Петра Великаго, VIII, 263—264; Жур. Мин. нар. просв. 1848, Окт. Отд. II, 32.

XXI. — строк. 6. Записки Гидрогр. Департамента, IV, 111—112; Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1845, XII, 68—69; Дѣянія Петра Великаго, VIII, 408.

XXII. — строк. 15. Герберъ и Соймоновъ нѣсколько различно рассказываютъ это обстоятельство. Герберъ говоритъ, что по взятіи Матюшкинымъ Баку, Сальянскій Султанъ Хасанъ-Бекъ явился самъ въ Баку и, по принятіи присяги на подданство, выпросилъ себѣ на защиту отъ Даудъ Бека полковника

съ 500 солдатами, которыхъ потомъ и перебилъ на пиру (Еже-
мѣс. Сочин. 1760, Октябрь). Соймоновъ же говоритъ, что Ма-
тюшкинъ, по возвращеніи изъ своего похода, будучи въ Астра-
хани, предписалъ Бригадиру Князю Борятинскому, остававше-
муся въ Баку Комендантомъ, овладѣть Сальяномъ, для чего и
былъ посланъ изъ Баку подполковникъ Зимбулатовъ съ батальо-
номъ драгунъ, который и завладѣлъ Сальяномъ, а потомъ и
погибъ на пиру у хитрой владѣтельницы, о которой Петръ
Великій говорилъ въ предостереженіе: «вѣдомо, что Сальянская
Княгиня Ханума (госпожа) великая воровка, и опасно, чтобы
чего худаго не учинилось» (Дѣян. Петра Великаго, Ч. VIII,
406). Броневскій соединилъ повѣствованіе Гербера съ расска-
зомъ Соймонова и называетъ княгиню Хапулбы-Ханумъ (Брон.
Извѣст. о Кавказѣ, II, 420—421). Ср. Мém. de l'Acad. de
St Peters. T. V, 410; Klaproth, Reise in den Kaukasus, I, 354.

XXIII. — *строк* 17. Полное собран. Закон. Т. VII, № 4509.

XXIV. — 20. Записки Гидр. Департ. IV, 113. Ср.
Klaproth, Reise in den Kaukas. I, 354.

XXV. — *строк* 21. Мегди говоритъ просто, что Надиръ
поставилъ въ Сальянъ Правителя (تاریخ نادری ман. биб. Казан.
Унив. fol. 112 г²), то же и у Кудси (Кавказъ, 1846, 68),
но Броневскій утверждаетъ, что Надиръ отдалъ Сальянъ Ахмедъ
Хану Кубинскому (Извѣст. о Кавказѣ, II, 421), а у Гмелина
стоитъ правителемъ Мамедъ (Gmel. Reise, III, 76). Потомъ Салья-
номъ завладѣлъ Ибрагимъ Ханъ Дудбарскій (Брон. Извѣстія о
Кавк. II, 421; Кавказъ, 1847, 191).

XXVI — *строк* 25. Кавказъ, 1847, 191; Gmelin's Reise,
III, 76. Броневскій относитъ это событіе къ 1760 году (Из-
вѣстія о Кавказѣ, II, 422), и говоритъ, что Фетхъ Али Ханъ
поставилъ здѣсь Набобомъ Келбегъ-Султана (ibid. 378).

XXVII. — *строк* 24. Кавказъ, 1847, 192.

XXVIII. — *строк* 28. Gmelin's Reise durch Russland,
III, 83.

XXIX. — *строк* 35. Кавказъ, 1847, 195.

XXX. — *строк* 34. Броневскаго, Извѣстія о Кавказѣ, II, 422.

XXXI. — 515, *строк.* 2. *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. V, 427.

XXXII. — *строк.* 50. *Olearius, Voyages*, стр. 1023. Олеарій исчисляеть кочевья племена, тогда обитавшія на Мукавѣ (стр. 1024).

XXXIII. — 544, *строк.* 20. Броневскаго, *Извѣстія о Кавказѣ*, II, 367; *Кавказъ*, 1847, 32. Г-нъ Яновскій не признаеть это за Мукавѣ (Жур. Мин. нар. просв. 1846, Декабрь, Отд. II, 187).

XXXIV. — *строк.* 21. *Isstbachri, Liber climatum*, 82; *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 503—504 и 542, 506 и 544—545; *El-Mas'oudi's Hist. Encycl.* I, 404 и 456; *Notices des manus. du Roi*, II, 525; *St Martin, Mém. sur l'Arménie*, II, 359 и 365. Въ восточныхъ писателяхъ это имя пишется то *موقان* (Истахри, Бакуви), то *موغان* (Закерія и Хамлула Казвини), что, впрочемъ, не составляетъ никакой разницы, потому что *ق* на Сѣверѣ Персіи и въ Закавказьѣ, также какъ и въ Дагестанѣ, произносится сходно съ *غ*. Производство этого названія мнѣ съ точностью не извѣстно: Броневскій совершенно ложно толкуеть его Маганъ «змѣнное поле» (*Извѣстія о Кавказѣ*, II, 359): по-персидски змѣя называется *مار* маръ, а не магъ. Олеарій говоритъ (*Voyag.* 1023), что Турки называютъ Мукавѣ *Mindanluk*, т. е. *ميك توتونلك* «мнѣвъ тютюнюкъ» тысяча трубъ (печныхъ), и что эта степь обитаема потомками тѣхъ, которые воевали съ Хюсейномъ сыномъ Али (*ibid.* 1024). Такое преданіе заставляеть меня думать, что названіе *موغان* есть персидское множественное отъ *موغ* магъ, невѣрный: можетъ быть, при нападении Аравитлянъ на Персію, въ Мукавскую степь бѣжали невѣрные огнепоклонники, укрываясь отъ Ислама.

XXXV. — *строк.* 22. *Кавказъ*, 1847, 32.

XXXVI. — *строк.* 24. *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. VII, 504 и 542; *Notices des manus. du Roi*, II, 525.

XXXVII. — *строк. 29.* Кавказъ, 1847, 38; Обзор. рос. влад. за Кавказомъ, III, 241—242. Надиръ окончилъ опустошеніе Мугана (Обзор. рос. влад. за Кавк. III, 197, 243).

XXXVIII. — *515, строк. 2.* Чамшианъ въ исторіи Арменіи говоритъ, что Муканская степь называлась Азанскою (Кавказъ, 1847, 27). Кятибъ-Челеби заимствовалъ описаніе Мукана изъ Хамдуллы Казвини. Вотъ что онъ говоритъ (جهان‌ناما стр. 392—393): «Муканъ, который заключаетъ Карабахскую область, выговаривается съ и и к (Муканъ). Въ «Таблицахъ» говорится, что это имя страны, прозванной по имени Мукана бенъ Яфеса; лежитъ на южныхъ берегахъ моря Ширванскаго, соприкасаясь и ограничиваясь Арменіей, Ширваномъ, Азербайджаномъ и моремъ Хазарскимъ. Во время Атабековъ она давала сбору болѣе 300 тумановъ (ср. Мém. de l'Acad. de St Peters. VI Sér. T. VII, 506 и 544, Кавказъ, 1847, 38), а потомъ сборъ упалъ до 30 тумановъ и 3 динаровъ (ср. Мém. de l'Acad. de St Petes. T. VII, 506, 544 и 561, Кавказъ, 1847, 38). Лежитъ отъ горы Сентъ-беръ-Сентъ до берега рѣки Аракса. На этомъ пространствѣ въ мѣстахъ, съ которыхъ не видно горы Сабалина (въ подлинникѣ по ошибкѣ سیلان Силанъ), трава ядовита и животныхъ умерщвляетъ, особенно весной голодныхъ скотовъ; но въ мѣстахъ, гдѣ видно гору Сабалинъ (т. е. Севелинъ на С. Нерсін), этого несчастія нѣтъ. Это излагаетъ Хамдулла».—Послѣднее кромѣ Хамдуллы Казвини и Кятиба Челеби повторяется въ книгѣ زينة المجالس «Устройство бесѣды» написанной въ 1587 году (Кавказъ, 1847, 39). Гамба также говоритъ о подобной травѣ около горы Беншбармакъ (Voyage, II, 320—321). Кажется, эту самую траву называютъ въ здѣшнемъ краѣ «жнговинникомъ».

XXXIX. — *строк. 29.* Г-нъ Тагемейстеръ говоритъ, что климатъ на границахъ Талышинской и Курской долинъ превосходный (Кавказъ, 1846, 203) и что селенія, построенныя на открытыхъ мѣстахъ, пользуются здоровымъ воздухомъ (ibid. 208).

XL. — *516, строк. 4.* Кятибъ-Челеби вотъ что говоритъ

о Кизиль-агачъ: جهان‌نما стр): «Кизиль-агачъ قزل‌اغاج. Отъ мѣста впаденія Куры въ море одинъ день пути къ В. городъ на берегу моря; отсюда до Ардебилъ два дня пути». Олеарій называетъ его небольшимъ городкомъ (Voyag. 1017) и упоминаетъ о нѣсколькихъ рѣчкахъ между Ленкораномъ и Кизиль-агачомъ.

LXI. — строк. 47. Замѣчаніе объ уменьшеніи пролива между моремъ и Кум-баши, находящейся у П. Заблоцкаго (Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1837, Ноябрь, 306—307), оказывается несправедливымъ.

LXII. — строк. 54. Gamba, Voyag. dans la Russ. mérid. II, 308.

VII.

I. Стран. 349, строк. 25. Названіе Ленкеранъ **لنکران** значитъ «Якорное мѣсто»; Талышшцы называютъ его на своемъ діалектѣ «Ланконъ» **لنگان**, что имѣетъ то же значеніе; Персіяне испортили его названіе въ «Лекегюранъ», а у восточныхъ писателей онъ называется **لنکرکمان** «Ленгеръ-кюманъ» (**جهان نما** стр. 395), у Олеарія названъ Ленкеранъ (voyag. 514) и Ленгеркюманъ (1015).

II. — строк. 26. Обзор. Росс. влад. за Кавказомъ, III, 237.

III. — 320, строк. 6. Кятибъ-Челеби погъ что говоритъ о Ленкоранѣ (**جهان نما** стр. 395): «Ленгеръ-кюманъ **لنکرکمان**, укрѣпленіе на берегу моря въ двухъ дняхъ пути къ В. отъ Кизиль-Агача, при впаденіи въ море рѣчки **برازو** Биразу, выходящей отъ стороны Ардебилъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 398): «**نهر برازدو** Рѣка Биразду. Выходя отъ Ардебилъ, течетъ на СВ. и пройда съ Ю. отъ города, называемаго Ленгеръ-кюманъ, впадаетъ къ В. въ море». Очевидно, рѣка Биразу или Биразду есть наша Ленкоранка, которой описаніе см. въ Обзор. рос. влад. за Кавк. III, 189. У Олеарія она названа Вараса (Voyag. 1015).

IV. — строк. 52. О торговлѣ въ Ленкоранѣ см. Кавказ. календ. на 1849 годъ, Отд. III, 69.

V. — 322, строк. 2. Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1839, XXXIII, смѣсь, 12.

VI. — строк. 54. Описаніе ихъ см. Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1837, XXVI, 385—388.

VII. — 325, строк. 10. Обзорѣніе російск. влад. за Кавказомъ, III, 175—252; Журн. Мин. внутр. дѣлъ, 1837, XXVI, 302—325 и 371—408; Кавказъ, 1846, 203, 204, 206, 207, 208, 1847, 87, 90.

VIII.—524, *строк. 4.* Ср. *Nouv. annal. des Voyages*, 1833, III, 209. Г-ня Менетрие причисляет къ одной породѣ тигра Бенгалскаго, Сибирскаго и Талышинскаго.

IX. — *строк. 12.* Foucher d'Obsonville, *Essais philosoph. sur les mœurs de divers animaux étrangers*, 100—103.

X. — *строк. 45.* Quatremère, *Histoire des Mongols*, I, 166.

XI. — *строк. 52.* Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказанъ въ *Asiatic Journal*, 1831, Mars.

XII.—525, *строк. 1.* Down, *History of Hindoostan*, II, 142.

XIII. — *строк. 19.* Обзоръ рос. влад. за Кавказомъ, III, 202—203.

XIV. — *строк. 31.* Свойства талышинскаго діалекта изложены во II-й части моихъ *Recherches sur les dialectes musulmans*.

XV.—526, *строк. 4.* Садикъ Исфahanскій вотъ что говорить о Талышѣ: «*تالش* Талышъ, имя сына Яфета, сына Ноя (да будетъ съ нимъ благословеніе Божіе!) : отъ него дано имя племени въ Гиланѣ, а отъ племени названа страна Талышистанъ *تالشستان*. Арабы пишутъ это имя *طالش*» (*The geog. works of Sadik Isfahani*, 13).

XVI. — *строк. 6.* *Mém. de l'Acad. de St Peters.* VI Sér. T. IV, 580.

XVII. — *строк. 10.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1837, XXVI, 301.

XVIII. — *строк. 14.* Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1837, XXVI, 302; Klaproth, *Reise in den Kaukasus*, I, 301.

XIX. — *строк. 20.* Записки Гидрогр. Департ. Ч. IV, 119.

XX.—*строк. 22.* *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. V, 424.

XXI. — 527, *строк. 5.* *Mém. de l'Acad. de St Peters.* T. V, 428.

XXII. — *строк. 10.* Подвигъ рус. воиновъ въ стран. Кавказ. II. 103—107; Свѣд. Пчела, 1844, стр. 215.

XXIII. — *строк. 17.* Авторъ Исслѣдованія о русскихъ городахъ относитъ основаніе Ленкорана между 1400—1828 год. (Жур. Мин. внутр. дѣлъ, 1844, VI, 28 и 36). Въ про-

ѣздѣ Олеарія Ленкоранѣ принадлежатъ Персін (Voyag. 1016).

XXIV. — 528, *строк.* 52. См. число населенія въ Закавказьѣ Кавказъ, 1847, 32; Кавказ. календ. на 1846 годъ, Отд. III, 139.

XXV. — 550, *строк.* 5. Библиот. для чтенія, 1838, Т. XXX, Отд. IV, 1—6; Кавказъ 1846 и 1847, Хозяйственный очеркъ Закавказскаго края; Кавказ. календарь на 1846, Отд. III, 133—143, и проч.

XXVI. — 352, *строк.* 27. Voyage dans la Russ. mérid. II, 308—309.

XXVII. — 555, *строк.* 24. Voyages, 1014.

XXVIII. — *строк.* 26. Mém. de l'Acad. de St Péters. T. V, 396.

XXIX. — *строк.* 27. تاریخ نادری fol. 105 v°.

Въ заключеніе я считаю не излишнимъ представить здѣсь
варіанты относящагося къ Кавказу извлеченія изъ **نزهة القلوب**
«Наслажденія сердець» Хамдулы Казвини, напечатаннаго Г-мъ
Академикомъ Дорномъ въ *Mémoires de l'Académie de St Petersburg*,
T. VII, 506—514.

Стр. Ман. А fol. 202 r° Ман. В fol. 253 v° Ман. С fol. 212 v°

506

1 **باب پنجم** (по ошибкѣ)

آئینه

آئینه

موعوان

ازان (опущ. واران)
کرمسیر است

۲ شیروان fol. 213 r°

آدریبجان

حزر

۳ دیوانیش

زمان

۴ دینارست که بر روی دفتر مده است

۵ محاذی

پیشکین fol. 254 r° مسکین

۶ ولایت

Срр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
fol. 202 v ^o	موغان ودر		ودر
۷	در قاهر	چندانك در فائير زهرش كتر بود و از انك علف	در قايتر زهرش كتر بود و علف
۸	سيلان		
۹	در ان منه		در ان نبود
		507	
۱			ماجر وان
		چهرم است	چهرم است
۲	مجمع و بود اكنون	بود اكنون	لح مط بوده و اكنون
۳			دهی معمور است و
		آنخ	انجا كه حق سبحانه
۴	مجيد در قصه موس عليه السلام باخضر عليه السلام فرمودند		و تعالى در قصه موس باخضر عليه السلام می فرماید كه
		(опущ, قوله تعالى) لعتاه	(опущ, قوله تعالى)
۵			

آبلع

حقباتا انجا كه مّا عملت

Гр.	Man. A.	Man. B.	Man. C.
٩	لَفْتِيَه	لَعْنَاه	
١٠	اَبْنَا		
٨	اَلْحَوْت		
١٠	اَتَّبَعَكَ		
١١	عَلَّمْتُ		
		صخره ^٦ شیروانست	شیروانست
	بجر چندان		
١٢	دیه چندان		ده ماجروان
			ده چندان
			آمده که
١٣		موسی علیه السلام	موسی علیه السلام
١٤	سیوم درست هوای	سیوم درینست هوای	روایت درستست
			هوای ماجروان
١٥		مایل است ^٧	
			که دران حدود است
١٩	نمیباشد	نمیباشد	نمیباشد

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
	مح لط	مح لط	
۲	خرا بش افشتن منعصم		
۳ fol 203 r ^o	کرده نشست	آبادان و نشست	
۴	زمینی	نیکو و مرتفع غله دارد	
۵			بیسلوار پنجم است بیسلوار (опущ.) یعنی سوار بزرگ
۶	بویه	بونه	بویه (опущ. و)
	مانده	مانده	دهی مانده است و
	ماحر دانی		رودخانه* ماجروانست و غله بود
۷			
۸	کاوماری	کاوماری	کاوماری کنار
۹		پنجم است	وازاقلیم پنجم است
۱۰	همشیره		Описаніе همشیره опущ. پنجم است
۱۱	می خوانند فرهاد	فرهاد	

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
		بختنصر	
۱۲	مقام و	مقام و	
۱۳		کراين	
		فرياد	
	بحسك		
۱۴	اُرس		آران
	کُربين النهرين ازان ولايت (اران)		آراست
		509	
۱		پنجم است	پنجم است قباد
	مح لب	مح لب	
۲	لطاب		
			ساخت اكنون
		بيستر 255 fol.	بيشتر عمارت
۳	کرم است حاصلش	کرم است حاصلش	آجور است
	است حاصلش		کرم است
	Выноска на полѣ:)		
	می تواند که شهنوت باشد)		
۴	باشد	باشد	(опущ.) و پنبه)

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
۵	بردع مح ع	بردع	بردع وله ع ل ع ساخت و
۶		ساسانی ساخت و تجدید	
۷		بوده ست	بوده ست ۷۵
۸		بود	عالی
	میوه داشته		وبا کثرت
	(وانکور. Опуш.)	میوه هاش فندق و شاه بلوط بهتر از جاهای دیگر باشد	تر تر
۹	مشهورست می آید		
۱۰	کنجه (На поизъ)	کنجه	کنجه
	و شهر	پنجم است	پنجم است و شهر
۱۱	مح ع م لد	مح ع م لد	(опуш. ع ع) (опуш. م ل)
۱۲			خوش و مرتفع بود شهر است
۱۳		از خوشی و	

Срр.	Man. A.	Man. B.	Man. C.
		کنج اران	کنج وداران و
۱۴	اران و		مفاهان عراق
۱۵	افترا ^{۷۵}	اقرأ	افترا
		510	
۱	هرکه	میرك	هیرك
			خوبست و نزهست آبهای نزه آبهای
۲	خوار فوان	علف زارهای شکار گاهی	علف زارهای
			بسیار و مردم روند که جای نیکست
۳	(опущ.) و کشتاسفی	شیروان	شیروان
		شیروان	اما شیروان
۴		شیر و اذست	شیر و انست و
	خوصن		
۵		شیروان	شیروان
			زمان بوده است
۶			بروی
			اقطاع
			بسیار است
۷			با کر به
۸	م ل	م ل ^{۷۶}	م ل
			(опущ.) است

Стр.	Ман. А. بیشتر	Ман. В. بیشتر	Ман. С. بیشتر (опущ. باشد)
۹		شیروانست از	شیروانست پنجم و
۱۰	ساخت و	مایل بود	ساخته داریست
۱۱			از دیگر مواضع (опущ. علیہ السلام)
۱۲	البحرین بوده	البحرین بوده	البحرین بوده
۱۳	پنجم است و قریب	پنجم و قریب	پنجم است و قریب
۱۴	ابریشم	ابریشم	ابریشم
	باشد و افو شیروان عادل ساخت هوایش کرم و آبش کوارینده بود		

511

۱	فیروز قباد	فیروز قباد	فیروز قباد
		البلاد	البلاد آمده که
۲	عظیم و خوب نزه	عظیم خوب بوده	در جای پس خوب در نزهتگاه
۳	از کنار آب دریا	از کنار آب دریا	از کنار آب دریا
۴	لهراسب		لهراسب ساخته شهری در نزهت و از
۵			بر داشته 214 r

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
	دیهای	دیههای	دهها
	اندکی پنبه	اندکی پنبه و	اندکی از پنبه و
۶			بود و
	سفید	سفید	سفید
			به مذهب شافعی و
۷	بجیلان پیوسته	بجیلان پیوسته است	بجیلان پیوسته است و
	بزبان سابق	(onyш. سابق)	
۸	مغول	مغول 256 r ²	مغول
			این زمان بوده است و
۹			هجده
	دینار است		دینار است
			عسکر آنجا مقرر بوده
۱۱	ساکن 204 r ²	ساکن کرخیستان	
	وانجا و آن		
		موضع است	
۱۲	وهوایش در عهد	وهوایش در عهد	وهوایش سرد است
			حدود آنولایات بالان وارمن و روم پیوسته
			است حقوق دیوانی آنولایت باران وارمن در عهد
	انجا	انجا	آنجا
			قرب

Стр.	Man. A.	Man. B.	Man. C.
۱۳			این زمان بوده صدیست دینار است
		کرخیستان	
		512	
۱	الان پنجم است مح ع	آلان پنجم است مح ع	آلان پنجم است مح ع قدکح
۲	قباد	فر فر بن قباد	قباد بن
		خوبست و بسردی مایل از جبال بر راست و در رود جبال	
۳	می ریزد	می ریزد حاصلش	می ریزد میوه ها
۴			
۵	انی پنجم است	پنجم است از	پنجم است سرد است اندک میوه
۶	میوه است		
۷		پنجم است	پنجم است و آبی بر
	مح ع رمح ع	مح ع	میان آن روانست و از دو طرفی عبارت که بروی کوه ساختند
۸		طرفی	

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
۹	باکوه وآب کرم بر روانست از طرفی	وآب که بر روانست	عالی چنانکه بام هر خانهای که از زمین رسته کوهی بر سپهر علیاست و در انجا
		جنانك	
۱۰	بر رسته عالیاست	بر رسته بر رسته علیاست	بسیار است
۱۱			از آن زاینده
	بآتش	بآتش	بآتش
	حاصلش غله نیکو	ندارد حاصلش	ندارد و میوه ^۲ اندك دارد
۱۳	جنان	حنان مستحکم است	حنان محکم است (опущ. عظیم)
۱۴			آران قرص
	مجمع بر در دازه	مجمع ^{۷۲}	مجمع البلاد
۱۵		دار دو	غله بود و زمینی

Стр.	Ман. А.	Ман. В. §13.	Ман. С.
	Въ этомъ ману- скриптѣ даѣе не достаеѣ.	305 v ^o .	247 r ^o .
۱		عظیم است الابواب و	عظیم است به باب الابواب و برو
۲		جنانك	
۳		سبب بعضی غربیش بجبال گر حیستان	سبب بعضی اورا غربیش باجبال
۴		است کوه لکزی	است که کوه لکزی خوانند و
		آمده که لکزی	آمده که لکزی
۵			فراوان می باشند
		جنانك بهتاد	بهفتاد و چند زبان سخن کنند
		(опущ. سخن)	
		ودران کوه	ودران کوه
۶		ملبطیه رسد فالیعلا	ملاطیه رسد فالیعلا
۷		(опущ. و مصیصه)	و مصقلیه لکام خوانند

Стр.	Man. A.	Man. B.	Man. C.
		فاروقست	
۸		جمع دمشق	
		لبنان	لبنان
۹		ازربایجان پیوسته فتق	آذربایجان پیوسته فتق
۱۰		کیلان	کیلان
		کوه خوانند	کوه خوانند
		بوسط بومش	
۱۱		در اصل موزندران	در اصل موزندرون
		بوده	بود
۱۲		بدریا	بدیار
		سویح	سویج

514.

Въ манускриптѣ В даѣе не достаеѣ. Man. C fol 254 r°.

قالیقا

بولایت

آذربایجان و آران

ضم

بدریای جزر

برمجری

آبست زراعت

فرسنگ است و

Стр.	Ман. А.	Ман. В.	Ман. С.
			کوید که هر
۶			بوده باشد
			پشت زن عسر الولاده زن
۷			بشود
۸			(опущ. رشته)
			پیايش برسد
			خلاصی
۹			(опущ. و تفلس)

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

(ТЕРМОМЕТРЪ РЕОМЮРА ВЪ ТѢНИ).

ТАРХУ.

29 Юля.	{	8 час.	+	21° 8'	NO.	Легкія облака.
		12 час.	+	26° 5'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	27° 9'	Тоже.	Тоже.
		9 час.	+	21° 8'	Тихо.	Ясно.
30 Юля.	{	8 час.	+	26° 0'	NO.	Легкія облака.
		12 час.	+	26° 6'	Тихо.	Тоже.
		3 час.	+	25° 9'	Тоже.	Облачно.
		9 час.	+	20° 8'	Тоже.	Ясно.
31 Юля.	{	8 час.	+	20° 5'	NW.	Облачно.
		12 час.	+	22° 6'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	21° 8'	Тоже.	Тоже.
		9 час.	+	18° 9'	Тоже.	Тоже.

ДЕРБЕНТЪ.

4 Августа.	{	8 час.	+	20° 1'	OOS.	Ясно.
		12 час.	+	20° 2'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	20° 1'	Тоже.	Тоже.
		9 час.	+	18° 1'	Тихо.	Тоже.

5	Августа.	8 час.	+	18° 9'	ООЗ.	Легкія облака.
		12 час.	+	20° 9'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	20° 8'	Тоже.	Тоже.
6	Августа.	9 час.	+	17° 9'	Тоже.	Облачно.
		8 час.	+	17° 9'	Тоже.	Дождь.
		11 час.	+	18° 3'	Тоже.	Облачно.
7	Августа.	3 час.	+	20° 2'	Тоже.	Легкія облака.
		9 час.	+	17° 8'	Тоже.	Ясно.
		8 час.	+	20° 2'	Тоже.	Ясно.
8	Августа.	12 час.	+	20° 3'	NO.	Легкія облака.
		3 час.	+	20° 5'	Тоже.	Ясно.
		9 час.	+	18° 9'	Тоже.	Тоже.
9	Августа.	8 час.	+	19° 3'	Тоже.	Облачно.
		12 час.	+	19° 9'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	20° 5'	Тоже.	Тоже.
10	Августа.	9 час.	+	18° 6'	Тоже.	Тоже.
		8 час.	+	17° 6'	Тоже.	Дождь.
		12 час.	+	18° 9'	Тоже.	Легкія облака.
11	Августа.	3 час.	+	19° 2'	Тоже.	Облачно.
		9 час.	+	17° 3'	Тоже.	Легкія облака.

Бак.

17	Августа.	8 час.	+	20° 5'	NO.	Облачно.
		12 час.	+	21° 0'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	20° 6'	Тоже.	Тоже.
18	Августа.	9 час.	+	17° 4'	Тоже.	Легкія облака.
		8 час.	+	23° 0'	NO.	Легкія облака.
		12 час.	+	23° 8'	Тоже.	Тоже.
19	Августа.	3 час.	+	22° 9'	Тоже.	Тоже.
		9 час.	+	18° 5'	Тоже.	Ясно.
		8 час.	+	23° 9'	NNO.	Ясно.
20	Августа.	12 час.	+	24° 2'	Тоже.	Тоже.
		3 час.	+	21° 4'	Тоже.	Тоже.
		9 час.	+	17° 9'	N.	Тоже.

20 Августа.	8 час.	+	22° 0'	N.	Ясно.
	12 час.	+	22° 9'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	20° 8'	Тоже.	Тоже.
21 Августа.	9 час.	+	17° 2'	Тихо.	Тоже.
	8 час.	+	20° 7'	N.	Легкія облака.
	12 час.	+	22° 2'	Тихо.	Облачно.
22 Августа.	3 час.	+	21° 8'	Тоже.	Тоже.
	9 час.	+	17° 0'	Тоже.	Дождь.
	8 час.	+	20° 2'	N.	Ясно.
23 Августа.	12 час.	+	22° 0'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	19° 8'	Тоже.	Легкія облака.
	9 час.	+	16° 5'	Тоже.	Ясно.
24 Августа.	8 час.	+	22° 0'	NO.	Легкія облака.
	12 час.	+	21° 0'	Тоже.	Ясно.
	3 час.	+	19° 5'	O.	Тоже.
25 Августа.	9 час.	+	16° 0'	Тоже.	Тоже.
	8 час.	+	19° 2'	S.	Ясно.
	12 час.	+	20° 2'	Тоже.	Легкія облака.
26 Августа.	3 час.	+	18° 9'	Тоже.	Тоже.
	9 час.	+	16° 1'	Тоже.	Облачно.
	8 час.	+	18° 8'	NO.	Облачно.
27 Августа.	12 час.	+	20° 1'	SO.	Легкія облака.
	3 час.	+	19° 5'	Тоже.	Ясно.
	9 час.	+	16° 3'	Тоже.	Тоже.
28 Августа.	8 час.	+	20° 8'	SO.	Легкія облака.
	12 час.	+	21° 3'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	19° 9'	O.	Облачно.
29 Августа.	9 час.	+	16° 1'	NO.	Тоже.
	8 час.	+	20° 1'	NO.	Легкія облака.
	12 час.	+	20° 5'	NNO.	Тоже.
30 Августа.	3 час.	+	19° 2'	Тоже.	Тоже.
	9 час.	+	15° 9'	Тоже.	Ясно.
	8 час.	+	19° 8'	NNO.	Облачно.
31 Августа.	12 час.	+	20° 1'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	19° 5'	Тоже.	Легкія облака.
	9 час.	+	16° 0'	Тоже.	Ясно.

29 Августа.	8 час.	+	19° 9'	N.	Легкія облака.
	12 час.	+	20° 5'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	19° 3'	Тоже.	Тоже.
30 Августа.	9 час.	+	16° 4'	Тоже.	Ясно.
	8 час.	+	20° 5'	N.	Легкія облака.
	12 час.	+	21° 6'	Тоже.	Облачно.
31 Августа.	3 час.	+	19° 8'	Тоже.	Легкія облака.
	9 час.	+	16° 2'	Тоже.	Ясно.
	8 час.	+	20° 2'	SO.	Ясно.
1 Сентябр.	12 час.	+	21° 0'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	20° 6'	Тоже.	Тоже.
	9 час.	+	16° 8'	Тоже.	Тоже.
2 Сентябр.	8 час.	+	21° 9'	S.	Ясно.
	12 час.	+	22° 0'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	21° 2'	Тоже.	Тоже.
3 Сентябр.	9 час.	+	16° 0'	Тоже.	Тоже.
	8 час.	+	21° 6'	SO.	Ясно.
	12 час.	+	22° 0'	NO.	Тоже.
4 Сентябр.	3 час.	+	20° 3'	N.	Тоже.
	9 час.	+	16° 0'	Тоже.	Тоже.
	8 час.	+	15° 4'	N.	Дождь.
5 Сентябр.	12 час.	+	15° 8'	Тоже.	Тоже.
	3 час.	+	15° 3'	Тоже.	Облачно.
	9 час.	+	15° 0'	Тоже.	Тоже.

II.

ДОРОГА

ОТЪ ТАРХУ ДО АСТАРИНСКАГО ПОСТА.

Разстояніе между различными мѣстами не совсѣмъ одинаково въ моемъ журналѣ съ повѣйшими опредѣленіями, да и уваженія Кавказскаго календаря разныхъ годовъ не согласны: по-этому я привожу разстояніе по моему дневнику и по Кавказскому календарю на 1846 (2-е изд.) и 1849 года. Это необходимо, потому что разица довольно замѣтна въ частности.

Разстояніе въ верстахъ.

По моему дневнику. По Кавказскому календарю на 1849 годъ.
календарю на 1846 годъ.

ТАРХУ.

Буйнаки.

Буйнаки	40.		Урусъ-Бурагъ	15.
Каякентъ	30.	31.	Каякентъ	14.
Великентъ	25.	25½.		22½.
Дербентъ (не отмѣчено)		22.		26.
Дербентскій куларъ	24.	24.		24.
Ялама (Кубинскій куларъ)	19½.	18.		19½.
Хулатъ	21½.	18½.		18½.
Куби	22½.	19½.		19½.

Вельвели	20½.	20.	21.
Девичи	20½.	20½.	21½.
Кизиль-бурунъ	15½.	15½.	15½.
Хизр-зишдэ	15.	15.	15.
Калязы	22.	22.	22.
Сумгаитъ	27.	27.	27.
Баку	28½.	26.	28½.
Салъянъ (не отмѣчено)			
Джейранбергъ	31.	31.	31.
Гог-тепэ	39.	39.	38.
Кизиль-агачъ	18.	18.	17.
Ленкоранъ	37.	37.	37.
Астаринскій постъ (не отмѣчено) 33.			Шахъ Агачъ 17.
			Астаринскій постъ 16.

Прегоны берутся по почтовому тракту отъ Буйнакъ до Астаринскаго поста по 2 коп. сер. на лошадь.

III.

РАЗСТОЯНІЕ

ГОРОДОВЪ ДАГЕСТАНА И ЗАКАВКАЗЬЯ ОТЪ ОБЪИХЪ СТОЛИЦЪ И ТИФЛИСА.

(По Кавказскому календарю на 1849 годъ).

	Отъ Санктпетербурга.	Отъ Москвы.	Отъ Тифлиса.
Дербентъ	2770 $\frac{1}{4}$.	2092 $\frac{3}{4}$.	691 $\frac{3}{4}$.
Куба	2827 $\frac{3}{4}$.	2149 $\frac{3}{4}$.	610.
Баку	3004 $\frac{1}{2}$.	2327.	506 $\frac{1}{2}$. (По ошибкѣ
Салъянъ	3109 $\frac{3}{4}$.	2432 $\frac{1}{4}$.	521 $\frac{1}{2}$. показано
Ленкоранъ	3232 $\frac{3}{4}$.	2555 $\frac{1}{4}$.	644 $\frac{1}{2}$. 500 $\frac{1}{2}$).
Астаринскій постъ	3265 $\frac{3}{4}$.	2588 $\frac{1}{4}$.	677 $\frac{1}{2}$.

IV.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ГОРОДА ДЕРБЕНТА.

1842 годъ.

Народонаселеніе :

Мужескаго пола 5745 душъ.

Женскаго — 5963 —

Домовъ съ форштатомъ и деревнею Сабнова 1800.

Армянскихъ семействъ 40.

Жидовскихъ семействъ 60.

Мечетей, изъ которыхъ сборная 1, больш-
шихъ 9, 16.

Въ 1823 году считалось въ Дербентѣ

всего народонаселенія 10,294 душъ.

Въ томъ числѣ армянскихъ домовъ 40.

еврейскихъ — 89.

Каравансараевъ 3.

Бань 4.

Мельницъ мукомольныхъ 8.

Земли, принадлежащей городу 17,650 сажень.

Въ томъ числѣ подъ сѣнокосами 10,000 сажень.

подъ садами . . . 150. —

пахатной 750. —

Православная церковь 1.

Армянская — — 1.

Синагога 1.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ГОРОДА БЯКУ ЗА 1881 ГОДЪ.

	Полы.										Учебныя заведенія.		Занятые.		Церковъ.	Католическ. духовъ.	Метрост.	Дюймовъ.	Дюймовъ.	Городские доходы.																		
	Семействъ.										Русскія.	Метрост.	Изъ ремесла.	Въ учебномъ заведеніи.						Городские.																		
																				Борозды и члн семействъ.		Семействъ и члн семействъ.				Семействъ и члн семействъ.												
													Муж.	Жен.						Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Руб.	Коп.									
Городъ Бяку	113	37	35	33	8		82				2	2				10.00	23	150	13																			
Фармация	43	13	8	30			36				1	6	72	33	2	515		245	4	6.198	214																	
Всего	156	113	43	121	8		118				1	14	72	113	2	1565	23	394	17	6.194	314																	

1. Въ числѣ чиновниковъ служащихъ гражданскаго вѣдомства 44, неслужащихъ 13 (изъ Русскихъ 1, изъ туземцевъ 12).

2. Въ числѣ Духовенства Православной вѣры 2, Григоріанской 16, Мусульманской 138: и того 156.

3. Въ числѣ церквей Православной вѣры 1, Григоріанской 1.

4. Изъ числа лавокъ: торгующихъ хрещенымъ товаромъ 348, разными мелочами 147; ремесленныхъ 76, мастерскихъ 110, харчевень 12, цирюлень 11.

5. Трактирныхъ заведеній, фабрикъ, паводовъ и никакого деревяннаго строенія не находится.

6. Въ 1841 году учреждено 2 новыхъ квартала, устроено и поправлено 2 подпровода; построено суднопромышленниками мореходныхъ судовъ 2, небольшихъ лодокъ 4.—Ведро ширванскаго вина продавалось по 150 коп. сер. хлѣбной или фруктовъ водки по 250 коп. сер.—Продано лошадей съ частныхъ заводовъ въ Баку и уѣздѣ 600, рогатаго скота въ городъ на убой 225 штукъ, барановъ 5000, овецъ 1060, козъ 1000; телятъ и свиней не было въ продажѣ.—Шерсть бакинскихъ барановъ и овецъ немытая продавалась по 450 коп. асс. пулъ, мытой не было.—Домовъ каменныхъ выстроено 13; урожай былъ весьма хорошъ.—Преступленій было: покушеній на жизнь 3; кражи на 893 руб. 65 коп. сер. Вѣзлыхъ не было; пойманъ 1 дезертеръ.—Отпущено домой арестантовъ по наказанію 14, безъ наказанія 7; въ каторжную работу 2, въ посылную службу 8. Изъ батальона умерло 3, выдворено 5.

VI.

ТАБЛИЦА

НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ВЪ ГОРОДѢ БАКУ И ЕГО УБДѢ

въ Іюнь мѣсяцѣ 1842 года.

	Число жителей.	
	Муж.	Жен.
Въ городѣ Баку	2442.	2361.
Въ форштатѣ	638.	354.

Маштагинскаго участка.

1)	Маштаги	1718.	1901.
2)	Нардаранъ	501.	509.
3)	Бильги	302.	255.
4)	Бузовна	685.	590.
5)	Шаханъ	149.	136.
6)	Мардаханъ	152.	155.
7)	Зыря	147.	104.
8)	Каля	534.	497.
9)	Туркентъ	126.	176.
10)	Куркентъ	20.	15.
11)	Гоусавъ	236.	251.
12)	Романы	183.	140.
13)	Забрагъ	81.	70.
14)	Мухаммеды	158.	158.
15)	Дигъя	122.	151.
16)	Фатъмаи	371.	431.

		Число жителей.	
		Муж.	Жен.
17)	Горалиль	33.	46.
18)	Пиринага	197.	184.
19)	Курдаханэ	238.	250.

Бинагдинского участка.

20)	Кешиле	182.	168.
21)	Ахмедли	145.	135.
22)	Зыхъ	118.	83.
23)	Амирджанъ	404.	335.
24)	Бульбули	236.	222.
25)	Сабунчи	159.	140.
26)	Бинаглы	183.	189.
27)	Масазырь	94.	67.
28)	Новаханэ	606.	548.
29)	Джоратъ	216.	299.
30)	Саран	446.	462.
31)	Хурдаланъ	136.	132.
32)	Гокмали	162.	164.
33)	Гюзленъ	109.	130.
34)	Кобы	198.	205.
35)	Аджи-хасанъ	123.	126.
36)	Биладжары	246.	260.
37)	Кочевье перекешкульское	72.	69.
38)	Сураханэ	316.	309.
39)	Багаханэ	670.	649.

Итого . . 13,834. 13,646.

VII.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(1842 года) НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВЪ ТАЛЫЦЫНСКОМЪ УѢЗДѢ.

	Семействъ.	Душъ.
Беконъ потомственныхъ	287.	
личныхъ	3.	
Духовенства		285.
Сендовъ		263.
Магафовъ		531.
Аверовъ		154.
Мирзъ		26.
Крестьянъ казенныхъ		13675.
Малаканъ		568.
Субботниковъ		604.
Подвластныхъ бекамъ		6505.

VIII.

АЛФАВИТНЫЙ КАТАЛОГЪ

БИБЛИОТЕКИ ПОКОЙНАГО АББАСЪ-КУЛИ АГИ БАКИ-ХАНОВА,

НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ БАКУ.

Примѣч. Мнѣ не извѣстно, куда поступило это собраніе рукописей по смерти Аббасъ Кули Ханова: при жизни его Казанскій Унивѣрситетъ предлагалъ, по моему представленію, уступить нѣкоторыя рукописи, но Аббасъ Кули не согласился. Можетъ быть въ настоящее время и возможно приобрѣтеніе этой бібліотеки, и по-этому я прилагаю здѣсь для оріента-листовъ краткій каталогъ ея.

(۱۱) اصول الحكم	(۱) ابواب الجنان
(۱۲) اظهار و عوامل	(۲) اثبات واجب
(۱۳) الحدود والمحبات والمبين	(۳) اجازة نامه عثمانی
(۱۴) الرسالة في التوحيد	(۴) احوال شهر پاریز
(۱۵) الفیه ابن مالک	(۵) اخلاق علای
(۱۶) المتخذ من الهلکة	(۶) ارشاد الاذعان
(۱۷) امتحان الاذکیاء	(۷) ارشاد المترشدين
(۱۸) انواع رسالات در معارف	(۸) ازهار و انموذج وقواعد الاعراب
(۱۹) انیس العارفين	(۹) اسکندر نامه
(۲۰) انیس العشاق	(۱۰) اشعار متفرقة جناب قدسی

- (۲۱) ایساغوجی و ساچاقلی و غیره (۴۳) تذکره ارباب فنون
 و حاشیه میر ابو الفتح (۴۴) جلد اول { تفسیر امام فخر رازی
 (۲۲) بابا فغانی (۴۵) جلد ثانی {
 (۲۳) برهان (۴۶) تفسیر حسین الزوا عظمی
 (۴۷) تفسیر هندی
 (۲۴) تاریخ اکبر شاه (۴۸) تفسیر قاضی
 (۲۵) (جلدین) تاریخ راشد
 (۲۶) تاریخ واقدی (۴۹) تفسیر نشابوری
 (۲۷) تاریخ کزیده (۵۰) تفسیر حاشیه عم
 (۲۸) تاریخ عثمانی (۵۱) تفسیر جلالین
 (۲۹) جلد اول { تاریخ عالم آرای (۵۲) تفسیر کوچک فارس
 (۳۰) جلد دوم { عباسی (۵۳) تقویم عثمانی
 (۳۱) تاریخ ویسی (۵۴) تنبیه الغافلین شرح رساله
 (۳۲) تاریخ نادری مولانا علی توشچی
 (۳۳) تاریخ طبری ترکی (۵۵) تنقیح التواریخ
 (۳۴) تحفه الکبار (۵۶) توجیه بعضی از اشعار حافظ
 (۳۵) تحفه الهادی (۵۷) توضیح اللغات
 (۳۶) تحفه المومنین (۵۸) تهذیب اخلاق قدسی
 (۳۷) تحفه الاصحاب (۵۹) ثواب الاعمال
 (۳۸) تحفه ارتفاع (۶۰) جریده جدید
 (۳۹) ترجمه الشفا (۶۱) جناح الأرواح
 (۴۰) ترسل عثمانی (۶۲) جواهر الغرایب
 (۴۱) تذکره الملوك الشعراء (۶۳) جهة وحده معی الدین فنار غول
 (۴۲) تذکره دولت شاه احمد اساغوجی

- (۶۴) حاشیه خیالی سلم المنور مطلع (۸۵) خیالی انشای جامی
- علی ایساغوجی (۸۶) خیر آبادانی
- (۶۵) حاشیه میر شمس (۸۷) خیره الابرار
- (۶۶) حاشیه خطابی علی مختصر و شرح (۸۸) در بند نامه
- حکم العین (۸۹) دره الناج
- (۶۷) حاشیه غفور علی الجامی (۹۰) دور رساله در عقاید و نان و جلد
- (۶۸) حاشیه خطابی مع عبد الله یزدی (۹۱) دیوان قاسم انوار
- (۶۹) حاشیه شرح تجرید (۹۲) دیوان جامی
- (۷۰) حاشیه میرزا جان (۹۳) دیوان خواجه سلیمان الساجی
- (۷۱) حاشیه چقمین (۹۴) دیوان مجذوب
- (۷۲) حاشیه قدیم ملا جلال (۹۵) دیوان شاه لیلی مجنون نوابی
- (۷۳) حدیث قدس و تعلیم المتعلم (۹۶) دیوان صایب
- (۷۴) حدیقه السعدا (۹۷) دیوان نوابی
- (۷۵) حسنیه شرح حنیفی قرا باغی (۹۸) دیوان نابی
- (۷۶) حکمه العین (۹۹) دیوان عطار
- (۷۷) حل معاهد (۱۰۰) دیوان انوری
- (۷۸) حلیه المتقین (۱۰۱) دیوان مشتاق علی شاه
- (۷۹) حوض الحیات (۱۰۲) دیوان حافظ
- (۸۰) خرقة در طب (۱۰۳) دیوان باقی
- (۸۱) خریطه العجایب (۱۰۴) دیوان مخلص
- (۸۲) خلاصه الاخبار (۱۰۵) دیوان شمس مغربی
- (۸۳) خلاصه الحساب (۱۰۶) دیوان ظهیر فاریابی
- (۸۴) خمسہ نظامی (۱۰۷) دیوان نور علی شاه

- (۱۰۸) دیوان سنایی
 (۱۰۹) دیوان کلام خود مجنون
 (۱۱۰) ذخیره
 (۱۱۱) ذخیره خوارزم شاه
 (۱۱۲) ربع مجیب
 (۱۱۳) رسالات فی العروض
 (۱۱۴) رسالات در طب
 (۱۱۵) رساله در اعداد
 (۱۱۶) رساله محی الدین عرفی
 (۱۱۷) رساله سلطان محمود
 (۱۱۸) رساله مشفیه
 (۱۱۹) رساله منصور
 (۱۲۰) رساله اخلاق
 (۱۲۱) رساله طاعون
 (۱۲۲) رساله سرف
 (۱۲۳) رساله ذخیره
 (۱۲۴) روضه الاختیار
 (۱۲۵) جلد اول
 (۱۲۶) جلد دوم
 (۱۲۷) جلد چهارم روضه الصفا
 (۱۲۸) جلد پنجم
 (۱۲۹) جلد هفتم
 (۱۳۰) ریاض النفس قدسی
- (۱۳۱) زیج اولوغ بك
 (۱۳۲) زیل نابی
 (۱۳۳) سحبه الأبرار جامی
 (۱۳۴) سرگذشت میلورد انگلیسی
 (۱۳۵) سعد الدین
 (۱۳۶) سلکوتی شرح مطول
 (۱۳۷) سلسله الذهب
 (۱۳۸) سلسله نبی
 (۱۳۹) سلیم نامه آدابی
 (۱۴۰) سید و دو حاشیه دیگر بر شمسیه
 (۱۴۱) سی فصل
 (۱۴۲) شاه و کدا
 (۱۴۳) شرایع
 (۱۴۴) شرح اصول کافی
 (۱۴۵) شرح هذه اصول
 (۱۴۶) جلد اول
 (۱۴۷) جلد ثانی
 (۱۴۸) شرح قصیده البروة
 (۱۴۹) شرح جامی
 (۱۵۰) شرح خریطه العجايب
 (۱۵۱) شرح معما
 (۱۵۲) شرح ابی اکل و شرح مطلع و حاشیه
 قدیه الدوانی

- (۱۵۳) شرح مختصر منتهی (۱۷۴) شواهد النبوة
 (۱۵۴) شرح ضرب الاعظم (۱۷۵) صفات العاشقين
 (۱۵۵) شرح قصیده خامسیه امام زین (۱۷۶) طب ترکی
 العابدین (۱۷۷) طبقات
 (۱۵۶) شرح قاضی زاده رومی (۱۷۸) طب المجالس
 وبرجندی (۱۷۹) طریقه محمدیه
 (۱۵۷) شرح مطول (۱۸۰) طومار عثمانی
 (۱۵۸) شرح قصیده میمیه (۱۸۱) عجایب المخلوقات
 (۱۵۹) شرح عوامل مع انموزج (۱۸۲) عرفی
 (۱۶۰) شرح عقاید العضدیه (۱۸۳) عقاید نسفی
 (۱۶۱) شرح ایساغوجی (۱۷۴) عقاید نصاری
 (۱۶۲) شرح امثله (۱۸۵) علم خاص اسرار النساء
 (۱۶۳) شرح چقمین فارسی (۱۸۶) عین الحیوت
 (۱۶۴) شرح خلاصه الحساب (۱۸۷) فال نامه
 (۱۶۵) شرح هدايه (۱۸۸) فرح بعد از شدت
 (۱۶۶) شرح نفیسی (۱۸۹) فزهنگ سروری
 (۱۶۷) شرح اسباب (۱۹۰) فنون نفایسی
 (۱۶۸) شرح دیوان حافظ (۱۹۱) قاموس
 (۱۶۹) شرح اشکال اعداد (۱۹۲) قاموس باشرح
 (۱۷۰) شرح ایلک مثنوی (۱۹۳) قدسی طوسی
 (۱۷۱) شرح اربعین (۱۹۴) قصاید عربیه
 (۱۷۲) شمس الافاق (۱۹۵) قصاید نفعی
 (۱۷۳) شمس المعارف (۱۹۶) قصاید مشتاق علی شاه رساله مقیم

- (۱۹۷) قصاید نور علی شاه
 (۱۹۸) قصاید ابن حسام
 (۱۹۹) قصاید عربیه
 (۲۰۰) قول احمد فناری
 (۲۰۱) کتاب مطول
 (۲۰۲) کتاب حسن زیباری
 (۲۰۳) کتاب لاری وحاشیه آن
 (۲۰۴) کتاب خصبی
 (۲۰۵) کتاب طب
 (۲۰۶) کتاب منطق کوچک
 (۲۰۷) کشف الغرایب
 (۲۰۸) کشکول شیخ بهاء الدین
 (۲۰۹) کفایه منصوری
 (۲۱۰) کلیات سعدی
 (۲۱۱) کنز الاسرار
 (۲۱۲) کیمیای سعادت و منهاج السالکین (۲۳۲) مغنی البیت ابن حسام
 (۲۱۳) گلشن راز دیوان مغربی
 (۲۱۴) گلشن خلفا
 (۲۱۵) لسان الطیر نوابی
 (۲۱۶) لغات جفائی
 (۲۱۷) لواایح جامی
 (۲۱۸) مثنوی مولوی
 (۲۱۹) مجمع البحرین جلد ثانی
 (۲۲۰) مجمع التصرف
 (۲۲۱) مجموعه ابیات جناب امیرالمومنین
 (۲۲۲) مجموعه اشعار عرفا
 (۲۲۳) مجموعه بخط شیخ بهاء الدین و پندرش
 (۲۲۴) مجموعه رسالات شرح اسما و دیوان وجدی
 (۲۲۵) مجموعه نظم و نثر
 (۲۲۶) مجموعه در طب
 (۲۲۷) مختصر
 (۲۲۸) مرآت العوالم و طب ترکی منظومه
 و حدیث مایلی و خدایم و حدیث اربعین
 (۲۲۹) مراح
 (۲۳۰) مشکوه و مرآت
 (۲۳۱) معالم التنزیل جلد اول
 (۲۳۲) مغنی البیت ابن حسام
 (۲۳۳) مقاله اثنا عشر
 (۲۳۴) مقاله السابقه
 (۲۳۵) مقامات حریری
 (۲۳۶) مقامات حمدی
 (۲۳۷) منطق الطیر عطار
 (۲۳۸) من لا یحضر الفقیه
 (۲۳۹) موعظه عرفی

(۲۴۷) نصاب مرقاه الادب	(۲۴۰) میزان الحق نصاری
(۲۴۸) نفحات الانس	(۲۴۱) نبضیات نفسی و شرح اسباب
(۲۴۹) نهج البلاغه	(۲۴۲) نتائج
(۲۵۰) وافیہ	(۲۴۳) نتائج الفنون
(۲۵۱) جلد اول { و انتقولى	(۲۴۴) نزهة الارواح
(۲۵۲) جلد ثانی {	(۲۴۵) نسیم الرياض
(۲۵۳) یوسف وزلیجا احمدی	(۲۴۶) نصاب

Примѣч. Кромѣ этихъ сочиненій, хранившихся въ Баку, многія другія находились у Аббасъ Кули въ Кубѣ.

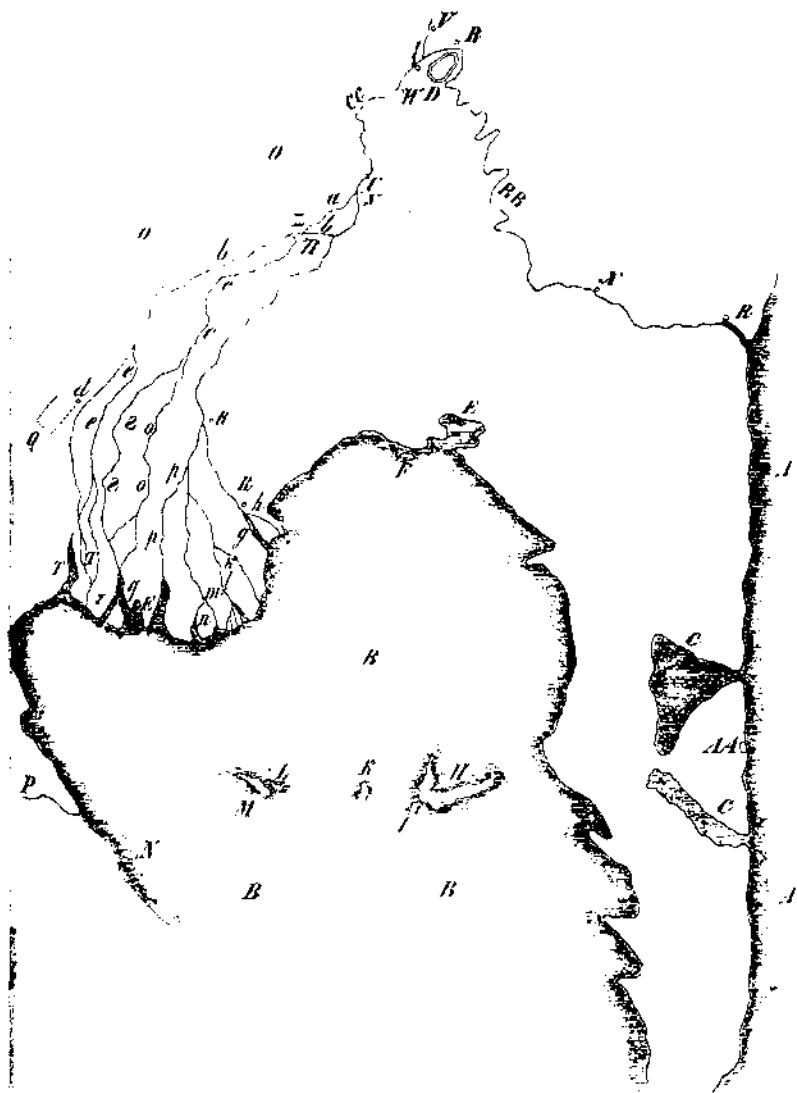
КАРТА

УСТЬЕВЪ КУРЫ И КИЗИЛЬ АГАЧ-
СКАГО ЗАЛИВА,

СОСТАВЛЕННАЯ

Лейтенантомъ Юрьевымъ
(45 флотскаго Экипажа)

29 - го Апрѣля 1824 года на компасъ
2° W склоненія.

IX.

ОБЪЯСНЕНИЕ

КЪ КАРТЪ САЛЪЯНСКИХЪ РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

- А. Каспійское море.
- В. Кизиль-агачскій заливъ.
- С. Неозначенные на картахъ заливы.
- Д. Салъянъ (мѣстечко).
- Е. Кулгукъ (одинъ на сѣверѣ Кизиль-агачскаго залива, другой при впаденіи Машангули).
- Г. Островъ Кетъ Матуна малый.
- Г. Островъ Кундурга.
- Н. Островъ большой Кулагинъ или Ажбулагъ.
- І. Островъ Дебора.
- К. Островъ Солонецъ или Озлагъ.
- І. Островъ малый Лопатинъ.
- М. Островъ большой Лопатинъ или Городочели съ ватагой.
- Н. Островъ Чавдыкъ съ ватагой.
- О. Мукавская степь.
- Р. Рѣчка Курдара.
- Q. Сухая канава.
- Р. Кавачій постъ.
- С. Рукавъ малый Артахоль.
- Т. Рукавъ и истокъ Ханъ Мухаммель.
- U. Забойки.
- V. Ватага Топракъ Каля.
- W. Ватага Арабатавъ.

- Х. Ватага Гарбисіаъ (нынѣ не существующая).
- У. Ватага Акуша.
- З. Ватага.
- АА. Новый промыселъ Благодатный.
- ВВ. С.—В. Кура.
- СС. Акуша или Южная Кура.
- а. Ешеджи (рукавъ).
- б. Рукавъ Армянка.
- с. Рукавъ Артахоль.
- д. Джейранъ-баргинскій постъ.
- е. Рукавъ Мирза Максютъ.
- ф. Военный постъ.
- г. Истокъ малый Хюсейвъ Али.
- н. Истокъ большой Хюсейвъ Али.
- к. Истокъ Мухаммедъ.
- і. Истокъ Бабели.
- ш. Истокъ Аллахъ-верди.
- п. Истокъ Шерифъ.
- о. Рукавъ большой Артахоль.
- р. Рукавъ Рамазанъ.
- Ѣ. Истокъ Машавгули.
- г. Истокъ Амирза.

Х.

УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стран.		Стран.
Абдульянъ	282 и 292.	Атель, Итель, Этель, Идель	6.
Агаджунъ	243.	Ахтамъ	40.
Агнача Серра	310.	Ахтуба	8.
Аджаибъ-Беури	28.	Баба-дагъ	204.
Аджи-Булакъ	207.	Баби-Зенанъ	309.
Акбилъ	179.	Баб-Эль-Аланъ	203.
Акуша	286.	Бадкубъ	217.
Акушинскій промы- сель	288 и 290.	Баку	217.
Албана	212.	Балыханъ	241 и 243.
Али Ханъ Каля	113.	Барука	212.
Алчиль	108.	Бахтемиръ	8.
Алыханлю	204.	Башмаковка	8.
Аляръ	323.	Бергуль	16.
Аму-Дерья	39.	Беш-Бармакъ	206.
Апперонъ	275.	Бильбили	244.
Арабатанъ	288 и 291.	Бинагиди	243.
Арчанъ	185.	Бирюль	8.
Арюсгунъ	243.	Благолѣтнѣй промы- сель	288 и 292.
Астара	333.	Божій промыселъ	287.
Астаришка	334.	Болда	8.
Ата-чай	205.	Бугамъ	113.

	Стран.		Стран.
Бузань	8.	Иванчугъ	8.
Буаонъ, Бузогна, Бузовна	269.	Иичке	113.
Буйнаки	109.	Кав-дагъ	179.
Бурная	62.	Казіусъ	109.
Буседана	333.	Каля-Эль-Аланъ	203.
Великентъ	114.	Каля	243.
Вельвели	201.	Калядана	333.
Волга	7.	Калязинъ	207.
Габиси	155.	Камызякъ	8.
Ганкъ	155.	Камышева	333.
Гемъ-Булаки	131.	Каныча	8.
Гетара	212.	Карабогазъ	44.
Гильгенъ	203.	Каракайтакъ	154 и 155.
Гогъ-тепэ	315.	Караколъ	8.
Гудуръ	167.	Каякентъ	113.
Гурганъ	17.	Кеджали-кади	134.
Гюмюшъ-тепеси	19.	Кешле	249.
Гургенъ	164.	Кизиль-агачъ	316.
Дагестанъ	187.	Кизиль-бурунъ	205.
Дагъ-бары	133.	Куба	175.
Девичи	203.	Кубинка	178.
Дегеръ-каляси	323.	Кугне-бияте, Бияте	228 и 274.
Дека	323.	Кудьялъ	178.
Дербахъ, Дервакъ	114.	Кудьялъ-каля	178.
Дербентъ	120.	Куланъ	18.
Джейранбергъ	315.	Кулгагъ	170.
Дявъ-каляси	323.	Кум-баши	316.
Драу	286.	Купакентъ	204.
Дубаръ	145.	Кура	286.
Дюбекъ	185.	Кусаръ	168.
Елама	167.	Кушанъ-дагъ	134.
Жилой островъ	235.	Кызы-каляси	225 и 323.
Зефуръ	167.	Кырларъ	135.
Зубовскій промыселъ	288 и 292.	Кюрда Ханъ	243.
Зыхъ	243.	Ленкоранка	320.

	Стран.		Стран.
Лепкоранъ	320.	Семендеръ	73.
Лиджили	134.	Соана	209.
Лопатинскій промы-		Сумгаитъ, Сугаитъ	209.
сель	288 и 291.	Сураханъ	242.
Манасъ	109.	Табасаранъ	181.
Маракуша	7.	Тальишъ	323.
Масазыръ	243.	Тарху	55.
Маштаги	267.	Татаулъ	113.
Менейманъ	288 и 292.	Терекеме	155.
Мердханъ, Мердзканъ, Мерда-		Тикъ	18.
ханъ, Мардакентъ	271.	Топранъ-каля	288 и 291.
Мукавъ	313.	Улзугай	113.
Мухаммеди, Мухаммеды	243.	Урджаминъ	155.
Мюра	155.	Урусъ-булагы	133.
Наргенъ	235.	Хаджи (озеро)	113.
Нарларанъ	275.	Хамейда, Хумейди	181.
Нарынъ-каля	127.	Хасанъ-Кули	20.
Новостанная	8.	Хизръ-зиндъ	205.
Огурчинскій островъ	45.	Хиналугъ	179.
Перетмапскій промы-		Холжа Хасанъ, Хаджи Хасанъ,	
сель	288 и 292.	Аджи Хасанъ	243 и 244.
Ра	5.	Худатъ	168.
Ракуша	9.	Хумре-Узснъ	113 и 155.
Рамагачъ	323.	Хурдаланъ	244.
Росъ	6.	Царева	8.
Рубасъ	181.	Ценга	258.
Рудбаръ	309.	Чалладана	333.
Сабанъ	233.	Челеганъ	19.
Салават-дагъ	179.	Чечень	30.
Сальянъ	310.	Чирагъ	184.
Самуръ	167.	Чирагъ-каля	204.
Сара	316.	Чулпанъ	8.
Святой островъ	235.	Шабранъ	203.
Сенгаджалъ	281.	Шаг-дагъ	179.
Сенганиль	282.	Шагри-Гуштасжи	285.

	Стран.		Стран.
Шагри-Юванъ	233.	Штагъ	183.
Шайтанка (гора)	206.	Шурханъ	155.
Шайтанка (рѣка)	333.	Эндагиръ	185.
Шаханъ	274.	Эмиржанъ	244.
Шевеланъ	274.	Юмудъ	18.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Должно читать.
8	29	Кароколь ...	Караколь
16	27	21'	35'
23	2—3	Эрастосоева	Эратосоева
26	8	экспедиции	экспедиция
27	34	барометрическимъ	барометрическимъ
30	15	третьемъ	третьихъ
33	2	ринулась	ринулись
41	15	Джан-Дерья	Джан-Дерья
43	3	Тзиръ	Тсиръ
103	23	были	была
107	9	праву!	праву!
154	24	Катайки и Каракатайки	Кайтаки и Каракайтаки
231	34	Истархи	Истахри
239	2	75,00	75,000
270	33	Танваромъ	Атанваромъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

9	24	بعض	بعض
10	1	فه	فيه
—	10	میخیزد	میخیزد
17	6	بجار	بجار
25	26	островъ	острововъ
29	13	Дорбечинъ	Дабречинъ
—	26	который	которой
30	1	земл	земля
32	3	شرین	شیرین
44	12	فقدیم	فی قدیم
78	3	یاجو ح و ما جوح	یا جوح و ما جوح

Стран.	стр.	Напечатано.	Должно читаться.
79	10	بئح	بئح
84	22	перериважъ	пелериважъ
85	15	Кырляра	Кырхляра
103	7	Табарасаны	Табасараны
105	17	صفیان	صفیان
—	—	وخشت	وخشت
—	18	شامراه	شاه راه
110	21	المياه	المياه
111	3	يضررم	يضررم
—	21	печей:	свѣточей:
112	2	امواج	ابراج
—	7	волнами этотъ городъ	башни этого города